

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

К. Ковалев-Случевский

ЖЗЛ

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Константиин
Ковалев-
Случевский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Лауреат
Патриаршей литературной премии
святых Кирилла и Мефодия

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2012

(1812)

Константин
Кобалев-Случевский

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

САНТА КЛАУС И РУССКИЙ БОГ
ХОЖЕНИЕ В ЖИТИЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 27-36
ББК 86.372-574
К 56

*Писано не считая времени и закончено на Николу Вешнего в лето
7527-е от Сотворения мира и 2019-е от Рождества Христова, в древних
Мирах Ликийских — Демре, портовом Бари, островной Венеции, солнечном
Римини, стольном граде Москве и Патриаршем сельце Переделкино.*

знак информационной **16+**
продукции

ISBN 978-5-235-04342-8

© Ковалев-Случевский К. П., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

От автора. Хождение в Житие

Образ Николая Чудотворца издавна установился не как образ одного из многих святых... как представителя человеческой святости.

О. Павел Флоренский

В древности на Руси посещение святых мест, в первую очередь — Святой Земли, или тех, что связаны с жизнью, деятельностью или с почиванием мощей великих духовных подвижников, а также далекие путешествия называли «хождениями». Например «Хождение в Иерусалим», «Хождение в Царьград» или «Хождение за три моря»... Действительно, путь в тысячи верст к важной цели — возможность побывать лично там, где все вокруг отмечено, например, памятью о святителе Николае Чудотворце, — преодолевался паломниками зачастую пешком, с опасными плаваниями по морям, в силу принятых духовных обетов или особых обстоятельств. То есть без суеты и спешки, с внутренним погружением в суть происходящего, или, как говорят, — с молитвой, постом и покаянием...

С XV века на Руси распространялось рукописное Проложное Житие святителя Николая, которое ныне среди специалистов называют «Хождением Николая». Вот его заголовок: «Слово иже во святых отца нашего Николы, о житии его и о хождении его и о погребении». Хождение и жизнь до самой кончины являлись главным наследием мудрых пастырей. Много ли «прохожено», видно, понятно, осознано и открыто? Сколь велик пример такого познания мира для других, ищущих и алчущих Истины?

Вот и автор данной книги, совершив в течение разных лет свои паломнические хождения по местам, связанным с памятью и земным обитанием святителя Николая (Миры Ликийские — Демре, Бари, Венеция, Римини, Византий—Константинополь—Стамбул и др.), решил предпринять также хождение и в само Житие святителя Николая. Без спешки, со старанием, с возможностью оглянуться вокруг, приметить скрытые духовные таинства, осознать красоту и

вселенскую значимость отмеченного ранее или заново открывшегося.

Автор приглашает к такому путешествию и читателей. Без мысленного хождения — чтение может превратиться в обычное восприятие текста в виде набора эпитетов или восторженных рассказов о чудесах и деяниях. Однако автору бы хотелось, чтобы читатель устремился к глубинам того, что было замечено, рассказано и воспроизведено в веках десятками агиографов, составителями различных житий святого, стремившихся с любовью донести до потомков смысл и красоту его духовного наследия и незримого подвига.

Два Николая — два разных святых

Надо сказать, что сегодня вокруг жития святителя Николая возникло много споров. Смысл их связан с тем, что существует несколько текстов разных времен, которые рассказывают о жизни и духовных подвигах разных святителей, названных одним именем — Николай. Наиболее известным из них, после самого Николая Чудотворца, епископа Мир Ликийских, жившего на рубеже III и IV столетий, является другой Николай, бывший епископом Пинарским (по городу в Ликийи); называли его также Сионским (по монастырю у Мир Ликийских, где он обитал). Этот Николай жил позднее — в VI веке от Рождества Христова. Спустя некоторое время жития их перепутались, переписчики стали включать фрагменты одного жизнеописания в другое, а читатели стали воспринимать их как одно целое.

Подробнее мы расскажем об этом феномене в нашей книге обязательно. Однако автор спешит уведомить читателя, что его главной целью как историка является полноценный и точный рассказ о жизни великого святителя. Вот почему, чтобы избежать несуразностей или кривотолков, освободиться от путаницы в фактах, именах и цифрах, для удобства повествования и понимания автор избрал следующий путь: в главном тексте книги воспроизводится, по возможности, полное жизнеописание святителя Николая, включающее почти все основные варианты старых житий возможных подвижников с именем Николай, связанных с Мирами Ликийскими! Потому что некоторые события могли произойти с обоими, и мы не можем этого не учитывать. Исключаются только те, которые явно не соответствуют времени, когда проживал наш «главный святитель». Таким

образом, мы получаем описание всего объемного спектра жизненных событий. И только потом, в отдельной главе разбираются возможные различия в деяниях и датировках. При таком изложении не нарушится единство повествования, нам не придется на каждой странице комментировать правдивость или неточность каких-либо выводов. И в итоге читателю легко будет прийти к пониманию — что было правдой и происходило на самом деле, а что было дописано или искажено авторами разных времен.

Отчасти еще и поэтому автор решил добавить такой необычный подзаголовок к данному историческому повествованию-расследованию — «Хожение в Житие». Если уж старое русское слово «хожение» означало паломничество, путешествие, то и в нашем хождении мы не обойдемся простым пересказом общепринятых сведений или чего-то общеизвестного. Придется читателю потрудиться, совершить, следуя за автором, путешествие во времени и пространстве, дабы перелистывая книгу истории, попасть в нужное время на нужную страницу. Автор же со своей стороны искренне и дружески предлагает предпринять попытку хождения в Житие Николая Чудотворца — святителя Мирликийского — вместе.

И еще о жанре. Автор в процессе работы над книгой заметил, что в текст сама по себе вводится личная составляющая, публицистический авторский взгляд. Такую публицистику не назовешь сугубо церковной или богословской, слишком светской или чисто научной. Ее можно определить как историческую реконструкцию, где автор пытается восстановить события, иногда — через свое личное восприятие. Публицистика с воскрешением исторических реалий. Можно называть этот жанр — историческим расследованием. Это попытка вместе с читателем отправиться в путешествие по столетиям (а в древности, как мы уже говорили, путешествия называли «хождениями»), по страницам древних житий. Попытка встретиться с людьми, которые стояли у истоков становления христианства в европейском мире и мировой цивилизации.

Когда мы говорим о житии святого Николая Чудотворца, то говорим о понятии «словесная икона». Не случайно. Православные всегда воспринимали Святителя-Угодника как великого духовного подвижника, одного из образцов благочестия, пастырства, чудотворства. Для автора в процессе работы подтвердились вновь еще несколько вещей.

Во-первых, что он Чудотворец. Некоторые чудеса слу-

чались и при жизни святого Николая, хотя большинство происходило уже после его кончины. Это важная тема в книге — благая память о человеке, как бы жизнь после смерти, когда именно житие определяет людское признание.

Во-вторых, он являлся также вселенски почитаемым святым, одним из самых важных в христианской традиции. Его всегда словно бы не хватает для полноценного существования мира. Невозможно даже помыслить о том, что такого подвижника не было бы вообще. Он был, он появился и совершал духовные подвиги в нужное время и в нужном месте исторического пути человечества. Его величие в святости — неоспоримо и неповторимо.

Это особый разговор, его можно развивать. Что автор и делает в данной книге.

Сколько имен у святителя

У святого Николая множество имен. Можно даже сказать — как ни у кого другого из сонма христианских святых. О чем речь? Читатель-христианин хорошо понимает — о чем. Приведем лишь некоторые из наиболее известных дополнительных имен-эпитетов, которыми верующие люди наградили святителя и подвижника:

Святой Николай
Николай Чудотворец
Николай Мирликийский
Никола Барийский
Святитель Николай
Никола Угодник
Никола Заступник
Никола Помощник
Никола Милостивый
Никола Ключ.

Добавим к этому списку «сезонные» имена святителя Николая, связанные с праздниками, погодой или чудесными событиями:

Никола Зимний
Никола Вешний
Никола Теплый
Никола Холодный

Никола Травный
Никола Морозный
Никола Мокрый.

Не забудем также многочисленные географические приставки к имени святителя Николая, которые употребляли на Руси, в особенности в истории иконописи, да и в современной России они не вышли из обихода. Например:

Никола Можайский
Никола Зарайский
Никола Радовицкий
Никола Дворицкий
и др.

Еще святитель Андрей Критский, выдающийся церковный поэт и проповедник, живший на рубеже VII—VIII столетий, в своем «Похвальном слове Святителю и Чудотворцу Николаю» пытался определить — как назвать епископа Мир Ликийских. «Как же назовем тебя? — писал он. — Земледельцем? Так! Сие имя, взятое в духовном значении, прилично тебе. Ибо ты, истребив во всей области Ликийской плевелы неверия, удобрил умные пажити, посеял на них живое слово благочестия и собрал в души, как в некие житницы, духовную жатву. Назовем ли тебя Архитектоном? Не погрешим. Ибо орудием слова своего ты разрушил идольские жертвенники эти гнездилища демонов, воздвиг Церкви Христу, устроил святые храмы в честь Мучеников и, как трудолюбивый земледелец, соделал плодородным новонасажденный виноград сей, а зодчеством духа, как мудрый Архитектор Церкви, утвердил оную на основании истинной Веры. — Назовем ли тебя Воином? Название будет справедливо. Ибо сражаясь с невидимыми силами, ты, как некий Военачальник, приял всеоружие духовное: “препоясал чресла свои истинною, облекся в броню праведности, и обул ноги в твердость Евангелия мира” (Еф.6:14—15). Отражая шлемом спасения нападения страстей, ты оставался твердым и неподвижным, подобно камню. Защищаясь щитом веры и непоколебимой надежды от стрел вражеских, ты поражал противников своими ударами, и разрушая все их коварства, мужественно ограждал от них паству свою. Мечем глагола Божия ты посек до корня ересь разделения Ариева... поразил одним ударом меча, умиловляя всемерно Бога всяческих. —

Назвать ли тебя Ангелом? Подлинно, ты малым чем не достигаешь безтелесности Ангельской, будучи безтелесным в теле, как бы человеком воздушным, или земным Ангелом для живущих на земле. Ибо явиться во сне Царю, устроить его, намеревавшегося в следующее утро совершить несправедливую казнь, удержать его руку, простертую на умерщвление, вразумить его бичем, не нанеся ран, и невинно осужденных мужей, внезапным предстательством исхитить от смерти — такие действия многим ли разнятся от Ангельского парения?.. — Назвать ли тебя Кормчим? И это будет справедливо. Поелику твое ходатайство пред Богом служит вместо кормила для плывущих по пространному морю жизни, а неусыпные молитвы твои, предлагая бурю и волнение в тишину, верно руководствуют ко берегу безстрастия прибегающих к тебе с верою. Не доказывает ли сего тот случай, когда ты в ясном сновидении открыл себя пловцам в виде морского путника».

И он же еще успел добавить: «Отец отцев, светильник Вселенной, твердыня Церкви, ограждение верных, скорый заступник обидимых»...

В западном восприятии святитель Николай в обиходе называется как Николай Барийский (Nicola di Bari), от итальянского города Бари, где хранится основная часть его мощей. Их перенесли из ликийского города Миры, о чем мы расскажем далее. Иногда кажется, что здесь словно забывают, что он был епископом Мир Ликийских. Хотя, как отмечает митрополит Иларион (Алфеев), при присутствии церковных иерархов из Русской Православной Церкви итальянцы произносят или пишут более точное и подробное имя святителя: San Nicola da Mira di Licìa a Bari (Святой Николай Мирликийский из Бари). В Императорской России часто по-русски писали и говорили Николай Барградский.

Там же, на Западе, в связи с Рождественскими и новогодними празднованиями, святитель Николай получил имя Санта Клаус (в простом переводе — святой Николай). По словам С. С. Аверинцева: «Николай Угодник, Николай Мирликийский, в христианских преданиях святой из разряда т. н. святителей (церковных иерархов), образ которого подвергся сильной фольклорной мифологизации, послужив соединительным звеном между дохристианскими персонификациями благодетельных сил и новейшей детской

рождественско-новогодней “мифологией” (Санта Клаус — искажение голландского Синте Клаас, Sinte Klaas, “святой Николай”; его модификации — англ. Father Christmas, “бабушка Рождество”, Дед Мороз)».

Но в Европе и Америке нынче вместо полного имени Санта Клаус употребляют еще более упрощенное — Санта. Вот типичная цитата из американского фильма на тему Рождества Христова: «К нам придет Санта и принесет подарки!» Поразительно, ведь «Санта» означает — «Святой». Таким образом, на Западе стали забывать само имя святителя Николая, отождествляя его просто — со всеми людьми, которых называют святыми. То есть если вы говорите «Санта», то, возможно, вы имеете в виду не обязательно святого Николая, а любого другого святого. А если вы имеете в виду Санта Клауса, то есть — святого Николая, то вовсе не обязательно об этом напоминать. И тут возникает вопрос — а почему не напоминать? Для нынешней светской и обмирщенной Европы это естественно — ведь по современной неклерикальной и толерантной европейской традиции считается, что не стоит лишний раз возбуждать ребенка религиозными рассказами или информацией, связанной с каким-либо вероисповеданием. Пусть лучше в сознании детей будет жить некий абстрактный герой из истории, древний добрый дедушка. Да, герой этот признан святым, но не важно — кто он!

Например, в современной России такое уже случилось в связи с именем святого Георгия Победоносца. На Государственном гербе Российской Федерации, в самом его центре, изображен (официальное описание) «серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона». Но у этого всадника нет нимба (признак святости) и нет имени! Вы спросите — почему? Ведь это также и герб Москвы, а на нем изображен как раз святой Георгий! Этот вопрос я бы перенаправил геральдистам, которые составили текстовое описание герба России, вошедшее в Федеральный конституционный закон «О Государственном гербе Российской Федерации». Каков будет ответ? Оставляю читателям возможность самим подумать о вариантах данного ответа...

Итак, перечислим главные варианты написания имени святителя Николая на разных языках в разных странах нашей планеты:

Австрийский вариант немецкого: *Sankt Nicolo*
 Албанский: *Shën Nikollië, Kolli, Koli* или *Kollit*
 Английский: *Saint Nicholas, Santa Claus*
 Баскский: *San Nikolas*
 Белорусский: *Мікалаі Цудатворац*
 Болгарский: *Свети Никола*
 Венгерский: *Szent Mikulás* или *Miklós*
 Греческий: *Agios Nikolaos* (ἅγιος Νικόλαος)
 Грузинский: *Tsminda Nikoloz'i*
 Датский: *Sint Nikolaas, Nicolaas* или *Sinterklaas*
 Испанский: *San Nicolás*
 Итальянский: *San Nicola, San Nicolò* или *Niccolò, Nicolo di Bari*
 Каталонский: *Sant Nicolau*
 Латинский: *Sanctus Nicolaus*
 Литовский: *Sveti Mikalojus*
 Люксембургский: *Klees'chen*
 Македонский: *Sveti Nikola*
 Мальтийский: *San Nikola*
 Немецкий: *Sankt Nikolaus, Niklaus, Nicolai*
 Нидерландский: *Sinterklaas*
 Норвежский: *Sankt Nikolai* или *Nikolaj*
 Польский: *Sweti Mikolaj* или *Swiety Mikolaj*
 Португальский: *São Nicolau*
 Румынский: *Sfântul Nicolae*
 Русский: Святой Николай, Николай Чудотворец, Никола Угодник
 Сербский: *Свети Никола*
 Словацкий: *Svätý Mikuláš*
 Словенский: *Sveti Miklavž*
 Турецкий: *Aya Nicola*
 Украинский: *Святий Миколай*
 Финский: *Saint Nicholas*
 Французский: *Saint Nicolas*
 Хорватский: *Sveti Nikola*
 Чешский: *Svatý Mikuláš*
 Шведский: *Sankt Nikolaus* или *Nikolai*
 Швейцарский вариант немецкого: *Samichlaus*
 Эстонский: *Püha Nikolai*

Множество имен святителя Николая в христианской истории поражает воображение. А ведь это — один человек! Как мог появиться образ святого, столь многозначительный для жителей разных концов земного шара, при этом —

понятный и близкий для разных культур?! Мы не найдем более такого определения имени у других святых, как, например, то, которое дал паломник и писатель граф Михаил Толстой в XIX столетии: «Великий Заступник Вселенной Николай»...

В истории России много известных людей носили имя Николай, в честь святого. Перечисление их здесь, да еще с краткими справками о жизни, заняло бы сотни страниц. Мы отметим лишь двоих. Это Российские императоры: Николай I Павлович и Николай II Александрович. Лишь два венчаных на царство в России руководителя государства носили это имя. Один совершил много важных дел для страны и вошел в историю как настоящий устроитель. Другой вошел в сонм русских святых, став царственным страстотерпцем.

Будущий государь Николай I появился на свет 25 июня 1796 года в Царском Селе, недалеко от Санкт-Петербурга. Он стал последним внуком Екатерины Великой, который родился еще при ее жизни. Когда прошли роды, Екатерина прибыла к младенцу, а ее духовник, протоиерей Савва Исаев, тут же совершил молитву над новорожденным. Назвали затем будущего правителя России Николаем, в честь святителя Николая Мирликийского. То было исключение из правил. В Доме Романовых, да и при династии Рюриковичей, на Руси таким именем никого еще не называли.

Его потомок — Николай Александрович Романов — родился 6 (19) мая 1868 года, в день памяти святого Иова Многострадального. В святцах отмечено, что Иов был «непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла». Даже если отметить, что жизненный путь императора России вполне соответствовал этому перечню, то святой Иов не стал его тезоименным покровителем. В память о наследнике престола — скончавшемся в 22 года брате Александра III, великом князе Николае Александровиче, — он был назван Николаем. Хотя небесным покровителем ему был избран Николай Чудотворец, архиепископ Мирликийский. Парадоксально, но известно то, что в юности с ним произошло событие, подобное случаю с его дедом Александром II. И тому и другому явился во время грозы огненный шар, когда они находились в церкви. Этот шар медленно летел по храму и остановился над головой наследника престола. Он помнил этот случай с дедом, так как был его свидетелем много лет назад...

Небесное покровительство святителя Николая — особая тема, и мы постараемся раскрыть ее во всей полноте в данной книге.

Итак, святитель Николай Мирликийский почитался и почитается в России как особенный святой, как национальное достояние, покровитель живущих в стране подданных или граждан. Особенно близок он был крестьянскому сословию. А «крестьянин» по сути слова и в буквальном смысле и есть «христианин». Так как сословий в России уже давно нет, можно сказать, что святой чтим народом в самом широком проявлении этого понятия.

Смысл имени Николай, как известно, в переводе звучит так: «Победитель народов». Можно сказать, что народ, которого святитель победил окончательно и бесповоротно, во всей глубине охвата и духовного проникновения, в любви и вспомоществовании — это русский народ. Священник Павел Флоренский так писал об этом феномене: «Образ всякого святого выражает идею человеческого подвига, умную сосредоточенность, духовное усилие... Для русского сознания типом святого был всегда Николай-чудотворец, в нем именно, а не в ком-то другом народ видел наиболее характерное осуществление церковного блюстителя страны... Образ Николая-чудотворца издавна установился не как одного из многих святых, но как тип святого, как представителя человеческой святости».

Святитель Николай Чудотворец почитается в Православной, Католической, Англиканской, Лютеранской и древневосточных церквях. Он тот, без кого ныне невозможно осознать сущность европейской цивилизации, раскинувшей свои ветви на разные континенты планеты Земля.

Автор призывает читателя постараться принять содержание этой книги со вниманием и открытой душой. Ибо в процессе работы над изданием он старался, чтобы всё было достоверно. В данной книге автор совмещает правду и недоказанные предания, реалии и легенды, исторические факты и эмоциональные предположения. Данный труд не может быть полностью или сугубо научным. Он имеет некоторое право быть на грани желаемого и действительного. В этом не очень удобном состоянии мы сможем посмотреть на события с неожиданного ракурса, увидеть то, что не раскрыть только лишь прагматичному уму или экзальтированному воображению.

Будем более терпимыми к источникам. Это не значит, что мы не должны отделять точность изложения от вымышленного повествования. Мы можем попробовать сделать так, чтобы зерно разума попало на почву духовного творчества, и тогда, возможно, мы увидим в результате плод, который может удивить даже бывалого селекционера из исторической науки или мудрого прозорливца из духовной практики.

Возможно ли такое? А мы попробуем. С Божией помощью, с верой и надеждой на стяжание Духа, который, как известно, «ищет где хочет и не известно — откуда приходит и куда уходит». Положимся на него и на покровительство самого святителя Николая, которое приведет нас после замысловатых тропинок к верной дороге, к той, что соотносится с великой триадой — Путь, Истина и Жизнь. Именно этому учит нас Церковь, и об этом говорит нам наследие Святого Угодника, Заступника и Чудотворца.

Глава 1
ДЕТСТВО В ПАТАРЕ

Привычные истории о рождении и воспитании мальчика в семье начала новой эры от Рождества Христова в нашем случае вряд ли возможны. Источники почти не донесли до нас сведений о семье будущего святого Николая. Да и вообще не так уж и много известно о его жизни. Тексты, которые могли быть приписаны самому святому, утеряны. Известно также, что о нем не упоминает ни один современный ему летописец или автор хроник. Мы имеем самые ранние доказанные упоминания о святителе Николае, относящиеся к VI веку, спустя два столетия после его кончины, когда уже происходило официальное его почитание. Хотя ученые уже почти подвинули эту временную планку к середине IV столетия.

Вот почему для реконструкции событий мы вынуждены воспользоваться как поздними историческими документами, так и полуполюгендарными или житийными рассказами также поздних авторов. Церковное Предание здесь играет немаловажную роль. Нам явно не хватает сегодня объема научно обоснованных данных о его жизни и, в частности, о его детстве. Например, Большая российская энциклопедия весьма лапидарна: «Согласно житию, написанному Михаилом Архимандритом, Николай Мирликийский родился в христианской семье, был единственным ребенком. Получил хорошее образование. После смерти родителей занимался в Патарах делами благотворительности...» И это всё!

Мы же не спеша и постепенно расскажем о многом из того, что известно ныне о предполагаемой дате рождения святого, о месте появления его на свет, о его происхождении и родителях.

Споры о датах рождения

*Каждое Рождество Святитель Николай
на землю ходит, — начал свой «сказ» сибирский странник.*

Православная Русь, 1954 г.

Свято-Троицкий монастырь, Джорданвилль, США

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Мать, родивши этого своего первого и последнего благородного отпрыска, дала, однако, вместе с мужем обильный плод духу... сокровищницу добродетелей, я разумею пречудного того Николая».*

Поразительным является факт, связанный с повседневной жизнью Православной Церкви, которая традиционно отмечает праздник — Рождество святителя Николая. Следует заметить, что такое церковное и масштабное Рождественское торжество, связанное с именем реального деятеля европейской истории, — настоящая редкость, оно уникально. Принято отмечать важнейшие праздники Церкви — Рождество Христово и Рождество Пресвятой Богородицы. К ним можно добавить Рождество Иоанна Крестителя, и понятно почему. Имена эти связаны с главными событиями в истории Мироздания, они являются ключевыми в Евангельских событиях, в Священном Писании, торжества вокруг этих имен имеют Вселенский масштаб. Но не отмечаются в таком масштабе Рождественские события, связанные с многочисленными именами святых. Как правило, празднования памяти святых связаны с их канонизацией, кончиной, обретением или перенесением мощей. Но специально отмечаемое Рождество, где родители отрока сравниваются с родителями Богородицы! Это исключение из правил!

Однако на Руси издревле был такой праздник, и отмечался он весьма широко. Он связан с датой — 11 августа (по новому стилю). Так и назывался: Рождество святителя Николая Чудотворца! Появилось празднование в русском православном календаре неожиданно, неизвестно откуда и по какой причине. Однако оно есть! Таким образом, датой рождения отрока Николая (если он имел такое же имя при рождении) является 29 июля (по старому стилю). Дата эта

* Здесь и далее перевод из Метафраста С. Поляковой.

хотя и требует научных доказательств, но все же общепризнана в русском православном мире.

Сейчас уже невозможно определить — пришел ли данный праздник из Византии. Наверное, вряд ли, ибо в Поместных Православных Церквях его не отмечают. На Руси же празднование можно заметить в источниках еще с XII века. Известно, что в Новгороде Великом был возведен монастырь, посвященный Рождеству святителя Николая. Этому празднику была составлена служба, одна из них исправлена во времена Патриарха Никона в 1657 году. По этой причине сохранилась и так называемая старообрядческая версия данной службы — «дониконовская».

В годы правления Екатерины Великой общее церковное празднование Рождества святителя Николая было неожиданно упразднено. Возможно, причиной этому стало отсутствие праздника в месяцесловах других православных Церквей. Из-за этого торжество за несколько столетий просто забыли. Однако в наше время оно было возрождено. Сделано это было по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в 2004 году. Вернулись в обиход тропарь и кондак в честь праздника Рождества святителя Николая, которые в литургической жизни Церкви существовали издревле.

В текстах богослужения на день празднования Рождества святителя Николая мы читаем: «Чудное и славное рождество твое, святителю Николае, Церковь православных днесь светло празднует...»; «Торжествуйте вси земнороднии, ликовствуйте духовно вси празднующи, в преславное рождество святителя Христова и чудотворца Николы, молящася Христу Богу непрестанно за душа наша»; «Приидите вси добрии святителие убо цари же и князи и сановницы и вси людие, мужи еже и жены, юноша и девы и всяк возраст и всяко достойние согласно воспоем, всечестное и преславное рождество Николы всеблаженного...»

Неизъяснимая вселенская масштабность празднования рождения праведника уже отмечена исследователями. Эта вселенскость, даже если идет речь о таком почитаемом святом, как Николай Чудотворец, вызывает у некоторых недоумение. Более того, кто-то даже заметил, что в песнопениях в честь святого заметны явные параллели с прославлением Божией Матери. А именно в стихире праздника поется: «Днесь благоплодная Нона раждает отроча богоизбранное в Жилище всех Царя и Зиждителя Христа Бога...» Но мы видим в службе Рождества Богородицы: «Днесь неплодная

Анна рождает Боготроковицу, от всех родов избранную в Жилище всех Царя и Зиждителя Христа Бога...» Или еще, из последования святителю Николаю: «Сей день веселия, радуйтесь, людие...» Но так же мы находим в песнопениях в службе Рождеству Богородицы. Получается, что «Жилищем всех Царя и Зиждителя» именуется как Богородица, так и святой Николай. Как сопоставить величие Рождества Матери Божией и лишь одного из праведников? Неужели это случайно, а не определено как важная закономерность?

Во всяком случае, благодаря текстам богослужения рождение младенца, нареченного затем Николаем, стало для православных всемирным торжеством. Старообрядческое богослужение на Рождество святителя Николая не менее красочно демонстрирует важность события. «Кими похвальными венцы увязем святителя священству венца, благочестию управление, церкви светлое украшение, источника божественных исцелений неисчерпаемого, пролитие дарований духовных, реку многих чудес вселенную веселяща течением, Николу добраго предстателя нашего и хранителя. Кими смиренными устнами воспоем святителя дивнаго в чудесах и бесплотным сожителя, освященного от пелен столпа церкви неподвижимаго, веселие земли нашей, правде правителя, сиротам питателя, обидимым заступника, больным врача безмездна. Кими духовными песнями восхвалим святителя, печальным утешителя, отчаянным упование, ненадеющимся надежда, побеждаемым всем тепла заступника Божественнаго Николу воспевающее, похвалу всем земнородным и всего священства украшение, реку милости воистинну Божественнаго Христова смирения ревнителя. Приидете верных собори псаломски восплещем руками и восхвалим святителя Христова и чудотворца Николу, подающаго миру велию милость».

Масштабность и всемирность празднования Рождества святителя Николая здесь очевидны. Более того, мы находим в старообрядческом богослужении поразительный и отчасти чудесный текст о том, что святой Николай не стал святителем по истечении времени после рождения, а уже рождался таковым. Читаем: «Святителю отче Николае, ты еще во утробе матери святительства прозвание приим, нареченное от Бога, ты из млада Христа возлюбил еси прием от Бога паству словесных овец, добре пасящи церковь Божию. Тем ныне празднуем всечестное твое рождество, радуися Христа величаем».

Также и все главные будущие духовные достижения и

деяния святителя в службе отражены не менее ярко: «Придите вси празднлюбцы, честное рождество святителя Божия Николы, восхвалимо вопиюще к нему и глаголюще: дар от Бога приял еси, святитель Божий Николае всех христиан недуги исцеляти от бед избавляти, и грехи отпущати от пленения спасати, от горкия смерти избавляти и от всякия нужда и печали. Но и нас не презри святителю Христов Николае, веси бо иже требует здравия телесем и душам спасения, тем убо сердечнее, и ныне к тебе припадающе вседушевно кланяющесе телесне молящися умильно, помяни убо и нас во святых своих молитвах ко Господу, да не погибнем за умножение грех наших покрый нас от всякаго зла и лютых напастей на тя бо уповаем и твоего всечестнаго рождества праздник чтущи Тя ублажаем».

Надо сказать, что церковный день празднования Рождества святителя Николая не всегда выпадал на 11 августа по новому стилю. По полному Месяцеслову Востока (см. труд архиепископа Сергия (Спасского)) хоть и указывается этот день 29 июля по старому стилю, но в других различных источниках может праздноваться 20 мая, а также — 23 и 24 августа. Что это, ошибка? Или же в этом заметен след устанавливающейся столетиями традиции? Скорее — последнее... Здесь надо напомнить, что самый первый месяцеслов, который содержал информацию о праздновании Рождества святителя Николая, относится лишь к XII—XIII векам.

И еще. Следует перечислить все праздники, связанные с памятью о Николае Чудотворце. О них не каждый читатель хорошо осведомлен. Итак, к дням памяти святителя церковный календарь относит следующие.

Во-первых, два главных: 6/19 декабря, когда вспоминается блаженное усупение святого Николая, и 9/22 мая — перенесение его мощей в город Бари из Мир Ликийских.

Во-вторых, день 9/22 мая также празднуется как перенесение Зарайского образа святителя Николая из Корсуни в рязанские земли.

В-третьих, 24 мая/7 июня, когда отмечается храмовое торжество в честь явления иконы святителя Николая под Вяткой в селе Великорецком (Великорецкая икона).

Кроме того, православные торжественно вспоминают святителя Николая в день Собора Святых Отцов Первого Вселенского Собора, ведь он был его участником. Да еще

мы вспоминаем святителя в Сонме Святых Отцов Семи Вселенских соборов.

Существуют и местные праздники, например в честь Можайской иконы Николая Чудотворца.

И, наконец, мы возвращаемся ко дню 29 июля /11 августа. Это не простая дата еще и потому, что издревле тогда отмечалось принесение образа Николы Великорецкого в столицу — Москву. Да, кроме того, в русских Прологах с 1662 года в этот день — 29 июля (по старому стилю) — полагалось чтение Повести о принесении на Русь Можайского образа святителя Николая. То есть данный день всегда был еще более необычен и многогранен.

Именно на него и выпало празднование Рождества святителя Николая. И мы пока оставим эту дату без изменений, дабы продолжить наше повествование.

Итак, день и месяц рождения святого Николая, хотя и предположительные, мы пока определили. Что же насчет места и года рождения?

На сайтах, посвященных календарям и датам, опубликованных в интернете (предлагаю читателю самому воспользоваться поисковыми системами), иногда пишут просто: «Николай Чудотворец родился в 258 году в городе Патаре, недалеко от Ликии» (что значит «недалеко» — не ясно, ибо город Патара находился в центре Ликии как особенного государства-провинции). Встречаются и другие указания: 260 год или годы 270 и 280. Иногда появляется даже «точная дата» — 15 марта 270 года. Так утверждают некоторые католические справочники, например «Книга о святых» (Book of Martyrs. New York: Catholic Book Publishing Corp., 1948). Но не все западные авторы следуют такому утверждению. К примеру, американский писатель Джереми Сил в своей книге о святителе Николае, рассуждая о том, что дата его рождения и кончины — предмет дискуссии, замечает: «Память о святых, в отличие от обычных смертных, хранится благодаря торжествам, им посвященным. Обычно отмечается дата их смерти, а не рождения».

В древних Житиях святителя Николая — Михаила Архимандрита и Патриарха Мефодия — нет указаний на дату рождения. Нет такого указания и в Житии, созданном Симеоном Метафрастом. Однако составитель биографической книги о святом Николае М. Н. Гаврилов (выпущена издательством «Жизнь с Богом» в Брюсселе в 1987 году),

ссылаясь на Житие от Патриарха Мефодия, пишет, что «Св. Николай родился около 270 года...».

Приведем еще одну (из многих) ссылку на какой-то «древний источник»: «По сведениям его Жития, он родился около 260 г.». Это цитата из вполне компетентной и серьезной статьи «Образ святителя Николая Чудотворца» А. А. Рыбакова (каталог выставки в Вологде 2004 года). Однако нам очень интересно было бы знать — по сведениям какого из Житий?

Древние европейские исследователи были более осторожны. Прославленный нормандский поэт XII века Вас (Wace) в своем труде «Жизнь Св. Николая» писал: «Единственный сын богатых родителей, он, как говорят, родился в Патаре в конце III — начале IV века, в провинции Ликия, в юго-западной Анатолии». А ведь поэт по времени был намного ближе к событиям, нежели мы, жители третьего тысячелетия!

Увы, но в самых древних текстах мы не находим указаний на дату рождения святителя Николая. При этом некоторыми современными исследователями, например, авторами нового Жития Чудотворца А. В. Бугаевским и архимандритом Владимиром (Зориным), берется за основу такой способ исчисления даты этого рождения: «Поскольку святой скончался в 335 г. и прожил 70—80 лет, период времени, к которому можно надежно отнести год рождения святителя Николая, заключен между 255 и 265 гг., причем наиболее вероятной является дата около 260 г.». Такое утверждение имеет право на существование. Однако внимательно прочитав его, нам первоначально остается удивляться — почему святитель Николай прожил более семидесяти лет и почему «наиболее вероятной является дата около 260 г.»?

Это не значит, что исследователи определили возраст жизни святителя Николая в 70—80 лет произвольно. У них был источник или, точнее сказать, — катализатор для принятия такого решения. А именно — опубликованные итоги изучения мощей святого, которые изложил профессор Луиджи Мартино (подробнее о нем и его трудах — см. в отдельной главе). Именно этот ученый предположил на основе анализа мощей, что Николай Чудотворец, возможно, скончался в возрасте семидесяти или восьмидесяти лет. На тот момент считалось, что ушел из жизни архиепископ Мир Ликийских в 345 году. Так, путем простого математического вычисления (345 минус 75) появился год рождения,

ныне упоминаемый всюду, включая популярную Википедию на всех языках. Это 270 год (как правило, пишется «около 270 года»).

Но исследователи А. В. Бугаевский и архимандрит Владимир (Зорин) сделали другую поправку в дате рождения. Она, по их мнению, связана напрямую с датой его ухода из жизни (в главе данной книги, рассказывающей о кончине святителя Николая, мы вернемся к вариантам определения этой даты подробнее).

Ранее широко распространяемая дата кончины святителя — 345 год — не была аргументированна, она также просто публиковалась в церковных календарях. Хотя в англоязычной литературе часто без серьезных ссылок на источники указывается «точная» дата кончины — 6 декабря 343 года (или даже 342 года). Однако итальянский профессор восточного богословия, о. Джерардо Чоффари (Gerardo Gioffari) не так давно аргументированно высказал предположение, что Николай Мирликийский скончался в 334—335-м, а не в 345 году, то есть на 10—11 лет раньше. Главный аргумент — отсутствие упоминания Афанасием Великим святителя Николая в списке епископов, которые боролись с лжеучением Ария с 335 года. Действительно, не упомянуть в это время того, кто был одним из самых ярких противников Ария, было бы странным. И поэтому можно сделать вывод (а его и делает профессор Чоффари), что Николай Мирликийский уже ушел из жизни, то есть скончался либо в 334-м, либо в 335 году (сам Арий скончался в 336 году).

Вот почему исследователи А. В. Бугаевский и архимандрит Владимир (Зорин) в связи с новыми данными о дате кончины предположили изменить и дату рождения святителя Николая. Если жил он более семидесяти лет, то с помощью той же простой арифметики считаем: 335 минус 70—80 равняется 255—265. Похожий диапазон дат рождения дал профессор Луиджи Мартино: «Он родился в Патаре, в Ликии, в Южной Анатолии, предположительно, между 250 и 260 годами от Рождества Христова». Правда, аргументов для этого ученый не привел.

В пользу даты «335 год» можно добавить расчет, связанный с событиями, изложенными в древнем документе «Деяние о стратилатах» (о нем подробно в других главах книги). Там мы узнаем, что епископ Мир Ликийских благословил воинов (стратилатов) и предрек им победу в сражении, что и произошло. Победив, они вернулись поблагодарить святителя. Это была их вторая встреча. Но не последняя. За-

тем они возвращались к епископу Николаю еще раз, также поблагодарить за другую духовную помощь и свершенное им чудо. А чуть позднее они в четвертый раз отправились к святителю, но уже не застали его живым.

Все три военачальника — реальные исторические личности. После побед двое из них стали консулами Рима. Имя одного — Непотиан (Virius Nepotianus, иногда его называют Вирий Непоциан). Он получил консульский титул в 336 году. Посылал его к святителю из Константинополя сам римский император Константин I. Позже мая 337 года император бы не смог этого сделать — он скончался. Да и если стратилаты застали святителя уже почившим, то они вроде бы могли это сделать не позднее 335 года, когда Непотиан еще не был консулом. Это, возможно, и подтверждает факт того, что святитель жил, скорее всего, до 335 года, когда и скончался.

Итак, мы могли бы принять во внимание мнение антрополога Луиджи Мартино и новую датировку кончины святителя Николая. То есть формула «335 минус 70—80 равно 255—265» похожа на верную. И она удачно подстраивается под другой старый аргумент в пользу неверности даты кончины — 345 год. Ранее происходил такой странный расчет. Часто указываемая дата рождения — 280 год — никак не вписывалась в эту схему. Потому что при чтении Житий святого Николая мы узнаем, что он стал епископом Мир Ликийских еще до Диоклетианова гонения. А гонения эти начались около 303 года (подробнее об этом в дальнейших главах книги). При дате кончины в 345 году ему в момент рукоположения в епископы должно было быть чуть ли не 20—30 лет. Что, как было замечено, маловероятно. То есть по этой версии святитель не только скончался ранее 345 года, но и родился — ранее 280-го.

Однако для этих утверждений можно привести контраргументы. Например, следующие: в Житиях Николай Чудотворец упоминается как весьма молодой человек, когда его рукополагали в священники. Симеон Метафраст в Житии пишет: «и потому, что нрав у него и до того, как он стал стар, был спокойный и рассудительный, его хотят удостоить пресвитерского сана...», «а этот архиерей Мир, достойный божественного духа, видя, что душа юноши цветет добродетелями, предрек грядущее преизобилие у него благодати», «когда же упомянутый дядя его — тоже Николай — увидел, что отрок стяжал столь великую добродетель, он поручает ему попечение о храме Божиим»...

«До того, как он стал стар», «юноша», «отрок». Разве не ощущается здесь подчеркивание раннего духовного созревания и мудрости не по годам? Поразительно, но в Житиях вряд ли найдется упоминание о возрасте святителя Николая, точнее — о его старости или многолетию. Скорее наоборот — он всегда энергичен, скор на добрые поступки и чудеса, полон заботы и понимания окружающей его паствы.

А вот что мы читаем в тексте Жития у Метафраста, когда рассказывается о поставлении его епископом Мир Ликийских: «Муж берет его за руку и тотчас спрашивает: “Как тебя, дитя, звать?” Святый уважительно и просто отвечает: “Я грешный Николай, владыка, раб твоей святости”...»; «почтя встречу с Николаем счастьем, говорит ему: “Следуй за мной, дитя”, и приводит к епископам». Да и святитель Дмитрий Ростовский в своем Житии называет в этот момент изложения Николая Чудотворца — «чадо» (фактически — «дитя»).

Разве это не говорит о возрасте нового епископа Мир? Если бы ему было далеко за сорок или пятьдесят, то вряд ли бы его называли «дитя». Можно, конечно, считать, что так в обиходе говорят — «дитя Церкви». Но не всегда это можно приложить к стоящему перед престолом новому епископу...

«Епископом он стал, по-видимому, около 300-го года, будучи, приблизительно, тридцати лет от роду...» — пишет упомянутый нами М. Н. Гаврилов в книге о святителе. Большая российская энциклопедия, ссылаясь на Житие святителя Николая, написанное Михаилом Архимандритом, делает прелюбопытное замечание о том, что он «получил хорошее образование... Благодаря чудесному знамению, собор ликийских епископов поставил его в епископы г. Миря напрямую из мирянина, что соответствовало реалиям IV в.». То есть он мог быть совсем молодым человеком, при этом будучи рукоположен в архиерейский сан.

Историк В. О. Ключевский в своем труде «Древнерусские жития святых как исторический источник» в качестве приложения опубликовал «Слово иже во святых отца нашего Николы, о житьи его и о хождении его и о погребении». Текст его для наших рассуждений — весьма интересен. Мы видим, что духовная зрелость и пастырский дар открылись для святителя еще в четырнадцатилетнем возрасте. А еще через три года уже пошел слух о совершаемых им чудесах. «И св. Никола, — читаем мы в Житии, — *измлада оставил славу и богатство сего суетного света* и желая наследити царство небесное, не опочивая день и ночь, мо-

ляся Богу, и научи люди слову Божию истинным писанием. Во дни дело его в церкви на молитве, а в нощи без сна пребывая, моляся Богу. *От рожества его лет 14 пошел по пророка слову Давида: яко птица иду в пустыню, а при себе держал образ животворящего креста Господня и всю бевосовскую силу поправ. И дошел Кесария Филипповы, и жил три лета, тесный и скорбный путь ходяше, чистоту душевную и телесную соблюд, а недужных, приходящих к нему с верою, силою Христовою исцеляя*». То есть к семнадцати годам он уже стал настоящим пастырем (пока оставим в стороне тему необычности Жития, опубликованного Ключевским, что само по себе не менее важно).

Для чего нужны все эти рассуждения? Для того чтобы ощутить, что святитель Николай Чудотворец мог быть (и, скорее всего, был) не столь уж «старым» не только во время рукоположения в священнослужители, но и в конце своего жизненного пути. То есть идея о его возрасте больше семидесяти лет при кончине — лишь рабочая гипотеза антрополога, которая неожиданно повлияла на попытку изменения дат рождения и смерти некоторыми другими историками.

А может, не стоит спешить?

Более того, судить о старости и мудрости в те времена по признаку многолетия проживания на Божьем свете не вполне верный путь к определению дат жизни того или иного исторического деятеля. Что мы имеем в виду? Простую истину, хорошо понятную историкам: старость в древние времена наступала намного ранее, чем, например, сегодня. Человек, доживший до пятидесяти лет, уже был стариком! А тридцатилетний — более чем зрелым гражданином страны. Возраста 70 или 80 лет достигали единицы. То есть останки человека пятидесяти-шестидесяти лет могут быть похожи на те, что имеют возраст за 70, особенно если сравнивать их с останками наших современников.

В книге современного исследователя Римской империи и Ромейского царства С. Б. Сорочана «Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры» читаем: «Средняя продолжительность жизни византийцев составляла для мужчин — 35—44 года, а для женщин — 25—34 года, что вообще было обычно для античного и средневекового общества. Старость тогда начиналась очень рано, в том возрасте, который мы сегодня называем зрелым. Пожилым считался уже 50—60-летний, а 70-летний — очень старым. “Долгожителями” яв-

лялись отдельные василевсы, ученые, писатели и монахи, конечно, если их жизнь не обрывалась насильственно, от раны в бою или мечей заговорщиков. 71% ромеев умирал, не достигнув возраста 45 лет, и 74% не добиралось до 50 лет. Очень немногие переживали 70-летие. По этой причине византийское общество, как и любое средневековое, оставалось достаточно молодым. Средняя продолжительность жизни с нашей точки зрения была мизерной — 22—23 года».

И — главное — возраст и продолжительность жизни не были мерилom святости, даже если древние авторы житий иногда и увлекались расписыванием особенных деяний старцев в преклонном возрасте. Можно привести примеры из иконографии святых (иконографических подлинников), когда в XVIII столетии для изображения лица святого Вячеслава Чешского предписывалось показать у него длинную бороду — признак мудрости и старости. Хотя он был убит братом в возрасте едва за 30 лет от роду.

Что мы хотим этим сказать? То, что святитель Николай Мирликийский мог прожить в диапазоне от 50 до 80 лет. Ведь епископ (архиепископ) тогда не обязательно должен был быть глубоким стариком (что отчасти подтверждают его Жития). Привычное для наших современников желание измерять глубину духовных подвигов старческим возрастом — для деятелей III—IV веков в истории европейской цивилизации — не совсем удачно при употреблении в сфере науки.

Поэтому, не отрицая 255—265 годы, как возможные годы рождения, приемлемые с точки зрения «старости» святителя Николая, мы спешим сообщить, что после вышеприведенных рассуждений год 270-й, как год его рождения, все же кажется более приемлемым.

Точнее же сказать — в какой год он родился — пока просто невозможно.

Сделаем, наконец, выводы по главным датам и месту рождения будущего святителя Николая. Исходя из вышеприведенных фактических данных, на сегодняшний день мы можем предположительно утверждать следующие сведения о появлении его на свет. А именно.

Год рождения: между 255 и 280 годами от Рождества Христова. Вероятнее всего и чаще всего упоминаемый — 270 год.

День рождения: в Русской Православной Церкви отмечается 29 июля по старому стилю (11 августа по новому стилю), в католических справочниках указывается 15 марта.

Место рождения: Римская империя, провинция Ликия в Малой Азии, город Патара.

Происхождение: грек или, вероятно, ликиец.

Итак, еще раз зададимся вопросом — почему же существует такое разночтение в датах рождения будущего святителя Николая? Первый же ответ очень прост — отсутствие документов, подтверждающих событие. Но почему до сих пор упоминается так много вариантов этой даты? И здесь ответ не замедлит появиться: ученые все время пытаются доказать или определить точные цифры. И каждый раз, по каждой гипотезе появляются новые даты. Нам лишь остается на сегодняшний день констатировать эту множественность дат и, по возможности, принять участие в дискуссии со своим мнением о предполагаемом дне рождения.

Однако необходимо ответить и на другие вопросы, связанные с рождением будущего святителя Николая. Где это в точности произошло? О какой стороне света идет речь? О южном побережье малоазийского полуострова? Что это были за земли и кому они в те времена принадлежали?

Сначала о Ликии. Нас интересует история этой страны потому, что некоторые историки не исключают, что святитель Николай Чудотворец был по происхождению не просто грек, а ликиец. Итальянский автор, руководитель Свято-Николаевского исследовательского центра в городе Бари, о Джерардо Чоффари утверждает: «Св. Николай говорил на греческом языке и принадлежал к греческой культуре, но не был греком, а был ликийцем». Оставим здесь старый спор между восточными греками-ортодоксами и западными итальянцами-католиками (которым, если утрировать, порой даже «ликиец» лучше, чем «грек») и перейдем к обоснованию выдвинутых утверждений.

Юноша в Римской империи

Любовь к родителям — основа всех добродетелей.

Марк Туллий Цицерон, II—I вв. до н. э.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу

императора Византии: «Отчизна этого великого и пречудного отца — славный некогда ликийский город Патара, родители — люди благородные, достаточные, но не богатые, чуждые мирской славы и роскоши, прекраснейший для будущего их сына пример нестяжательности, ибо заботились только о добродетели и всячески к ней стремились».

Так что это значит — быть ликийцем, даже если не по происхождению, а по месту жительства?

Если посмотреть на карту Анатолийского полуострова, то можно смело пометать почти всю юго-западную территорию вдоль средиземноморского побережья как местоположение древнего ликийского государства. Историки направляют нас немного иначе, сообразно времени.

Ликия (греч. Ликия, лат. Lycia, ликийск. Trmmis) в древности являлась страной на юге Малой Азии. Ее территория раскидывалась на части полуострова полукруглой формы, окруженной горами. Долгие столетия Ликия соседствовала на западе с Карией, на северо-востоке с Писидией и на востоке с Памфилией. Издревле ликийцы стабильно населяли долину реки Ксанф, а также прилегающие территории. То есть они расселились примерно до 50 километров выше по течению реки, а также от устья у Средиземного моря.

Отдельные соседние города время от времени входили в состав Ликии. Удивительная по красоте река Ксанф имеет исток в Таврских горах. Именно на ее побережье, неподалеку от моря, раскинулся крупнейший ликийский город Ксанфос. Страну покрывали благоустроенные дороги, а также несколько важнейших мостов через реку Ксанф. Ликийцы были отличными земледельцами. Уникальное плодородие земли позволяло производить вино, хлеб, шафран и прочие продукты. Еще Гомер в «Илиаде» называл эти края «лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей».

Казалось бы — живи и радуйся жизни!

Но, к сожалению, всегда есть соседи, которым не нравится чье-то благополучие. Ликийцам столетиями приходилось сражаться за свою независимость. Делали они это профессионально, ибо имели хорошо подготовленную армию. И вообще, они умели воевать. Известно, что с древних времен до нашей эры Ликия слыла главным местом, откуда на огромный и богатый Египет совершали набеги так назы-

ваемые «народы моря», которых позднее будут именовать «пиратами». Что ж, ликийцы, вооруженные кинжалами и кривыми саблями, были неплохими мореплавателями.

Все первое тысячелетие до Рождества Христова Ликия отличалась самобытной культурой. В особенности, языком. А затем — уникальной письменностью, особенной архитектурой. Но даже это не спасло удивительную цивилизацию: Ликия была не раз завоевана чужеземцами. Первоначально — персами, затем Александром Македонским, а позднее — римлянами и турками. Но даже будучи завоеванной, Ликия долгие времена сохраняла свою автономию, оставаясь при этом частью античных империй. В двух словах это происходило так. В 197 году до Рождества Христова Ликия стала одним из владений Селевкидов. Затем большинство городов региона объединились в Ликийский союз. В I столетии до нашей эры страна еще в качестве автономного государства входила в состав Римского государства. В 43 году император Клавдий образовал даже на территории Ликии и Памфилии римскую провинцию. Однако после временной свободы при Нероне древняя Ликия навсегда лишилась автономии. При Феодосии она была отделена от Памфилии, а столицей всего региона стала Мира — город, в будущем связанный с именем святителя Николая. Это позднее Ликия будет примыкать к Византийской империи и перейдет под власть мусульман. Но это уже другая история, не связанная с жизнью святителя Николая на Земле.

Знаменитая «Илиада» Гомера не обошла стороной и ликийцев. Они были мощным союзником против Греции во время Троянской войны, выступали в качестве самого могущественного защитника, придя на помощь осажденному Илиону. Благодаря Гомеру мы получили множество интересных сведений, касающихся истории Ликии, включая религиозную жизнь. Именно ликийцы наиболее часто упоминаются Гомером среди других союзников троянцев.

Вообще культурное наследие Ликии многогранно. Хорошо сохранились памятники архитектуры. Уникальные коллекции — надгробные памятники, большей частью высеченные в скалах, — находятся во многих местах, представляя пример греческого, ионийского стиля. При этом они показывают нам, как выглядели деревянные строения самих ликийцев.

Однажды в античной Ликии основали союз городов. Согласно древнегреческому историку и географу Страбону, автору сохранившейся почти полностью в 17 книгах «Географии», которая служит лучшим источником для изучения Древнего мира, 23 города образовали Ликийский союз. По три голоса в нем имели столица Ксанф и пять самых влиятельных городов: Патара, Пынара, Олимпос, Миры и Тлос. Как мы видим, два города из этого списка напрямую были связаны с жизнью святителя Николая Чудотворца.

Несколько слов о языке ликийцев. Ведь, возможно, его хорошо знал, разговаривал на нем или даже писал святитель Николай. Утверждают, что язык этот «вымер» еще в I веке до нашей эры, его вытеснил греческий, после не очень, так сказать, добровольного вхождения Ликии в империю Александра Македонского. Будучи малоиспользуемым, язык ликийцев мог, однако, хорошо сохраниться среди высокообразованных людей, в особенности среди местного духовенства высокого звания. А таким человеком как раз и был епископ ликийского города Миры.

Сами ликийцы называли свой язык *trmmili*, что-то вроде «трмили» (а страну величали — *Trmmis*, что греки почему-то переделали как «Ликия»). Он относится к группе индоевропейских, в более узком понимании — анатолийских языков.

У ликийского языка был собственный алфавит. Писали слева направо. Слова обычно отделяли двумя или тремя вертикальными точками. Расшифровали ликийские тексты в XIX столетии, когда были обнаружены трехязычные записи (ликийский, греческий и арамейский), в частности, на стелах. Ныне известно свыше 170 записей на камне и почти 200 надписей (так называемых «легенд») на шести тысячах монетах.

Вот что мы можем прочитать в тексте на стеле из Летоона, рассказывающем о языческой, дохристианской истории Ликии: «Свободные и зависимые граждане Ксанфа пришли к согласию и построили сооружение, посвященное Царю Кавна и Царю Арказуме, и они сделали Симия, сына Кондораса, жрецом этих богов и тех, кто сменит Симия».

Теперь о городе, в котором родился будущий святитель. Греки называли его Патара. Ликийцы именовали — Птара (Pttara). Очень известный в прошлом, ныне он уже не су-

шествует. Вернее, остались лишь руины, которые в некоторых современных туристических буклетах характеризуются как «живописные».

Долгие столетия град Патара славился как торговый и морской центр на юго-западном побережье Анатолии. Теперь, в современной Турции, остатки города можно найти на средиземноморском берегу близ поселка Гелемиш. Порт был расположен крайне удачно. Для Ликийского союза он имел стратегическое значение. Главная река страны — Ксанф, о которой мы уже упоминали, устьем своим почти упиралась в Патару. А по реке можно было проплыть в густонаселенную долину, в центр Ликии.

Не случайно именно в Патаре в античные времена было сооружено известное во всем греческом мире святилище Аполлона с оракулом. Сюда отовсюду стекались языческие паломники. Аполлон, как предполагалось, покровительствовал древнегреческим богам, а оракул — предсказывал будущее, без знания которого, как считали ликийцы, трудно жить и тем более — выживать.

Родившийся в Патаре будущий святитель Николай с детства знал историю этого места. По записям вышеупомянутого Страбона город был основан Патаром, сыном Аполлона и дочери Ксанфа — Ликии. Отсюда и святилище с оракулом, к которому когда-то приезжал за напутствием сам Александр Македонский. Патара столетиями была крупным религиозным центром. Религии и верования здесь соприкасались и переплетались во всей своей полноте. Но после Рождества Христова и позднее — во время распространения здесь христианства — город был одухотворен деятельностью известных духовных подвижников.

Слышал юный Николай и забавные истории, связанные с древним прошлым Патары. Например, как город выполнял роль столицы Ликийского союза. Или как в 88 году до Рождества Христова Патару осадил Митридат VI. А затем, по записям древнеримского историка греческого происхождения Аппиана, произошло нечто чудесное: «Окружив своим войском Патару, он стал для сооружения военных машин вырубать рощу Латоны, но, испуганный сновидением, даже материал оставил нетронутым».

Знал подросток Николай, тщательно изучая книги из собрания родителей своих, о том, как в 43 году до нашей эры в Ликию пришел с войском Марк Юний Брут. Осажденная им Патара отказалась подчиниться римлянам. Однако во время переговоров Брут отпустил захваченных

им патарских заложников из числа воинов, жен и дочерей граждан. Отпущенные уговорили защитников города смириться и подчиниться римлянам. Жители Патары дали Бруту корабли, груженные золотом. А взамен получили освобождение от податей на ближайшие годы. Затем и другие ликийские города последовали примеру Патары, не оказав римлянам серьезного сопротивления. Так город сохранился и выжил.

Не раз будущий святитель Николай прогуливался по родному городу, который поражал тогда воображение приезжих своей красотой и величием. Многие из этих грандиозных сооружений в виде развалин сохранились и до наших дней. Проходил юный отрок мимо Триумфальной арки (арки Меттия Модеста), части акведука, по которому в Патару подавалась вода. Пересекал центральную улицу с колоннадой, проложенную от «Южных ворот» до берега гавани на севере. Неизбежно посещал с родителями Центральные римские термы. Встречал соседей и знакомых в городском эллинистическом Театре, где кроме постановок происходили и иные языческие действия, куда будущий святитель, конечно же, не ходил. До сих пор на камнях театра хранится запись об устройении его «в честь богов Августа, в честь богов города Патара и в честь императора Антонина Пия».

Хорошо изучил он и Булеветерий — здание городского совета, зернохранилище Адриана, императора, который останавливался в Патаре вместе со своей женой Сабиной, а также знаменитый «Коринфский» храм — гробницу Марции, датируемую второй четвертью III века до нашей эры, грандиозный некрополь с ликийскими и римскими захоронениями. Был поражен грандиозной бронзовой статуей Гермеса четырехметровой высоты, подобную которой по размерам не находили в будущем археологи, изучающие культуру римского периода.

Завороженно наблюдал подросток вечерами за причудливым миганием знаменитого Патарского маяка, который стоял на всех ветрах в 300 метрах от зернохранилища Адриана. Патарский маяк не случайно считался самым старым маяком в мире. Он был построен во времена Римской империи и имел пять этажей.

Все это интересовало пытливого в изучении окружающего мира отрока. И он жадно впитывал новые знания, которые помогали ему потом в проповеднической деятельности.

Но ликийский град — родина будущего святителя — не всегда назывался Патара. Было время, в III столетии до Рождества Христова, когда носил он странное название Арсиноя Ликийская (ἡ Ἀρσινόη τῆν ἐν Λυκίᾳ). Дал такое название портовому городу египетский царь Птолемей II, прозванный Филадельфом, то есть — «любящим сестру». Считается, что Птолемей перестроил и расширил ликийский полис Патара, когда жизнь города проходила под контролем египетских наместников. Что побудило его переименовать древнее поселение?

Этот царь Египта стал править страной еще при жизни отца. Будучи женат на Арсиное I, дочери Лисимаха, он неожиданно влюбился в собственную родную сестру по отцу и по матери — также Арсиною. Бросив первую супругу, Птолемей женился на сестре — Арсиное II. Даже у македонцев это было недопустимо, но принималось за обычай в Египте. За эту языческую любовь к сестре-жене Птолемей и был прозван «Филадельфом». А город Патара получил имя обеих его жен (хотя Птолемей был в дальнейшем еще раз женат!).

Надо сказать, что Птолемей II не был самодуром. Он слыл весьма образованным человеком, ибо получил блестящее образование. Хотя, как говорят, был склонен как к изнеженности, так и к жестокости. При его дворе появлялись и служили известнейшие ученые и писатели того времени. Мы встречаем имена Каллимаха, Феокрита, Манефона, Эратосфена и Зоила. Говорили, что Птолемей II слыл истинным ценителем передовых знаний и ученых книг. Он поддерживал архитекторов, возводил роскошные здания, организовывал празднества, реставрировал и украшал языческие храмы, обустроивал города.

Одним из таких «обустроенных городов» и стал попавший под его руку порт Патара, обретший на короткое время имя Арсиноя Ликийская. Почему Ликийская? Потому что мы встречаем название Арсиноя во многих других местах Средиземноморья, где располагались города античного периода. А указание — Ликийская — отличало ее от других «тезок».

Не мог не знать также отрок Николай, воспитываясь в христианской семье, о том, как утверждалось христианство на его родных землях. Местные жители передавали из уст в уста историю, как во время путешествия с острова Родос в

Финикию в его родной Патаре останавливались евангелист Лука и апостол Павел. Христиане читали об этом в рукописях Священного Писания — в Деяниях апостолов.

Сами родители Николая да и другие христиане находились под влиянием миссионерской деятельности апостола Павла. Возможно, он даже участвовал в создании христианской общины в городе Патара.

Что это были за события?

Мы можем прочитать в Евангельских Деяниях (21.1-2) следующее: «Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару, и, найдя корабль, идущий в Финикию, взошли на него и отплыли».

Речь идет о третьем путешествии апостола Павла в 54—58 годах от Рождества Христова (Деян. 18, 23—21, 17). Он совершил его вместе с учениками — Лукой, Титом и Тимофеем. Первоначально они вышли из Антиохии, где апостол вновь посетил когда-то основанные им церкви в Малой Азии (а к ней относилась и Ликия), Македонии и Греции. По приходе в Милет апостол Павел собрал пресвитеров Ефесской церкви. Он дал им необходимые наставления (Деян. 20, 18—35), а затем простился со всеми. Вот тогда и произошло посещение Патары.

Святитель Иоанн Златоуст, при появлении на свет Божий заставший еще здравствующего архиепископа Мирликийского Николая, в своих известных «Беседах на Деяния апостольские» считал, что дорога от Милета до Патары занимала три дня, так как многое зависело от морского ветра, который мог быть попутным или наоборот. Митрополит Иларион (Алфеев) в своем труде «Апостол Павел. Биография» отмечает: «Павлу со спутниками удалось в Милете найти корабль, который шел в нужном направлении, но покрывал лишь часть намеченного пути. Миновав два крупных острова, он пристал в Патаре... В Патаре путешественники пересели на другой корабль: вероятно, это было большое грузовое судно, на которое при необходимости подсаживали пассажиров».

Митрополит Иларион, ссылаясь на Иоанна Златоуста и на исследование академика Кинера (Keener Craig S.) — современного американского ученого из Университета Дюка (Северная Каролина), подробно описывает апостольский маршрут того путешествия: «Павел... к Пятидесятнице хотел успеть в Иерусалим. Иоанн Златоуст дает следующую калькуляцию их маршрута: Исчислим все дни. После дней

опресночных они прибыли в Троаду в пять дней; потом пробыли там семь, всего двенадцать; потом до Асса, Митилины, Хиоса, Трогиллии, Самоса и Милета, всего восемнадцать дней; затем до Коса, Родоса и Патары — двадцать один; оттуда в пять дней до Тира — двадцать шесть; там пробыли семь, — тридцать три; потом в Птолемаиде один, — тридцать четыре; затем в Кесарии остается больше прочих дней; и оттуда, наконец, ведет их пророк. Таким образом исполняется Пятидесятница, которую (Павел) там и проводит. Современные ученые приводят похожую калькуляцию, отмечая, что в общей сложности Лука упоминает более тридцати конкретных дней между Пасхой и Пятидесятницей: 7 дней праздника опресноков (Деян. 20:6); 5 дней пути в Троаду (Деян. 20:6); 7 дней в Троаде (Деян. 20:6); 3 дня до Милета (Деян. 20:13—15); 2 дня от Милета до Коса и от Коса до Патары (Деян. 21:1); 7 дней в Тире (Деян. 21:3—4); один день в Птолемаиде (Деян. 21:7). К этому следует добавить несколько дней пребывания в Милете (не менее трех, учитывая необходимость сходить в Эфес за местными пресвитерами), путь от Патары до Тира (около пяти дней) и несколько дней в Кесарии (Деян. 21:10)».

Так произошло посещение апостолом Павлом и его спутниками Патары, после чего к Пятидесятнице 58 года от Рождества Христова он прибыл в Иерусалим.

Не случайно то, что проживая и служа в церкви в данном регионе, будущий святитель Николай развивал и продвигал здесь идеи Нового Завета, вослед апостолу Павлу. Тогда, на ранней стадии истории новой эры, в апостольский период, Церковь продолжала определяться в своем учении и своих постулатах. И лишь Первый Вселенский собор, в котором примет затем участие святитель Николай, станет важнейшей и одной из попыток закрепить сложившиеся церковные каноны и законы.

Юный Николай учился, рос и развивался в традициях, заложенных святым апостолом Павлом, он станет в будущем в сознании христиан одним из тех ранних Отцов Церкви, которые способствовали пониманию церковного учения и установлению церковной жизни в таком виде, в каком мы ее имеем сегодня.

И, конечно же, будущий святитель Николай хорошо знал, что патарские священнослужители одними из первых в христианском мире основали в городе церковь и епи-

скопскую кафедру. Так называемая «Старая католическая энциклопедия», 11-й том которой вышел в США в 1913 году, отмечает наличие в Патаре епископского престола Ликии, связанного с викариатством в Мирах, именно во время жизни Николая Чудотворца. Возможно, что Патарская кафедра была долгое время главной в Ликии (от нее присутствовал на Никейском соборе делегат, а вот от города Миры в списках гостей никто не был обозначен, как, впрочем, и от других ликийских городов). И вот как раз при появлении нового епископа — святителя Николая кафедра постепенно укрепились в Мирах. По крайней мере, так считали потом греческие византийские историки, почитавшие все в большей степени Николая Мирликийского. Что же касается Патары, то известны даже некоторые имена священников и епископов — современников святителя Николая: Мефодий (возможно, был епископом Олимпоса), Евдем — епископ Патарский, Евдемий и, позднее, после кончины епископа Мир — Кириней.

Вот в каком месте и в каком историческом городе родился и рос будущий святитель Николай Чудотворец. Однако духовный подвижник ликийской земли и всего христианского мира будет назван позднее Николаем Мирликийским (от города Миры), а не Патарским (от места рождения). Тому были веские причины. О них мы расскажем позднее.

Кто же были родители отрока Николая? И кто он все-таки по происхождению?

Здесь мы должны напомнить читателю о возможной спорности приводимых нами ниже данных о родителях будущего святителя, так как их имена могут иметь отношение к другому епископу Николаю, жившему и служившему в регионе города Миры, но не в IV, а в VI столетии. Мы уже говорили об этом. Но все-таки автор решил оставить этот рассказ и упомянуть родительские имена. Ведь еще нет окончательных и стопроцентных доказательств, что они не могли принадлежать предкам Николая Чудотворца.

Некоторые исследователи, а также пока еще и церковная традиция утверждают: родителями будущего святителя были благочестивые Феофан (Theophanes) и Нонна (Nonna), которую иногда называют Нона (в некоторых цитатах мы будем оставлять в написании ее имени одну «н» или две буквы «н», в зависимости от того, как это делал ав-

тор цитируемого документа). По некоторым сведениям, это была богатая греческая семья, проживавшая в Ликии. Автор одного из Житий Николая Чудотворца — святитель Дмитрий Ростовский — вопреки мнению средневекового автора Метафраста, подчеркнувшего бедность семьи, так и пишет, что родители «были люди благочестивые, знатные и богатые».

Среди греков тогда было больше убежденных христиан, занимавших важные церковные посты. Поэтому утверждение, что родителями младенца были греки — весьма убедительно. Более того, дядя Николая был епископом города Миры, расположившегося неподалеку от Патары (наличие у отрока дяди-епископа также часто относят к другому Николаю). Забегая вперед скажем, что иногда указывают, что именно дядя, в знак духовных заслуг племянника, посвятил его в будущем в священнический сан. Но нельзя исключать и того, что родители его могли быть вовсе не греками, а не менее знатными ликийцами.

Есть предположения, будто родителей младенца звали по-другому: Епифаний (Eriphanios) и Иоанна (Ioanna). В книге исследователя Джиоя Ланци («Saints and their symbols: recognizing saints in art and in popular images») читаем: «Николай родился около 270 года нашей эры в Патара... его родителями были Епифаний и Иоанна (Eriphanios and Ioanna)». Однако, скорее всего, это лишь интерпретация или вариант прочтения одних и тех же имен. Поэтому мы не станем дискутировать или развивать эту тему в нашем повествовании, а двинемся вперед.

Легендарная история гласит о том, что родители будущего младенца проводили долгое время в молитвах, ибо не имели детей. Они просили о рождении у них ребенка. Молитвы были услышаны, вскоре у них родился сын. В Акафисте святителю Николаю Чудотворцу образным языком сказано об этом так: «За богоугодную жизнь супруги удостоились высокой чести стать святым корнем, произраставшим древо чудоточное рая Иисусова. Словно дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое (Пс.1:3), у благословенной четы как плод праведности родился великий заступник Вселенной Николай».

Рождение младенца стало настолько важным для семьи событием, что они решили дать обет и посвятить данного ребенка служению Господу. Считается даже, что будущий святитель Николай сотворил свое первое чудо в день своего крещения. При этом он буквально исцелил свою мамушку

от серьезной болезни. И вот что происходило: младенец неожиданно для всех сам, без чьей-либо поддержки простоял в купели на ногах почти три часа. Потом отмечали, что три часа символизировали воздаваемую им честь Пресвятой Троице. С. С. Аверинцев писал об этом так: «Предания рассказывают, как уже в младенчестве Николай являет себя образцом аскетической добродетели, до сумерек воздерживаясь от материнской груди по средам и пятницам, а по более поздней версии — обнаруживая чудесную способность стоять сразу же после рождения (распространенный мотив русской иконографии)». Святитель Дмитрий Ростовский также рассказывает: «После его рождения мать его Нонна тотчас же освободилась от болезни и с того времени до самой своей кончины оставалась неплодной. Этим сама природа как бы засвидетельствовала, что у жены сей не могло быть другого сына, подобного святому Николаю: он один долженствовал быть первым и последним. Освященный еще в утробе матери богодухновенною благодатью, он явил себя благоговейным почитателем Бога ранее, чем увидел свет, стал творить чудеса прежде, чем начал питаться молоком матери, и был постником прежде, чем привык вкушать пищу. По своему рождению, еще в купели крещения он три часа простоял на ногах, никем не поддерживаемый».

А вот как о родителях святителя рассказывается в известной книге А. Вознесенского и Ф. Гусева «Житие и чудеса св. Николая Чудотворца», выпущенной в Санкт-Петербурге в 1899 году: «Они происходили из благородного рода, были весьма зажиточны и, как благочестивые христиане, отличались добропорядочной жизнью, милосердием к бедным и усердием к Богу. Господу угодно было послать им, подобно праведным Захарии и Елизавете — родителям Иоанна Крестителя, и многим другим ветхозаветным святым, тяжелое испытание: они, старея в честном браке, не имели детей. Бесчадие сильно огорчало их, и они не переставали усердно молиться Господу о даровании им сына, причем дали обет посвятить его на служение Господу. Усердная молитва праведников была услышана. Нонна родила сына, которому при крещении было дано христианское имя Николай, что означает “побеждающий народ”. Само имя, данное великому Угоднику Божию, указывало на то, что ему в своей жизни много придется победить людской злобы. Святой Николай стал долгожданным и единственным ребенком своих благочестивых родителей».

В одном из первых известных в наши дни Житий Николая Чудотворца, составленном в середине IX века святителем Мефодием I, Патриархом Константинопольским («Послание Мефодия Феодору», по-латыни — *Methodius ad Theodorem*), которое сохранилось лишь в единственной рукописи и основывалось на другом документе — Житии, созданном чуть ранее Михаилом Архимандритом, о родителях святого говорится так: «Он происходил от родителей благородных и блиставших состоянием, но непричастных сановному чину, ибо они считали, что нельзя не запачкаться, коснувшись смолы».

Жития рассказывают, как мы уже заметили, что с самого своего младенчества святой Николай начал самостоятельно поститься. Он принимал молоко от своей матери по особенному распорядку. Да в дальнейшем, когда он стал взрослеть, то немислимо преуспевал в изучении Священного Писания, читал множество книг, усердно молился и проводил в церкви дни напролет. У Дмитрия Ростовского читаем: «В нем можно было узнать будущего чудотворца даже по тому, как он приникал к сосцам матери; ибо он питался молоком одной правой груди, знаменуя тем будущее стояние свое одесную Господа вместе с праведными. Свое изрядное постничество он проявил в том, что по средам и пятницам вкушал молоко матери только один раз, и то вечером, по совершении родителями обычных молитв. Отец и мать его весьма сему удивлялись и провидели, каким строгим постником будет сын их в своей жизни. Навыкнув от младенческих пелен такому воздержанию, святой Николай всю свою жизнь до самой кончины проводил средо и пятницу в строгом посте».

В молитвенной и гимновой практиках православные неоднократно поминают праведность родителей будущего святителя Николая. В одной из стихир, бытовавших на Руси, читаем: «Блажен еси Феофане, яко такову отроку быв родителю, хотящаго родити словом учения многих ко спасению; блаженна ложесна твоя Нонно, имаже носила еси, и красна сосца твоя, имаже воздоила еси хотящаго напитати душетленным гладом тающия». Не забывалось столетиями и русское представление о том, что сформировался младенец как святитель еще в утробе матери. И Благая весть об этом, данная родителям, сравнивалась с Благовещением Пресвятой Богородице. Данные тексты восходили к евангельским сюжетам. Так же как ангел благовествовал Деве Марии волю Божию, получив в ответ — «се раба Господня;

буди мне по глаголу Твоему», так и в стихирах святителю Николаю находим в текстах: «...ты еще во утробе матерни святительства прозвание прием нареченное от Бога». Или в другой стихире: «...днесь благоплодная Нона раждает отроча богоизбранное в Жилище всех Царя и Зиждителя Христа Бога» (почти дословный аналог из службы на Рождество Богородицы: «...днесь неплодная Анна раждает Богоотроковицу, от всех родов произбранную в Жилище всех Царя и Зиждителя Христа Бога»). Аналогичное уподобление одного события другому происходит и в иных службах святителю Николаю. Текст из последования Пресвятой Богородице «и радуется земное естество ныне человеческое, славяще истинную Родительницу Избавителя Иисуса Единого Бога» лишь едва меняется в стихире святителю Николаю: «Феофане радуйся, Ноно веселися, славяще Истинного Святая и Избавителя Иисуса Единого Господа».

Эти благообразные описания рождения и начальной жизни святителя могут показаться сказочными. Но только для того, кто скептически относится к духовной жизни вообще. На то они и жития святых, чтобы побудить к аналогичному действию, пробудить в душе читающего особые чувства и даже желания последовать трудно достигаемому примеру.

Напомним еще раз, что сегодня непросто определить — кем был по происхождению будущий святитель Николай: греком, ликийцем или представителем других народов, населявших тогда Средиземноморье. Мы уже говорили, что принадлежность его родителей к грекам — лишь предположение. Иногда его называли «великим ликийцем». Это не значит, что он не мог при этом быть греком. Но и не значит, что мы должны утверждать, что был им.

Почему греки часто утверждали и утверждают, что святитель Николай был греком, а не ликийцем? Зачастую таким способом они пытались обосновать позднее принадлежность его мощей именно им — грекам.

Если вновь забежать вперед, то следует рассказать о том, как уже в наше время при изучении мощей была сделана реконструкция лица и внешнего облика святителя Николая. Итоги оказались необычными. А именно... Два антропологических исследования привели их авторов к выводу, что лик святителя был смуглым. Иногда эту смуглость комментируют как результат азиатского загара. Кому-то даже при-

шло в голову заметить неслучайность появления иконы, по преданию, привезенной из Мир Ликийских в итальянский город Бари вместе с мощами святого. Икона как раз и называлась «Никола Черный». Хотя смуглость изображенного на иконе лика трудно сравнить с черным цветом кожи.

В 1953 году ученый из Университета итальянского города Бари — Луиджи Мартино — начал исследования мощей святителя Николая (подробнее об этом в главе данной книги о мощах святителя). Для этого он получил даже одобрение из Ватикана. Им использовались рентген и многие другие методы, доступные тогда исследователям. Кроме разных заключений о состоянии здоровья святителя, напоминающих о том, что он провел некоторые годы в заключении в тюрьме, была совершена попытка восстановления лица. Его даже «извляли» позднее в цвете в объемном варианте, именуемом 3D. Именно эта реконструкция породила мнение о смуглости лица святителя и его коже с оттенком темной «оливы». Хотя мы видим в итоге одухотворенное лицо. Квадратный подбородок, вероятно сломанный при тюремных пытках и допросах нос, поврежденные кости между глаз... И снова — ничего о возможном происхождении...

Однако что-то можно прояснить, прочитав слова профессора Луиджи Мартино: «По строению черепа и скелета святитель принадлежал к белой европеоидной средиземноморской расе, для которой характерны средневысокий рост и смуглая кожа; с высоким лбом, с носом, стремящимся к орлиному, скелетом средней крепости». И хотя рост святителя Николая был небольшой, всего 167 сантиметров, можно весьма аргументированно предположить, что он был действительно — грек или ликиец.

Одна из исследовательниц, антрополог Кэролайн Уилкинсон, в 2005 году представила реконструкцию образа святителя Николая чуть ли не в виде африканца с широким, чуть сплюснутым носом.

Другие рисунки лица, сделанные антропологами, в еще большей степени повлияли на определение происхождения святителя. По этим очертаниям — он вообще похож скорее на азиата, а не на грека, латинянина или ликийца. Будучи гражданином своей страны — одной из провинций Римской империи, он мог быть кем угодно. Но при этом оставался римским peregrinus, которые населяли колонии и провинции той же империи, обладая или не обладая собственным самоуправлением. Peregrini были люди

лично свободные, правда, не имеющие римского гражданства, обитатели покоренных Римом областей. Но это был скорее статус, а не национальность или намек на происхождение.

Что ж, можно ли верить антропологам? Вопрос этот мы задаем не для того, чтобы умалить важность данной профессии. Скорее, для того, чтобы осознать — до какой степени опыт восстановления лица в современной науке еще не совершенен. Мы не можем принимать как аксиому утверждение тех, кто проводил экспертизу и реконструкцию облика святого. Не будем спешить с выводами. Время всё расставит на свои места.

Итак, можно считать, что святитель Николай по рождению был греком. А если не греком, то ликийцем. А как выглядели ликийцы? Об этом можно судить по редким изваяниям в местах скопления ликийских гробниц, которых в окрестностях городов Патара или Миры сохранилось несметное количество. Цвета лиц мы на них не видим. А характер и основные черты — весьма различимы. Близок к результатам исследования антропологов вариант, когда мы видим (например, на иконах) изображение смуглого (пусть и от жары) старца, с небольшой бородой, заметным лбом, глубоко посаженными глазами и легкими азиатскими чертами, напоминающими о ликийском мире — своеобразном территориальном центре преазиатских земель.

Отрок Николай рос быстро. Уходом за ним, воспитанием и образованием благочестивые родители занимались постоянно, ежедневно и даже ежечасно. Разные Жития святого рассказывают об этом немного по-разному. Приведем лишь некоторые отрывки из них.

В одном из них, именуемом «Житие и деяния святого отца нашего Николы, архиепископа Мирского, заступника рода христианского», известном, по мнению ученых, в русском мире с XV столетия, ныне в науке называемом «Иным Житием» (так как оно может иметь отношение к другим епископам Николаям), мы читаем: «Когда дитя было 7-ми лет, волею Божиею его вознамерились отдать в научение грамоте. По действию же Духа Святого, так как учитель его был неискусен, отрок Николай указывал ему имена, как писать при каждом слове».

На этом тексте основан и отрывок из Великих Миней Четиих, составленных митрополитом Макарием (XVI век),

где упоминается уже известная тогда история, связанная с тем, что отрок Николай сам назвал своим родителям имя своего будущего учителя. «И бывшее детищу 7 лет, восхотеша родителя его Божиим повелением дати учити книгам. Отцу же его тужашу, коему учителю дати, детище же Никола, Святого Духа благодсть имый, своему учителю имя назнамена». Причем, по Макарию, мы видим, что одного образования ума было для отрока мало. Уже в это время случаются с ним ситуации, когда ребенок помогал чудесным образом окружающим людям, при этом продолжая труды по изучению Писания. Об этом повествуют многие Жития святителя. Суть одного из случаев изложена митрополитом Макарием так: «Идущу же ему со слугами на учение книжное, срете их жена из веси, имя ей Нона, имуще у себе суху руку...» Далее следует рассказ об исцелении будущим святителем «сухорукой» женщины.

А вот что повествует одно из старорусских Проложных Житий святителя Николая XVI века по поводу ставшей затем известной истории, как малолетний отрок сам выбрал себе учителя и заранее назвал его имя родителям: «Бывшу ж седми лет детищу. Восхотеста родителя дати учити книгам. И недоведеста кому бы его дати на учение. Детище благодать Святаго Духа имеяше. Своего учителя имя рече идущу ему на учение книгам».

Граф М. В. Толстой, автор XIX века, рассказывает в своей книге «Жизнь и чудеса святого Николая Чудотворца»: «Наставления боголюбивых родителей глубоко укоренились в сердце его. Всею душою предавался он изучению Святого Писания, и при отличных дарованиях природных, осеняемый благодатью Святого Духа, стал совершенным в книжной премудрости».

Не менее красноречив и святитель Дмитрий Ростовский, который впитал в свой текст Жития наследие предыдущих авторов, в первую очередь — Симеона Метафраста. «Возрастая с годами, — пишет ростовский святитель, — отрок возрастал и в разуме, совершенствуясь в добродетелях, коим был научаем от благочестивых родителей. И был он, как нива плодоносная, принимающая в себя и возвращающая доброе семя поучения и приносящая каждый день новые плоды благодетельства. Когда пришло время поучаться Божественному Писанию, святой Николай силою и острою своего ума и помощью Святого Духа в малое время постиг многую премудрость и успел в книжном учении так, как подобает доброму кормчему Христова корабля и искус-

ному пастырю словесных овец. Достигши совершенства в слове и учении, он показал себя совершенным и в самой жизни. Он всячески уклонялся суетных друзей и праздных бесед, избегал разговоров с женщинами и даже не смотрел на них. Святой Николай хранил истинное целомудрие, чистым умом всегда созерцая Господа... В храме Божиим он проводил целые дни и ночи в богомысленной молитве и чтении божественных книг, поучаясь разуму духовному, обогащаясь божественною благодатью... Дух Божий поистине обитал в сем добродетельном и чистом юноше, и, служа Господу, он горел духом. В нем не замечалось никаких привычек, свойственных юности: по своему нраву он был подобен старцу, почему все уважали его и удивлялись ему. Старый человек, если выказывает юношеские увлечения, для всех служит посмешищем; наоборот, если юноша имеет нрав старца, то от всех с удивлением почитается. Неуместна в старости юность, но достойна уважения и прекрасна в юности старость».

Можно заметить, что именно святитель Дмитрий Ростовский ввел в этом тексте замечательное определение жизни и деятельности, да и самого Николая Чудотворца, как «доброего кормчего Христова корабля и искусного пастыря словесных овец». Кроме необычного, но весьма удачного названия церковной паствы в виде «словесных овец» определение «добрый кормчий» на долгие столетия закрепится за именем святого.

Каков же был итог воспитания, данного будущему святителю Николаю его родителями? Об этом более чем пространно и весьма эмоционально поведали нам те же авторы — Вознесенский и Гусев — из XIX столетия: «Старания родителей увенчались полным успехом. Добрые семена, которые они сеяли в душе своего сына, пали на плодородную почву и принесли обильные плоды. Благодаря богатым природным дарованиям отрок, руководимый Святым Духом, в скором времени настолько постиг книжную мудрость, насколько необходима она была, по словам святителя Димитрия Ростовского, “доброму кормчему Христова корабля и искусному пастырю словесных овец”. (Существует предание, что, когда родители Николая не знали, кого выбрать им в учителя своему сыну, отрок Николай, по Руководству Святого Духа, по складам назвал имя того Учителя, который должен был обучать его грамоте.)

Успевая в книжном обучении, отрок Николай столько же успевал и в благочестивой жизни. Его не занимали пустые, ни к чему доброму не ведущие беседы его сверстников. Столь заразительный пример товарищества, ведущий к чему-либо худому, для него был чужд. Избегая судных и греховных развлечений, отрок и юноша Николай отличался примерным целомудрием и не только избегал всяких нечистых помыслов по отношению к женщинам, но, как строгий подвижник, избегал самого общества женщин, не говорил с ними и старался не глядеть им в лицо, боясь соблазна и твердо памятуя слова Спасителя, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Мф. 5, 28).

Почти все время юный Николай проводил в чтении Священного Писания, подвигах поста и молитвы, уже в юности приготавливая из себя храм Божий, в котором беспрепятственно мог бы обитать Дух Святой. К дому Божию святой Николай питал особую сильную любовь, проводил там иногда целые дни и ночи в чтении божественных книг и богомысленной молитве. Вообще, в своей юности святой Николай достиг такого успеха в добродетельной жизни, что его не беспокоили никакие свойственные этому возрасту греховные страсти: казалось, это был не юноша, а старец, отрешившийся от всего земного и всецело посвятивший себя на служение Богу».

Мы видим текст, свойственный тексту полноценного Жития, где с помощью «плетения словес» (термин, созданный агиографом, автором Жития преподобного Сергия Радонежского — Епифанием Премудрым в начале XV века) так возвышенно и с неземными подвигами описываются деяния подвижника. Пусть и возвышенно, но все же с настоящим пониманием того, что за этим стоит. А стоят за этим — немалые духовные подвиги юноши и его особенная жизнь, исполненная самоотречения от мирского «благополучия».

Но время бежало быстро. Оно неумолимо. Родители будущего святителя старели и дряхлели. И настала пора отправиться им на упокоевание после трудов праведных. «В это время его родители переселились в вечную жизнь», — констатирует святитель Дмитрий Ростовский.

Как это произошло, где они были похоронены — нам неизвестно. Однако ушли из жизни они почти одновременно

но, ибо нет сведений, рассказывающих о том, что его воспитывал кто-то один из них. Но есть свидетельства, что он в юношеском возрасте вдруг потерял самых близких ему людей. Остался ли он один среди окружающего его сложного мира, исполненного античных традиций и анатолийского быта? Совсем нет, ибо здесь можно сказать, что отец и матушка будущего святителя заранее позаботились о его будущем.

Великие современники подвижника

Изречь могут многие — понимают не все.
Григорий Богослов, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Знаменем звездного Креста призывает Константина, сына Константа и Елены, и дарует ему ромейский скипетр. А он, премудрый, зная, кто его призвал, уверовал в Него, и низринул всех врагов, и ревностно защищал благочестие, и правил палинодию тем, кто царствовал до него, повелев разрушить капища идолов и освободить узников, томящихся во имя Христово, восстановить христианские храмы и вернуть церквам их убор».

В этой главе будет упомянуто много имен и дат. Может даже показаться, что сама глава эта выходит за рамки нашего повествования, не очень-то и нужна для жизнеописания христианского подвижника. Но это не совсем так. Глава о современниках, возможно, одна из наиболее важных для раскрытия темы книги. Много писалось об эпохе святителя Николая, но мало было рассказано о том, какие люди его окружали, что происходило с ними, какими достижениями могла в то время выделиться данная эпоха. А этого всегда не хватало. Поэтому, невзирая на некоторое однообразие в перечислениях списка известных людей, без этой главы данная книга не будет тем, что мы задумали. А задумали мы полное и всестороннее жизнеописание святого Николая Чудотворца. И без рассказа об окружающем его мире нам никак здесь не обойтись.

Иногда кажется, что эпоха, о которой мы повествуем, была в столь дальние и незапамятные времена, что трудно

даже себе представить, кто мог тогда жить, быть современниками святителя Николая. По этой причине у читателей бывает ощущение, что иные жития святых повествуют о том, что происходит как бы в стороне от главного течения истории. Сами святые будто бы занимались лишь духовными проблемами, их не интересовала реальность — политическая, экономическая или даже культурная. А быть может, и наоборот — история не интересовалась ими, не принимала в свои ряды. Лишь только Церковь в своих преданиях очерчивала контуры их бытия, сообразные с тем, что происходило вокруг них.

Жизнь святителя Николая могла бы остаться не особо замеченной для потомков. Он был одним из подвижников Церкви, а ведь кто-то может сказать, что таковых было немало в то время. Но если посмотреть на всеобщее течение тогдашнего временного потока свысока, словно «приподнявшись» над простыми бытовыми фактами, то в нем можно заметить гораздо более серьезные обстоятельства и происшествия, которые и привлекают достойное внимание пытливого исследователя или настоящего любителя истории.

Святитель Николай Чудотворец никогда не стремился к тому, чтобы запечатлеть свои подвиги или заслуги; никто не записывал за ним каждый его шаг, действие или поступок. Он не оставил, как мы уже знаем, эпистолярного наследия (хотя, возможно, оно просто до нас не дошло). И среди многочисленных белых пятен в его жизнеописании мы можем с наибольшей точностью и вероятностью говорить лишь о небольшом списке известных нам дат, которые определяют его деятельность и место в мировой истории.

Все эти даты и сведения связаны с историей Римской империи, ее восточной части — Анатолии. Здесь тогда проживали знаменитые духовные подвижники. Некоторые из них были современниками святителя Николая. И, зная его погружение в изучение духовных книг, его постоянные поиски взаимопонимания среди единомышленников, включая его деятельность на Первом Вселенском соборе в Никее, можно предположить, что такое «соседство» далеко не случайно. Кое-кто из этих людей сыграл важнейшую роль в судьбах христианства. Благодаря иным были приняты решения, которые станут историческими.

Однако если мы внимательнее отнесемся к тому, что

делал и создавал святитель Николай (из того, что история для нас оставила, не унесла в небытие), то мы заметим удивительную вещь. Цепочка сопровождающих его по жизни имен постепенно разрастается и превращается в довольно большой и символический список. Жизнь и современники словно бы заставляли его размышлять о том, как изменить всё по правде и справедливости, при этом не нарушая нравственных и духовных законов, не производя кровопролития, не совершая действий против законов предков и законов христианских. Вот в чем ему незримо помогали соратники — духовные мыслители и проповедники. Современники влияли на его судьбу. Они помогали ему подняться на духовные вершины, незримо способствовали самым его необычным поступкам.

В самом деле, конец III — начало IV столетия от Рождества Христова связаны с именами людей, которые «украшали» эпоху! Когда мы говорим о святителе Николае, то вряд ли представляем себе его время таковым, каким оно было на самом деле. Историки вообще скажут, что мы имеем об этом лишь частичное представление, основанное на фрагментарных источниках или редких археологических находках. Однако есть один способ ощутить важность эпохи. Он основан на том, что можно представить себе — кто был современником святителя, жил рядом с ним или даже вдалеке, но одновременно, влияя на развитие цивилизации, играя важнейшую роль в ее становлении.

Конечно же, мы говорим в первую очередь о европейской цивилизации — о ее христианском прошлом, о библейско-античной культуре и традиции, о тех, кто, невзирая на различие во взглядах или даже верованиях, стал яркой личностью, внесшей вклад в поступательное историческое движение в сторону нашего времени. Хотя в те годы на планете Земля в целом также происходило немало интересного.

Кто были эти люди, жившие в эпоху святителя Николая?

Среди наиболее известных светских лиц того времени, способных повернуть ход мировой истории, главным светским историческим деятелем предстает император Римской империи — Константин I Великий, заложивший новые и крепкие основы европейской христианской цивилизации.

лизации. Но о нем мы значительно подробнее расскажем в дальнейшем, как и о правивших до него императорах Диоклетиане, Максимиане и Галерии.

Для начала — об истории и исторической науке той эпохи.

Выдающимся историком того времени был Евсевий Кесарийский, создавший свою знаменитую «Церковную историю», события которой завершаются в 324 году перед Никейским собором. Гигантский труд повествовал о событиях от самого начала христианства. Евсевий был допущен ко всем главным церковным библиотекам и архивам того времени. Перу Евсевия принадлежат также «Хроника», книга по истории от Сотворения мира до 20-го года правления императора Константина, и «Приготовление к Евангелию», где он пытался доказать, что даже в Древнем мире существовали основы христианского учения. Так как Евсевий Кесарийский был участником Никейского собора, то они были знакомы со святителем Николаем лично. Хотя не всегда были на одной стороне в решении важнейших вопросов становления Церкви.

Важно здесь вспомнить и о священномученике Памфиле Кесарийском, который был пресвитером в Кесарии Палестинской. Выдающийся богослов своего времени получил образование в Финикии. Его усилиями была создана большая библиотека (около 30 тысяч томов). Здесь потом работали Иероним Стридонский, Евсевий Кесарийский и многие другие ученые того времени. В Православной Церкви чтят его память 16 (29) февраля (високосный год) или 16 февраля (1 марта) (невисокосный год) как священномученика, вместе с мучениками Валентом диаконом, Павлом, Порфирием, Селевкием, Феодулом, Иулианом, Самуилом, Илией, Даниилом, Иеремией, Исаией, которые пострадали во время гонений в 307—309 годах.

Сонм известных духовных подвижников и деятелей христианской Церкви во времена святителя Николая был поистине поразителен. Только простое перечисление имен сильно удивит не очень искушенного читателя, хотя бы немного разбирающегося в календарных христианских праздниках и в перечне наиболее известных или почитаемых святых. Воистину III и IV столетия в этом смысле были уникальными.

Нельзя забывать, что в ту же эпоху (но чуть позднее, хотя некоторые из них родились еще при жизни святителя Николая) жили и трудились такие великие подвиж-

ники, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Петр Александрийский, Амфилохий Иконийский, Амвросий Медиоланский, Иларий Пиктавийский, Александр Александрийский, Ефрем Сирин, Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Иларий Пиктавийский и даже Блаженный Августин. Какие имена! Воистину, то был великий временной период в истории, эпоха настоящего возрождения и развития христианства после длительных и жестоких гонений.

Все церковные современники сформировались на тех утвержденных основах, выросли на том крепком фундаменте, который был заложен на Первом Вселенском соборе. Не забудем напомнить, что не случайно среди участников Собора в Никее был и святитель Николай Мирликийский. С некоторыми из вышеперечисленных святитель Николай действительно виделся именно во время соборной работы (вопрос о реальности участия в Соборе самого епископа из Миры разбирается в одной из следующих глав данной книги). Там же принимали участие другие известные люди того времени, например, святой Макарий Иерусалимский — епископ Иерусалимский, участвовавший с императрицей Еленой, матерью Константина Великого, в поисках Истинного Креста Господня. Были там также епископ из Испании Осий Кордубский (он занимал даже пост Председателя Собора, но уже, вероятно, после Евстафия Антиохийского), епископ Стратофил из Пителинта (на Кавказе), Феофил Готский из Боспорского царства (Керчь), святой диакон Александрийской Церкви Афанасий, римские пресвитеры Витон и Викентий, египетский епископ Гарпократион, епископы Леонтий Кесарие-Каппадокийский, Александр Фессалоникский, Нунехий Лаодикийский, Цецилиан Карфагенский и многие другие.

Всего их собралось более трехсот делегатов из разных концов христианского мира (общепринято, что их было 318, но полные списки до сих пор неизвестны). Как указано в книге протоиерея Ливерия Воронова «Документы и акты, входящие в состав “Деяний Первого Вселенского Собора 325 г.”»: «Удалось восстановить 225—226 имен участников Никейского Собора. Остальные имена утрачены в результате обветшания рукописей, содержавших списки отцов Собора. Доводы, выдвигавшиеся против числа 318 (т. е. традиционно принимаемого числа епископов — участников Первого Вселенского Собора), не могут быть признаны достаточно убедительными».

Каждый участник этого события в своей жизни оставил важный исторический след, включая богословские, литературные или иные научные труды, пусть даже и не принятые затем большинством. Поэтому мы включаем в данный список и так называемых «арианцев» — последователей учения Ария, которое было отвергнуто Собором (об этом подробнее см. далее). Сам Арий, прозванный позднее «ересиархом», так и не поставил свою подпись под решениями Никейского собора и покинул его. Вслед за ним так же поступили Феон Мармарикский и Секунд Птолемаидский. Покинули арианцы Собор или были удалены и отстранены от работы в нем и затем, вместе со своим учителем, отправлены в ссылку, это в данном случае неважно.

Предполагается, что участником Никейского собора был еще один великий духовный подвижник — святитель Спиридон, епископ Тримифунтский. То есть мы видим всю глубину состава Собора — от активных епископов, глубоких и начитанных богословов до тех, кто на грани мученичества пережил период гонений и показал чудеса святости, которая была затем замечена и оценена большинством христиан.

И, конечно же, упомянем еще одного великого современника святителя Николая — святого великомученика Георгия Победоносца (Георгия Каппадокийского). Виделись ли они в жизни? Ведь жили в Анатолии на небольшом расстоянии друг от друга. Пока достоверного ответа на этот вопрос нет... Хотя, вероятнее всего, святитель Николай был наслышан о подвиге великомученика.

Великим современником святителя Николая, знавшим его лично, был также святитель Евстафий Антиохийский, скончавшийся в 337 или 346 году. Будучи архиепископом Антиохийским и одним из Отцов Церкви IV века, он боролся с арианством. На Никейском Вселенском соборе он был первым Председателем. Именно при его участии Собор осудил учение Ария и сформулировал православное исповедание в принятом Символе веры. Память его в Православной Церкви отмечается в високосный год 21 февраля (5 марта), а в невисокосные годы — 21 февраля (6 марта).

Безусловно, одними из самых выдающихся христианских подвижников того времени следует назвать основателей особых форм монашеского деяния. Это, во-первых, святой преподобный Антоний Великий (ок. 251—356).

Удивительный христианский пустынный стал основателем отшельнического монашества и почитается таковым в том числе и в Православной Церкви. Особо известен ныне его необычный крест (так называемый «тау-крест»), который произошел от формы его посоха с маленьким колокольчиком для отпугивания бесов. Во-вторых, назовем приверженца киновитного монашества — чудотворца Пахомия Великого (ок. 292 — ок. 346 или 348), выходца из города Фивы, египетского монаха, основавшего первый христианский общежительный монастырь и составившего первый монастырский общежительный устав. Большинство монастырей в России были и есть именно такого типа.

К подвижникам монашеского деяния — современникам святителя Николая — можно отнести и такого великого святого, как преподобный отшельник-аскет Макарий Великий (ок. 300—391).

Скорее всего, в юности своей святитель Николай не только застал еще в живых, но и слышал или читал труды Савеллия Птолемаидского о Святой Троице. Учение его было интересным и дискуссионным, но все же в дальнейшем его признали еретическим.

Более молодым современником стал Афанасий Великий (ок. 295—373), один из известных греческих Отцов Церкви, выходец из Александрийской школы патристики, один из самых сильных и аргументированных борцов с арианством. После кончины святителя Николая Афанасий (к 350 году) оставался единственным епископом «не арианцем» на всей восточной половине Римской империи.

Видимо, застал будущий святитель Николай в живых великого Григория Чудотворца (скончался ок. 270—275), епископа Неокесарийского, святителя, богослова, жившего не так далеко от Патары и Миры.

Едва не дожил до Никейского собора священномученик Памфил Кесарийский (скончался 16 февраля 309 года), бывший пресвитером в Кесарии Палестинской (в трех днях плавания от Мир Ликийских) и считавшийся крупнейшим богословом своего времени.

Участвовал в Первом Вселенском соборе, а значит, знал лично святителя Николая и был его почти полным ровесником епископ Ахиллий Ларисийский (ок. 270 — первая треть IV века). Он служил в городе Лариса (Фессалия, Греция). Как и Николай Чудотворец, после кончины родителей он раздал все свое имущество, а затем отправился

в Иерусалим, где жил в посте, молитве, покаянии несколько лет у Гроба Господня.

Вошел в историю Феогност Александрийский — ученик Оригена, богослов и писатель, возглавлявший Александрийскую богословскую школу во второй половине III века (после Дионисия Александрийского). А ведь есть предположения, что будущий святитель Николай обучался в Александрии до принятия сана епископа! Но Феогност был приверженцем Ария, против которого в дальнейшем выступит Николай Мирликийский.

Прославился в те времена и святой Януарий, или Ианнуарий (род. 272). Как священномученик он почитается Католической и Православной церквями, считается покровителем города Неаполь. Позднее он стал известен происходящим у его мощей чудом («чудо святого Януария»), когда его кровь в ампуле становится жидкой или даже вскипает, что происходит, по свидетельствам католиков, трижды в год.

Одним из пострадавших в период гонений при императоре Диоклетиане стал Максимилиан Тебесский (274—295), почитаемый как раннехристианский святой мученик, преданный смерти за открытое исповедание христианства, а также и за отказ от службы в римском войске.

Кто из православных не знает имени святого целителя Пантелеимона, в переводе с греческого которое звучит как Всемиловитый (ок. 275—305)! Он скончался, скорее всего, когда святитель Николай уже был епископом в Мирах Ликийских. Великомученик, целитель, врач. Миллионы людей ныне обращаются к святому Пантелеимону за помощью для избавления от недугов. Он учился у знаменитого врача Евфросина, изучал медицинское искусство. Врачевал у римского императора Максимиана, но пострадал за христианскую веру.

Имя святого диакона Марина (San Magino diacono), христианского святого, известно тем, кто бывал в основанном им государстве Сан-Марино (что произошло в 301 году). Почти ровесник святителя Николая (275—366), перед кончиной он произнес известные слова, присущие «республиканцу», создававшему одну из первых в истории республик: «Relinquo vos liberos ab utroque homine» («Оставляю вас свободными и от того, и от другого человека»). Слова эти легли в основу обоснования независимости республики Сан-Марино и от Папы Римского, и от Священной Римской империи.

В те же времена жил Григорий Назианзин Старший (? — 374), епископ Назианзский, отец Григория Богослова. Почитается как святитель, память о нем в Православной Церкви — 1 (14) января, в Католической — 1 января.

В эти годы произошли и важнейшие события, связанные с христианизацией Грузии. Связаны они с именами двух выдающихся подвижников. Первой из них назовем святую Нину, просветительницу Грузии, почитаемую в лике равноапостольных (ок. 280 или 296 — ок. 355). Предполагается, что она была по происхождению из Каппадокии, ее отец Завулон был родственником великомученика Георгия Победоносца, а матушка Сусанна — сестрой Иерусалимского Патриарха.

Другой важный для грузинской истории человек — это Мириан III, или святой Мириан (265—360). Царь Иберии, почитаемый как первый христианский правитель Грузии, он провозгласил христианство государственной религией. Он же построил собор в Мцхете, где ныне расположен кафедральный патриарший собор Светицховели. Его жена, царица Нана, приняла крещение еще в 314 году от святой Нины. После Первого Никейского собора, в 327 году, Мириан объявил христианство религией Иверии, запретив поклонение языческим богам, при этом попросив у императора Константина I прислать епископов и священников. Что и было сделано.

Еще одна святая III столетия Акилина Старшая (Акилина Финикийская), почитаемая как мученица, в России затем быстро превратилась в Акулину. Так появилась святая Акулина-гречишница, которая стала покровительницей хорошего урожая гречихи, злака малоизвестного за пределами Руси. День поминовения этой современницы святителя Николая празднуется 13 июня (26 июня по новому стилю).

Покровитель христианского воинства Феодор Стратилат (? — 8 февраля 319) почитается как святой в лике великомученика. Память в Православной Церкви совершается 8 (21) февраля и 8 (21) июня, в Католической — 7 февраля.

Когда подросток-певец Робертино Лоретти в XX веке спел песню «Санта Лючия», он стал известен на весь мир. Песня так или иначе была связана с именем святой Луции Сиракузской (в православии — Лукия Сиракузская), по-итальянски Santa Lucia (ок. 283 — ок. 303). Почитаема как мученица, покровительница слепых. Изображается с пальмовой ветвью и мечом в руках (символы победы

над смертью и мученичества), а также с книгой и масляной лампой, или иногда несущей блюдо, на котором лежат ее глаза, которые, по Житию, были вырваны, чтобы она могла избавиться от домогательств мужчины, замороженного ее взглядом.

Екатерина Александрийская (287—305) известна как христианская великомученица, убиенная при императоре Максимиане. Ее мог знать святитель Николай лично, если принять во внимание предположение, что он учился в это время в Александрии. Позднее ее мощи были открыты вновь и перенесены в монастырь на Синайской горе (теперь обитель носит ее имя). Множество паломников предопределили массовое почитание святой как в Восточной, так и в Западной Церкви. Ей посвящено много гимнов. На Синайском полуострове в трудные времена для защиты паломников был даже создан Орден рыцарей Святой Екатерины. В России Петр I учредил Орден Святой Екатерины.

Святой Вит (ок. 290—303) как христианский святой и мученик хорошо известен в христианском мире. Собор Святого Вита считается главным в Чехии; он расположен в Пражском Граде и включает в себя реликварий с государственными сокровищами страны. Память святого Вита отмечается в Православной Церкви 16 (29) мая и 15 (28) июня, а в Католической Церкви — 15 июня.

Иларион Великий (291—372) известен как христианский святой, аскет, почитаемый в лике преподобных. В середине 310-х годов посетил в пустыне святого Антония, затем вернулся в Палестину и стал первым палестинским отшельником. Память его в Православной Церкви 3 ноября (21 октября по старому стилю), в Католической — 21 октября.

Изображение святого Христофора (в переводе: Носящий Христа) с песьей головой хорошо известно знатокам христианской традиции. Мученик, почитаемый Католической и Православной церквями, жил на рубеже III—IV веков. Песья голова попала в его иконографию случайно, но утвердилась в истории. Говорят, что святой мученик Христофор помогает избавиться от бесовского плена.

Святой Маврикий (? — ок. 290) остался в памяти названием острова в Индийском океане. Христианский мученик был отличным воином, руководил Фивейским легионом (Фиваидским легионом), состоящим из христиан. Когда легион был направлен из Фив в Галлию в помощь императору Максимиану, то ему донесли информацию о

вероисповедании солдат. После их отказа принять участие в казни единоверцев из местного населения легион «децимировали», то есть был казнен каждый десятый по жребию. После очередного отказа децимирование повторили, а затем по приказу Максимиана казнили и всех оставшихся в живых легионеров, общее число которых было 6600 (иногда указывают, что их было 6666). Один из вариантов датировки события — 286 год. Погибшие солдаты известны также как Агаунские мученики.

Память о святой Татиане (Татьяне) Римской, жившей чуть ранее святителя Николая (скончалась в 226 году), была хорошо известна в кругах епископа Мир Ликийских. Она почитается в Православной и Католической Церквях в лике мучениц. День памяти — 12 января (25 января по новому стилю). Она пострадала при императоре Александре Севере. В России до сих пор почитается как покровительница студенчества, в частности, Московского государственного университета, где есть домовый храм ее имени.

Особо следует отметить богослова Мефодия Патарского, или Мефодия Олимпийского (ок. 260—312), — автора сочинений против Оригена, многочисленных нравственных поучений и толкований Священного Писания. Он, безусловно, был связан и знаком со святителем Николаем, выросшим в Патаре. Известны были святому Николаю и сочинения Мефодия, которые позднее были включены в 18-й том *Patrologia Graeca* (Греческая патрология, собрание трудов Отцов Церкви и различных светских авторов, написанных на греческом и византийском — среднегреческом — языке, до того, как латинский язык стал преобладающим на Западе среди христиан в III веке). Почитается в лике священномучеников, память в Православной Церкви — 20 июня (по юлианскому календарю), в Католической — 20 июня (по григорианскому календарю).

Также не забудем и Евдема, епископа Патарского, который присутствовал на Первом Никейском соборе в 325 году и как Патарский архипастырь не мог не быть знаком со святителем Николаем Чудотворцем лично.

В период жизни святителя Николая произошло немало важных событий. Например, в 301 году было принято христианство в Армении, и она стала фактически первым христианским государством.

Очень важным событием при жизни святителя Николая

стало Обретение Креста Господня. События произошли в 324—326 годах, когда, как считается, он был найден святой царицей Еленой (матерью императора Константина I Великого) во время ее путешествия в Иерусалим, предпринятого с целью паломничества и поиска христианских реликвий. В «Хронографии» Феофана за эти годы читаем: «Божественный Константин отправил с сокровищами блаженную Елену для отыскания животворящего креста Господня. Иерусалимский Патриарх, Макарий, встретил царицу с подобающею честью и вместе с нею отыскивал желанное животворящее древо, пребывая в тишине и прилежных молитвах и пощениях». Также в 325—326 годах началось строительство Храма Господня в Иерусалиме, что стало объединительным деянием для всего христианского мира.

После установления в 324 году в Римской империи власти одного императора — Константина I Великого — началось масштабное строительство в Византии, в итоге которого в 330 году туда была из Рима перенесена столица, переименованная в Константинополь. С 321 года христианская Церковь получает право приобретать недвижимое имущество. В 320-е годы написана «Церковная история» Евсевия Кесарийского, важнейший труд для осознания места и роли Церкви в развитии цивилизации.

Христианство освободилось от запретов в Римской империи сразу после принятия Миланского эдикта о веротерпимости в 313 году. При императоре Константине обнародуются законы об освобождении Церкви от повинностей и налогов, о защите рабов и заключенных, о запрещениях казни распятием и гладиаторских боев.

Перечислим некоторых современников святителя Николая, которые внесли выдающийся вклад в развитие различных светских наук и искусств.

Среди них особое место занимает греческий математик Диофант Александрийский. Его иногда называют «отцом алгебры». Это он стал автором знаменитой «Арифметики», книги рациональных решений неопределенных уравнений. До наших дней его изучают и понимают под «диофантовыми уравнениями» те уравнения с целыми коэффициентами, решения которых находятся среди целых чисел. Он смело ввел в оборот дроби и узнаваемые нынче символы математики. Не случайно именем Диофанта был назван один из кратеров на Луне.

Одновременно со святителем Николаем жил и античный философ-идеалист, основатель неоплатонизма Менандр. Он был греческим ритором происхождением из Ладикеи, не так далеко от Патары и Миры. Если предполагается, что Менандр составил два важных для развития красноречия сочинения, а также подробно разбирал речи Демосфена, то у кого, как не у него, Мирликийский святой мог научиться настоящему ораторскому искусству, о чем остались рассказы в его Житиях!

Параллельно с христианством развивались и светские философские науки. Ярким представителем таковых стал Плотин (204/205—270), который привел в порядок учение Платона, связанное с воплощением триады в природе и космосе. Не случайно в это время развились дискуссии о Святой Троице. Светская наука также озаботилась этими вопросами. Плотин верил в Божество, по его мнению, представляющее из себя неизъяснимую первосущность, которая выше всякого постижения и порождает многообразие вещей. Так он хотел объединить античный политеизм с идеями Единого Бога.

Святитель Николай застал еще при жизни и мог пользоваться трудами Цензорина, римского филолога, писателя и музыкального теоретика. Это он создал известное сочинение «О дне рождения», пытаясь разобрать в нем важнейшие вопросы бытия: календарь, сущность истории, основы астрономии, тайну происхождения человека, а также азы современной ему музыки и математики. Цензорин рассуждал о гармонии мира, он дал знаменитое определение музыки, считая ее наукой о соразмерности (модуляции) мелодии. Многие его труды, к сожалению, ныне утрачены...

В это же время в научном мире появился «Герметический корпус» («Корпус Герметикум», или «Герметический свод», *лат. Corpus Hermeticum*), представляющий из себя блок приписываемых древнему мудрецу Гермесу Тризмегисту трактатов религиозно-философского характера, на древнегреческом языке. То было обнаружение герметической философии, собрания греческих и египетских представлений и суеверий, которое изложили как мистические и таинственные учения. Написаны они были в III столетии, дошли до нас не полностью. Трактаты эти относят к философскому герметизму.

Не менее ценным стал вклад в науки и искусства Гая Юлия Солина (III век). Известный тогда римский писатель сочинил труд «О достойном памяти» (или «Собрание дос-

тойных упоминания вещей»). Здесь он изложил свои знания по географии. Создав уникальное занимательное чтение для заинтересованной публики, он умело поместил в книгу различные истории и курьезные факты, связанные с жизнью людей, животных, с растениями и даже горными породами и минералами. Включив в труд описание Германии, Галлии, Британии, Испании, Италии, Геллеспонта и Понта, Африки, Малой Азии и Индии, автор впервые внедрил в европейское сознание термин «Средиземное море». Именно у берегов его, в описанной Гаем Юлием Солином Малой Азии, и жил святитель Николай. А книга пользовалась такой популярностью, что не прочитать ее или не слышать о ней епископ Мирликийский просто не мог...

Таковой предстает перед нами панорама жизни европейской и азиатской цивилизаций на рубеже III—IV веков от Рождества Христова.

Иногда говорят так: святитель Николай был образцовым христианином в Ликии. По этой причине его иногда сравнивают с современными ему церковными подвижниками, теми, кто принимал тогда, развивал и укреплял христианскую веру. Так ли это на самом деле? Нужно ли утверждать то, что не совсем принципиально? Ведь для нас важнее, что он стал значительно более влиятелен и известен, нежели многие его современники или соратники. Он не просто был примерным христианином, но и повлиял на христианизацию всей европейской цивилизации, за что не раз мог поплатиться своей жизнью.

Мы имеем не так много, а вернее сказать — мало источников, которые бы нам рассказывали о жизни христиан в Ликии. Как мы уже говорили, большинство жителей Анатолии, и в особенности — ее южного побережья, в то время не исповедовали Христа, зачастую были приверженцами других религий или даже язычниками. Задабривание предков было важнейшим действием в сфере верований. Как писал во II веке от Рождества Христова Лукиан, объясняя языческие жертвы для предков: «Люди воображают, что души выходят наружу к приносимой пище и питаются дымом сжигаемого мяса и вином, вылитым на землю».

Сила языческих традиций так или иначе играла большую роль в судьбе святого Николая. В детстве и юности он был окружен языческими античными богами, храмами и алтарями, множество людей вокруг соблюдали античные

старинные обычаи и традиции. Даже после Первого Вселенского собора, в том же IV столетии от Рождества Христова, император Юлиан Отступник, ярый язычник, так описывал параллельное сосуществование христианства и язычества, служителей Церкви Христовой и поклонников античных культов, приводя в пример одного из епископов-христиан, не гнушавшегося и языческих верований:

«Будучи епископом галилеян, он почитал богов. Приглашенный явиться к блаженному царю Констанцию, я держал путь через эти места и раз ранним утром из Троады пошел в Трою через агору. Епископ встретил меня и, когда я пожелал осмотреть памятники города... а это был у меня предлог для посещения священных храмов, — предложил себя в проводники и повел меня повсюду... Он был не чужд почитания богов. Там есть святилище Гектора, где стояла медная статуя в маленьком храме, при нем под открытым небом стояло изображение великого Ахилла... Заметив, что жертвенники еще хранят следы жертвоприношений и что статуя Гектора обильно полита благовониями, я обращаюсь к Пигасию с вопросом: “Что это? Разве троянцы приносят жертвы?” — “Что же дурного, — ответил он, — если они почитают хорошего человека и своего согражданина, как и мы кланяемся своим мученикам”. — “Пойдем, — сказал я, — к святилищу Афины Троянской”. Он очень охотно повел меня и открыл храм и, как бы рисуясь, с полным вниманием показал мне сохранившиеся статуи, причем не позволил себе ничего такого, что обычно делают в таких случаях... не делал знамения на нечестивом челе и не шептал про себя, как они. Ибо высшая степень богословствования у них заключается в этих двух вещах: шипеть против демонов и делать на челе крестное знамение. Затем он пошел со мной до жертвенника Ахилла и показал гробницу его, вполне сохранившуюся. Был слух, что она была раскопана им, но он подходил к ней с большим благоговением, — это я сам видел. Я слышал от тех, которые ныне весьма к нему враждебно настроены, что тайно он воздавал поклонение солнцу».

Кому же и как поклонялись в этих краях жители Анатолии и чему противостояли родители будущего святителя?

Для греков существовало многообразие богов, греки были политеистичны, не представляли себе жизни без их роли в жизни человека, хотя и не отрицали того, что существовал главный Бог на небе, самый сильный и могущественный, который заботится обо всех и о делах небесных.

Имя Зевса было широко известно. Жители страны почитали его, молились ему об урожае. Античная литература была исполнена героических событий, связанных с богами, полубогами или контактами людей и их небесных вождей. Язычники, почитавшие античных богов, считали, что душа или сам человек после смерти попадают в загробный мир, хотя они не обладали знаниями или учениями, связанными с воскресением из мертвых. Они верили, что души умерших можно словно клонировать, если попросить об этом богов и задобрить их жертвами. Боги и духи, по их мнению, жили в природе: в горах и скалах, в рощах, на ветвях деревьев, на берегах рек и ручьев, в огне, а особенно — в статуях божеств — идолах, которым они поклонялись и молились. Почитались маги и магические обряды, гадания, предсказания. Множество народа посещали оракулов, предсказывающих будущее. Вокруг продолжали строить множество античных храмов, в которых отводили специальные места — алтари — для жертвоприношений. Рядом с Мирами Ликийскими до сих пор находится знаменитое место, где из-под земли вырываются языки пламени. Считалось, что их изрыгают химеры — особые языческие существа. Сама местность до сих пор носит название Кемер (от химер).

Итак, древние анатолийцы, включая некоторых ликийцев и греков, в годы жизни святителя Николая еще не знали учения Христа. Тексты Евангелий до них еще не дошли. Для того чтобы прочитать Библию, необходимо было учиться. Не всякому человеку это было под силу. Большинство ведь вообще жило безо всякого образования, применяя простые знания для совершения сделок, покупок или устройства быта. Книги (тогда еще только рукописные) были очень большой редкостью и невероятной ценностью.

Христианство требовало особых знаний. По этой причине первоначально в Европе сближение с христианским учением было во многом уделом довольно обеспеченных или даже высокопоставленных семей, где возможность изучения текстов была большей. Видимо, из такой семьи и происходил святитель Николай. Христианство по-настоящему вошло в жизнь и культуру Ликии только в начале правления императора Константина I Великого. А также — не забудем здесь об этом напомнить — благодаря жизни и деятельности самого святителя Николая.

Глава 2

ХРИСТИАНИН В III—IV ВЕКАХ

Любого человека, принявшего крещение и посвятившего свою жизнь заповедям Христовым в те времена, окружали традиции, отчасти защищенные крепкими устоями античной цивилизации, но полные опасностей, свойственных тому времени. Что отличало христиан от обычных жителей Римской империи? На первый взгляд внешне — почти ничего. Они так же, как и все, одевались, так же трудились, ухаживали за детьми, занимались домашним хозяйством, служили в войске. Но пристальным взглядом можно было увидеть нечто особенное. Они не спешили со всеми имперскими гражданами в языческие храмы, раз в неделю заходили в дома, которые именовали своими церквями, но они порой не очень-то были похожи на храмы античные. Наконец, они часто упоминали имя Иисуса Христа и могли во время работы или движения вдруг остановиться и тихо шептать про себя что-то важное, некий текст, который они именовали молитвой.

Отличия эти постепенно становились настолько заметными, что порождали в обществе как некоторое желание понять или принять их, так и сильное стремление помешать или даже уничтожить. Годы жизни христианина напоминали «чересполосицу». Жизненные периоды одобрения и понимания среди окружающих сменялись периодами жестоких гонений, особенно от власть имущих. Все это в довольной мере выпало на долю святителя Николая. Он это пережил и хорошо знал.

Вот как описывает это в своей «Истории христианской церкви» историк и писатель XIX века Евграф Иванович Смирнов: «Их обычаи и в домашней и общественной жизни проникнуты были духом христианской религии. Так они при начале какого-либо дела полагали на себе крестное знамение. На стенах своих домов, на домашней утвари и посуде

делали священные символические изображения... креста, рыбы, голубя, употреблявшиеся затем и в самих храмах».

Важнейшие перемены произошли у христиан в традициях погребения усопших. «Язычники тела умерших обыкновенно сжигали, — продолжает Е. И. Смирнов, — христианская Церковь приняла обычай помазывать тела умерших благовонными мазями и полагать в землю. Само погребение сопровождалось молитвами, пением соответствующих совершаемому действию псалмов и песнопений и даже надгробными речами, а также совершением Литургии в память умерших, и тем удобнее, что очень часто местами христианских богослужебных собраний бывали усыпальницы или катакомбы, в стенах которых ставились гробы умерших. Печаль об умерших умерялась радостным сознанием, что умерший во Христе имеет надежду воскресения для будущей жизни, почему и считалось приличным сопровождать погребение торжественным и радостным богослужением — совершением Евхаристии. Вследствие того общехристианского сознания, что умершие продолжают жить за гробом, христиане и после их смерти продолжали возносить за них молитвы, а в годовщины смерти, так же как и в день смерти, делали как бы от них приношения и совершали Евхаристию, причем в общественных молитвах умершие поминались поименно».

Немаловажной традицией стало установление четкой церковной дисциплины. Каждый христианин в это время знал, когда, что и как он должен делать в связи с богослужениями или совершением тех или иных таинств. Не исполняющих правила могли даже отлучить от Церкви. Это касалось и появившихся еретиков, закоренелых грешников, раскольников или явных отступников от христианства.

Посещение храмов становилось правилом жизни христианина. Важным пониманием духовной жизни стало осознание того, что для Церкви не существовало единственного или исключительного места для богослужения. По Писанию было понятно, что служение Богу могло совершаться во всяком месте, даже в частных домах. К III столетию, при увеличении числа христиан, количество храмов значительно возросло.

«На построение церквей, — пишет Е. И. Смирнов, — христиане нередко жертвовали большие средства с тем, чтобы по своему великолепию и богатству они были поистине домами Божьими, отличными от обыкновенных жилищ. Так, Евсевий, епископ Кесарийский, описывая церковь, устроенную Павлином, епископом Тирским, го-

ворит, что он употребил на нее материал богатейший и драгоценнейший, не жалея никаких издержек, и что в числе этого материала были и кедры ливанские, и мрамор. Кроме того, христианские храмы были еще украшены живописными изображениями. Предметом их был, прежде всего, святой крест... разные предметы, события и лица, заимствованные из Священной Истории Ветхого и Нового Заветов. Так, например, в употреблении были изображения рая (при входе в церковь), ковчега Ноева с голубицей, жертвоприношение Исаака, изображения Иова, Ионы, Даниила во рве лвином, Иоанна Предтечи, Крещения Спасителя во Иордане, насыщения пяти тысяч хлебами, воскрешение Лазаря и т. п. К этому присоединились еще символические изображения предметов христианской веры... изображения голубя, рыбы, корабля, рыбака, феникса, виноградной лозы, доброго пастыря, агнца и прочее».

Иконы тогда уже были, но пока еще не стали предметами всеобщего почитания. Еще святой евангелист Лука, как известно, написал икону Богоматери. А современник святителя Николая Чудотворца — церковный историк Евсевий Кесарийский — отметил в своих трудах то, как с помощью красок писали картины, на которых прихожане в храме узнавали лица Христа Спасителя, а также апостолов Петра и Павла.

Особо почитались книги. В первую очередь списки Священного Писания, рукописные варианты Ветхого и Нового Завета, переписывались Евангелия. Распространялись копии богослужебных и домашних песнопений и молитв. В храмах уже определялись традиции облика церковных облачений, одежд для клириков и священнослужителей, уже сформировались также форма и внешний вид священных предметов, необходимых для совершения богослужения, и в первую очередь — для Евхаристии.

Путь к духовной зрелости

Прежде я начал учить, чем научился сам.

Поэтому мне надо и учиться и учить.

Амвросий Медиоланский.

«Об обязанностях священнослужителей», IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Так он рос, усваивая добрые нравы

частично от родителей, а частично, как тучная земля, сам порождал их и возвращал; когда же пришло время, его отдали учителю. Вследствие своих природных дарований и остроты ума в краткое время Николай превзошел большинство наук; всяческую же суету презирал и сторонился недостойных сборищ и бесед».

Вернемся к тем временам, когда пришло время родителям отрока Николая предстать перед Господом. Их выпестованное чадо не осталось в одиночестве. Можно сказать, что отец и матушка будущего святителя заранее позаботились о его будущем.

Епископом Патары в то время был родной дядя юного Николая (мы не будем здесь отрицать этот факт, хотя его часто относят к другому Николаю — Сионскому). По удивительному совпадению он также носил это имя. Патарское епископство имело отношение к христианской Церкви, заложенной еще во времена побывавшего здесь апостола Павла. Кафедра архипастыря, по всей видимости, располагалась в центре города, куда на праздники стекалось достаточно большое количество христианского народа, невзирая даже на периоды гонений.

Еще при жизни родителей благочестивого юноши епископ Николай обратился к ним с наставлением и просьбой — отдать юного Николая для служения в церкви. Духовная подвижническая жизнь, ежедневный подвиг отличали подростка. Современники это хорошо видели, а епископ — тем более.

Симеон Метафраст — автор одного из Житий святителя — писал: «Вследствие своих природных дарований и остроты ума в краткое время Николай превзошел большинство наук; всяческую же суету презирал и сторонился недостойных сборищ и бесед, уклонялся вступать в разговор с женщинами и даже не смотрел на них, заботясь лишь об истинно разумном. Он простился с мирскими делами и все время проводил в домах Божиих, приготавливая себя к тому, чтобы стать достойным домом Господним».

Благодаря родительской заботе юный Николай рос и развивался быстро. Так убеждают нас житийные источники. Как это было принято в образованных семьях — участвовал во многих событиях, происходивших в христи-

анском анклав ликийской Патары. Вместе с опытными наставниками он был сведущ во всем, ведь нужно было набираться опыта не только для будущего служения Церкви и служения в церкви, но и готовиться к пастырскому служению.

Можем ли мы предположить, как мог складываться быт юного Николая? Порой мы узнаем лишь общие факты о детстве того или иного человека первых столетий от Рождества Христова. В таких весьма кратких жизнеописаниях мы видим, что тогда немалое значение придавалось соответствующему воспитанию и образованию. Не приходится сомневаться, что будущие духовные подвижники были весьма смысленными в детстве, их отличали не только усердие, но и развитость ума, стремление к постижению знаний и современных наук.

Духовное воспитание и образование предопределяли дальнейший жизненный путь юноши. В период постоянных волнений, разорения некоторых городов и сел, когда не придавалось большого значения ценности человеческой жизни, будущий святитель обучался духовному деланию и знанию. Тогда еще не было многочисленных христианских монастырей, куда некоторые уходили совсем, вернее даже, монастырская традиция только складывалась. Представим себе молодого человека античной эпохи начала первого тысячелетия, выбирающего себе жизненный путь. Вариантов такого выбора было не так уж и много. Каким бы родством семья ни гордилась, вариантов для будущей жизни у мальчика было лишь несколько. Уделом юноши становилась не только возможность стать главой собственного дома, но в первую очередь — военное дело. Мужчины — пахари и ремесленники, торговцы или знатные правители — в определенный момент (и довольно часто) должны были складывать и убирать свои мирные орудия или инструменты и браться за мечи и копья, чтобы защитить своих близких и свое добро. Большинство жизненных проблем решалось с позиции силы.

Однако был и еще один жизненный путь для юноши, который на первый взгляд мог бы показаться уходом от бытовой реальности. Этот путь — духовный, связанный с христианской жизнью. Нельзя утверждать, что в те времена такой выбор жизненного пути считался очень удачным. Христианство хоть и утверждалось на востоке от Рима, но еще не приняло такие масштабы, при которых последователей веры Христовой было бы большинство.

Язычество продолжало процветать во всей своей силе и в разных формах. Существовали народы, абсолютно далекие от христианства и даже не слышавшие о нем. Просветительская и миссионерская деятельность Церкви продолжалась и развивалась. Выбор — уйти от реальной жизни, например, в служение в церковь — был связан с обречением себя и на непонимание окружающими, и на возможные лишения. Выбор этот означал отказ от мирской суеты. И в первую очередь — от участия во всеобщем кровопролитии, в войнах и постоянных битвах, а порой даже и от семейной и уютной домашней жизни. Такой «уход» не был особенно популярен и даже не поощрялся в светской среде. Он мог стать предметом многочисленных упреков и насмешек.

Но мы знаем, что юный Николай рос в крепкой, традиционной, именитой в христианском мире семье. Это и предопределило выбор будущей жизни. Как и каким образом в то время происходило образование юношей из таких семей? Попробуем понять — что и как мог изучать отрок, а затем зрелый юноша, будущий церковный пастырь. Чему же и где пришлось ему учиться?

Эпоха античности все еще продолжалась, традиции были устоявшимися. Греческая и римская культуры оказывали огромное влияние на формирование мировоззрения и педагогику того времени. Им на смену еще не пришли христианство, новая культура, иные традиции, свои цели. Лишь только формировались новая школа и система убеждений. По-иному начинали складываться государственные устройства, традиции управления, отношения между людьми, включая отношения между верхами и низами. Вместо мифов античности и материального мировоззрения пришло учение о Вере и Спасении, вместо расслоения — надежда на равенство людей перед Творцом.

Спасение души — как идея — постепенно увлекала жителей Европы. Если нет справедливости в реальном мире, нет счастья и род людской разрознен — то есть перспектива получения всего этого там, в Царствии Небесном, после кончины. Для этого нужно было жить по христианским традициям, знать Евангелия, читать Библию, принимать участие в богослужениях, причащаться, то есть — быть достаточно образованным человеком и знать — что, когда и как делать. Очень важным становилось представление о том, что не всё можно сделать и не всего добиться по человеческому разумению или по своим силам. Божественное начало, благодать осознавались как основа бытия.

Именно эти постулаты передались от родителей юному Николаю. Кто мог хорошо преподавать в то время? Кто имел право толковать, объяснять, привносить в жизнь детей новое учение? Конечно же — епископы Церкви, священники. Таковые, как известно, в ликийской Патаре — были.

Важным для становления ребенка в семье стало учение о вере, да и сама вера в Иисуса Христа. Отсутствие веры предполагало принадлежность к обыкновенному язычеству. А языческих школ, сильных в эпоху античности, в то время было предостаточно. Христианские священнослужители старались в воспитании уйти от античности, а в образовании — от языческих греко-римских источников. Они начинали создавать свою литературу, житийную традицию, таким образом, пытаясь остановить влияние на сознание человека мифов и богов античной эпохи.

Юному Николаю пришлось столкнуться с важными элементами воспитания, которыми стали такие понятия, как аскетизм, внимательность и усердие при изучении христианских источников, Священного Писания и Предания, складывающегося учения Отцов Церкви. Наставники воспитывали у него такие качества, как самоконтроль, умение сдерживать свои помыслы и желания, контролировать поступки и мысли. Всё это тогда уже называлось добродетелью. Именно такая добродетель должна была выработать беспристрастие к земным благам.

Понятно, что такое учение шло вразрез с языческими представлениями о силе и процветании будущего гражданина империи. Следуя языческим традициям, нужно было стремиться стать смелым и беспощадным к своим врагам, уметь не только быстро ориентироваться в реальном времени и пространстве, но и активно уничтожать всех противников своей семьи и рода, причем — любой ценой, и даже с помощью кровной мести: око за око, зуб за зуб.

В Римской империи существовали школы, где преподавали античную историю и культуру. Еще не ушли в далекую историю Гомер и Сократ. Еще не пришли им на смену христианские авторы, такие как Блаженный Августин, Григорий Богослов или Иоанн Златоуст. Как гражданин страны юный Николай мог приобщиться к современным ему традициям культуры всецело. Хотя и не всем предоставлялась такая возможность. Было ли христианское образование массовым? Конечно — нет. Невежество в понимании учения Христа продолжалось. Неграмотной в данной сфере ча-

сто была даже правящая элита, необразованными духовно оказывались большинство чиновников. И только реформы императора Константина I Великого, дальнейшее расширение деятельности христианских школ, приобщение людей к письменной христианской традиции стали как-то исправлять положение. Но это было чуть позже, когда святитель Николай уже достиг сана архипастыря.

Именно христианские церковные приходы тогда постепенно заменяли античные культурные центры. Хотя иногда для более серьезного доказательства правильности новой веры учителя, проповедовавшие Священное Писание, также использовали произведения античной литературы. Но только с целью критики. Весь учебный потенциал строился на прочных основах христианства. Ничто не могло поколебать основного учения о Христе Спасителе.

По записям Патриарха Мефодия — одного из биографов святителя Николая — становится известным, что родители отдали его на учение в пять лет. Именно «отдали», так пишет Патриарх. Куда отдали? Упоминаний о существовании христианских школ в то время, до правления императора Константина I Великого мы не имеем.

Был ли юный Николай постоянным посетителем приходской школы (да и была ли таковая?) или с ним занимались только родители — мы не можем сегодня сказать точно. Но он хорошо был обучен грамоте, изучал Псалтырь, церковную службу. Можно предположить, что отроку пришлось посещать один из специальных центров христианского знания. Тогда такой школой могла стать приходская — при христианском храме.

Если пофантазировать и представить себе все-таки скрытую, незаметную для посторонних глаз приходскую школу той эпохи, то мы бы заметили, что таковая была большой редкостью. Располагались подобные школы в храме или рядом с храмами, в доме священника или причта, даже просто — в частных домах. Здесь обучали детей основам Закона Божия, церковному пению и письму. Священник мог в особых случаях прийти и домой к ученику.

Некоторые исследователи называют ликийский город Ксанф местом, куда с целью получения образования на некоторое время был отправлен родителями отрок Николай. Получить подтверждение этому заключению негде. Но если принять его к сведению, то можно сказать, что такое было вполне возможно. Ибо в Ксанфе была своя епископская кафедра. Нам известны документированные име-

на ксанфских епископов начиная со второй половины IV века, чуть позже кончины святителя Николая. Но это подтверждает факт обширной духовной жизни в этом большом городе. Из небольшого списка архипастырей нам осталось в наследие имя епископа Македона, который был участником Первого Константинопольского собора 381 года.

Известно, что в те времена так называемой поздней античности Ксанф был центром обучения, откуда ученики потом направлялись для повышения образования в Александрию. Об этом сообщал Марин (Marinos) в своей книге «Жизнь Прокла» (Vita Procli) в V столетии. В ней рассказывается, как родители будущего известного античного философа-неоплатоника, руководителя Платоновской академии — Прокла Диадоха, отдали его в одну из нескольких существовавших школ грамматиков в Ксанфе. Почему же не могли так поступить и их предшественники — родители отрока Николая? Ксанф располагался неподалеку от Патары.

Кстати, среди многочисленных материалов о святителе Николае есть те, где говорится, будто, отправившись в Палестину, он стремился в Александрию для продолжения учебы, и именно это плавание было связано с чудом о спасении им (воскрешении) моряка, сорвавшегося в шторм с корабельной мачты на палубу и разбившегося насмерть. Это мы видим в книге С. В. Булгакова «Настольная книга для священно-церковно служителей», вышедшей в полном варианте в Киеве в 1913 году. Но подтверждений этой версии продолжения обучения — увы — нет.

Какие предметы изучал или мог изучать юный Николай? В первую очередь мальчику, вероятнее всего, объясняли сущность античного учения о свободных искусствах. Свободные или вольные искусства — как объясняли юным школярам — пришли из Античности, из Древней Греции. Они включали в себя грамматику, диалектику (логику) и риторику, а также астрономию, арифметику, геометрию и музыку.

Изучая свободные искусства, отрок знакомился с текстами выдающихся мыслителей, историков, поэтов, писателей и философов прошлого и настоящего, а также сведениями математического и естественно-научного характера.

Если это была церковная школа, то в ней еще могли изучать богословие, которое считалось чем-то наиболее важным; позднее данный предмет обучения превратится в схо-

ластику — средневековую университетскую философию, синтезировавшую христианское богословие и логику Аристотеля. Христианские учителя умело приспособляли античные науки к необходимым духовным школьным дисциплинам. Например, грамматику следовало изучать, по их мнению, для лучшего понимания Священного Писания и других богослужебных книг. Риторика нужна была для умения проповедовать. Диалектика — для победы в спорах с еретиками или язычниками, а астрономия — для понимания календаря и расчета пасхалий — богослужебного годового цикла христианских праздников. Свободные искусства хоть и считались начальной ступенью образования, но были крайне важны для познания окружающего мира. Считалось, что образование должно было иметь универсальный характер, человек должен понимать свое место в христианском мире, иметь представления о разных науках.

Конечно, с детства Николай слышал также, что существуют разные уровни образования, равно как и разные уровни культуры среди людей. Например, что есть землепашцы и они всех кормят. Живут ремесленники — они создают важные изделия и предметы. Воспитываются воины, которые всех защищают. Вырастают духовные учителя и наставники, которые становятся носителями духовности и знания, они могут приблизиться к Господу своей святостью.

Особое время уделялось грамматике, она даже была чем-то особенным. Когда отрок усваивал грамматику, оставалось время литературы. Учитель предлагал очень ограниченный список книг. Это было связано с желанием сделать кругозор ученика более консервативным. Отношение к греческому языку в ликийских краях было приоритетным, а потому даже древняя, вернее — классическая греческая литература читаема была учеником в оригинале.

Внимательно изучали диалектику, чтобы мыслить стройно и грамотно и чтобы уметь формулировать в споре аргументы и утверждения. Риторика давала умение искусно выстраивать фразы, учила ораторскому искусству, умению обращаться к людям, красноречию. Эти качества ценились у будущих священнослужителей.

Прилежным был юный ученик и в астрономии, она позволяла без труда понимать и вычислять любые церковные праздники. А еще он становился умелым в музыке, вернее — в церковном пении. Тогда уже появлялись первые записи нот в виде едва заметных знаков рядом с текстами. В основном же в храмах пели по памяти.

Но кроме освоения теоретических знаний изучал юный Николай и другие науки жизни — практические. У каждого сословия они были свои, которые почитались за добродетели. У крестьян это было трудолюбие, у духовенства — благочестие, а у аристократии — доблесть. Будущий священнослужитель должен был познать азы настоящего пастырства. Большую школу жизни пришлось пройти юному Николаю до самой зрелости. Он воспитывался в христианском духе, тщательно и со вниманием. Теперь мы можем уверенно сказать, что будущий святитель считался очень образованным и сведущим человеком для своего времени.

По текстам поздних Житий святителя мы узнаем, что родители его дали обет — посвятить сына Церкви, сделать все возможное, чтобы он стал священнослужителем. Обет был исполнен еще при их жизни. Ибо епископ Николай, с полного единодушного согласия будущего святителя, охотно посвятил его, как писали поздние источники, в пресвитеры.

Пресвитер и паства

*Священник есть как бы общий отец целой вселенной,
поэтому прилично ему заботиться о всех.*
Иоанн Златоуст, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Так как святой много потрудился для ведения Святого писания и разумения божественных догматов, был украшен множеством добрых качеств и неукоснительно соблюдал подобающую иереям неукоризненность жизни, а также и потому, что нрав у него и до того, как он стал стар, был спокойный и рассудительный, его хотят удостоить пресвитерского сана... Попечением дяди, заменявшего ему отца, тогдашний предстоятель церкви в Мирах рукополагает его во пресвитеры; так, Богом дарованный родителям, по их молитве он возвращается Богу».

Итак, раб Божий Николай из ликийского города Патары в молодом возрасте стал пресвитером. До этого, по свидетельству Патриарха Константинопольского, святителя Мефодия, автора Жития Николая Угодника IX столетия,

он был посвящен в клирики, то есть, возможно, в чтецы или затем в диаконы.

Кто таков пресвитер и кто им мог стать? А еще более правильно спросить — что это означало во времена будущего епископа Мир Ликийских? В переводе с греческого «пресвитер» означает «старейшина» или «глава общины». Иногда подразумевается церковный староста или некий старец. Но в церковной традиции общепринято называть так священнослужителя, в первую очередь — священника, или иначе, также по-гречески — иерея. Эта традиция в христианской истории пришла из самой древности, когда стали различать три степени священства при богослужении в храме. В первую степень входил клир, в числе которого могли находиться чтецы, певчие, диаконы и многие другие прихожане. Пресвитерство означало вторую степень священства. А третьей степенью считалось архипастырство, то есть служение в качестве посвященного во епископы и затем — в архиепископы, в митрополиты и патриархи. Все эти различия и ступени нынче считаются каноническими правилами, что означает утвержденные сообразно правилам апостолов Церкви, а также вселенскими и поместными соборами.

Византийский богослов, святитель Симеон Солунский, ссылаясь на Дионисия Ареопагита (I век н.э.), писал об этих степенях следующее: «Таковых суть три в честь Святой Троицы (о которых говорит и святой Дионисий) — диакон, пресвитера и епископа. Первое он называет священнослужительным, именно: рукоположение служителя (диакона), ибо оно подчинено двум другим, так как служитель, или диакон, ничего не совершает без епископа или пресвитера. Второе, то есть рукоположение пресвитера, называется совершительным, ибо оно дает право совершать священнодействие Таинств — крещения и других, но за исключением Таинства хиротонии, так как священник не имеет благодати преподавания священства и не может совершать какое-либо другое действие совершительное или просветительное, кроме Таинств миропомазания, покаяния, причащения, брака, елеосвящения и крещения... Иерарх [епископ] же имеет благодать просветительную, потому что он уподобляется Отцу светов и исполняется Его силой, и всякий чин, всякое Таинство и всякое священнодействие совершаются через него. Ибо он может и крестить, и миропомазывать, и возводить в служителя и совершителя, и в просветителя посредством рукоположения. Он может и читать, и петь, и по-

свящать в монахи, и освящать дома, и определять степени, и разрешать браки, и утверждать обеты девства — всё может совершать благодатью Христовой. Епископ называется лицом просветительным, потому что от него как от источника света зависит совершение всего в Церкви».

Само слово «пресвитер» можно найти еще в Ветхом Завете. В апостольские времена пресвитерами часто называли как тех, кто был священником, так и тех, кто позднее носил звание епископа. В первые столетия слово «пресвитер» использовали, чтобы показать особые заслуги некоего церковного пастыря. Такое наименование в первую очередь указывало на то, что этот человек находится в преклонном возрасте, стар, сед и умудрен жизненным опытом. Известно, что старцем-пастырем называл себя апостол Петр: «Старцы иже в вас молю, яко старец сый и свидетель Христовым страstem» (в синодальном переводе: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых», 1 Петр. 5:1). Ему вторил также и апостол Иоанн, запечатлевший себя как «старец — избранной» (3 Ин. 1:1).

Как писал профессор, богослов Н. И. Барсов — один из главных авторов статей знаменитого «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона»: «Обязанности пресвитеров, как видно из Деяний и Посланий апостольских и творений святых отцов II и III вв., были следующие: 1) преподавание благословения верным; 2) председательствование в собраниях верных в отсутствие епископа; в его присутствии пресвитер занимал второе место; 3) сказывание поучений, с благословения епископа, которому это право принадлежало главным образом; 4) совершение таинств и священнодействий. В храме епископ восседал на седалище возвышенном, пресвитеры — на седалищах, стоявших ниже. Если при епископе сослужили несколько пресвитеров, то они образовывали около него полукруг... При посвящении нового пресвитера, пресвитеры, во время руковожложения епископского, имели право возлагать на него свои руки. Корпорация пресвитеров при епископе называлась пресвитерия».

Обычно, с самого появления церковных правил, пресвитеры рукополагались епископами, причем по епархиям. Однако некоторое время существовала и другая традиция — избрание пресвитера могло происходить и при участии паствы, то есть обычных мирян. У Климента Римского есть

замечание о том, что посвящение пресвитеров «совершалось с согласия всей церкви». Скорее всего имеется в виду конкретный церковный приход (то есть приход, для которого они избирались). Климент Александрийский упоминает об избирательном списке кандидатов на пресвитерство, составлявшемся паствой. Н. И. Барсов, автор статьи «Пресвитер» в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», отмечает: «Участие [паствы] в выборе пресвитеров совершалось столь чинно, что император Александр Север (III в.) ставил выборы кандидатов на пресвитерство в христианских общинах в пример для выбора гражданских чиновников».

В книге А. С. Павлова «Об участии мирян в делах церкви», вышедшей в 1866 году в Казани, указывается, что только Лаодикийский собор (IV век) отменил участие паствы в выборе пресвитеров.

Эти данные крайне важны для нас, чтобы понять — как и каким образом будущий святитель Николай стал пресвитером и получил сан священника. До Лаодикийского собора, который прошел в 360 году, когда епископа Мир Ликийских уже не было в живых, он мог быть не только выдвинут на пресвитерство своим дядей — епископом Патарским, но и более того — быть избранным паствой, приходским клиром, местными жителями. Таким образом — удостоиться великого уважения, доверия и любви со стороны своих единомышленников, соседей, коллег и друзей.

Н. И. Барсов продолжает: «Участие мирян в избрании кандидатов на пресвитерство не означало участия их в посвящении их; оно было только свидетельством о их достоинствах и качествах; благодать, характеризующую пресвитерство, преподавало лишь руковоложение епископа. По мнению протестантских ученых, пресвитер и епископ имели сначала одну и ту же степень и достоинство; различие между ними появилось лишь в III в.; название “пресвитер” указывает на достоинство, а “епископ” — на должность, совмещенные в одном лице. Это мнение имело свои зачатки еще в IV в., но тогда же было отвергнуто церковью. Чем дальше, тем подробнее в учении церкви и в творениях св. отцов представляется значение пресвитерства как второй степени священства. Отцы церкви IV-го и последующих веков (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Григорий Двоеслов и др.) в своих творениях подробно разработали богословское учение о священстве».

Особо интересна нам такая мысль Н. И. Барсова: «В умственном отношении избираемый в пресвитеры должен быть достаточно образован в богословии, знать хорошо церковные правила (поэтому к пресвитерству не допускались новообращенные ко Христу)». И далее: «В нравственном отношении от кандидата в пресвитеры требуется безупречное поведение. Возраст для вступления в пресвитерство определен еще в IV в. — 30-летний».

Подобное утверждение означает, что будущий святитель Николай был не моложе тридцати лет от роду, когда он стал пресвитером. Аргументами в пользу такого утверждения могут стать слова святителя Симеона Солунского, сделавшего вывод: «Пресвитер и называется потому, что является то есть старейшим, что вышел из юношеского возраста и уподобляется летами Христу». Таким образом, мы получаем здесь добавку к подтверждению аргументов в пользу того, что святитель Николай довольно быстро стал и епископом, и не обязательно в преклонном возрасте. Стать «старейшим» в III столетии можно было уже и к тридцати годам при принятии священного сана!

В одном из своих трудов византийский святитель Симеон Солунский комментирует возраст пресвитерства так: «Почему пресвитер рукополагается тридцати лет от роду. Прежде всего иерарх узнает о жизни и летах его. Ему должно быть не менее тридцати лет... Ибо и Христос начал учить после принятия Крещения и свидетельства о Нем от Отца в Духе, что было как бы рукоположением Его от Отца, в возрасте тридцати лет, как пишет евангелист Лука (Лк. 3:23). Так и пресвитер: он должен быть совершен летами, потому что поставляется иереем Христовым, учителем и совершителем Божественных Таинств».

Итак, рассуждая о пресвитерах времени святителя Николая, мы делаем вывод, сообразный 39-му апостольскому правилу из сборника церковных канонов, где содержатся дисциплинарные постановления, касающиеся управления Церковью и датируемые второй половиной IV столетия. Его составляли, видимо, не апостолы, потому что более раннего текста не существует. Но, например, в православной Церкви сборник принимается как наследие апостольских времен, признается авторитет указаний. Правило гласит: «Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают, ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их».

Обряд рукоположения во пресвитера при будущем святителе Николае уже существовал. И ему пришлось испытать его на себе. Как это могло происходить? Посмотрим у византийского богослова Симеона Солунского, осознавая, что чинопоследование было комментировано им в XV веке, хотя со времени святителя Николая порядок по сути изменился не сильно. Приведем текст без сокращений.

«Рукоположение пресвитера.

Получив свидетельство от пресвитеров и будучи признан достойным пресвитерского служения, рукополагаемый приводится к посвящению. Но предварительно, во время проскомидии, готовится на предложении второй Агнец, который и приемлется потом руками рукополагаемого.

Потом, вместе со служащим иерархом, он служит, исполняя обязанности архидиакона: читает Евангелие, приняв благословение, и во время великого выхода несет на голове Божественного Агнца, как бы завершая служение диаконское.

Когда Божественные Дары поставлены и возложен на них покров, т. е. воздух, архиерей садится и зажигаются свечи, означающие сияние и светотворность благодати. Тогда назначенный к рукоположению, поддерживаемый диаконами, то есть тем чином, к которому он дотоле принадлежал, доводится ими до священных врат алтаря. Таким образом всем показывается, что он еще диакон, сопровождаемый равночинными ему».

Святитель Симеон не спеша подводит свой рассказ к тому главному моменту, когда обычный клирик храма или диакон превращается в особенного священнослужителя Церкви.

«Когда же они достигнут врат, диаконы отходят от него, потому что он становится выше них чином. Теперь принимают его двое, до тех пор выше него по чину — из пресвитеров, потому что он вступает в их чин. Предшествуемый архидиаконом и прочими священниками, он обходит божественную трапезу и совершает это шествие трижды. Вступая таким образом в священный лик Ангелов, он для того совершает это обхождение трижды, чтобы прославить Троицу. Этим он также призывает святых мучеников, как и сам подвизавшийся во Христе и потрудившийся в жизни ради Христа. Наконец, таким образом прославляется Христос — похвала апостолов и веселие мучеников, которые проповедовали Троицу Единосущную, Она же Сама прославляет всех.

Совершив обхождение, посвящаемый приводится пресвитерами к архиерею как избранный и признанный достойным Божественного служения и благодати (достойным настолько, насколько это возможно для человека). Архиерей тотчас встает, ибо он не с небрежением преподает дары Божии, но всегда с готовностью и радостью. Он запечатлевает главу поставляемого, полагая троекратной печатью начало рукоположения.

Затем рукополагаемый, преклонив оба колена в знак покорности и преданности, посвящается в высшую степень. Ибо, получив ранее благодать диаконства и послужив в этом чине, он теперь поставляется в священника и совершителя священнодействий, молитвословий, крещения и Литургии.

Кроме того, он склоняет голову на престол, который есть сокровищница дарований. Иерарх же, возложив руку, имеющую дар сообщать Божественную благодать священства и уподобляющуюся вседействующей и всесильной, всеохраняющей и всепромышляющей Деснице, призывает Божественную благодать и из диакона производит поставляемого в пресвитера.

Затем, помолившись, да снидет благодать Духа на рукополагаемого (между тем, как все поют трижды: “Кирие элейсон”), иерарх снова трижды запечатлевает главу посвящаемого, полагая печать совершительную.

Потом, после первой молитвы и возгласа после прошений, прочитанных первым пресвитером, и после второй молитвы и возгласа, он поднимает рукоположенного от престола, показывая этим его божественное восшествие от низшего к Божественнейшему и высшему, как мы прежде сказали, и вступление в совершеннейший чин. Этим действием иерарх обозначает и то, что нисшедший с Небес и воочеловечившийся Иисус низошел через крест даже до ада, а воскреснув и вознесся, восстановил и нас и, восстанавливая, возводит непрестанно.

Так и каждым поклоном, опускаясь на колени и вставая, мы выражаем, что Христос низошел и восшел и нас, падших, воздвиг».

Так будущий святитель Николай преклонил оба колена, склонил голову на престол, когда епископ возложил на нее свою руку, получил благодать священства и встал в единые ряды христианского пастырского служения.

Преподобный Симеон Новый Богослов, почти современник святителя Николая, давал такие советы ново-

явленному священнослужителю: «Надлежит тебе, пастырю овец Христовых, стяжанною иметь всякую добродетель и телесную, и духовную, — так как ты глава прочего тела братий, — чтобы братия смотрели на тебя, как на первообраз добра, и отпечатлевали в себе самих добрые и богоподобные черты твои... Одним братиям предсказывай меч, т. е. гнев Божий, грядущий на упорных сынов противления, чтоб их исправить... других вразумляй, учи и подвигай на всякое добро; но и тех, которые требуют обличения и укора, не оставляй без внимания, но обличай их благовременно и безвременно, запрещай им и всячески старайся отклонить их от недобрых поступков, как заповедует тебе божественный Павел. Милостивость свою являй равно ко всем братиям, и любовь тоже одинаковую имей ко всем, но честь воздавай каждому по добродетели его, как подобает, и мужу добродетельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первым имеешь...»

Авторы жизнеописания Николая Угодника, трудившиеся в XIX столетии, — А. Вознесенский и Ф. Гусев, — описали событие так: «Приняв юношу под свое покровительство, дядя-архиерей посвятил его во пресвитера. Неизвестно, как святой Николай служил Богу в звании чтеца и даже диакона, однако, несомненно, что, прежде чем удостоился священства, он прошел и эти низшие степени церковного служения. При поставлении святого Николая во священники епископ, исполненный Духа Святого, в следующих словах пророчески предсказал народу великое будущее угодника Божия. “Вот, братие, я вижу новое солнце, восходящее над концами земли, которое явится утешением для всех печальных. Блаженно то стадо, которое удостоится иметь такого пастыря! Хорошо он будет пасти души заблудших, питая их на пажитях благочестия, и всем находящимся в бедах явится теплым помощником”. Пророческое воззвешение дяди-епископа скоро стало оправдываться в жизни его племянника. Приняв сан священства, святой Николай стал проводить еще более строгую подвижническую жизнь. Бесперывное бодрствование, пост и молитва приближали его к бесплотным духам, так что всем казалось, что это уже не человек, а ангел во плоти».

Не человек, а ангел во плоти... Редкие слова даже по отношению к известным духовным подвижникам...

Предполагается, что в это время дядя будущего святителя Николая имел намерение отправиться на Святую Землю. Это можно было сделать как по суше, пройдя вдоль побере-

жья Средиземноморья, так и с помощью морского судна — по воде. В любом случае только на дорогу туда и обратно, не считая дней, которые нужно было провести в Палестине, требовалось не менее двух недель. Но настоящие паломники, которые не спешили, а устремлялись к святыням с молитвой, постом и покаянием, на такое путешествие могли тратить месяц.

На кого-то нужно было оставить не только церковный приход, но и все управление Патарской епархией. И епископ Николай доверил все это своему благочестивому родственнику, недавно ставшему священником.

Однако, по некоторым сведениям, святитель Николай Чудотворец тоже совершил паломничество на Святую Землю. Об этом, в частности, пишет оксфордский автор Джордж Фергюсон в книге «*St. Nicholas of Myra of Bari*». Когда это произошло и было ли на самом деле? Нам не известно. Но можно предположить, что если дядя отправлялся туда, то он взял в попутчики своего замечательного племянника. Речь идет о том самом путешествии святого Николая, когда возвращаясь на корабле, он со спутниками попал в жестокий шторм. Судно едва не затонуло и было почти разрушено. По молитве святителя Николая буря затихла, и все были спасены. Именно после этого события Николай Чудотворец стал почитаем моряками и Заступником тех, кто попал в страшные морские бедствия.

По другой версии, паломничество на Святую Землю пресвитер Николай Угодник совершил намного позднее, уже перед самой своей кончиной. Подробнее об этом мы расскажем в последующих главах книги.

Однако биографы XIX века А. Вознесенский и Ф. Гусев утверждают, что в то время священник Николай остался в Патарской епархии вместо дяди. «Дядя святого Николая, епископ Патарский, — писали они, — решил отправиться в Палестину, чтобы поклониться там святым местам. На время своей отлучки управление Патарской Церковью он поручил своему племяннику-пресвитеру, видя в нем самого достойного заместителя своей высокой должности. И действительно, пресвитер Николай вполне оправдал надежды своего дяди. Всей душой он отдался выполнению многотрудных, но в то же время высоких и священных обязанностей епископского управления. Много мог сделать и, действительно, сделал добра своей пастве в это время святой Николай».

По возвращении епископа Патарского Николая домой

оказалось, что оставленный им «на хозяйстве» молодой пресвитер прекрасно справился со своими неожиданными обязанностями. Он словно был прирожденным архипастырем — так умело он организовал церковную жизнь и обходился с паствой. То был период настоящего расцвета его духовных талантов и вневозрастной мудрости.

Составители нового варианта Жития святителя А. В. Бугаевский и архимандрит Владимир (Зорин) пишут: «Теперь усердный хранитель чистоты Николай стал вести еще более строгую подвижническую жизнь. Приготовляя себя для благоугождения Вечному Царю, святой уподобился бесплотным: он бодрствовал и пребывал в непрестанной молитве и посте. Наделенный всеми дарами Божьими, юный клирик день ото дня расцветал красотой равноангельской жизни.

Посвятив себя Господу, Николай продолжал усердно заботиться об отце и матери и не расставался с ними до самой их кончины. Его родители встретили смерть с надеждой на милость Отца Небесного благодаря великой славе светоча Христова Николая. Так и случилось. За своего ангелоподобного сына они и Богу угодны, и у людей имеют присноблаженную память в веках.

После смерти родителей Николай получил большое наследство. Но блестящее состояние не приносило ему радости. Боголюбивый юноша не дорожил скоропреходящим богатством и не заботился о его приумножении, ибо знал: Доброе имя лучше большого богатства, а добрая слава лучше серебра и золота... Святой стремился собрать нетленные сокровища в нерасхищаемых небесных кладовых. Щедрая рука Николая была простерта к нуждающимся людям и словно многоводная река изливала на них обильную милостыню».

Сегодня нет определенных сведений о том, стал ли клирик Николай пресвитером-священником в то время, когда родители его были еще живы. Но, как мы видим, некоторые авторы житий святого рассказывают именно так, что создает благодное ощущение того, что отец и матушка его ушли из жизни в полном расположении духа и со спокойствием, уже хорошо зная, что их чадо исполнило все их заветные желания по их вере.

Он исполнил то, что спустя лишь несколько десятилетий так образно и точно опишет любимый и почитаемый в христианстве святитель Иоанн Златоуст, упоминая мореплавателей, как бы незримо относя наше воображение в

сторону святителя Николая Мирликийского: «Подобно тому как блестящая луна, рассеивая ночной мрак, прекрасно освещает как бы факелом путь мореплавателям и путешественникам и таким образом делает беспрепятственным путешествие для каждого, точно так же и учитель Церкви, разливая посредством слова, подобно луне, свет богопознания, приводит к Истине — Христу как тех, которые в настоящем житейском море идут по скорбному пути удовольствий, так и тех, которые ведут христианский образ жизни. И Священное Писание называет обыкновенно учителей Церкви, ведущих святую жизнь, сообразно достоинству их, луною и звездами».

Следуя А. Вознесенскому и Ф. Гусеву, мы осознаем простую истину: «По глубокому смирению, святой Николай свои духовные подвиги по-прежнему совершал наедине, всячески стараясь не выставлять их напоказ другим. Но Промыслу Божию угодно было, чтобы добродетельная жизнь святого Николая направляла и других на путь истины и служила им на душевную пользу и спасение».

«Первое, что обращает на себя внимание при изучении устройства Церкви, — пишет о тех временах в своей «Истории христианской церкви» автор XIX столетия Евграф Смирнов, — это разграничение ее членов на два разряда, на духовных лиц и мирян, или клир и народ. Начало такому разграничению положено было Самим Основателем Церкви. Принеся Себя в жертву за грехи всего мира, Господь Иисус Христос совершил дело спасения людей, и для того, чтобы они могли во все времена участвовать в этом спасении, учредил в Своей Церкви иерархию. Лица, составляющие ее, занимая посредствующее место между Богом и людьми, по заповеди Спасителя, предназначены спасать души людей». Став пресвитером-священнослужителем, будущий святитель Николай в тот момент распрощался с обыденной жизнью, посвятив себя всего служению в Церкви. Так сложилось еще с апостольских времен — церковная иерархия разделила людей на тех, кто облечен правом учительства, священнодействия и управления, а с другой стороны — на тех, кого можно было бы назвать «простыми верующими», которые последуют путеводительству пастырей, принимают от них таинства и им же повинуются. Одни составили церковный клир, а другие — мирян, или точнее сказать — народ, который, собственно, и есть Церковь.

«Клир и миряне, — продолжает Е. Смирнов, — составили одну Христову Церковь, имели одного главу — Христа

и действовали согласно между собой. Лица, составляющие клир, были руководителями и пастырями, миряне — руководимыми и пасомыми. Клир был далек от всяких притязаний на начальственное, в обыкновенном смысле, отношение к мирянам и вообще проводил свое служение в духе братской любви, равно и миряне были далеки от того, чтобы давать приказания своим руководителям — пастырям. Общение между мирянами и клиром было полное: клир управлял, учил и совершал богослужение, миряне принимали участие в избрании членов клира и управлении церковными делами».

К этому периоду времени относится и еще одно важное событие в жизни будущего святителя, вернее, удивительная история, которую «николаеведы» (есть теперь и такой термин) относят к разряду исторических, то есть тех, что наверняка происходили в реальности, а не имеют лишь мифологические основы. Это известное чудо об отце и трех девицах — его дочерях, которым юный Николай, возможно уже пресвитер, тайно отдал часть своих наследственных богатств, оставшихся после родителей. Благодаря этим деньгам они получили приданое и смогли выйти замуж, миновав сеть опасных жизненных искушений.

История эта всегда была весьма популярна среди почитателей Николая Чудотворца. Но мы расскажем о ней позднее, в отдельной главе, посвященной чудесам святителя.

Однако может показаться, что вся жизнь патарского священника была окутана ореолом романтики и счастливого времяпрепровождения, пусть даже и насыщенного богослужениями и трудами с прихожанами церкви в ликийском городе. Все было совсем по-другому. История Римской империи уже знавала особенно трудные времена для христиан. И они повторялись с заметной частотой и периодичностью. Каждый год, месяц или день могли принести новые трудности и испытания, вплоть до самых ужасных.

Устроение христианских традиций и быта не могло быть незамеченным, в том числе и врагами. Не всем нравилось то, что христианство быстро распространялось по всей Римской империи. Ненавидящие всё, что было связано с учением Христа, находили способы, чтобы помешать праведной жизни тех, кто ему следовал.

Итак, эпоха III и IV столетий и вправду была трудная для христианской жизни в европейских и в соседних им государственных образованиях. Достаточно почитать страницы истории или древние документы той поры, чтобы понять — в каком постоянном ожидании напастей и возможной непредсказуемой кончины жили тогда люди. Набеги, войны, разрушения, возможность попасть в плен и даже в рабство к иноплеменникам, невероятная смесь христианства, иных религиозных учений и язычества, близкое соседство с мощными и развитыми восточными странами — все это окружало человека, влияло на его судьбу постоянно и ежедневно. Добавим к этому междоусобные столкновения, переделы земли, борьбу за земли и власть. То есть жизнь человека фактически происходила, как говорили, — «под Богом» или у Него на виду. Ложась спать, житель даже укрепленного города не мог быть уверенным, что завтра проснется живым и здоровым.

В особенной степени все это обострялось в периоды гонений на христиан, которые возникали в зависимости от того, кто правил Римской империей. Будущему святителю Николаю довелось встретиться с этими проблемами в полной мере и пережить трудные годы, когда тут и там погибали его друзья, коллеги, соратники и единоверцы. Он чудом выжил, испытал много притеснений и даже мучений.

Времена императора Диоклетиана

Император начертал: «Да погибнет имя христианское!»
Цезарий Бароний «Церковные хроники», XVI в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Но диавол посмотрел на это своим злым оком. Он не мог стерпеть, что процветает благочестие, и, не медля, вселился во власть имущих и тотчас начал яростное гонение... Повсюду полетели императорские приказы, призывающие верных отречься благочестия».

Период становления и даже начала священного служения святителя Николая относится ко времени правления римского императора Диоклетиана. Он руководил империей в 284—305 годах и оставил горький след в истории.

Именно Диоклетиан в 303 году обнародовал эдикт, узаконивший систематическое преследование христиан по всей империи. Тогда погибло от рук палачей множество людей.

Кто же был тот человек, во времена правления которого чудом и промыслительно жил и выжил святитель Николай Чудотворец?

Полное его имя — Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (Gaius Aurelius Valerius Diocletianus Augustus). Родился Диокл (так его звали в детстве) около 245 года в местах, где ныне располагаются Черногория и Хорватия. В разные времена местность называли Далмацией, а его в истории числили выходцем из этого региона.

Будущий римский император не был высокого происхождения. То есть чтобы стать правителем столь великого государства, он прошел путь от самых низов общества. И если его отец был вольноотпущенником из рабов, то дед был настоящим рабом!

Диокл в зрелости поступил на военную службу в низшем солдатском чине. Но именно на этой службе он и сделал свою карьеру. Он принимал участие во многих сражениях, передвигался с войском по всей Римской империи. Таким образом, он знал реальную жизнь государства не понаслышке. По легенде, одна галлийская друидка нагадала ему, что он будет императором. Но он тогда, будучи еще молодым воином, в это не поверил.

Когда Римом правил Проб, Диокл уже упоминается как наместник в Мезии. Он же сопровождал императора Кара во время войны с персами, командуя domestиками — императорскими конными телохранителями римского государя. В то самое время и произошли события, приведшие Диокла на престол. Внезапно во время похода умирает император Кар. Заменил его сын — Нумериан, будучи на тот момент уже соправителем Кара. Однако при возвращении из похода Нумериан заболел и скончался. Те, кто стремился решить передачу власти в свои руки, распорядились так, что носилки с телом покойного, закрытые пеленой, как ни в чем не бывало еще несколько дней несли телохранители.

Тогда за власть боролся префект преторианцев — личной охраны императора — Аррий Апр. Именно он сообщил новость о смерти Нумериана в ноябре 284 года не сразу, а только около города Никомидия (здесь и далее мы будем писать Никомидия, хотя в последнее время все чаще назва-

ние города переводится как Никомедия). По этой причине, когда секрет кончины открылся, Апр был схвачен легионерами. Тогда трибуны и военачальники организовали военный совет для избрания нового императора. В эти дни как раз и был избран на престол (как писалось затем — «по внушению свыше») командующий императорскими конными телохранителями Валерий Диокл. Их аргументы сформулировал позднее автор жизнеописаний римских императоров Флавий Вописк Сиракузянин: «Это был замечательный человек, умный, любивший государство, любивший своих подчиненных, умевший выполнять всё то, чего требовали обстоятельства того времени. Он был всегда преисполнен высоких замыслов; иногда, однако, лицо его принимало несколько жесткое выражение, но благодаря разумию и исключительной твердостью он подавлял движения своего беспокойного сердца».

Такой панегирик вновь избранному руководителю страны трудно сочетается с тем, что совершит император Диоклетиан (а именно так стал называть теперь себя выходец из Далмации Диокл) в будущем. Известно, что римская армия приняла нового императора. А со своим противником — Апром — он поступил просто. Когда легионеры публично спросили Диоклетиана — как же все-таки умер Нумериан, он вывел Апра перед войском, вынул свой меч и казнил префекта претория Аррия, сказав: «Вот виновник убийства Нумериана!»

Так началось его правление, оказавшееся весьма пагубным для современников христиан.

Став императором Римской империи 17 сентября 284 года, Диоклетиан открыл очередную эпоху в ее истории. Он стремился сделать императорскую власть абсолютно неограниченной юридически, а не только фактически. Сенат переходит на вторые роли, император встает выше законов. Через некоторое время Диоклетиан взял себе в помощники старого своего друга Максимиана, предоставив ему даже титул Цезаря, а затем и титул Августа.

Благодаря важной административной реформе Диоклетиана произошло разделение империи на четыре части, так появилась знаменитая «тетрархия». Это привело к изменениям в системе всего провинциального управления. Империя раздробилась на многие округа управления, однако группы округов были подчинены более крупным госу-

дарственным центрам. Империю разделили на 12 диоцезов, состоявших из провинций. На Востоке (*Oriens*), например, было организовано 16 провинций. Увеличивалось число чиновников, а значит — величина податей со стороны населения.

Время правления Диоклетиана было связано с усилением защиты границ государства. Особенно важным было для него решать проблемы с Британией и Галлией, обороняться вдоль Рейна от вторжений германцев и даже усмирять мавров в Африке. Успокоив европейский Восток, Диоклетиан отправился в восставший Египет, где захватил Александрию и жестоко наказал жителей за измену. Удалось Диоклетиану и успешно воевать с персами в Месопотамии, помогая Армении, стоявшей в те годы, между прочим, на пороге принятия христианства.

Так римский император устраивал мир в стране и на ее границах. Мир, по которому уже соскучились граждане государства. По этой причине иногда эпоху его правления называли новым золотым веком. Однако Диоклетиан вдруг оставил Рим и переехал жить в любимую им Никомидию, где у него была особая резиденция. Вот тогда-то по причине странного заболевания император неожиданно отказался от власти. Это случилось 1 мая 305 года в Никомидии.

Последние дни свои Диоклетиан провел в Далмации, на своей родине, прожив еще восемь лет в глубоком уединении. Его обширный дворец частично сохранился до наших дней (город Сплит, Хорватия), он производит на приезжих большое впечатление. Грандиозная постройка прямоугольной формы занимает площадь более трех гектаров, а по архитектурному плану словно бы повторяет схему лагеря римского легиона.

Диоклетиану предлагали вернуться к власти, но он отказывался, наслаждаясь близостью к природе, при этом изрекая и утверждая истины, которые потом вошли в анналы. Например, следуя мудрым словам Солона — «Трон не стоит покоя жизни» — он отметил: «Больше радости доставляет ухаживать за садом, чем управлять всем миром». Это бывший император ответил соратнику, уговаривавшему его вернуться на римский трон: «Мой друг, внимательно посмотри на возделанное моими руками — вначале на государство, а теперь вон на ту капусту»...

Скончался же Диоклетиан от неизвестного недуга, поговаривали, что не по доброй воле. Профессор Московской духовной академии И. В. Попов в своей статье «Диоклетиан

Римский император», помещенной в 4-м томе «Православной богословской энциклопедии» за 1904 год, предполагал, что «совершивши самоубийство чрез отравление». Произошло это в 313 году, когда святитель Николай Чудотворец уже давно был епископом Мир Ликийских и, скорее всего, находился в тюремном заключении.

Именно в период правления Диоклетиана произошло то, что во всемирной истории называют «великое гонение на христиан». На первый взгляд он героически и устроительно руководил Римским государством. Но одновременно с ним словно бы случился серьезный приступ жесткости по отношению к тем, кто исповедовал учение Иисуса Христа. По этой причине именно о Диоклетиане позднее часто вспоминали, когда нужно было показать наиболее трудные времена в жизни Церкви.

Святитель Дмитрий Ростовский так писал в Житии святого Николая Чудотворца: «Святитель Николай пас вверенное ему стадо словесных Христовых овец. Но завистливый змий лукавый, никогда не перестающий воздвигать брань на рабов Божиих и не переносящий процветания среди людей благочестия, воздвиг гонение на Церковь Христову чрез нечестивых царей Диоклетиана и Максимиана. В то самое время от сих царей вышло повеление по всей империи, чтобы христиане отвернулись от Христа и поклонялись идолам. Тех, кто не повиновался этому повелению, было предписано принуждать к тому темничным заключением и тяжкими муками и, наконец, предавать смертной казни. Эта дышащая злобою буря, по усердию ревнителей тьмы и нечестия, вскоре достигла и Мирского града. Блаженный Николай, бывший в том граде руководителем всех христиан, свободно и дерзновенно проповедовал Христово благочестие и был готов пострадать за Христа».

Для Диоклетиана религия имела особый смысл. Она была ему все-таки нужна, дабы успешно управлять государством. Он избрал язычество, вернее, с детства следовал ему как главной государственной религии. Было ли это чем-то новым? Конечно же, нет. Так поступали и его предки-правители. Но он при этом в какой-то момент посчитал христианство — самым опасным врагом для Римской империи. И последовательно стал бороться с ним. Вернее — искоренял физически.

Язычники недолюбливали его за особую пышность обрядов и придворного этикета, а также за высокомерие, ко-

торым он окружал себя самого, как римского императора. Он даже требовал, чтобы перед ним опускались на колени или падали ниц, выказывая окружающим жажду собственного почитания наряду или наравне с божественным.

В первые годы правления Диоклетиан временами относился к христианству не очень враждебно, с терпимостью. Историк Евсевий Кесарийский, даже будучи отнюдь не любителем его царствования, определял тогдашнее отношение императора к церкви в какой-то степени лояльным, а то время управления — даже удобным для распространения и становления христианской Церкви. Были периоды, когда христианами легко могли стать чиновники или военные высокого ранга. Они же без помех делали карьеру, двигались по службе, становясь приближенными к императорскому двору. Среди таких имен выделим придворного из личной свиты государя — Петра, упомянутого Евсевием Кесарийским в его исторической книге (позднее Петр стал известен как мученик). Еще вспомним доверенного императора, хранителя его личных покоев, «препозита священной опочивальни» (*praepositus sacri cubiculi*), возможно, евнуха — Лукиана, а также придворных Горгония и Дорофея. Все они мученически погибли, получив к своим святым именам приставку Никомидийские.

Заняв римский престол в 284 году, Диоклетиан последовательно готовился к решению о начале гонения на христиан, подталкиваемый соратником — Галерием. Именно Галерий еще в 302 году уговаривал Диоклетиана разобраться, наконец, с христианами в империи, считая их непримиримыми врагами, причем их вражеская армия, по его мнению, росла с большой скоростью.

Диоклетиан неожиданно прислушался к уговорам своего друга. Однако решение он принял не просто так, а придав своим жестоким начинаниям некоторую духовно-символическую основу. Для совета император посетил оракула Аполлона. Тот дал неясный ответ, но интерпретация услышанного была такова, что необходимо разобраться с «иноверцами-христианами». Так, мнение Галерия совпало с мнением божественного Аполлона.

И началось страшное время, вошедшее в историю Рима темным пятном.

«Великое гонение» на христиан, начавшееся в феврале 303 года, застало святителя Николая в самый разгар его подвижнической и просветительской деятельности. Он уже

стал епископом Мир Ликийских, уже заслужил народное почитание как «добрый кормчий». А тут — такие испытания и полноценная угроза жизни!

Как удалось святителю выжить в этих условиях? Как он мог продолжать быть пастырем среди тех, кто государственными указами уже был приговорен к смерти? Чтобы ответить на эти вопросы, надо разобраться — как и каким образом в различные периоды гонения могли происходить те или иные события. Преследования христиан продолжались до 313 года (с учетом того, что их продолжали наследники императора Диоклетиана). Считается, что эти гонения на приверженцев Церкви Христовой в Римской империи стали последними и самыми суровыми.

Началось все с одного весьма заметного происшествия. В самом начале 303 года в восточной столице Римской империи — Никомидии — вдруг загорелся дворец императора. Потушить успели, но часть дворца была уничтожена. Как всегда, искали причину или преступников. Правители на тот момент — Галерий и Диоклетиан — обсуждали этот вопрос между собой, и первый убедил второго, что во всем виноваты христиане, так как из окна дворца виден их большой храм, куда они постоянно ходят и где зажигают свечи.

Специальное расследование не дало результатов. Но априори было решено, что сделали это христианские наемники. А помогли им высокопоставленные по дворцовой иерархии приближенные к императору люди. Вот тогда-то и казнили вышеупомянутых Петра, Дорофея и Горгония. Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» описал эти ужасные события с подробностями, не забыв упомянуть, как Петра били кнутом, а затем, полив уксусом, жарили частями на раскаленных огнем камнях. Под руку попали шесть человек, среди которых был епископ Анфим, также названный позднее Никомидийским. Их обвинили в поджоге. Второй пожар в Никомидии произошел две недели спустя, когда иных «преступников» уже казнили. Это давало повод затем подозревать, что Галерий нарочно устроил пожары, чтобы обвинить христиан перед Диоклетианом.

Еще одной реакцией на происходящее стало другое событие: 23 февраля 303 года император Диоклетиан дал распоряжение разрушить и сжечь новый христианский храм в Никомидии (уж больно он мозолил глаза, будучи напротив императорского дворца!). И не просто сжечь — все храня-

щиеся там рукописи, ценное имущество — конфисковать. Складывалось впечатление, что Диоклетиан решил покончить с христианством за один день. По крайней мере — в имперской столице, резиденции правителя Никомидии.

Наступило утро 24 февраля, и граждане свободной страны получили обнародованным так называемый первый эдикт, направленный против христианства. Над ним потрудились правящие Римом тетрархи — Диоклетиан и Максимиан, Галерий и Констанций Хлор. Текст документа гласил об отмене гражданских прав христиан. То есть те, кто исповедовал христианскую веру, теряли юридические права на собственные богослужения. По закону они должны были теперь исполнять общепринятые в государстве античные языческие ритуалы.

Вдобавок эдикт указывал тотально уничтожать по всей Римской империи любые священные книги (Священное Писание христиан — в первую очередь), а также богослужебные рукописи. Как писал в «Истории христианской церкви» историк XIX века Евграф Иванович Смирнов, христиане «показали себя достойными последователями Христа. Несмотря на все запрещения, они составляли богослужебные собрания, если не в храмах, которые разрушились, то в подземельях (катакомбах); книги Священного Писания скрывались в потайных местах, и если невозможно было скрывать, то отдавали их вместе со своей жизнью. Некоторые, впрочем, из христиан, из страха перед пытками, выдавали книги Священного Писания, и таких Церковь отлучала как предателей».

По эдикту запрещались молитвенные собрания. Отменялось право христиан на судебную защиту и даже на подачу жалоб в суды. Крупные сановники при дворе или в войске, если они исповедовали христианство, лишались своих званий или рангов. Свободные вольноотпущенники по этой же причине вновь становились рабами. Ритор Лактанций в книге «О смертях гонителей» упомянул некоего Евентия (Эвтий, Эвтиус), порвавшего бумагу с текстом эдикта, после чего бедняга после пыток и истязаний был немедленно сожжен заживо, став первым мучеником эдикта. Автор книги предположил, что все происходящее в столице Никомидии является чуть ли не концом света. Для христиан наступили действительно трудные времена.

Чуть позднее, с помощью других эдиктов, руководство страны устроило настоящую войну против христиан-

ских священников и в еще большей степени обязало всех без исключения граждан империи совершать языческие жертвоприношения и иные нехристианские культовые обряды. Участвовать в таких обрядах обязаны были теперь именно все. Так можно было бы, во-первых, увидеть — кто есть кто, а во-вторых, заставить христиан предать свою веру под страхом казни. Наиболее сурово эти эдикты исполнялись на Востоке империи, то есть там, где жил святитель Николай.

Итак, летом 303 года был обнародован второй эдикт. Наносился удар по епископам и священникам. И это уже было прямой угрозой для жизни святителя Николая. Теперь, по эдикту, стало необходимым арестовывать христианских пастырей, и как можно скорее.

Можно предположить, что известное сообщение из житий о том, что какие-то годы святитель провел в тюрьме, относится как раз к этому времени. То есть, скорее всего, епископ Мир Ликийских был задержан и брошен в темницу в 303 году. Он мог провести в застенках почти десять лет — до Миланского эдикта 313 года, когда стали отпускать оставшихся в живых христиан. Если только ему не довелось получить освобождение во время одного из «потеплений» в репрессиях между 303 и 313 годами (например, в 311 году). Святитель Андрей Критский упоминает имена сподвижников святителя Николая как в церковных делах, так и по тюремному заключению. Это Крискент, Диоскорид и Никокль. Они, как утверждает Андрей Критский, «воодушевлением и ревностью святителя Николая соплели себе мученический венец».

Читаем в Житии святителя Николая у Дмитрия Ростовского: «Посему он был схвачен нечестивыми мучителями и заключен вместе со многими христианами в темницу. Здесь он пробыл немалое время, переноса тяжкие страдания, претерпевая голод и жажду и тесноту темничную. Своих союзников он питал словом Божиим и напоял сладкими водами благочестия; утверждая в них веру во Христа Бога, укрепляя их на нерушимом основании, он убеждал быть твердыми в исповедании Христа и усердно страдать за истину».

Промыслительное значение того, что святитель Николай попал в тюрьму, а именно это спасло его от неминуемой казни, замечено и проходит лейтмотивом по многим его жизнеописаниям. Вот что пишут авторы XIX столетия А. Вознесенский и Ф. Гусев: «Это гонение пронеслось смертоносной бурей по многим областям и дошло до Мир-

ликийской Церкви, предстоятелем которой в то время был святитель Николай. В трудное для Церкви Христовой время гонения архипастырь Ликийской Церкви с неустрашимостью поддерживал в вере свою паству, громко и открыто проповедуя имя Божие. За это он подвергся преследованию и вместе со многими другими христианами был заключен в темницу. Здесь он провел немало времени, терпеливо перенося голод, жажду и тесноту, не допуская даже мысли об отречении от Иисуса Христа! В темничном заключении святитель не переставал заботиться о заключенных вместе с ним христианах. Голодных он питал здесь словом Божиим, жаждущих поил водами благочестия. Таким образом он возвращал в них веру в Христа Бога и утверждал их в крепком исповедании Его перед мучителями, чтобы они могли пострадать за Христа до конца. Благодаря его руководству многие из заключенных пребыли твердыми в Христовой вере до конца... Сам же святитель Христов, “мученик готовностью своей”, был сохранен во время Диоклетианова гонения, потому что его жизнь еще нужна была для дальнейшего прославления имени Божия».

Известно, что сразу же по обнародовании второго эдикта по всей империи стали бросать в застенки священнослужителей. Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» замечает, что священников и епископов захвачено было столь много, что власти решили освободить места в тюрьмах, отпустив на волю настоящих закоренелых преступников. Христианский священник тогда считался хуже таковых.

Однако осенью 303 года в честь двадцатилетия собственного правления империей Диоклетиан вдруг объявил всеобщую амнистию. Для чего он издал так называемый третий эдикт. Нашлось в нем место и для христиан. По эдикту священник мог выйти из тюрьмы, но при одном условии: нужно было согласиться принести жертву языческим богам. Но Диоклетиан недооценил силу духа христианских заключенных. Большинство отказалось это делать. Правда, стражники могли освободить того, кто лишь на словах подтверждал согласие на языческий обряд. И некоторые священнослужители так и сделали — заявили о согласии на словах. Хотя с другими отказниками, дабы в обязательном порядке освободить их из тюрем, поступили более жестоко, подвергнув пыткам. Вот как рассказал об этом Евсевий Кесарийский в своей «Книге о палестинских мучениках»: «Один был отпускаем, как будто бы совершил

жертвоприношение, тогда как посторонние, схватив его за руки и подведши к жертвеннику, насильно всовывали ему в правую руку мерзкую и нечистую жертву. Другой даже и не касался ее, но бывшие тут свидетельствовали о его жертвоприношении, — и он молча удалялся. Тот, взятый полумертвым, был выбрасываем уже как мертвец и, причисленный к принесшим жертву, освобождался от оков. Этот кричал и свидетельствовал, что он не согласен на жертвоприношение: но его били по устам; приставленная к нему толпа заставляла его молчать и выталкивала вон, хотя он и не приносил жертвы. Столь важно было для них добиться (от христиан) и одного призрака жертвоприношения».

В 304 году вышел четвертый эдикт Диоклетиана (некоторые ученые спорят о подлинности этого документа). Указ содержал более утонченные требования: все граждане Римской империи, независимо от пола и возраста, должны были собираться по языческой традиции для проведения общего жертвоприношения. Так легко можно было выявить непримиримых и несогласных. Те, кто отказывался или не приходил, подвергались смертной казни. На Востоке империи, в Мирах Ликийских, например, документ действовал до появления спасительного Миланского эдикта в 313 году (о чем мы расскажем позже).

Профессор Московской духовной академии И. В. Попов в своей статье «Диоклетиан Римский император», помещенной в 4-м томе «Православной богословской энциклопедии» за 1904 год, писал: «Действие этих указов было, поистине, ошеломляющее среди христиан. Весьма многие поспешили выдать свои книги, отречься от своей веры и принести жертву идолам. Но еще больше было таких, которые остались твердыми и верными, несмотря на все пытки, и даже пред лицом смерти. Среди язычников многие представители власти были весьма снисходительны, причем снисходительно относились к разным уловкам, употреблявшимся некоторыми христианами, и с неудовольствием смотрели на то, на их взгляд, странное возбуждение, с которым они стремились к мученичеству. Но в других местах необузданно свирепствовал самый дикий фанатизм, и христиане подвергались разным невыразимым страданиям».

Забегая вперед отметим, что «великое гонение» не остановило распространение христианства в мире. Однако в итоге репрессий было уничтожено (предположения сов-

ременных ученых) почти четыре тысячи граждан. Сюда не входят те, кто подвергался истязаниям, пыткам, провел годы в тюрьмах или был изгнан за пределы своей родной земли. Если включить их, то цифра пострадавших от гонений может увеличиться многократно. Но даже если поверить, что было казнено не более трех-четырёх тысяч человек, то куда нам деть цифры, приведенные в книге биографий римских Пап, называемой *Liber Pontificalis* (самая ранняя версия восходит как раз к IV столетию), где утверждается, что в эпоху «великого гонения» только за один погром в течение трех дней было убито 17 тысяч человек! Историки XIX века А. Вознесенский и Ф. Гусев пишут, что гонение началось в Никомидии, «где в самый день Пасхи сожжено было в храме до двадцати тысяч христиан». И такие значительные цифры встречаются в источниках нередко...

Существенны ли подобные жертвы для такой империи, как Римская? Можно сравнить число жертв (пусть даже в четыре тысячи человек) с населением тогдашних античных городов? Ответ вполне прост — это соответствует количеству населения целого средиземноморского города IV столетия. То есть руками римских правителей был стерт с лица земли большой мегаполис, символический град весьма полезных для нации и образованных людей. Заметьте, не чужих жителей, не представителей населения других стран, с которыми воевали тогда римляне, не воинов из стана настоящих врагов — вооруженных и опасных для самой империи! А своих же, граждан страны, исправно исполняющих свой долг перед нею, вносящих большой вклад в развитие экономики и культуры!

Современный англоязычный историк Питер Дэвис (P. S. Davies), опубликовавший в оксфордском «Журнале теологических исследований» статью «Причины и цель гонений в 303 году нашей эры» (*The Origin and Purpose of the Persecution of AD 303*), произвел подсчет жертв Диоклетиана и его соратников таким образом: тот, кто упомянут по имени в качестве мученика, — тот и был казнен. А остальные — безымянные — возможно или частично, вымышлены. Основывает ученый свои выводы на исследованиях боландистов — известных иезуитов, которые тщательно изучали и изучают жития католических святых. То есть речь идет о документируемых (например, решением судов губернаторов римских провинций) или реально упомянутых в документах по именам жертвах. И вот что получается. В секторе провинций под управлением Диоклетиана в пери-

од 303—305 годов в Малой Азии, где жил святитель Николай, насчитывается... 26 мучеников. А в секторе провинций под управлением Галерия в период 305—311 годов — всего 12. Конечно, делается оговорка, что данные цифры не означают всего количества погибших. Но...

Парадокс такого утверждения заключается в том, что иногда ученые мыслят как жители XXI столетия, когда существуют средства массовой информации, телевидение, мобильная связь и вообще сведения о событиях распространяются почти с мгновенной скоростью. Но в начале IV столетия если что-то и происходило, то люди могли об этом и не узнать, а если узнавали, то намного позже, при передаче новостей от человека к человеку. Вот почему часто не были известны даже имена тех, кто пострадал. Говорили так — 70 мучеников палестинских, или — мученики Никомидийские. Никто не вел быстрого, точного и такого страшного учета!

И еще важная деталь. Среди имен убиенных, которые остались в истории, почти все — имена высокопоставленных или известных на тот момент личностей, которые происходили из знатных семей, служили при императорском дворе или были просто богатыми людьми. Это характерный признак летописания или составления хроник в мировой истории. То же самое было, например, в более позднем русском летописании, где мы видим имена в основном бояр и выше — до великих князей и царей. Исключением были лишь известные воины или герои.

Как пример, в случае с эпохой гонений Диоклетиана, — упоминание имени убиенного великомученика Георгия Победоносца, который происходил из знатного рода и был командиром в составе императорской гвардии. Или — великомученика Пантелеимона, который был придворным лекарем при императоре. Петр, Горгоний и Дорофей Никомидийские — служили при дворе и были доверенными лицами императора. Вот почему их имена сразу же становились известны, вернее — уже были на слуху. Их убиение производило общественный резонанс. Тогда как мученичество неизвестного крестьянина могло не оставить в истории его имени. Однако такие убиенные все же были включены тогдашними историками (например, Евсевием Кесарийским) в свои книги — в общее число жертв.

Зададимся еще одним вопросом. Много ли было вообще христиан в Римской империи в годы жизни и подвигов святителя Николая Мирликийского? Ведь известно, что общины

верующих во Христа Спасителя появлялись быстро и повсеместно. В первых рядах проявил себя Восток империи, включая Ликию. По различным мнениям ученых, христиане составляли к 300 году от Рождества Христова (времени вступления святителя Николая на епископскую кафедру в Мирах) от 5 до 10 процентов всего населения империи. А это от пяти до шести миллионов человек!

Можно сказать — государство в государстве.

Известно, что христиане в большей своей части жили в городах. Там же и возникали их многочисленные храмы, которые не только были уже большими, но и порой находились на важных площадях полисов, так что мимо, не заметив их, пройти было невозможно. Яркий тому пример храмы в Никее, где пройдет Первый Вселенский собор, в тех же Мирах, или в Никомидии (тогда — восточной столице Римской империи), где их было много, а одна христианская церковь занимала холм напротив императорского дворца... Не по этой ли причине именно с Никомидией связаны наиболее жестокие события гонений на христиан? В апреле 303 года в этом граде после недельных тяжких истязаний обезглавили святого великомученика Георгия Победоносца. Здесь же в 305 году был умерщвлен великий целитель и врачеватель, святой великомученик Пантелеимон. Слишком уж хорошо в Никомидии заняли свои позиции христиане и их храмы — так казалось их недоброжелателям...

Напомним, что в христианской среде, а особенно в православной, часто упоминается словосочетание «Никомидийские мученики». Речь идет только о тех, кто пострадал в период гонений времени правления Диоклетиана и его соратников в самой Никомидии или в регионе этой столицы Восточной Римской империи. Зачастую мы не знаем их имен, это были групповые казни. Но если привести здесь основные цифры убиенных, общепринятые в церковной традиции, то они вызовут большое удивление. И мы намеренно сделаем это, невзирая на то, что указанные события по разному датируются историками.

Итак, мученики Никомидийские времен Диоклетианова гонения, сведения о которых поддерживаются Русской Православной Церковью:

1. 20 000 мучеников Никомидийских, по всей видимости, были жестоко убиты (ибо мученики) в 302 году, когда император приказал христианам на богослужении в боль-

шом храме Никомидии принести жертву языческим богам. Христиане дали отказ, и считается, что они были сожжены прямо в храме; епископ Анфим Никомидийский (позднее также ставший известным священномучеником) успел до разжигания огня крестить оглашенных и причастить всех находящихся в храме.

2. 10 000 мучеников Никомидийских, обезглавленных в результате ложного обвинения (о котором мы уже рассказали выше) в преднамеренном поджоге дворца.

3. 3628 мучеников Никомидийских, убиенных при императорах Диоклетиане и Максимиане. Считается, что это были верующие, ставшие христианами после казни архиепископа Петра Александрийского. Они как раз пришли из Александрии в Никомидию с семьями и добровольно пошли на мучения. Диоклетиан предлагал им отречься от веры. Получив отрицательный ответ, он указал обезглавить всех, а тела сбросить в пропасть. Однако спустя многие годы мощи их были обнаружены.

4. 1003 мученика Никомидийских, пострадавших после казни Васса, Евсевия, Евтихия, Василида, императорского постельничего Петра и бывшего языческого жреца Феона. Считается, что и их семьи, включая слуг и рабов, были христианами, они признали это перед императором Диоклетианом, после чего были все истреблены. Не пожалели даже детей.

5. 366 Никомидийских мучеников, сведений нет, но день памяти присутствует.

6. Убиенный Вавила Никомидийский и его 84 ученика пострадали при Максимиане. Вавила был заточен в тюрьму за проповеди и обучение детей христианской вере, во время гонений на христиан скрывался и тайно обучал детей христианской вере. Император приказал ему и его малолетним ученикам отречься от Христа. Все были приговорены к смерти и казнены.

7. 25 мучеников Никомидийских, также без сведений об именах, есть лишь день памяти — 1 (14) июля.

8. 10 дев мучениц в Никомидии, день памяти — в христианском календаре.

9. 5 мучеников из Никомидии, без сведений, лишь сохранился памятный день.

10. Феопемпт, епископ Никомидийский, и Феона Никомидийский, которых связала единая мученическая кончина, хотя они были врагами. Феона получил приказ отравить Феопемпта. Но его смертельный яд дважды не

подействовал на жертву. Тогда Феона уверовал во Христа и пострадал вместе с епископом.

11. Васс, Евсевий, Евтихий и Василид Никомидийские, члены синклита при императоре, знатные сановники. Пострадали при Диоклетиане, так как стали свидетелями страданий священномученика Феопемпта, епископа Никомидийского. Став христианами, пройдя через пытки, приняли мученическую смерть.

12. Трофим и Евкарпий Никомидийские, прославленные воины, служили при императоре в Никомидии. Ходили легенды о их жестокости. Но после видения, связанного со Христом, они вдруг отпустили на свободу из тюрьмы христиан. После пыток были сожжены на костре.

13. Никомидийские мученики, которые относятся к пострадавшим после убиения святого великомученика Георгия Победоносца. Они были потрясены тем, что святой Георгий не потерпел вреда от колеса для мучений и выживал после других смертельных пыток. Объявив себя публично христианами, они приняли мученическую кончину. К ним относятся следующие имена:

Виктор, Зотик, Акиндин, Зинов, Севериан и Кесарий Никомидийские, суд постановил отрубить им головы.

Исакий, Аполлос и Кодрат Никомидийские. Кодрату отсекали голову, а Аполлоса и Исакия умертвили в тюрьме, не давая пищи и питья.

Анатолий и Протолеон, смелые воины, были обезглавлены.

Евсевий, Неон, Леонтий и Лонгин, попав в тюрьму, были подвергнуты жестоким пыткам, после чего им отрубили головы. Известно, что вместе с ними пострадали и другие мученики, но их имена и число — не известны.

14. Западные мартирологи и другие источники упоминают еще некоторое количество Никомидийских мучеников. Сохранилась память о 77 мучениках, среди которых есть имена Авит, Киннанк, Артемон, Еремит, Алик и Капитон.

Еще раз зададимся вопросом — много это или мало? Можно ли принять эту цифру, угрожающе приближающуюся к 40 тысячам жертв гонений? Во всяком случае, мы должны с пониманием отнестись к древней традиции почитания этих людей, какими бы ни были утверждения или новые интерпретации современных историков.

В добавление приведем здесь обширный перечень известных деятелей христианской Церкви, убиенных во времена гонений, в период от правления Диоклетиана до его преемников (до Миланского эдикта). Некоторые имена уже нами приводились и будут повторяться. Мы берем список выборочно из статьи А. В. Храпова «Гонения на христиан в Римской империи», помещенной в 12-м томе «Православной энциклопедии» (2006 год).

«Среди наиболее известных и почитаемых мучеников времени г[онений] имп. Диоклетиана — Маркеллин, папа Римский, с дружиной (пам. 7 июня), Маркелл, папа Римский, с дружиной (пам. 7 июня), вмц. Анастасия Узорешительница (пам. 22 дек.), вмч. Георгий Победоносец (пам. 23 апр.; пам. груз. 10 нояб.), мученики Андрей Стратилат (пам. 19 авг.), Иоанн Воин (пам. 30 июля), Косма и Дамиан Бессребреники (пам. 1 июля, 17 окт., 1 нояб.), Кирик и Иулитта Тарсийские (пам. 15 июля), Кир и Иоанн Египетские с дружиной (пам. 31 янв.), архидиак. Евпл Катанский (Сицилия; пам. 11 авг.), вмч. Пантелеимон Никомидийский (пам. 27 июля), Феодот Корчемник (пам. 7 нояб.), Мокий Византийский (пам. 11 мая), пользовавшийся известностью в К[онстантино]поле; Севастиан Римский (пам. 18 дек.), культ к[ото]рого приобрел большое значение в Зап. Европе в средние века...

Мн[огие] жертвы г[онений] имп. Диоклетиана почитаются Церковью в дружинах. Таковы, напр., еп. Ианнуарий Лаодикийский с диаконами Прокулом, Сиссием и Фавстом и др. (пам. 21 апр.), пресвитеры Трофим и Фал Лаодикийские (пам. 16 марта), Милитинские мученики (пам. 7 нояб.), мч. Феодот и 7 дев Анкирских (пам. 18 мая, 6 нояб.), мц. Феодулия, мученики Елладий, Макарий и Евагрий Аназарвские (пам. 5 февр.), Маврикий Апамейский и 70 воинов (пам. 22 февр.), Исаакий, Аполлос и Кодрат Испанские (пам. 21 апр.), мученицы Валерия, Кириакия и Мария Кесарийские (пам. 7 июня), дева Лукия Римская с дружиной (пам. 6 июля), мученики Виктор, Сосфен и вмц. Евфимия Халкидонские (пам. 16 сент.), мученицы Капитолина и Еройтида Кесарие-Каппадокийские (пам. 27 окт.) и мн. др. <...>

Несмотря на нек[ото]рый спад преследований, число мучеников, пострадавших при имп. Галерии и почитаемых Церковью, также чрезвычайно велико. Из них широко известны вмч. Димитрий Солунский (пам. 26 окт.), Адриан и Наталия Никомидийские (26 авг.), Кир и Иоанн бессребреники (пам. 31 янв.), вмц. Екатерина Александрийская (пам.

24 нояб.), вмч. Феодор Тирон (пам. 17 февр.); многочисленные дружины святых, такие как 156 Тирских мучеников во главе с епископами Пелием и Нилом (пам. 17 сент.), никомидийские священники Ермолай, Ермипп и Ермократ (пам. 26 июля), Египетские мученики Маркиан, Никандр, Иперехий, Аполлон и др. (пам. 5 июня), Мелитинские мученики Евдоксий, Зинон и Макарий (пам. 6 сент.), Амасийские мученицы Александра, Клавдия, Евфрасия, Матрона и др. (пам. 20 марта), Вифинские мученицы Минодора, Митродора и Нимфодора (пам. 10 сент.), Кесарийские мученики Антонин, Никифор и Герман (пам. 13 нояб.), Еннафа, Валентина и Павла (пам. 10 февр.)...

Император [Максимин]... Последовали и новые казни: был брошен зверям престарелый еп. Сильван Эмесский вместе с диак. Лукой и чтецом Мокием (пам. 29 янв.), казнены еп. Мефодий Патарский (пам. 20 июня), архиеп. Петр Александрийский (пам. 25 нояб.), погибли др. епископы Египта; в Никомидии был убит ученый пресв. Антиохийской Церкви сщмч. Лукиан (пам. 15 окт.), пострадали также еп. Климент Анкирский (пам. 23 янв.), Порфирий Стратилат и 200 воинов в Александрии (пам. 24 нояб.), Евстафий, Феспесий и Анатолий Никейские (пам. 20 нояб.), Иулиан, Келсий, Антоний, Анастасий, Василисса, Марионилла, 7 отроков и 20 воинов Антинойских (Египет; 8 янв.), Мина, Ермоген и Евграф Александрийские (пам. 10 дек.) и др. <...>

Жертвами г[онений] Лициния среди проч. стали вмч. Феодор Стратилат (319; пам. 8 февр., 8 июня), мч. Евстафий Анкирский (пам. 28 июля), еп. Василий Амасийский (26 апр.), Фока Вертоградарь Синопский (пам. 22 сент.); 40 Севастийских мучеников (пам. 9 марта), а также Севастийские мученики Аттик, Агапий, Евдоксий и др. (пам. 3 нояб.); мученики Илия, Зотик, Лукиан и Валериан Томские (Фракия; пам. 13 сент.)».

«Великое гонение» — увы — разделило христианскую Церковь на согласившихся принять эдикт Диоклетиана, то есть подчиниться правилам и требованиям, и на тех, кто остался верен церкви и Христу. Первых — подчинившихся — называли «традиторы». В буквальном переводе с латинского это означало «тот, кто передал». Имелись в виду те христиане, которые на требования властей сдать для уничтожения рукописи Священного Писания под страхом смерти сделали это. По этой причине в более поздней рус-

ской интерпретации перевода термина «тот, кто передал» (рукописи) вдруг исчезла одна буква «е», и фраза стала звучать так: ««тот, кто предал».

Традиторы в большинстве своем появились, как и сам термин, в Северной Африке. В регионе анатолийской Ликии, видимо, было спокойнее. Поэтому святитель Николай не стал жертвой режима, не был казнен, если не считать того, что он провел годы в тюремных застенках, о чем мы расскажем подробнее позже. Но надо напомнить, что именно в эти времена в еще большей степени среди христиан развился культ мучеников, который, начиная с эпохи Просвещения и по сей день, некоторыми историками считается несколько преувеличенным. Но разве мы не знаем, что, когда заходит речь о количестве убиенных во время религиозных преследований, всегда появляется некий «резвомыслящий специалист», уверенный во всеобщем разумном мировом гуманизме и в подтасовке «деятелими церкви» реальных фактов...

В Римской империи преследовали христиан и ранее, с самого начала появления его представителей на территории государства. Но эти нападки, хотя и жестокие по форме, не были глобальными. Они представляли угрозу для отдельных христиан, но не для всей общины или Церкви в целом. Однако уже в III веке активно принимали крещение весьма уважаемые, высокопоставленные и богатые люди государства, среди которых (по Оригену, в его «Против Цельса») можно было найти «высокопоставленных мужей, женщин, известных своей изысканностью и благородством». Тут уже возникал конфликт интересов среди людей власти. Современник святителя Николая Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» отмечает, что целью для преследования императоров стало не просто христианство как таковое, а христианские лидеры, наиболее значимые из них. Еще император Деций (249—251) настаивал на всеобщем, полном и явном, то есть на людях совершаемом отправлении языческих ритуалов. А высокопоставленные христиане этого не делали, избегали совершать неприемлемые для них обряды. Не хотели они порой приносить присягу самому императору. Это казалось предательством. И каралось казнями и пытками. Однако не в таких масштабах, как при Диоклетиане.

Христианство медленно и верно занимало не только пространство городов, но души и умы людей. По этой причине появились критики, которые стремились уличить хри-

стиан в обмане или подвергнуть сомнению само их учение. Однако христиане не стояли в стороне. Они со своей стороны публично критиковали язычество, невзирая на угрозу для жизни за такие взгляды. Например, во время епископства святителя Николая, на рубеже III—IV столетий, богослов и апологет Арнобий Старший создал труд «Против язычников», где предал осуждению бессмысленных языческих богов, высмеивая поклонение мертвым статуям. Надо сказать, что такие сочинения попадали в руки язычникам, которые в итоге и по задумке авторов осознали преимущества новой веры и принимали крещение.

Как мы уже говорили, в современной исторической науке модно нынче предполагать, что масштабы «великого гонения» да и само «гонение» были преувеличены самими христианами, авторами современниками событий или поздними средневековыми хронографами. Что-де жертв от рук палачей было намного меньше (число их, естественно, не приводится, а лишь предполагается). Во всяком случае, в современных манипуляциях историческим прошлым почему-то отбрасывается моральная сторона вопроса, а именно — словно бы забывается самое главное — массовые убийства христиан. Цифры убиенных становятся важнее факта гонений. То есть если казненных было меньше, то это и не гонения... Мы не станем комментировать эти междустрочные утверждения. Ибо порой важна суть, а не точность. Лучше продолжим рассказ о том, что происходило уже после императора Диоклетиана, в годы правления его соратников и последователей. В те самые годы, в которые, как мы предполагаем, святитель Николай Мирликийский находился на волоске от почти неминуемой смерти, будучи заточенным в темнице.

Козни Максимиана и злоба Галерия

Где Дух Святой, там, как тень, следует гонение и брань.
Макарий Египетский, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Всех, не желающих подчиняться, ожидали оковы, темницы, страшные пытки и, наконец, на-

сильственная смерть. Вскоре зло это, взяв себе в помощники крылатых слуг, преданных поборников нечестия, достигло Мир».

Как известно, Диоклетиан еще в 292 году избрал дополнительно двух соправителей Римской империи с титулом кесарей. Ими стали Констанций Хлор (в Британии, Галии и Испании) и Галерий (в Иллирии). С Галерием Диоклетиан даже породнился, он выдал замуж за нового кесаря свою дочь Валерию. Мы помним также, что Диоклетиан делил власть еще с одним человеком — Максимианом.

Автор XIX века Евграф Смирнов в «Истории христианской церкви» пишет: «Максимиан Геркул, грубый солдат, не входивший в политические соображения Диоклетиана, готов был преследовать христиан, особенно находившихся в его войске и нарушавших военную дисциплину отказом в принесении языческих жертв. Напротив, помощник Геркула, кесарь Констанций Хлор, человек добросовестный, уважаемый деятель, смотрел на христиан без предубеждения, даже уважал их за твердость в вере, основательно предполагая, что они так же твердо должны быть преданы государю».

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор богословия А. А. Бронзов в своей статье «Гонения на христиан в Римской империи», помещенной в 4-м томе «Православной богословской энциклопедии» за 1904 год, писал: «Кроме Галерия, особенною яростью и ревностью к кровавому истреблению христианства пылал соправитель Диоклетиана, Максимиан. По одному сказанию, он приказал истребить целый, состоявший из христиан легион, так называемый “Фиваидский легион”, с его начальником св. Марцием, потому что он отказался преследовать своих собратьев по вере. После того, как в 305 г. Диоклетиан и Максимиан удалились от управления, Галерий, как верховный император, продолжал гонения с удвоенной силой. Север и Максимиин Даза, которых он назначил кесарями, поддерживали его в этом. Страдания христиан достигли в это время своей наивысшей степени, и их подвергали самым изысканным мучениям. Чтобы принудить христиан против своей воли к отречению, прибегали даже к таким средствам, как окропление съестных припасов на окна жертвенным вином и жертвенной водой. Наконец, даже среди самих язычников пробудилось отвращение к столь жестоким и все более усиливавшимся мерам гонительства на христиан».

Действительно, наиболее жестким по отношению к христианам был Галерий. С ним связаны самые страшные события в период великих гонений. Евграф Смирнов так характеризовал правителя: «Злейшим же из всех правителей врагом христиан явился зять Диоклетиана, жестокий кесарь Галерий. Диоклетиан, пока был в силах и не состарился, сдерживал вредные для империи порывы Галерия к уничтожению христианства; кроме эдикта об удалении христиан из военной службы, он долгое время не соглашался издать какой-либо общий закон относительно их». Мы помним, что именно Галерий устроил все так, что в 303 году начались массовые преследования и убийства христиан по всей империи.

Современники святителя Николая, историки Евсевий и Лактанций, считают, что у Галерия были свои счеты с христианами. Благодаря гонениям Галерий получал свою выгоду. Какую? Во-первых, он был самый убежденный язычник из всех тетрархов. Во-вторых, так он набирал политический вес, прогнозируя в будущем борьбу за власть. Жестокость не просто характеризовала его как человека, она показывала или демонстрировала оппонентам то, что с ними может быть, если они не будут соглашаться с ним. Мощь и последовательная кара должны были настичь каждого, кто осмеливался противоречить Галерию. Наконец, ему следовало поднимать свой престиж и двигаться по карьерной лестнице. Ведь будучи лишь соправителем, точнее — подчиняющимся Диоклетиану правителем, он довольствовался лишь тем, что видел свое имя последним в списке тех, кто подписывал важные государственные документы. Последним! Ну как это можно вытерпеть! Историки давно замечали — до окончания войны с Персией у Галерия не было даже своего большого дворца, в отличие от других тетрархов.

Еще одно обстоятельство играло свою роль. Мать Галерия слыла яркой язычницей. Ее звали Ромула. Она любила устраивать публично пышные и красочные языческие торжества. Но христиане их игнорировали. Каково же было возмущение женщины, у которой в руках было много рычагов власти, но они не срабатывали из-за упорства каких-то там иноверцев! Ромула была также языческой жрицей в Дакии. И она не могла снести упорства христианских последователей, подталкивая Галерия к активным карательным действиям.

Много важных сведений оставил нам современник

святителя Николая — Луций Цецилий Фирмиан Лактанций — ритор, принявший в самом опасном при гонениях 303 году христианскую веру и прославивший христианским Цицероном, будущий воспитатель наследника императора Константина — Криспа. Создав знаменитое и уникальное для истории христианства в этот период сочинение «De mortibus persecutorum» («О смертях преследователей», или «О смертях гонителей»), Лактанций рассказал, будто Диоклетиан желал ограничить жестокие и кровожадные планы Галерия. Например, не спешил вводить как обязательную смертную казнь путем сожжения на костре для христиан. Но указания Галерия все равно входили в обиход, сожжение живо распространялось повсеместно.

В промежутке между 303 и 313 годами, пока действовало «великое гонение» на христиан, неожиданно появлялись периоды затишья или, как теперь принято говорить, — установления религиозной терпимости. Следуя тетрархическим правилам управления, 1 мая 305 года Диоклетиан и Максимиан неожиданно отреклись от престола. Выиграли от этого другие, особенно Галерий. Потому что в результате перестановки правителей он и Констанций были объявлены августами, а два других правителя — Север и Максимиан Дада — цезарями.

У Галерия оказались развязаны руки. Он, будучи правителем на Востоке (а сюда входила и Ликия), быстро поставил на все важные должности своих людей и продолжил антихристианские гонения, тогда как другие тетрархи эти гонения несколько приостановили. В это время как раз проявил себя сын Констанция — Константин, будущий император Рима и защитник христиан. Против воли Галерия он унаследовал летом 306 года от своего отца бразды правления. Константин мгновенно прекратил гонения и предложил христианам полное возмещение утраченного в годы преследований. Началась новая волна борьбы за власть.

Если обратиться в очередной раз к «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, то мы увидим, что в ней много места отводится рассказу о гонениях, которые устроил еще один правитель времен тетрархии — Максимиан, провозглашенный цезарем 1 мая 305 года. Тогда он получил земли Востока, как сказано, — «в поправление и изнурение». Для Евсевия было важно, что сразу же новый цезарь отправился в его Кесарию.

Максимин вдруг также продолжил преследование христиан. В 306 и 309 годах он обнародовал свои эдикты, требующие от населения совершения всеобщего жертвоприношения. Еще весной 306 года Максимин в эдикте сформулировал правила, по которым и надо было совершать этот публичный акт. А тут как раз Галерий уже провел очередную перепись населения, по которой теперь удавалось устанавливать в городах имена всех глав семейств, а также всех членов их семей. Максимин воспользовался этим начинанием и указал созывать всех жителей для языческого жертвоприношения, для чего громко выкрикивали проявивших инициативу участников по именам. Увернуться от действия было невозможно.

В каждом городе выставили бронзовые колонки, на которых были выгравированы городские постановления против христиан и царские указы. Эдикт язычника Максимиана, появившийся на столбах в первую очередь, начинался весьма поэтично:

«Бессильно некогда державшая человеческая мысль, наконец, прогнав и рассеяв туман бессмысленного заблуждения, которое перед этим держало в плену губительного мрачного невежества чувства людей, не столько нечестивых, сколько несчастных, обрела силу и поняла, что все управляется и утверждается благодетельным промыслом бессмертных богов. Поэтому-то ваш город недаром зовется храмом и жилищем бессмертных богов. Многие примеры свидетельствуют, что своим процветанием он обязан обитающим в нем богам... Эту спасительную мысль за вашу благочестивую веру внушили вам боги; это он, всевышний и великий Зевс, блюститель вашего великолепного города, охраняющий от беды и гибели ваших отеческих богов, ваших жен, детей, родной ваш дом и очаг, да, он вдохнул в ваши души это спасительное желание, показывая и давая знать, сколь превосходно, великолепно и спасительно обращаться к бессмертным богам, с подобающим благоговением служить им и приносить жертвы».

А заканчивался эдикт следующим выводом против христиан:

«Если же они останутся в этом проклятом пустом заблуждении, то да будут, как вы о том просили, изгнаны далеко за пределы вашего города и его окрестностей, дабы в соответствии с вашим достохвальным горячим желанием ваш город, избавившись от всякой скверны и нечестия, обра-

тился, по врожденному своему расположению, к благоговейному служению бессмертным богам».

Спустя короткое время после своего эдикта Максимин решил изменить наказания для нарушителей. Он ввел членовредительство и принудительные работы на рудниках и в каменоломнях. Хотя многие из таких трудовых полигонов были уже забиты узниками-христианами. Несчастливым перебивали сухожилия на ногах и выкалывали как минимум один глаз. Так можно было быть уверенным, что они не покинут каторгу.

В добавление ко всему в те времена повсеместно началась эпидемия чумы. Это было расценено как страшное наказание, и языческие религии проходили тогда настоящее испытание.

Читаем у Евсевия Кесарийского: «Тысячи людей умирали в городах, а еще больше в деревнях и селах; из цензовых списков, куда раньше внесено было большое число земледельцев, пришлось чуть ли не всех вычеркнуть: почти все погибли от недостатка еды и от чумной болезни... Некоторые даже стали пищей для собак. Оставшиеся в живых стали убивать собак, боясь, как бы они, расстворившись, не сделались людоедами. Чума наравне с голодом пожирала целые семьи, особенно те, которые, имея запасы съестного, не страдали от голода. Поэтому правители, военачальники и многочисленные магистраты, жившие в достатке, словно нарочно оставленные голодом в добычу чуме, умирали мучительной и скорой смертью. Везде стенания — на улицах, рынках и площадях, всюду только плач. Таким образом, воюя двумя названными орудиями: чумой и голодом, — смерть за короткое время скосила целые семьи: из одного дома выносили сразу двух-трех умерших».

И, завершая эти главы, Евсевий одновременно критично и пафосно подытоживал: «Так расплатился Максимин за свое высокомерие и обнародованные по городам постановления против нас, а между тем все язычники видели ясные доказательства благочестия христиан и их деятельной заботы о каждом».

Однако осенью 309 года Максимин опять продолжил гонения. Правда, смягчил процесс жертвоприношений, сменив кровавые жертвы на либацию — бескровные. Для христиан не было никакой разницы — кровная жертва или нет. Обе были неприемлемы. Поэтому Максимин требовал

присутствия всех на обряде, включая детей и слуг, для распознавания иноверцев. За этим исправно следили.

А тут и Галерий ознаменовал 311 год странным событием. Он также обнародовал очередной свой эдикт, теперь уже смягчающий гонения на христиан. Для начала он вынес некое порицание христианам за их «своеволие» и «неразумие». Вот как он это сформулировал: «Среди прочих постановлений наших на благо и пользу государства первым пожелали мы исправить все дела римлян в соответствии с древними законами и общественным порядком и позаботиться о том, дабы и христиане, которые оставили учение собственных прародителей, пришли бы к здравому смыслу. Поскольку по какой-то причине сих христиан обуяло такое своеволие и охватило такое неразумие, что они не следуют тем установлениям древних, которые прежде установили, быть может, сами их отцы, но по своему усмотрению и своевольно сами себе создавали законы для соблюдения и с противными намерениями собирали разные толпы. Затем, когда последовало это наше повеление, чтобы они вернулись к установлениям предков, многие под угрозой покорились, а многие подверглись смятению, казненные различными способами».

И дальше Галерий все-таки предлагает некий выход из конфронтации: «Но поскольку многие остаются в этом безрассудстве и мы увидели, что они ни богам небесным не воздают надлежащего почитания, ни к Богу христиан не обращаются, мы, следуя нашему снисходительнейшему милосердию и неизменной привычке даровать всем людям прощение, решили незамедлительно распространить и на них наше снисхождение, дабы они снова были христианами и составляли свои собрания так, чтобы не совершать ничего против порядка; в другом послании судьям мы разъясним, что они обязаны соблюдать. Посему, в соответствии с этим дозволением, они должны будут молиться своему Богу о здравии как нашем и государства, так и своем собственном, дабы и государство ни в каком отношении не терпело вреда, и они могли беззаботно жить на своих местах».

Но через неделю после своего эдикта Галерий вдруг неожиданно скончался. А Вознесенский и Ф. Гусев, авторы Жития святителя Николая, в XIX столетии так описывали происходившее: «В 311 году Галерий, мучимый страшной болезнью, посланной ему от Господа в наказание за его жестокость и распутную жизнь, открыто “оказал свое снисхождение христианам, позволяя им опять оставаться хри-

стианами и строить дома для своих собраний” (цитата из Евсевия. — К. К.-С.), где они “за такое снисхождение должны молить своего Бога о здравии” бывшего их гонителя. Повинуясь указу, градоправители выводили и освобождали заключенных из темниц. По свидетельству очевидца Евсевия, “вслед за таким событием, вдруг, как бы из недр ночного мрака, воссиял некий свет: в каждом городе стали появляться церковные общества, многочисленные стечения христиан и вместе с тем обычные собрания для богослужения. Каждый из неверующих немало поражен был этим, дивился такому обороту дел и Бога христианского провозглашал великим и единым истинным”».

Именно это утверждение Евсевия дало основание Вознесенскому и Гусеву предположить, что святитель Николай мог быть выпущен на свободу из тюрьмы как раз в связи с этим послаблением, то есть в 311 году. Но это лишь предположение...

Максимин же, присовокупив к себе Малую Азию, включая земли Мир Ликийских, не стал выполнять указы Галерия, а наоборот, опять решил ужесточить гонения. В августе того же года Максимин запретил христианам собираться на кладбищах, а осенью продолжил репрессии. Евсевий Кесарийский рассказывает о них в «Церковной истории»: «В это же время Петр, славно управлявший Александрийской епархией, дивный для епископов образец добродетельной жизни и глубокого знания Писания, был без всякого основания схвачен и без малейшего промедления, сразу же беспричинно обезглавлен, будто бы по приказу Максимиана. Вместе с ним также были казнены многие епископы из Египта. Пресвитер Антиохийской Церкви Лукиан, человек прекрасной строгой жизни, погруженный в священную науку, был приведен в Никомидию, где тогда находился царь. Он выступил перед магистратом с апологией учения, за которое был схвачен; его увели в тюрьму и убили. Такое зло причинил нам за короткое время ненавистник добра Максимин, что гонение, возбужденное им, стало казаться нам тяжелее прежнего».

Однако времена менялись. Будущий император Константин собирал силы, и было понятно, что он не отступит от помощи христианам. Узнав об успехах Константина в его кампании против одного из врагов — Максенция, Максимин сманеврировал — быстренько выпустил новый указ, возвращая христианам свободы. Он вдруг предложил дать христианам возможность жить по собственной воле. Заодно,

вопреки большинству, не удовлетворил просьбу жителей Никомидии о запрете христианам обитать и селиться в столице.

Вот текст письма Максимиана, где он частично рассказывает о содержании этого документа:

«Всем людям, думаю, известно, что владыки Диокле-тиан и Максимиан, отцы наши, узнав, что едва ли не все люди, оставив почитание богов, примешались к народу христианскому, справедливо постановили всех людей, отступивших от почитания своих бессмертных богов, под угрозой пытки и наказания призывать к служению богам.

Я отдал каждому судье приказ впредь ни с кем из провинциалов не поступать жестоко, но лаской и увещеваниями возвращать к служению богам. Судьи, следуя приказу, стали соблюдать мои распоряжения, и никто в областях Востока не был ни выслан, ни обижен, и люди, не чувствуя угнетения, охотно возвращались к почитанию богов.

Затем, когда в прошлом году я благополучно прибыл в Никомидию и пребывал там, жители этого города пришли ко мне со статуями богов и усиленно просили меня любым способом не разрешать этому народу жить в их родном городе... Впрочем, и этим жителям Никомидии, и жителям остальных городов, обратившимся ко мне с такой же горячей просьбой, то есть, чтобы никто из христиан не жил в их городах, я вынужден был ответить милостиво, ибо древние императоры все соблюдали такое положение и самим богам, которыми держатся все люди и само государственное правление, было угодно, чтобы я утвердил прошение, поданное в защиту веры в богов.

Тем не менее, хотя твоему благочестию и до сего времени, конечно же, письменно посылались указы и давались приказания, чтобы с жителями провинций, стремящимися соблюдать подобные обычаи, обходились не сурово, но терпеливо и умеренно, чтобы ни от бенефициариев, ни от кого бы то ни было не терпели они обид или насилий, я счел уместным этим письмом еще раз напомнить твоей строгости, что ласками и увещеваниями ты скорее обратишь наших провинциалов к почитанию богов. Посему, если кто по собственному выбору решит признать религию богов, таковых надлежит приветствовать; если же кто желает следовать своей религии, оставь им это право».

Евграф Смирнов, автор XIX века, подытоживал события того времени следующими словами: «Констанций Хлор умер, и титул императора на западе принял его сын,

Константин, унаследовавший благосклонность своего отца к христианам. Злейший враг христиан, восточный император Галерий, пораженный тяжелой и неизлечимой болезнью, убедился, наконец, что никакая человеческая сила не может уничтожить их. Поэтому в 311 г., незадолго до своей смерти, выбрав себе преемником одного из своих полководцев, Ликиния (Лициния. — К. К.-С.), вместе с ним и западным императором Константином издал эдикт о прекращении гонения на христиан. Этим эдиктом римское правительство торжественно засвидетельствовало свое бессилие в борьбе с христианами, признав все свои старания обратить их к древнему учению отцов, то есть идолопоклонству, бесплодными. Правительство вынуждено было сказать: «Пусть снова будут христиане, и пусть они строят свои молитвенные дома. С тем только, что бы ни в чем не поступать против порядка». Вследствие этого эдикта Галерия, Ликиния и Константина христиане, гонимые и ссылаемые, были освобождены от поисков и возвращены из заточения. Опять стали появляться христианские храмы, в которых по-прежнему начало совершаться богослужение».

И опять у Евсевия мы находим выдержки из того самого эдикта. В нем пояснялось, что если у христиан «довольно многие придерживаются своих решений... то мы полагаем, что в отношении их следует проявить готовность к прощению, чтобы они фактически становились христианами и могли объединяться в общины». Наконец-то власть, поняв свое бессилие, приняла новый курс — на веротерпимость.

Ранней весной 313 года Лициний вступил в войну с Максимином. Ситуация менялась на глазах. Согласно Лактанцию, произошла битва, перед которой Лицинию явился во сне ангел Божий, продиктовав ему молитву ко Всевышнему. Текст молитвы писцы успели размножить, и перед схваткой его получили все офицеры, донесшие ее до каждого солдата.

30 апреля 313 года Лициний (на тот момент римский император) в сражении победил войско Максимиана, который бежал с поля боя. Чуть позднее самонадеянный до этого Максимиин принял яд и скончался в муках, хотя, по рассказам, перед самой смертью все же увидел самого Христа Спасителя и признал его.

Спустя полтора месяца после битвы будет подписан благодатный для христиан Миланский эдикт.

Евсевий в своей исторической церковной хронике комментировал данное событие так: «Константин, царь благо-

честивый, сын царя, как мы говорили, благочестивейшего и мудрейшего, а за ним Лициний, оба украшенные разумом и благочестием, волей Бога Вседержителя и Спасителя нашего, пошли справедливой войной на нечестивейших тиранов, и Бог чудесным образом стал им помощником. В Риме в войне с Константином пал Максентий (Максенций. — К. К.-С.); на Востоке Максимин, не долго переживший его, погиб позорнейшей смертью от Лициния, который тогда был еще в здравом уме».

Наконец, после встречи в феврале 313 года с Константином в Милане, когда были согласовали принципы общего мира и смягченного миропорядка, вослед за победой над Максиминим, Лициний объявил 13 июня 313 года в Никомидии долгожданный указ. Тот самый указ, который вошел в историю под названием «Миланский эдикт», ибо задуман был чуть ранее в Медиолане-Милане. Историки столетиями спорили по поводу значимости этого документа, но в конце концов большинство сошлось во мнении, что именно данный эдикт стал последней точкой в завершении «великого гонения» на христиан.

В связи с такими изменениями в жизни христианских общин появилась еще одна проблема. Что делать с теми, кто в трудную годину не выдержал испытаний? В какой мере принимать во внимание слабость человеческой природы, нестойкость людей перед пытками или наказаниями в застенках? Можно ли было все простить и начать все как бы сначала?

Появились такие термины, как «отступничество». Что делать с отступившими, оступившимися и падшими, с малодушными и даже предателями? Многие христиане для того, чтобы выйти на свободу из заточения, принимали такие формы отступничества, как жертвоприношение и воскурение — языческие обряды, не имеющие отношения к христианскому богослужению. Как расценить их поступок?

Начиналась работа по укреплению христиан в вере. Уже в 314 году установили некоторые правила приема или возвращения в общины для малодушно оступившихся и падших. Рассматривались различные виды и степени подобных прегрешений. Например, некоторые христиане сдавали по требованию во время гонений римским властям для уничтожения рукописи Священного Писания. Но в регионах, где жил святитель Николай, это не стало считаться

среди христиан серьезным преступлением-прегрешением. Разбирались проблемы не только с теми, кто отдал бесценные рукописи, сдал властям священные сосуды для богослужений, но и с теми, кто напрямую предал соратников и единоверцев — выдал или сообщил имена своих собратьев, прихожан своей церкви.

Мы уже говорили о traditorax, именно они, от простых мирян до епископов, под угрозой преследований подчинялись требованиям чиновников Римской империи и передавали им для уничтожения рукописи Священного Писания, а также иными способами способствовали гонениям. Интересно, что в те времена появился даже особый документ, фактически — купленное фальшивое свидетельство, которое подтверждало выполнение указа властей по выдаче им священных документов. Получил справку за деньги, и ты свободен. Но христиане знали, что это была именно фальшивка, существующая лишь на бумаге, для предъявления властям, бытовавшая, в частности, в регионе проживания святителя Николая. Но таких людей после завершения гонений не стали признавать отступниками или предателями.

Итак, жизнь христиан в империи понемногу стала налаживаться. Хотя было еще одно «мгновение», когда восточные христиане снова подверглись некоторому короткому преследованию. Тот самый победитель Максимиана, ставший затем соправителем Константина — Лициний, уже издавший с ним Миланские указы, столь долгожданные христианами, вдруг совершенно непредсказуемо начал новые преследования и притеснения.

Евсевий считал, что Лициний в последнее время его жизни — перед самой кончиной — словно бы лишился разума. Он зачем-то пошел по стопам Максимиана, решив, что язычество ему все-таки ближе, удобнее для управления страной. Он начал «чистить» свой аппарат управления, убрав христиан из своего окружения и из числа важных чиновников. Церковный историк Сократ Схоластик (рубеж IV—V столетий) охарактеризовал его поведение так: «Лициний, быв напитан мнениями языческими, ненавидел христиан, и если, боясь Константина, не смел воздвигнуть на них явного гонения, зато многим строил козни тайно. Иногда решался он наносить им вред и открыто, но то были гонения местные».

Заодно Лициний запретил христианским епископам организовывать и проводить соборы. Этого показалось мало. Он запретил епископам встречаться друг с другом. Это уже напрямую касалось святителя Николая и его пастырского служения. Современник событий, историк Евсевий Кесарийский, так же, как и Николай Чудотворец, бывший епископом (только в Палестине), понятным образом пишет о таком поведении Лициния от себя, как от архипастыря: «Это служило ему поводом к нападению на нас: ибо если мы нарушим закон, то надобно будет подвергнуть нас наказанию, а когда захотим повиноваться указу, то ослабим постановления Церкви, потому что споры особенной важности не иначе могут примиряться, как соборно». Таким образом, христиане лишались возможности принимать важные решения глобального масштаба, ради которых, собственно, соборы и должны были проходить.

Надо сказать, Лициний тут все-таки заметил слабое звено в христианской традиции и в жизни церковных общин. В христианском мире империи, видимо, уже проходила какая-то подготовка к предстоящему после указа Лициния церковному Собору. И он действительно состоялся спустя всего двенадцать лет в Никее. Но Собор, тем более такого масштаба, был бы совершенно невозможен, если указ Лициния все еще продолжал бы действовать...

Другие запреты Лициния были вообще абсурдны. «Он издал закон, — писал Евсевий, — запрещающий мужчинам, при возношении молитв к Богу, находиться вместе с женщинами, а женщинам посещать досточтимые училища добродетели. Запрещалось также епископам преподавать женщинам учение о богопочтении, и требовалось, чтобы для наставления женщин избирались бы женщины». Или другое: «Он приказал обычные собрания народа делать за городскими воротами, на открытом месте, под тем предлогом, что воздух вне города вообще гораздо чище».

Такие пассажи Лициния и породили ощущение того, что он был уже «не совсем здоров», «лишен ума», «безумен». Состояние это довело его до апогея генерирования абсурдных идей, среди которых появились такие как «вооружение против Церквей и нападение на епископов». Начались очередные убиения мучеников. Среди них — казненный епископ Амасийской церкви Василий, обезглавленный епископ Севастийский Власий, известный святой, замученный воин Феодор Стратилат.

Не могло все это понравиться императору Константину.

Трения с Лицинием быстро переросли в военные действия. «Константин принял мудрое решение, — записал Евсевий, — и, к врожденному человеколюбию присоединив твердость характера, поспешил на помощь угнетаемым».

А. Вознесенский и Ф. Гусев пишут: «И в Мирах, как вообще в городах православного Востока, подвластного Лицинию (Лицинию. — К. К.-С.), преследование это отозвалось заметно — и добрый пастырь Николай опять был готов положить душу за свою гонимую паству. По милости Божией, однако, гонение Лицинииево не было жестоко и продолжительно: побежденный Константином (323) гонитель вскоре лишился власти и жизни».

Вот так и не стало в реальности когда-то еще очень «страшных правителей» — ни Диоклетиана, ни Максимиана, ни Максимины, ни Галерия... К власти после Лициния пришел единолично император Константин I Великий. Новая эпоха наступала не только в Римской империи, но и во всей европейской истории, в развитии мировой цивилизации. Христиане поднимали голову после столетий притеснений и непонимания. Разными способами выжившие в период великих гонений Диоклетиана налаживали домашний и церковный быт. Миряне помогали друг другу. Учителя и духовные наставники — поддерживали слабых. Священники и архипастыри — вели корабль Церкви вперед, к новым берегам.

Все вставало на круги своя, хотя контуры кругов этих еще только начинали обрисовываться...

Глава 3

ЕПИСКОП МИР ЛИКИЙСКИХ

Пришло время, вновь изменилась жизнь христиан в Римской империи. После 313 года даже кардинально, и особенно — в анатолийских землях, в регионах Ликии. Епископ Николай наконец вернулся из тюремного заточения в Миры Ликийские — в свой кафедральный город, где ожидали его паства и все те, кто пережил трудные и жестокие события. Люди только начали еще осознавать радость от того, что теперь они не только могут стать свободными как имперские граждане, но и вправе исповедовать свою веру так, как они считают нужным.

Становилось ли христианам от этого легче? Явилось ли наступающее мирное время для Церкви Христовой тем самым периодом, когда совершаются лучшие духовные подвиги, или все же именно в эпохи гонений проявляются самые выдающиеся качества настоящих верующих? Последуем вперед в нашем повествовании за поисками ответов на эти почти вечные и закономерные вопросы...

Затишье в гонениях на христиан

Всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без каких бы то ни было помех.

Император Константин I Великий, 313 г.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: *«Но после ненастья выходит нежданно солнце, и после порыва бури веет тихий ветер. И человеколюбивый мой Христос, взирая с Небес на народ Свой, сокрушает*

и губит все скипетры нечестия, диоклетианов, максимианов и всех последующих языческих императоров и воздвигает Своему народу рог спасения».

Авторы жизнеописания святителя Николая А. Вознесенский и Ф. Гусев рассказали так: «По освобождении из темницы святой Николай, “мученик изволением” и “без крове венечник”, снова занял Мирликийскую кафедру и с еще большей ревностью отдался выполнению своих высоких обязанностей. Страшное гонение, давшее Церкви целый ряд мучеников и исповедников, в то же время причинило ей весьма много вреда. Поэтому святитель Николай, кроме обычных трудов и забот своего служения, должен был понести еще и новые подвиги, необходимо вызванные последствиями долгого и страшного гонения. Как другим тогдашним пастырям, без сомнения, и ему приходилось или возобновлять старые, или строить новые церкви, восстанавливать нарушенный гонением порядок церковного богослужения и благочиния, допускать к покаянию тех, которые во время гонения от страха мучений ослабели в вере и отпали от Христа. После гонения такие спешили исцелиться, ревностно прося спасающей десницы у сильнейших. Святителю приходилось принимать и покоить “благородных поборников богопочтения”, избавленных от страданий в рудниках; оглашать и готовить к крещению тех язычников, которые обращались ко Христу, тронутые торжественно-умилительной радостью Христовой Церкви».

Не случайно известный ученый С. С. Аверинцев писал: «Ко временам правления римского императора Константина отнесены многочисленные рассказы о заступничестве Николая за несправедливо осужденных; явившись на место казни трех горожан Миры, Николай выхватывает меч из рук палача и всенародно обличает подкупленного судью; когда же под несправедливый приговор попадают три полководца в Константинополе, Николай, находящийся в это время в своем городе, вдали от дворца, является императору во сне и разъясняет ему его ошибку».

Аверинцев говорит об эпохе императора Константина в связи с именем святителя Николая не случайно. Очевидна значимость того, что они оба жили в одно время. Как и очевиден тот факт, что если бы не было императора Константина Великого, то, возможно, мы бы и не знали ничего о святителе Николае. Эта мысль может показаться немного

странной. И понятно, что история не имеет сослагательно-го склонения. Но представим себе, что труды Константина Великого по освобождению христиан от гонений могли бы не произойти. Святитель не был бы освобожден из тюрьмы, возможно, погиб бы. Добавим к этому, что Евсевий и Лактанций не написали бы свои труды по истории этого времени, и так далее... Можно предположить, например, что святитель Николай смог выжить лишь благодаря поддержке христиан со стороны императора Константина. Благодаря правителю, возобновившему жизнь Церкви, епископ Мир Ликийских получил возможность участвовать и во Вселенском Никейском соборе, ибо не было бы самого Собора без Константина Великого. То есть сам святитель осуществлял бы свою подвижническую деятельность, но мы бы не узнали об этом, как и о нем самом, почти ничего...

Однако все произошло так, как произошло.

Евграф Смирнов, автор XIX столетия, пишет в «Истории христианской церкви»: «В начале IV века, при постоянных столкновениях христиан с язычниками, последние знали уже хорошо, что такое христианское общество, какие цели и стремления, и не находили во всем этом ничего преступного, ничего достойного порицания. Массы народа, во время последних гонений, не принимали уже в них участия; даже некоторые проконсулы, например, в Карфагене, были настолько благосклонны к христианам, что позволяли им скрывать священные книги. Видя, что христианская Церковь после трехвековой борьбы за свое существование не уничтожена, не поколебалась даже в последнее жесточайшее из всех гонений, язычники начали сознавать, что в ней присутствует истинная божественная сила, чудесно защищающая ее.

Император Константин, поистине великий святой и равноапостольный, первый открыто высказал это тяготевшее над языческим миром убеждение в истинности христианства и ложности язычества... В юности своей он состоял при дворе Диоклетиана и Галерия, видел все ужасы гонения на христиан, видел их твердость и мог понять, какая божественная сила одушевляла их идти на мученичество. Под влиянием живых и сильных впечатлений юности в душе Константина, не находившего удовлетворения религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот...

Очень скоро Константин, хотя еще он не принимал крещения, доказал самым делом свой переход в христианство».

Почему император Константин вдруг принял решение повернуть лицо римской власти к христианскому народу — для многих ученых до сих пор в точности не ясно. Но он это совершил. И тем самым вошел в историю как император, прозванный Великим. Благодаря ему суверенный самодержец, каким был римский император в принципе, становился еще и правителем, неизбежно вовлеченным в развитие христианской Церкви. А с другой стороны — Церковь становилась все большим участником государственного служения и даже принятия общегосударственных политических решений.

Такого еще в римскую эпоху не было. Но все по порядку.

Так что же изменилось после того, как к власти пришел император Константин I и закончилось гонение на христиан? Поменялось ли государство римлян, приняла ли другое обличье Церковь? Дело дошло до того, что сам император стал христианином! И не только по вероисповеданию, но и по образу жизни, по своим политическим пристрастиям и приоритетам, по принципам ведения государственных дел. То есть некоторые римские императоры из гонителей внезапно стали преображаться в подвижников христианства. Они со временем и довольно быстро стали жить и управлять государством по законам Священного Писания, в первую очередь — Евангелия. Историки спорят — после Константина императоры изменили Церковь для нужд государства или сама Церковь среди своих целей увидела путь в государственную сторону?

Когда и как сам император Константин обратился к христианской вере, стал настоящим христианином? Это был для него лишь способ управления государством или также еще и внутренние убеждения, которые стали его путеводной звездой? Возможно ли предположить, что Константин был просто расчетливым человеком и, видя мощь и силу развивающегося христианства, принял его как форму управления государством, использовал как силу на арене управления мировой цивилизации?

Во всяком случае, он не ошибся. Христианство вышло на середину исторической арены и стало ведущей силой в развитии европейской жизни, причем на многие столетия.

Говорили, что ко времени правления Константина количество христиан в Римской империи не превышало 10 процентов всего населения. Язычников, понятно,

было многократно больше! То есть мудрый политик не стал бы менять одно на другое. В инициативе Константина пойти навстречу христианству были внутренние причины. Он действительно стал христианином со всеми вытекающими из этого последствиями — изменением поведения, быта, приоритетов, правил жизни, умением управлять по-особенному и влиянием на содержание законов государства.

Кто же был этот человек, благодаря которому спасся от тяжелой гибели святитель Николай, благодаря которому он успел еще сделать в своей жизни немало духовных подвигов и чудес, а также вошел в историю как гонитель лжеучений и еретических теорий?

Гай Флавий Валерий Константин (274—337) родился в семье кесаря Констанция Хлора и его супруги Елены в Наиссе (Нише). По происхождению был, как считается, иллириец. Говорили, что матушка его уже слыла христианкой. Но все остальные в семье были язычниками.

В 305 году, как мы уже знаем, августы Диоклетиан и Максимиан ушли в отставку. На Востоке стал августом Галерий, на Западе — Констанций. Кесарями были назначены два протеже Галерия — Севир и Максимиан.

Через год Констанций Хлор умер в Британии, и солдаты провозгласили императором его сына — Константина, который вынудил Галерия признать его кесарем — правителем Галлии, Испании и Британии.

Соперником Константина стал сын Максимиана — Максентий, который низверг Севира и провозгласил себя августом — правителем Италии и Африки. Как раз скончался Галерий, и его преемник — Максимиан — заключил союз с Максентием. В противовес им Константин взял в союзники претендента на восточный престол Лициния.

В 312 году Константин со своей армией перешел через Альпы, вошел в Италию и атаковал Максентия в Риме. И победил, считая позднее, что такой исход сражения был Божьим Провидением, ибо сил у него было меньше, чем у Максентия. Войдя в Рим, Константин был провозглашен Римским императором. Евсевий Кесарийский рассказывает: «С победными песнопениями вступил он в Рим, и все, вместе с женами и детьми, сенаторы, видные магистраты со всем римским народом встретили его с веселыми лицами и сердцами, как избавителя, освободителя и благодете-

ля, приняли с громкими восклицаниями и беспредельной радостью».

Константин еще был язычником и носил титул верховного жреца (*pontifex maximus*), соблюдающего правила римского языческого культа. У церковного историка Лактанция узнаем, что во сне накануне сражения Константину было дано повеление изобразить на щитах монограмму из объединенных букв «ХР». Последователи Константина в конце IV века называли эту монограмму «лабарум». Уже после Миланского эдикта, с 315 года, она появляется на монетах императора Константина. Предполагали, что монограмма есть изображение двойной секиры («labrys»), символа карающей секиры Зевса. Но уже во времена святителя Николая, в первой трети IV века, знак воспринимали как христианский, обозначающий две начальные буквы слова «Христос» — ХР.

Евсевий в своей «Церковной истории» указывал, что сам император Константин говорил ему, будто видел крест, перекрывающий полуденное солнце, на котором были написаны слова: «Нос vince» — «Сим победиши». И это было значительно ранее битвы с Максентием.

Был ли император Константин примером для христиан или, вернее, был ли он настоящим христианином? Странно, но он совершал в период правления такие же полуязыческие поступки, как и его предшественники. Он казнил своего союзника Лициния, который вместе с ним подписал Миланский эдикт. Правда, эта казнь была итогом развязавшейся между ними гражданской войны 324 года. Завершив знаменитый Первый Вселенский Никейский собор в 325 году, он казнил собственного сына — Криспа и супругу — Фаусту, которые, правда, провинились — возглавили против него заговор.

Вероятно, он не был первым христианским императором по своей сути. Он не разделял особенностей и традиций церковной христианской жизни. Был крещен лишь на смертном одре, да и то арианином — епископом Евсевием Никомидийским. Он предполагал несовместимость императорского трона с христианской жизнью. Он даже не крестился до последних дней своей жизни. Сохраняя всю жизнь титул «великого понтифика» и будучи главой древнеримской религии, Константин с 312 года открыто заявлял о себе как о христианине (не крещеном, в виде огла-

шенного). По словам Евсевия, даже на античной статуе, установленной на римском Форуме, его изобразили по его же указанию с крестообразным копьем в руке и с надписью: «Сим спасительным знаком, истинным доказательством доблести, я освободил ваш город, избавив от ига тирана, и, дав свободу, восстановил сенат и народ римский в прежней славе и блеске».

Он не сделал христианство официальной религией Римской империи, отдав эту инициативу своим последователям и преемникам. Однако он участвовал в делах Церкви, поддерживал священнослужителей. И поныне, не обращая внимания на его крещение «арианином», Церковь считает его «равноапостольным». Не случайно в своей «Жизни Константина» (*Vita Constantini*) Евсевий приводит слова императора из его же эдикта 324 года к наместникам Палестины и других восточных провинций: «Я твердо уверовал в то, что всю душу свою, все, чем дышу, все, что только обращается в глубине моего ума, мы обязаны всецело принести величайшему Богу». Его имя вне христианской истории и культуры в наши дни просто невозможно представить.

Константин заложил основы «христианской империи». Уже в его время христианской Церкви были дарованы различные привилегии, отдана часть юридической власти государства, в первую очередь включая сферу социального обеспечения. При нем же в местах, где были похоронены мученики, стали возводить храмы, появились почитаемые священные места, которые были привилегированными для христиан.

С него пошло ощущение того, что Римский император есть избранник Христов, земной посланец от небесной власти Божией. Не случайно затем библейские титулы, имевшие отношение к иудейским царям Ветхого Завета, повторялись во время дворцовых церемоний, но уже по отношению к Римскому христианскому императору.

Эпохальным можно назвать решение императора Константина основать новую столицу — Константинополь. Сделал это он на месте древнего града Византия, который был основан в первой половине VII века до Рождества Христова, на берегу Босфора. Эпоха столицы Никомидии закончилась. Новый град торжественно освятили 11 мая 330 года, празднования продолжались 40 дней. Еще при жизни святителя Николая население Константинополя доходило почти до 200 тысяч человек.

Что еще сделал император Константин I Великий для христианской Церкви? Например, финансировал строительство храмов, переписывание книг Священного Писания и богослужебных книг. Благодаря ему в Риме были возведены базилики Петра и Павла, церкви в Вифлееме и Храм Гроба Господня. Он даже отдал римским епископам дворец своей второй жены Фаусты, бывший резиденцией пап до 1308 года, до переезда их в Ватикан. Большую часть бюджетных средств он направлял на церковную благотворительность. Он менял законы, чтобы они соответствовали христианским принципам, запретил клеймить лица преступников, ибо лица эти были созданы по образу и подобию Божию. Позднее он объявил воскресный день выходным от работы, вплоть до запрещения самих работ. Для этого воскресенья он сделал рыночными днями. Само воскресенье было избрано как день, напоминающий о воскресении Христа.

Он созывал соборы епископов за счет государства. Как бы ему ни предлагали, он никогда не выступал в качестве судьи в церковных вопросах. А ведь ему, как императору Рима, принадлежало право верховной юрисдикции над всеми без исключения жителями империи. Именно при Константине стала складываться система, где государство признавало за Церковью общественный статус, право особой автономии, когда дело касалось вероучения, правил или внутренней дисциплины.

Но главное, что сделал император Константин, — это был известный Миланский эдикт. Расскажем о нем подробнее.

Началось все с того, что император Константин отправился в Медиолан (так раньше называли нынешний итальянский город Милан), где должен был встретиться с Лицинием. Праздновали свадьбу Лициния и сестры Константина — Констанции. Происходило все это в феврале 313 года. Заодно провели совещание, на котором Константин и Лициний обсудили поведение Максимиана, который в своих указах стал именовать себя августом, не имея при этом данного титула. Можно сказать, что два правителя объединили свои усилия в борьбе с третьим.

К тому времени был жив еще император Диоклетиан, ушедший на покой, подальше от власти и поселившийся в родных ему местах. Не только вежливости ради императоры пригласили его в Медиолан для участия во встрече авгу-

стов. Заодно и на бракосочетание. Но также заодно, скорее всего, планировалось подключение Диоклетиана к решению вопроса о Миланском эдикте. Видимо, Константину и Лицинию хотелось, чтобы инициатор гонений против христиан поставил свою подпись под эдиктом о религиозной свободе.

Диоклетиан не приехал. Он, как всегда, сослался на свои овощи, которые не могут остаться без присмотра хозяина, напомнил о своих старческих годах и трудностях зимней дороги. Его отказ вызвал подозрения у собравшихся в Медиолане в том, что Диоклетиан хочет выступить или поддержать их противников. Они уже подумывали о жестком реагировании. Но в том же году Диоклетиан скончался. Может, решил уйти из жизни сам, добровольно? Предполагали, что принял яд. Однако Сенат постановил проводить его тело с почестями. Гуманный Константин не возразил...

В это самое время и был принят знаменитый Медиоланский указ, повернувший ход истории, изменивший жизнь святителя Николая, даровавший ему еще большее время жизни и подвижничества.

Евсевий цитирует документ так:

«Когда же я, Константин август, и я, Лициний август, благополучно прибыли в Медиолан и обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили прежде всего издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем свободно, по своему собственному желанию выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим».

Какова же была главная суть столь эпохального законодательного акта?

Сам Миланский эдикт (*Edictum Mediolanense*) представляет из себя документ, датированный 313 годом и подписанный императорами Константином и Лицинием. Именно этот указ, как мы уже говорили, провозгласил религиозную терпимость на территории Римской империи. Мы не имеем сегодня полного текста этой важной бумаги, но ее обильно цитировал Лактанций в своем труде «О смерти гонителей».

Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» характеризовал документ так: «Константин и с ним Лициний, еще не впавший в безумие, впоследствии им овладевшее, почи-

тая Бога дарователем всех ниспосланных им благ, единодушно издали закон, для христиан совершенно превосходный... Твердая и огражденная от зависти царская власть по справедливости осталась только в руках Константина и Лициния. Истребив прежде всего враждебное Богу и осознав дарованные им от Него блага, они любовь свою к Нему и к добродетели, расположение к Божественному благочестию и благодарности доказали через издание законов в пользу христиан».

Прочитируем документ выборочно, пользуясь переводом самого Евсевия Кесарийского.

«Итак, руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо.

Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи. Мы решили обстоятельно изъяснить это твоей попечительности, дабы ты знал, что мы даровали христианам полное право совершать богослужение. Поскольку же им даруется неограниченная свобода, то твоей чести должно быть понятно, что дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру. Так определено нами, дабы не казалось, будто мы умаляем достоинство какой-либо веры.

Кроме того, касательно христиан мы постановляем следующее: если места, в которых они раньше собирались и о которых в прежде присланной твоей чести грамоте предписано совершенно иначе, куплены у нашей казны или у кого-либо, то пусть их вернут христианам безвозмездно, без возврата заплаченной за них суммы, немедленно и беспрекословно. Равным образом получившие такие места в дар должны немедленно вернуть их христианам. И если купившие эти места или получившие их в дар хотят просить за них от нашей доброты вознаграждения, то пусть обратятся в суд к нашему правителю, и наша милость не оставит их просьбы без внимания. Все это твоей заботливостью должно быть возвращено христианскому обществу без промедления.

И так как христианам принадлежали не только те места,

где они обычно собирались, но и другие, составлявшие собственность не только частных лиц, а целого общества, то согласно закону, только что нами изложенному, ты распорядишься без всякого промедления вернуть их христианам, т. е. всему их обществу и каждому собранию, соблюдая, конечно, и упомянутое указание о том, чтобы вернувшие те места безвозмездно рассчитывали на вознаграждение от нашей доброты».

Прочитав данный текст, любой может удивиться — а зачем надо было проводить столь жестокие гонения на христиан, чтобы потом наградить их столь высокими возможностями и правами? Ответ на этот вопрос лежит за пределами разума, носит скорее эсхатологический или даже апокалиптический характер.

При всем этом, если прочитать также и тексты Лактанция, в которых мы дополнительно можем узнать содержание Миланского эдикта, то получается следующее. По указу все религии империи уравнивались в правах. Это было почти революцией. Пока еще такой текст не означал, что традиционное римское язычество теряло роль официальной религии, но уже почти намекал на это. Христиане в эдикте были выделены особо. По документу предусматривалось возвращение им и даже христианским общинам всей той собственности, которую ранее у них изъяли в период гонений. Дабы не было конфликтов между прежними и новыми собственниками, особенно на религиозной почве, текст документа предусматривал компенсацию из казенных средств для тех, кто стал владельцем собственности, которая до того принадлежала христианам. Да, новый владелец обязан был вернуть собственность назад, но не просто так, а получив компенсацию. Такой подход к реабилитации христиан можно назвать непредсказуемо позитивным.

Миланский эдикт все же не провозгласил христианство единственной религией империи. Он давал лишь некоторые преимущества, вернее даже не преимущества, а возможности в реализации прав христиан. Язычество все еще было непоколебимо. То было время сосуществования религий, их взаимопонимания и, повторимся еще раз, — веротерпимости.

Радости христиан не было предела. Ее сполна выразил автор «Церковной истории», современник событий Евсевий Кесарийский. Эти эмоции нельзя не привести полностью, невзирая на немалый объем.

«Исчез весь род богоненавистников... Теперь светлый и ясный день, не омрачаемый никаким облаком, озарил лучами небесного света церкви Христовы по всей земле. Даже тем, кто чужд нашему братству, ничто не мешает пользоваться, если не всецело, то хотя бы долей того, что даровано нам от Бога. Все люди освободились от власти тиранов, избавились от прежних бедствий. Каждый исповедовал единого истинного Бога, поборника благочестивых, но у нас, возлагавших свою надежду на Христа, Сына Божия, радость была несказанная; каждое место, еще недавно опустошенное нечестием тиранов, дышало дивным ликованием, словно оживая после длительной смертельной заразы; мы видели, как от основания поднимались церкви, возносясь на недостижимую высоту в красоте большей, чем у церквей, разрушенных прежде.

Между тем верховные правители издавали одно за другим постановления, расширявшие и укреплявшие великие дары Божии. Епископы лично получали от императора послания, почести, деньги. Уместно, пожалуй, в свое время начертать в этой книге, как на священной скрижали, перевод этих посланий с латинского языка на греческий, чтобы сохранились они в памяти потомков.

И вот, наконец, мы увидели то, о чем молились, чего так хотели: празднование в городах обновления и освящения только что построенных храмов, съезды епископов на эти празднования, стечение из различных стран разных народов, взаимно дружески расположенных, объединение членов Тела Христова в один состав. Согласно таинственному пророческому предсказанию о будущем, кость соединялась с костью, сустав с суставом; загадочные слова сбылись неложно. Одна и та же сила Духа Божия проникала всех, всех одушевляла одна и та же ревностная вера; одной и той же песнью все восхваляли Бога. Богослужение предстоятелей и священнодействие священников стали совершенными, церковные обряды сделались благолепными; пение псалмов и слушание слов, переданных нам от Бога, сменяла Божественная таинственная служба с ее неизреченными символами спасительных Страстей. Люди всякого возраста, мужчины и женщины, обрадованные и укрепленные молитвой и благодатью, всей душой, всем умом величали Бога, Подателя благ. И каждый из присутствовавших предстоятелей произносил приветственную речь и, в меру своих сил, старался возвышать дух собрания».

Миланский эдикт после подписания был направлен главам провинциальных администраций Римской империи. Получили его и в Ликийи, в граде Миры. Он стал достоянием всей христианской общины, пастырем которой был тогда епископ Николай Чудотворец.

Эдикт не возник на пустом месте. Он стал, как мы уже говорили, продолжением Никомидийского эдикта Галерия (311 года), когда тот пошел на уступки, ощущая свою слабость в сопротивлении другим правителям. Но эдикт Галерия был половинчатым, вообще не решал проблем христиан, которых накопилось великое множество. Миланский эдикт был другим, более основательным законом, чтобы уравнивать христиан с другим свободным населением Римской империи. И вот он появился на свет Божий.

Обнародовали эдикт, позволявший в полной мере епископу Мир Ликийских Николаю вернуться к своим прямым архиерейским обязанностям — восстанавливать жизнь приходов, помогать в возведении или возобновлении разрушенных храмов, заботиться о душах своей паствы, устраивать церковные дела, коих накопилось немалое количество.

Николай Чудотворец, преодолевший и претерпевший тяжкие испытания в эпоху гонений, обязан был исполнить воспринятые им ответственность и долг — быть епископом древнего ликийского града. И здесь настает пора рассказать об этом подробнее.

Путешествие на Святую Землю

*На гостей смотрите как на посланцев Божиих.
Феофан Затворник, XIX в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Как-то Николай задумал посетить Палестину, чтобы увидеть святыя места, где пострадавший за нас Господь свершал свое земное житие. Взойдя на египетский корабль, он прибывает в Палестину, ища там любезного ему уединения и подвижный, как я сказал, желанием побывать в святыя местах».

Еще до получения сана епископа, будучи пресвитером, Николай Чудотворец совершил предположительно две

важные поездки в своей жизни. По крайней мере, так рассказывают некоторые его Жития. Хотя ряд ученых считают, что это не совсем так. Мы же изложим эти события, а в дальнейшем разберем их точность или в очередной раз — ошибочность.

Итак, перед посвящением в епископский сан священник Николай стремился попасть на Святую Землю, чтобы своими глазами увидеть места, связанные со Спасителем. И ему это удалось.

Дмитрий Ростовский в «Житии святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского» напоминает о поездках в Палестину дважды. Об одной из них мы уже говорили. Речь о том, что такое паломническое путешествие решил осуществить дядя Николая — епископ Патарский. Напомним (из Дмитрия Ростовского): «Приняв пресвитерский сан, святой Николай прилагал труды к трудам; бодрствуя и пребывая в непрестанной молитве и посте, он, будучи смертен, старался подражать бесплотным... В это время епископ Николай, желая идти в Палестину на поклонение святым местам, вручил управление Церковью племяннику своему. Сей иерей Божий святой Николай, заступив место своего дяди, заботился о делах Церкви так же, как и сам епископ».

Именно в это время скончались родители будущего святителя. И если следовать этому Житию, то пока дядя был в Палестине, случилось одно из первых деяний пресвитера — тайное вручение им денег отцу трех дочерей, которые собирались выйти замуж (о нем мы расскажем подробно в главе «Чудесные деяния»).

В наследство от родителей святителю Николаю осталось довольно серьезное богатство. И он распорядился им так, чтобы помочь окружающим и согражданам Патары. «Из многих дел милосердия угодника Божия мы поведали только об одном, — продолжает автор Жития, — чтобы было известно, насколько он был милостив к нищим. Ибо не достало бы нам времени, если бы повествовать подробно о том, как он был щедр к нуждающимся, сколько голодных он напитал, сколько одел нагих и скольких выкупил у займодавцев».

Возможно, что у священника Николая оставались еще какие-то средства, которые он мог бы употребить для самостоятельного путешествия (поэтому, благодаря таким возможностям, оно и было осуществлено). Именно с этим связано еще одно упоминание Дмитрием Ростовским о поездке в Палестину, но уже о другой.

Вот что он пишет: «После сего преподобный отец Николай пожелал отправиться в Палестину, чтобы видеть и поклониться тем святым местам, где Господь Бог наш, Иисус Христос, ходил пречистыми Своими стопами».

Странно, что Дмитрий Ростовский как будто забыл упомянуть о том, что дядя будущего святителя вернулся обратно в Патару со Святой Земли. Данной информации в Житии нет. Словно это было само собой разумеющееся дело — раз поехал, то, значит, когда-то и вернулся. Этот факт как раз и заставляет задуматься — а было ли тогда другое путешествие в Палестину? Может, оно было только одно? Например, поехал дядя. Или же наоборот — отправился в паломничество сам пресвитер Николай?

Во всяком случае, многие исследователи исключают саму возможность поездки будущего святителя в Палестину, предполагая, что путешествие мог совершить совсем другой Николай, в данном случае — третий. А именно — Николай Сионский (Пинарский), живший на два столетия позже.

Однако, по Дмитрию Ростовскому, именно во время этого путешествия Николая Чудотворца произошли его важнейшие чудесные деяния — спасение моряков на корабле во время шторма (о нем подробнее ниже) и оживление упавшего с мачты матроса. Плавание было долгим, с заходом в Египет.

«После чего, — читаем в Житии, — при попутном ветре, и спокойно пристали к берегу Александрии. Исцелив здесь многих больных и бесноватых и утешив скорбящих, угодник Божий, святой Николай, снова отправился по назначенному пути в Палестину».

Заметим, что некоторые авторы считают возможным пребывание будущего святителя Николая в Александрии ранее, когда он отправился туда на обучение. Возможно, вариант поездки для обучения — лишь путаный рассказ о единственном его путешествии в египетский город, в котором он, скорее всего, все-таки побывал. Со временем различные источники этот факт излагали по-своему.

Но именно этот факт дает нам основание говорить, что путешествий святитель Николай осуществил два: в Александрию и Палестину. Ведь совсем необязательно было плыть сначала в Египет, а потом на Святую Землю. Логичнее было отправиться в Палестину напрямую из Патары — сразу же на восток, а не на юг.

Итак, побывав в Александрии, паломник затем отправился навстречу землям, где ступала нога Спасителя. Сделал ли он это за один раз или в разное время — не совсем важно, ибо нас ждет тут еще одна головоломка.

Путаница в этих путешествиях становится все большей, когда мы узнаем, что довелось увидеть будущему святителю на Святой Земле. Читаем у Дмитрия Ростовского: «Достигнув святого града Иерусалима, святой Николай пришел на Голгофу, где Христос Бог наш, простерши на кресте Свои пречистые руки, соделал спасение роду человеческому. Здесь угодник Божий излил от горящего любовью сердца теплые молитвы, воссылая благодарение Спасителю нашему. Он обошел все святые места, везде творя усердное поклонение. И когда ночью он хотел войти в святую церковь на молитву, замкнутые церковные двери отверзлись сами собою, открывая невозбранный вход тому, для кого были отверсты и небесные врата. Пробыв в Иерусалиме довольно долгое время, святой Николай намеревался удалиться в пустыню, но был остановлен свыше Божественным гласом, увещевавшим его возвратиться на свою родину. Господь Бог, все устрояющий на пользу нашу, не благоволил, чтобы тот светильник, который по воле Божией должен был светить Ликийской митрополии, оставался сокрытым под спудом, в пустыне».

В Житии святителя из Четий-Миней митрополита Макария (XVI столетия) подтверждается факт поездки: «Идыи же в Иерусалим, и диавол, хотя сотворити пакость, воздвиг бурю в море».

В других источниках, рассказывающих о путешествии святителя Николая в Палестину, читаем о том, что довелось ему там увидеть и посетить Храм Гроба Господня.

И вот тут — стоп! Многие исследователи на протяжении столетий не могли смириться с этим утверждением. Потому что считается, что путешествие, которое совершил пресвитер Николай, произошло до 300 года, когда он, скорее всего, еще не стал епископом. А Храм Гроба Господня в Иерусалиме (церковь Воскресения Христова) был освящен в присутствии императора Константина 13 сентября 335 года. То есть быть там и «отворять двери храма» святитель Николай никак не мог.

Напомним, что Елена, матушка императора Константина I Великого, указала на почитаемое в Иерусалиме место, где был распят Иисус Христос, там она произвела раскопки и поиски Голгофы и Креста Господня. По приказу ее

сына на этом месте было начато возведение церкви. В 335 году работы уже завершили. И в том же 335 году тут прошел Первый Тирский собор. Его участники были приглашены на освящение вновь построенного храма.

Мог ли святитель Николай быть в храме еще до его освящения? Конечно, мог! Мог ли он быть участником Собора 335 года и таким образом посетить церковь Воскресения Христова? Мог, даже если его и не было в списках участников: скорее всего, он еще был жив к тому времени. Ибо он, как это хорошо известно, участвовал в работе Первого Вселенского собора 325 года, но тоже не попал в списки. То есть ему такое странное «забвение» было не впервой. Жив ли был тогда еще святитель? Некоторые исследователи (А. В. Бугаевский) считают, что как раз в 335 году святитель скончался. Кто-то даже определяет дату кончины как 6 декабря (по новому стилю 19 декабря) — день, когда христиане отмечают память святителя Николая и вспоминают о нем. Отсюда и праздник Россалий, отмечаемый в это время в Мирах VI века, который, по Житию Николая Сионского, как раз проходил в зимние дни и был связан с древним празднованием римлянами Розалия, когда происходило поминовение усопших. Дата кончины пока не точна. Но даже в этом случае до сентября 335 года, то есть до и после открытия Храма Воскресения Христова, у святителя было много времени для посещения Палестины. А о самой дате кончины Николая Чудотворца мы поговорим в отдельной главе, посвященной этой теме конкретно.

Дмитрий Ростовский чувствовал какое-то несоответствие фактов, поэтому дал свое примечание к тексту, где речь идет о вышеупомянутом посещении храма святителем Николаем: «Это была небольшая церковь на Сионской горе, единственная в то время во всем городе Иерусалиме, населенном язычниками и носившем название Элии Капитолины. Церковь эта, по преданию, была построена в том доме, где Господь Иисус Христос установил таинство причащения и где потом было сошествие Святого Духа на Апостолов».

То есть это был не храм Воскресения, а совсем другая церковь!

Однако и тут заметна неточность. Как мы уже говорили, многие ученые теперь считают, что Сион посетил другой Николай — Пинарский (отсюда он и получил свое второе имя — Сионский, основав рядом с Мирами Сионский монастырь), который, как мы уже говорили, жил в Мире в VI столетии.

В библиотеке Ватикана было найдено Житие Николая Пинарского. О нем написал кардинал Фалькони (Falconius), труд которого затем был опубликован в Неаполе в 1751 году. И в этом Житии можно прочесть о таком же путешествии на Святую Землю, даже еще и с многочисленными малоизвестными подробностями. Авторы жизнеописания святителя Николая Чудотворца XIX века — А. Вознесенский и Ф. Гусев — отмечали занятный факт: в старинном документе, в том месте, где указана дата кончины епископа, кто-то подчистил текст. Число (дата) теперь не читается. Однако вместо стертых букв поставлена цифра «6» (шесть), возможно, намекающая на век, когда жил герой Жития.

Об этом, другом или втором епископе Мир Ликийских — Николае, появившемся спустя почти два столетия, мы расскажем позднее. Сейчас все-таки попробуем разобраться — был ли в Палестине Николай Чудотворец, живший одновременно с императором Константином.

А для этого вновь зададим себе простые вопросы, и сами же дадим на них простые ответы.

Мог ли он в принципе совершить такое путешествие на Святую Землю?

Конечно, мог.

Совершил ли он его?

Положительный ответ здесь возможен так же, как и отрицательный. По крайней мере, не существует весомых оснований для утверждения «нет».

Когда он его совершил или мог совершить?

Вот тут самое интересное. Можно долго перечислять ученых, которые прямо говорят — не могло этого быть, потому что не мог он быть в Храме Гроба Господня.

В России начал этот спор начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин (Капустин) в середине XIX столетия. Он опубликовал в 1869 году в «Трудах Киевской Духовной академии» статью «Святой Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский». Подробнее его выводы мы прокомментируем в главе о Житиях. Но приводим в данном случае важный аргумент архимандрита: «Кто читал со вниманием житие святителя Николая, положенное в нашей Четьи-Минее, от того не может укрыться одна встречающаяся в нем историческая несообразность. Говорится там, что великий угодник Божий, бывши еще пресвитером, отправлялся в Палестину на поклонение св. местам, восходил на Голгофу и вошел

раз в святую церковь (конечно, Воскресения) вратами, которые отверзлись ему самому... Но святые места Иерусалима приведены во всеобщую известность уже при самом христоролюбивейшем императоре, и славная церковь Воскресения освящена только 13 сентября 335 года, т. е. 30 лет спустя после Диоклетианова и Максимианова правления».

Автор статьи о Николае Сионском в современной «Православной энциклопедии» А. Ю. Виноградов оба путешествия приписывает именно ему. По его мнению, опирающемся на источники, Николай Сионский сначала, еще в молодости, став пресвитером храма в Мирах, «отправился паломником в Палестину, поклонился святыням в Иерусалиме, дошел до Иордана». А спустя некоторое время совершил более основательную поездку, ту самую, которую приписывают и святителю Николаю Чудотворцу. Читаем: «Николай вторично отправился в Палестину; на египетском корабле он плыл в Аскалон и молитвой усмирил поднятую диаволом бурю, исцелил упавшего с мачты юношу Аммония. Проведя по просьбе моряков 4 дня в египетской деревне Диолк, Николай вернул зрение слепому Антонию и исцелил припадочного. Когда Николай прибыл в Иерусалим, двери храма Воскресения Христова сами открылись перед ним; поклоняясь святыням и посещая подвижников, он пробыл в Палестине 8 дней. На обратном пути родосский корабль из-за сильного ветра не смог пристать к берегу в Ликии, но по молитве Николая ветер сменился и пригнал судно в Тристом около Мир».

По данному изложению хрестоматийные и даже главные чудеса святителя Николая, жившего в III—IV веках от Рождества Христова, связанные со спасением судна на море и моряка, упавшего с мачты, стали достижениями его тезки из VI века. В принципе, как говорится, истина дороже. Но если только данное утверждение — истина. Переплетение двух житий оказалось настолько «крепким», что отделить одно от другого не всегда становится возможным (хотя в отдельных случаях — возможно).

Мы же, включившись в обмен мнениями, ответим риторическим вопросом на утверждение о невозможности святителя быть в Палестине в принципе. А разве не мог Николай Чудотворец отправиться на Святую Землю не в молодости, а после Никейского собора? Ведь он дожил как минимум до 335 года. А Храм Гроба Господня уже был пол-

ностью готов именно в 335 году. И за восемь-девять последних лет жизни святителя Николая храм быстро строился и даже был уже достаточно построен, чтобы его посетить!

Значит — мог он там быть, и «двери отворять», и Голгофе, восстановленной царицей Еленой, мог поклониться! При прямом плавании в Палестину из Миры поездка могла занять около двух недель. Не такое уж и большое время!

И вообще, фраза архимандрита Антонина о том, что паломник «вошел раз в святую церковь (конечно, Воскресения)», весьма не аргументированна. И даже скорее — эмоциональна. Особенно вставка: «конечно, Воскресения». Ибо из нее вытекает мысль — если не в эту церковь входил святитель, то зачем тогда было ему ехать в Палестину? Разве не для того сюда отправляются паломники, чтобы попасть в Храм Гроба Господня?

Однако такому рассуждению есть аргумент «против»: а зачем тогда некоторые жития приписывали поездку на Святую Землю дяде святителя Николая — епископу Патарскому (не путать с Сионским). Ведь при нем-то уж точно храм еще не был даже задуман или спроектирован! Для чего же он ездил? Мы видим в предположении архимандрита Антонина о невозможности путешествия святителя Николая мироощущение жителя XIX века, искушенного в паломничествах и тем более трудившегося на Святой Земле, которую тогда без храма Воскресения представить было просто невозможно.

Почему же тогда в Житиях не указано, что путешествие святителя Николая произошло в старости, но чаще говорится, будто оно состоялось в молодые годы? Ответ прост. Во-первых, повторимся, Николай Сионский сделал же это не в юные годы, значит, мог это сделать и его предшественник из IV столетия. А во-вторых, потому что в Житиях часто многое напутано и порой важен сам факт события, а не его датировка или время, когда оно происходило. То есть если сомнения появлялись по причине перепутывания Житий святого, то и отвергнуть их можно с помощью этих же перепутываний. Чем не аргумент? Логика хоть и не очень убедительная, но вполне приемлемая с точки зрения рабочей гипотезы, которая, как известно, является двигателем новых знаний.

Во всяком случае, в нашей памяти о святителе Николае Мирликийском осталась история, как он побывал на Святой Земле. И даже если будет окончательно и бесповоротно доказано, что этого не было (что вряд ли возможно), нам

будет трудно расстаться с образной картиной такого удивительного хождения Доброго Пастыря и Чудотворца в самый почитаемый центр христианского мира.

Наречение во епископа и рукоположение

*Где будет епископ, там должен быть и народ.
Игнатий Богоносец, I в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Святой собор епископов вместе с остальным клиром, совершив перед тем все необходимые обряды, рукополагает его архиереем, хотя Николай не желал и медлил принять предстояние вследствие своей воистину достохвальной скромности; едва согласился править престолом Мир тот, кто неискаженным распространял слово истины, берег в чистоте святые догматы и вразумлял им».

Все хорошо знают, что святитель Николай был епископом. Но вряд ли кто-то с точностью ответит на вопрос — а когда и как он стал им? Что позволило ему обрести сан, в церковной традиции того времени, да и нынешних времен, — один из самых важных и значительных? Ибо, как говорил преподобный Исидор Пелусиот (IV—V века), «епископ, как образ Христов, исполняет дело Христово, и облачением своим показывает всем, что он уподобляется благу и великому Пастырю». А в те времена, когда происходили великие гонения на христиан, когда исполнял свои епископские обязанности святитель Николай Мирликийский, на архипастырей налагалась еще большая ответственность, о которой позже очень точно выскажется его современник, преподобный Ефрем Сирий: «кровь погибших по нерадению епископов и пресвитеров взыщется от рук их».

Биографы XIX столетия А. Вознесенский и Ф. Гусев в своей книге о святителе Николае пишут, как он «в сане архиепископа Мирликийской Церкви прославился особенной ревностью по утверждению православной веры и искоренению язычества и ересей, вследствие чего Церковь по достоинству называет его “великий благочестия столп”, “твердое Православия укрепление”, “меч, плевелы прелести посекающий”»...

Авторы употребляют слово «архиепископ». И мы часто находим его в разных Житиях или биографиях святителя Николая. Для современного нам человека между епископом и архиепископом есть разница. Но в те времена особого различия не было. И епископ, становясь в глазах людей и Церкви архипастырем, мог называться и архиепископом. Происходило это и потому, что и тот и другой термин использовали в обиходе с самого начала складывания церковной традиции. Авторы поздних времен это изучали. Как и хорошо знали, что новый титул — архиепископ — появился в официальном обиходе лишь в конце IV столетия, то есть после кончины Николая Мирликийского. Поэтому, когда мы встречаем в ссылках или цитатах, что его называют и епископом, и архиепископом — ошибки нет. Мы просто видим особенное внимание, которое хотел оказать тот или иной автор своему герою.

Хорошо известно, что сам Иисус Христос именовался апостолом Павлом «Архиереем [Первосвященником] по чину Мелхиседекову во веки» (Послание к Евреям: Евр. 6:20). Так же еще в Первом послании апостола Петра Господь Иисус Христос назван «Пастырем и Блюстителем душ Ваших» (1 Петр. 2, 25). Вершиной епископской иерархической горы является сам Творец Неба и Земли.

По этой, четко выстроенной системе, попросту говоря, существовали и существуют архипастыри в Церкви. Будучи прообразом Первосвященника, епископ совершает в своей епархии все необходимые богослужения и священнодействия. У него есть исключительное право рукополагать пресвитеров, диаконов, иподиаконов, включая хиротесию (возложение рук с молитвой для посвящения в церковно-служители) низших клириков, а также право освящения антиминсов. Как правило, имя епископа упоминается за богослужением во всех храмах подчиненной ему епархии. Священники же могут совершать богослужение, если они благословлены своим правящим епископом. Именно в Восточной Церкви, уже в византийской православной традиции православия в виде такого разрешения епископ выдавал антиминс, который затем помещали на храмовый престол.

Как писал о временах святителя Николая историк XIX столетия Евграф Смирнов, «управление каждой местной церковью сосредотачивалось в лице предстоятеля ее, епископа, как преемника апостольской власти. Он заведовал всеми церковными делами; без его воли пресвитеры и ди-

аконны не могли ничего совершать, и тем более устраивать отдельные богослужebные собрания без его благословения. Вследствие той тесной связи, которая объединяла между собой всех членов церкви в одно целое, епископское управление имело характер управления семейного, и самому епископу часто поэтому усвоивалось название отца (папа). Под верховным надзором епископа принимали деятельное участие в управлении клир и миряне».

Вот в какой сан облачался в те годы пресвитер Николай. Причем не в своем родном городе Патаре, а в другом, не менее важном и большом, — в Мирах.

Рассказ о том, как произошло возведение пресвитера Николая в сан епископа, в Житиях выглядит достаточно подробно и красочно. В текстах Житий святого по этому поводу нет больших разногласий. Только повествование может немного отличаться. Но суть остается общей — самому епископству предшествовали некоторые важные события и обстоятельства, из которых главные похожи на чудо.

О том, как это произошло, можно составить особенный рассказ, если совместить сведения из разных источников. Так мы совершим очередное «хождение» в Жития Николая Чудотворца. Перед нами развернется следующая картина.

Наиболее ярко рассказывает нам о наречении во епископа и рукоположении святитель Дмитрий Ростовский. «Однажды, — пишет он в Житии Николая Чудотворца, — святой, стоя на молитве, услышал глас свыше:

— Николай, если ты желаешь удостоиться от Меня венца, иди и подвизайся на благо миру.

Услышав сие, святой Николай пришел в ужас и стал размышлять о том, чего желает и требует от него глас сей. И снова услышал:

— Николай, не здесь та нива, на которой ты должен принести ожидаемый Мною плод; но обратись и иди в мир, и да будет прославлено в тебе имя Мое.

Тогда святой Николай уразумел, что Господь требует от него оставить подвиг безмолвия и идти на служение людям для их спасения.

Он стал размышлять, куда ему направиться, в отечество ли свое, город Патару, или в иное место. Избегая суетной славы среди своих сограждан и опасаясь ее, он замыслил удалиться в другой город, где бы его никто не знал. В той же самой Ликийской стране был славный город Миры,

бывший митрополиею всей Ликии. В этот город и пришел святой Николай, водимый Божиим Промыслом. Здесь он не был известен никому; и пребывал он в этом городе, как нищий, не имея, где приклонить главу. Только в доме Господнем и находил он себе приют, имея в Боге единственное пристанище».

Мы пока не будем здесь выяснять причины, побудившие, по мнению Дмитрия Ростовского, святителя Николая покинуть Патару и перебраться в град Миры. Они связаны с некоторыми чудесами, которые произошли и для которых в нашей книге отведена отдельная глава. Нас интересует другое — как еще достаточно молодой человек, чуть старше 30 лет от роду, был отмечен иерархами христианской Церкви для служения в сане архипастыря.

Автор XVIII столетия разъясняет: «В то время скончался архиерей того города Иоанн, архиепископ и первопрестольник всей Ликийской страны. Посему в Миры собрались все епископы Ликии, чтобы избрать на освобожденный престол достойного. Много мужей, почитаемых и благоразумных, было намечено в преемники Иоанну».

Казалось бы — обычные выборы обычного епископа для большого города одной из провинций Римской империи... Что тут такого? Но именно с этого момента начинаются чудесные события, которые привели Николая к епископской кафедре, хотя претендентов на нее было предостаточно. Последуем за повествованием Дмитрия Ростовского.

«Среди избирающих было большое несогласие, и некоторые из них, подвигнутые Божественною ревностью, сказали:

— Избрание епископа на сей престол не подлежит решению людей, но есть дело Божия строения. Нам подобает совершить молитву, чтобы Сам Господь открыл, кто достоин принять такой сан и быть пастырем всей Ликийской страны.

Добрый сей совет встретил всеобщее одобрение, и все предались усердной молитве и посту. Господь, исполняющий желание боящихся Его, внимая молитве епископов, так открыл старейшему из них Свою благую волю».

Непонятно, по какой причине автор Жития выставляет данные выборы епископа Мир Ликийских (а не епископа Ликийского) как избрание «пастыря всей Ликийской страны». Ведь, например, в ликийском городе Патара, на родине святителя, как мы уже знаем, также был епископ. Можно лишь предполагать, что среди ликийских епископов тот,

кто служил в Мире, был главным по Ликии. Достаточных доказательств этому пока нет. Скорее всего, то была одна из ликийских кафедр. Да и сам святитель Дмитрий оговаривается затем в тексте, употребляя более «локальный» термин — «первопрестольник Мирской церкви» (то есть епископской кафедры, церкви в Мирах Ликийских). Само же чудесное избрание пресвитера Николая в епископы святитель Дмитрий описывает столь подробно и красочно, что лучше его не пересказывать своими словами, а показать здесь так, как его дал автор.

«Когда сей епископ (имеется в виду старейший из всех присутствовавших на выборах. — К. К.-С.) стоял на молитве, пред ним явился светлообразный муж и повелел ему ночью отправиться к дверям церковным и наблюдать, кто прежде всех войдет в церковь.

— Сей, — сказал Он, — и есть Мой избранник; примите его с честью и поставьте во архиепископы; имя мужу сему Николай.

О таком божественном видении архиерей возвестил прочим епископам, и они, слыша сие, усугубили свои молитвы. Удостоившийся откровения епископ стал на том месте, где было ему указано в видении, и ожидал прихода желанного мужа. Когда настало время утренней службы, святой Николай, побуждаемый духом, пришел к церкви прежде всех, ибо он имел обычай вставать в полночь на молитву и раньше других приходить к утренней службе. Как только он вошел в притвор, епископ, удостоившийся откровения, остановил его и просил сказать свое имя. Святой Николай молчал. Епископ снова спросил его о том же. Святой кротко и тихо ответил ему:

— Имя мое — Николай, я раб твоей святыни, владыка.

Благочестивый епископ, услышав такую краткую и смиренную речь, уразумел как по самому имени — Николай, — предсказанному ему в видении, так и по смиренному и кроткому ответу, что пред ним тот самый муж, коему Бог благоволил быть первопрестольником Мирской церкви. Ибо он знал из Священного Писания, что Господь призывает на кроткого, молчаливого и трепещущего пред словом Божиим. Великою радостью он возрадовался, как бы получив некое тайное сокровище. Тотчас взяв святого Николая за руку, он сказал ему:

— Следуй за мною, чадо.

Когда он с честью привел святого к епископам, те исполнились Божественной сладости и, утешаясь духом, что

обрели указанного Самим Богом мужа, повели его в церковь. Молва о том разнеслась повсюду, и быстрее птиц к церкви стеклось бесчисленное множество народа. Епископ, удостоившийся видения, обратился к народу и воскликнул:

— Примите, братия, своего пастыря, коего помазал Сам Дух Святой и коему Он вручил попечение о душах ваших. Не человеческим собранием поставлен он, но Самим Богом. Ныне мы имеем того, кого желали, и нашли, и приняли, кого искали. Под его правлением и наставлением мы не лишимся надежды, что предстанем пред Богом в день Его явления и откровения.

Весь народ воздавал благодарение Богу и радовался неизреченною радостью. Не перенося человеческих похвал, святой Николай долго отрекался принять священный сан; но уступая усердным мольбам собора епископов и всего народа, вступил на архиерейский престол против своей воли».

Что означал бы отказ избранного кандидата принять епископский сан? Вот что об этом пишет святитель Симеон Солунский: «О том, что когда избранные не пожелают принимать епископство, то назначаются новые выборы. Итак, первый избранный, назначенный и согласившийся с избранием, посвящается в епископа. Если же он не согласится, то — второй или третий. Если же и те не захотят, то тем же порядком снова избираются уже из других. Согласившийся из их числа и подчинившийся избранию приходит к великому архиерею и объявляет, что он согласен принять волю Церкви, и, поклонившись, обещает исполнить свое дело. Это уже есть залог духовный, ибо как давший слово людям считается недостойным, если не сдержит его, так тем более — давший слово Богу».

Почему вдруг, по словам Дмитрия Ростовского, пресвитер Николай сопротивлялся решению собравшихся, зачем он решил, будто берет на себя сан епископа против своего желания? На этот счет есть текст, приведенный еще святым Мефодием, Патриархом Константинопольским, автором одного из древнейших Житий, названного им «Похвала Святителю Николаю» (IX век).

По Мефодию, у святителя Николая случилось видение, которое произошло еще до кончины самого архиепископа Мир Ликийских — Иоанна. Мефодий записал это так (в изложении и переводе Дмитрия Ростовского): «Однажды святой Николай ночью увидел, что пред ним стоит Спаситель во всей Своей славе и подает ему Евангелие,

украшенное золотом и жемчугом. По другую сторону себя святой Николай увидел Пресвятую Богородицу, возлагающую на его рамена святительский омофор. После этого видения прошло немного дней, и Мирский архиепископ Иоанн скончался».

Именно это видение по какой-то причине стало мешать пресвитеру Николаю принять сан епископа. Однако по прошествии короткого времени он дал согласие.

Наступил момент наречения во епископы и рукоположения. Красочно и точно описывает эти моменты святитель Симеон Солунский (XIV—XV века). Приведем его текст в расширенном виде.

«О том, как совершается наречение.

Наречение есть начало залогов и взаимных обязательств. Для него назначается особый день (во времена святителя Николая это могло происходить и в тот же день. — К. К.-С.), собирается вся Церковь и все чины вместе... Предназначенный к наречению входит внутрь храма и священного алтаря. Затем, когда все, в знак божественной радости о Церкви, сочетающейся с совершенным мужем, зажгут свечи, а также ради чистоты ее жениха и ради Света, подаваемого Богом, тогда избранник надевает епитрахиль как символ вышней благодати и фелонь как образ света и чистоты... После того как новоизбранный произнесет славословие Богу, читаются молитвы “Трисвятое”, “Отче наш” и все другие, соответствующие моменту, потому что совершается дело божественное и предварять его должны Бог и молитва, освящающая и возводящая к Нему. По окончании молитвы и совершении отпуста избранный становится пред страшным жертвенником, в священных вратах алтаря, и посланные от архиепископа, встав со свечами в руках посреди храма и взирая на храм, или, лучше сказать, на Бога, произносят слова наречения, а именно: “Святейший архиепископ и его священный собор нарекают священство твое во архиерея такой-то святейшей Церкви”. Выслушав их, нареченный дает подобающий ответ. Во-первых, он благодарит Бога, что удостоился того, что с ним теперь совершается; во-вторых, благодарит архиепископа... в-третьих, он молится, чтобы благодатью Божией и молитвами избравших его послужить Ему достойно и богоугодно. После этого уже готовится всё необходимое к совершению рукоположения.

О рукоположении епископа.

В церковь собираются все архиереи, участвовавшие в

избрании. Приходит и архиепископ для совершения рукоположения вместе с ними, или, лучше сказать, Сам Христос, через них совершающий Таинства, которые Он заповедал. Собираются также все клирики и миряне. Перед началом священной литургии ставится посреди церкви возвышение, на котором и садится на престол великий архиерей, а пониже устраиваются по обе стороны другие престолы, на которых садятся епископы... Потом певцы выходят, кланяются первому великому архиерею как изображающему Спасителя Христа и трижды величают его, произнося: “Исполла эти, дэспота” (на многие лета, владыка)! И наконец, выходит и хиротонисанный в епископа...»

Так это могло происходить. Хотя завершение торжественного события, произошедшего в Мирах Ликийских много столетий назад, святитель Дмитрий Ростовский уже в XVIII столетии описывает проще: «Вспоминая это видение и видя в нем явное благоволение Божие, и не желая отказать усердным мольбам собора, святой Николай принял паству. Собор епископов со всем церковным клиром совершили над ним посвящение и светло праздновали, веселясь о дарованном Богом пастыре, святителе Христовом Николае. Таким образом, Церковь Божия приняла светлого светильника, который не остался под спудом, но был поставлен на подобающем ему архиерейском и пастырском месте. Удостоенный сего великого сана, святой Николай право правил слово истины и мудро наставлял свою паству в учении веры».

Не менее красноречиво рассказывает о произошедшем и Симеон Метафраст в своем Житии X столетия. «Епископы немедля ведут святого во храм, — пишет он. — Громким голосом говорят: “Примите, братья, своего пастыря, которого избрал нам Дух Святой и которому вверил путеводить и усовершенять наши души, кого поставила над нами не человеческая, а божественная воля. Вот мы обрели мужа, в ком имели нужду, нашли ныне, кого искали. Пасомые и благонаправляемые им, мы исполнены надежд, что усовершенствовавшимися предстанем пред Богом в день явления Его и откровения”. К этому народ присоединил свою благодарность и обратил к Богу слова несказанного ликования. Святой собор епископов вместе с остальным клиром, совершив перед тем все необходимые обряды, рукополагает его архиереем, хотя Николай не желал и медлил принять предстояние вследствие своей воистину достохвальной скромности; едва согласился править престолом Мир

тот, кто неискаженным распространял слово истины, берег в чистоте святые догматы и вразумлял им».

Итак, имя избираемого оповещали общине епископ или пресвитер. Но в те времена каждый член церкви имел неписаное право что-то говорить в пользу или против избираемого кандидата. И каждый голос, даже простого мирянина, принимался с уважением. Зачастую это было возможно потому, что новый кандидат в епископы, как правило, принадлежал (хотя некоторые историки пишут «должен был принадлежать») к той общине, в которой, собственно, выборы и происходили. Ведь он был известен каждому прихожанину.

Однако в случае с вновь избираемым епископом Николаем дело было не совсем так. Он не был членом Мирской христианской общины, так как жил и служил в Патаре. Правда, его могли хорошо знать, не велико расстояние... Однако даже в Житиях его отмечено, что он чуть ли не случайно вошел в храм во время выборов. И его всё же приняли как своего.

Евграф Смирнов, церковный историк XIX века, словно бы добавляет к рассказу Метафраста: «Когда вся церковь находила, что избираемое лицо, согласно требованиям апостольским, достойно занять иерархическую степень, произносила общий возглас: “Аксиос!” (“Достоин!”), и следовало посвящение. В пресвитера и диакона рукополагал епископ местной церкви, а епископа же рукополагали, по большей части, епископы окрестных церквей (1-е Апостольское правило). Последние принимали даже участие и в самом избрании епископа или сами лично, или через своих уполномоченных, наблюдая в этом случае, чтобы избираемое лицо, по своим достоинствам, соответствовало требованиям апостольским, и даже самым делом испытывая его в правоте. При избрании епископа требовалось еще согласие на это и одобрение со стороны епископа главного города известной области, присутствовал ли он на месте во время избрания или нет (6-е правило I Вселенского Собора)».

Последнее правило было принято, как мы видим, уже после того, как священника из Патары возвели в сан епископа...

Так пресвитер Николай был избран епископом города Миры. Начинаясь новая и самая славная страница в его жизни. Он окончательно переехал в другой город, ставший его новой родиной и местом, которое принесло ему историческую известность и даже имя.

Пора рассказать немного о Мирах Ликийских, граде, известном ныне всякому христианину.

Тот, кто бывал здесь, — а ныне этот старинный город называется по-турецки Демре (теперь места двух городов — старого и нового — не очень совпадают), — тот знает, что попасть сюда, например, с восточной стороны турецкого побережья не очень просто. Для этого нужно проделать сложный путь на машине по гористой местности, преодолевая извилистую дорогу-серпантин, по которой (из личного опыта) угрожающе и с быстротой легкового гоночного автомобиля носятся местные многотонные грузовики.

По дороге придется проехать множество античных достопримечательностей. Среди них — город Кемер, пристанище туристов со всех концов мира, а также местечко, от которого, собственно, и произошло само название этого крупного средиземноморского поселения. Долго забираясь на довольно крутую гору, паломник-турист попадает в гости к химерам — странным существам, которые в греческой мифологии занимались тем, что пугали население, изрыгая огненные стрелы, похожие на дышащий огонь «змея-горыныча».

На самом деле и сегодня можно увидеть, как из-под земли вырываются языки пламени, создавая фантастический мираж — лесное пространство, словно бы из сказок времен олимпийских богов. Трезвомыслящие люди говорят, что горение огня — это подделка, что сюда проведены газовые трубы, которые специально каждый день зажигаются дежурными природного парка. Те же, кто более романтичен, даже соглашаясь с «трезвенниками», со слегка сомнительной интонацией предполагают, что в древние времена точно так же из-под земли изрыгались естественные газовые огненные языки пламени, только в наше время замененные на искусственные. Во всяком случае, химерический огонь можно увидеть здесь и сегодня. Такой же, как и во времена святителя Николая.

Тут же рядом знаменитые ликийские кладбища с гигантским количеством античных усыпальниц. Все они вырублены каменотесами в окрестных скалах. Панорама завораживающая. Создается впечатление, что вы попали реально во времена поздней Античности. Что сейчас увидите скорбную языческую похоронную процессию, провожающую покойника в подземный мир Аида...

Но следуя далее по прибрежной горной дороге, вы скоро попадете в маленький городок, напоминающий скорее поселок. И каждый житель сразу же укажет вам путь к храму, благодаря которому кормятся все окрестные магазинчики сувениров, а также армия экскурсоводов да и сам музей (храм стал им уже давно) с билетной кассой, исправно выдающей за деньги пропуск всем, кто хочет войти в старинные развалины и в мир христианской древности.

Мы в Демре, в древних Мирах, в той самой церкви, где служил и был похоронен святитель Николай Чудотворец... Не будем обращать внимания на то, что ученые спорят о подлинности храма, вернее, о том — тот ли это храм. Турецкие археологи вообще каждый год находят что-нибудь эдакое, дабы возбуждать интерес к теме, привлекать все новых туристов и паломников. Например, недавно они заявили, что нашли настоящие мощи Николая Чудотворца и что их никто никуда не увозил...

Когда автор данной книги, сам в прошлом археолог, участвовавший в раскопках античных городов в Крыму, а также посещавший такие же многочисленные объекты в других странах мира (например, раскопки в турецком Эфесе или в легендарной и ныне тоже турецкой Трое), впервые попал в полуразрушенный храм в Мирах Ликийских, то был просто потрясен увиденным. Нет, не только загадочностью и безмолвием каменных стен, неразрушенными (хотя, к счастью, не до основания) сводами, не очищенными от богослужебных деталей пространствами, а тем, что все углы собора были обмотаны красной материей, напоминающей флаги времен штурма Зимнего дворца при революции в России. «Что это?» — спросил я по-английски у молодого энергичного турка, закреплявшего яркую ткань на стене. «Готовим веселый молодежный спектакль — свадьбу турецкого юноши. Репетируем, будет спектакль под открытым небом, — лихо ответил он и добавил: — Молодежный театр, делаем постановки в натуральном интерьере». — «А в какой традиции будет разыграна свадьба?» — вежливо осведомился я. «Конечно же, в мусульманской!» — услышал я изумленный ответ.

Не стану долго рассказывать, как я уговаривал почти 30 симпатичных молодых актеров не делать этого в помещении храма, не нарушать покой тех, чьи останки могут еще лежать в глубинах земли под дырявыми сводами этого величественного строения, как я указывал на саркофаг, сохранившийся до наших дней, в котором несколько столетий лежали мощи

Николая Мирликийского, перевезенные потом в Италию, говорил, что эта гробница — настоящая святыня для христиан, указывал на то, что не стоит врываться с другими современными (хотя и древними по сути) традициями в христианскую церковь, где происходили великие события мировой истории, — все было бесполезно. Они начали спектакль. А мне пришлось уйти, чтобы не видеть этого...

Таковы современные Миры-Демре.

Но есть и хорошие новости. Турецкие власти не так давно преобразовали Демре, точнее — окрестности древней гавани Андриака, и открыли ее для туристов и паломников. Большую работу для этого проделал профессор кафедры классической археологии Университета Акдениз — Невзат Чевик. Раскопки производили на месте, которое специалисты называют «плакома». Под плакомой древние греки и ликийцы подразумевали главную, центральную часть городов с торговыми рядами, наиболее важными зданиями, городскими термами (банями), античными монументами, а также храмами. Копали и в других местах, где обнаружили разрушенные арки, городские стены гавани, построенные как римлянами, так и византийцами. Нашли даже фундамент храма.

Большинство работ было выполнено ради благоустройства территории, в связи с наплывом туристов-паломников из России, стремящихся взглянуть на старинный храм, где находится, предположительно, саркофаг, в котором хранились мощи святителя Николая.

Четыре года продолжались здесь реконструкция и раскопки, после чего древний город-гавань открыли, предварительно зарегистрировав территорию как музей под открытым небом и под патронажем Министерства культуры и туризма. Например, Музей ликийских цивилизаций открыли в знаменитых зернохранилищах — в Гранарии Адриана, которые были построены еще в 129 году от Рождества Христова. Сюда поместили множество артефактов, найденных во время раскопок на всей территории древней Ликии. Рядом с музеем выставлены 16-метровая лодка эпохи Древнего Рима и другие привлекательные предметы. В Андриаке проложили пешеходные дорожки для гостей.

А каким город был в древности, во времена христианского епископа Николая Угодника? Древние Миры мало в чем уступали Патаре — родине святителя. Град входил в

конфедерацию древней Ликии, а та — в провинцию Римской империи — Памфилию. Располагался недалеко от моря (центр его не был близок к берегу), неподалеку от гавани, куда когда-то прибыл на корабле апостол Павел — в трудные дни своей жизни, перед невольничьим отправлением в столицу Римской империи.

Мы не случайно вспомнили здесь героя Нового Завета. Это было одно из последних, если не последнее миссионерское путешествие апостола, когда, как известно, он остановился в ликийском городе Миры. Апостол Павел был пленен римлянами, которые переправляли его и других заключенных в Рим. Деяния Апостолов (27.1—6) поясняют: «Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию. Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники. На другой день пристали к Сидону. Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием. Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров, и, переплыв море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские» (Деян. 27:1—5).

Митрополит Иларион (Алфеев) в своей книге об апостоле Павле добавляет: «Судя по тому, что корабль намеревался плыть “около Асийских мест”, то есть недалеко от берега, это могло быть сравнительно небольшое судно (для выхода в открытое море использовались более крупные суда)». Он же оценивает данный переезд так: «Плавание началось осенью, когда навигация уже близилась к завершению и путешествия на небольших гребных парусных судах даже вдоль берега представляло определенные трудности. Снова, как и в прежних морских путешествиях Павла, скорость передвижения и безопасность зависели от ветра, а он был противным. Поэтому корабль должен был обогнуть Кипр, оставив его слева и пройдя между ним и материком. Первая часть путешествия завершилась в Мирах Ликийских, крупном городе, входившем в состав “ликийского союза”»...

Действительно, Миры Ликийские уже тогда были большим городом и, как писал древнегреческий ученый Страбон в своей «Географии», — располагавшимся на возвышенности, что удобно выделяло его среди других портовых центров. Митрополит Иларион продолжает рассказ: «Сколько

дней они пробыли в Мирах, не указывается, однако надо полагать, что остановка была короткой, учитывая необходимость добраться до Рима ранее окончания навигации. В некоторых рукописях западной редакции говорится, что Павел со спутниками прибыли в Миры Ликийские через пятнадцать дней после начала путешествия. Это вполне реалистичная оценка времени, необходимого для морского путешествия такой длины».

То было не очень позитивное по своей сути путешествие апостола Павла. Он был в числе узников. Начальник стремился во что бы то ни стало достичь до зимы Рима. А такое плавание было чрезвычайно опасным, особенно осенью. Море уже штормило. Апостол, пользовавшийся авторитетом среди других заключенных, предлагал римскому начальнику перезимовать здесь или на Кипре. Но тот его не послушал. Чтобы преодолеть бушующее море, нужен был крепкий и большой корабль. Миры Ликийские уже тогда торговали со всем средиземноморским миром, и, конечно же, с Египтом. Туда и обратно курсировали мощные суда. Иосиф Флавий в своей «Иудейской войне» ссылался на царя Агриппу, который отмечал, что Египет «снабжает Рим хлебом на четыре месяца». И делалось это с помощью крупнотоннажных судов.

Вот как ситуацию описывает митрополит Иларион в биографии апостола Павла: «В Мирах Ликийских путешественникам предстояло сменить корабль. Причиной этого была, во-первых, близость порта приписки Адрамитского корабля, а во-вторых, то, что на нем нельзя было выходить в открытое море из-за штормовых ветров. Сотник нашел в Мирах “Александрийский корабль, плывущий в Италию”, и посадил на него всех заключенных (Деян. 27:6). Этот корабль был значительно больших размеров по сравнению с предыдущим и должен был выдержать непогоду... Этот корабль имел грузоподъемность не менее 150 тонн, а возможно, значительно более. По размерам он мог достигать сорока и более метров (грузовой корабль I века, затонувший у берегов Кесарии, имел длину 45 м). Из дальнейшего повествования Луки мы узнаем, что общее число пассажиров, отправившихся из Мир Ликийских в Рим, составило 276 человек (Деян. 27:37). Сюда входили Павел со спутниками, другие узники, сотник с охраной, корабельная команда (капитан, штурманы, матросы, гребцы), обслуживающий персонал. Возможно, были и еще какие-то пассажиры. С самого начала плавание было неблагоприятным».

Мы не будем здесь рассказывать о всех страданиях переплывших все-таки море и прибывших в Италию узников. Однако можно напомнить читателю, что характеристика ликийских портов, данная в Деяниях апостолов, а также тот факт, что позднее святитель Николай Мирликийский станет покровителем мореплавателей и не раз будет спасать попавших в шторм или другую морскую беду моряков, указывают нам на возможность еще больше приблизиться к историческим реалиям того времени, осознать, что не всё в событиях, происходивших тогда, было случайным. Но об этом позже...

Сегодня трудно определить — сколько дел переделал здесь апостол Павел. Но несомненно, что христиане в городах Патара и Мира оказались под влиянием его миссионерского порыва. Все это способствовало формированию христианских убеждений и традиций в этом регионе на протяжении многих лет, включая третье и четвертое столетия после Рождества Христова, когда и жил святитель Николай.

Вернемся к Мирам. Возможно, название города произошло от слова «мирра», столь близкого христианам Востока. Мирра — это обыкновенная смола. Но из нее можно приготовить различные благовония, обладающие целебными и приятными запахами. Этим широко пользуются и в церковной традиции.

Однако латинскими буквами Мира пишется как *Myra*, хотя читается не только как Мира, но еще и как Майра или Маура. Это сразу же в сознании историков сблизило город с языческими традициями, ибо кто-то нашел сходство названия с этрусским наименованием «Маура», означавшим «обиталище богини-Матери». Как это ни странно, последнее утверждение ближе к истине, ибо название никак нельзя определить как просто греческое, а тем более — как христианское. Оно появилось, конечно же, значительно ранее эпохи Христа и его последователей.

Мира в процессе своего развития была даже столицей Ликии — со времени правления Феодосия II, но это уже после жизни святителя. Кстати, Феодосий построил, по преданию, церковь Святого Николая. Здесь в III—II веках до Рождества Христова чеканились собственные монеты. Как серьезный торговый центр Мира на рубеже новой эры входила в состав Ликийского союза. Историк рубежа новой

эры Страбон записал так: «Двадцать три города принимают участие в голосовании. Из всех городов самые большие имеют по три избирательных голоса, средние — по два, а остальные — по одному. Артемидор перечисляет шесть самых больших городов: Ксанф, Патары, Пинары, Олимп, Миры и Тлос».

Гавань — деревенька Андриака, куда пристал когда-то корабль с апостолом Павлом на борту, была, по сути, портом Мир. Здесь в массовом порядке производили пурпурную краску, которую развозили по всей империи, а также использовали при покраске саркофагов на кладбищах. Сами Миры, по сведениям историка Аппиана (II век) из его «Гражданских войн», находились в двадцати стадиях от моря (около трех с половиной километров). В Мирах и сегодня можно увидеть развалины мощного и впечатляющего греко-римского театра, как раз у ликийских гробниц. Он вмещал 11 500 зрителей. Действительно, грандиозная постройка! Жители собирались здесь на совещания, игры или театральные представления, сидя буквально среди останков своих родственников, которые в виде барельефов с лицами и фигурами наблюдали, по мнению языческих ликийцев, за происходящим с того света... Говорили, что в византийские времена театр города Мира включали в один из вариантов знаменитого списка семи чудес света.

Повезло когда-то в XIX веке сэру Чарлзу Феллоузу, британскому археологу и исследователю, совершившему несколько экспедиций в Ликийю и вывезшему оттуда (для британского правительства) безвозвратно множество уникальных памятников Античности. Был он и успел изрядно покопаться и в Патарах, и в Ксанфе, и в Мирах...

При святителе Николае Мира слыла также одним из наиболее важных центров культуры и духовности. До упадка, наступившего в VII веке, когда город разрушили арабы, было еще далеко...

А уже Феодосий II сделал процветающий город Мира столицей Ликии и, как говорят, воздвиг там церковь Святого Николая.

Так что означало быть епископом (архиепископом) ликийского города? Чтобы ответить на данный вопрос, сначала зададимся другим: а что вообще означало тогда быть епископом в христианской Церкви? Кто мог им стать и какие возможности были у такого человека, какая ответст-

венность возлагалась на него? Для ответа погрузимся в тему с большей степенью внимания, и порой нам придется возвращаться немного назад во времени и совершать путешествия в первые века от Рождества Христова.

Ответственность архиерейского сана

Епископ поставлен нести на себе немощи паствы.
Исидор Пелусиот, IV—V вв.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «А этот архиерей Мир, удостоенный божественного духа, видя, что душа юноши цветет добродетелями, предрек грядущее преизобилие у него благодати, сказав, что он будет благим утешителем печалющихся, добрым пастырем душ, подателем спасения тем, кто в опасности, и призовет заблудших на нивы благочестия. Дальнейший рассказ покажет, что это в дальнейшем исполнилось».

Требует разъяснения вопрос о дате «наречения во епископа» (рукоположения) пресвитера Николая. Большинство исследователей сходятся на том, что это произошло около 300 года, некоторые даже утверждают, что конкретно в этот самый год. Трудно привести здесь доказательства этим утверждениям, как и невозможно их опровергнуть. Во всяком случае, по нашему мнению, тогда священнику Николаю было от 30 до 40 лет. Возраст для епископства, по нашему современному мироощущению, не очень большой. Мы привыкли считать, что епископ — это почти старец. Однако в предыдущих главах уже говорилось о теме «молодости» и «юности» подвигам святителя, и теперь не будем подробно останавливаться на этом.

Действительно, пресвитер Николай на пороге епископской кафедры был довольно молод, его духовный путь по иерархической церковной лестнице начался не в пожилые годы. Можно ли сопоставлять или сравнивать путь святости и путь карьерного роста, пусть даже абсолютно искреннего и естественного? Вряд ли. Однако, как показывает история, жизнь и опыт — такое сочетание вполне возможно. Хотя бы в случае со святителем Николаем Мирликийским.

О том, кто таков был епископ эпохи Николая Чудотворца и каковы были его обязанности, следует поговорить более подробно. С самого начала христианства в общинах верующих появились верховные пастыри — епископы или архиепископы. По формуле, так памятно сформулированной почти две тысячи лет назад священномучеником Игнатием Богоносцем, третьим епископом Антиохийской церкви после Петра и Евода: «Церковь без епископа не бывает».

За три столетия от Рождества Христова сложились и епархии — регионы и земли, где селился народ, который был в ведении архипастыря. «Епархия епископа, — писал М. Э. Поснов в своей «Истории Христианской Церкви», — по возможности совпадала с пределами провинции, в главном городе которой находилась его кафедра. Епископ был тесно связан со своею кафедрой; переход с одной кафедры на другую, в особенности с меньшей на большую, был строго запрещен; однако допускались исключения... В управлении своей провинцией или диоцезом епископ был неограничен».

Антиохийский собор 341 года, уже после кончины святителя Николая, утвердил уже давно установившиеся традиции (Правило 9-е): «В каждой области епископам должно ведати епископа, в митрополии начальствующего, и имеющего попечение о всей области, так как в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честью преимуществовал, и чтобы прочие епископы ничего особенно важного не делали без него, по древле принятому от отец наших правилу, кроме того токмо, что относится до епархии, принадлежащей каждому из них, и до селений, состоящих в ее пределах. Ибо каждый епископ имеет власть в своей епархии, и да управляет ею, с приличествующею каждому осмотрительностью, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и да разбирает все дела с рассуждением. Далее же да не покушается что-либо творити без епископа митрополии, а также и сей без согласия прочих епископов».

Каковы были требования — каким быть епископу? Как представляли себе своего архипастыря жители того времени? Что являлось образцовым для тех, кого выдвигали на право обладать этим саном?

Одним из удивительных текстов, где характеризуются епископ и требования к нему, является отрывок из Нового Завета, из Первого Послания апостола Павла Тимофею (1 Тим. 3, 1—7). Вот он.

«Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую».

Нечто подобное мы можем прочесть и в другом Послании апостола Павла — Титу (Тит. 1, 6—9):

«Если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности. Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать».

В обоих посланиях мы находим важнейшие характеристики образа епископа, включая те, в которых определяется — кем он не должен быть, и те, где рекомендуется — каким он быть должен. Непорочность объявлялась образцом поведения. Епископ должен был следить за своей паствой (детьми верными), как за самим собой.

Однако существовали и другие причины, по которым кто-либо мог или не мог стать епископом. Например, «Апостольские правила», распространенные еще с I века. Историк XIX столетия Евграф Смирнов пишет: «Так называемые апостольские правила, составленные на основании апостольских писаний и апостольского предания, к этим требованиям присоединяют, что глухой и слепой не может быть епископом (Апостольское правило 78), а также бесноватый (Апостольское правило 79); женатый на вдове, отверженной от супружества, блуднице или актрисе (Апостольское правило 18), не могут быть приняты в клир. Что касается способа избрания на иерархические степени,

то апостолы сами установили тот порядок, чтобы в выборе принимали участие все члены известной христианской общины». Так как правила эти были хорошо известны в те времена, то мы можем сказать, что избираемый во епископы пресвитер Николай никакими из перечисленных «негативных» качеств не обладал.

Можно приводить множество цитат из глобального наследия Отцов и Учителей Церкви за многие столетия, которые бы показали важность и уникальность роли епископа в жизни его паствы. Мы же приведем лишь несколько высказываний. Симеон Новый Богослов (X—XI века) так обращался к новоиспеченному иерарху: «Надлежит тебе, пастырю овец Христовых, стяжанною иметь всякую добродетель и телесную, и духовную, — так как ты глава прочего тела братьев, — чтобы братия смотрели на тебя, как на первообраз добра, и впечатлевали в себе самих добрые и богоподобные черты твои. При этом и труба твоя да не знает никогда покоя, но непрестанно да издает глас: одним братьям предсказывай меч, т. е. гнои Божий, грядущий на упорных сынов противления, чтоб их исправить, или, если не послушаются, свою душу избавить от страшного гнева Божия; других вразумляй, учи и подвигай на всякое добро; но и тех, которые требуют обличения и укора, не оставляй без внимания, но обличай их благовременно и безвременно, запрещай им и всячески старайся отклонить их от недобрых поступков, как заповедует тебе божественный Павел. Милостивость свою являй равно ко всем братьям, и любовь тоже одинаковую имей ко всем, но честь воздавай каждому по добродетели его, как подобает, и мужу добродетельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первым имеешь».

Почти современник епископа Николая Мирликийского — святитель Иоанн Златоуст — более лаконичен: «Мы для пользы тех, кому служим, являемся тягостными, жестокими, несносными и неприятными, так как мы приносим пользу не тем, чем нравимся, а тем, чем уязвляем. Таков и врач, но он еще не слишком неприятен, потому что он сейчас же дает чувствовать пользу своего искусства, а мы — в будущем... Не о своей славе забочусь я (моя слава — ваша добрая жизнь); но — о вашем спасении».

В «Деяниях Павла и Феклы» (*Acta Pauli et Theclae*) — апокрифическом документе, рассказывающем о некоторых событиях времен апостола Павла и посещения им Мир

Ликийских, — можно найти любопытные сведения о появлении в городе христианских общин, а затем епископской кафедры.

Первое, о чем свидетельствует «Acta Pauli», это о возможном наличии христианской общины в Мирах уже во II веке. Такое предположение сделал на основе данного текста немецкий ученый Адольф Гарнак в своей книге «Миссия и распространение христианства в первые три века», изданной в Лейпциге в 1911 году. На него активно ссылается и «Католическая энциклопедия» (см. статью Salaville, Severien «Мура», написанную в том же 1911 году). Гарнак пишет: «Возможно, в Ликийских Мирах была церковь (см. Acta Pauli)». А ниже подтверждает: «Вероятно, по Acta Pauli, во втором веке в Мирах, в Ликии существовала церковь». И наконец: «Acta Pauli представляет вероятным, что христиане были в Мире со II века».

Можно поставить вопрос — а почему Гарнак говорит о II веке, если события в «Деяниях Павла и Феклы» происходят в I столетии? Ответ прост и непросто одновременно. Апокриф был создан значительно позднее и мог нести неточные сведения. И это все-таки апокриф, то есть не признанный официальной Церковью документ. И все же непонятно — каковы были основания у Гарнака на такие предположения.

Наличие христианской общины в Мире уже в I веке может подтвердить еще один факт, основанный на исследованиях французского историка и богослова Мишеля ле Куина (XVII—XVIII века). Он в своем глобальном справочном труде по иерархии христианской Церкви в ранние века пытался создать список епископов Мир Ликийских, куда первым поместил святого мученика Никандра, погибшего при императоре Домициане в 95 году. Того самого Никандра, который, согласно греческому Менологию (в России его называют «Месяцеслов»), был рукоположен в епископы самим святым Титом. Во многих православных русскоязычных ресурсах тоже пишут — священномученик Никандр, добавляя — епископ Мирский. Если следовать этому утверждению, то изложенные в его Житии ужасные события происходили, возможно, непосредственно в Мирах. Читаем у Дмитрия Ростовского:

«Святые Никандр и Ермей просвещены были светом учения Христова и поставлены на священнослужение святым Апостолом Титом. Многих эллинов они обратили от языческого заблуждения и привели ко Христу. За это они

были схвачены и приведены на допрос к комиту [градоначальнику] Ливанию... Он повелел привязать их к резвым коням и, гоня последних, влечь рабов Христовых. Влачимые таким образом долгое время, они обагрили землю своею кровью... Потом едва живых их ввергли в темницу и морили голодом и жаждою; но Господь питал их хлебом небесным и исцелял их раны. По некотором времени, они... были повешены на дереве, строгаемы железом и палимы свечами. Затем они были брошены в разожженную печь, но остались невредимы... Наконец мучитель приказал вбить им железные гвозди в голову, сердце и чрево, и после того для них выкопали яму и еще дышащих бросили туда и засыпали землею».

Многое повидали Миры Ликийские в своей истории, связанной с установлением здесь христианских традиций и образа жизни.

Итак, мы имеем ко времени появления святителя Николая уже довольно протяженную и насыщенную историю епископства в Мирах Ликийских. Другой вопрос — располагалась ли тут самая главная кафедра в Ликийи или она появилась только при самом святителе Николае?

Изменения в территориях тогда происходили часто и быстро. Как мы помним, в 297 году император Диоклетиан произвел реформу, империя была разделена на 12 диоцезов. Тогда Ликия стала частью диоцеза Асия (Азия), оставаясь частью Памфилии. Более подробно на восточную структуру Римской империи указывает в своей церковной истории М. Э. Поснов: «Римское царство делилось на 4 префектуры с 12 диоцезами и с 100 (позднее более) провинциями, по следующей схеме: Praefectura Orientis с диоцезами: 1) восточный, главный город Антиохия, в него входили — Аравия, Сирия, Палестина, Финикия, Киликия, Исаврия, Кипр и Египет; 2) Понт, главный город — Кесария Каппадокийская, ему принадлежала северная, средняя, и восточная Малая Азия с Арменией; 3) Асия, главный город Ефес, простиралась на западную Малую Азию и острова; 4) Фракия, восточная часть Балканского полуострова, главный город Гераклея».

Ликия принадлежала к Азии. По этому же принципу были организованы церковные епархии. «Церковь, сначала Восточная, — пишет Поснов, — нашла удобным приспособить к этому новому делению государства и свое ад-

министративное управление. Единицами внутреннего церковного управления были провинции, епархии, а носителями церковного объединения митрополии (диоцезы). Из них к началу III века выделились три — Римская, Александрийская и Антиохийская. В IV веке к ним присоединяется Константинопольская кафедра».

Только император Константин I Великий отделил Ликию от Памфилии — древней прибрежной области в южной части Малой Азии, между Киликией и Ликией. При доказательстве этого все ученые ссылаются на документы Первого Вселенского собора 325 года в Никее. Именно в них и Ликия, и Памфилия фигурируют уже отдельно. И если следовать этим документам, то получится, что от Ликии на Соборе принял участие (был делегирован) лишь один епископ — Эвдем Патарский. Отсюда делаются выводы, что до этого времени столицей митрополии в Ликии был град Патара. Но когда в 325 году Ликия снова стала самостоятельной римской провинцией, отличной от провинции Памфилия, столицей данной ликийской территории были объявлены Миры. Засим, и главная церковная кафедра провинции переместилась сюда, а город стал обладателем столичного престола, то есть, скорее всего, — центром Лийской митрополии.

Под митрополией мы подразумеваем епископскую кафедру, а также территорию или город, в котором она находилась. Это был тогда городской центр, ставший главным в епархии или имевший в своем подчинении несколько епископий. Только Первый Вселенский Никейский собор 325 года (в шестом каноне) впервые ввел звание митрополита, как главы группы кафедр в провинциях Римской империи. До этого христианская Церковь первоначально состояла просто из многих местных церквей. Как раз ко времени святителя Николая, к IV столетию сложилась традиция, закрепленная в Соборе в Никее, по которой епископ столицы каждой гражданской провинции стал иметь определенные права над епископами других городов этой же провинции. Это дало основание немецким исследователям XIX столетия Х. Гельцеру, Х. Хильгенфельду и О. Кунцу, издавшим в 1898 году свой труд по составлению списков участников Первого Никейского собора («*Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice*»), на помещенной в книге карте римских провинций и христианских епархий обозначить Миры значком, подтверждающим наличие митрополичьего епархиального управления. Хотя авторы не

Святитель Николай Чудотворец. Фрагмент votивной иконы из Базилики Святого Николая в городе Бари (Италия), которая висит над гробницей с мошами епископа Мир Ликийских. Считается, что образ написан на основе прижизненного изображения. Дар сербского короля Стефана Уроша III Дечанского (около 1321—1325) как благодарность за чудо возвращения ему зрения после ослепления врагами.

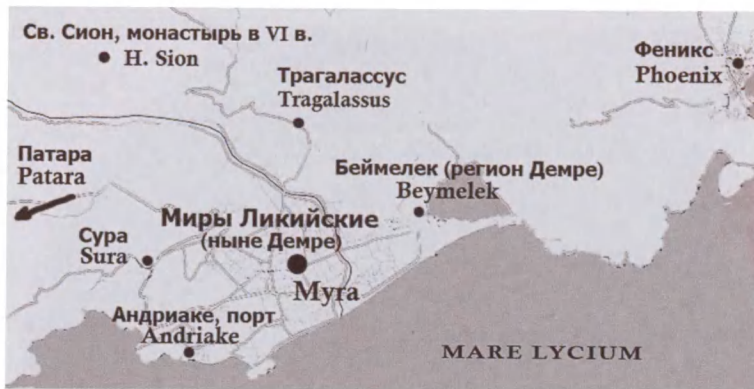
Дерево, темпера, чеканка, серебро и золочение

Ликийская каменная стела III века,
посвященная Артемиде, с изображением богов во главе с Зевсом.
Археологический музей Анталии

Вид на восстановленное здание городского совета (Булевтерий) древнего
ликийского города Патара

Примерная схема
 расположения
 города Миры
 и порта Андриака
 на ликийском
 побережье
 в IV—VI веках

Древнеликийские
 гробницы
 неподалеку
 от города Миры.
 С гравюры XIX в.

Рождество
будущего
святителя
Николая
в Патаре.
Картина
из *Базилики*
Святого Николая
в *Бари (Италия)*

Вариант особо
чтимой в России
так называемой
Великорецкой
иконы святого
Николая
Чудотворца
с Житием
в клеймах. *XVI в.*

Обучение
юного Николая.
*Клеймо иконы
из монастыря
Святой Екатерины
на Синае*

Будущий святитель
Николай тайно бросает
мешочки с деньгами
в окно.

*С картины
Джентиле да Фабриано
из серии «Сцены
из жизни Святого
Николая Барийского».
Ок. 1425 г.
Пинакотекка Ватикана*

Посвящение
клирика Николая
в диаконы.
*Клеймо иконы
из монастыря
Святой Екатерины
на Синае*

Святитель Николай спасает моряков в шторм и бурю.
С картины Джентиле да Фабриано. Ок. 1425 г. Пинакотека Ватикана

Святитель Николай спасает трех убиенных отроков.

1. Дети заснули в гостинице. 2. Хозяин гостиницы с женой убивают их из-за денег. 3. Хозяин и жена засаливают части детских тел в бочке, чтобы затем накормить ими святого Николая. 4. Святитель догадывается о злодеянии, воскрешает отроков, а убийцы горько каются. *Первая половина XIV в. Дерево, темпера. Национальный музей Каталонии, Барселона*

Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных.
С картины И. Е. Репина. 1888 г. Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

Монеты Римской империи. III в. Слева, с надписью Мирис, — изображен языческий храм Артемиды Элевтеры. Справа, с надписью Мирис, — изображено священное дерево Артемиды Элевтеры; его охраняют змеи, так как смельчаки пытаются его срубить

Святитель Николай рубит Плакомский кипарис — пристанище языческой богини Элевтеры. *Фрагмент иконы XIII в. из монастыря Святой Екатерины на Синае*

Николай
Чудотворец.
Фреска Софийского
собора в Киеве.
Центральный неф.
XI в.

Первый
Вселенский собор
в Никее 325 года,
участником
которого был
святитель Николай.
Фрагменты визан-
тийской фрески
из храма Святого
Николая в Мирах
(ныне Демре, Турция)

Святой Николай
на Вселенском
соборе в Никее.
*Роспись алтарной
стены в храме
Святого Николая
в Тюрьме (San
Nicola in Carcere).
Ок. 1470 г.
Рим (Италия)*

Святой Николай
ударяет по щеке
еретика Ария.
*Роспись храма
Сумельского
монастыря
(Панагия Сумела),
Турция*

Изгнание Ария
с Первого Никейского
собора.

*Фрагмент миниатюры
из «Жития святого
Николая, чудотворца
Мирликийского».*

40-е гг. XVII в.

*Государственный
исторический музей,
Москва*

Явление епископа Мир
Николая Чудотворца
во сне императору
Константину Великому.

*Клеймо иконы «Никола
Великорецкий».*

*Кирилло-Белозерский
историко-архитектурный
и художественный музей-
заповедник*

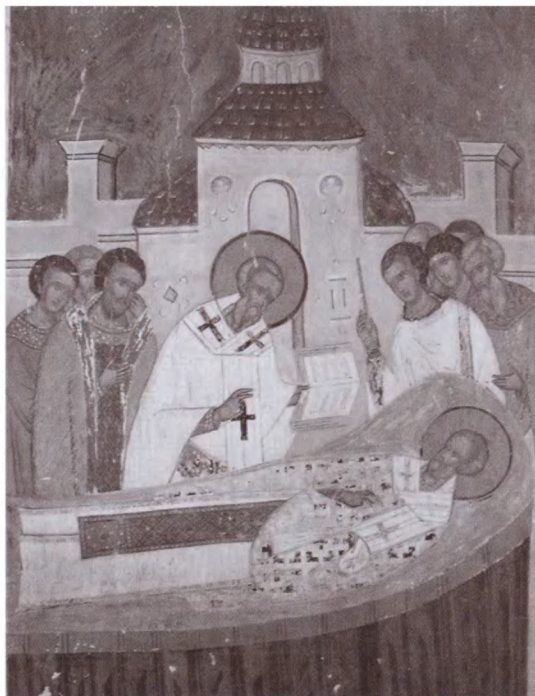

Кончина
святителя
Николая.
Картина Фра
Анджелико. Ок.
1437 г. Перуджа,
Национальная
галерея Умбрии
(Италия)

Святитель
Николай
на смертном
одре. Фреска
XVII в.
из храма
Святого Николая
в Шишево
(Матка,
около Скопье),
Македония

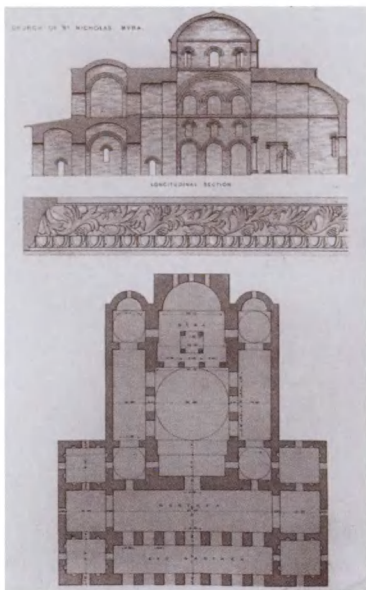

Успение святителя
Николая.
Фреска
северной стены
придела Святого
Николая в соборе
Рождества
Богородицы
Ферапонтова
монастыря. Дионисий
и его школа. 1502 г.
Вологодская область

Предположительная
гробница (саркофаг),
где хранились мощи
святителя Николая
в храме Святого
Николая в Мире
(Демре) до вывоза
их в Бари в XI
веке. Подлинность
ныне оспаривается
учеными

План и вариант реконструкции церкви Святого Николая в Мирах Ликийских, созданный Шарлем Тексье в 1864 году

Подтверждение особого почитания Николая Чудотворца в Новгороде и Центральной Руси: он изображен «на месте» Творца в окружении четырех евангелистов.

Двусторонняя икона из камня. XIV в. Государственный исторический музей

Сохранившиеся фрагменты фресок на стенах храма Святого Николая в Мирах (Демре, Турция)

Святитель Николай вместе с Иисусом Христом, Богородицей и Иоанном Крестителем. *Икона XI в. Монастырь Святой Екатерины на Синае*

Епископ Николай Мирликийский с Житием. Икона из музея Базилики Святого Николая (Museo Nicolaiano) в Бари (Италия)

Мозаика в Софии Константинопольской,
изображающая святителя Николая Чудотворца.
VIII—IX вв. Стамбул (Турция). Рисунок из книги XIX в.

преминули рядом с этим значком поставить еще и вопросительный знак. Что указывает на некоторые сомнения в точности приводимых ими данных.

Известно, что все епископы с тех времен получали равные права в управлении и совершении священных действий в Церкви. Даже на заре становления церковных традиций апостолы, назначая архипастырей, определяли для них одинаковые иерархические возможности. Исходя из этого, историк XIX столетия Евграф Смирнов делал вывод: «Отсюда и все частные христианские церкви были равны между собой. При таком равенстве апостолов, церквей, основанных ими, предстоятелей их, соборная форма управления всей Христианской Церковью была единственно возможной, вполне законной и соответствующей заповеди Спасителя о равенстве и братстве как всех верующих в Него, так и лиц, назначенных на иерархическое служение. Поэтому апостолы, совершенно чуждые мысли о главенстве и первенстве кого-либо из своей среды, сами положили начало соборной форме управления по делам, касающимся всех или многих церквей».

В своей «Истории христианской церкви» Е. Смирнов кратко изложил принципы архипастырского руководства в те времена среди христиан в Римской империи. Вот они:

«Епископское управление.

Многочисленные христианские общины, основанные апостолами и их преемниками в разных городах, селах и деревнях, частью во времена апостольские, а главным образом, после апостолов, постепенно начали группироваться в особые церковно-правительственные округа, центром которых были общины городские.

Основанием такого объединения служило, с одной стороны, гражданско-правительственное объединение населенных пунктов в особые правительственные округа, а с другой, распространение христианства из одной местности в другую. В гражданском отношении известному городу подчинены были ближайшие села и деревни. Такой же порядок начал устанавливаться и в церковном отношении: мало-помалу христианские общины в селах и деревнях вошли в подчиненное отношение к ближайшим городским общинам, что было довольно удобно, поскольку само христианство, по большей части, они получали от городских общин.

Во главе образовавшихся таким образом церковных округов, обнимавших городские и сельские общины, стали предстоятели городских общин, епископы, имевшие свое местопребывание и свои кафедры в городах, как центральных церковно-правительственных пунктах. Церковные округа первоначально назывались парикиями, а впоследствии епархиями.

С образованием церковных округов постепенно образовались и приходы. В городах приходы образовывались вследствие увеличения числа верующих; за невозможностью собирать всех членов известной городской общины в одно место для богослужения и совершения таинств, по причине их многочисленности, епископ разделял свою паству на группы, в которые назначал пресвитеров и диаконов из состоявших при его кафедре сначала только на время, а потом и навсегда. Группы верующих, совершавшие отдельно от епископа богослужение, образовали городские приходы. И городские, и сельские приходы, входившие в известный церковный круг, с епископской кафедрой в городе, составляли одну местную церковь.

Свои названия местные церкви получали от имени тех городов, в которых были епископские кафедры (церковь Иерусалимская, церковь Антиохийская), с другой стороны, местные церкви назывались просто кафедрами (кафедра Иерусалимская, кафедра Антиохийская), так как в каждой церкви была только одна епископская кафедра и без нее не могли быть церкви».

Мы, повторимся вновь, к сожалению, не знаем такого названия, как Церковь Ликийская или Мирликийская. Однако это не значит, что Миры не были важнейшим христианским центром. Их значимость только возрастала после того, как бразды архипастыря здесь принял в свои руки святитель Николай, ставший для христиан образцом настоящего церковного иерарха.

Но его епископство не было «удобным» или простым. Как мы уже знаем, только в начале IV века, после Миланского эдикта, когда в Римской империи перестали преследовать христиан, Церковь Христова, пережившая три столетия упорного сопротивления злу, получила возможность встать на ноги. До того как вера христианская заняла в государстве то место, которое прежде занимало язычество, как она была объявлена государственной и главной ре-

лигией, до того, как наступила эпоха развития внешней и внутренней церковной жизни, до всего этого епископу Николаю пришлось пройти через тяжелые испытания. Упрочение положения Церкви в стране, распространение учения Христова среди других народов за пределами империи началось только после того, как за это заплатили кровью сонмы мучеников.

Об этой странице из жизни епископа Мирликийского Николая наш следующий рассказ.

Годы испытаний в темнице

*Бывает, что и неповинные, для спасения,
предаются на мучительство.
Григорий Синаит, XIV в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Божественного Николая, так как он славен был в Мирах как ревнитель христианской веры и поборник благочестия, схватили первые люди Мир. Он был приговорен к оковам, дыбе и множеству других пыток, а затем вместе с многими христианами заключен в темницу. Там он пробыл довольно времени, не видя никакого просвета в своих бедах, но принимая тяготы заточения с таким достоинством, как другой человек вещи отрадные и желанные. Однако и в темнице он не переставал кропить свою паству влагой благочестия и питать веру ее, давая стопам этих людей прочное основание и делая их смелыми ратоборцами истины».

О том, что святитель Николай в период великого гонения на христиан был схвачен и заточен в тюрьму, рассказывают некоторые авторы его Житий; им следуют и историки. Сходятся они на том, что произошло это тогда, когда он уже был епископом Мир Ликийских. А значит, по нашим исчислениям, — уже после 300 года. Точнее, если быть уверенным, что арест не мог произойти до начала самих гонений, то до 303 года. Но мы не обладаем здесь точными сведениями.

По поводу заключения в темницу святителя Николая историк Н. Д. Тальберг в своем труде «Великие Святители Восточной Церкви» предельно краток: «Во время гонения от Диоклетиана он претерпел темничное заключение».

Дмитрий Ростовский дает более обширные сведения: «Завистливый змий лукавый, никогда не престающий воздвигать брань на рабов Божиих и не переносящий процветания среди людей благочестия, воздвиг гонение на Церковь Христову чрез нечестивых царей Диоклетиана и Максимиана. В то самое время от сих царей вышло повеление по всей империи, чтобы христиане отверглись от Христа и поклонялись идолам. Тех, кто не повиновался этому повелению, было предписано принуждать к тому темничным заключением и тяжкими муками и, наконец, предавать смертной казни. Эта дышащая злобою буря, по усердию ревнителей тьмы и нечестия, вскоре достигла и Мирского града. Блаженный Николай, бывший в том граде руководителем всех христиан, свободно и дерзновенно проповедывал Христово благочестие и был готов пострадать за Христа. Посему он был схвачен нечестивыми мучителями и заключен вместе со многими христианами в темницу».

Митрополит Макарий в своих Четьях-Минях XVI столетия указывает в значительной степени на точную последовательность событий, помогая нам в процессе определения датировок тюремного заключения святителя Николая. В Прологе о святителе Николае мы читаем: «Сий великий бияше в лета Диоклетиана и Максимиана мучителей, первые иноческым житие пребывая, и многия его ради добродетели архиерейство приим. Занеже христианский хранитель бияше и благочестие провозгласи великым гласом, ять бысть стареишинами градскыми, и язвами и узами обложен бы ими, и в темницу ввержен быв со иными христианы. Великому же и благочтивому Константину царство Греческое волею Божию приемшю, отпущени быша затворенная в темницах, с нимиже и великий Николае отпущен бы и достиг Миры».

Что следует из этого текста? Во-первых, как и Симеон Метафраст, митрополит Макарий указывает, что святителя Николая выдали римским властям высокопоставленные люди из города Миры, где была его епископская кафедра. Интересный факт. Ненавистники христианства проявили законопослушную инициативу и некоторую прыть, упрятав его в темницу, но тем самым — спасли ему жизнь. Во-вторых, заточение началось при гонениях Диоклетиана и Максимиана, то есть, скорее всего, — с 303 года. В-третьих, он был приговорен к пыткам («язвам») и попал в застенки не один, а с «иными христианы». То есть в Мирах были произведены массовые аресты. Тем самым не произошло

специального, отдельного, индивидуального судилища над ним, как над архипастырем города, которое могло бы обострить ситуацию и сразу же привести к его казни. И, наконец, в-четвертых, отпущен из тюрьмы святитель Николай был уже при императоре Константине, а значит, скорее всего, в 313 году, после чего сразу же вернулся для возобновления богослужений у себя в Мирах Ликийских.

Авторы Жития святителя Николая, изданного в XIX столетии, — А. Вознесенский и Ф. Гусев — предлагают нам иную последовательность и датировку заточения его в темницу, связывая это событие с тем, что произошло в Никомидии в 303 году. Мы уже приводили их цитату: упомянув Никомидию и указанную дату, они пишут так: «Он подвергся преследованию и вместе со многими другими христианами был заключен в темницу. Здесь он провел немало времени, терпеливо перенося голод, жажду и тесноту, не допуская даже мысли об отречении от Иисуса Христа! В темничном заключении святитель не переставал заботиться о заключенных вместе с ним христианах. Голодных он питал здесь словом Божиим, жаждущих поил водами благочестия. Таким образом он возвращал в них веру в Христа Бога и утверждал их в крепком исповедании Его перед мучителями, чтобы они могли пострадать за Христа до конца. Благодаря его руководству многие из заключенных пребыли твердыми в Христовой вере до конца».

А вот освобождение святителя, по их мнению, происходит не во времена Константина, не в 313 году, а во времена эдикта Галерия о послаблении гонений на христиан, то есть в 311 году. Приводим здесь их хоть и не очень убедительные, но все же аргументы: «В 311 году Галерий, мучимый страшной болезнью, посланной ему от Господа в наказание за его жестокость и распутную жизнь, открыто оказал свое снисхождение христианам, позволяя им опять оставаться христианами и строить дома для своих собраний. Повинуясь указу, градоправители выводили и освобождали заключенных из темниц... По освобождении из темницы святой Николай, “мученик изволением” и “без крове венечник”, снова занял Мирликийскую кафедру и с еще большей ревностью отдался выполнению своих высоких обязанностей». Авторы текста ссылаются на Евсевия Кесарийского, но у того нет в его «Церковной истории» никаких датировок по этому поводу. Причем А. Вознесенский и Ф. Гусев даже уточняют, что епископ Мирликийский был уже на свободе, когда начались гонения со стороны Мак-

симины, а затем — Ликиния (311—313 годы). По их словам, «святитель Николай, кроме обычных трудов и забот своего служения, должен был понести еще и новые подвиги, необходимо вызванные последствиями долгого и страшного гонения. Как другим тогдашним пастырям, без сомнения, и ему приходилось или возобновлять старые, или строить новые церкви... И в Мирах, как вообще в городах православного Востока, подвластного Ликинию, преследование это отозвалось заметно — и добрый пастырь Николай опять был готов положить душу за свою гонимую паству».

О промыслительном значении самого события тюремного заточения святителя мы уже говорили. Добавим еще следующее. Вполне вероятно, если бы он оставался далее при епископской кафедре града Миры и продолжал пропове­дывать и богослужения, избежав быстрого ареста, то мог бы быть не просто схвачен, а действительно показательно и немедленно умерщвлен, как отказавшийся проводить языческие службы и жертвоприношения. Но попав в застенки, он чудесным образом словно был спрятан от гонителей, перестал «попа­даться на глаза», исчез, оставаясь на виду лишь у тех, кто его знал или окружал в темнице.

Мы можем только предполагать также, что у святителя было много почитателей и среди римских властей, включая тех, кто управлял городом Миры, и даже среди тюремщиков. Они могли просто спрятать его от более серьезных чиновников, укрыть своим покровительством. Значит ли это, что узник не прошел через испытания, которые выпали на долю гонимых тогда христиан? Совсем нет. Он принял их достойно и, как пишут Жития, — испил свою чашу в полной мере и почти до дна.

Дмитрий Ростовский пишет, что в тюрьме «он пробыв малое время, перенося тяжкие страдания, претерпевая голод и жажду и тесноту темничную».

Неожиданным дополнением к истории возможного долгого пребывания святителя Николая в тюрьме стали результаты трудов современных нам ученых, исследовавших его мощи. Более подробно о их работе мы расскажем позднее. Первый этап этих трудов проходил в Италии в 1953 году. Для экспертизы вскрыли гробницу со святыми мощами в городе Бари. Одним из главных ученых-антропологов, приступившим к исследованиям, стал профессор Луиджи Мартино, позднее опубликовавший их результаты.

А одним из важнейших выводов стал тот, что испытания в темнице святой прошел в реальности. В итоге установили рост, форму комплекции, черты лица и даже некоторые болезни или недуги, которые сопровождали жизнь Николая Угодника. Налицо — очевидные повреждения суставов, костей грудной клетки и позвоночника. Это явное свидетельство физического воздействия, результат мучений и пыток, которым был подвергнут святитель в застенках. К этому присоединили радиологическое исследование, показавшее значительное по размерам внутреннее костное уплотнение черепной коробки. Профессор Луиджи Мартино отметил множественность изменений в костях, которые связаны с тем, что святитель, скорее всего, «пробыл в заточении и сырости довольно долгое время». Так, исследования нашего времени подтверждают фактические данные, изложенные в Житиях святого Николая Чудотворца.

Какие же испытания выпали на долю святителя, когда он был брошен в застенки? Что же такое была тогда тюрьма в Римской империи, в которой епископ Мир Ликийских провел несколько лет? А возможно, даже большее время — с 303 по 313 год, то есть с момента начала серьезных гонений Диоклетиана и до Миланского эдикта императора Константина.

В «тюремном деле», как и во многих других, римляне достигли своеобразного «совершенства». Разного рода правительственные документы регламентировали те или иные правила содержания узников. Именно в императорском Риме заключение или лишение свободы стало применяться как наказание, которое должно было быть, во-первых, присуждено, а во-вторых — присуждено по закону. Со столетиями эти правила менялись и, естественно, не всегда действовал или срабатывал закон. Однако современному человеку трудно представить — чем тогдашние застенки отличались от нынешних. Тем более если говорить о том, как существовали в неволе самые заклятые враги империи (по мнению высших кругов Рима), к которым в те или иные времена причисляли христиан.

Римляне в основном не строили специальных тюрем в виде надземных сооружений или зданий. Их располагали в местах, где уже были пещеры или брошенные каменоломни. То есть — под землей. К чему было заботиться о тех, кто не достоин быть в обществе? Лишение узника окон, то есть

возможности видеть дневной свет, было чем-то особенно важным для тех, кто выносил приговор. Никто и не думал о состоянии здоровья и качестве жизни заключенного. Ведь в подземном мире, напоминающем языческий античный Аид — царство мертвых, — не должно было быть никаких намеков на спасение или выздоровление. Если уж ад на Земле, так это — тюрьма. Вернее — темница, помещение без света, как это хорошо напоминает данное русское слово.

В Римской империи тюремное заключение чаще всего не считалось просто карой или даже карательной мерой за совершенное преступление, а скорее — неизбежным отсутствием свободы при нарушении закона для выполнения обязательств, например, понуждением к выплате налогов или иных долгов. Так и утверждалось: «Тюрьма для исправления людей, а не для наказания». Сенат или региональные власти, обладающие правом судить, приговаривали к тюремным застенкам при наличии преступления, если смертная казнь была слишком завышенным наказанием, а иные меры по искуплению совершенного злодеяния казались достаточно легкими, слабыми или малыми.

В статье «Тюрьма у древних греков и римлян» Николая Петровича Обнорского (с 1916 года профессора и преподавателя латыни Пермского университета), которая была помещена в 1901 году в словарь Брокгауза и Ефрона, читаем: «Тюрьма называлась *сагсег*: под этим именем была известна в Риме темница близ лестницы, ведущей на Капитолий, рядом с храмом богини Согласия, на месте нынешних церквей *San Pietro in Carcere* и *San Guiseppe de' Falegnami*... Помещение состояло из ряда камер, из которых до нашего времени сохранилась одна: высеченная в скале, она построена из массивных камней, в верхней части образующих свод. Под нею находится подземная камера круглой формы со сводом, сообщающаяся с верхней комнатой посредством проделанного в полу последней круглого отверстия: это подземное помещение называлось *Tullianum*. Верхняя часть тюрьмы называлась также *gobur*, откуда можно заключить, что стены темницы первоначально были укреплены дубовыми бревнами». Уже по этому описанию можно предположить — в каких условиях мог находиться тогда в застенках святой Николай. Хотя здесь речь идет о тюрьме в столице империи — Риме. Что же тогда делалось на окраинах государства?

В статье речь идет об известной тюрьме Туллианум, так-

же называемой Мамертинской тюрьмой или «Туллиевым подземельем» (по имени императора Сервия Туллия, «усовершенствовавшего» ее). Место скорби располагалось в центре древнеримского Форума у подножия Капитолия. В наши дни помещение было отреставрировано и здесь открылся музей. Именно в этой тюрьме находился апостол Петр (и также апостол Павел), в процессе своего заключения крестивший немало находившихся тут римлян, как осужденных, так и самих тюремщиков. Здесь же апостол Петр был и казнен. По этой и другим причинам Туллианум является местом памяти о всех здесь замученных или умерших от эпидемий и ран христиан, а также центром поклонения паломников, приезжающих в Рим со всех концов света.

Туллианум состоял из двух подземных этажей. На нижний уровень узники попадали через дыру в полу. А уже с этого этажа выбраться наверх было почти невозможно. Свои ощущения от увиденного подземелья описал римский историк Гай Саллюстий Крисп в труде «О заговоре Катилины»: «Есть в тюрьме, левее и несколько ниже входа, помещение, оно уходит в землю примерно на двенадцать футов и отовсюду укреплено стенами, а сверху перекрыто каменным сводом; грязь, потемки и смрад составляют впечатлительное мерзкое и страшное». Казнили приговоренных прямо в Туллиануме, тела убиенных вытаскивали на террасу для обозрения гражданам, а затем сбрасывали в воды Тибра...

Особые тюремные истории передавались от человека к человеку. Например, злодеяния Калигулы историк Гай Светоний Транквил описал так: «Когда вздорожал скот, которым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание преступников; и, обходя для этого тюрьмы, он не смотрел, кто в чем виноват, а прямо приказывал, стоя в дверях, забирать всех, “от лысого до лысого”... Многих граждан из первых сословий он, заклеив раскаленным железом, сослал на рудничные или дорожные работы, или бросил диким зверям, или самих, как зверей, посадил на четвереньки в клетках». И это тоже была римская тюремная традиция...

И действительно, для заключенных использовались уже существующие конструкции разного типа — металлические клетки, брошенные карьеры, подвалы общественных зданий, катакомбы. Надо напомнить, что упомянутая нами Мамертинская тюрьма располагалась в канализационной системе под древним Римом, а потому была загрязнена отходами жизни людей.

Чем занимались заключенные в римских тюрьмах? Ведь кормить их империя особенно не спешила. Более того, существовала возможность, например, питаться за деньги. Если они есть — покупай себе еду. Если нет — ты можешь стать заложником обстоятельств и дни твои сочтены... Особенно трудно было рабам. Они зачастую просто умирали от голода.

Кормили в тюрьмах за выполнение общественных работ. Принудительный труд был традиционным. Фактически даже свободных граждан иногда переводили в разряд рабов. Их приковывали к рабочему месту, чтобы они не могли перемещаться или избежать каторжных повинностей. Цепи носили граждане с низким статусом или рабы. С помощью цепей они оставались в местах наиболее трудных работ — на мельницах, карьерах, каменоломнях или в шахтах.

За что можно было посадить в тюрьму во времена святителя Николая (не считая того, что он, по императорским эдиктам, как христианин считался вне закона)? Да и за что сам святитель мог оказаться в застенках? В каком виде его могли там содержать? Читаем статью Н. П. Обнорского в словаре Брокгауза и Ефрона: «Тюремное заключение присуждалось по усмотрению и могло быть либо в известный момент отменено, либо продолжено на неопределенно долгое время. Иногда оно имело значение подследственного ареста. В сфере частного и фискального права тюремный арест служил понудительною мерою, обеспечивавшею исполнение долговых обязательств. Наконец, тюрьма служила местом тех казней, исполнителями которых были магистраты и которые, по крайней мере с II в. до Р. Хр., совершались не публично: этим способом казнили женщин и лиц привилегированного положения, причем формами казни являлись голодная смерть и удушение. Первоначальный способ лишения свободы посредством наложения оков или цепей (*vincula*), практиковавшийся по отношению к военнопленным, перешел позднее и в гражданскую жизнь; тюремное заключение не было необходимо связано с заковыванием в цепи, но на практике оба способа лишения свободы обыкновенно применялись одновременно. Для этой цели употребляли цепи (*catenae*), ножные оковы (*compedes, pedicae*), ручные оковы (*manicae*), цепи для одновременного связывания шеи и ног (*nervi*), кожаные ремни (*boiae*), деревянные колоды (*columbaria*). И еще: «Обращение с заключенными в значительной степени зависело

от их имущественного и общественного положения, а также от состава надзирателей; бедняки и лица низкого происхождения были поставлены в крайне тяжелые условия».

Евсевий Кесарийский добавляет к общей картине тюремной жизни современные святителю Николаю штрихи: «Многие умерли, задохнувшись в тюрьме. Другие терпели такие муки, что казалось, они не смогут выжить».

Богослов и проповедник Андрей Критский в «Похвальном слове Святителю и Чудотворцу Николаю» не только определяет епископа Мир Ликийских героем, готовым на мученичество, но и называет еще несколько имен, с которыми, вероятно, святителю пришлось провести время в темнице и которые мученически погибли в застенках: «Блажен ты из градов, Миры! ты вмещаешь в недрах своих столь великого благодетеля... Ты имеешь и трех сподвижников его: Крискента, Диоскорида и Никокла... Сей славный союз увенчан столь же славною главою! Ибо Николай совершил мужественно равный с ними подвиг, и был мученик своею готовностью. И что еще более, — его воодушевлением и ревностью оные Герои соплели себе мученический венец».

В те годы, когда святитель Николай находился в темнице, еще не произошли изменения гуманистического характера, которые в сфере наказаний стал вводить император Константин Великий. Уже к 320 году от Рождества Христова он предписал сократить сроки предварительных заключений по аресту, тем самым — ускорить следствия. Он же немедленно ввел другие способы заковывания в цепи, теперь тюремные обитатели имели намного большую свободу передвижения. Император же Константин распорядился о том, чтобы заключенных выводили на свежий воздух. Он запретил морить арестантов голодом и держать их в полной темноте. То есть если мы представим себе, что до императора Константина все эти тюремные ужасы существовали, то проявляется картина, обрисовывающая нам быт святителя Николая Мирликийского в тогдашних застенках...

Добавим еще одну немаловажную деталь, приведенную Н. П. Обнорским в его статье о римских тюрьмах: «При Констанции (340 г.) было предписано разделение полов». Только в 340 году! Это значит, что святителю Николаю, скорее всего, довелось просидеть в римской тюрьме в годы, когда в одних помещениях содержали и мужчин, и женщин... Настоящее испытание для христианского епископа.

Важны для понимания различных нюансов сведения

об изменениях в тюремном быте, сделанных следующими императорами. Читаем у Н. П. Обнорского: «При Валенте (364—378), Грациане (375—383) и Валентиниане II (375—392) на тюремных надзирателей была возложена обязанность ежегодно доставлять отчеты о состоянии заключенных. Вообще, христианские императоры старались по возможности облегчить тяжелые условия тюремной жизни и установить гуманное отношение к арестантам, действуя путем законодательства и личного контроля». Но и все эти улучшения появились уже после кончины святителя Николая и его — увы — не коснулись!

Как христиане переживали тюремные застенки? Почему позднее говорили, что христианам заточение не в скорбь, а в радость? Как обустраивали они свой быт? Как выживали после многолетних испытаний? Ответы на эти вопросы приоткрывают нам возможные образцы поведения и жизнедеятельности святителя Николая, лишенного свободы и прошедшего, возможно, лучшие свои годы в заточении.

Одним из примеров может стать история четвертого Папы Римского, святого Климента, жизнь которого прошла в период гонений на христиан в конце I столетия нашей эры. Тогда римские власти поставили перед ним выбор: жертвоприношение языческим богам или каторга. Климент выбрал тюремное заточение. Так он попал на окраину империи — в Тавриду, на полуостров Крым. Его отправили на тяжелейшие работы в каменоломни, трудиться рядом с преступниками. Оказалось, что в их среде уже были христиане. И главное — они поддерживали друг друга. Это же стал делать и святой Климент. Он решил тяжелейшую проблему с питьевой водой, открыв свежий источник среди скал. Это было чудом. Многие заключенные и жители окрестных поселений тут же приняли христианство. Епископ обладал правом открытия церкви, что и было сделано в одной из пещер. Это не понравилось тюремщикам. Епископа Римского Климента казнили, утопили в море, привязав к его телу якорь...

Зачем мы привели эту историю? Ведь в ней всё другое — время, местность, люди да и события. Для нас здесь важно вот что. Оказывается, для христиан тюрьма становилась не просто местом отбытия наказания, не просто местом выживания или испытания, но и чем-то естественным, напоминанием о совершенствовании и более серьезном отношении к духовной жизни.

Тогда для святителя Николая Мирликийского годы, проведенные в застенках, становились, быть может, главными в его жизни. Именно узнав о том, как выжил епископ в тюрьме, люди поспешили к нему за советами, за пониманием и окормлением, за помощью. Если он выжил в таком аду, то научит — как это сделать и другим! Люди признали его позднее Угодником и Чудотворцем. То есть тюрьма стала одним из важнейших этапов духовной жизни епископа на пути к святости.

Это подтверждает и святитель Дмитрий Ростовский в своем Житии Николая Чудотворца: «Своих союзников он питал словом Божиим и напоял сладкими водами благодетия; утверждая в них веру во Христа Бога, укрепляя их на нерушимом основании, он убеждал быть твердыми в исповедании Христа и усердно страдать за истину».

Для понимания сути духовных испытаний в застенках вникнем в некоторые слова выдающегося христианского писателя, теолога и апологета Тертуллиана из его трактата «К мученикам»: «Пусть остальные заботы, как и родители ваши, провожают вас только до темничных дверей. Тут разлучились вы с миром и не жалеете, что распрощались с ним. Если учесть, что мир сам по себе — темница, вы скорее вышли из темницы, чем вошли в нее. Темна ваша темница, но мир покрыт еще большим мраком, ослепляющим ум. Вы — в оковах, но мир налагает на душу еще более тяжелые цепи. Вы — в грязи, но мир полон еще большей грязи людского распутства. Наконец, в мире заключено еще больше подсудимых, а именно весь род человеческий, и ему грозит суд не проконсула, но самого Бога».

Исходя из этого, Тертуллиан делает обнадеживающий для арестантов вывод: «Поэтому вы, благословенные, попали не в тюрьму, а скорее в надежное убежище. Оно мрачно, но вы сами — свет мира (Мф. 5, 14). Здесь оковы, но в глазах Бога вы свободны. Здесь зловоние, но вы сами — благоухание. Вы ждете приговора, но настанет время, когда вы сами будете судить судей ваших. Неважно, что вы в мирской темнице, ибо сами вы — уже вне этого мира, и если вы лишились радостей жизни, то приобрели гораздо больше. Я уж не говорю о награде, которую Бог обещает мученикам».

Более того, для Тертуллиана тюрьма становится чуть ли не лучшим местом для жизни на Земле. «Продолжим сравнение мира с темницей, — пишет он, — и посмотрим, не больше ли выигрывает в ней душа, нежели теряет тело. Скажем больше: плоть тут не теряет необходимого благо-

даря попечению церкви и любви братьев, а душа обретает поддержку в вере. Здесь ты не видишь ложных богов, не встречаешь их изображений, не присутствуешь на языческих празднествах, не вдыхаешь нечистые запахи ладана, не слышишь рева зрителей в цирке и театре, не видишь жестокости гладиаторов и бесстыдства мимов. Глаза твои не прикованы к распутным зрелищам; ты в безопасности от соблазнов, искушений, дурных помыслов, и даже от самого гонения. Темница дает христианину то же, что пустыня пророкам. Господь нередко искал уединения, чтобы молиться, удалясь от суетного мира. Даже славу Свою Он явил ученикам в уединенном месте. Перестанем же темницу именовать темницей и назовем ее лучше местом уединения».

Место уединения?! Что поставить — восклицательный или вопросительный знак? Если ты находишься годами в одной комнате-камере с другими людьми, причем обоих полов, с преступниками и болящими, со страждущими и обездвиженными, приговоренными к казни и умирающими, да еще и прикованный цепью, — разве это можно назвать «местом уединения»? Именно поэтому, думается, Тертуллиан оговаривается позднее, делая уже не столь категоричный вывод: «Так будем же тюрьму считать площадкой для тренировок, откуда нас выведут подготовленными на старт: ведь мужество в испытаниях крепнет, тогда как роскошь его расслабляет». «Площадка для тренировок» — это уже более близкая к реальности формулировка, нежели «место уединения».

Но вернемся к разговору о том, что христиане умели выживать в тюрьмах и даже считали за особую честь пройти испытания в мученичестве. Это отмечали многие римские авторы. Даже императоров раздражало то, что христиане публично желают умереть за веру, стремятся пострадать, они даже эпатируют, словно бы напрашиваясь на мучения.

В годы, когда святитель Николай находился в застенках, отмечена одна важная традиция в жизни христианских общин Римской империи. Ее можно назвать просто — взаимопомощь и взаимовыручка. Это касалось в первую очередь тюремного заключения. Так как в период гонений христиан тысячами хватили и отправляли в заточение, то с годами в их среде разрабатывались возможности и способы поддержать тех, кто попал в беду. Лукиан Самосатский,

не замеченный в любви к христианам, в труде «О кончине Перегринна» пишет об аресте и помещении в тюрьму своего героя, когда «христиане, считая это несчастьем, пустили все в ход, чтобы его оттуда вырвать. Когда же это оказалось невозможным, то они старались со всяческой заботливостью ухаживать за ним... Дело в том, что когда у христиан случится подобное общественное дело, они проявляют невероятную быстроту действий и прямо-таки ничего не жалуют».

Косвенно о такой взаимопомощи свидетельствует письмо Антиохийского епископа II века Игнатия, адресованное римским христианам. Он написал его, когда попал в тюрьму. В этом послании он просит единоверцев наоборот — не спасать его, как это было принято, не использовать влияние для его освобождения. Епископ считал мученическую кончину шагом к райскому блаженству. «Ибо ни я уже не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога, ни вы — ознаменовать себя лучшим делом, если будете молчать», — заключил Игнатий.

У Евсевия Кесарийского также находим: «Казалось, они не смогут выжить даже при самом тщательном уходе, продолжали жить в тюрьме: без всякой людской заботы, укрепленные от Господа душевно и телесно, они и других уговаривали и утешали».

В «Апостольских постановлениях» прямо говорится: «Итак, не имеющих пищи и одежды питайте и одевайте от праведного труда верующих, и собранные от них, как прежде сказали мы, деньги иждивайте на выкуп святых, на освобождение рабов, пленных, узников, обижаемых, идущих, по приговору тиранов, за имя Христово на единоборство и смерть; ибо Писание говорит: “избавь ведомых на смерть, и искупи убиваемых, не щади”» (Const. Ap. 1).

Помощь христиан друг другу поддерживала тех, кто был слаб духом, тех, кто сдавался и приносил языческие клятвы. Однако опыт показывал, что это не помогало им в конечном итоге спастись. По этому поводу Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» объяснял так: «Отрекшиеся все равно содержались в тюрьме и были тоже пытаемы. Объявившие себя тем, чем они и были, были посажены как христиане и ни в чем другом их не обвиняли, этих же держали как убийц и развратников, и по сравнению с другими наказаны они были вдвойне». То есть лучше уж было сохранять взаимовыручку среди христиан, чем оказаться изгоем и при этом вдвойне наказанным за предательство.

Философ Аполлоний Тианский, по словам автора его жизнеописания Флавия Филострата (создано в III веке), не будучи христианином, произнес: «Мы, люди, заключены в темницу на весь срок, именуемый жизнью, ибо сама душа наша, опутанная узами брэнного тела, хотя и многое сносит, однако же порабощается всем человеческим склонностям».

Но чтобы подвести некоторую черту в высказываниях великих, напомним еще одни слова Тертуллиана, ободряющие тех, кто еще не прошел испытания, подобные тому, что претерпел Николай, епископ Мирликийский в начале IV столетия: «Пусть дух беседует с плотью об их общем спасении, не думая о тяготах тюрьмы, но готовясь к предстоящей борьбе. Плоть, может, и испугается тяжести меча, высоты креста, ярости зверей, казни на костре и палача, искусного в пытках. Но дух должен напомнить себе и плоти, что, хотя это и жестокое испытание, многие со славой выдержали его».

Одним из примеров подвижнической деятельности в заточении можно представить героя уникального рассказа Евсевия Кесарийского. «Из тогдашних мучеников, — пишет бесценный автор «Церковной истории», — особенно был прославлен некий Пеоний: его пространное исповедание, его смелые речи, защита веры перед народом и властями, поучение народу, ласковое обращение с павшими в испытаниях гонения, утешения братьям, которые навешали его в тюрьме».

Скорее всего, такие слова можно было бы сказать и о святителе Николае Чудотворце, который выжил, помогая другим в темнице в течение долгих лет испытаний. Сила духа, вера и традиция христианской взаимопомощи, видимо, помогли ему в этом. Ведь к тому времени епископ-невольник из Мир уже был знаменит и почитаем, совершил множество чудес, пользовался огромным авторитетом среди мирян и, конечно же, среди узников, невольно попавших вместе с ним в одну темницу. Люди получали от него помощь и помогали ему как могли, благодарность их за его святительские подвиги была безмерной. Можно быть уверенным в том, что пастырское попечение и даже церковные службы, включая Евхаристию в темнице, где он обитал, продолжались, пока святитель Николай ее не покинул. И главное — за все время пастырского архиерей-

ского служения в неволе никто не выдал доброго кормчего властям, не указал на него как на нарушителя тюремного режима и императорских эдиктов. Последнее обстоятельство нам кажется не менее важным, нежели все остальные!

Борьба с культом Артемиды Элевтеры

Безумным называется живущий по-язычески.
Василий Великий, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Видя, что сохранилось еще немало языческих храмов, где обитают сонмы демонов, нещадно губящих жителей Мир, святой, горя божественной ревностью, мужественно восстает на них. И, обойдя весь город в поисках капищ, он уничтожил их до основания и обратил в пепел. Так святой прогнал толпы демонов и дал своей пастве вкусить ничем не смущаемого покоя».

Одно из важных деяний епископа Мир Ликийских Николая — борьба с язычеством в его епархии — стало особенной историей. Авторы его Житий рассказывали об этом эмоционально. Почему это так привлекало агиографов? Разве не преодолевали влияние античных религиозных верований и другие христианские пастыри? Разве это не было их прямой обязанностью и необходимой частью проповеднической работы? Разве столкновения с язычеством не происходили на протяжении всех трех столетий после Рождества Христова?

События были по-своему удивительны, а для жителей города того времени просто незабываемыми. Не часто кто-либо из духовных лиц совершал подобное на глазах у людей. Вот как рассказывал о происходившем святитель Дмитрий Ростовский в XVIII столетии:

«В то время еще много оставалось еллинских капищ, к которым нечестивые люди привлекаемы были дьявольским внушением, и многие из Мирских жителей пребывали в погибели. Архиерей Бога Вышнего, одушевленный ревностью Божиею, прошел по всем этим местам, разоряя и обращая в прах идольские капища и очищая свое стадо от скверны дьявольской. Так ратоборствуя с духами злобы, святой Ни-

колай пришел в храм Артемиды, который был очень велик и богато украшен, представляя собою приятное для бесов жилище. Святой Николай разорил сей храм скверны, сровнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху, ополчившись более на бесов, нежели на самый храм. Лукавые духи, не перенося пришествия угодника Божия, испускали скорбные вопли, но, побежденные молитвенным оружием непобедимого воина Христова, святителя Николая, должны были бежать из своего жилища».

Конечно, святитель Николай не был тем, кто начал бороться с языческими культами. Все это было и до него. А он на первый взгляд просто взялся решать эту проблему в своем епархиальном регионе. Однако проблема и итоги ее решения не были обычными. Они были действительно нестандартными. Более того, при пристальном взгляде произошедшие события представляются совершенно уникальными и неповторимыми. И мы объясним — почему.

Однажды религиозный философ XX века Николай Бердяев в своей книге «Смысл истории» заметил, что иногда необходимо почувствовать, что история — это миф. Его фраза, брошенная словно бы вслед античному философу Платону и даже Августину Блаженному с их ощущением исторического «припоминания» прошлого — «история есть миф», — сама же стала хрестоматийной. А из этого, по Бердяеву, вытекает, что древнегреческая мифология — почти реальность, пусть и историческая. И мы должны принять, будто греческие боги существовали, ибо если мы исключаем их из греческой мифологии или истории, то само прошлое рассыпается. Без мифов о божествах оно просто не существует.

По мнению философа, мы почти обязаны представлять себе, что люди жили, соседствуя с богами. Они общались с ними, делились тревогами и радостями, решали свои жизненные проблемы, приносили им жертвы, участвуя в ритуальных трапезах. Наследием этой «полубожественной» жизни стали древнегреческая философия, мифология, архитектура, дошедшая до наших времен и поражающая воображение всех, кто с ней столкнулся или видел своими глазами. Только в сфере архитектуры — пантеоны и храмы, святилища и капища, жилища оракулов и изысканные гробницы, театры и стадионы — все эти особые миры

оказывали жителю греческого Средиземноморья времени святителя Николая Мирликийского. Вся жизнь, во всех ее проявлениях и результатах, была понятна и объяснена, всё налажено и устроено.

И тут появляется христианство... С его единобожием, отказом от кровавых жертвоприношений, с проповедью космической любви, с думами о Царствии Небесном, о вечной жизни после кончины и воскресении мертвых, с верой в Бога Вседержителя, Творца неба и земли, с Благодатью Духа Святого, с молитвами, постом и покаянием, с постоянным ощущением и присутствием образа, указывающего Путь, Истину и Жизнь.

Откуда это пришло? Почему нарушило порядок языческого круглогодичного календаря, поставило под угрозу накопившиеся столетиями традиции? Недопонимание этого язычниками порождало недоверие и враждебность. Конечно, сопротивление древнегреческой идеологии, основанной на своих мифах, по отношению к христианам было упорным и серьезным.

Именно с этим и пришлось столкнуться епископу Николаю в древнем городе. И все это было связано с необычайно развитым в этом полисе и вообще в Ликии культом богини Артемиды (римляне называли ее Дианой). Почитали, конечно же, ее и в других местах, фактически — среди всей античной цивилизации. Но в Мирах Ликийских поклонялись особенной властительнице неба, ее называли — Артемида Элевтера (Eleuthera, иногда пишется как Элевтерия), и построили ей, по словам современников, большой «прекрасный» храм, не похожий на другие. Сюда стекалось в определенные дни великое множество народа. И так продолжалось десятилетиями.

И если первая часть имени богини — Артемида Элевтера — современным читателям хотя бы известна, то вторая вызывает недоумение. А что оно значит?

Именно оно и значит многое.

Разберемся по порядку.

Артемида занимала в древнегреческом пантеоне одно из главных мест. Ее имя, по мнению А. А. Тахо-Годи, написавшей о ней статью в энциклопедии «Мифы народов мира» (которую затем активно перепечатавали другие словари и издания, включая «Православную энциклопедию»), этимологически непонятно. Но «возможные варианты:

“медвежья богиня”, “владычица”, “убийца”...». Столетиями сложилось представление о ней как об олицетворении девственности, женственности, некоей женской силы, которая может соперничать с мужским превосходством. Никогда не стареющая, она прославилась в мифологии как богиня охоты и плодородия, целомудрия и живительной силы. Как считали греки, она помогала в создании семьи и при родах (ее имя призывали во время деторождения). Как не поклоняться той, которая властвует над продолжением жизни на Земле!

Родным отцом ей был сам Зевс, а братом — Аполлон. Более того, она была его сестрой-близнецом. При этом девочка Артемида родилась раньше брата и помогала (!) матери родить Аполлона. Вот откуда мужская удаль и будущее ее покровительство над амазонками — самостоятельными, активными и совершенно независимыми от мужчин женщинами, легенды о которых заполнили литературу европейской цивилизации. Гай Кадоган Ротери в своей книге «Амазонки» (Лондон, 1910) заметил: «Толкователь снов Артемидор усматривает особую святость в некоем типе богини, который он связывает с Артемидой... богиней, названной ликийцами Элевтерой... Напоминает слова из “Царя Эдипа”: “Да метнет и Артемида пламена, что в дланях держит, мчась в горах Ликийских!” Итак, критская Носительница Света вполне может оказаться огненосной Артемидой Ликийской... Элевтера, особое имя, под которым эта Артемида почиталась среди ликийян, может означать Ариадну, которую Овидий называет Либерой».

Каллимах в своем Гимне Артемиде прямо указывает, что она покровительствует амазонкам.

И амазонок народ, возлюбивший брани, у берега,
Подле Эфеса поставил тебе кумир деревянный
В сень священного дуба, и жертвы Гиппо сотворила.
Но остальные плясали вокруг, о, владычица Упис,
Бранную пляску сперва, щитами вращая, а после
Хоровод по кругу вели; пронзительный голос
Им подавала свирель, чтоб в лад они били стопами.

Появление и место Артемиды в иерархии небесных покровителей отметил Гесиод в своем сочинении «Теогония. О происхождении богов». Он пишет: «С Зевсом эгидодержавным в любви и Лето сочеталась. Феба [Аполлона] она родила с Артемидою стрелолюбивой».

Но главное, Артемида — вечная дева, и даже нимфы, ее окружавшие, соблюдали обет безбрачия. Для нас это важный факт, о котором мы поговорим позднее. Однако свадьбы и роды у древних греков без Артемиды не происходили. Ведь она младенцем помогала родить даже своей матери! И в такой момент следовало подносить ей искупительные жертвы. Если не соблюдать данный закон, то можно было узнать мстительность богини. А это считалось крайне опасным. Ведь она могла «мстить» смертями людей, гибелью урожая, нашествием диких зверей, способных уничтожить все на своем пути.

Тут Артемида напоминала различных древних богинь всех времен и народов, которых можно назвать «богини-матери». Они «заведовали» плодородием, сопутствующими деторождению оргиями, слыли чрезвычайно жестокими по отношению к своим врагам и тем, кто им не следовал. А. А. Тахо-Годи напоминает: «Хтоническая необузданность приближает Артемиду к образу Великой матери богов, Рее-Кибеле в Малой Азии, откуда и пришли оргиастические элементы культа, прославляющего богиню плодородия».

Об этом недвусмысленно поведал и великий Гомер в «Илиаде».

Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
В гнев своем, что Иней с плодоносного сада начатков
Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери:
Он не радел, иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба,
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
Купы высоких деревьев опрокинул одно на другое,
Вместе с корнями, вместе с блистательным яблоков цветом.

И тот же Гомер не забыл указать в своей «Одиссее» на вероятность печального исхода при встрече с этой богиней.

Так розоперстая Эос себе избрала Ориона.
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали, пока златотронной и чистою он Артемидой
Нежной стрелою внезапно в Ортигии не был застрелен.

«Нежной стрелою внезапно... застрелен». Звучит весьма странно. Да, греки считали, что женщина, убитая стрелой Артемиды, приняла легкую смерть. Но тут же речь о муж-

чине... Потому и «нежность» убийства становится некоей двусмысленностью...

Еще более красноречиво и последовательно указывал на кровавые культы, связанные с богиней Артемидой, Еврипид в своей знаменитой трагедии «Ифигения в Тавриде». Уже в Прологе он сразу же рисует такую картину: «Храм расположен на морском берегу. Перед средней дверью, ведущей в святилище и закрытой, высокий алтарь Артемиды, с зубчатыми краями. Алтарь замазан кровью, а по его зубцам развешаны остатки вооружения приносимых в жертву эллинов».

В тексте трагедии неоднократно упоминаются Артемиды и кровавые жертвы в ее честь. Приведем лишь некоторые из них.

А вот и старый храм,
Где жрицею я стала Артемиды.
Обряды здесь в усладу ей, себе ж
По имени лишь светлые, я правлю.
Печальный труд...
Но страх уста сковал
Пред дивною. Из старины обычай
Меж таврами ведется и теперь:
Коль эллин здесь появится, богине
Его готовить в жертву я должна...

«Не тайна же, что Артемиде в дар
Гостей мы убиваем». Большинство
Его словам поверило, и тут же
Решили мы явленных изловить
Для алтаря.

Ф. Любкер в «Реальном словаре классических древностей», изданном в Санкт-Петербурге в 1885 году, отмечал: «В древние времена в некоторых местностях... эту богиню умилостивляли человеческими жертвами. Такие жертвы были впоследствии отменены; однако в Спарте долго еще держался обычай в праздник Артемиды у ее алтаря бичевать мальчиков так, что алтарь обгагрался их кровью».

Автор словаря также напоминал, что богиня «никогда не подчинялась силе любви».

Современный исследователь древнегреческих культов Дженнифер Ларсон в книге, вышедшей в Нью-Йорке в 2007 году, пишет: «Кровожадная богиня Артемиды... воплощает многое, что противостоит греческим культурным

идеалам: она — необузданная, могущественная женщина, в большей степени божество дикой природы, чем города, и ее личность включает в себя дикий элемент, который должен быть подавлен в цивилизованном обществе... Рассказывают о варварах на берегах Черного моря, которые приносят в жертву богине незнакомцев». А в другом месте она добавляет: «Происходит странный обряд кровопролития: меч прижимается к горлу человека, чтобы набрать небольшое количество крови, “чтобы богиня получила свои достойные почести” (цитата из Еврипида. — К. К.-С.). Эта практика, возможно, была смягченной формой человеческих жертвоприношений, хотя дополнительных доказательств этому нет».

Кембриджский исследователь культа Артемиды в Древней Греции — Спиридон Рангос замечает, что поклонение данной богине «является наиболее озадачивающим, запутанным... Ее культ был темным, жестоким и, по-видимому, очень древним, с примитивных времен».

Спустя столетия поклонение Артемиде не затухало и продолжалось. В конце концов, можно сказать, что Артемида слыла богиней, связанной с насущными проблемами жизни и смерти. Как писал профессор Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Лопухин в своей статье «Артемида» в первом томе «Православной Богословской энциклопедии» за 1900 год, это была «греческая богиня, которой приписывались то разрушительные, то созидательные силы... Ей посвящен был великолепный храм, внутри которого находилась спадшая будто бы с неба статуя богини, привлекавшая массы суеверных поклонников».

Это о храме в Эфесе. Но не менее значимым был и ее храм в Мирах.

Артемида считалась также покровительницей зверей. Охотница превращалась в охранительницу. Особо важен здесь культ медведя, который связан был с ее именем. Более того, Артемида, по мнению некоторых ее почитателей, вообще когда-то сама была медведицей. А культ медведя — один из древних на нашей планете.

Об этом напоминает храм Артемиды Бравронии (от названия города Браврон) у восточного аттического побережья. Здесь совершался обряд посвящения девочек в «медведицы» для участия в церемонии в честь «звериной богини». Жрицы надевали в ритуальном танце медвежьей шкуры, назывались «медведицами». Это подтверждает Аристофан в своем «Мире», а также в пьесе «Лисистрата», где одна из ге-

роинь вспоминает: «в платье алом, во Бравроне, я медведицей была», то есть принимала участие в этих древних обрядах.

Образ и символ медведя для Европы и Малой Азии, как известно, всегда имел очень важный смысл. Из незапамятных времен ведет свои корни языческое восприятие мира, когда главными божествами для людей являлись дикие звери. А верховным из них был медведь. В мифологии и различных ритуалах медведь выступал как некое божество, культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин нижнего мира. Часто древние люди селились в пещерах, выгоняя из них живших там медведей. До сих пор эти горные лабиринты являются местами, где находят останки сотен тысяч мохнатых хищников, и это подтверждает, что они были массовыми промысловыми животными и главными конкурентами людей в борьбе за выживание. Медведи производили необъяснимое и сильное мистическое впечатление на сознание людей древности, а их пещеры и логова были местом не только проживания, но и поклонения тотемным духам. Отсюда такое широкое распространение получало религиозное поклонение медведю, как прародителю рода.

Постепенно люди освобождались от страха перед миром животных, а в звериных чертах рисуемых ими божеств стали «проступать» образы человеческого лица. Хозяин мира из медведя превращался в животного с рогами и лапами, и он уже напоминал человека. Ему — покровителю охоты — оставляли самую первую добычу. Медведи в реальности, и правда, похожи на людей. Они могут ходить на задних лапах, очень умны и проворны. Считалось, что они частенько воруют жителей деревень, в особенности женщин. У многих народов есть сказания и мифы о родившихся от медведей человекообразных детях, которых находили в лесу.

Так медведица Артемиды превратилась в Артемиду охотницу. Божества словно бы поменялись местами.

Обычно к имени Артемиды добавляли еще одно, указывающее на какое-либо место, где существовал храм ее имени, или особенное почитание, или же связанное с ее деяниями. Таких вторых имен у богини были десятки! Не будем приводить их здесь в полноте. Но даже некоторые из них говорят об уникальности почитания Артемиды в те времена, когда жил святитель Николай Чудотворец.

Итак, Артемида, кроме Бравронии, могла быть Артемидой Агротера («Охотница»), Акрая («Охранительница Акрополей»), Апанхомена («Удавленница»), Гегемона («Водительница»), Ифигения («Могущественная»), Каллиста (был храм Артемиды Каллисты), Кариатида (кариаты были ее жрецами), Кинфия (от горы Кинф), Лимнатис («Болотная» — символ влажности и плодородия растительного божества), Лохия («Родопомощница»), Мелисса («Пчела»), Орфия (по ее алтарю в Спарте), Пайдотрофа («Детокормилица»), Селасфора («Светоносная»), Тавропола (ей приносили жертвы сожжением людей), Ферея (по городу Феры и статуе в Аргосе), Хесийская (звали так на Самосе), Эфопия (так звали у святилища в Митилене).

Были и еще два имени, добавляемые к Артемиде, которые нас как раз и интересуют. Это — Артемида Эфесская (по городу Эфес, находившемуся между Мирами и будущим Константинополем) и Артемида Элевтера («Свободная»), храм которой существовал в Мирах Ликийских.

Культ Артемиды в Эфесе отличался наличием особого храма в ее честь. Тот, кто бывал среди развалин этого античного города, мог видеть воочию там остатки грандиозных сооружений. Здесь почиталось уникальное изображение Артемиды «многогрудой», богини — покровительницы деторождения. Там, как пишет историк XIX века Е. Аничков, цитируя труд Альфреда Мори по истории религий в античной Греции (1857 года), «носили изображение богини в торжественных шествиях и пели ее гимны; некоторые участники этих процессий наряжались и вооруженные толстыми палками предавались смешным и неприличным телодвижениям, которые мы встречаем позднее в подобных процессиях в средние века».

Древнейший храм Артемиды в Эфесе, по преданию, был сожжен еще в 356 году до Рождества Христова тем самым Геростратом, который хотел прославиться этим деянием (что ему и удалось). Затем тут построили еще один храм, да такой, что он вошел в число известных всем со школьной скамьи семи чудес света.

Сохранилось и описание храма в Эфесе, оставленное Антипатром Сидонским (II век до н. э.): «Но лишь увидел я Артемиды чертог, кровлю вознесший до туч, все остальное померкло пред ним; вне пределов Олимпа Солнце не видит нигде равной ему красоты».

В Священном Писании мы находим упоминания об Артемиде и ее храме в Эфесе в то время, когда там был

апостол Павел. Читаем: «Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес (в Синодальном переводе Библии название города пишется так. — К. К.-С.). В то время произошел немалый мятеж против пути Господня...» Действительно, местные жители заподозрили апостола, будто он своими христианскими проповедями может сделать так, что «храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная». Поэтому торговцы-мятежники, успешно продававшие макеты храма Артемиды из серебра и золота и считавшие это своим основным заработком, «исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!» (Деян 19).

И если в Эфес в эти времена стремились для поклонения Артемиде тысячи последователей язычества, то не меньшее число людей устремлялось в город Миры. Там их ожидало другое удивление — храм Элевтеры. Именно с культом этой богини и его преодолением пришлось столкнуться святителю Николаю.

Епископ Мир Ликийских вступил в борьбу с языческими поклонениями именно Артемиде Элевтере. До наших дней на территории Анатолии сохранились остатки так называемых вотивных алтарей (мест, куда приносили дары для поклонения и жертв), некоторые из них принадлежат как раз культу Элевтеры. Эти алтари выглядят по-разному — с тиснением рельефа или просто с надписью. В результате последних исследований выяснено, что рельефные вотивные алтари в основном связаны с культом Артемиды Элевтеры. Ее почитание существовало в Ликии не только в городе Миры. Например, было оно в Лимире (*Worrle M. Artemis und Eleuthera in Limyra*), где было найдено три надписанных алтаря, один из которых был посвящен Артемиде Элевтере, а также рукописное рельефное посвящение от Миры, представляющей Двенадцать богов Ликии. Оказывали почести ей и в других городах.

Однако почитание это происходило все же не так широко, о чем говорит не очень большое количество алтарей и монет с изображением Артемиды Элевтеры. Ее культовый образ, как богини Миры, штамповали на монетах. Она стоит лицом к нам в центре двух или четырех колонных храмов (дистильные или тетрастильные храмы) со ступенями впереди, в длинных, почти жреческих одеяниях, с различными

предметами вокруг нее или в ее руках. Таковой она встречается на монетах в разное время в связи с Ликией. Известны также и монеты с надписью — Миры.

Итак, с одной стороны, эта богиня в современной литературе считается объектом культа, центром которого являлись Миры. Но при этом, с другой стороны, часто утверждается, что язычники скорее поклонялись богине-матери всей Ликии, прототипом или наследницей которой и была Элевтера, а затем и Артемида Элевтера.

Ф. Любкер в «Реальном словаре классических древностей» пишет: «Артемида была первоначально азиатским стихийным божеством: оно было отождествлено с греческой Артемидой потому, что и за ним признавали силу, питающую все живущее».

Историк XIX века Е. В. Аничков, изучая деятельность святителя Николая, пишет: «Кульτ всех этих богинь сосредоточивался именно в южной части Малой Азии. Матеръ богов была божество Фригийскаго происхождения. Кроме Пергийской Артемиды по всему южному побережью Малой Азии было распространено поклонение “нескольким другим Артемидам, напоминающим в разной степени Эфесскую”. В той же местности осталось немало воспоминаний и о Кюбелэ и Анаитис».

Один из исследователей (L. Robert) уже давно считал, что надо выяснить подробнее отношения между Артемидой и Элевтерой, особенно в Мирах. Ибо здесь они не могут быть отождествлены. Более того, признанный исследователь данной темы Э. Кирстен в своем труде «Артемида Эфесская и Элевтера Мирская, с оглядкой на св. Николая...» пишет: «Роберт отрицает, что в Ликии это божество когда-либо называлось Артемида, то есть Артемида Элевтера. Возможно, это связано с открытием алтаря в самой Мире, поскольку адресатом посвящения, помещенного на этом алтаре, является, насколько позволяет понять надпись, Артемида, но не Элевтера... Однако Артемида упоминается в Мирах уже во II веке... И в жизнеописаниях епископа Николая, которые восходят к VI веку. Но в них храм Артемиды в Мирах уже не менее известен, чем тот, что связан с Элевтерой».

То есть — либо Артемида, либо Элевтера... Многие ученые считают, что точка зрения Л. Роберта не является правильной. Но нам важно понять — почему святителю Николаю довелось столь активно сражаться с данным наследием античного прошлого.

Что же произошло с храмом и почитанием Артемиды Элевтеры в Мирах, когда святитель Николай начал борьбу с этим культом? Не будем повторяться на тему — какое зло могли приносить сами обряды, включая человеческие жертвы (хотя свидетельств о том, что подобное случалось в городе Миры в то время, у нас нет).

Епископ тогда предпринял следующие действия.

По Метафрасту:

«Святого, воинствующего против злых духов, посещает некое вдохновение свыше, и божественный промысл велит ему не оставить нетронутым капища Артемиды, но обратиться против него и, подобно прочим, уничтожить. Капище это, чудное своей красотой и величиной превосходящее остальные, было любимым прибежищем демонов. Потому-то святого охватила великая ненависть к тому капищу, и он смело восстал и разрушил не только все, что возвышалось над землей, но и стер его до самого основания: части, находящиеся высоко над землей, он обрушил, те же, что располагались ниже или под землей, рассеял по воздуху. Злые демоны дрогнули при приближении святого и, испуская вопль, бежали, жалуясь, что он их жестоко теснит и они принуждены покинуть свое убежище. Так святой сражался с демонами, и война эта с ними кончилась победой».

А вот как это выглядит в изложении историков XIX века А. Вознесенского и Ф. Гусева, в их Житии Николая Чудотворца, где они раскрывают историю по-своему, называя, правда, Артемиду — Афродитой (хотя их отождествляли и в Древней Греции, ведь многие события из жизни этих богинь просто совпадали или повторялись):

«Святитель Николай прежде всего не мог смотреть равнодушно на то, как многие жители Ликийской области погибали в нечестивом служении идолам. В Ликии тогда еще оставались языческие капища, привлекавшие многочисленных поклонников. Особенным почитанием пользовалась богиня Афродита, бесстыдное поклонение которой было повсеместным в Малой Азии. Богатый храм ее красовался в самых Мирах; служившие при храме жрицы отличались развратом, которому предавались открыто и на который соблазняли приходивших на поклонение богине язычников. Конечно, с самого начала своего архипастырства святитель Николай возмущался этим непотребным местом, много препятствовавшим успешному распространению христианства, и старался уничтожить его. Но во время гонения Диоклетиана и следовавших за ним языческих

императоров, которые старались восстановить язычество и подавить христианство, конечно, не могло быть и речи об уничтожении богопротивного капища...

И вот святитель Николай, пользуясь благочестивым позволением императора, разрушил все языческие капища в своей стране, в том числе и храм Афродиты, самое основание его разметав по ветру. Разрушение капищ вразумляло язычников и привлекало их в лоно истинной Христовой Церкви... Но враг рода человеческого, с разрушением многочисленных языческих капищ в царствование Константина Великого лишившись господства над суеверной языческой массой, не прекратил злокозненных нападений на Церковь Христову. Он посеял в ней плевелы ересей, которые скоро возросли и стали поселять в ней несогласия и раздоры. Многие из современников святителя Николая, предавшись умствованиям, сделали виновниками ересей, долгое время раздиравших Церковь Христову. Но эти шатания ума превратного... были совершенно чужды богопросвещенному пастырю Мирликийской Церкви».

Авторы этого жизнеописания пытаются датировать события по разрушению храма Артемиды в Мирах. Они относят их ко времени уже после 313 года, когда у власти укрепился император Константин Великий.

История имела продолжение. Артемиды (или просто Элевтера) решила отомстить ненавистному святителю, посягнувшему на ее власть. Из разных источников, нескольких житий мы узнаем об одном любопытном событии, которое произошло намного позднее, после кончины Чудотворца. То было первое посмертное чудо епископа Мир Николая. Нечто опасное должно было погубить его гробницу или центр почитания, возможно, находившийся на месте старого святилища. Но этого не произошло по чудесному вмешательству самого святителя.

Злая богиня (или, возможно, ее почитатели), находясь в изгнании уже давно и где-то далеко от своего бывшего святилища, буквально изготовила некую зажигательную бомбу (закупоренный сосуд с горючей жидкостью). Ее целью была попытка доставить заряд с моряками непосредственно в город Миры, в христианский храм (видимо, автор в данном случае сирийского источника считал, что таковой храм, в том или ином виде, уже здесь существовал), чтобы затем устроить грандиозный пожар. Так даже сам город мог

исчезнуть, повторив насильственное исчезновение храма Элевтеры. Мечь была бы осуществлена.

Профессор Е. Аничков, живший в XIX столетии и написавший несколько важных трудов о святителе Николае Мирликийском, привел текст из сирийского источника — Жития святого, датированный им «около X века», который уже тогда хранился в Британском музее в Лондоне. Здесь мы находим новый и весьма интересный поворот в повествовании о разрушении храма Артемиды Элевтеры. «Еще же святой Николай, — читаем мы, — изгнал и выслал из Ликии именем Господа нашего Иисуса Христа Артемису, которую язычники называют матерью богов. И было, когда она была изгнана святым, то пошла и изготовила чародейное масло, чтобы сжечь город Миры и церковь его. Она уподобилась женщине христианке и нашла людей на море, хотевших отправиться в Миры и поклониться святому Николаю, и сказала им: “Прошу вас взять это масло с собою и помазать им святую церковь в Мирах, и вспомнить меня там”. Они взяли от нее это масло в ее сосуде, не зная коварства, которое в нем. И когда они шли морем, явился им святой Николай в небольшом судне и сказал им: “Братья мои, что сказала вам та женщина обманщица?” Они сообщили и показали ему сосуд, в котором было то масло. И он сказал им: “Не слушайте голоса ее, так как это Артемиса обманщица, которая сбивает людей с истины. А теперь бросьте сосуд, в котором масло, в море и посмотрите, что с ним будет”. Когда они бросили его, то сделался жестокий огонь и побежал по поверхности воды на 15 миль пути. Увидев, они изумились и восхвалили Бога. И было, когда они прибыли в город Миры, то пошли к святому Николаю и получили от него благословение, и сказали ему: “Поистине это ты явился в море, о блаженный отец наш, и сотворил великое чудо”. И они рассказали ему все, что было. И помолился о них подвижник и благословил их, и они пошли от него, восхваляя Бога».

Источником для Аничкова мог бы стать и Метафраст, ибо он также описал эти детективные события, и с не меньшими пафосом и подробностями. Вот что он рассказал:

«Неких мужей, живущих на расстоянии многих дней пути от Ликии, охватывает великое желание посетить могилу святого, чтобы взять от мирра и причаститься благодати. Нагрузив корабль съестными припасами, они собрались плыть в Ликию. Но злой демон, некогда обитавший в капилле Артемиды, которого преславный Николай, разрушив

храм до основания, изгнал оттуда вместе с другими демонами... принял обличье женщины с сосудом елея, который, по ее словам, она собиралась принести на могилу святого, но ее-де страшило долгое плавание. “Нельзя, — говорила она, — женщине пуститься в далекое плавание по открытому морю. Поэтому прошу вас доставить этот кувшин на могилу святого и налить елею в стоящий там светильник”. Так говорил злой демон и так просил, отдавая тот кувшин в руки боголюбивых странников. А заключалась в нем злая сила, достойная того, кто дал елей. Долгими просьбами женщина уговаривает их согласиться, и они берут кувшин. По свершении первого дня пути — и это чудо, о верный слуга Господень и надежный заступник в опасности, сотворил ты, — представ во сне одному из странников, Николай велит бросить кувшин в море. Встав на рассвете, эти мужи сделали так и бросили сосуд с елеем в море. И тотчас высоко в небо поднялось пламя, показался зловонный дым, а воды расступились и, вскипев из глубины, громко взревели и обратились в огненные струи. Корабль, подхваченный таким водоворотом, начал тонуть, и плывшие на нем, уstraшенные невиданной опасностью, смотрели друг на друга с отчаянием и ужасом и были в совершенном смятении. Но тот, кто, находясь вдали, заботился об их спасении и повелел выбросить кувшин в море, предстал тогда странникам и чудесно избавил их от страшной беды и опасности».

История о том, как Элевтера пыталась в виде мести сжечь христианский храм в Мирах, по сути, — кафедральный собор города и епархии, напоминает мифы Древней Греции. Она настолько же исторична, насколько можно поверить в реальность существования самой богини. Однако и такие истории встают в один ряд с теми, которые можно подтвердить историческими документами, включая рукописи, книги, архитектурные объекты или археологические артефакты.

Существование капища Элевтеры или посвященного ей храма в Мирах изучается и косвенно подтверждается благодаря трудам различных ученых. Однако не всегда так, как бы хотелось. То есть открываются уникальные страницы истории, показывающие символичность и загадочность некоторых аспектов бытия того времени.

Одним из примеров такой мистической запутанности является осознание того, что в Мирах Ликийских мог быть

вовсе не храм Артемиды Элевтеры. Точнее сказать — там вообще не было храма. А существовало древнее капище, на месте которого росло старое дерево (кипарис), которому, собственно, язычники и поклонялись.

Но могло быть все по-другому. Когда-то первоначально ликийцы (малоазиаты) построили здесь капище для поклонения богине-матери, где сажали священное дерево, которое росло столетиями. Затем на этом месте, может быть, даже и возвели храм этой неизвестной нам богини. А уже греки назвали ее Элевтерой (слово это греческое, хотя имеет старые корни), позднее совместив ее со своей богиней Артемидой. И именно греки построили тут позже свой античный храм Артемиды Элевтеры.

Не случайно А. А. Тахо-Годи напоминает, что «в Троянской войне она вместе с Аполлоном воюет на стороне троянцев, что указывает на малоазийское происхождение богини». Да, Троя, стоявшая на пути из Ликии на север, в сторону будущих столиц Римской империи, была под защитой Артемиды, напоминая о своем возможном «происхождении» не из классической Греции.

Вспомним «Илиаду» Гомера еще раз, когда речь идет о Троянской войне.

Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
В гневе своем, что Иней с плодоносного сада начатков
Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери.

Версий много, но они не случайны.

Некоторые считают, что храм Артемиды Элевтеры был построен в Мирах во II веке от Рождества Христова. Причем даже называется имя вкладчика-строителя. Это известный в исторической науке греческий эвергет (меценат и благотворитель) — Опрамоас (Опрамой). Он был очень богатым и знатным человеком. Очень удачно назвала его «гражданским благодетелем» Кристина Коккиния — автор статьи «Opramoas» в «Энциклопедии Древней Истории» (Чичестер, 2013).

Два слова об эвергетах и эвергетизме. Прямой смысл этих понятий переводится приблизительно так: «свершение добрых дел». То была особенная традиция. Высокопоставленные и состоятельные люди старались распределять часть богатств в общественной жизни в пользу менее имущих. Иногда этот феномен называют «эллинистическая ще-

дрость». В эту щедрость, правда, входили в первую очередь общественные развлечения — театры, городские удобства, частные банкеты, бани, библиотеки, гимназии и рынки. Как правило, оставлялись надписи на камне рядом с появившимися объектами с приблизительно такой подписью: «*de sua resupnia fecit*» («сделано на его собственные деньги»).

Во всяком случае, мы можем сегодня сказать, что подобного рода деятельность имела три важнейших направления, связанных с разной мотивацией. Можно разделить ее на филантропическую или меценатскую (поддержка талантов, финансирование театра, гимназий), собственно благотворительную (помощь немощным, больным, нуждающимся, обремененным) и милосердие (оказание помощи раненым воинам и населению, особенно в периоды войн или стихийных бедствий).

В III столетии, когда жил святитель Николай, эллинистический эвергетизм медленно угасал. А ему на смену приходили христианская добродетель и милосердие. Вот почему мы несколько подробнее остановились на рассказе о деятельности меценатов. Она будет связана с трансформацией самой традиции не только в период жизни святителя Николая, но и в содержании житийных текстов о нем.

Магнат Опрамоас родился и жил в ликийском городе Родиополис во II веке нашей эры, не так далеко от Мир. Кстати, именно в Родиополисе служил еще один епископ Николай. Но это было позднее, ибо он присутствовал в 518 году на Константинопольском соборе.

Среди прочих заслуженных Опрамоасом важных и почитаемых должностей и регалий выделим две. Он стал гимнасиархом в своем родном городе (покровитель образования и воспитания), а также агонифетом в Мирах и Патаре (почетный судья или распорядитель во время народных праздников, игр и иных зрелищ объявлявший победу и награждавший победителей, а также считавшийся беспристрастным и неподкупным человеком).

Опрамоас стремился оставить после себя как можно больше надписей на камнях о своих достижениях в делах добра. «The Oxford Classical Dictionary» поясняет, что имя его «в Ликии известно по огромной надписи, выгравированной на его храмовой могиле». Впрочем, так поступали тогда почти все греки, у которых для этого было достаточно денег. У Опрамоаса они были.

И еще один фактор способствовал его известности в наше время. Это обычное везение. Многие камни мецената с

надписями в разных городах Ликии чудом сохранились и донесли до нас поток бесценной информации. В большей степени его обширные тексты находятся на стенах его мавзолея в Родиаполисе (руины Херуна), рядом с городским театром (мы уже упомянули его как «храмовую могилу»). Почетное надгробие было найдено британскими исследователями Т. Спраттом и Э. Форбсом в 1842 году. Ценность греческого текста на стенах уникальна. Здесь помещены рассказы о связях между ликийскими городами, о их отношениях с римской администрацией, даже письма, адресованные Ликийскому союзу императором Антонином Пием. Правитель империи Пий был весьма религиозным человеком, он не преследовал христиан, но при этом стремился возродить старые античные культы. Однако, как считают исследователи его жизни, в его время все большее количество людей обращалось почему-то к культам Великой Матери и Митры, не имеющим прямого отношения к богам Античности. Не по этой ли причине так активно восстанавливал языческие храмы сам Опрамоас — современник Пия, знавший его лично?

Кроме прочих, сохранились надписи на камне, оставленные Опрамоасом непосредственно в городе Миры. Однако из многочисленных текстов Эвергета в мавзолее Херун Родиаполиса мы как раз узнаем важный факт, связанный с храмом Артемиды Элевтеры. Вот он:

«В городе Миры, разрушенном землетрясением, он воздвиг святилище Элевтеры, самое прекрасное и большое в Ликии, а также устроил празднество и игры в честь богини и самодержца».

Данный текст, ссылаясь на книгу Рудольфа Хебердея о надписях Опрамоаса, изданную в 1897 году в Вене, приводят в ссылках авторы «Жития святителя Николая в новом изложении» — А. В. Бугаевский и архимандрит Владимир (Зорин). В статье о святителе Николае в «Православной энциклопедии» А. В. Бугаевский и А. Ю. Виноградов подтверждают: «После победы императора Константина над Лицинием в 324 г. Николай разрушил до основания святилище Артемиды в Мирах, построенное в сер. II в. ликийским меценатом Опрамоасом». Однако в книге Хебердея текст оригинала на древнем камне был переведен когда-то, на заре XX века, слишком прямолинейно.

Р. Хебердей (R. Heberdey; 1864—1936) был сотрудником Комиссии по археологическому изучению Малой Азии в Императорской (Австрийской) академии наук. Он извест-

ный археолог и филолог, который изучил многие записи на камнях в Ликии еще на рубеже XIX—XX столетий. Но вопреки приведенному переводу цитаты из его труда можно сказать, что Опрамоас не «воздвиг» храм Артемиды в Мирах, а «восстановил» его. Сам культ богини был настолько укоренен в повседневности живших здесь ликийцев, а самой данной традиции было уже столько столетий, что вряд ли он мог начаться только после того, как некий богатый, пусть даже и уважаемый человек построил тут храм Элевтеры только во II веке. Опрамоас после землетрясения 140—141 годов в той или иной форме «восстановил святилище» (а такая формулировка произошедшего нам представляется наиболее приближенной к реальности, то есть не храм, а святилище; можно принять лишь как версию факт создания некоего нового храма на месте древнего, уже существовавшего капища). То, что святилище по тексту выглядело как «самое прекрасное и большое в Ликии», не означает, что оно не было таковым и ранее, до восстановления.

Опрамоас и еще один меценат, которого принято называть «Аноним» (имя его пока неизвестно, но в текстах в числе жертвователей и благоустроителей он присутствует), помогли после землетрясения многим ликийским городам. Но более всего — Мирам. В общей сложности лично Опрамоас потратил на восстановление города огромное состояние — больше 100 тысяч денариев. Объектами восстановления стали театр, спортивная арена-гимназия (возможно, с крытыми постройками для тренировок), статуя (непонятно чья), росписи. Особой статьей расходов оказалась агонотезия — организация и оплата им публичных состязаний. Примечательно, что слово «агонотезия» было тесно связано с понятием «элевтерия». Игры проводились по поводу побед и свободы от кого-то или чего-то. Не случайно в надписи Опрамоаса о помощи Мирам указаны игры-элевтерии, которые также могли быть «самыми прекрасными и большими в Ликии». Игры, а не святилище! Но это лишь ассоциативное предположение для правильного смыслового понимания и перевода данного текста, высеченного по указу мецената на камне.

Известно, что Опрамоас, кроме вышеупомянутых «светских» объектов, самые большие средства вложил в восстановление святилищ — в Ксанфе и в Мирах. Он также помог в возрождении из руин храма Аполлона в Патаре, но в гораздо меньшей степени. Храм в Ксанфе — Летоон — был посвящен богине Лето и ее детям — Аполлону и

Артемиде. Более того, в Ксанфе было еще и отдельное святилище — храм Артемиды. Вот до какой степени в Ликии почитали эту богиню. Летоон располагался в четырех километрах от города и был обнаружен археологами в 1960-х годах. Римский историк Аппиан рассказывал, как во время войны понтийцев и римлян царь Митридат VI решил вырубить деревья священной рощи храма, когда осаждал город Патара (88 год до Рождества Христова). Но увидел сон, который его предостерегал от этого поступка. И он испугался.

Эта история со священными деревьями в родном для епископа городе Патара дает нам еще один повод для размышлений на тему Элевтеры, ее святилища в Мирах Ликийских и его разрушения святителем Николаем Чудотворцем. Традиция священных рощ или деревьев, по-видимому, в Ликии была довольно крепкой и стойкой.

Заметим, что некоторые исследователи, Дж. Колтон (J. Coulton), например, в Оксфордском научном журнале неожиданно называет святилище Элевтеры в Мирах как «Святилище Мира» («Sanctuary of Peace»). По-русски здесь название храма повторяет название города, но это не так, ибо понятно, какой мир имеется в виду. Случайно ли это? Хотелось бы получить ответ и на этот вопрос.

Работы по восстановлению Мир и святилища Элевтеры шли долго, в промежутке между 142 и 149 годами. Отстроив кроме храма также общественные и другие строения, Опрамоас фактически возродил жизнь города. Без его затрат и трудов мы могли бы никогда не узнать такого подвижника, как святитель Николай. Ибо, возможно, не было бы ни города Миры, ни его великих обитателей...

Но Опрамоас не был основателем традиции почитания Элевтеры или Артемиды Элевтеры. Он лишь стал человеком, поддержавшим и возродившим эту традицию. Настолько, насколько это может сделать меценат, обладающий для этого большими денежными средствами. А о древности существования культа Элевтеры в Ликии говорит, например, такой факт. На одном из саркофагов I столетия до Рождества Христова была найдена надпись, предостерегающая грабителей. В тексте предусматривался штраф в пользу богини Элевтеры за нарушение целостности гробницы (R. M. Harrison).

Можно добавить к этому еще и факт существования монет, которые датируются I веком до нашей эры, на которых обозначена принадлежность городу Миры и изображен

крупно бюст Элевтеры — в виде пышногрудой женщины, взирающей прямо на обладателя денежного раритета. На голове ее мы видим высокий головной убор — полос. Примечательно, что уже с тех времен Элевтера изображалась покрытой одеянием (при изображении в полный рост — с головы до земли), напоминающим жрецское.

Тут еще раз задумаешься над тем, что писал исследователь Л. Роберт (L. Robert), который считал, что в Мирах Ликийских существовало именно святилище Элевтеры, независимо от Артемиды. Именно его и разрушал епископ Николай. Да и Э. Кирстен, критикуя Роберта в тексте статьи «Артемиды Эфесская и Элевтера Мирская», еще раз указывает на «неназванное, но связанное с Элевтерой святилище в надписи у Опрамоаса». Ведь Опрамоас упоминает святилище Элевтеры, а не Артемиды. Слова «Артемиды» в его надписи на камне вообще нет! Случайно ли? Намеренно ли? Остается только догадываться.

Память о деятельности Опрамоаса настолько укоренилась в сознании жителей прибрежных Мир, что потом она трансформировалась здесь в почитание благотворительных заслуг, которые словно бы повторил спустя полтора столетия святитель Николай, правда уже на христианской почве. Но об этом чуть ниже.

Итак, мы переводим с греческого на русский имя Элевтера (Элевтерия) как «Свободная», иногда говорят и так — «Освободительница» или «Избавительница». Но все же буквально правильнее перевести его не просто как «Свободная», а как «Олицетворение Свободы». О какой свободе идет речь? Внешней — от врагов, от жестоких хозяев-работладельцев, от природных стихий? Или же внутренней — о свободе веры, о независимости от чужих культов? Гражданские свободы тоже могли входить в этот список.

В таком случае имя богини было символичным, оно могло объединять все эти понятия. Отсюда такая популярность Элевтеры среди жителей Малой Азии, ибо она могла способствовать свободе от всех зол, окружающих страну и особенно город, выбравший ее своей покровительницей.

Храм, или святилище, такой богини словно бы защищал жителей полиса от всех напастей. А жертвоприношения в нем — как считалось — помогали избежать того, что в человеческом понимании является несвободой, — ограничения прав, рабства, заключения в темнице, любых наси-

лий и прочих неприятностей, окружавших жителей со всех сторон света.

В Древней Греции, и даже во времена святителя Николая, в поздней Античности, проводились грандиозные праздники, которые так и назывались — Элевтерии. Связаны ли они были с богами? И да, и нет. Элевтерии представляли собой фестивали, куда стекалось много разношерстной публики. Их проводили и организовывали в городах. Само слово «Свобода» становилось смыслом такого праздника. Элевтерию могли устроить, например, рабы, которые по каким-то причинам получили освобождение. Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в начале XX века так и освещал тему: «Элевтерией назывался также ежегодный праздник отпущения на свободу рабов».

Все-таки важно — что понималось под словом «святилище» в Мире. То ли храм в античном (или ином) стиле, то ли некое сакраментальное место для поклонения. Мы не случайно возвращаемся к выяснению этого вопроса. Нам нужно понять — что же именно разрушил святитель Николай и что было таким оплотом местного язычества.

Предположим, что это был храм. То есть — прочное каменное строение в Мирах или вблизи от города. Такое изображение мы видим на монетах III века от Рождества Христова, то есть времени, когда жил Николай Чудотворец. Мы видим дистолический храм, с двумя колоннами и портиком, скорее всего символический, ибо по величине он явно не соответствует описаниям как «большой». Посередине храма изображена сама богиня в длинных одеждах.

Можно сделать предположение, что типичный античный храм содержал в себе статую богини. Она располагалась внутри, а может — в алтарной части или рядом со входом. Возможно, статуя была крупной. И если предположить реалистическую картину (сообразно с изображениями на монетах), то статуя была величиной с колонну портика, то есть от пола и почти до потолка.

В любом случае мы тут имеем картину того, что жители Миры поклонялись статуе богини и совершали обряды перед ней в храме ее имени.

А вот теперь вопрос. О какой богине идет речь? Нумизматы, изучающие древние монеты, считают априори, что изображена Артемида. Но надписи на монетах этого не

подтверждают. Там нет никакого имени. Есть только слово «Миры», то есть — название города.

Могла ли это быть не Артемида, а Элевтера, если на других, более древних монетах I века до Рождества Христова все-таки была надпись — «Элевтера» под изображениями богини (хотя это и не были монеты Мир Ликийских)? Конечно, могла. Хотя легче всего здесь остановиться на компромиссе и сказать — это Артемида Элевтера. И все вопросы сняты...

А теперь предположим, что святилищем являлся не храм, а некое священное место, центр для поклонения, то, что мы уже не раз назвали словом «капище». Обратимся вновь к монетам того времени. И, что удивительно, мы и тут находим подтверждение своим предположениям. На монетах того же III века, выпущенных при императоре Гордиане III с текстом «Мира», изображается богиня, явно не соответствующая Артемиде, а скорее — тем самым малоазиатским богиням-матерям, прародительницам всего и вся на планете. Ибо мы видим гигантское священное дерево, на вершине которого среди густых ветвей буквально сидит (живет, обитает) некая богиня. И это, скорее всего, именно Элевтера, так как Артемида в таком виде, как правило, не изображалась.

А почему тогда мы имеем два типа изображения Мирской богини на монетах? По всей видимости, потому, что сами жители так и не определились окончательно — кто покровительствует городу. Вернее, они знали, что в Мирах находится святилище уникальной, единственной и неповторимой богини Элевтеры. Но они же всегда старались заменить ее на богиню Артемиду. И так как окончательно эта замена так и не произошла, появилось «двойное» поклонение, которое и отразилось в изображениях на монетах.

Самое интересное здесь — изображение богини на дереве. Вокруг нее находятся четыре персонажа. Два из них — это змеи, охраняющие дерево от тех, кто хочет его срубить, чтобы предотвратить любые поползновения врагов богини на такой поступок (видимо, такие покушения совершались неоднократно). Другие два персонажа — как раз те, кто с топорами в руках пытается уничтожить священное дерево.

По всей видимости, подобные тенденции происходили столетиями. Священное дерево охранялось, а какие-то враги пытались его уничтожить. Кто эти враги? Сами греки, которые пытались заменить Элевтеру на Артемиду? Или еще кое-кто, например, малочисленные тогда христиане,

которые вообще были против языческих культов? Можно сказать, что оба ответа нельзя отрицать как несуществующие.

Что ж в таком случае предполагал сделать и совершил святитель Николай? Он, как пишется в житиях, буквально разрушил каменный храм, до основания, полностью, стер его с лица земли? А может, он и не разрушал храма, а просто, преодолев заклятия богини, срубил старинное священное дерево язычников? С кем боролся Николай Чудотворец, с Артемидой или с Элевтерой? Или же с Артемидой Элевтерой? Последний вариант, хотя и самый удобный для объяснения, не вяжется с вышеупомянутыми изображениями на монетах. Ибо на них нет картинки одновременно храма и дерева со змеиной охраной вокруг него.

Скорее всего, речь идет именно о богине Элевтере. Ибо храмов Артемиды в Ликии и в римском мире вообще были десятки, если не сотни. Уничтожить их в те времена было делом весьма странным. Всех не разрушишь. А вот уникального, по-своему неповторимого, очень редкого святилища Элевтеры не было почти нигде, кроме Мир Ликийских. И это был особенный оплот языческого культа. И именно против него начал свою войну епископ Николай.

Итак, под словами «разорил сей храм скверны... разметал по воздуху» можно подразумевать более простые и земные вещи. Святитель Николай в определенный момент явился туда, где было святилище, срубил дерево, быть может, сжег его, не оставив на данном месте даже следа языческого капища. Как писал Дмитрий Ростовский, святитель предпринял свои действия, «ополчившись более на бесов, нежели на самый храм».

Симеон Метафраст в X столетии не упоминает храма как здания, называя место, где проявил себя святитель Николай, только «капищем»: «Святого, воинствующего против злых духов, посещает некое вдохновение свыше, и божественный промысл велит ему не оставить нетронутым капища Артемиды, но обратиться против него и, подобно прочим, уничтожить. Капище это, чудное своей красотой и величиной превосходящее остальные, было любимым прибежищем демонов. Потому-то святого охватила великая ненависть к тому капищу, и он смело восстал и разрушил не только все, что возвышалось над землей, но и стер его до самого основания: части, находящиеся высоко над землей,

он обрушил, те же, что располагались ниже или под землей, рассеял по воздуху. Злые демоны дрогнули при приближении святого и, испуская вопль, бежали, жалуясь, что он их жестоко теснит и они принуждены покинуть свое убежище. Так святой сражался с демонами, и война эта с ними кончилась победой».

На месте старого святилища мог быть затем воздвигнут христианский храм. Для доказательств этого работают и археологи, предлагая различные варианты его местонахождения. Но оно пока не известно. Однако можно быть уверенным, что такое строительство здесь производилось, ибо известно, что до начала IV столетия христианам было трудно возводить храмы, они собирались для молитв в частных домах, на открытом воздухе или в скрытых местах, вроде катакомб. Будучи последователями «недозволенной религии» (*religio illicita*), христиане на богослужении могли быть обвинены как участники «незаконного собрания» (*collegia illicita*). По источникам мы видим, что активное строительство храмов христиане начали совершать в правление Константина. А значит — действия святителя Николая были сообразны духу времени.

Здесь уместно привести пример, связанный с матерью императора Константина Великого — Еленой. Церковный историк Сократ Схоластик писал: «Мать царя Елена... отправилась в Иерусалим. Она начала ревностно искать гробницу, где Христос был погребен и воскрес и, хотя с трудом, однако, при помощи Божией, отыскала. А какая была причина затруднения, скажу кратко. Мудрствующие о Христовом чтили эту гробницу со времени страстей; а убегающие от Христа зарыли то место и, построив на нем капище Афродиты, поставили идола, чтобы истребить самую память о месте. В древности все это им удалось. Но матери царя дело стало известно. Сняв идола, откопав и очистив место, она нашла в гробнице три креста».

Не забудем и о том, что поговаривали, будто позднее, при императоре Юстиниане, в Константинополе именно руины храма Артемиды использовались для возведения храма Святой Софии.

И все-таки — как же могло происходить разрушение святилища Элевтеры? Ведь вряд ли можно представить себе картину, как епископ города Миры подходит к храму (если иметь в виду, что святилище все-таки было храмом), бе-

рет какой-то тяжелый инструмент, вроде молота, и начинает методично бить по стенам. Может быть, конечно, вместе с ним было еще много людей, которые рушили стены, низвергали статуи, разбивали большие камни. И сколько было людей? Ведь на стороне язычников тогда находилось разве что не подавляющее большинство жителей города. Они могли сопротивляться. Многовековой культ, которому они доверяли, святилище, которому они и их предки поклонялись, на их глазах разрушали. И они вряд ли допускали такое. Легко представить себе даже схватки, бои во время событий. Стенка на стенку — разрушители и обороняющие. Массовые демонстрации или собрания, физическое насилие и прочие действия толпы...

Так ли это все было?

Или святитель Николай, вооружившись пилой и топором, самолично пошел рубить священное дерево Элевтеры? И никто даже не сопротивлялся? Никто не поспешил предотвратить разрушение, защитить свое верование?

А где же были жрецы? Где были служители и охранники, языческая паства? Разве они стояли в стороне и наблюдали?

Когда пытаешься представить себе это, то понимаешь, что рассказ о разрушении святилища Артемиды Элевтеры в житиях — это лишь символическое изображение того, что было на самом деле. События могли происходить не в один-два дня, а довольно протяженное время. Месяцы или годы.

Одно можно допустить наверняка. Разрушение святилища Элевтеры в Мирах Ликийских могло состояться только после завершения гонений на христиан и после воцарения и утверждения в силе императора Константина Великого. До этого язычество обладало безраздельной властью. Ничего подобного, кроме словесного обличения, святитель Николай сделать бы не мог. Этого бы просто не допустили отцы-руководители города.

Значит, деяние епископа Николая действительно произошло после 313 года, после освобождения святителя из тюремных застенков, и было связано с политикой императора, которую Константин затем сформулировал в своем «Поучении» (иногда его называют «Поучением об идолопоклонническом заблуждении»), документе, где определялись отношения власти с язычеством. Он был разослан по его указу всем архонтам Восточной Церкви. Император, таким образом, признал античные и прочие языческие капища заблуждением.

Отдельное «Поучение» Константин Великий отослал современнику святителя Николая — историку Евсевию Кесарийскому, где, рассуждая об одном из важных для христиан священных мест, сформулировал следующее: «Место, носящее имя Маврийского дуба, где, как известно, жил Авраам, всячески бесчестится нечестивыми, что при этом дереве поставлены достойные совершенного истребления идолы, что вблизи него устроен жертвенник, на котором постоянно приносятся нечистые жертвы. Так как все это несообразно ни с настоящим нашим царствованием, ни со святостью упомянутого места, то я считаю нужным известить вашу честность, что мы грамотой объявили... чтобы и идолы, сколько их найдется на упомянутом месте, были немедленно преданы огню, и жертвенник был разрушен до основания, и чтобы все, кто после нашего повеления дерзнет совершить там какое-либо нечестие, приговаривались бы к казни».

Евсевий Кесарийский в своем труде «О жизни Константина» так описал изменения в сознании людей того времени в сторону притяжения христианства: «Прежние суеверные люди, увидев собственными очами обличение своего заблуждения и на самом деле узрев пустоту бывших повсюду храмов и идолов, либо обращались к спасительному учению, либо, и не делая этого, стали презирать суетность своих предков, смеяться и насмехаться над древними богами, которых они признавали раньше. Да и как было им думать иначе, видя величайшую мерзость, скрывавшуюся под внешним образом идолов?.. Открыт был свободный вход во всякую мрачную пещеру и во всякое тайное убежище, места неприкосновенные и недоступные, самые внутренние части храмов исхожены воинами».

Именно в этот момент, после получения от императора косвенного разрешения на активные действия, началось некоторое наступление на язычников и в Ликии. А святитель Николай одним из первых поспешил осуществить разрушение святилища в Мирах. Тогда события могли иметь тот самый характер, который обрисован в Житиях, где (как у Дмитрия Ростовского) указывается, что он «разорил сей храм скверны, сравнял высокое его здание с землею и самое основание храма, бывшее в земле, разметал по воздуху».

Не очень этично? Жестко? Откровенно? Решительно? Да. А что поделаешь, когда речь идет о душах людей и о их спасении.

Необходимо заметить, что историю с возможным разрушением святилища в виде дерева некоторые исследователи относят к другому времени и другому человеку. Речь идет о епископе Николае Сионском, жившем в VI веке в Мирах Ликийских. Итальянский ученый Микеле Баччи в статье об иконографии святителя Николая пишет так: «Соперничество между почитателями святителя Николая и приверженцами культа Артемиды Элевтеры драматично описано в агиографических источниках и отразилось в иконографии (это соперничество проявляется в деяниях святителя Николая, который разрушил святилище и сверг идолов Артемиды). Например, любопытна связь между изображением на монетах священного дерева, которое символизирует богиню, и иллюстрацией эпизода, восходящего к Житию Николая Сионского, когда святой рубит Плакомский кипарис, в котором обитал бес. Впоследствии место паломничества переместилось от находившегося здесь языческого храма к гробнице святого Николая».

Другой епископ Николай в связи с историей о разрушении святилища упомянут и в древних житиях. В известной книге Густава Анриха (Лейпциг, 1913) приводится такой текст из «*Vita Nicolai Sionitae*» («Жития Николая Сионского»), восходящий, предположительно, к VI столетию: «Однажды в Сионский монастырь пришли несколько человек и попросили помочь Николая избавиться от духа нечистого идола, который, поселившись на священном дереве, находящемся на их земле, уничтожал жителей деревни вместе с их землями. Ранее попытка человека, который хотел срубить дерево, закончилась смертью от собственного топора. Вокруг дерева собралось 300 человек, желающих посмотреть на происходящее, но ни один из них не пытался помочь срубить дерево. Николай совершил молитву, перекрестился и семь раз ударил дерево острым топором. Дерево вздрогнуло, испугав толпу, и рухнуло на землю. Дух дерева возопил тогда: “Горе мне, прогнал меня Николай из дома моего в этом кипарисовом дереве. Нет мне пристанища теперь ни в доме моем на священном дереве, ни во всей Ликийи”...».

Присоединяется к мнению названных историков и А. Ю. Виноградов, автор статьи о Николае Сионском в «Православной энциклопедии». «Однажды, — пишет он, — к нему пришли жители Плакомы с просьбой срубить священное дерево, в котором поселился нечистый дух, вредивший людям. Николай изгнал беса за пределы Ликийи, срубил дерево, распилив его на куски».

Однако это никак не отрицает факт того, что рубить языческое дерево мог и святитель Николай Мирликийский задолго до Николая Сионского. Во-первых, священное дерево (роща) Элевтеры существовало и при Николае Чудотворце. Подтверждение тому — вышеупомянутые монеты с ее изображением на дереве, которые датируются временем правления Марка Антония Гордиана (Marcus Antonius Gordianus), известного в историографии как Гордиан III. Он был римским императором между 238 и 244 годами. Тогда же и выпускались эти монеты с древораствующей богиней и надписью «Мира». Мог ли не знать об этом будущий святитель Николай, который родился спустя два-три десятилетия после появления этих монет? Знал, конечно.

Естественно, что святитель Николай Чудотворец мог, и скорее всего, именно он срубил священное дерево поклонников Элевтеры. Ибо он разрушил святилище полностью, до основания. Мог ли то же самое совершить Николай Сионский в VI столетии? Конечно же, мог. Ибо сопротивление язычников наверняка было серьезным, оно время от времени возрождалось. Дерево могли вырастить вновь, почитание его продолжалось. А далее — все известно. Хотя Николай Сионский лишь изгнал «нечистого духа, вредившего людям», что представляется менее масштабным деянием, нежели полное разрушение важнейшего для язычников святилища, что было совершено святителем Николаем на два столетия раньше.

По поводу проблемы «двух разных епископов с именем Николай в Мирах Ликийских» мы уже говорили в предисловии к данной книге. Нас же в приведенной цитате, «когда святой рубит Плакомский кипарис, в котором обитал бес», интересуют два слова-термина, которые дополняют рассказ о разрушении святилища в Мирах. Это «кипарис» и «Плакома».

Вряд ли кто-то из исследователей сомневается, что священным деревом язычников в средиземноморской Античности был кипарис. Обиталище богини Элевтеры в Мирах также было связано с кипарисом. Имеется много историй и рассказов из древнегреческой мифологии об этих деревьях, которые росли на протяжении нескольких столетий.

Кстати, для богини Артемиды кипарис считался «своим деревом». Стрелы из ее колчана, которыми она поражала зверей (и людей), были кипарисовыми. Когда строили

знаменитый храм Артемиды в Эфесе, то в качестве деревянных деталей использовали кипарис. Не исключено, что аналогично поступили и при построении (если таковое было) храма Артемиды Элевтеры в Мирах.

Мистическое значение кипариса заметили еще ассириовавилонские жрецы, считая дерево символом богини плодородия. Финикийцы поклонялись ему как Древу Жизни, утверждая, будто знание об этом священном растении их предкам передали боги. История юноши Кипариса и Аполлона — лишь малая часть того, с чем связываются мифологические значения образа священного дерева.

Современные ученые говорят, что ныне живущие виды кипариса на самом деле очень давнего происхождения. Поразительно, но даже очень древние, ископаемые деревья и их хорошо сохранившиеся остатки встречаются уже в третичной формации! А это миллионы лет до нашей эры.

Будучи в большинстве своем вечно зеленым растением, кипарисовое дерево действительно выглядит как неумирающее, как дерево постоянной жизни. Ведь один только кипарис в Средиземноморье мог пережить с десятков поколений людей. Сам Плутарх однажды рекомендовал все законы страны обязательно написать на кипарисовых досках.

Древние египтяне изготавливали саркофаги из кипариса, зная, что в стволах содержится много смолы, которая предохраняет их от гниения. Поэтому кипарисовое масло применяли для бальзамирования мумий.

В христианской традиции кипарис также важен. Часто из этого дерева изготавливают церковную утварь, в том числе кресты и нательные крестики, доски для икон, четки, ковчежцы и даже раки для особенных святых.

Однако не меняющая цвета листва кипариса для греков стала символом печали. Это дерево ассоциировалось с кончиной и похоронами. Ветви кипариса возлагали на гробницы усопших или внутрь их, у могилы сажали кипарисовые деревца, украшали ими дом умершего.

Не являлся ли кипарис в Мирах Ликийских именно символом упокоения? Не находился ли он как святилище у какого-то большого городского кладбища? На эти вопросы еще следует найти ответы.

Вот на каком дереве «обитала» богиня Элевтера. Вот что охраняли змеи, не подпуская к стволу людей с топорами.

Так рубить или не рубить?

Эстет-материалист скажет — не трогайте красоту мира, оставьте в покое природу.

Духовный человек заметит — смотря для чего произрастает данное дерево и кем культивируется.

Все, даже самое лучшее, можно испортить, если оно кем-то и зачем-то осквернено. Недаром об этом так проникновенно и точно сказал святитель Василий Великий, почти современник Николая Чудотворца: «Если видишь, что живущий в язычестве, или отторгнутый от Церкви какою-либо превратною ересью, целомудрен по жизни и во всем прочем старается о нравственном благочинии, то тем паче ты напрягай свое старание уподобиться плодоносной смоковнице, которая собирает силы из приближенных к ней диких смоковниц, перестает истаивать, и тщательнее питает свой плод».

Упомянутая Плакома (*Plakoma*) для нас интересна потому, что это возможное место, где само святилище и находилось. Где располагался храм Элевтеры в Мирах? На этот вопрос пока никто не может ответить определенно. Возможно, как и в Ксанфе, — не в городе, а на некотором и довольно немалом расстоянии от него. Археологи в настоящее время пытаются найти его остатки, что в еще большей степени приоткроет нам страницы из Жития епископа Мир Ликийских. А ведь это могло быть и место, где позднее воздвигли храм в память о самом святителе Николае! Ничто не отвергает и такую вероятность.

О Плакоме мы уже говорили в главе о детстве будущего святителя. Так называлось одно из главных мест в городе, где происходили важные события или активная повседневная жизнь. Нечто вроде центральной площади, выносного центра, точки — куда стремились все жители во время празднований, читки указов или произведения казней. Такая площадь — «плакома» — могла находиться вовсе и не в центре города, а на его окраине. И даже на довольно большом (до нескольких километров) расстоянии от него. До Плакомы требовалось идти не спеша, сосредоточенно, с достоинством — на поклонение или на широкую ярмарку.

По этой причине почитаемые храмы, даже крупные по своим размерам, порой строились в отдалении от центра городов. Так появлялось отдельное священное, удобное, культовое, активно посещаемое и привлекательное место в античном полисе.

Иногда некоторые современные исследователи предполагают, что Плакома — это название какого-то поселе-

ния рядом с большим городом. Даже в приведенном Густавом Анрихом Житии X века указано: «Однажды из деревни Плакома в Сионский Монастырь пришли несколько человек и попросили помочь Николая избавиться от духа нечистого идола». Но, скорее всего, это не так. Плакома — это, повторимся, городская площадь и окружающее ее пространство — или в самом городе, или часть его. И это не название места, а его определение. Как если мы говорим о городской площади, что она площадь. Но ведь это не значит, что у нее есть название «Площадь».

Где находилась Плакома Мир Ликийских? Скорее всего, там, где находился и древний храм-святилище. Один из исследователей предполагает, что Плакома и святилище располагались между Мирами и его городским портом Андриака. А это почти три километра. Пожалуй, следует все это пространство вскрыть археологам. Тогда, может быть, наступит ясность. Но между тем отсутствие остатков храма Элевтеры делает не менее вероятной версию о том, что его не было вовсе, а были лишь священное дерево и место, располагавшееся в Плакоме.

Эрнст Кирстен в статье «Артемиды Эфесская и Элевтера Мирская» пытается разъяснить это так: «Плакома обычно — мошенная зона, как это бывает на агоре в городе, похожая на эмболону (часть античного гипподрома. — К. К.-С.)... в окрестностях побережья, но также и за стенами древнего города (и, возможно, даже со своими стенами), ставшее, как *locus pundinagum* (местный рынок. — К. К.-С.), в окружающей среде местом встречи городских и сельских жителей, обмена товарами (также и с приезжими незнакомцами). Это пригородный рынок, как в истории Кирилла и Мефодия, которые у ворот Фессалоник на местном рынке могли обучать славянскому языку крестьян или приезжих торговцев, в то время как в городе говорили по-гречески... Именно в этом смысле Плакома указывается в легенде о трех полководцах (*Stratelatai*), которая связана с епископом Николаем. Варианты текстов, включая латинские, рассказывают о том, что имперский флот совершил карательные действия против внутренней Фригии в Андриаке, которая тогда находилась в 3 римских милях от Мира».

Об упомянутой в цитате истории с тремя стратилатами мы расскажем в следующей главе. Но место между Мирами и портовым городком Андриака становится для нас все более загадочным и притягательным с точки зрения подтверждения или развития истории о разрушении святите-

лем Николаем языческого святилища Элевтеры, даже если это была и Артемида Элевтера. Да и если богиню не называли Артемида Мирская, значит, храм был вне города, где-то неподалеку или даже на почтительном от него расстоянии. Поэтому его не могут никак найти.

И все-таки, если еще пристальнее приглядеться к истории о разрушении храма Артемиды или Элевтеры в Мирах Ликийских, то можно заметить кое-что интересное, связанное с заменой языческих культов христианскими традициями. И здесь фигура святителя Николая снова выходит на первый план.

Хорошо известны факты, когда на древних языческих капищах целенаправленно строили затем христианские храмы. Но этого было мало: чтобы заместить в сознании людей одну религиозную традицию на другую, часто требовалось еще кое-что. Например, изменение в сознании и даже в объеме знаний людей об окружающем их мире.

Что имеется в виду? Да то, что в головах жителей должен был произойти буквально переворот. Христианские традиции не просто заменяли античные, языческие, а в результате трудов духовных подвижников словно бы произрастали внутри их, вытекали из них, являлись их новой, пусть даже совершенно иной, но интерпретацией.

Исходя из такой постановки вопроса, мы можем увидеть, что многие события или поступки святителя Николая были совсем не случайны. Большинство его деяний или чудес было связано с очень древними традициями. Только теперь они совершались не языческими богами, а реальным человеком — епископом христианской Церкви в Мирах, святителем-чудотворцем.

Посмотрим на эти удивительные параллели и, следуя словам Александра Пушкина, заметим различные «странные сближения», которые можно легко зафиксировать среди исторических событий и явлений рубежа III—IV столетий в Мирах Ликийских.

Артемида Элевтера, как мы помним, была девой. Обет безбрачия для нее был священным, и даже более того — мог погибнуть тот, кто на него посягал. А разве чудо о девах-дочерях одного из жителей города (о нем и других чудесах подробно будет рассказано в следующей главе данной книги), которых епископ Николай уберег от блуда и нечистоты, не является действием, глубоко связанным с этим

языческим культом? Действием, замещающим его, показывающим, как один человек доброй воли может помочь другому человеку — по-христиански и безвозмездно, а не в виде помощи некоей богини, которая к тому же требовала для осуществления своих услуг особенных жертвоприношений.

Историк XIX века Е. В. Аничков в труде «Св. Николай и Артемида Эфесская» писал: «Обращу внимание еще на одно сближение, на котором, однако, не стану настаивать, хотя оно и просится под перо. У св. Николая есть одно чудо, где он оказывает покровительство девушкам, которым предстоит участь продажных женщин. Быть может и здесь можно видеть отзвук тех празднеств, который заменил день нашего святого? Их гетерический характер наводит на это сближение».

Позднее, во времена почитания святителя Николая, в дни празднования его памяти будет происходить еще один стихийный и весьма странный праздник, называемый Розалии. Это особенное действо-торжество совпадало с торжествами невест, то есть девушек «на выданье». Именно чудо с незамужними девушками, получившими от святителя Николая деньги-приданое для свадеб, буквально совпадало с такой тематикой языческих торжеств. И это, без сомнения, было связано с культом Артемиды Элевтеры.

Совпадение? Мы так не думаем...

В этом смысле святитель Николай даже заменил в сознании людей деятельность меценатов-эвергетов, поклонников языческой богини, но при этом выдававших в качестве помощи приданое для дочерей из бедных семей. Так делал упомянутый нами выше Опрамоас. Другие эвергеты, кроме Опрамоаса, также выдавали подарки невестам. Это было частью традиционной благотворительности. А разве не это же самое делал святитель Николай? Разве не об этом повествует рассказ о его чуде?

Святитель также раздавал зерно во время голода. Буквально повторяя деяния Опрамоаса, который поддерживал правильное распределение зерна в Ликии.

Так в Мирах появился новый образ благотворителя-христианина.

Вспомним еще, что эвергеты, и в первую очередь тот же Опрамоас, давали средства необеспеченным семьям для похорон родственников. Не случайно здесь также отождествление почитания святителя Николая с культом поклонения предкам в античное время. А такой праздник, как мы уже знаем, и называли Розалий (Росалий, Россалий). И

есть интересные предположения, что весенний праздник святителя Николая закрыл, заменил собой позднее языческий праздник Розалий.

Историк Аничков пишет: «Но, так или иначе, мы на основании только этого одного места не можем объяснять праздник Россалий как христианский праздник, отличный от хорошо нам известного языческого. Итак в Мирах существовал старинный языческий праздник приблизительно около того же времени, когда празднуется весенний праздник св. Николая».

Розалий, или праздник роз, был частью культа поминовения умерших предков в римский период. В такой день возлагались на могилы венки из роз. Причем в языческом сознании запросто предполагалось, что семейные предки могли выходить из могил и даже принимали участие в ритуальной трапезе со здравствующими потомками. Розы здесь были важным символом. На славянской почве позднее возникнет праздник «Русалий» или «Росалий», но отличный от античного.

Русский исследователь, профессор А. Н. Веселовский в своей статье «Из поэтики розы» (1898) замечает: «Роза — символ смерти... Весной не только обновляется все живущее, но и усопшие, души предков временно оживают... И для них наставала весна, расцветала роза: весной, когда совершались по ним поминки, на римской тризне (*escae rosales*) главную роль играли розы; их делили между присутствовавшими, гирляндами украшали гробницы; обряд этот называли *Rosaria* или *Rosalia*».

И это удивительно, что весенний обряд совпадал с праздником памяти святителя Николая. Не просто так. Говорили, что будто бы сам святитель приходил на эти празднования. Зачем? Вот тут-то и скрыта главная загадка. Святитель был близок к чаяниям простых людей. А чтобы донести до них учение Христа о Спасении и Воскресении, необходимо было показывать на примере, объяснять, убеждать, а значит — быть близко к бытовой народной жизни.

Перу поэта Вячеслава Иванова принадлежит стихотворение «Розалия святого Николая» (1911). Кстати, посвящено оно было исследователю жизни святителя Николая — профессору Е. В. Аничкову.

В Росалии весенние
Святителя Николы
Украсьте розой, клирики,

Церковные престолы,
Обвейте розой посохи,
Пришельцы-богомолы!

Пусть роза мирликийская
Венчает хор свирельный,
Лачуги бедных рыбарей,
Их невод самодельный,
И снасти мореходные,
И якорь корабельный.

И розами по кладбищам
Усопших одаряйте,
И в розах с домочадцами
За кубком вечеряйте:
Приблизятся ли родичи, —
Дверей не затворяйте.

Историк Е. Аничков, адресат посвящения, по этому поводу писал: «В двух чудесах есть упоминание о том, что люди торопились в Миры на праздник св. Николая... Известия о таком празднике мы действительно и находим в житии св. Николая — это праздник Руссалий. К сожалению, однако, во всех известных списках жития этого типа то место, где говорится о Россалиях или Руссалиях, испорчено и оно носит какой-то странный характер (здесь упоминаются два Николая, поэтому есть некоторая путаница в тексте Аничкова. — К. К.-С.): “Когда наступило время Руссалий предка нашего святого, Николай пошел в митрополию на собор”, т. е., так же, как и при рассказе о голоде, в житии, изданном арх. Леонидом, сам святой оказывается участвующим в соблюдении языческого праздника. Странно также это неожиданное появление второго, более старого св. Николая... На основании приведенной выдержки мы должны предположить одно из двух: или к старому языческому празднику был приурочен святой и таким образом создано это полужазыческое название... или списчик этого жития прибавил к Россалиям слова “предка нашего святого” потому, что ему показалось странным участие святого на языческом празднике».

Здесь необходимы разъяснения. Их в свое время дал архимандрит Антонин (Капустин), написавший важную статью «Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский». Он, во-первых, считал, что Россалии с участием епископа Николая Сионского происходили в VI столетии

не только весной, но и зимой, во время зимнего поминания святителя, около 6 декабря. А во-вторых, он совмещает их с Собором епископов (или священнослужителей), который всегда происходил во время таких Россалий.

Вот что он пишет, ссылаясь на Ватиканскую рукопись «Жизни и деятельности во святых отца нашего Николая (архимандрита) бывшего архиепископа города мирейцев» (Николая Сионского): «Когда наступило время Россалий предка нашего святого Николая (здесь как раз имеется в виду святитель Николай Чудотворец. — К. К.-С.), сошел в митрополию мирскую на собор Божий раб Николай: и помолившись и повидав святых и честных отцов и отслужив вместе с святым во Христе собором: и целовав всех, и преподав всем мир, возвратился в свой святой монастырь».

То есть спустя два с лишним столетия в Мирах Ликийских совершалось празднество, во время которого не только бушевали стихии, но и происходил важный церковный собор (съезд), на котором решались текущие вопросы жизни христианских общин.

«Россалии св. Николая старшего, — продолжает архимандрит Антонин Капустин, — правились, конечно, 6 числа, в день воскресный. Святитель пинарский не в тот же день, конечно, возвратился в свой Сион, и, вероятнее всего, не в первую затем среду (9 декабря) преставился».

В примечаниях автор статьи добавляет ясности в текст, объясняя — что из себя представляли по сути Россалии святителя Николая: «Фальконий полагает, что этим именем называлась когда-то у греков Пятидесятница... Как бы то ни было, только здесь писатель очевидно употребляет слово это в смысле вообще праздника или дня памяти... Теперь открывается, что в Мирах совершался большой праздник св. Николая и что этот св. Николай был предок писателя. После сего не остается, кажется, сомнения, что тут дело идет о великом святителе и чудотворце мирликийском Николае, современнике Диоклитиана и Константина... Вероятно, это был не собор (поместный или областной), а просто собрание епископов области на праздник своей столицы. Обстоятельство, что ко дню памяти св. Николая в Миры съезжались (или, может быть, ежегодно съезжались) епископы областные (синод), снова показывает, что это был праздник кафедры мирликийской или одного из ее архиереев».

Вот такой странный праздник существовал в Мирах Ликийских в память о Николае Чудотворце...

Это немного не вяжется с тем, как представляли себе это историк Е. Аничков и поэт Вячеслав Иванов, который в другом стихотворении образно представил его таким:

Вина, веселий и своеначалий
И навих гостин пришла пора —
Дни майской розы, праздники Розалий.

Несут невеста и жених с утра
На кладбище цветочные корзины;
Погасло солнце — хоровод, игра,

Семейный пир в венках. Уж в домовины
Живые шлют гостей. Приспел конец
Веснянкам. У невесты вечерины:
Идти завтра деве под венец.

Подытоживая рассуждения на данную тему, мы приходим к выводу, что святитель Николай своей деятельностью и даже можно сказать — своей личностью заменял в сознании будущих поколений жителей Мир Ликийских то, что было значимым для них в виде языческих античных культов. Можно добавить к этому наше предположение, что позднее, когда часть мощей святителя Николая попадет в Венецию и они будут положены в храме на острове Лидо, то это почти совпадет с новым этапом карнавальской традиции, которая начнет развиваться там с наибольшей силой. То есть воспоминания и ассоциации с Розалией-Россалией в Ликийи словно бы сольются с поклонением и почитанием самого святого. Указ о карнавалах в Венеции (но не появление самого карнавала, естественно, традиция которого была намного древнее) вышел в 1094 году, а мощи святителя прибыли сюда между 1097 и 1100 годами, возможно как раз для поднятия традиции на более высокую христианскую высоту. Ибо карнавал хотя в основе своей и содержал языческие ритуалы, но его контролировали христианские священнослужители. И тут образ Николая Чудотворца стал настоящим подспорьем и подарком для жизни процветающего и развитого по тем временам венецианского города. Своим присутствием, таким образом, святитель Николай — Заступник — словно бы «смягчал» греховность происходящего на карнавале.

Поэт Вячеслав Иванов хорошо понимал тему смены эпох, переделывания душ, когда в жизнь людей вносились новые параметры и правила. Поэтому он видел не-

разрывную преемственность и связь между античным язычеством и христианством. Он писал в своей статье «Религия Диониса» в 1905 году, что неудержимая природная стихия того времени «была тою нивой, ждавшей оплодотворения христианством; она нуждалась в нем, как в крайнем своем выводе, как в последнем своем, еще недоговоренном слове».

И снова обратимся к Аничкову. «Это, конечно, еще подтверждает нашу гипотезу о замене языческого праздника днем св. Николая, — пишет он. — Праздники Руссалий и Матери богов колеблются... Можно утверждать только то, что оба эти праздника весенние и приблизительно подходят к тому времени, когда празднуется теперь св. Николай. Но отсутствие положительных данных о том, сходились ли в Ликий эти праздники к началу мая, не есть доказательство противного; нас может удовлетворить и возможность этого совпадения, возможность, отрицать которую трудно... Постепенность замены языческого культа христианским может считаться доказанной, если только нам удастся показать, какие атрибуты, какие свойства унаследовал святой от своих дохристианских предшественников. В моем исследовании о св. Николае я уже искал источников основного свойства этого святого — его деятельности как спасителя на водах и укротителя бурь».

Не случайно Аничков вспомнил здесь о покровительстве святителя Николая над всеми, кто плавает по морям. Гавань Андриака и град Миры были надежным пристанищем для кораблей. Сюда, в центр святилища Элевтеры, стекались многие люди, которые поклонялись покровительнице жизни. А святитель Николай своими чудесами «перекрыл» важность языческой богини. Сюда стали стекаться люди, но уже для другого поклонения.

А еще здесь можно вспомнить о покровительстве над лошадьми. Странная ассоциация, но реальная. Ведь во многих странах святой считается тем, кто властвует над лошадиным нравом, помогает в управлении этими животными. Смотрим в очередной раз у Аничкова: «То же самое можно сказать и о роли св. Николая, как покровителя лошадей: сельскохозяйственное объяснение есть опять-таки обстоятельство побочное, дающее жизненность мифологическому представлению». Историк основывал свои выводы, ссылаясь на труд «Святой Николай» немецкого писателя и филолога по имени Ignaz Vinzenz Zingerle (по-русски его, с легкой руки словаря Брокгауза и Ефрона, называ-

ют Игнатий Цингерле). Он был опубликован в 1890 году. Профессор университета в Инсбруке утверждал, что объяснение покровительства святителя Николая лошадям следует искать в странной особенности народной психики, заставляющей водяных богов покровительствовать лошадям. И заключал: «Артемиды... как все морские божества, была также и лошадиное божество».

А затем им стал в народном сознании святитель Николай. Вот так и происходила смена приоритетов...

Итак, Артемиды — хозяйка леса, Элевтера — покровительница свободных стихий, все было повержено, священные рощи срублены, стихию поместили в рамки нового духовного осознания жизни. Исследователь Эрнст Кирстен в статье «Артемиды Эфесская и Элевтера Мирская, с оглядкой на Николая...» потому и включил в название понятие «с оглядкой на Николая», ибо дальнейшая судьба Мир Ликийских, самой Ликии, Римской империи и мировой цивилизации вынуждена была пойти другим путем развития. А указателям этого пути становились как раз такие подвижники, как святитель Николай Чудотворец, заслонявшие собой и своими трудами уходящие в прошлое устои языческого существования...

Впрочем, легенд было много. Не случайно Кирстен написал: «И вот теперь даже Николай раскачивает срубленное дерево. Должны ли мы сказать теперь: он становится покровителем Рождественской елки?» Мы видим в этой фразе замечание к тому, что не следует спешить с выводами, а также ироничный намек на будущего Санта Клауса, новогоднего героя нашей современности, в которого в народном сознании, спустя столетия, превратится святитель Николай.

Но об этом мы расскажем позднее.

Подшло к концу наше повествование о разрушении епископом Николаем святилища в Мирах Ликийских... Это было незабываемое деяние духовного подвижника. И подробности для нас важны, чтобы многое понять в его чудесных свершениях. Поэтому мы и совершили данное углубленное хождение в те дни, которые составляют редкие и уникальные страницы в книге жизни Чудотворца.

Во всяком случае, мы помним о том, в какие трудные годы пришлось жить святителю и какие поступки, граничащие с героизмом, пришлось ему осуществить.

В древней службе святителю Николаю, написанной по-гречески, вероятнее всего, в IX столетии преподобным Иосифом Песнописцем (сохранившаяся копия-рукопись находится в Российской национальной библиотеке и датируется X—XI веками), незримая духовная сторона его подвижничества характеризуется так:

Ты возвысился, небоплотский, над дебелостью и светом невещественным отче, просвещенный душою Николае, миром помазанный священник верно явил своим избранием, верных восхищая в божественные обители.

Спасение града от голода

*Епископ должен своими признавать чужие бедствия,
и его жизнь испытуеть тысячами глаз и языков.*
Исидор Пелусиот, IV—V вв.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Однажды в Ликии случился голод, и Миры тоже разделяли общую участь, испытывая недостаток в съестных припасах. Тогда великий Николай во сне является одному купцу, торговавшему хлебом».

Многое успел сделать епископ Николай для жителей Мир после получения сана, а также до и после того, как он подвергся тяжким испытаниям во время великого гонения на христиан, проведя годы в темнице. О чередующихся чудесных деяниях мы еще расскажем. Но есть некоторые важные свершения, о которых следует сказать особо, вне зависимости от того, когда они были осуществлены.

Речь пойдет о спасении святителем населения Мир Ликийских от голода и засухи.

Голод... Тот, кто знает, что это такое, никогда не будет спорить с теми, кто говорит — «ерунда, переживем». Одно из главных испытаний человечества — вот что это такое. Люди веками жили с целью добыть себе пропитание, строили дома, крепости и государства ради того, чтобы обес-

печить себя запасами продовольствия и справедливым его распределением.

Как говорят, человек может прожить без денег и предметов быта долгие годы, но без еды — лишь двадцать-тридцать дней, а без воды — только пять!

Нет еды — нет жизни. А если наступает неурожай, происходят пожары, в которых сгорают запасы продовольствия, начинаются войны или иные бедствия, за которыми следует массовый голод, то пищи пропало. Когда нет еды — даже пожившие на свете, умудренные опытом люди словно бы преображаются. Многие начинают терять разум. Каждый стремится прокормить себя и свою семью во что бы то ни стало. Некоторые теряют даже человеческое обличье. В такие периоды начинаются волнения, грабежи и бунты. Происходят страшные трагедии, вплоть до канибализма...

Голод вызывает инфекции и болезни, потому что людям не хватает важнейших питательных веществ для поддержки жизнедеятельности организма. Ученые говорят, что именно болезни, являясь следствием голода, уносят гораздо больше жизней, нежели сам голод. Одно вытекает из другого. Существует понятие «массовый голод», представляющий из себя социальное бедствие, как правило, происходящее после длительной нехватки продовольствия и приводящее к почти полной гибели населения на территории крупных регионов.

Голод не жалеет людей, но вместе с ними гибнут и культурное наследие, и накопленные знания. Он своей смертоносной рукой словно бы стирает всю историю отдельно взятой цивилизации из книги памяти человечества.

В Священном Писании (Библии) о голоде упоминается неоднократно. Известно, что еще Иосиф, будучи при дворе фараона, толковал повелителю его сны. В одном из таких толкований он предсказал в ближайшие семь лет хороший урожай, а затем — совсем другое, неурожайное семилетие, которое повлечет за собой массовый голод. Иосиф посоветовал фараону сделать запасы зерна — главного продукта питания человечества, которое можно было бы хранить долго при жаркой погоде. Голод длился тогда на земле почти семь лет. Но запасы, сделанные по совету Иосифа, действительно спасли египтян, да и не только их.

Пророк Илия, как известно, молился о ниспослании с небес дождя, чтобы люди могли спастись от засухи и голо-

да. Конец света, по Евангелию, может быть связан с голодом, ибо так и написано: «восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры» (Мф. 24: 6—8).

Вот почему чудо святителя Николая, связанное с преодолением голода в Ликии, мы выносим как отдельную историю, хотя ей обычно не придают особенного значения, рассказывая вкратце. Подумаешь — голод! Однако важные чудесные деяния епископа Мир Ликийских — излечение одного человека, отвращение от казни еще трех, поддержка нескольких девушек в их устремлении создать семьи — не более важны, нежели пример массового спасения людей, целого города и даже страны от голодной смерти. А именно это и совершил святитель Николай, и об этом мы и расскажем.

Если следовать источникам, историю с преодолением голода в Ликии благодаря святителю Николаю можно изложить так. Епископ не раз помогал жителям с продуктами питания. Но однажды случилось нечто большее, нежели простая нехватка еды среди, например, бедноты. Наступал реальный голод для большинства. Произошла необычная засуха, за которой последовал неурожай, вернее — отсутствие урожая. Миры Ликийские, как и весь регион, нуждались в доставке зерна из других мест. Но и доставка зерна была нарушена по причине отсутствия южного ветра, способствующего плаванию судов с грузами продовольствия.

Исторически такой факт можно подтвердить. Голодные годы в этих краях во время жизни и епископства святителя Николая известны были неоднократно. Да, собственно, это бедствие поразило почти всю Анатолию, возможно, вплоть до самого Константинополя.

По этой причине морские суда везли зерно вдоль побережья Ликии на север, останавливаясь на короткое время в удобных портах, чтобы пополнить запасы воды. В Египте засухи не было, поэтому зерно доставляли оттуда.

Одна из таких партий зерна пришла из Александрии в порт Андриака рядом с Мирами. Эту историю излагал в VIII—IX столетиях Архимандрит Михаил, автор Жития святителя Николая. «Энкомий Неофита» (другой важный источник Жития святителя Николая XI века; «энкомий» означает «похвальное слово») рассказывает, как епископ Николай направился в гавань для того, чтобы упросить капитанов, которым был подчинен груз, оставить немного зерна на берегу для местных жителей.

Однако сопровождавшие груз официальные лица ответили, что они не могут поделиться зерном, которое является государственным грузом, податью из Египта, и должно быть доставлено в целости и сохранности в Константинополь. Нарушение могло караться по всей строгости закона. То есть груз был неприкосновенен.

С этого момента, собственно, и начинается чудо, связанное с именем святителя Николая. Неизвестно каким образом, но ему удается уговорить капитанов отпустить с каждого судна по 100 модиев зерна. Мы намеренно пишем слово «судно», а не «корабль», чтобы не путать грузовые или торговые суда с военными кораблями.

Много ли это — 100 модиев? Если считать по римской системе сыпучих мер, то 1 модий (*modius*) равен почти 9 литрам. Современному человеку будет понятнее, если сказать, что 1 модий — это 1 ведро зерна. Получается, что с каждого судна по 100 ведер, почти тонна зерна. Но беда в том, что мы не знаем — сколько было судов! В «Энкомии Неофита» говорится о пяти судах. Но написан документ был спустя семь столетий после событий. Можно предположить, что было достаточное количество судов, чтобы запасы смогли стать основой для спасения многих тысяч людей.

Даже если посчитать, что из трюмов пяти судов выгрузили по 100 ведер зерна, а каждое ведро — 10 килограммов, то получится 5 тонн. Хватило бы этого, чтобы спасти всех жителей? Забежим немного вперед и скажем, что только на бесплатную раздачу гражданам Константинополя уходило в день до 80 тонн хлеба. За один день!

Уговаривая об отгрузке, святитель ссылаясь на то, что никто не будет наказан по прибытии в Константинополь. Могли ли поверить в такое здравомыслящие люди? Разве что если такое обещание даст высокопоставленный чиновник, от которого зависела бы их судьба. Но обладал ли святитель Николай такой властью? Вряд ли...

Однако капитаны неожиданно согласились. Они поверили епископу города Миры и оставили каждый часть своего груза в виде зерна на берегу. Поступок на самом деле почти героический. Совершив это, они отправились дальше, в Константинополь. Здесь их уже ожидали чиновники, принимавшие подати. Можно предположить, например, что они были уже каким-либо образом осведомлены о проступке капитанов и предвкушали разоблачение крупного мошенничества и недостачи. Однако после проверки

оказалось, что зерна на судах было ровно столько, сколько было зафиксировано при отплытии из Александрии.

Удивлению капитанов не было предела. Святитель не подвел, он исполнил свое обещание! Но как он это сделал?

И куда в таком случае делось выгруженное в Мирах зерно?

А оно как раз пошло на спасение людей от голода. Зерно епископ Николай раздал нуждающимся жителям Ликии. Считается, что часть зерна была сохранена для будущих посевов, в результате чего хлеба в Ликии хватило тогда почти на два года!

Похожую, но несколько иную историю рассказывает «Энкомий Мефодия» IX столетия (еще один источник Жития святителя Николая). Здесь также содержится рассказ о засухе и голоде в Ликии. Но только груз зерна предстает не как сугубо государственный, а как частный или частногосударственный. И события происходят немного по-другому.

А именно. Мимо Мир Ликийских проплывал на своем торговом судне купец. Трюмы у него были забиты зерном для продажи (возможно, для обязательной продажи в Константинополе). И он не собирался швартоваться в Андриаке. Однако ночью к нему во сне явился некий важный человек, который дал ему несколько золотых монет в виде аванса, чтобы он немедленно продал все зерно в Мирах. Купец проснулся и решил, что ему все почудилось. Однако в руке у него были зажаты три золотые монеты — залог, выданный явившимся во сне гостем. Тогда купец принял решение войти в порт и продать все зерно местным жителям. Во время расчетов он рассказал о своем видении. По его описанию горожане сразу же определили, кто был гостем купца, и сказали, что явился к нему их епископ Николай.

Так и запомнилась здесь эта история.

Вот как рассказывает ее святитель Дмитрий Ростовский в своем Житии святого Николая XVIII столетия:

«Однажды в Ликийской стране был великий голод, и в городе Мирах ощущался крайний недостаток в пище. Сожалая о несчастных людях, погибающих от голода, архiereй Божий явился ночью во сне одному купцу, находившемуся в Италии, который нагрузил житом весь свой корабль и намеревался плыть в другую страну. Дав ему в залог три золотых монеты, святитель повелел ему плыть в Миры и продавать там жито. Проснувшись и найдя в руке золото, купец пришел в ужас, удивляясь такому сну, который

сопровождался чудесным явлением монет. Купец не решился послушаться повеления святителя, отправился в город Миры и распродал свой хлеб его жителям. При этом он не скрыл от них о бывшем ему во сне явлении святого Николая. Приобретя такое утешение в голоде и слушая рассказ купца, граждане воздавали Богу славу и благодарение и прославляли своего чудесного питателя, великого архiereя Николая».

Почему поступок святителя Николая, связанный с голодом, стал таким заметным и почитаемым? Вероятно, в том числе и потому, что он был совершен вопреки римскому законодательству или, вернее сказать, на грани его нарушения. В итоге законы были исполнены. Но сам акт подобного риска вызывал не только удивление, но и искреннее уважение со стороны почитателей епископа Мир Ликийских.

Чтобы понять степень этого риска, следует вспомнить о законах Римской империи, связанных с распределением зерна или хлеба. Они известны как «фрументарные законы» (*Leges frumentariae*) или, в более точном переводе с латинского, — «хлебные законы». Они существовали давно, еще за столетия до IV века, регулировали государственную политику обеспечения населения хлебом. Благодаря им зерно и хлеб продавались римским гражданам по намеренно низким ценам или даже раздавались бесплатно. Отсюда возникло известное выражение «хлеба и зрелищ». Заглянем в словарь Брокгауза и Ефрона начала XX столетия, в котором статью на данную тему написал будущий русский эмигрант, историк Античности, специалист по социально-экономической истории Древнего Рима и эллинизма, академик Российской и Берлинской академий, профессор Санкт-Петербургского и Йельского университетов, почетный доктор Михаил Иванович Ростовцев: «Фрументации и фрументарные законы в Риме... те государственные акты, которые имели целью доставление населению города Рима нужного для его пропитания количества хлеба, путем даровой раздачи или дешевой продажи... Со времени Септимия Севера к зерну присоединилось масло, со времени Аврелиана — свиное мясо; между Александром Севером и Аврелианом зерно заменено было печеным хлебом, и в этом виде фрументации перешли и в Константинополь... В эпоху республики заведование

фрументации принадлежало то преторам, то эдилам... Так же организована была раздача хлеба и в Константинополе. В ведении префекта находился хлебный флот; под его верховным надзором стояли частные лица, бравшие на себя перевозку, нагрузку и выгрузку хлеба; он состоял в постоянных сношениях с правителями провинций, особенно с префектом Египта, а также с управлением доменами народа и императора. В руках префекта находились крупные суммы; он устанавливал цены транспорта и цены на хлеб, так как ему ежегодно приходилось и закупать немалое количество хлеба... В провинциях появляются особые префекты для Африки, Египта и Востока, с широкой компетенцией и без зависимости от римского префекта. Падению префектуры в значительной степени содействовало основание Константинополя. Часть хлеба (весь хлеб Египта) переходит для тамошних раздач печеного хлеба, которыми, как кажется, заведует не особый префект, а префект города».

Итальянский исследователь Пьерфранческо Порена в статье «Административная реорганизация Италии. Константин, Рим, сенат и равновесие римской Италии» пишет: «Префект анноны, ответственный за контроль над поставками зерна и масла и за относительно безвозмездное их распределение, вошел в орбиту префекта, по крайней мере в том, что касается бесплатных раздач хлеба. Время, в которое полномочия по римским раздачам были включены в сферу городского префекта, скорее всего, 330—331 гг.: с освящением Константинополя продовольственное снабжение было пересмотрено таким образом, что зерновые потоки из Египта и префектуры Восток стали направляться в новую большую резиденцию Константина на Босфоре, в то время как зерновые потоки из Африки, Сицилии и пригородных провинций предназначались для Рима».

Сохранилась надпись на камне, по которой мы узнаем, что с 337 года стали чествовать городского префекта как покровителя пекарей (*pistores*), чья корпорация (коллегия) имела права выпекания хлеба, предназначенного для раздач городским жителям.

Жесткость и даже жестокость в исполнении «хлебных законов» была хорошо известна. Например, упорядочивший законы о хлебе и зерне «Кодекс Феодосия» (*Codex Theodosianus*) среди других угроз наказаний за неисполнение закона определял (пункт 14.17.2): «Передача хлеба *gradilis* запрещена, дежурным на рынках грозит суровое на-

казание, если они совершают действия по неразрешенной передаче или меняют правила».

Чтобы понять, о каком хлебе под маркой *gradilis* идет речь, приведем цитату из статьи о фрументарных законах Уильяма Смита в «Словаре греческих и римских древностей», изданном в Лондоне в 1875 году. «Изменения были также введены в более поздний период (речь идет как раз о времени, когда жил святитель Николай. — К. К.-С.)... Вместо того, чтобы каждый месяц раздавать зерно, людям давали пшеничный хлеб... Испеченный хлеб доставляли на различные городские склады, откуда в определенные дни его забирали владельцы. Эти склады имели ступени (градусы), ведущие к ним. Отсюда и хлеб назывался *panis gradilis*. Существовали самые строгие правила, по которым хлеб должен быть распределен только со складов и никогда не мог быть получен в пекарнях... Когда Константин перевел столицу в Константинополь, система безвозмездной раздачи хлеба была также перенесена в этот город. Для того чтобы поощрять строительство домов, все домовладельцы имели право на долю императорской щедрости... Забота, с которой осуществляли потом другие императоры правила, подтверждающие, что и Рим, и Константинополь должны быть надлежащим образом снабжены хлебом, отразилась в Кодексе Феодосия».

В глобальном труде историка, профессора, члена Королевской академии Бельгии Жана Пьера Вальцинга (J. P. Waltzing) «Историческое исследование профессиональных корпораций среди римлян от истоков до падения Западной империи», второй том которого был выпущен в Левене в 1896 году на французском языке, рассказывается о профессии «пекарь» и положении корпорации (коллегии) пекарей в римском обществе. Мы можем узнать здесь много любопытного, связанного с распределением хлеба среди населения.

«В четвертом веке, — пишет Вальцинг, — корпорация [пекарей] полностью служит общественности; пекари стали публичными. Они делали два вида хлеба, *panis gradilis* (о нем мы уже говорили), который раздавали бесплатно в обеих столицах, и *panis fiscalis* (хлеб бюджетный), который они продавали по низкой цене римлянам. Обслуживающий персонал зернохранилища поставлял хлеб бесплатно, работал в амбарах Рима и Константинополя. Им строго было запрещено брать пшеницу... Чтобы предотвратить голод, Феодосий Младший, например, создал позднее в Константинополе кассу для покупки зерна».

И еще несколько важных подробностей, связанных со временем, когда жил святитель Николай. Вальцинг продолжает: «В IV столетии существовало 258 государственных римских пекарен. В Константинополе десять квалифицировались как publica (публичные) и сто двадцать как private (частные). В них производилась тройная работа: помол зерна, разминание теста и приготовление хлеба... Водяные мельницы были введены в IV веке, когда сами мельницы (помол) были отделены от пекарен».

Труд пекарен был весьма упорядочен. Вальцинг пишет: «В каждом регионе обеих столиц (имеются в виду Рим и Константинополь. — К. К.-С.) были платформы, по которым поднимались ступеньки (градусы, panis gradilis). Они были рядом с пекарнями, и в каждой пекарне их было от одной до нескольких. На этих ступенях были размещены столы из латуни с именами законных владельцев хлеба и количества, которое каждый имел право получать. Списки составлял специальный префект. Точные правила распределения хлеба были изложены для пекарей, а сотрудники префекта соблюдали их. Таким образом, никто не мог получить хлеб тайно или без разрешения».

В истории со спасением святителем Николаем населения Мир от голода важную роль играют морские перевозки зерна. Во всяком случае, владельцы таких судов или их капитаны становятся ключевыми фигурами в этих событиях. Как же происходила доставка хлеба из Египта в Константинополь в те годы?

Надо сказать, что в доставке хлеба поощрялась частная инициатива, давались серьезные преимущества тем, кто предлагал суда определенной вместимости для службы снабжения столиц Империи, то есть всем, кто привозил товары на рынок для жителей, особенно — зерновые продукты и масло. Как пишет Вальцинг, «первоначально корпорации *navicularii* (судовладельцев) объединяли всех, кто имел суда, невзирая на то, были ли они загружены государственным товаром или нет. Рядом с судовладельцами наконец появились и торговцы — не судовладельцы, которые представляли римский рынок. Они также получили особые привилегии, им было разрешено образовывать корпорации. Речной транспорт и морская торговля, занимавшиеся продуктами питания, поощрялись императорами, которые упорядочили три вида перевозок зерна:

1. Матросы-лодочники (*nautae*) — по рекам и озерам.

2. Моряки (*navicularii marini*), владельцы морских судов или одновременно судовладельцы и торговцы, подрядчики общественного транспорта или перекупщики, поставляющие зерно на рынки столиц.

3. Простые торговцы зерном, маслом и иными товарами, снабжающие столицы».

В случае со святителем Николаем мы встречаемся с теми перевозчиками, которые подходят под второй и третий пункт. То есть это могли быть как владельцы судов, так и арендаторы-торговцы. Но все они везли зерно напрямиком в Константинополь.

Император Константин хотел наделить город, который он основал, всеми преимуществами, как и в Риме. Вальцинг считает, что «в Константинополе, как в новой столице, хлеб распределяли среди трех классов граждан: 1) среди определенного количества бедных граждан, как в Риме (*annona popularis*); 2) среди *palatini*; 3) среди избранных военных, включая охрану дворца (*annona militaris*)».

Чтобы понять, кто такие *palatini*, обратимся к словарю Брокгауза и Ефрона: «*Palatini* — обозначение всех лиц, принадлежавших к *palatium* — императорскому двору римских и византийских цезарей. В более узком значении под *Palatini* подразумевался весь персонал, подведомственный заведующему финансами и управляющему кабинетом императора. Кроме того, *Palatini* был военный термин... *Palatini* составляли самые привилегированные полки армии».

Почему тогда почти весь хлеб везли в Константинополь? Вспомним, что император Константин поощрял строительство новых домов в новой столице, для чего раздавал хлеб тем, кто это осуществлял. Может показаться странным, но этот факт наталкивает на разгадку того, почему тогда произошел голод. И дело было не только в засухе или в неурожае. Произошло то, что можно назвать неправильной политикой или неожиданным отсутствием заботы правителей о завтрашнем дне.

Для осознания этого приведем еще одну цитату из Вальцинга: «Когда человек, имеющий законные права на получение хлеба, умирал или покидал город, его доля становилась недействительной и могла быть предоставлена только гражданину того же класса. По его [императора Констан-

тина] решению тот гражданин, кто построил дом в столице, получал panis aedium (буквально — “домовой хлеб”). В 332 году, через два года после основания своего города, Константин перевел это учреждение сюда из Рима, чтобы ускорить развитие новой столицы. Выдачи хлеба были ежедневными и безвозмездными. Эти раздачи “домового хлеба” была закреплены за зданиями, а не за людьми, они передавались покупателю или наследнику вместе с домом, и отменены были, только когда Феодосий Великий разрешил отчуждение права на хлеб без учета наличия дома. Сократ говорит о количестве хлеба, который распределял Константин, повествуя о ежедневных распределениях 80 000 бушелей в день (до 3 тысяч тонн. — К. К.-С.)».

Не все исследователи согласны с такими расчетами Вальцинга. Например, Анри Пиджено (Henri Pigeonneau) в своем труде «De convectione urbanae annonae et de publicis naviculariorum corporibus apud Romanos» 1876 года считал, что надо иметь в виду не вес, а количество батонов хлеба. То есть раздавалось до 80 000 батонов (а не бушелей) в день. Если принять вес батона как один килограмм, то жители получали ежедневно до 80 тонн хлеба (о чем мы уже говорили).

Когда мы рассуждаем о неправильной политике по распределению хлеба в момент наступления голода, в спасении от которого участвовал святитель Николай, то в конкретном случае имеем в виду факт из Собрания документов Византийской истории (*Chronicon paschale*), отмеченный 332 годом, где рассказано следующее: «По указу императора с 18 мая стали распределять много хлеба гражданам Константинополя». Написано это было не случайно. По мнению историка А. В. Бугаевского, с этого времени «начались поставки хлеба из Александрии в Константинополь». Но это не совсем так. Зерно из Александрии привозилось в столицы империи — Рим и Никомидию — уже десятилетиями. Попадало оно и в Византий, который в те годы превратился в Константинополь. Но в 332 году в новой столице вдруг неслыханно щедро было выдано «много хлеба». По всей видимости, император Константин как раз хотел поощрить тех, кто обустроивался для жизни в Константинополе. Поддержка хлебом была специальной и намеренно «громкой», отчего попала даже в летописание.

Но оказалось, что выдача бесплатного хлеба в 332 году была не просто чрезмерной. Она, скорее всего, попала в хронику и запомнилась потому, что имела совсем другие

последствия. То, что зерно стало во множестве и бесплатно выдаваться с весны, означало наличие в прошлом, 331 году отличного и богатого урожая. Зимние сбережения тогда не были исчерпаны. Хлеб весной 332 года вынимали из хранилищ в большом количестве, затронув запасы для посевов на осень. Видимо, и в этом 332 году с урожаем было все в порядке, и предполагалось, что следующий год также будет не менее урожайным.

Но случилось наоборот. В 333 году наступила засуха. А хлеб уже раздали.

Вот почему случилась такая нелепая ситуация, когда надо было спасать людей от голода. Потому и ужесточились правила перевозок зерна по морю. И оттого история со святителем Николаем стала настолько известной, что вошла в его Житие как особенное деяние.

В итоге мы можем более точно назвать время событий, связанных с преодолением голода в Ликийи, в которых участвовал святитель Николай. Это осень—зима 333 года, когда запасы в империи истощились, но в Египте пусть и не особенно хороший, но урожай уже созрел, был убран и его вновь стали доставлять из Александрии на север.

Мы назвали 333 год. Почему? Для исчисления точной даты спасения святителем Николаем жителей Мир Ликийских от голода (а это, несомненно, исторический факт) последуем знаменитому сочинению Феофана Исповедника «Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта», созданному в начале IX столетия. Расписывая события по годам, Феофан трижды упоминает голодные времена. Следует сказать, что даты, приводимые Феофаном, вычислены им по другой формуле, не так, как считаем теперь мы. То есть они не совпадают с общепринятыми сегодня. Летописец принял для своего труда александрийскую эру от Сотворения мира. По такому исчислению предполагалось, что Рождество Христово произошло в 5501 году (а не в 5508 году, как позднее считали в Византии и в России). Однако в приводимом нами переводе труда Феофана, осуществленном В. И. Оболенским и Ф. А. Терновским в XIX столетии, даты от Рождества Христова все равно вводят в заблуждение, так как в конечном итоге для получения правильного результата следует отнимать 5492 или 5493. Однако не будем углубляться в эти сложности.

Но все же надо знать, что когда мы будем приводить год в цитате Феофана, то к нему придется добавить 9, чтобы он стал правильным. Для самопроверки мы использовали год проведения Первого Вселенского Никейского собора, который, как известно, произошел в 325 году и в котором принимал участие святитель Николай. Феофан датирует его так: «5816, Р. Х. 316. В сем году... был святой и вселенский первый собор, состоящий из трех сот восемнадцати отцов, из которых многие были чудотворцы, равноангельные, раны Христовы на теле носившие от предыдущих гонений». Добавляем к указанному Феофаном 316 году 9 и в итоге у нас правильный ответ — 325 год!

Итак, к голодным годам автор летописания Феофан относит 297-й («плюсуем» 9 и получаем правильную дату — 306 год от Рождества Христова). Он пишет: «5797, Р. Х. 297... Поднялись войны, мятежи, голод, мор и до такой степени удушливая засуха, что недоставало живых, чтоб хоронить мертвых; посылаемы были громы и страшные явления; всякий думал только о себе и многие работы были брошены недоделанными».

Другой датой голода Феофан называет год 324-й (то есть 333-й). «5824, Р. Х. 324, — пишет Феофан. — В сем году, при наступлении восьмого Индиктиона, произошел на Востоке жесточайший голод, так что народ целыми селениями приходил в страны Антиохийские и Кипр: сперва пришельцы только ночью грабили, что случилось, а потом и среди дня вторгались в житницы и магазины, все расхищали и уходили. Мера хлеба стоила сорок сребреников. Но великий Константин раздавал по городским церквам продовольствие для постоянного содержания вдов, сирот, странников, бедных и клириков. Антиохийская церковь получила 36 тысяч мер хлеба. В том же году случилось страшное землетрясение в Кипре; город Саламин разрушился, и в нем много погибло народа».

И наконец, он приводит еще один год — 329-й (то есть 338-й), когда «5829, Р. Х. 329... Персы потеряли всякую надежду на покорение города, и потому они, словно гонимые духом молитв его, вдруг отступили и, возвратясь в свою сторону, нашли воздаяние за нечестие свое, именно, голод и мор».

Последняя цитата нас не устраивает по разным причинам. Во-первых, голод происходит в Персии. А во-вторых, вполне возможно, в 338 году (о чем подробно см. ниже) святитель Николай уже скончался.

Теперь первая цитата. Мог ли, по Феофану, тот самый голод произойти в 306 году? Голод — да. Но не участие в нем епископа Мир Ликийских. Ибо он в этот год почти наверняка находился в застенках, был заточен в тюрьму. То есть не мог бы реально принять участие в событиях. Хотя сами эти события были не вполне реалистичны с точки зрения здравого смысла. Кроме того, в рассказах о голоде и святителе Николае упоминается Константинополь как столица империи. А в 306 году этого еще не произошло. Однако даже после всего вышеперечисленного мы не можем полностью отвергать возможность датировки событий 306 годом. Почему? Потому что святитель Николай являлся купцу во сне, а не наяву. И темница не могла бы ему в этом помешать...

Поговорим теперь о наиболее вероятной дате событий — 333 году. Во-первых, здесь упоминается не просто трагедия, а то, что «произошел на Востоке жесточайший голод». Под Востоком, конечно же, подразумевается Анатолия (Асия), а значит, и ее часть — Ликия. Голод, таким образом, был повсеместным в восточной части Римской империи. Читаем дальше: «мера хлеба стоила сорок серебряников». То есть хлеб можно было достать, но за очень большие деньги. Вспомним, что сделал святитель Николай. Он, не пожалев денег, выкупил у купца зерно! То есть пожертвовал немалыми средствами, чтобы преодолеть голод для сограждан. При этом поразителен факт, что «великий Константин раздавал по городским церквям продовольствие для постоянного содержания вдов, сирот, странников, бедных и клириков». Видимо, этого хлеба не доставало. Но привозили его в первую очередь из Египта. А это значит, что по дороге в Константинополь суда останавливались и на Кипре, и в Мирах. И здесь можно предположить, что святитель Николай так все устроил, что смог договориться с Константинополем об оставлении части запасов зерна в своем кафедральном городе без доставки в столицу. Возможно, жителям пришлось даже за это заплатить. Но они благодаря его усилиям были спасены.

Интересен факт, приводимый Феофаном, о землетрясении на Кипре в этом же 333 году. Он называет его «страшным», даже «город Саламин разрушился, и в нем много погибло народа». Это означало, что многие суда в тот год не могли швартоваться на Кипре по пути в Константинополь. Они поэтому чаще приставали к берегу в порту Андриака у Мир Ликийских. А это и поспособствовало тому, что свя-

тителю Николаю удалось получить для жителей источник жизни — зерно, продовольствие, еду.

Добавим к записям Феофана Исповедника рассказ из «Истории» Евнапия Сардского, жившего на рубеже IV—V столетий, где он, описывая события эпохи императора Константина Великого, не очень симпатизируя ему, как ярый философ-язычник, упоминает о продовольственном кризисе в Константинополе и в Ликии как раз в те самые времена, о которых мы здесь говорим. Сведения мы находим также в его «Жизнеописании философов» (*Vita Sophistae*), современников святителя Николая, в частности, в истории с философом Сопатром (Сосипатр, Сопатрос) Апамейским, которая помещена Евнапием после раздела о жизни философа Эдесия. Рассказывается, что Сопатр, в отместку за то, что император Константин не поддался на его уговоры по возвращению к язычеству, вызвал своими гадательными и магическими действиями голод в Анатолии. За что и был казнен (до 337 года). Говорили, что по ложному доносу. Но сам факт голода здесь исторически подтвержден.

Известно, что Сопатр бывал у императора Константина дважды — около 327 года в Никомидии и в 327—328 годах в Константинополе, став даже его другом и советником. Однако голод явился причиной его казни. Так как мы уже знаем, что голод происходил и ранее — в 306 году (а Константинополь тогда еще не был столицей), а другой продуктовый кризис случился в 338 году (к этому времени Сопатр уже был убит), то остается лишь та самая дата — 333 год. Почему не 328-й, например, когда он посетил Константинополь? Да потому, что тогда Сопатр был еще другом императора. А перестав им быть, чуть позднее — как раз и произвел те самые действия магического свойства, которые ему приписывали. Историк Евнапий его кончину обрисовал так, что мы видим ясную картину бедствия того времени, убедительно напоминающую нам историю с морскими судами, которые перевозили зерно для спасения голодающих в империи.

«Константинополь, который первоначально назывался Византией, — писал Евнапий, — в те времена использовал для снабжения афинян регулярные запасы зерна, его завозилось огромное количество. Но теперь ни большой флот торговых судов из Египта и со всей Азии, ни изобилие зерна, которое Сирия, Финикия и другие народы привносили как дань уважения и которое император Константин перевозил в Византию, опустошив другие города, не могли быть

достаточными для удовлетворения всех. Более того, бывало, что сам порт Византии не мог принимать суда, следующие к нему, если не дул сильный ветер с юга. Тогда и произошло именно это, из-за характера времени года. Граждане империи были измучены голодом... Те, кто давно завидовал, подумали, что это прекрасный повод для мести, и сказали: «Это Сопатр, тот, кого ты чтишь, сковал ветер тем чрезмерным мудрствованием, которое вы сами восхваляете и с помощью которого он даже хочет сесть на императорский трон». Когда Константин услышал это, то он поверил всему и приказал отрубить Сопатру голову. И завистники позаботились о том, чтобы он не просто сказал, но и сделал это. Аблабий был ответствен за все это зло, потому что, хотя он и был префектом преторианцев, он чувствовал смертельную зависть к Сопатру, который получал больше внимания от императора, чем он сам».

Современный исследователь, о. Джерардо Чоффари (padre Gerardo Cioffari) из итальянского города Бари (Bari, Italia), где хранятся мощи святителя Николая, будучи автором многих статей и книг о святом, также упоминает о странном положении дел при дворе императора Константина. Тогда «все боялись», и «Аблабий обвинил своих врагов в том, что они магическими действиями препятствовали прибытию пшеницы из Египта». Чоффари при этом ссылается на труд известного исследователя жизни святителя Николая — Ф. Р. Тромбли «Греческая религия и христианизация» (*Trombley F. R. Hellenic Religion and Christianization*), опубликованный в 1995 году в сборнике «Religions in the Graeco-Roman World». Тромбли указывает: «Если согласиться с тем, что некоторые люди обладали демонической силой и умели изменять потоки ветра, то такой акт был опасным: граждане империи могли восстать, если бы запасы зерна в городе закончились. И если Аблабий боялся за свою должность, то Константин боялся за потерю своего трона».

Действительно, Флавий Аблабий — приближенный к императору — убедил Константина в том, что провал поставок зерна в Константинополь был вызван магическим искусством языческого мудреца Сопатра, который тогда уже выступал со словесными нападками на императорский двор. И вот что поразительно, до нас дошло редкое письмо, которое в 333 году император Константин направил Аблабию, где он считал важным при судебном процессе право обжалования каждой стороной решения епископа, а не

только гражданского судьи... Вероятно, само письмо было как-то связано с судом над Сопатром и иными язычниками. Даты голода, суда и описание событий — совпадают. И очень вероятно, что все имеют отношение к 333 году.

Здесь следует заметить, что, по мнению историка А. В. Бугаевского, автора «Нового Жития святителя Николая», «поставка зерна из Александрии в Константинополь прекратилась в августе 618 г. после завоевания Египта персами». Но это не совсем так. Поставки в Константинополь тогда прекратились временно, а не окончательно. К тому же они остановились немного ранее 618 года. Читаем в «Хронографии» у Юлиана Исповедника запись, датируемую 616 годом: «В сем году персы заняли весь Египет, Александрию и Ливию до самой Эфиопии и с великим пленом, с великою добычею и деньгами возвратились». Проблемы с персами длились еще несколько лет, но они повлияли на собирание зерна и доставку его в Константинополь лишь на короткое время. Кстати, в 616 году, когда полководец персов Шахин захватил и поработил Египет, в Константинополе был голод. Как раз по этой причине. Но спустя несколько лет, после ухода персов, поставки возобновились.

А. В. Бугаевский упоминает август 618 года. И не случайно. Следуя *Chronicon paschale* (анонимная византийская «Пасхальная хроника»), в записи за 618 год мы находим текст, повествующий о том, что хлеб перестали выдавать в Константинополе. Но речь идет не о прекращении доставки зерна в столицу империи, а об отмене бесплатной раздачи хлеба! Читаем в записи за 618 год: «В этом году владельцы, или граждане, имеющие гражданское право на получение хлебов... узнали, что с 6 августа упраздняется раздача целых буханок среди граждан».

Относительно окончательного прекращения доставки зерна из Египта нам ближе точка зрения Эрнста Кирстена, который в своем труде «Артемиды Эфесская и Элевтера Мирская» придал этому особое внимание. По его мнению, «поставки в столицы из Египта... закончились после завоевания Александрии арабами в 642 году». Не персами в 616-м, а арабами в 642-м. Историк А. В. Бугаевский пишет о поставках хлеба: «...в 650 г., после завоевания Египта арабами, они полностью прекратились». Однако известно, что не 650-й, а 640 год стал началом завоевания Египта арабским войском. Уже в сентябре 641 года произошло взятие

арабами Александрии. После этого доставка зерна в столицы империи отсюда стала невозможной, и вот тогда она фактически и прекратилась, что существенно повлияло на ход византийской истории...

Хотя бесплатная раздача хлеба была прекращена намного ранее.

Вот что исследователь Э. Кирстен пишет по поводу голода в 333 году: «Житие епископа Николая было связано со строительством и работами в Андриаке, гавани Миры. Самым древним из чудес (тут Кирстен ссылается на капитальный труд Густава Анриха. — К. К. -С.) было определено чудо размножения зерна. Чтобы снабдить свой голодающий город Мира едой, святой в Андриаке забирает пшеницу с судов имперского зернового флота, идущих по пути из Александрии в Константинополь, совершив это без потери зерна при разгрузке».

Где хранили зерно в Римской империи и, в частности, в Мирах Ликийских? Столетиями система такого хранения была тщательно налажена. Для этого в городах строили специальные постройки, как правило, из камня, которые называли *Horreum* (амбар, зернохранилище). Такой тип общественного склада обрастал затем торговыми рядами и становился неким торговым центром. Часто в зернохранилищах содержали не только пшеницу или овес, но и другие продукты длительного хранения, такие как оливковое масло (его производством славились Миры Ликийские), вина и даже одежда.

В «Словаре античности», изданном на немецком языке Лейпцигским Библиографическим институтом, разъясняется так: «Хорреум (лат. *horreum*), склад или амбар для различных товаров, особенно для зерна (*granarium*), часто оборудованный вентиляцией, а также имеющий емкости для хранения, полки, перегородки. Хорреумы имелись при дворцах, святилищах, лавках, рынках, военных лагерях, городах».

Чтобы защищаться от грабителей, вокруг хранилищ строили сложные системы ходов, дверей и ворот. Да и пожара можно было избежать благодаря толстым каменным стенам и узким окнам. В таких амбарах государственное зерно становилось недосыгаемым для посторонних. Снижение цен, бесплатная раздача хлеба в Римской империи сделали спекуляцию зерном почти невозможной. По-

высить цены купцы, даже по сговору, могли бы только в исключительных случаях.

А исключением как раз и являлись периоды голода. Хотя и редкие, но они бывали. В Римской империи были даже известны продуктовые бунты среди населения. Но, удивительно, они всегда были связаны с нехваткой именно зерна. То есть это были «зерновые бунты». Недостача же других продуктов, как правило, не становилась поводом для восстаний.

Если еще раз обратиться к труду Вальцинга, то мы узнаем, что «персонал амбаров обслуживал население под строгим контролем префекта аннона (префект анноны — *praefectus annonae* — римское должностное лицо, контролировавшее поставки пшеницы в столицы. — К. К.-С.) и его сотрудников. В IV веке, как известно, количество *horrea publica* (общественных зернохранилищ) в Риме было 295, они располагались во всех районах. Часть из них, вероятно, была зарезервирована как государственный резерв (запас), а остальные — сдавались в аренду».

Для определения количества амбаров Вальцинг взял информацию из *Curiosum urbis Romae* — официального обзора главных событий жизни кварталов имперской столицы, возникшего тогда же, в IV столетии от Рождества Христова.

В Мирах Ликийских были построены свои амбары — *horreum*. На северной стороне входа в город-порт Андриака находятся остатки большого римского зернохранилища. До настоящего времени сохранилось здесь огромное каменное здание, возведенное еще императором Адрианом. В «Словаре греческой и римской географии» Уильяма Смита, изданном в Лондоне в 1854 году, отмечено, что это постройка «с надписью, в которой говорится, что это был хорреум Адриана: дата — третье консульство Адриана, то есть 119 г. н. э.».

Современный исследователь Мир Ликийских Э. Кирстен пишет: «Местные жители и нынешние посетители в порту Андриака видят житницу для хранения зерна с надписью строителя Адриана. Остается открытым вопрос, служили ли эти житницы (хранилища зерна, амбары — хорреум) местом хранения присвоенного Римом восточноликийского зерна в виде дани, а может, они предоставлялись для поддержки и пропитания проходящих мимо войск... Можно предположить, что в амбарах хранилось зерно, по крайней мере, в течение зимы, а затем оно должно было от-

правляться в другие места либо оставаться для провинции Ликия».

Тот, кто бывал в турецком Демре (бывшие Миры Ликийские и порт Андриака), видел хорреум-хранилище, который напоминает величественный храм, а не склад продуктов. Это потому, что на Востоке империи сложилась такая традиция, особый архитектурный дизайн — амбары строили похожими на дворец. Причем такой стиль появился задолго до тотального прихода сюда римлян.

Уже в наши дни, после раскопок и реставрации, которые провели по инициативе турецкого правительства, зернохранилище Адриана в Андриаке-Мирах было превращено в Музей ликийских цивилизаций. Выяснилось, что уникальный амбар (или то, что от него осталось) имеет семь комнат, длину 56 метров и ширину 32 метра.

Здесь и хранилось то самое зерно, которое в нужный момент с таким трудом по инициативе святителя Николая из рук моряков и купцов попало к жителям города и спасло их от неминуемой гибели.

Интересные выводы сделал в XIX столетии автор труда «Св. Николай и Артемида Эфесская» Е. Аничков, который не случайно заметил важность деяния святителя в связи с голодом в Мирах. Вот что он писал, опираясь на рукописный сирийский текст Жития святителя, по его словам, «датированный 1247 годом Селевкидской эры, т. е. 936 г. по Р. Х.», хранившийся тогда в Британском музее, в Лондоне:

«Еще во времена этого святого и великого Николая сильный голод был в местности Ликии. Один раз пришли из Александрии нагруженные пшеницею суда, шедшие в Константинополь, и, прибыв к городу святого, вошли в тамошнюю гавань. Святой, узнав, что они нагружены пшеницею, вышел в гавань и сказал морякам: “Отпустите из этой пшеницы, чтобы мы купили у вас и не погибли от голода”. Моряки отвечали и сказали ему: “Пшеница эта принадлежит государству, и мы не можем ничего из нее вам продать”. И сказал им подвижник: “Ну что ж, дайте мне каждое судно по 100 мер (Аничков здесь употребляет другую меру объема-веса. — К. К.-С.), а когда вы прибудете в Константинополь, то все, что будет недоставать вам, я там отдам вам”. Они отпустили и дали ему с верою сто мер от каждого судна. Тогда стал им приятный ветер, и они шли, пока не прибыли в Константинополь. Когда они смерили пшени-

цу, то она нисколько не уменьшилась, а как при выходе их из Александрии, такую и нашли ее. Увидев чудо это, они восхвалили Бога, исполняющего желание любящих Его. А святой взял эту пшеницу и снес ее нуждающимся, и они ели ее весь тот год, и осталось от нее на посев, и все они восхвалили Бога и прославили святого Николая».

Но Аничкова, так же как и нас, интересует и второй рассказ о зерне, связанный с купцом, которому святитель явился во сне. Вот как исследователь XIX века анализирует события, ссылаясь на «*Patrologiae cursus completus*» (первая часть так называемой «Латинской патрологии»): «Второй рассказ о чудесном увеличении количества хлеба на кораблях, — пишет он, — плывущих из Антиохии в Константинополь, сильно разнится от обыкновенных версий этого сказания. Всего чаще рассказывается, что святой явился в голодный год купцам, торгующим хлебом, и они под влиянием этого видения привозят хлеб в Миры. Наш рассказ опять-таки проще, потому что святой не является купцам, чтобы привлечь их в Миры, а просто пользуется тем, что они по дороге останавливаются в Мирах».

Почему существуют два варианта событий, связанных с голодом в Ликии? Это вопрос также интересовал Аничкова. Но он не смог дать на него определенного ответа. Можно сказать, что причиной этому стали два разных главных житийных изложения, каждый из которых использовал свои источники. Так и появились, например, упомянутые нами в начале данной главы «Энкомий Мефодия» и «Энкомий Неофита». Видимо, авторы пользовались разными рассказами очевидцев. Или же здесь все-таки сыграли роль уже тогда бытовавшие разные Жития двух различных епископов Николаев из города Миры (об этом, как мы уже говорили, будет рассказ в отдельной главе).

Аничков размышлял так: «Сказание о голоде само по себе весьма интересно, потому что оно, встречаясь в разных типах житий, рассказывается, однако, совершенно различно. Я подробно разобрал сказание о голоде, находящееся в житии, изданном арх. Леонидом (речь идет о публикации архимандрита Леонида «Посмертные чудеса св. Николая» 1888 года. — К. К.-С.), и постарался объяснить его как отзвук старого весеннего культа св. Георгия или Митры. Рассказ, с которым мы имеем дело теперь, не поведет нас ни к каким мифологическим сближениям, но стоит зато в центре целого ряда подобных рассказов о моряках, приезжающих в Миры из Александрии, Антиохии, Константино-

поля и даже Венеции. Что Миры были станцией на водном пути между Сирией и Египтом с одной стороны и Константинополем, Афинами и Италией с другой, можно считать не подлежащим сомнению... Во все времена по Средиземному морю велась между востоком и западом оживленная морская торговля»...

К рассказу Е. Аничкова можно добавить еще несколько историй, связанных с деяниями святителя Николая во время голода, появившихся значительно позднее в Европе и в самых различных жанрах. Наиболее известной из них является житийный текст, написанный в виде религиозной поэмы выдающимся средневековым нормандским поэтом по имени Вас (Wace), который был уроженцем острова Джерси и жил в XII столетии.

Его перу принадлежит «Жизнь Святого Николая» (*Vie de Saint Nicolas*), изложенная в стихотворной форме. Поразительно, но описание событий, связанных с голодом, совпадает с рассказом сирийской рукописи из Лондона, о которой упоминал Е. Аничков. Поэт Вас пишет, что у купцов, перевозивших зерно, весь будущий хлеб был взвешен и тщательно оформлен. Они должны были доставить его в Константинополь. Купцы «опасались больших приключений и опустошения трюмов». Но «по призыву святого Николая» (*out saint Nicolas un message*), преодолевая сомнения, они соглашаются передать хлеб жителям Миры.

Когда же купцы, по Васу, приезжают в Константинополь (*apres s'en vont en lor pais*), то — о чудо! — все зерно у них сохранилось, будто не тронутое.

Современная исследовательница творчества Васа, профессор Франсуаза Ле Со, в своем справочнике по произведениям поэта указывает, что «наиболее правдоподобным эпизодом в житии, вероятно, является чудо, которое рассказывает о чудесном увеличении Николаем количества пшеницы во время голода. Вступительное слово написал сам Вас, а заключительный латинский комментарий опущен. Но в остальном текст замечателен».

Другое сочинение, о котором хотелось бы здесь сказать — это средневековая мистерия Жана Боделя из Арраса «Игра Святого Николая» (*Jeu de Saint Nicolas*). Иначе такие постановки называют «миракль» (от *фр.* miracle, или от

лат. miraculum — чудо). Сюжетом такого миракля как раз и становилось чудо, совершенное святым, или его Житие. Словарь Брокгауза и Ефрона в начале XX столетия пишет, что «миракли произошли из гимнов в честь святых и из чтения их житий в церкви. Латинские миракли большей частью сочинялись (в рифмованных стихах) и разыгрывались студентами и молодыми клириками накануне праздника святому. Есть ряд таких мираклей, где главным действующим лицом является св. Николай Чудотворец, и четыре из них приписываются Гиларию, ученику Абеяра (XII в.); в некоторых встречаются припевы по-французски. От начала XIII в. есть французский стихотворный миракль... автор которого, Жан Бодель из Арраса, в основу своей драмы положил известную легенду о том, как “варвар” доверил свое сокровище св. Николаю, и когда это сокровище было похищено ворами, святой заставил их угрозами возвратить похищенное. Бодель предпослал своей пьесе пролог, где сказано, что она дается накануне Николина дня, и самую легенду значительно распространил и видоизменил».

В миракле нет прямого указания на голод в Мирах. Но есть другое, не менее важное указание — на то, как святитель Николай относился к деньгам, к их сохранению, к тратам на народные нужды. Текст также напоминает нам о том, что вся история с зерном может представлять из себя нравоучение не о хлебе насущном, а о хлебе духовном. То есть чудо всегда возможно и наполнение чаши изобилия всегда осуществимо, если верить в силу молитвы, в помощь Божию и в содействие со стороны святителя Николая.

Не важно — сколько было зерна. Не имеет значения — сколько средств на его приобретение было затрачено. Важен факт мгновенного расставания с деньгами ради спасения жизней людей.

Ситуация с голодом еще раз показывает, как святитель Николай относился к деньгам. Еще ранее, получив большое и богатое наследство, он его раздал другим. Мешочки с деньгами он бросал в окна нуждающимся. Он выкупал пленных и тюремных узников. Наконец, он сумел заплатить за зерно, которое спасло население целого города и, возможно, всей провинции.

Средневековый миракль приоткрывает нам некую завесу над этой таинственной способностью святителя Николая приумножать средства и защищать их от напастей для пользы нуждающимся.

Важной характеристикой святителя Николая становятся такие слова из миракля «Jeu de Saint Nicolas» (перевод со старофранцузского И. И. Гливенко, 1930 год), когда христианин объясняет — кто таков его небесный покровитель: «Этот святой Николай, помогающий угнетенным; чудеса его всем явны: он возвращает все потери, он выводит заблудших на истинный путь, он призывает к Богу неверных, возвращает зрение слепым, воскрешает утопленников; вещь, вверенная его хранению, не потеряется и не испортится, даже если бы то был этот дворец, полный золота; только бы он был поставлен при казне: такова милость Божия, им данная».

«Возвращает все потери»... Не напоминает ли это возрожденные запасы зерна, которые чудесным образом вновь оказались в судовых трюмах? «Хранение казны»... Не отсылает ли эта формула к тому осознанию чудес святителя Николая, когда он распоряжается богатствами и денежными средствами так, что они становятся не в ущерб, не во зло, а в добро и достояние?

Неплохо об этом сказал современный исследователь мираклей Денис Хюэ в своем труде «Игра Святого Николая: о значении денег» (*Hüe D. Le Jeu de saint Nicolas: questions d'argent*). Он напоминает, что святитель Николай «защищает город Миры от голода в двух чудесах: в одном он отвлекает суда, груженные пшеницей, которые должны прибыть в Константинополь, и кормит жителей, при этом трюмы остаются полны до краев по прибытии их в имперскую столицу, в другом он появляется во сне торговцу из Сицилии, который, проснувшись, видит золото и поднимает паруса, чтобы привезти еду в Миры».

Не случайно исследователь жизни Николая Чудотворца Э. Кирстен, рассуждая о чуде святителя, связанном с голодом, приводит и другой рассказ, называемый «Деянием о стратилатах» (стратилат — воин, подробно о них читайте в следующей главе). Важно, по мнению автора публикации «Артемиды Эфесская и Элевтера Мирская», что воины, благодарные святителю Николаю за свое спасение, «трижды прибывали в Андриаку», и это как-то было связано «с перевозками зерновых».

А связано оно было с тем, что однажды стратилаты привезли в знак благодарности епископу Мир Ликийских огромную сумму денег — 9 тысяч золотых монет. Как мотивировалось — «на пропитание нищим». Предполагается, что они сделали это после 334 года (А. В. Бугаевский), то есть после голода, чтобы помочь тем, кто его пережил.

Нам же представляется, что события развивались как раз наоборот. Приехав к святителю в 333 году, когда начался голод, богатые воины, придворные императора привезли деньги святителю Николаю, зная, что они могут помочь пережить бедствие в Мирах. Они не ошиблись, святитель распределил средства так, чтобы помочь всем.

А действительно, — откуда иначе у него могли появиться такие деньги, чтобы купить у купцов-капитанов зерно в большом количестве, дабы обеспечить всех жителей? Заметьте, речь ведь идет о стоимости зерна не в обычное время, а в момент голода, то есть когда его цена, вероятнее всего, увеличивается многократно!

Таким образом, мы можем определить источник получения святителем Николаем денег для закупки пшеницы. Датировка событий вполне совпадает. И определяется она просто, ибо риторически «Деяние о спасении от голода» и практически «Деяние о стратилатах» — это рассказ о реальных исторических событиях, которые подтверждаются документами — историческими источниками.

В чем мы с вами и убедились.

Итак, одно из последних деяний епископа Николая, совершенных им при жизни, — спасение ликийцев от голода, — видимо, было связано с тем, что он чувствовал свою приближающуюся кончину. Потому и поступил так решительно и смело, не боясь нарушения суровых римских законов. Ему после 333 года, вероятнее всего, действительно оставалось короткое время для жизни. Здоровье его не было уж очень хорошим.

Деяний же он успел совершить достаточно, чтобы исследователи до сих пор пытались разобрать их последовательность и смысл. Тема голода материального и голода духовного, преодоление этих испытаний и бедствий, уход за паствой и чудесные изменения в душах последователей — все это требует подробного и точного изложения. Чем мы и займемся, рассказывая о других чудесах, совершенных святителем.

Глава 4

ЧУДЕСНЫЕ ДЕЯНИЯ

Рассказ о чудесах и великих, необъяснимых с точки зрения практической, мирской логики деяниях святителя Николая мы вынесли в отдельную главу не случайно. Этой теме могут быть посвящены самостоятельные книги; впрочем, они уже давно издаются и перепечатываются. Перечисление или публикация самих текстов, рассказывающих о чудесах епископа Мирликийского, может занять отдельные внушительные тома. Мы же попробуем уместиться в рамки главы, пересказав то, что является подтверждением святости Чудотворца, его уникальной способности решать любые жизненные проблемы, приходить на помощь, спасти жизни людям и быть добрым пастырем для христиан.

В русском, например, сознании издревле считалось, что Николай Угодник чудесами своими является людям помощником в несчастьях или бедах, предохранителем от неожиданной кончины или избавителем от смерти по приговору (порой несправедному), а также покровителем отправляющихся в морское плавание.

Мы в перечислении его деяний не будем держаться специальной временной последовательности. Ученые до сих пор спорят о том — каким временем датировать те или иные поступки святителя Николая и в какой последовательности они осуществлялись. Важно, что они были совершены. А датировка становится лишь вторичным фактором для их описания. Например, в многочисленных русских рукописях, передававших во времени Житие святителя Николая (а их много в разных вариантах и с разными, но похожими названиями), предпочиталось некоторое особенное последование его чудес. Исследователь И. И. Макеева в труде «Типология структуры ранних чудес св. Николая Мирликийского» приводит достаточно частые варианты таких последований, напоминающих

следующие: «По двум рукописям XII в. и XIII в. устанавливается цикл ранних чудес св. Николая Мирликийского, включающий 10 текстов: 1) чудо о Дмитриии; 2) чудо о Симеоне; 3) чудо об Агрике и его сыне Василии; 4) чудо о юноше Николе; 5) чудо о попе Христофоре; 6) чудо о Петре-чернице; 7) чудо о ковре; 8) чудо о Епифании; 9) двойное чудо св. Николая и св. Георгия о сарацине; 10) чудо о трех воеводах». Здесь упомянуты многие чудеса (обычно их было 8 или 10 в таких текстах), которые в дальнейшем не стали широко известны или просто забылись. Но они были, и предание причислило их к разным временам и особой последовательности.

Соблюдать ее или не обязательно? Тем более что в большинстве своем никаких доказательств, что они были совершены именно в такой последовательности, у нас нет. Для нас же в описаниях чудес важны духовные деяния святого, а не обязательное доказательство, что то или иное явление произошло «тогда-то» и «так-то» или даже «на самом деле».

Однако исторические параллели не ускользнут от нашего пристального взгляда. Они лишь подтвердят правдивость нижеизложенных историй.

Подаяние девам. Деньги и святость

*Супружество послужило украшением земли,
а девство — Божия неба.
Григорий Богослов, IV в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Некий муж, из славного став бесславленным и нищим из богатого, так как терпел нужду во всем, даже в самом насущном — увы, вот до чего может дойти нужда, — решил трех своих дочерей, отличавшихся чудной красотой, отдавать за мзду похоти желающих и на выручаемые деньги себе и детям своим доставлять пропитание. Ибо выдать их замуж он не мог, так как по крайней их бедности девушками сразу стали гнушаться».

Тот, кто читал знаменитую «Божественную комедию» Данте, например, в переводе на русский язык Михаила Лозинского, в разделе «Чистилище», Песнь XX, 31—33 встречался со словами одного из героев:

Еще он славил щедрость Николая,
Который спас невест от нищеты,
Младые годы к чести направляя...

Почему сие неприметное на первый взгляд событие — спасение невест — вошло в хрестоматийные сочинения великих авторов, неоднократно упоминалось в церковном и художественном наследии мировой цивилизации, явилось одним из главных подтверждений святости самого епископа Николая? Многие духовные подвижники помогали другим людям. А здесь — постоянный пересказ, из жития в житие, ссылки на чудо, особенное изложение сути произошедшего.

Что-то есть загадочное в этой истории... Попробуем и мы приблизиться к разгадке. Для начала, как всегда, перескажем сюжет, осуществив параллельные хождения в некоторые Жития святителя, из которых можно составить полную картину его деяния, свершенного им еще до епископства, в годы пресвитерства и ухода из жизни его родителей.

Возьмем для начала за основу для изложения данной истории два документа: труд «Жизнь и деяния святого отца нашего Николая» Симеона Метафраста и «Житие святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского» Дмитрия Ростовского.

Переплетение двух этих текстов создает удивительную картину духовного подвига, совершенного на рубеже III—IV столетий. Напомним, что события происходят в родном для пресвитера Николая городе Патара, в рассказе о них упоминается, скорее всего, наследство, полученное им после кончины его родителей, ибо, как мы помним, вырос будущий святитель в очень обеспеченной семье.

Итак, Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Жил в городе Патаре некий муж, знатный и богатый. Придя в крайнюю нищету, он потерял прежнее свое значение, ибо жизнь века сего непостоянна. Сей человек имел трех дочерей, которые были очень красивы собою. Когда уже он лишился всего необходимого, так что нечего было есть и не во что одеться, он, ради своей великой нищеты, замыслил отдать своих дочерей на любодеяние и обратить свое жилище в дом блуда, чтобы таким образом добывать себе средства к жизни и приобретать и себе и дочерям оде-

жду и пищу. О горе, к каким недостойным мыслям приводит крайняя нищета! Имея сию нечистую мысль, муж сей хотел уже исполнить свое злое намерение. Но Всеблагой Господь, не хотящий видеть человека в погибели и человеколюбиво помогающий в бедах наших, вложил благую мысль в душу угоднику Своему, святому иерею Николаю, и тайным вдохновением послал его к погибающему душою мужу, для утешения в нищете и предупреждения от греха».

Симеон Метафраст, X век:

«Некий муж, из славного став бесславленным и нищим из богатого, так как терпел нужду во всем, даже в самом насущном — увы, вот до чего может дойти нужда,— решил трех своих дочерей, отличавшихся чудной красотой, отдавать за мзду похоти желающих и на выручаемые деньги себе и детям своим доставлять пропитание. Ибо выдать их замуж он не мог, так как по крайней их бедности девушками сразу стали гнушаться. Вот в такой-то этот человек был беде, и такое ужасное дело замыслил, и уже принялся, жалкий, его устраивать. Но ты, Господи, благой источник всяческого блага, человеколюбиво призирающий на наши нужды, устрояешь так, что это доходит до ушей святого Николая, и посылаешь его как доброго ангела-заступника к тому мужу, вот-вот готовому взять грех на душу, дабы облегчить его бедность и спасти от зла еще горшей бедности».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Святой Николай, услышав о крайней бедности того мужа и Божиим откровением узнав о его злом намерении, почувствовал к нему глубокое сожаление и решил своею благодетельною рукою извлечь его вместе с дочерьми, как из огня, из нищеты и греха. Однако он не пожелал оказать свое благодеяние тому мужу открыто, но задумал подать ему щедрую милостыню тайно. Так святой Николай поступил по двум причинам. С одной стороны, он хотел сам избежать суетной человеческой славы, следуя словам Евангелия: Мф. 6 : 1 — “Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми”».

С другой стороны, он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богачом, а теперь пришедшего в крайнюю нищету. Ибо он знал, как тяжела и оскорбительна милостыня для того, кто от богатства и славы перешел в убожество, потому что она напоминает ему о прежнем благоденствии. Посему святой Николай счел за лучшее поступить по учению Христа: Мф. 6 : 3 — “У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая”».

Он так избегал человеческой славы, что старался утаить себя даже и от того, кому благодетельствовал».

Симеон Метафраст, X век:

«И вот, взяв тяжелый узелок с золотом, он поздней ночью идет к дому бедняка и, вметнув узелок через окошко внутрь, тотчас поспешает домой, словно боясь, что его при этом увидят».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Утром муж тот встал и, найдя мешок, развязал его. При виде золота он пришел в великий ужас и не верил своим глазам, потому что ниоткуда не мог ожидать такого благодеяния. Однако, перебирая монеты пальцами, он убедился, что пред ним в самом деле золото. Возвеселившись духом и удивляясь сему, он плакал от радости, долго размышлял о том, кто бы мог оказать ему такое благодеяние, и ничего не мог придумать. Приписав сие действию Божественного Промысла, он непрестанно благодарил в душе своего благодетеля, воздавая хвалу пекущемуся о всех Господу. После сего он выдал замуж старшую свою дочь, дав ей в приданое чудесно дарованное ему золото».

Симеон Метафраст, X век:

«Когда это стало известно пречудному Николаю и он узнал, что бедняк исполнил его волю (ведь сам он как раз желал браком уничтожить причину зла), принял решение сделать то же и для второй дочери. Ночью, тайно ото всех, он вметнул через окошко такой же узелок с золотом».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Встав поутру, бедняк опять нашел у себя золото. Снова он пришел в удивление и, пав на землю и обливаясь слезами, говорил: “Боже милостивый, Строитель нашего спасения, искупивший меня самою кровью Твоею и ныне искупающий златом мой и моих детей от сетей вражьих, Сам Ты покажи мне слугу Твоего милосердия и человеколюбивой Твоей благодати. Покажи мне того земного Ангела, который сохраняет нас от греховной погибели, чтобы я мог узнать, кто исторгает нас от угнетающей нас нищеты и избавляет от злых мыслей и намерений. Господи, по Твоей милости, тайно творимой мне щедрою рукою неизвестного мне Твоего угодника, я могу отдать замуж по закону и вторую свою дочь и тем избежать сетей диавола, который хотел скверным прибытком умножить и без того великую мою погибель”».

Помолившись так Господу и возблагодарив Его благодатью, муж тот отпраздновал брак второй своей дочери».

Симеон Метафраст, X век:

Отец дочерей «был начеку и все ночи проводил без сна, опасаясь, как бы добрый податель богатства не пришел незамеченным, и решив, если он снова появится, обеими руками удержать его и спросить, кто он и откуда у него столько золота».

Так он бодрствовал в ожидании своего благодетеля. Глубокой ночью слуга Христов Николай неслышно приходит в третий раз и, дойдя до обычного места, снова через то же окошко мечет такой же узелок золота и тотчас удаляется. А отец дочерей, услышав стук упавшего на пол золота и поняв, что пришел его благодетель, со всех ног бросился ему вслед».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Догнав его и узнав, потому что нельзя было не знать святого по его добродетели и знатному происхождению, муж сей пал ему в ноги, лобызая их и называя святого избавителем, помощником и спасителем душ, пришедших в крайнюю погибель».

— Если бы, — говорил он, — не восставил меня твоими щедротами Великий в милости Господь, то я, несчастный отец, давно уже погиб бы вместе со своими дочерьми в огне Содомском. Ныне же мы спасены тобою и избавлены от ужасного грехопадения».

И еще много подобных слов говорил он святому со слезами. Едва подняв его с земли, святой угодник взял с него клятву, что он во всю свою жизнь никому не поведаст о том, что с ним было. Сказав ему еще многое на пользу, святой отпустил его в дом свой».

Симеон Метафраст, X век:

«А Николай, поняв, что узнан этим человеком, поднял его и заклинал во всю жизнь не говорить о том, что произошло, чтобы сострадательность его сохранилась в тайне».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Из многих дел милосердия угодника Божия мы поведали только об одном, чтобы было известно, насколько он был милостив к нищим. Ибо не достало бы нам времени, если бы повествовать подробно о том, как он был щедр к нуждающимся, сколько голодных он напитал, сколько одел нагих и скольких выкупил у заимодавцев».

Симеон Метафраст, X век:

«Вот одно из деяний святого, самое славное и знаменитое».

Почему Симеон Метафраст называет это деяние святителя Николая «самым славным и знаменитым» — требует разъяснения. Другие деяния были не менее важными и самоотверженными. Но ведь известный исследователь жизни Николая Мирликийского, итальянский священник-доминиканец Джерардо Чоффари не случайно в одном из интервью назвал это его благодеяние девушкам «иконой милосердия»! И мы готовы присоединиться к этому мнению. О. Джерардо отмечает также, что святитель «спас их от проституции, а в те времена для молодых девушек у языческих храмов она была традиционной, считалась нормой, как бы это ни шокировало. Девушки без пожертвования епископа попали бы в ряды уличных женщин. Вот почему мы можем с уверенностью сказать, что святой Николай был человеком великого милосердия, его деяние актуально и сегодня».

Здесь уместно подробнее поговорить о том, как святитель Николай относился к деньгам, к их сохранению и тратам на хлеб насущный. О его умении легко расставаться с деньгами ради помощи другим. Как мы уже знаем, имея богатое наследство от родителей, он спешил раздавать его другим. Бросал мешочки с деньгами в окна нуждающимся, выкупал пленных и тюремных узников, оплачивал зерно для голодающих.

В течение веков появилось множество рассказов-чудес, связанных со святителем Николаем, где он решает «денежные вопросы» по справедливости и по духовному позыву. Его решения всегда полны духовного смысла, который не всегда был понятен читателю. Хотя имел огромное влияние на поступки его последователей и почитателей.

Вспомним еще раз средневековую мистерию-миракль Жана Боделя из Арраса «Игра Святого Николая» (*Jeu de Saint Nicolas*). Вот что рассказывает древний автор (перевод со старофранцузского И. И. Гливенко, 1930 год): «Мы хотим говорить сегодня о святом Николае-исповеднике, который совершил столько прекрасных чудес. Те, которые говорят правду, рассказывают нам то, что мы читаем в его житии... Они увидели в хижине почтенного пожилого человека, который на коленях молился перед изображением святого Николая... И пришли туда низкие неверные и, крепко связав, держали его, пока не привели к царю [язычнику]. “Негодный, — сказал ему царь, — веришь ли ты в это изображение на дереве?” — “Государь, но ведь оно сделано

как образ святого Николая, которого я очень люблю. И охрана его столь хороша, что умножает и заставляет приносить доход все, что ему поручают охранить”. — “Негодяй, я велю изрубить тебя, если он не сохранит и не умножит моей казны; я отдам ему ее под охрану, чтобы уличить тебя на деле”. Тогда он велит ввергнуть его в темницу и надеть ему железный ошейник на шею. Потом приказывает открыть свои сундуки и при них поставить изображение святого Николая.

И так он поручил свое имение, о чем стало ведомо грабителям. Однажды ночью собрались они втроем, пришли к казне и похитили ее, а когда они унесли ее, то Господь послал на них сон.

Когда царь узнал об этом и увидел, что казна его утащена, он счел себя обманутым. Он приказывает привести к себе заключенного, чтобы его предали позорной смерти. Честный человек всю ночь провел в молитве и не переставал плакать. Святой Николай, который не забывает слуги своего, отправился в путь; он пришел к грабителям и разбудил их, потому что они спали. И лишь только они увидели, они тотчас помыслили действовать по воле его. И он настойчиво повелел им без промедления отнести обратно казну и при ней поставить изображение, как они нашли его. Когда царь испытал таким образом высокое чудо доброго святого, то приказал, чтобы к нему привели честного человека, не сделав ему зла. И приказал крестить себя и других своих язычников, и стал он честным человеком и добрым христианином, и с тех пор не имел охоты творить зло».

Интересно комментировал это деяние святителя Николая современный исследователь мираклей Денис Хюэ в своем труде «Игра Святого Николая: о значении денег». «Деньги у Жана Боделя в “Игре Святого Николая” имеют много функций, — пишет автор. — Где бы ни находился Николай, где бы ни был Бог и его ангелы, деньги умножают и спасают жизни. В таверне Аррас (события из миракля частично происходят и там. — К. К.-С.), где играют в кости, главенствует азартная игра, в которой Бог не имеет права голоса — деньги приходят и уходят, они приносят только разрушения и обман. “Игру Святого Николая” следует понимать как произведение, приглашающее посетителя Арраса для участия в христианских усилиях собирания другой прибыли от денег, для превращения азартных игр и ростовщичества в орудие спасения».

Тема нехватки денег для жизни, продажности ради денег, определения — сколько их нужно для того, чтобы жить праведно, — всегда волновала людей. Если философствовать на бытовом уровне, то можно задаться и такими вопросами — а что стало с теми тремя девицами потом, после получения денег? Они счастливо вышли замуж? У них были хорошие семьи? Они прожили жизнь праведно и по-христиански? Спасли ли их эти деньги?

Увы, мы этого не знаем. Ибо темы «мир денег и чудеса» или «мир денег и святость» — весьма не просты для раскрытия или обсуждения. Во всяком случае, на примере святителя Николая — освобождение от власти денег и от зависимости от них — это лучшая характеристика святости, и это путь по лестнице в Небо.

При детальном изучении Житий епископа Мирликийского можно заметить целый комплекс различных его деяний, связанных с «денежной темой». Итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари называет их так: «Чудеса — мир денег». И здесь следует привести несколько примеров таких деяний, в вольном пересказе с итальянского, которые являются лучшей иллюстрацией к нашему повествованию.

В одной из таких историй мы узнаем, как набожный человек, проживающий в Константинополе, неожиданно обеднел до нищеты. Всякое бывает, особенно если наступает старость. Жена предложила ему продать семейный ковер, чтобы отпраздновать День святого Николая. И он согласился, отправившись на рынок. Там он встретил старика, который купил ковер за 6 монет. Затем старик быстро отнес покупку и отдал ее жене продавца. Она решила, что муж не смог продать ковер, и по возвращении стала его ругать. Но тот показал ей деньги, которые ему отдал старик. И они сразу оба поняли, что стариком был сам святой Николай.

У другой семейной пары также не стало денег. Дом в Константинополе и все имущество сгорели дотла при пожаре. Самое ценное, что осталось у них, — золотые серьги жены — они решили продать, чтобы подготовиться к празднованию Дня святого Николая. Женщина идет продавать серьги и встречает почтенного монаха, который покупает их за 24 монеты. Затем он вдруг возвращает покупку ей обратно, призывая ее хорошо отметить праздник святого Николая. Кроме того, он предложил ей каждый год приходить на это место, где она всегда сможет получить такие же

24 монеты. Так и происходило в дальнейшем, пока семья не стала жить в достатке.

Часть историй связана с самими римскими императорами, что придавало им особое значение. Например, вот такая.

Однажды богатый человек из окрестностей Константинополя впал в нищету и, желая отпраздновать праздник святого Николая, подумал о продаже своего плаща. Но жена переубедила его, предложив продать ее платье, так как она могла оставаться дома. На вырученные деньги муж купил муки и приготовил пирог, а затем попросил местного священника освятить его. Когда тот благословил трапезу, муж не стал есть освященный пирог, а, положив его в короб, принес своей жене. Когда они открыли короб, то увидели, что на пироге ярко сияет драгоценный рубин. Говорили, что в это самое время император Константин потерял большой камень — рубин, и когда ему сказали, что у бедного человека появился такой же, он заподозрил кражу и первоначально даже угрожал ему смертью.

Вот еще одна «императорская история».

Во времена императора Константина жил бедный лютнист, который ходил в церковь Святого Иоанна Крестителя. Но однажды он узнал, что в этом храме похоронили еретика. Тогда он ушел в соседний храм Святого Николая. Здесь он попросил известного своими милостынями святого Николу помочь ему. Никола взял его и привел к месту, где хранились сокровища императора. Святой взял сумку с деньгами и передал ее лютнисту. С тех пор жизнь музыканта изменилась, что вызвало подозрения у чиновников императора, которые пришли к нему и допросили его. Лютнист рассказал все, как было. Когда император узнал об этом, то оставил ему деньги, но забрал сумку, к которой прикасался святой Николай.

Были истории и попроще. Так, один бедный человек жил возле монастыря Святого Николая. Хранитель виноградника дал ему корзину с гроздьями винограда. Когда бедняк встал утром, он обнаружил, что виноград превратился в драгоценные камни. Он вскричал: «Великий Никола сделал это! Пусть имя Николая будет возвеличено!» Так он стал богатым.

Некоторые рассказы представляли собой чуть ли не мистический сюжет. Однажды богатый и набожный житель, прогуливаясь по столице — Константинополю, обнаружил возле монастыря Святого Николая тело умершего человека.

Он сообщил об этом монахам. Позднее, вернувшись на это место вновь, он встретил мальчика, который искал своего отца. Поняв, в чем дело, житель сообщил мальчику о случившемся и о том, что тело было перенесено в монастырь. Он проводил мальчика туда. Помолившись перед саркофагом, мальчик попросил открыть его, чтобы увидеть отца. Когда гроб вскрыли, то вместо покойника там оказались сокровища — золото и серебро. Так все, включая монахов, получили определенное благополучие.

А бывало, что «героями» таких историй становились византийские чиновники. Подобные рассказы широко распространялись в славянских Житиях святителя Николая. Так, Епифаний, богатый и высокопоставленный чиновник Константинополя, забыв, где спрятал большую сумму денег, предположил, что доверил их одному из своих слуг. Тот отрицал это, утверждая, что не может отдать такую сумму, однако был закован в кандалы. Невинный заключенный призвал святителя Николая, который явился к Епифанию во сне и приказал ему освободить пленника, подсказав, куда он положил деньги. Когда Епифаний проснулся, то сразу же нашел их и отпустил слугу.

Счастливое завершение таких историй — это пример того, как может простая, искренняя вера решить любые, самые трудные жизненные проблемы, особенно связанные с таким непростым явлением человеческой жизни, каким являются деньги. Ведь они до сих пор считаются эквивалентом, служащим мерой стоимости любых товаров и услуг, способным непосредственно на них обмениваться, а также являются особым товаром, ценной бумагой, знаком стоимости и различными благами или ценностями. Деньги считаются столь важными, но только не в жизни духовных подвижников, которые последуют в своем бытии другим благам или так называемым высшим ценностям, не имеющим отношения к деньгам как таковым, невидимым и малопонятным обычным людям.

Здесь уместно, для завершения размышлений о роли денег в духовной жизни общества и о роли святителя Николая в справедливом их перераспределении, привести лишь один чудесный пример из XX столетия, связанный с блокадой Ленинграда и именем епископа Мир Ликийских. Эту историю мы находим в воспоминаниях митрополита Алексея (Симанского), который жил при знаменитом Никольском морском соборе и служил в нем каждое воскресенье (собор не был закрыт в советское время, он был в числе

лишь пяти оставшихся тогда действующих православных церквей). Температура в храме опускалась ниже нуля, при этом певчие и прихожане от голода и холода едва держались на ногах. По всему городу священники ежедневно отпевали до двухсот скончавшихся жителей. Тогда, по словам митрополита, случилось следующее: «После службы, убирая в храме, был найден сверток. Когда его развернули, то очень удивились, увидев там десятки золотых царских монет. Кто-то тайно пожертвовал их на нужды обороны, положив возле иконы Николая Угодника»...

На Западе на иконописных изображениях святителя Николая сразу же узнают среди других святых по трем шарам, которые он держит в руках. Каждый шар символизирует мешочек с деньгами, которые он несет, чтобы спасти тех самых трех девиц. Здесь можно вспомнить записки двух русских дипломатов, посланных Петром I в Европу для самых разных дел, — П. А. Толстого и Б. П. Шереметева. Оба они с коротким промежутком во времени попали в итальянский город Бари, где хранились мощи святителя Николая, и оба обратили внимание на серебряный алтарь и образ Чудотворца с Евангелием в левой руке. Толстой записал: «Поверх того Евангелия зделаны три яблока круглые, золотые во образ чудеси чудотворцова, как отцу трех девиц, хотящему отдати на брак скверной, три узла подал злата и от смертелнаго блуднаго греха тех девиц избавил».

На православном Востоке такое изображение — редкость. Зато в старинной службе святителю произносятся памятные слова: «Елеем чистоты светильник помазав, Николае, как дочерей ты спас прежде, так и в конце мужей мореплавания от неведения к свету ты извлекаешь, чтобы зывать: “Отцов наших, Боже, благословен еси”».

Стратилаты и загадочный Аблабий

*В иной час он — сын царев, так твердо
упоает на Сына Божия, как на отца.
Макарий Египетский, IV в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Святой спросил стратилатов, зачем

они пришли и откуда; те сказали, что посланы императором, чтобы замирить волнение во Фригии. Святой позвал их в город и оказал им радушный прием. После этого стратилаты усмирили своих воинов».

Документ, о котором пойдет речь, является самым древним из источников, которые рассказывают нам о жизни святителя Николая. Он же, что удивительно, является и самым исторически обоснованным. То есть многие события, о которых говорится в нем, подтверждаются.

Да и самый корень — ядро — документа («Urtext») также считается древнейшим из написанных и сохранившихся, которые создавались в связи с Житием Николая Чудотворца.

Мы говорим об источнике «Praxis de stratelatis» («Деяние о стратилатах»), предположительно созданном еще в IV веке, спустя лишь годы после кончины епископа Мирликийского. Хотя самая старая из найденных редакций текста, которая дошла до нас в нескольких рукописях X века, восходит к V—VI столетиям. Некоторые исследователи считают, что данный текст «Деяния» является частью документа под условным названием «Vitae Sanctus» («Жизнь Святого»), который не сохранился.

Рукописи «Деяния о стратилатах» известны в пяти редакциях. Если где-то обнаружались еще новые варианты или новые списки в других редакциях — можно только приветствовать и поздравить счастливых, сумевших это сделать. Именно этим сочинением пользовались затем агиографы Симеон Метафраст, а в XVIII столетии и святитель Дмитрий Ростовский, когда они работали над составлением Житий епископа из Мир Ликийских.

Не случайно говорят, что наши знания о святителе Николае как об исторической фигуре основаны в первую очередь на тексте «Деяния о стратилатах». Так считал в начале XX столетия один из главных публикаторов этого документа на древних языках — Густав Анрих. На обнародованные им тексты во многом сегодня опираются исследователи, работающие над реконструкцией событий.

Г. Анрих датировал текст VI веком. К нему присоединился и переводчик «Деяния о стратилатах» на английский язык, медиевист Чарлз У. Джонс (Ch. W. Jones), считавший также, что первая часть документа содержит историческую правду, а вторая — с чудесами — похожа на беллетристику,

так как, по его словам, не имеет «внешних доказательств». Однако если посмотреть хотя бы знаменитый труд «История» нехристианского автора конца V столетия Зосима (Zosimus), то мы можем увидеть, что такие доказательства находятся. Исторический контекст реальности близок к тексту агиографа. По этой причине итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари считает, что текст можно датировать IV веком, когда произошел захват на несколько недель императорской власти Непотианом, сыном героя «Деяния о стратилатах» (то есть около 350 года и даже около 340 года; подробности см. ниже). А вторая редакция документа появилась в V—VI столетиях.

Впервые сам факт существования «Praxis de stratelatis» был отмечен в конце VI века в столичном византийском граде Константинополе. Ссылки на текст «Деяния о стратилатах» тогда появились в сочинении константинопольского пресвитера и писателя Евстратия, в сокращенном варианте заголовок которого звучит так: «О состоянии души после смерти» (*De statu animarum post mortem*). На него и ссылается в своем труде о святителе Николае Г. Анрих. Евстратий в VI столетии цитирует некое «Житие святителя Николая», хотя приводит лишь эпизоды из части этого Жития — «Praxis de stratelatis». То самое Житие, не дошедшее до нас целиком.

О. Джерардо Чоффари, считая, что Евстратий все-таки имел перед собой полный текст некоего «Жития святителя Николая», так пишет о датировке документа («Praxis de stratelatis»): «Вопрос, который должен поставить здесь критик, заключается в следующем: имеется ли какая-нибудь вероятность того, что хоть один писатель VI в. мог создать такой текст, относящийся к святому Николаю? Ответ прост: нет. Если анализировать факты, которые в нем содержатся (а не употребленные в нем термины, бесспорно, более позднего происхождения), становится очевидным, что данный текст мог быть написан только между 340 и 400 гг. Ни один писатель позднего V в. (если только он не был историком уровня Сократа, Созомена или Феодорита), безусловно, не мог знать тех характерных реалий более раннего периода... Итак, житие святого Николая, содержащее “Praxis de stratelatis” (Bios, о котором говорит Евстратий Константинопольский около 583 г.), было написано между 340 и 400 гг., предпочтительнее первая датировка...» Не возражает против этого российский исследователь А. Ю. Виноградов, к нему

присоединяется историк А. В. Бугаевский, который даже предложил более раннюю дату появления документа — до 336 года.

Кто такие стратилаты и что с ними произошло? В переводе с греческого «стратилат» означает «военачальник». Не маленькая должность в Римской империи (английский эквивалент — «general», поэтому их часто называют генералами), которая со временем превратилась в почетный титул империи Византийской. Как мы видим, термин близок к понятию «стратиг» или «стратег». То есть стратилат был человеком, умеющим и наделенным полномочиями управлять войском, в первую очередь на поле боя. В христианской традиции принято прибавлять это слово к именам святых-воинов. Например, прославленных военачальников называют так: Феодор Стратилат или Андрей Стратилат. «Оксфордский словарь Византии» напоминает, что существует «группа святых (включая Георгия, Димитрия, Нестора, Теодора Терона, Теодора Стратилата, Меркуриоса, Прокопия), представленных как воины. Эволюция образа военных святых заключалась в трансформировании их ролей: от гражданского чиновника до воина, от солдата до генерала, от пехотинца до конного рыцаря... Некоторые ранние рассказы о мученичествах основывались на теме отказа христианина от военной службы».

Однако в нашем случае речь пойдет о настоящих, действующих главных командирах при римском императоре, точнее сказать — о высших военачальниках. Что их свело со святителем Николаем, проживавшим вдалеке от императорского двора, в неблизкой от Константинополя Ликий, в небольшом городе Миры?

Одним из ранних пересказчиков этой истории стал в IX столетии Михаил Архимандрит. В своем Житии святителя Николая он поведал об уже известном нам консуле Аблабии, служившем при императоре Константине Великом, который как будто бы получил плату, точнее сказать — взятку, за то, чтобы обвинить и совершить затем казнь трех известных генералов-стратилатов. В итоге их намеренно объявили нарушителями закона, хотя фактически они были невиновны. В изложении повествуется, что неожиданно «вмешался» святитель Николай, который накануне казни одновременно явился во сне императору Константину и

префекту претория Аблабию, сообщив правду и призывая отменить казнь.

Другие версии более расширены в повествовании. Например, рассказывается о том, как император Константин послал трех своих самых надежных военачальников — Урса, Непотиана и Герпилиона — для подавления восстания во Фригии. Им пришлось остановиться в Мирах Ликийских. Шторм задержал движение войска (в других версиях — штиль!). Пока генералы отдыхали, их солдаты занялись грабежами местных торговцев. Епископ Николай указал полководцам на произвол их солдат, и те прекратили грабежи. В дальнейшем история становится более запутанной. Они вернулись в Константинополь. Консул Аблабий обвиняет генералов в несправедных действиях, в которых они были невиновны, их по приказу императора заключают в тюрьму. Но святитель Николай, уже познакомившийся с ними лично, спасает их. Его усилиями военачальники были освобождены.

Густав Анрих, публикуя в 1913 году греческий текст «Деяния о стратилатах», в предисловии кратко пересказал его содержание (приводим в переводе с немецкого): «Три генерала, Непотиан, Урс и Герпилион, посланные Константином во Фригию, чтобы успокоить мятежных тайфалов, пришвартовались с армией в Андриаке, приветствуя епископа Мирского Николая, который предотвратил трения между солдатами и жителями... С победой возвратившись в столицу [Константинополь], генералы по инициативе префекта Аблабия, подкупленного их завистниками, осуждаются императором и заключаются в тюрьму как враги империи. Понимая неизбежность казни, они умоляют Николая о спасении в память о том, что они пережили в Мире. Он появляется ночью перед Константином и Аблабием и грозно приказывает освободить генералов, что император и делает на следующий день в Сенате. С царскими дарами генералы отправляются в Миру, к их спасителю».

Мы не случайно несколько раз пересказываем канву истории. Чтобы понять произошедшее, следует вновь совершить хождение в разные варианты Житий, обратиться к наиболее подробным источникам, которые в деталях излагают последовательность событий. Возьмем для этого еще раз труд «Жизнь и деяния святого отца нашего Николая» Симеона Метафраста и «Житие святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского» Дмитрия Ростовского.

Вот что они пишут.

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«В то время в великой Фригии поднялся мятеж. Узнав о сем, царь Константин послал трех воевод с их войсками умиротворить мятежную страну. Это были воеводы Непотиан, Урс и Ерпилион (так у Дмитрия Ростовского, теперь, хотя и неточно, принято писать — Герпилион. — К. К.-С.). С великою поспешностью они отплыли из Константинополя и остановились в одной пристани Ликийской епархии, которая называлась Адриатским берегом. Здесь был город. Так как сильное морское волнение препятствовало дальнейшему плаванию, то они стали в этой пристани ожидать тихой погоды. Во время стоянки некоторые воины, выходя на берег для покупки необходимого, многое брали насилем. Так как это случалось часто, то жители того города озлобились, вследствие чего на месте, называемом Плакомата, происходили между ними и воинами споры, раздоры и брань».

Симеон Метафраст, X век:

«Об этом стало известно пречудному Николаю, и он тотчас отправился в гавань. Лишь только некоторые увидели Николая, весть о его приходе разнеслась повсюду, и весь город вместе со стратилатами, как обычно, встретил его коленопреклоненно».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Святитель спросил воевод, откуда и куда они держат путь. Они сказали ему, что посланы царем во Фригию подавить возникший там мятеж. Святитель увещевал их держать своих воинов в повиновении и не позволять им притеснять людей. После сего он пригласил воевод в город и радушно угостил их».

Симеон Метафраст, X век:

«После этого стратилаты усмирили своих воинов и, удостоенные благословения Николая, собирались уже покинуть Миры».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Удостоившись его святых молитв и приняв от него благословение на свой путь, они отправились во Фригию, чтобы исполнить данное им царское повеление. Прибыв на место мятежа, они быстро подавили его и, исполнив царское поручение, возвратились с радостью в Византию. Царь и все вельможи воздали им великую хвалу и почести, и они удостоились участия в царском совете. Но злые люди, завидуя такой славе воевод, возымели к ним вражду. Замыслив

на них зло, они пришли к правителю города Евлавию (так Дмитрий Ростовский называет Аблабия. — К. К.-С.) и клеветали на тех мужей, говоря:

— Не добро советуют воеводы, ибо, как мы слышали, они вводят новшества и замышляют зло против царя.

Чтобы склонить правителя на свою сторону, они дали ему много золота. Правитель донес царю».

Симеон Метафраст, X век:

«Император последовал его совету и заключил стратилатов в темницу. Они же не знали, почему у них отняли свободу, ибо были далеки от каких бы то ни было злоумышлений. Между тем прошло довольно времени, и зло, словно ему мало было достигнутого, довершает начатое. Стратилаты продолжали томиться в темнице. Клеветники же, видя, что время идет, в страхе, как бы какая-нибудь случайность не обнаружила их сговора и беда не оборотилась на них, снова идут к эпарху, требуя не оставлять так дела стратилатов, но наказать их по заслугам».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Запутавшись в сетях златолюбия, правитель должен был довести обещанное до конца. Он тотчас отправился к царю и, как вестник зла, предстал пред ним с унылым лицом и скорбным взором. Вместе с тем желал он показать, что он весьма заботится о жизни царя и верно ему предан. Стараясь возбудить царский гнев на неповинных, он стал держать льстивую и хитрую речь, говоря:

— О царь, ни один из заключенных в темницу не желает раскаться. Все они упорствуют в своем злом умысле, не переставая строить против тебя козни. Посему повели немедленно предать их мукам, чтобы они не предупредили нас и не довершили свое злое дело, которое замыслили против воевод и тебя».

Симеон Метафраст, X век:

«Эти слова встревожили императора и внушили ему опасения. Чтобы освободить ум свой от забот и в будущем не испытывать страха, он осуждает невиновных на смерть. Казнь была назначена на следующий день, ибо император вечером произнес свой приговор. Зловещий вестник казни приходит к тюремщику и объявляет ему решение императора».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«И воеводы стали молиться:

— Боже Николая, избавивший трех мужей от несправедливой смерти, призри ныне и на нас, ибо от людей не может

быть нам помощи. Пришла на нас великая беда, и нет никого, кто бы избавил нас от напасти. Голос наш прервался прежде исшествия из тела душ наших, и язык наш пересыхает, сожигаемый огнем сердечной скорби, так что и молитву мы не можем принести Тебе. Псал. 78 — “Скоро да предварят нас щедроты Твои, ибо мы весьма истощены”. Завтра хотят нас умертвить, поспеши же к нам на помощь и избави нас неповинных от смерти».

Симеон Метафраст, X век:

«Ночью пречудный Николай во сне явился императору и сказал: “Император, немедля восстань ото сна и освободи из темницы трех заключенных там стратилатов, ибо их оклеветали”. Затем он рассказывает, какую несправедливость они терпят, и подробно повествует об их злосчастии, и грозит, если император не повинуется, воздвигнуть против него войну и погубить его злой смертью, чтобы свершилась над ним тяжчайшая кара. Пораженный дерзкой речью мужа и тем, как он поздней ночью проник во дворец, император спросил: “Кто ты, осмеливающийся устрашать меня такими словами и грозить моему величеству?” Он отвечает: “Николай из Мир”».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Царь пришел в смущение и, встав, стал размышлять, что значит сие видение. Между тем в ту же ночь святитель явился и правителю Евлавию и возвестил ему об осужденных то же, что и царю. Воспрянув от сна, Евлавий убоялся. Пока он размышлял о сем видении, пришел к нему посланный от царя и рассказал ему о том, что царь видел во сне. Поспешив к царю, правитель поведал ему свое видение, и оба они удивлялись тому, что видели одно и то же. Тотчас царь повелел привести воевод из темницы и сказал им:

— Какими волхованиями вы навели на нас такие сны? Явившийся нам муж сильно гневался и угрожал нам, похваляясь вскоре навести на нас брань.

Воеводы с недоумением обратились друг к другу и, ничего не зная, смотрели друг на друга умиленным взором. Заметив сие, царь смягчился и сказал:

— Не бойтесь никакого зла, поведайте истину».

Симеон Метафраст, X век:

«Глаза у стратилатов наполняются слезами, и они с воплем говорят: “Мы, о император, не сведущи в волхвовании и не замыслили никакого зла против твоего величества, свидетель тому всевидящее око Господне. Если же это не так и мы повинны в злых умыслах против тебя, пусть

не будет нам, о император, милости, заклинаем тебя Троицей, пусть не пощадишь ты нашего рода, произнеся приговор, если это возможно, тягчайший смертного. Нам, о самодержец, отцами заповедано чтить императора и выше всего ставить верность ему; преступающего же это правило строго наказывать и обходиться с ним как с врагом. Так что мы, не шадя своей жизни, о император, заботились о твоей безопасности, а потому ждали щедрого воздаяния твоей десницы. Всякий раз, как вражеская рука грозила твоему величеству и время требовало доблестных людей, ты, презрев других, облеченных равной с нами честью, выбирал, увы, нас и нам поручал отражать твоих врагов. Мы охотно повиновались твоему приказу, принимая на себя этот труд и с Божией помощью успешно воздвигая против врагов твоих свою доблесть, что, я уверен, подтвердят все. Ныне зависть вооружила против нас то, что прежде служило причиной нашего благоденствия, и мы признаны виновными и, увы, как ты видишь, ждем самого страшного наказания. Так что доказательство нашей преданности тебе, о император, стало для нас причиной тягчайшей кары, и вместо ожидаемой славы и справедливого воздаяния мы страшимся за свою жизнь и ждем наказания за последний и злосчастный свой подвиг. Как, о солнце, как, о справедливости, вы можете взирать на это!».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«От таких речей царь пришел в умиление и раскаялся в своем необдуманном поступке. Ибо вострепетал он пред судом Божиим и устыдился своей царской багряницы, видя, что он, будучи для других законодателем, готов был сотворить суд беззаконный. Милостиво взирал он на осужденных и кротко с ними беседовал. С умилением слушая его речи, воеводы вдруг увидели, что рядом с царем сидит святитель Николай и знаками обещает им прощение».

Симеон Метафраст, X век:

«На это император говорит: “Скажите мне, кто это Николай, как и кого он спас?” Тут Непотиан рассказал ему все по порядку.

Император, прежде почитавший Бога и его слуг, и ныне не изменил свойственной ему добродетели. Лишь услышав о Николае, он вспомнил свое видение и заступничество Николая за невинно осужденных и, удивившись его великой ревности, милует стратилатов, говоря: “Не я дарую вам жизнь, но тот, кого вы призывали на помощь и который и нас пробудил ото сна, горячо заступаясь и печалясь о вас.

Ступайте теперь к нему и, приняв пострижение, воздайте этим Николаю благодарность, а от нашего имени скажите ему: ‘Вот я исполнил твое веление — не угрожай мне’”. Так император сказал и вручил им Евангелие в золотом окладе и сосуд, тоже украшенный золотом и драгоценными камнями, и два золотых подсвечника, велев пожертвовать это в храм города Мир».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Получив чудесное спасение, воеводы тотчас отправились в путь. Прибыв в Миры, они радовались и веселились тому, что снова сподобились видеть святителя. Они принесли святому Николаю великое благодарение за его чудесную помощь».

Симеон Метафраст, X век:

«От великого счастья они готовы отдать и самую дарованную им жизнь, чтобы достойно возблагодарить святого, оказавшего им чудесную помощь. Затем они полагают в храм императорские дары, шепча: “Господи, Господи, кто подобен Тебе, избавляющему бедного от грабителя его?”, и, не оставив даже нищих без доли в своей радости, даруют им свое имение».

Дмитрий Ростовский, XVIII век:

«Они раздали щедрую милостыню нищим и убогим и возвратились благополучно домой. Таковы дела Божии, коими Господь возвеличил Своего угодника. Слава о них, как на крыльях, пронеслась повсюду, проникла за море и распространилась по всей вселенной».

Для того чтобы определить, насколько исторично это повествование, мы последуем сюжету, попробуем разобрать его и дать соответствующие комментарии.

Вызывает удивление факт, что стратилаты были посланы императором Константином для подавления восстания во Фригии, а в результате попали в Ликию и в город Миры. В русских рукописных «Чудесах святого архиерея Христова Николы» XII века также говорится: «И они, отплыв от славного града Константина, пристали в Ликийской епархии».

В оригинальном тексте «Praxis de stratelatis» («Деяния о стратилатах») мы читаем такой рассказ (приводим перевод с английского языка; на английский язык переведен из греческого оригинала Чарлзом У. Джонсом; опубликовано в его книге «Saint Nicholas of Myra, Bari and Manhattan. Biography of a Legend»): «Во времена великого императора Константина во Фригии происходили волнения и разногласия,

и всемилостивому императору пришлось бороться со злом. Он послал армию, которой командовали Непотиан, Урс и Евполеонис. Пересекая пролив со своей дислокации поста в Константинополе, они, в конце концов, отплыли в ликийскую префектуру... Они прибыли в место под названием Андриака, которое представляло собой порт столичного города Миры, находящегося примерно в трех милях от него. Там они бросили якоря и сошли на берег, потому что не было ветра для плавания».

Но Фригия (провинция, часть Азии) находилась намного севернее Ликии и, бывали времена, почти не граничила с ней. Из Константинополя войскам добираться до фригийских земель многократно ближе. Для этого не надо куда-то плыть, разве что — до Эфеса, что значительно севернее. Армия, конечно, могла быть послана кораблями по морю специально. Но зачем нужно было такому количеству солдат заплывать так далеко на юг? Для наступления с «другой стороны»? Или это была такая стратегия: плыть — все-таки не пешком идти. Но почему в Ликию?

Посмотрим еще раз — чем закончился поход-плавание войска. Большинство житий говорит одно и то же. Цитируем опять «Чудеса святого архиеерея Христова Николы» XII века: «И, приняв благословение, отплыли оттуда (из Мир Ликийских. — К. К.-С.). И пристали во Фригии, и усмирили они все мятежные поселения. И, установив прочный мир, пришли в славный Константин-град».

Перевод из «Praxis de stratelatis»: «Они попросились и уплыли. В конце концов, придя во Фригию и успокоив взбунтовавшееся население, они вернулись в свои дома в Константинополе».

То есть армия стратилатов была в Мирах до победы над тайфалами, а затем только отплыла (!) оттуда во Фригию! А значит — отправилась обратно на север по морю! Вновь тот же вопрос — зачем тогда целая армия приплывала далеко на юг, в Ликию, в порт Андриака?

Мы сказали сейчас — «до победы над тайфалами». Но в тексте одной из первых редакций оригинала «Praxis de stratelatis» мы упоминания такого народа не находим. Сами посланные в бой римские солдаты говорят: «Мы мирные. Наш самый добрый император послал нас вступить в бой с некоторыми нарушителями закона, и мы уже в пути». «Некоторые нарушители закона»... Кто они?

О тайфалах говорит Густав Анрих, заметив упоминание о них в одном из других вариантов греческого оригинала.

Но в наших случаях речь идет только о восстании во Фригии. Почему вдруг бунтовщиками стали тайфалы? Впрочем, об этой истории и истории этого народа — чуть позднее... Хотя заметим здесь еще одну очень важную деталь. Тайфалы (большинство историков сходятся на том, что это были остготы), скорее всего, селились на севере Фригии. И самое известное готское переселение сюда из европейской части Римской империи, включая их бунт и подавление сопротивления римскими войсками, произошло в 386 году! То есть спустя полвека после описываемых в «Деянии о стратилатах» событий! И это тоже может говорить о датировке документа, происхождении и времени жизни его автора. Кстати, в 335 году произошло большое восстание на Кипре, которое было подавлено римским войском. Не эти ли события «включил» в текст автор, заменив Кипр на Фригию? Ведь для того, чтобы военным кораблям попасть на Кипр и пришвартоваться там (ведь выхода к Эгейскому морю Фригия не имела), порт Андриака и Миры — были как раз самым удобным местом!

Впрочем, это лишь гипотеза...

Сейчас же наш вопрос «с пристрастием» таков — как римские войска могли после отплытия из Ликии «пристать во Фригии», если Фригия выходила на морское побережье только в районе Понта, то есть — южного побережья Черного моря? А это значит, что войско на кораблях должно было еще раз проплыть по пути из Миры Ликийской по проливу мимо Константинополя! Странно!

Или войско стратилатов, бросив корабли в Мирах, пошло воевать с тайфалами пешком? Интересная версия. Остается только подумать — куда подевался тогда римский флот, его перевозивший. Ничего об этом никто не сообщает. Хотя он мог, как раз, и добраться до Константинополя, только будучи порожним, без армии. Но текст гласит, что они «отплыли», а не «ушли».

Даже если предположить, что императорская армия попала в Ликию не до, а после подавления восстания — например, для поста и отдыха (хотя повествуется, что войско было здесь и до подавления бунта), то все равно вопрос — почему именно сюда? Судя по датировке событий, которую можно определить так — около 331—337 года, — все могло происходить даже в период большой засухи и голода. Принять многочисленное войско голодающие жители Мир Ликийских да и всей Ликии просто были не в состоянии. Поэтому можно предположить, что автор Жития (Деяния о

стратилатах) составляет историю из разных событий, происходивших в разное время. Или он пытается «подогнать» факты сообразно своей версии об обязательной реальной встрече стратилатов со святителем Николаем. Точнее, автор даже пытается обязательно показать, что такая встреча была! Однако тогда трудно подтвердить версию о Джерардо Чоффари и историка А. В. Бугаевского о том, что автор «Деяния о стратилатах» был современником событий и создал документ чуть ли не год-два спустя их реального осуществления. Тогда бы он был более точен в рассказе о походе армии и текст не вызывал бы таких вопросов.

Возможно, автор «Деяния о стратилатах» создавал документ значительно позднее описываемых событий. Имена военачальников и придворных императора, упоминаемые в тексте, были еще на слуху, а цель и маршрут передвижения войска уже были не столь важны. Важнее была суть самого повествования. Возможно, автор попытался зачем-то соединить «живую» стратилатов и святителя Николая, то есть для него было важно, что они познакомились, и познакомились именно в Мирах. Ведь они, по тексту, потом еще раз вернулись в этот ликийский город, чтобы почтить память святителя (но, вероятно, уже не застали его живым).

Предположим, что встреча стратилатов и святителя Николая — выдумка, и они в Мирах до приговора на казнь вообще никогда не были. Это значит, что само чудо их спасения произошло «виртуально», помимо реальных взаимоотношений героев событий. Тогда почему были спасены именно они? Ведь при дворе императора Константина служило немало и других исторических личностей, которым бы могла понадобиться защита, тем более такого великого Заступника и Угодника?

Нас интересуют ответы на эти вопросы не потому, что мы хотим усомниться в правильности произошедшего. Нам, скорее, ближе позиция не опровержения, а исторического подтверждения событий. Но еще более важно для нас определить автора «Деяния о стратилатах», его взгляды, его положение, его имя, наконец. Важно наметить некоторые черты его облика, его идей и мыслей. Любые неточности в тексте характеризуют автора, они помогают понять — когда и даже где он жил и какое отношение имел к событиям.

Автору «Деяния о стратилатах» очень хотелось совместить их спасение от казни с другим чудом святителя Николая — спасением в Ликии трех приговоренных на казнь людей (подробнее об этом в следующей главе). Возможно,

он виртуально переносит стратилатов в Миры Ликийские, чтобы оба чуда «срослись» в одно важное целое. Почему это было ему так важно?

Поиски ответов на эти вопросы заставляют нас обратиться к римской истории того периода. Так мы сможем приблизиться к разгадке некоторых секретов древнего текста.

Продолжая перечень неясностей и непонятностей в тексте «Деяния о стратилатах», мы не можем умолчать и еще об одном странном факте. Когда генералы (иногда в источнике это только один Непотиан) рассказывают императору Константину о человеке, который явился ему и префекту Аблабию во сне, то византийский правитель неожиданно вопрошает: «Кто это Николай?» (в оригинале «Praxis de stratelatis» читается: «Кто этот Николай?»). Трудно сопоставить данный факт незнания императором святителя Николая с фактом участия их обоих в Первом Никейском Вселенском соборе в 325 году. Собор работал не один день, было принято множество решений, связанных с жизнью христианской Церкви. Они должны были видаться каждый день! К тому же епископ из Мир Ликийских, как известно, в присутствии императора (!) ударил по щеке спорщика Ария, и за это, возможно, на короткое время угодил в тюрьму (предположительно, по указу того же императора), ибо такое поведение было оскорбительно и наказуемо, будучи совершено в присутствии царствующей особы.

И после этого оказывается, что император Константин не знает — кто такой епископ Мирликийский! Мы ясно видим, что автор «Деяния о стратилатах» нисколько не осведомлен или искажает события. Но зачем? Или это можно расценивать как доказательство того, что святитель не участвовал в работе Никейского собора. Может быть, он не был в числе почетных гостей, допущенных на заседания с императором?

Еще вопрос: не следует ли из этого, что события со стратилатами произошли до Первого Вселенского собора, то есть до 325 года? Тут же отвечаем: никак невозможно, ибо Аблабий появился при дворе императора и стал укреплять свое положение в Константинополе не ранее 330 года.

И так далее...

Всё же корни несоответствий, повторим, следует ис-

кать в авторе текста. Он, возможно, был настолько далек от происходившего на Никейском соборе, что лично не знал о присутствии там Николая либо намеренно исказил этот факт. Если он не знал, то это весьма отдаленный от жизни тогдашней верхушки Церкви человек. Скорее всего, житель города Миры (или Ликии). Не более того. Хотя и местный житель должен был знать о Никейском соборе, а тем более об участии в нем епископа из Мир...

Предполагая такого «странного» автора, мы можем по-другому прочитать текст «Деяния о стратилатах». Автор мог намеренно показать, что император Константин не знал святителя Николая и даже ничего не слышал о нем. Автору было важно возвысить самих стратилатов. Показать их значимость. Для этого он создает историю о прибытии флота в Миры Ликийские и о личном знакомстве военачальников с местным епископом Николаем. И затем, обладая уже таким покровителем и другом, воины заочно знакомят с ним самого государя!

Неплохая история. Но опять же — зачем? Только ради значимости самих воинов? Нет, не только для этого. Автору, повторимся, было важно принизить значение префекта претория Аблабиа.

Если бы стратилаты не были знакомы с епископом Мирским лично, то получалось бы, будто он помог им, совершенно их не зная, виртуально. А ведь тогда он еще был жив. Еще не было канонизации и посмертного почитания его как святого. Тогда — как и к кому ехали затем военачальники из Константинополя по наказу императора с дарами и благодарностями? Ведь они, вероятно, не застали святителя в живых. А значит, если бы не было их встречи с ним раньше, то им не было бы что рассказать императору о подвижнике. Так смысл сюжета и замыкается в своей логике. Автору все это нужно было сочинить.

Прибавим к этим размышлениям еще кое-что. В «Деянии о стратилатах» рассказывается о спасении трех приговоренных к казни людей. Там точно так же местный правитель взял взятку для осуждения невинных узников и для вынесения несправедного приговора. И после вмешательства святителя Николая покаялся. Казнь не осуществилась.

Поразительно, но история со стратилатами словно под копирку повторяет этот сюжет. Стратилаты попадают в точно такую же ситуацию. Но уже при дворе императора. Они вспоминают, что подобное уже происходило в Ликии. И взывают в молитвах о помощи. Дальнейшее

нам известно. Но не хватает лишь одинаковой концовки этих историй. Если в одном случае взяточник покаялся, открылся Николаю и просил о прощении греха, то в случае с Аблабием — о покаянии ни слова, да и прощения мы не видим. Автор «Деяния о стратилатах» намеренно создает такую параллель с разными концами. Одна история вытекает из другой. Стратилаты автором помещены в Миры для того, чтобы стать живыми свидетелями похожего события и его успешного завершения. Именно зная об этом, они взмолились святителю. А ведь могли бы и не знать. И тогда спасение бы не произошло! Не ради ли этого автор направляет стратилатов в Миры, даже вопреки обычной логике?

Но еще более поразительно то, что мы не находим в тексте «Деяния о стратилатах» особого «нехристианского» поведения префекта претория Аблабия, как бы ни хотел его принизить автор. Напротив, он ведет себя очень даже похристиански. Ибо увидев во сне святителя, он подчиняется, как и император, его указанию отменить казнь. То есть он не доводит дело до конца во что бы то ни стало, не «отрабатывает» якобы полученные им деньги. Казнь не состоялась.

Это же и отметил в свое время Густав Анрих. В комментариях к одному из публикуемых им греческих текстов он вдруг замечает, что переписчик неожиданно упомянул о кончине префекта Аблабия (обычно так далеко по времени повествование в списках документа не развивалось). И Анрих делает пометку: «Эпизод гибели Аблабия новый... Аблабий не был непослушен указаниям Николая. Фактически Аблабий, после своего смещения, был убит в своем имении в Вифунии по велению Констанция». Анрих датирует в своей книге 1913 года это событие 338 годом. Но сейчас принято считать, что убиение произошло в период большой резни, устроенной противниками Константина в 337 году.

Таковы перипетии истории и ее сложные многоходовые ребусы...

Чтобы определиться еще точнее, поговорим о более реальных фактах. Они касаются как префекта претория и консула 331 года Аблабия, так и самих трех героев истории — стратилатов. Непотиан и Урс известны историкам. Герпилион упоминается только в «Деянии о стратилатах» и поздних пересказах данного документа. Не более. Иные исторические источники о нем молчат.

Начнем со стратилатов.

Непотриан.

Его полное имя — Вирий Непотриан (*Virius Nepotianus*). Иногда пишут как Непоциан. Точные даты жизни неизвестны. Можно лишь сказать, что родился он в конце III столетия от Рождества Христова, а скончался после 338 года.

Но кое-что можно сказать о его жизни. Причем датировать некоторые события, которые были отмечены в исторических источниках.

Предполагается, будто он был сыном (или внуком) другого Вирия Непотриана, бывшего консулом Римской империи в 301 году. Таким образом, мы имеем трех Непотрианов, двух из которых можно различать лишь с приставками «сын» и «внук».

Источником из первой части жизни Непотриана — героя «Деяния о стратилатах» — как раз и становится древний текст, тот самый отрывок из не дошедшего до нас полного Жития святителя Николая Мирликийского. Мы узнаем, что Непотриан-сын, в должности стратилата, где-то после 331 года участвует как военачальник в походе из Константинополя на взбунтовавшихся тайфалов. Вместе с ним — его соратники: Флавий Урс и Герпилион.

Эта военная кампания сводит их с епископом града Миры — Николаем. После победы над племенами остготов и возвращения в столицу империи они попадают в тюрьму, обвиненные в заговоре против императора. Получив освобождение, остаются при дворе. Но становятся врагами (или уже были таковыми) префекта претория и консула 331 года Флавия Аблабия.

На этом могло бы все и закончиться. Но источники дают нам повод для некоторых весьма любопытных предположений.

В 336 году Вирий Непотриан становится консулом Римской империи. То есть достигает почти тех же высот, что и его враг Аблабий, будто бы желавший его смерти. Таким образом, мы можем назвать Непотриана выдающимся политиком и государственным деятелем Римской империи первой половины IV века. И не ошибемся!

Ему представилась возможность сделать быструю карьеру. И он ею воспользовался. А именно: есть косвенные свидетельства, что Вирий Непотриан женился на сестре самого императора Константина Великого — Евтропии. Таким образом, он обладал весьма значительными возможностями при императорском дворе. Его положение было почти незыблемым.

Участвовал ли он в придворных интригах или заговорах — об этом мы поговорим чуть ниже. Но не участвовать, понятно дело, не мог. Во всяких разбирательствах в высших сферах власти всегда приходилось принимать какую-либо сторону, а значит — наживать врагов.

Как мы расскажем далее — Непотиан умело расправлялся с теми, кто ему казался неудобным.

Сохранились некоторые сведения о его предположительной семье. Жена Евтропия родила ему сына, которого звали Флавий Юлий Вирий Непотиан (Непотиан-внук). Имея императорскую кровь (по матери), он мог, по его мнению, претендовать на престол. И этот славный сын консула осуществил свою идею в 350 году. За что был наименован в истории узурпатором.

Действительно, он захватил престол насильно. Зосим в своей знаменитой «Истории» пишет, как сначала «войска Непотиана преследовали врагов и, поскольку у них не было возможности бежать, убили каждого человека».

Однако на престоле он не просидел и трех недель! Был убит другими претендентами на власть... Тот же Зосим замечает, как «через несколько дней Магнентий послал войско под командованием Марцеллина, и Непотиана казнили». Более того, историк Евтропий рассказывал, что «на двадцать восьмой день, схваченный полководцами Магнентия, он понес кару. Голову его на копье носили по всему городу (Риму. — К. К.-С.)»...

Дожил ли до этих дней его отец — Вирий Непотиан? Тот самый, который, по сказанию, был в Мирах Ликийских и встречался с самим святителем Николаем? Возможно. Быть может, он даже способствовал захвату его сыном римского императорского престола. Но это лишь предположение.

Во всяком случае, тогда же была убита и сестра императора Константина I — Евтропия, жена Непотиана-сына, героя «Деяния о стратилатах». В античной традиции единодушно признавали Непотиана-внука человеком неприятным и жестоким.

О данной династии Непотианов более ничего нам пока не известно.

Другой стратилат — Флавий Урс (Flavius Ursus). О нем нам известно еще менее. Принято называть его известным государственным деятелем Римской империи первой половины IV века.

В Кембриджской «Просопографии поздней Римской

империи» (*Prosopography of the Later Roman Empire*) указывается, что он был по происхождению германцем.

Это наводит на некоторую мысль о том, что Урс не был безразличен к судьбе остготов-тайфалов, подавлять восстание которых он был послан вместе с Непотианом и Герпилионом. Можно ли из этого сделать какие-то выводы? Например, что у него были какие-либо свои, особые счеты с восставшими. Пока трудно сказать.

В 338 году он стал консулом Римской империи. Сразу после резни 337 года! Но об этом позже.

Вот, пожалуй, и все, что мы пока можем о нем сказать. Пока. Ведь рассматривая далее подробности того, что происходило в зарождающейся Византии во дни, которые описываются в «Деянии о стратилатах», мы можем открыть для себя еще несколько новых страниц в книге древней истории.

Имя третьего стратилата на русском языке звучит поразному. В старые времена его называли Еронлион (как, например, в «Чудесах святого архиерея Христова Николы» по списку XII века) или Ерпилион (как, например, у Дмитрия Ростовского). А ныне принято писать Герпилион. Однако это не совсем точно. В древних текстах имя пишется латиницей как *Eupoleon* (*Eupoleonis*, *Eupolion*). Даже в своем капитальном труде о Святом Николае, изданном в Неаполе в 1751 году, тезка святителя — Николо Кармин Фальконе, упоминая имя *Eupoleonis*, ставит после него пометку (*sic*), то есть отмечает, что в тексте это редкое имя именно так и написано.

Однако в публикации (в 1913 году) текстов «Деяния о стратилатах» Густавом Анрихом на греческом языке мы видим, что указано имя «Ерпилион». Сам Г. Анрих в комментариях переводит его на немецкий язык как *Herpylion*. А в русских переводах, как от источника на греческом языке, так и с легкой руки Г. Анриха, и пошла позднее традиция написания «Герпилион», когда добавилась вначале обиходная буква, столь стилистически близкая греческим словам в русском переводе и немецкому восприятию. Яркий пример — имя Патриарха Ермогена, которого часто называют и Гермогеном. Но был ли «Ерпилион» в греческом рукописном оригинале? А может, все-таки Евполион? Не описка ли это в слове, где вместо «в» появляется вдруг буква «р»? Мы вынуждены сказать, что, скорее всего, не описка и не опечатка. Так переписчик на греческом изложил. Да и усомниться в точности труда Густава Анриха — это нару-

шить сложившуюся традицию поклонения ему всех «николаеведов».

На латинице иногда имя стратилата может писаться еще и как *Euroleon*. Нередкая замена в данном языке букв «u» и «v». Здесь можно привести две версии происхождения имени по латинским источникам. Первая — оно связано с таким же названием деревни в регионе Фокида (там, где Дельфы). Слово состоит из двух «греческих» частей: «ev» или «eu» («хороший, добрый») и «rali» («борьба»). Предположительно, в фокидийской одноименной деревне жители занимались борьбой и славились хорошими атлетами. Второй вариант — имя происходит также от «ev» или «eu» («хороший, добрый») и «polion» («маленький город»). Поселение в Фокиде в древние времена как раз и называлось — Евполион, то есть «благий маленький городок» (рассуждения на тему этого названия можно найти в бюллетене Греческого института статистики — *GSI News*, Nr. 43. Febr. 2011).

Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны» несколько раз упоминает город Евполион (*Eupolion*). Кстати, знаменитый Марк Витрувий, автор многотомной книжной эпопеи «Об архитектуре», вероятно, носил еще прозвище Полион (Поллион), которое являлось традиционным семейным римским именем — когноменом. Но оно не совсем совпадает с нашим примером.

Во всяком случае, если всё вышеперечисленное принять во внимание, то по-русски точнее и даже правильнее называть третьего стратилата не Герпилион, а Евполион (или Эвполион). Можно считать, что имя означало «хороший боец», а это придавало его носителю-военачальнику особую значимость. Но это лишь гипотеза, не более...

Поиски в исторических источниках прототипов, носивших данное имя во всех его вариантах, пока ни к чему не приводят. Третий стратилат — для нас, жителей III тысячелетия от Рождества Христова, — все еще загадочная личность.

А теперь поговорим подробнее об Аблабии — возможно, как это ни странно, главном после святителя Николая герое «Деяния о стратилатах».

О префекте претория Флавию Аблабии (*Ablabius*, по-русски его иногда называют Аблавий или даже Авлавий) мы уже рассказывали в главе о спасении святителем Николаем жителей Мир Ликийских от голода. Тогда он представ-

лялся зачинщиком казни философа-неоплатоника, якобы колдуна Сопатра, того самого, который будто бы вызвал ветра, чтобы суда с зерном не могли доплыть до Константинополя. В этом рассказе Аблабий представал не в очень выгодном свете. Но так постарался упоминавший его византийский историк и софист Евнапий, который не очень благоволил к христианам.

А вот самого Аблабия как раз современные ему духовные лидеры считали примерным христианином! Например, Афанасий Великий, современник Аблабия и святителя Николая, почитаемый в числе греческих Отцов Церкви. Он не раз посещал императора Константина. Вот что Афанасий пишет в 331 году, когда Аблабий был уже при императорском дворе: «В консульство Анния Басса и Аблабия... Настоящее послание отправил [Афанасий] с пути, возвращаясь от Двора; ибо в этом году путешествовал он ко Двору Константина, великого Царя, который в то время повелел ему прийти; поелику враги обвиняли его за то, что он поставлен во епископа, будучи очень молодым; когда же он явился, то удостоен был почетного приема».

В своем «Четвертом праздничном послании» (332) епископ Афанасий еще более аргументирован: «Приветствуйте друг друга лобзанием святым! Приветствуют вас все братья, которые при мне! Мы отправили это послание из резиденции Императора чрез официала; ему же оно было передано тем, кто истинно боится Бога, Аблабием префектом. Я же находился в резиденции Императора (Псаммафия, предместье Никомедии, как следует из комментариев публикатора перевода. — К. К.-С.), призванный Императором Константином для того, чтобы представиться ему».

Епископ называет префекта претория, консула Аблабия «истинно боящимся Бога» (по переводу на русский XIX века; более точный вариант перевода из текста Афанасия — «тот, кто действительно боится Бога, это есть Аблабий, префект претория»).

В другом месте его называют «праведный верующий».

Немалая оценка!

Однако и в «Деянии о стратилатах» префект Аблабий почему-то ведет себя «не очень хорошо» с точки зрения автора (так же как и у Евнапия). Этим ощущением быстро проникается и читатель. Ибо есть в повествовании три настоящих героя-воина, подавившие восстание тайфалов, их защищает не кто-нибудь, а сам святитель Николай. Аблабий же призывает казнить их как предателей

императора! То есть он словно бы выступает против самого святителя!

Есть в данной истории что-то странное. Словно бы не хватает полноты правды. О чем-то в ней недосказано, что-то преувеличено, а что-то намеренно искажено, для того чтобы мы могли видеть в префекте Аблабии только отрицательного персонажа. Отсюда можно сделать вывод, что писал «Деяние о стратилатах» (и, возможно, самый ранний житийный текст о Николае Чудотворце) тот автор, для которого Аблабий был неприятен или даже был врагом.

Из известных для нас людей, подробно описывавших события того времени и живших тогда же или десятилетие-другое позже, первым вспоминается все тот же Евнапий. Но мог ли он написать текст о стратилатах? Вряд ли. Ведь нехристианин не стал бы прославлять представителей иной веры, тем более в жанре жития. Ему бы очень хотелось «столкнуть лбами» двух христиан: одного — самого приближенного к императору политика, другого — самого известного святителя. Есть все же одна «загвоздка» — еще при жизни святитель Николай не имел такой известности, как тот же Аблабий. Имя Аблабия знали все в империи. А имя епископа из Мир Ликийских — лишь в некоторых регионах империи. И даже сам император, следуя «Деянию о стратилатах», спросил о Николае: «Кто это?»

Таким образом, мы видим, что автор «Деяния о стратилатах» создавал его тогда, когда известность святителя Николая была уже очевидной для всех, когда он мог быть реально противопоставлен такой фигуре, как Аблабий.

Автор «Деяния о стратилатах» привлекает фигуру святителя Николая для того, чтобы показать «не очень христианскую сущность» самого Аблабия. Но для этого автор должен был быть вполне уверен, что епископ Мир Ликийских Николай уже настолько важен для христианского миропонимания, уже настолько признан как святой и как чудотворец, что упоминание о нем снимет все сомнения у читателя — кто «хороший», а кто «плохой» в споре стратилатов и Аблабия.

Почитание святителя Николая началось, конечно же, после его кончины. Подробнее мы скажем об этом позже. Но можно сказать, что между кончиной святого и его признанием (пусть даже и без канонизации) всегда проходит какое-то время. И это не год-два, а более. По этой причине мы вынуждены предложить свою версию времени создания «Деяния о стратилатах». Оно не могло быть создано при

жизни святого или даже в первые годы после его кончины. Это сегодня, с «высоты» третьего тысячелетия от Рождества Христова нам кажется, что авторы первого Жития святителя Николая создали текст немедленно, словно бы ждали его кончины. Напротив, сила и власть префекта Аблабия до 337 года были таковы, что вряд ли кто мог осмелиться написать о нем, во-первых, плохо, а во-вторых, с убеждением, что он «перечил» самому святому. Сформулировать непререкаемую и чудодейственную святость епископа Николая Мирликийского можно было лишь чуть позднее.

Здесь интересно рассмотреть версию о том, почему и зачем Аблабий вступил в конфликт со стратилатами. Может быть, в этом вся разгадка авторства и времени создания текста? Зачем ему, добившемуся наивысшего почета при дворе императора, обвинять в предательстве интересов Римской империи нескольких военачальников, да еще и покровительствуемых известнейшим духовным подвижником?

На эти вопросы есть предположительные ответы. И они весьма неожиданны.

Префект Аблабий был выдающейся личностью. Воспользуемся вновь трудом Евнапия о философах и софистах, который, предполагая оставить об Аблабии только отрицательную информацию, все же не смог скрыть много того, что мы замечаем в подтексте.

При его рождении было предсказано, что он займет место в жизни почти царское, как минимум — рядом с царем. Евнапий пишет:

«Аблабий... происходил из очень незнатного рода, а со стороны отца — из слоя низкого и бедного (как будто бы он был уроженцем острова Крит. — К. К.-С.). О нем сохранилась следующая история, которую никто пока не опровергнул. Один из египтян, принадлежащий к тем, которые занимаются астрологией, однажды пришел в город... Придя же, он тотчас кинулся в таверну пороскошнее, чувствуя, что после дальней дороги у него пересохло во рту, сказал, что он чуть не задохнулся от жажды, и приказал приготовить для себя особое сладкое вино, деньги за которое он тут же заплатил вперед. Хозяйка харчевни, видя явную прибыль, засуетилась и стала с усердием ему прислуживать. Она умела также помогать женщинам при родах. Когда хозяйка поднесла килик египтянину и тот уже собирался при-

губить вино, вбежал один из соседей и зашептал ей на ухо: “Твоя подруга и родственница может умереть от родовых мук, если ты к ней не поспешишь”. (А так оно и было.) Когда женщина об этом услышала, она тут же оставила египтянина, который сидел с разинутым ртом, и, даже не налив ему теплой воды, пошла и разрешила ту женщину от бремени, и сделала все, что требуется при родах, и лишь затем, омыв руки, возвратилась к посетителю. Застав его раздраженным и в гневе, женщина объяснила причину своего промедления. Когда великолепнейший египтянин услышал об этом и заметил час события, он стал испытывать еще большую жажду, но уже в отношении того, что исходит от богов, а не того, что удовлетворяет телесную страсть, и громким голосом вскричал: “Иди же, женщина, скажи матери, что она родила немногим меньшего, чем царь”. После этого пророчества он щедро наполнил свой килик и попросил женщину узнать, как имя ребенка. Его звали Аблабий, и он оказался таким баловнем Судьбы, благоволящей ко всем юным, что стал даже могущественнее императора... и вообще, он обходился с императором, словно с беспорядочной толпой народа».

Можно ли сказать, что пророчество для Аблабия сбылось, что он будет «немногим меньшим, нежели царь»? Вполне. Ранг префекта претория Востока считался рядом с императорским, да и титул консула был первым после цезаря или августа (хотя даже сами императоры не гнушались назначать себя консулами).

Известный языческий ритор-софист Либаний (Libanius), фактический современник святителя Николая и Аблабия, ставший в будущем учителем в науках для таких подвижников, как Василий Великий, Иоанн Златоуст и Григорий Назианзин, в одной из своих речей («За Фалассия») добавлял к истории карьеры будущего префекта претория не менее важные факты. Либаний говорит о современном ему Сенате, куда входят, пробиваясь по карьерной лестнице, не очень знатные люди. Но Либаний это приветствует, считая, что они достойны, если смогли этого достичь, и говорит следующее: «Если же требуется, чтобы я назвал некоторых и по имени, о нынешних членах Сената... Уроженец того же острова [Крит] Аблабий, сперва служитель при лицах из судебного персонала правителя Крита, выехал оттуда и, совершая плавание по морю с целью зашибить копейку (эту фразу Либаний заимствует у Евнапия, прямо на него сославшись. — К. К.-С.), молился мор-

ским богам. Явившись же в столицу, овладел расположением царя и когда вступал в Сенат, являлся словно бог в среде людей».

Выделим здесь особо слова о том, как Аблабий «молился морским богам». Вам ничего это не напоминает? Особенно в связи с нашим хождением в Жития святителя Николая — покровителя тех, кто плавает в море. А ведь они с Аблабием могли быть почти одного возраста.

Добавим к этим рассказам и то, что кроме карьерных и политических достижений Аблабий являлся также еще и автором известных стихов, которые он посвящал императору Константину Великому. Поэт позволял себе многое, даже эпитагмы. А писать эпитагмы, будучи предельно близким к императорскому двору, — это весьма смелое занятие. Однако Аблабий делал это. При этом император Константин обращался нему в письмах: «дорогой мой» или «мой самый приятный».

Многое говорит нам о нем, как о творческой личности, замеченной императором. И вот тут перед нами открывается нечто интересное.

В исторических источниках, рассказывающих о том времени, находится упоминание еще одного героя по имени Аблабий (Ablabius). Его идентифицируют как историка и писателя, который занимался изучением жизни одного известного народа. Догадываетесь какого? Да, того самого — готов, частью которого были и тайфалы! Те самые тайфалы, против которых воевали стратилаты.

Кто же это были такие — тайфалы, с которыми отправилось сражаться римское войско? Как древнегерманские племена, предположительно принадлежащие к остготской группе, жившие где-то между нижним Дунаем и Трансильванскими Альпами, частично во Фракии (а не Фригии), к III—IV веку поселившиеся в Северном Причерноморье, оказались в центре Анатолийской территории?

Словарь Брокгауза и Ефрона открывает: «Таифалы — германское племя, входившее в состав восточной готской группы. Во время нашествия гуннов были подчинены остготскому королю Германриху. Перешедши вслед за вестготами через Дунай, они участвовали в борьбе последних с императором Валентом».

Скупое, но все же.

Предполагают, что часть остготов — тайфалы — каким-то

образом перебралась во Фригию, а может быть, их переселил или пытался переселить сюда император Константин (он, бывало, совершал такие жесткие деяния). Самое интересное, что когда пишут о частичном переселении тайфалов во Фригию, то ссылаются как раз на историю с их мятежом из Жития святителя Николая (из «Деяния о стратилатах»). Других источников — нет. И наоборот — нет источников и для подтверждения информации, которую мы получаем в самом Житии.

История мятежа требует правды, включая убедительную версию о переселении целого народа. Иначе, вкупе со странным плаванием римского войска из Константинополя на юг, в Миры Ликийские, такая безосновательность вызывает недоверие к рассказу, вернее, к его отдельным деталям. Подобное событие, но зафиксированное в источниках, произошло в 386 году именно во Фригии! И это заставляет задуматься о времени создания документа и его авторстве...

Но вернемся к двум Аблабиям. Историк Аблабий жил как раз в те же годы, что и префект Аблабий (хотя, по мнению некоторых, годы их жизни не совсем идентичны). Случайное совпадение?

На его труды позднее ссылался Кассиодор (Cassiodorus), римский писатель, панегирист, историк и экзегет рубежа V—VI столетий. Он был и государственным деятелем, достигнув должности префекта претория Италии.

Не прошел мимо исторических трудов Аблабия также известный готский историк VI столетия Иордан (Iordanes). В своем капитальном труде «О происхождении и деяниях гетов» (Иордан намеренно употреблял слово «геты», считая их прародителями готов. — К. К.-С.) он много раз упоминает имя Аблабия, считая его очень важным и ценным учебным автором. У него мы узнаем много важного в связи с взаимоотношениями готов и Римской империи, что может пролить некоторый свет на историю подавления восстания тайфалов стратилатами.

«Когда римлянами правил вышесказанный Филипп, — пишет Иордан, — единственный бывший до Константина христианином, вместе с сыном своим, также Филиппом, то... готы... из друзей стали врагами. Они, хотя и жили в отдалении под управлением своих королей, были федератами римского государства и получали ежегодное вознаграждение». Иордан упоминает и нужное нам племя, когда однажды часть римского войска попросила «помощь со сторо-

ны многочисленных тайфалов... это чрезвычайно опытные в войне люди, которые часто бывали враждебны римлянам. Впоследствии, в правление Диоклетиана и Максимиана, их победил и подчинил римскому государству цезарь Галерий Максимин».

У Иордана узнаем мы о переселении готов-тайфалов в сторону Анатолии, ближе к Фригии. Он пишет, ссылаясь на Аблабия: «Как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблабий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории. С такими предположениями согласны и многие из старших писателей».

«Выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории!» Можно ли еще более высокими словами охарактеризовать труды историка-предшественника?

Но мы продолжим цитирование Иордана: «Историк Аблабий сообщает, что там, на берегах Понта, где они, как мы говорили, остановились в Скифии, часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого его имени, либо от места, т. е. “восточные”, называются они остоготами; остальные же — везеготами, т. е. с западной стороны... Дав волю своему буйству... предводители готов взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский, перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли славнейший храм Дианы, который, как мы раньше уже рассказали, был основан амазонками. Перейдя в область Вифинии, они разрушили Халкедон».

Но все это было давно. А во времена императора Константина тоже было о чем вспомнить Иордану. И он пишет, вновь ссылаясь на Аблабия: «В государстве был достигнут мир, и готами начали как бы пренебрегать. А было время, когда без них римское войско с трудом сражалось с любыми племенами. Часто бывало, что их так и приглашали: например, при Константине их позвали, и они подняли оружие против его родственника Лициния; победив, они заперли его в Фессалонике и, лишённого власти, пронзили мечом от имени Константина-победителя. Помощь готов была использована и для того, чтобы [Константин] смог основать знаменитейший в честь своего имени город, который был бы соперником Риму: они заключили с им-

ператором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]. До настоящего времени в империи остается их войско; зовутся же они и до сего дня федератами. Так они прославились в империи».

А вот как позитивно пишет о готах и об отношении к ним императора Константина Ермий Созомен в своей «Церковной истории»: «Константин имел такой успех в войнах с иноплеменниками, что одолел и Савроматов, и так называемых Готфов, которым, наконец, в виде милости, даровал мир. Этот народ обитал в то время за рекою Истром. Быв сам воинственен, как по многочисленности, так и по рослости телесной, он всегда упражнялся в искусстве владеть оружием и, победив других Варваров, только в Римлянах нашел себе противников. Говорят, и в этой войне, посредством знамений и сновидений, Бог удостоил Константина особенного своего промышления. За то, одерживая победы во всех случавшихся тогда войнах, он, как бы состязаясь в щедрости с Христом, платил за них усердием к вере и внушал подданным одну ее чтить и признавать спасительною».

О каком походе против тайфалов мы можем тут говорить?

Даже современный итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари пишет о том, что события соответствуют другому времени: «Восстания во Фригии: Гайна не вынес всего этого и сообщил Трибигилду свой план. Этот человек любил риск и был готов к любому безумию. Он командовал контингентами варваров, дислоцированных во Фригии. Император лично дал ему это поручение (*Зосим. Новая история. V, 13, 2*). Трибигилд был главой остроготов во Фригии, и эти события датируются весной 399 г.».

Весной 399 года! Спустя более полувека!

Что же имеет в виду о. Джерардо Чоффари? А вот что.

К концу IV столетия (то есть намного позже событий со стратилатами в Мирах Ликийских) готы стали активно соглашаться на расселение на востоке империи. Римляне неплохо относились к возможному поселению готов, видя в этом полезное для государства пополнение земледельческого населения и увеличение состава войск, а также размеров налогов. Наиболее влиятельным военачальником в империи был гот (быть может, тайфал) по имени Гайна.

Вот что писал по этому поводу известный историк, русский эмигрант А. А. Васильев в своем труде «История Византийской империи», увидевшем свет на английском языке в 1950 году: «В это время (399 г.) готы, поселенные еще

Феодосием Великим в малоазиатской области Фригии, подняли восстание под предводительством своего вождя Трибигильда [Трибигилда] и разорили страну. Отправленный против бунтовщика Гайна оказался его тайным союзником. Подав друг другу руки и намеренно допустив поражение высланных против Трибигильда императорских отрядов, они сделались господами положения и заявили императору требование... [сделать] уступки арианам-готам одного из столичных храмов для отправления в нем арианского богослужения. Но этому решительно воспротивился константинопольский епископ Иоанн Златоуст, и Гайна, зная, что на стороне последнего стояла не только вся столица, но и большая часть населения империи, более не настаивал на своем требовании».

Поразительно, но мы, наконец, получаем информацию о восстании готов во Фригии, об участии в этом христианских подвижников — врагов Ария. Ну как тут не вспомнить святителя Николая с его пощечиной Арию и с его благословением стратилатов на битву с готами! Все встает на свои места! Только вот по времени не совпадает. Кто-то что-то случайно напутал. Или совсем не случайно. Просто перенес одно событие во времени для своих целей. О них мы и рассуждаем.

А вот и продолжение (у Васильева): «Обосновавшись в столице, готы стали полными распорядителями судеб государства... Однако Гайна, несмотря на все успехи, не смог удержаться в Константинополе. Во время отсутствия его в столице там вспыхнуло восстание; многие готы были перебиты. Гайна не смог вернуться в столицу. Воспрянувший духом Аркадий отправил против него верного язычника-гота Фравитту, который разбил Гайну во время попытки последнего переправиться в Малую Азию... Готский вопрос в начале V века был решен в пользу правительства. Позднейшие попытки готов возратить утраченное влияние уже не имели большого значения».

В разговоре о готах-тайфалах обратимся еще раз к древним источникам. Листаем «Новую историю» Зосима (конец V века): «Константин не очень успешно вел войны (оставим это на совести Зосима, не любившего императора Константина. — К. К.-С.): когда скифское племя тайфалов напало на него силами пятисот всадников, он не только не оказал им должного сопротивления, но, потеряв большую часть своего войска и увидев врагов, грабивших его укрепленный лагерь, был рад спастись бегством...»

Мы видим, что Зосим называет тайфалов скифами. Однако он путает: тайфалы жили на землях скифов, но не были ими.

Само слово «тайфалы» не раз употребляет в своей книге «Деяния» (в наши дни переводится как «Римская история») Аммиан Марцеллин, когда речь идет о их помощи римлянам во время сражений: «Для того чтобы подавить их, прибегли к помощи тайфалов... Так как условия местности вынуждали разделить силы, то наши войска избрали для себя местности, прилегающие к Мезии; тайфалы направились в области, ближайšie к их территории».

Кстати, это именно к ним как к части римского войска относились такие слова тогдашнего императора-победителя Констанция, который «созвал все когорты, центурии и манипулы, взшел на трибунал и, окруженный знаменами и орлами, а также собравшимися высшими чинами, держал такую речь, встретившую, как обычно, всеобщее сочувствие».

И далее Марцеллин приводит слова императора: «Верные защитники римской державы! Воспоминания о славных делах, которые для храбрых выше всяких радостей, побуждают меня с полным смирением припомнить то, что мы, с Божьею помощью победители, совершили до битв и во время самого пыла браней. Что прекраснее и что по всей справедливости более достойно памяти потомков, как не радостное сознание солдата о проявленной им храбрости, а военачальника — того, что он сумел предусмотрительно распорядиться!»

Верные защитники Римской державы! И это о тайфалах!

Упоминает о них и римский историк Секст Виктор Аврелий в своем труде «О цезарях» (IV век), но уже после событий, случившихся при императоре Константине, имея в виду, что тайфалы становились позднее все более агрессивными. Но он ни разу не употребляет названия региона Фригия.

Интересен и такой документ, как записка философа и богослова Синезия «Об императорской власти» (вариант перевода: «Об обязанностях государя»), датируемая рубежом IV—V столетий. Он как раз посетил в 399 году Константинополь. Узнав о восстании готов, он написал о готской опасности для империи. Он заметил: «Достаточно будет небольшого предлога, чтобы вооруженные [варвары] сделались господами граждан; и тогда невооруженные будут сражаться с людьми, изошренными в военной борьбе».

Таким был 399 год! Но никак не 330-е или 340-е годы, связанные с именем святителя Николая.

Кстати, тайфалы, будучи язычниками, активно принимали христианство. В книге «Жития отцов» (*Vita Patrum*) историка и епископа Григория Турского (VI век) находим рассказ, как обычный варвар, родом тайфал, в те самые, «константиновские» времена «обратился к Господу» и стал клириком в христианском храме. По мнению историка А. А. Васильева, «на первом Вселенском соборе в Никее (325 г.) уже присутствовал готский епископ Феофил, подписавший никейский символ. Просветителем других готов явился в IV веке Ульфила (Вульфила), по происхождению, может быть, грек, но родившийся на готской земле, который прожил некоторое время в Константинополе и был там посвящен в епископы арианским епископом. Вернувшись к готам, Ульфила в течение нескольких лет проповедовал среди них христианство по арианскому обряду; чтобы готы легче могли ознакомиться с книгами Священного Писания, он, при помощи греческих букв, составил готскую азбуку и перевел на готский язык Библию».

Как видим — никакого намека на восстание тайфалов при императоре Константине! Вернее, на то, что они в тот момент были настоящими врагами империи. Скорее, наоборот. Вот почему мы должны здесь выдвинуть особую версию событий, описанных в «Деянии о стратилатах».

В настоящее время многие историки приходят к выводу, что оба известных Аблабия-современника — это один человек. То есть префект Аблабий, автор стихотворений и эпиграмм, мог описывать и изучать жизнь народа, против которого император послал воевать военачальников Непотиана, Урса и Герпилиона. Как известно, восстание этого народа они жестоко подавили. Возможно, Аблабий был против решения императора послать войска или, по крайней мере, был возмущен чрезмерной жесткостью стратилатов в действиях против тайфалов.

На этой почве, видимо, и возник конфликт (хотя для конфликта были и другие причины, о которых ниже). Аблабий стремился наказать генералов. Но стратилаты в отчаянии обратились в молитвах за помощью к епископу Мир Ликийских. Он же находился далеко от Константинополя и от арены военных действий во Фригии. Автору «Деяния о

стратилатах» необходимо было как-то соединить их вместе, показать, что они уже знали епископа до этого. Для пушей убедительности автор создал рассказ о странном попадании стратилатов в Миры и их встрече там со святителем Николаем. И заодно «зацепил» префекта Аблабия, решив показать его неправедность и его «конфликт» с самим святым заступником. И это ему удалось. Читатель сразу же, вслед за автором, «не любит» Аблабия и априори считает стратилатов настоящими героями, заслуживающими сочувствия.

То есть не только прагматичный философ и не христианин Евнапий обвинял Аблабия в том, что он как христианин подавлял и уничтожал тех, кто был привержен языческим культам (Сопатр), но и автор «Деяния о стратилатах» также показывает не очень христианское поведение Аблабия на фоне христианского порыва святителя Николая. Чувствуется одно отношение к префекту, один почерк, одна затея — показать отрицательную роль Аблабия при императорском дворе. И где-то в глубине подсознания рождается совершенно нереальное предположение. Так и хочется приписать авторство «Деяния о стратилатах» (а значит, и всего самого раннего «Жития святителя Николая») кому-то из круга Евнапия или историка Зосима, тоже активного не христианина. А вдруг?

В этом случае (развивая невероятную гипотезу) нам придется отодвинуть дату создания документа на некоторое время вперед — в последнюю четверть IV века. И все может встать на свои места. Даже аргумент о Джерардо Чоффари, что «ни один писатель позднего V в. (если только он не был историком уровня Сократа, Созомена или Феодорита), безусловно, не мог знать тех характерных реалий более раннего периода», становится не существенным, ибо Евнапий — это серьезный историк, каким мог бы быть воображаемый автор «Деяния о стратилатах», написавший труд свой не в «позднем V в.», а в позднем IV, когда еще многое хорошо помнилось людьми. Впрочем, фантазии сразу же развеиваются: ведь создавал весь комплекс житийного текста о стратилатах все-таки христианин.

Во всяком случае, неточность в действиях императорской армии — это тоже признак того, что автор «Деяния о стратилатах» уже кое-что подзабыл, вернее, не был современником событий, о которых здесь идет речь. И, повторимся, — уже был глубоко уверен в том, что действия святителя Николая как признанного христианского подвижника и святого — не подвергаются сомнениям. Время все это

подтвердило. И только время. Оно заставляло быть с ним согласным. Время же и позволяло обнародовать идею, что Аблабий — плохой человек.

Для полноты картины нам просто необходимо восстановить историческую канву событий, происходивших при дворе императора Константина незадолго до и сразу после его кончины. А произошло тогда многое.

По всей видимости, последние годы правления Константина были связаны с некоторыми заговорами против него. Собственно, «Деяние о стратилатах» именно и повествует нам об одном из таких заговоров, в которых будто бы принимали участие стратилаты Непотиан, Урс и Герпилион. В этом их обвинил префект претория Аблабий.

История в рассказе закончилась счастливо. Но на самом деле — не закончилась! То, что произошло дальше, привлечет наше внимание с еще большей силой.

Необходимо сказать еще кое-что важное. Если рассматривать историю прагматично и «материалистично», то можно даже сделать такой странный вывод: Аблабий в итоге совершил для себя большую ошибку, подчинившись воле святителя Николая, пришедшего к нему во сне. Вернее, он повел себя уж слишком по-христиански, подчинившись святому и освободив узников. Ибо всего несколько лет спустя стратилаты Непотиан и Урс, попавшие, по мнению автора, из-за Аблабия в тюрьму и осужденные на казнь, примут участие в заговоре против родственников императора Константина после его смерти. При их участии будут убиты два его брата и семь племянников.

Напомним, что в мае 337 года скончался император Константин I Великий. Наследником в управлении гигантским государством в довольно короткое время после некоторых перипетий стал его сын Констанций II. Начались, как это и бывало уже много раз в Римской империи, большие перемены.

Что случилось с Аблабием? Он оставался префектом претория до 337 года, до самой кончины своего императора, которому, судя по всему, был весьма предан. Казалось бы, чего ему бояться, ведь он по императорскому повелению давно занимался обучением и воспитанием наследного сына Констанция. То есть был уже несколько лет весьма близок к новому правителю.

Но всё получилось наоборот. Констанций решил рас-

правиться с родственниками и окружением отца. Возможно, он боялся конкурентов по наследству. Слишком близкие к Константину I люди тоже не получили пощады. В известное историкам лето 337 года произошла резня, при которой, по указу Констанция II, было убито много его родных, включая и тех, кто был в детском возрасте.

Per Vim, Per Caedem, Per Bellum... Насилие, бойня, война...

В этот же год в своем имении в Вифании был убит и Аблабий, который чуть ранее попросил у Констанция отставку и переехал туда жить, подальше от двора. Но и здесь его настигла печальная участь. Хотя «Хроника» Иеронима Стридонского относит убийство цезаря Далмация и префекта Флавия Аблабия к 338 году. Авторы труда о резне 337 года Ди Майо и Арнольд (M. Di Maio и D. Arnold) делают предположение, что Аблабий хотел выдать замуж свою дочь Олимпию за брата Констанция — Констана. И пока решали — будет ли свадьба, Констанций II не мог расправиться с будущим тестем близкого родственника, не решив с ним лично такую важную проблему. В итоге мы понимаем, что переговоры братьев прошли в нужном для убийц русле...

Римский автор Зосим в своем труде «История», однако, подтверждает год 337-й: «В то время придворный префект Аблабий также был предан смерти; судьба его наказала, потому что он согласился на убийство философа Сопатра из зависти к его знакомству с Константином». Нелюбовь Зосима к Аблабию понятна. Он так же, как и Евнапий, выступал против христиан, тем более против таких, кто достигал высот на государственной службе.

Констанций — воспитанник Аблабия — мог ревновать к нему еще и по другой причине. Он сочинял стихи и мнил себя поэтом. Но стихи были плохими. А у Аблабия — его наставника — они получались отличными, особенно едкие эпиграммы. Пережить такое не всякому «творческому» человеку легко. Констанций, убив Аблабия, поставил точку над спорами о том, кто талантливее. Тем более что до нас почти не дошли произведения ни того ни другого. А подтверждением нашей мысли могут стать слова греко-римского историка Аммиана Марцеллина, в которых он дает особую оценку личности Констанция II: «Ему очень хотелось слыть ученым, но так как его тяжелый ум не годился для риторики, то он обратился к стихотворству, не сочинив, однако, ничего достойного внимания».

Сам характер убийства Аблабия, его особая жестокость и предшествующие этому события поражают воображение.

Надо было бы уж точно ненавидеть его по-настоящему. А такие мотивы были у его соперников.

В своем историческом повествовании о философах ненавистник Аблабия, хроникер Евнапий расписал все в подробностях, да в таких, что и в обширных рассказах о жизни самих императоров непросто отыскать. Вот они:

«Константин поплатился за те почести, которые он оказывал Аблабию, — упоминает Евнапий, — о том же, как последний умер, я тоже напишу в рассказе о нем. Константин доверил Аблабию своего сына Констанция, который был его соправителем и наследовал власть отца вместе со своими братьями, Константином и Константом... Когда Констанций наследовал императорскую власть и ту часть империи, которая была ему завещана, а именно к востоку от Иллирика, он сразу же лишил Аблабия должности и сменил охрану вокруг него. Аблабий же проводил свои дни в имении в Вифинии, которое он давно себе приготовил, живя в условиях поистине царских, в праздности и изобилии, в то время как все удивлялись тому, что он не хочет императорской власти. Но Констанций, находясь вблизи города своего отца, послал к нему достаточное количество меченосцев, приказав их командирам прежде передать Аблабию послание. И те вручили ему это послание, преклонившись перед ним так, как у римлян принято преклоняться перед императором. Приняв послание с невероятной надменностью и не испытывая никакого страха, Аблабий потребовал от вошедших пурпурные одежды, становясь все более властным и страшным для тех, кто на него смотрел. Но они ответили, что их целью было лишь передать послание, а те, кому доверено второе, найдутся за дверями. Аблабий призвал их с чрезмерной наглостью и гордостью. Однако вошедших оказалось очень много и все были с мечами: вместо пурпура они принесли ему “пурпурную смерть” и изрубили его на мелкие куски, как рубят на рынках на мясо какое-нибудь животное. Такое возмездие постигло во всем “удачливого” Аблабия».

Если кто-то хочет отомстить или позлорадствовать в свою волю на бумаге — то «лучшего» и более изысканного по злобе текста не написать! Язычник Евнапий зримо представлял себе (хотя не был там в реальности) великого политика, христианина Аблабия, которого рубят «на мелкие куски, как рубят на рынках на мясо какое-нибудь животное». Потоки же крови при этом он «поэтично» называет «пурпурной смертью»...

Впечатляет...

А теперь самое главное в излагаемой нами печальной истории. Участниками расправы над родственниками и приближенными бывшего императора Константина, как мы уже отметили, скорее всего, были стратилаты Непотиан и Урс (возможно, и Герпилион, но для утверждения этого нет данных). После отмены их казни и освобождения из тюрьмы они быстро двигались по карьерной лестнице вверх. Когда в 335 году император Константин отправил Аблабия подальше от двора, на Восток, вместе с Констанцием, Непотиан мгновенно, уже в следующем, 336 году получит титул консула. Чуть позднее Аблабий покинет имперскую столицу и уедет в свое имение, где и будет убит. А уже после резни 337 года, в 338-м, консульский титул получит Флавий Урс, хотя консулом в тот год должен был стать уже давно намеченный для этого Квинт Флавий Месий Эгнаций Лоллиан. Вопреки всем предыдущим решениям обладателем титула явился второй из упоминаемых в «Деянии о стратилатах» военачальник. Естественно, за очень ценные услуги... Об этом пишут, например, в своей книге-исследовании «Консулы поздней Римской империи» Роджер Шелер Багнелл с коллективом авторов.

В своей статье о чистке 337 года историк Т. В. Григорюк предполагает: «В литературе непосредственными исполнителями заговора иногда называются консулы следующего, 338 года — Флавий Урс и Флавий Полемий (за что они и получили консульское достоинство). Их участие вполне вероятно — но не в убийствах родственников Константина, а в устраниении префекта Аблабия».

Знаменитая «Энциклопедия древностей», традиционно сохраняющая в заголовке имя «Паули» (в данном случае «Новый Паули» — *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*), в 8-м томе, выпущенном в Штутгарте в 2000 году, неожиданно заявляет, что в том же 337 году при резне был убит и Вирий Непотиан, только что получивший титул консула. И так-де считают многие. Но авторы не приводят ссылок на источники. Поэтому мы можем считать это лишь частным мнением. Однако тема выживания Непотиана и Урса после резни беспокоила многих ученых.

Исследователь Р. В. Берджесс (R. W. Burgess), посвятивший статью летней резне 337 года, не исключает, что тогда были убиты «Флавий Опат, консул 334 года, Флавий Аблабий, префект претория Востока и консул 331 года, много придворных, в число которых, вероятно, вошел Эмилий

Магнус Арборий (известный поэт. — К. К.-С.) и, возможно, Вирий Непотиан».

Есть версии, что сын Непотиана — Флавий Юлий Вирий Непотиан (внук Непотиана — консула 301 года), который в силу того, что его мать была сестрой императора Константина I, еще просто не родился на свет, а потому остался жив. То есть не было претендентов на престол, некого было убивать. А его отец — Непотиан-сын, герой сказа о стратилатах, еще не стал родителем потенциального «наследника». Но в 350 году новый Непотиан-внук все же стал императором. В возрасте около тринадцати лет? Вряд ли... Берджесс в статье «Кровавое лето» пишет: «Если бы он родился в 337 году, ему не могло бы быть более двенадцати лет, и ни один источник не комментирует его изображения на монетах в виде бородатого молодого человека».

По другой версии, сын Непотиана-стратилата был просто далеко от места событий, в Риме, а потому избежал смерти. Да к тому же не был наследником по мужской линии. Чего бояться?

Но хорошо было известно, что убивали летом 337 года без особого разбору. Вот почему вызывает удивление, что никто не рассматривает простую версию, которая сразу же приходит в голову: юный Непотиан-внук остался жив потому, что его отец, наш стратилат Непотиан — сам был среди убийц! Если бы отца убили за неверность новому императору, то за ним последовали бы и жена, и его сын.

Возникает закономерный вопрос. А не прав ли был префект Аблабий, когда уличал трех стратилатов в раннем заговоре против императора? На время им удалось избежать преследований. Но они осуществили свои намерения чуть позже, дождавшись кончины своего государя. Тогда, когда сила и положение Аблабия оказались ничтожными.

И они, в отличие от Аблабия, довели свое намерение до конца! И более того, если Аблабий выступал за справедливый суд, который в итоге вынес приговор о казни стратилатов (так и не осуществленной), то они потом просто убили своего недруга — без суда и следствия...

Вот и представьте себе — что тут думать.

Не можем же мы считать, что святитель Николай, защитивший стратилатов, был с ними заодно и являлся участником заговора против императора Константина или был союзником в их борьбе за власть! Его вообще при дворе тогда не было.

Да, дело тут не в епископе Мир Ликийских, находив-

шемся далеко от высоких интриг. Дело в авторе «Деяния о стратилатах». Это ему нужно было показать, что святитель Николай был на их стороне. Это он был в стане противников Аблабия или даже самого императора. А если и не был на стороне заговорщиков (например, он не был современником или участником событий), то был в числе сочувствующих трем военачальникам.

Но стратилаты поступили в реальности жестоко и незаконно, убивая близких императору людей во время резни 337 года, включая своего прежнего оппонента. (Не столь же жестоки они были и по отношению к тайфалам?) Аблабий же относился к ним с соблюдением мирских законов и по велению явившегося ему во сне святителя Николая. То есть более по-христиански, нежели заговорщики Непотриан, Урс и Герпилион.

А были ли стратилаты на самом деле христианами? Ведь указаний на это нигде нет. Кроме более поздних текстов Житий или самого «Деяния о стратилатах». Здесь мы видим некоторые противоречивые намеки на это. Например, в документе цитируется псалом. Но это вставка автора произведения. Один из стратилатов, призывая императора к милосердию, «заклинает его Троицей» (заметный намек на недавние решения Никейского собора, но показывающий, скорее, христианское подвижничество святителя Николая — участника Собора, а не христианство стратилатов). Наконец, освобожденные генералы привозят дары для церкви в Мирах Ликийских, дары императорские. Характеризует это их как настоящих христиан? Не ясно.

Напротив, текст в пересказе Дмитрия Ростовского дает иной намек на их вероисповедание. Стратилаты призывают: «Боже Николая, избавивший трех мучей от неправедной смерти, призри ныне и на нас, ибо от людей не может быть нам помощи». Боже Николая! То есть не их Бог, а Господь, которому поклоняется святитель из Мир Ликийских!

Привлекает еще одна лирическая сцена, когда стратилаты взмолились перед казнью, взывая к заступничеству епископа Николая. Но молить о помощи могли и язычники, и оглашенные — те, кто сочувствовал христианам, но еще не был сам таковым.

А вот Аблабий — и мы привели свидетельства — был настоящим христианином! И косвенная информация из ста-

рых текстов, а также и судьба его потомства неплохо это подтверждают.

Известна дочь Аблабия, красавица Олимпия (иногда ее называют Олимпиадой). В трудный для самого Аблабия год — 336-й — к ней стал свататься сын еще здравствующего тогда императора Константина Великого — Констант I, тогда руководивший Италией. Для обоих это был счастливый брак. Жена — красавица, муж — правитель части Римской империи. И для Аблабия — чем не завершение карьеры с хорошим наследством. Или — наоборот — чем не продолжение карьеры!

Но оказалось, что оттягивание помолвки и брачных церемоний лишь временно спасало жизнь Аблабия. Никто уже не мог ничего поделать, когда Константин Великий скончался. Брак отменили. Отца невесты — убили...

Олимпия ушла в тень из жизни двора. Но Констанций про нее не забыл. Когда погиб в 350 году Констант, пусть и не женившийся, но охраняющий честь, достоинство и жизнь своей бывшей невесты, император просто взял и выдал ее замуж за армянского царя Аршака II.

Читаем об этом в «Деяниях» (*Res gestae*) историка IV века Аммиана Марцелина: «Констанций щедро одарил его самого и его свиту. Арсак вернулся в свое царство и не посмел потом изменить своим обещаниям, будучи связан с Констанцием многообразными проявлениями милости к нему императора. Так, между прочим, он выдал за Арсака замуж Олимпиаду, дочь Аблабия, занимавшего некогда пост префекта претория, которая была невестой его брата Константа».

Одиннадцать лет спустя, в 361 году, царь Аршак скончался. Олимпия смогла переехать на родину. Здесь вновь вышла замуж, за проконсула Селевка. От нового мужа у нее родилась дочь, которую также называли Олимпиада.

А вот теперь самое интересное. Будущая диакониса, сподвижница Иоанна Златоуста, Олимпиада вошла в христианскую историю как святая. Внучка префекта претория Аблабия, которому во сне являлся сам святитель Николай и который принял его укоры и поступил так, как требовал святой, Олимпиада появилась на свет Божий предположительно до 370 года. Поддерживала святителя Иоанна Златоуста, за что пострадала, была изгнана в провинцию, претерпела множество испытаний. Сам Григорий Богослов наставлял ее в девичестве, а знаменитые его «Советы Олимпиаде» для свадьбы стали примером поведения для молодых женщин.

Дата ее кончины — 408 или 409 год. Остались о ней, например, такие строки из книги «Лавсаик» Палладия Еленопольского: «Об Олимпиаде... С великою ревностью восходила по пути, ведущему на небо, и во всем последовала правилам Божественного Писания. По плоти была она дочерью проконсула Селевка, а по духу — истинным чадом Божиим, внучкою епарха Аблабия и несколько дней невестою Невридия, епарха константинопольского, в самом же деле ни за кого не вышла замуж. Говорят, что до самой смерти она пребыла непорочною девою, сожительницею Божественного слова, союзницею истинного смиренного мудрия, щедрою помощницею всех нуждающихся. Она раздала все свое чрезвычайно большое богатство и помогала просто всем без различия. Ни город, ни деревня, ни пустыни, ни остров, ни отдаленные страны не были лишены щедрот этой славной девы... Рассылала милостыни по всей вселенной... Выкупив из рабства на волю бесчисленное множество рабов, она сделала их равночестными своему благородству»...

Нужно сказать, что в исторической науке еще нет полного согласия. Иногда, например, проконсула Селевка называют сыном Аблабия, а отцом святой Олимпиады — сенатора Аниция Секунда. Но это не важно. Другое сравнение важнее. Род Непотианов закончился тем, что был вырезан почти под корень. Род Аблабия возрос до святости. И даже трагическая кончина и зверское убийство самого префекта претория, которого по «Деянию о стратилатах» все считают «плохим человеком», стали прочной основой для произрастания духовного древа, направленного родословной лестницей — прямо в Небо.

Можно предположить, конечно, что стратилаты были крещены и являлись последователями Христа Спасителя. Они же строили «портики» у гробницы Николая Чудотворца (хотя произошло это по указанию императора)! Но это будет лишь предположение. Факты того времени если вовсе не утверждают это, то говорят, скорее, чуть ли не обратное. Не все в государстве римском тогда спешили стать буквальными почитателями Священного Писания и Нового Завета. Даже сам император Константин принял крещение только лишь в год своей кончины, за несколько дней до нее, хотя возвел христианство почти в ранг государственной религии.

Одно дело говорить, а другое — совершать поступки...

Почему же и зачем тогда им помогал святитель Николай?

Ответ на этот вопрос лежит в сфере духовной жизни и выбора, который неожиданно делает наделенный святошью подвижник. И смысл такого выбора иногда спрятан за пределами простого человеческого разумения...

Хотелось бы здесь отметить еще один «необычный» факт из «Деяния о стратилатах». В конце повествования говорится, что освобожденные военачальники, приехав вторично к епископу Мир Ликийских, вдруг обрезали свои волосы на голове. В некоторых редакциях даже сам император Константин предлагает им (велит, настоятельно советует) сделать это. Зачем?

Вариант текста в переводе А. Ю. Виноградова (VI век, издан по спискам IX—XI веков Густавом Анрихом в 1913 году), опубликованный под названием «Деяние иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мир Ликийских» в альманахе «Альфа и Омега» (№ 32, 2002), гласит: «Говорит тогда император: “Вот вы свободны, и благодарите этого мужа, ведь это не я даровал вам жизнь, но Бог и тот Николай, которого вы призвали. Так что отправляйтесь теперь туда, остригите волосы, которые отрасли в тюрьме”».

Мы понимаем, что речь идет об отросших за время сидения в темнице волосах стратилатов. Не более того. Император просто предлагает воинам привести себя в порядок и предстать перед святителем «живыми и здоровыми», исполнившими указание императора в полноте.

В своей книге «Свт. Николай Чудотворец. Жития, чудеса, легенды», изданной в Бари в 2018 году, исследователь о. Джерардо Чоффари пишет нечто другое: «Некоторые агиографы добавляют, что, прибыв в Миры, генералы обрезали себе волосы в знак преданности епископу».

Тут следует сказать, что если они и обрезали волосы, то сделали это гораздо ранее, ибо были военачальниками римской имперской армии, а там требовалась короткая стрижка. Или они принципиально не стриглись до вторичного приезда в Миры и сделали это только там? Как-то странно.

А еще более странно — что они это сделали «в знак преданности епископу». В чем могла предполагаться преданность в связи с короткой стрижкой? В том, что католические священники выбривали верхнюю часть головы? Но это было позднее и не имело отношения ко времени жизни святителя Николая! Да и зачем стратилатам «обрезать волосы» именно так? Был ли это намек на монашескую, «раб-

скую» преданность, особое отношение к епископу, спасшему их от смерти? Может быть, но все же данный факт еще требует разъяснения.

Итак, подводя к завершению наши рассуждения по поводу содержания и смысла агиографического документа под названием «Деяние о стратилатах», мы отмечаем, что главная идея сюжета связана с духовным пониманием сути молитвы к Заступнику и Угоднику Божию, которая имеет огромную силу, а потому праведные просящие будут прощены, а виновные — наказаны. Святитель Николай предстает здесь перед читателем во всей своей силе.

Еще одна важная идея этого повествования состоит в том, чтобы показать особое реальное, «земное» величие самого епископа Мир Ликийских, способного не только на чудеса, но и на влияние даже на самого императора или префекта претория и консула Аблабия! Причем влияние на расстоянии! И ежели современники считали Аблабия хорошим христианином, то святитель Николай оказывается много лучше и могущественнее.

Довольно смелый рассказ. Но не более смелый, чем позволяло время его написания. Скорее всего, текст был создан после убийства самого Аблабия, а значит, никаких последствий для автора после такого рассказа не могло бы произойти. Текст связан с почитанием самого святителя Николая уже после его кончины и, скорее всего, был составлен сторонником императора Констанция II. Да и создавался в период его правления — между 337 и 361 годами от Рождества Христова.

Так что же нам делать с автором «Деяния о стратилатах»? Верить ему без оглядки или постараться понять — кто в его изложении прав, а кто виноват?

Мы, как читатель успел заметить, выбрали второй путь. Нам важно понять произошедшее. А потому мы совершили очередное внимательное хождение в Житие святителя. О том, насколько нам удалось определить чью-либо правоту среди современников Николая Чудотворца, — судить читателю.

Был ли святитель Николай завязан в конфликте в императорском доме? Мы не знаем. В реальности он находился очень далеко от столицы империи.

Но кончина его, исчезновение из исторических источников упоминаний о нем именно в это время, в эти годы —

немного настораживают. Это не просто так... Хотя автор «Деяния о стратилатах» пытается показать, что даже на расстоянии святой Николай участвовал в сложных перипетиях перемен власти. И, может быть, пострадал или даже был убит, как и почти все герои документа?

Ведь почему-то о кончине его почти нет никакой информации. А ведь по отношению к такому человеку всё бы расписали в подробностях — как скончался, как хоронили, где и что происходило и пр. Немаленькие же люди приезжали к нему в Миры с императорскими дарами!

В кратком Проложном Житии от митрополита Макария («В память иже во святых отца нашего великаго Никола чюдотворца архиепископа Мирликыя», XVI век) деяние о спасениях от казни — лишь два чуда, которые приведены в подробностях, они выставляются как главные, а чудо со стратилатами, возможно, как самое последнее, совершенное им при жизни. «И многа же и другая сотворив чюдеса, — читаем в «Прологе», — якоже о нем писание поведает, спас же и оболганныя три мужи, бес правды умрети хотящих. И инии бо во время, внегда хотяху в темници посечени быти, и святого на помощь призваша, воспоминавше бо его благое соделование, иже створи трем мужем великыи, убьеным онем хотящим быти, и спасени быша. Являет же ся убо во сне царю и епарху, претя занеже ко царю оболганныя мужа, царя же уча: неповинии суть и по зависти в темници затворени. Того ради оных свободив от належашая беды, и ина многа чюдеса совершив, и сущнно и православно упас люди, и во глубоку старость достиг ко Господу отиде».

Пусть наши предположения и гипотезы, вся новая для читателя информация станут почвой для дальнейших поисков.

Спасение от казни

*Старайся узнавать дело в ясности не для того,
чтобы дать суд, но чтобы не осудить.*
Ефрем Сирин, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Не сказал ни дерзкого, ни резкого слова, но и не выказал никакой опаски или робости; сколько доста-

вало сил он побежал к палачу, смело выхватил из его рук меч, и, ничего не страшась, бросил на землю, и осужденных освободил от их оков».

Кто бывал в зале произведений И. Е. Репина в Русском музее в Санкт-Петербурге, тот не мог не остановиться у полотна, впечатляющего по трагизму изображаемого события. Оно названо автором так: «Николай Мирликийский спасает трех невинно осужденных на казнь». Написав его в 1888—1889 годах, художник реалистично показал одно из важнейших деяний святителя. Особенно заметна в самом центре полотна рука епископа, которая удерживает меч палача от несправедливой казни прямо за острое лезвие...

Данная картина стала иллюстрацией к событию, имевшему вполне историческое основание. И оно неразрывно связано с другим деянием святителя Николая — спасением от казни трех стратилатов, о котором мы уже рассказали. И на самом деле, рассказ о спасении трех невинно осужденных на казнь в Мирах Ликийских входит как составная часть в «Деяние о стратилатах». Но мы намеренно выделяем его оттуда, так как оно имеет собственное, самостоятельное значение.

Спасение от казни стало одним из чудес, благодаря которым святитель Николай прославился на весь мир. Ибо разве история человечества не состоит из многочисленных ошибок судов и государственных деятелей, отправлявших и отправляющих на смерть невинных людей? Не случайно считается, что самый несправедливый из приговоров — это тот, который лишает человека жизни за несовершенное им преступление. Освободить такого осужденного — дело самой высокой чести и справедливости (и не только в христианстве).

Постараемся вникнуть в рассказ об этом деянии святителя. Для этого мы возьмем два источника, отдаленные друг от друга несколькими столетиями.

Вот как повествует об этом один из древнейших текстов, который известен сегодня исследователям.

«Деяние о стратилатах» (*Praxis de stratelatis*):

«Тогда некоторые люди пришли из города к святому (Николаю. — К. К.-С.) и сказали: “Господи, если бы ты был в городе, три невинных не были бы приговорены к смерти, потому что судья... арестовав этих трех человек, приказал

их обезглавить. Весь город в смятении, мы поспешили найти и позвать вашу святость”.

Услышав это, святейший епископ был удручен. Поговорив с солдатами, он взял с собой нескольких командиров и пошел через город.

Придя на площадь по имени Леонти (Leonti), он спросил тех, кто был на суде: когда вынесли приговор и живы ли еще обвиненные? Они ответили ему, что все еще живы и находятся теперь на месте, называемом Диоскор (Dioscorus), у церкви мучеников братьев-исповедников Крискента и Диоскорида (Crescentius and Dioscorus). Пока они разговаривали, Николай отметил, что жертвам уже пора было бы появиться. Но когда они подошли к воротам, ему сказали, что их перевели в другое место под названием Бирра (Вугга, некоторые переводят его как Берра или Берре, в славянских житиях первая буква прочитывается по-другому и название переводится как Вира), где и должно будет произойти обезглавливание.

Святой Николай поспешил туда и увидел огромную толпу людей и палача, который держал свой меч в ожидании пришествия святого человека. Когда Николай подошел к месту казни исповедников Христа, то обнаружил троих мужчин, их лица были закрыты льняными мешками. Они уже находились на месте казни, их руки были связаны за спиной. Они стояли на коленях, склонив головы и ожидая смерти.

В этот момент святитель Николай, следуя Писанию: “Праведники смелы как лев” (Притчи XXVIII, 1), бесстрашно выхватил меч у палача и бросил его на землю. Освободив узников от цепей, он увел их с собой в город.

Спустившись к городской управе, он распахнул дверь и вошел в комнаты губернатора Евстафия. Тот, узнав от стражи, что произошло, поспешил подойти, чтобы почтить святого человека. Но слуга Божий Николай отвернулся от него, сказав: “Жаждущий жертвенной крови! Как ты смеешь противостоять мне, защитнику от многих подобных злых дел! Я не буду щадить вас или прощать, но расскажу о вас могущественному императору Константину — насколько серьезны грехи, в которых вы были замечены, и каким образом вы управляете своей префектурой”.

Правитель Евстафий упал на колени и умолял его: “Не гневайтесь на раба вашего, господин, но скажу правду: я не виновен, все это — более высокие правители Евдокий и Симонид”.

Однако святой ответил: “Это сделали не Евдокий и Симонид, а Серебро и Золото”. Ибо он узнал, что исполнители должны были получить более двухсот фунтов серебра за то, чтобы обвинить в преступлении и казнить невинных граждан. И все же святой человек, уже после того, как офицеры искренне попросили его от имени правителя, помиловал и простил его, лишь только расходы и обвинения, выдвинутые правителем против трех человек, были отменены».

Русский текст (публикуется по древнейшему списку XII века, перевод Л. В. Соколовой) гласит так:

«Между тем пришли некие <люди> из города и, поклонившись, сказали святому: “Господин, если бы ты был в городе, не случилось бы такого: три смертных приговора вынесены невинным. Ведь князь, взяв мзду, приказал убить мечом трех мужей. И весь город немало горевал, что тебя там не было”. И тотчас святой умолил воевод и вместе с ними вошел в город.

И когда был в Леонте, спросил он находившихся там о принявших осуждение. И сказали они, что вели их дорогой, называемой Диоскор. Войдя же в церковь Крискентия и Диоскорида, снова спросил он и узнал, что будут выходить через городские ворота. И когда был у ворот, <вновь> спросил о них. И ответили ему, что идут в Виран (Бирра. — К. К.-С.), ибо это было место казни. И, придя, обнаружил он много народа и палача, держащего меч и ждущего пришествия святого. И придя на место <казни>, обнаружил он трех мужей; лица их были завязаны платками, они преклонили колени, и вытянули шеи, и ждали своей смерти. Святой же Никола, взяв меч у палача, бросил его на землю. А тех <мужей>, освободив от уз, привел в город. И придя во двор князя, разбил ворота.

Тотчас же услышав <об этом> от палача, князь Евстафий поспешно вышел поклониться ему. Тогда святой Никола отвернулся от него, говоря: “Преступник перед Богом и кровопийца! Как дерзнул ты показаться мне на глаза, столько и такого натворив! Не пощажу тебя. Возвещу цесарю Константину о том, что ты совершил и как управляешь епархией”. Князь же Евстафий, преклонив колени свои, сказал: “Ничуть не прогневайся на меня, господин, но узнай правду, ибо не я виновен, а старейшины града, Евдокий и Симонид”. Узнав же, что взял он двести литр злата, дабы их погубить, и умолен будучи воеводами, святой про-

стил ему вину, объявив несправедливыми решения о них, которые <были вынесены> ложно».

В XIX столетии историки А. Вознесенский и В. Гусев пересказали всё следующим образом. «Святой Угодник Божий, — пишут они, — почти одновременно явился защитником невинно осужденных... В то время, как он находился в Плакомате (Плакома — площадь, торговое место у Мир. — К. К.-С.), сюда явились к нему из Мир некоторые из горожан, прося его о заступничестве за трех ни в чем не повинных их сограждан, которых градоначальник мирский Евстафий, подкупленный завистниками этих людей, осудил на смерть. При этом они прибавили, что этой несправедливости не произошло бы и Евстафий не решился бы на столь беззаконный поступок, если бы всеми почитаемый архипастырь находился в городе.

Услышав об этом несправедливом поступке мирского градоначальника Евстафия, святитель Николай немедленно поспешил в Мир, чтобы успеть освободить незаконно осужденных на смертную казнь, и попросил следовать за собой также и трех воевод царских. Когда святитель Николай прибыл в одно местечко, называемое Лев, ему сказали, что обвиненные уже выведены на поле Диоскурово для смертной казни. Ускорив шаги и достигнув церкви Святого Крискента, Божий Угодник увидел поле, покрытое народом, окружавшим обвиненных. Они были совершенно готовы к смертной казни: руки у них были связаны, лица закрыты, колена преклонены и обнаженные шеи вытянуты в ожидании смертного удара. Казалось, что человеческая помощь была немыслима. Но в этот решительный момент явился к месту казни святитель Николай и, вырвав из рук палача обнаженный меч, бросил его на землю и освободил невинно осужденных.

Никто из присутствовавших не осмелился остановить его: все были уверены, что всё, что он ни делал, делал по воле Божией. Освобожденные от уз три мужа, которые уже видели себя во вратах смерти, плакали слезами радости, и народ громко славил Угодника Божия за его заступничество.

В это время к месту казни пришел и сам начальник города Евстафий, по приказанию которого должна была состояться казнь невинно осужденных. Видя правоту святого Угодника и сознавая собственную виновность, за которую мог понести наказание царя, Евстафий припал к ногам святителя Николая, умоляя его о прощении. Но по внушению

врага злобы он не хотел признать себя виновным в преступлении и свою вину в нем сваливал на двух городских старейшин, Симонида и Евдоксия. Такая ложь не укрылась от святого Угодника, который, ввиду упорства Евстафия, хотел донести на него царю и угрожал ему муками на том свете за несправедливое управление. Наконец Евстафий чистосердечно сознался, что осуждение на смерть трех невинных граждан было делом его рук, со слезами раскаяния просил святителя Николая о прощении. Искреннее раскаяние Евстафия было принято Угодником Божиим, и он простил его».

Эта история — одна из ранних и подтвержденных. Еще Михаил Архимандрит рассказал в своем Житии святителя Николая о трех невинных мужах, приговоренных к смерти местным губернатором за взятку. Некоторые исследователи считают, что эта история напоминает более раннюю, известную историкам, которая произошла в жизни Филострата Аполлония Тианского. Аполлоний предотвращает казнь человека, ложно осужденного за бандитизм. Однако здесь следует сказать, что подобных историй, естественно, было за столетия немало.

Агиографы приводят в своих рассказах множество мелких деталей, названий местностей, конкретных имен. Так не могли бы написать те, кто не был свидетелем происшедшего. То есть и данная история, вошедшая частью в текст «Деяния о стратилатах», вполне достоверна, основана на рассказах людей того времени.

Мы попробуем выяснить, чьими именами были названы поселения и даже сам храм, в которых побывал святитель Николай, совершив хождение к жителям, приговоренным к казни.

«Церковь мучеников братьев-исповедников Крискента и Диоскорида» упоминается в тексте не случайно. Можно предположить, что престолы храма были освящены в честь местночтимых мучеников. В православном календаре есть сведения о святом мученике Крискенте Мирликийском, который родился и жил в Мирах. Он открыто исповедовал себя христианином перед правителем-язычником города и, отказавшись поклониться языческим богам, после жестоких истязаний был сожжен в печи. Считается, что Крискента убили непосредственно в Мирах в 258—259 годах, в период очередных гонений на христиан.

Но есть и другие почитаемые в христианском мире Крискенты. Например, священномученик Крискент, апостол от 70-ти, который был спутником и учеником апостола Павла. Он был поставлен епископом в Галатии и в период правления императора Траяна принял мученическую кончину за проповедование Евангелия среди язычников.

А были еще и Крискент Испанский мученик, который после жестоких истязаний принял мученическую кончину в Испании за смелое исповедание веры во Христа. И Крискент Коринфский, святой мученик, что принял мученическую кончину в 251 году (по другим данным, в 258 году) в Коринфе за смелое и открытое исповедание веры Христовой во времена гонений на христиан. Кстати, странным образом год его кончины (258-й) совпадает с годом убийства Крискента Мирликийского. Не есть ли это одно лицо?

Вспомним еще и Крискентия, мученика Римского (Маэста, Дуччо ди Буонинсенья Крискентий), святого отрока, убиенного в 303 году.

По поводу Диоскорида (Диоскора) можно сказать то же самое, что и о Крискенте. Их было несколько.

Диоскор Пергийский (Памфилийский), живший во II столетии, мученик и святой, который был вместе с Феодором, матерью его Филиппией, Сократом и Дионисием распят в Перге Памфилийской. Другой Диоскор — мученик, который был обезглавлен по приказу префекта Египта во времена гонений на христиан при Диоклетиане около 305 года. Еще один Диоскор (Диоскорид) Новый, мученик и святой, был обезглавлен в Смирне, дата события неизвестна. И все тот же Диоскор (Диоскорид) Римский, мученик, пострадавший в Риме в 326 году вместе с Крискентом и Павлом.

Считается, что Диоскорид и Фемистокл пострадали в Мирах в 250—251 годах. Но кто они и произошло ли это точно в Мирах — мы не ведаем.

Не случайно в православном календаре мы находим сведения сразу о трех мучениках, которые были преданы смерти в Риме в 326 году за смелое и открытое исповедание веры во Христа. Это Крискент, Павел и Диоскорид. То есть мы видим оба имени, упоминаемые в связи с событиями в Мирах, где святитель Николай спасал трех приговоренных к смертной казни. Случайно ли?

Епископ Мирликийский Николай мог знать Диоскорида, убитого в 305 году. Но нас интересует храм во имя сразу двух мучеников — Крискента и Диоскорида. И здесь нам

важнее события, приближенные к тем, когда святитель освобождал из заточения трех узников.

А самым ближним таким событием как раз и является убиение Крискента и Диоскора в Риме в 326 году. Хотя это вообще-то довольно странно, если знать, что данный год, следовавший сразу за Никейским собором, был олицетворением времени, когда христианство набирало силы. То есть это был год правления императора Константина Великого, когда гонения фактически закончились...

Уже в довольно старых источниках, как, например, «Месяцеслов по церковному Обиходу XIII века» (см.: *Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 2*), мы находим в разделе за май дату, широко отмечаемую в Церкви: «Страсть св. Крискента, Павла, Диоскора».

А теперь откроем «Энкомий», или, иначе говоря, «Похвальное слово Святителю и Чудотворцу Николаю», святителя Андрея Критского (датируется VII—VIII веками), где читаем:

«Величаю тебя, Митрополия Ликийская! ты стяжала Пастыря чадолюбиваго; ты прияла на главу свою драгий и нетленный венец... Ты имеешь и трех сподвижников его: Крискента, Диоскорида и Никокла (историк А. В. Бугаевский отождествляет его с Фемистоклом. — К. К.-С.), озаренных светом Троицы, коих сам Триединый Бог достойно почтил наградами царствия, за их подвиги. Сей славный союз увенчан столь же славною главою! Ибо Николай совершил мужественно равный с ними подвиг, и был мученик своею готовностью. И что еще более, — его воодушевлением и ревностью оные Герои соплели себе мученический венец».

То есть Андрей Критский искренне считал Крискента и Диоскорида «сподвижниками» святителя Николая; между ними был «союз», и что «его воодушевлением и ревностью оные Герои соплели себе мученический венец». Абсолютно ясна его точка зрения — святитель Николай их пережил, они были воспитаны на его примере, они знали его лично! А значит — были его современниками.

Если это так, то события 326 года в Риме приобретают для нас особенное значение. Убиение Крискента и Диоскора, упоминаемых в «Деянии о стратилатах», становится важным, чтобы понять датировку происходивших событий. Если церковь «мучеников братьев-исповедников Крискента и Диоскорида», у стен которой святитель Николай сделал остановку, уже существовала, то спасение узников от

казни, во-первых, едва ли могло произойти ранее 326 года, а во-вторых, приближает нас к дополнительному обоснованию датировки самого «Деяния о стратилатах», о которой мы уже говорили.

Еще одним из интересных фактов представляется нам название поселения — Леонти (от слова «лев»). Оно вполне могло быть связано с двумя святыми мучениками по имени Лев, имеющими отношение к Ликий и Мирам Ликийским. Еще до святителя Николая был известен Лев, пострадавший в Патаре, а другого Льва, — убиенного при императоре Диоклетиане, — епископ Миры мог знать лично. Не случайно в рассказе о спасении трех узников использована цитата из Священного Писания, где святитель Николай смелостью своей сравнивается со львом.

Представляют интерес размышления итальянского исследователя о Джерардо Чоффари, посвященные истории о казни трех невинно обвиненных в Мирах.

Во-первых, он считает, что это произошло «по возвращении в Миру», когда «прибывшего из Никеи святого епископа Николая с энтузиазмом встречали жители, и он не разочаровывал их, принимая участие, несмотря на почтенный возраст, в обычных и повседневных делах людей. Таким образом, он возобновил свою пастырскую деятельность с большой энергией».

Во-вторых, в истории с тремя неказненными жителями города Чоффари видит то, что «это хорошо вписывается в рамки реформ Константина, которые дали епископам значительную власть. Евсевий уже писал, что Константин больше доверял епископам, чем магистратам».

Здесь уместно вспомнить «Церковную историю» Ермия Созомена (V век), который утверждал: «Особым законом Константин повсюду освободил от подати и клириков; также позволил тяжущимся, если бы они охотно отказывались от гражданских начальников, требовать суда епископского, — и приговор епископов надлежало считать решительным, поставлять его выше приговора других судей, так как бы он произнесен был самим царем; исполнителями же его должны были быть правители и подчиненные им войска... Я нахожу достойными упоминания законы Константина и в пользу освобождаемых Церковью. Так как, по строгости законов, несмотря даже на несогласие людей крепостных, весьма трудно было получить драгоценную свободу, называемую римским гражданством; то он постановил три закона, которыми предписывалось, чтобы

все освобожденные в церквах, при свидетельстве священников, получали право римского гражданства. Указания на столь благочестивое установление есть еще в наше время; ибо донныне сохраняется обычай — законы об этом вписывать в грамоты отпущенников. Так вот что узаконил Константин, и так-то своими узаконениями более всего старался возвысить богопочтение. Впрочем, оно и само по себе было славно добродетелями тех, которые тогда принимали его».

Чоффари так комментирует это высказывание: «Вероятно, Константин знал о коррупции многих имперских чиновников и считал, что коррумтировать епископа сложнее, чем государственного судью. Николай, который, безусловно, выполнял требования, относящиеся к морально честному епископу, подумал, что пришло время применить имперские привилегии. В любом случае, возможно, агиограф несколько драматизирует историю, когда говорит, что палач уже размахивал мечом — сцена, которая является одной из наиболее известных в николаевской иконографии».

Интересно для нас и рассуждение русского историка-эмигранта А. А. Васильева из его «Истории Византийской империи» середины XX столетия: «Очень важные привилегии были даны епископским судам. Всякий человек имел право, по соглашению с противной стороной, переносить любое гражданское дело на епископский суд, хотя бы дело в гражданском суде и было уже начато. В конце правления Константина компетенция епископских судов была еще более расширена: 1) решения епископов должны были признаваться окончательными по делам лиц всякого возраста; 2) всякое гражданское дело могло быть перенесено в епископский суд в любой стадии процесса и даже при нежелании противной стороны; 3) приговоры епископских судов должны утверждаться светскими судьями».

Теперь становится все более понятным — почему так активно вел себя епископ Николай. Он имел право остановить казнь. И его ждали, чтобы он реализовал свое право. Но сама епископская привилегия имела и обратную сторону. Васильев пишет: «Подобные судебные привилегии епископов, возвышая их авторитет в глазах общества, в то же время являлись для них тяжелым бременем, так как создавали немало осложнений; претерпевшая сторона в силу безапелляционности епископского приговора, который

не всегда мог быть и правильным, сохраняла в себе чувство раздражения и недовольства. К тому же привлечение епископов к исполнению светских функций вносило в их среду чрезвычайно много мирских интересов».

Итак, вынесением справедливого решения об освобождении узников, приговоренных к смерти, а также прощением тех, кто задумал само злодеяние, заканчивается первая часть истории «Деяния о стратилатах». В ней мы видим святителя Николая очень характерным человеком, способным на решительные поступки (не только на пощечину еретiku Арию!). Он предстает перед читателями как независимый, энергичный, очень смелый и во многом — милосердный пастырь. Джерардо Чоффари приписывает ему также и особое чувство юмора. Итальянский исследователь находит в оригинале текста, в важной и недвусмысленной, резкой и обвинительной речи святителя о замысливших злодеяние Симониде и Евдокие («коррупционерах», по Чоффари), оригинальную игру слов — замену их реальных имен на *Crisaffio e Argiro* (так могли бы звучать их собственные имена, произведенные от «злата» и «серебра» — *oro e argento*), ибо не только люди виноваты в случившемся, но и некоторые качества, ими овладевающие, — жажда денег и жадность.

Напомним, что во Всенощном бдении Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, в стихирах на Литии можно услышать: «Отче Николае, мироположница мощей твоих миры обогащает, в нихже и связанныя неправедно осужденныя»...

Нам же не менее интересен факт, что вообще в милосердных деяниях святителя Николая довольно часто встречаются чудеса, в которых участвуют именно три несчастных человека, точнее сказать — три пострадавших «героя», которых он выручает. Например: три девушки, которым он отдает деньги, три стратилата — освобожденные из-под стражи после смертного приговора, три мужа — спасенные от казни, три отрока — убиенные злодеем, которых святитель находит, а по некоторым версиям — фактически воскрешает. Добавим к этому более поздние, но все-таки древние славянские рукописи (в русских списках рубежа XIV—XV столетий) с чудесами Николая Мирликийского — о трех иконах и о трех друзьях (или «Чюдо святаго Николы како избави трех друзей от кита»). Вспомним также и о трех

явлениях святителя Николая сербскому праведнику, святому Стефану Сербскому.

Почему это так происходит? Можно сказать, что пока ответ на данный вопрос не может быть аргументирован кем-либо в полноте. Использовать здесь известную поговорку — «Бог Троицу любит» — не вполне уместно. Оставим поиски вариантов осмысленного, а не поверхностного ответа на сей вопрос другим исследователям...

Воскрешение трех отроков

*Не убий, чтобы не лишиться сыновства Тому,
Кто и мертвых животворит.*
Григорий Палама, XIV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Тот, кто милует боящихся его, как отец сыновей своих, вняв этой мольбе, посылает помощника, своего святого слугу... Сказанного достаточно, чтобы увидеть, сколь великой силой Бог наделил Николая».

Это деяние святителя Николая считается на Западе самым известным и даже, скажем по-современному, — самым популярным чудом. Оно рассказывалось повсеместно, сюжет вошел в литературу, где в трансформированном виде был передан в разных вариантах самыми именитыми авторами.

Ужас, который охватывает всех, кто читал и читает эту историю, остается потом надолго в памяти как одно из чудовищных злодеяний, на которые способен греховный человек.

Речь о невинном убиении трех отроков. Иногда рассказывают, что это были совсем маленькие мальчики, иногда — что подростки. Однако нет вариантов рассказа, где бы повествовалось о девочках. Для них — как мы помним — было чудо о злате, вброшенном святителем через окно.

В этот сюжет в разные времена вставляли разные мотивы, народы и страны интерпретировали его по-своему, переписчики старались усилить эмоциональность свершившегося, пересказчики — упомянуть подробности, от которых стыла кровь.

Что же произошло и в чем сюжет истории? Откуда он появился?

Вариантов рассказа много, как мы уже и говорили. Остановимся на одном из них.

По легенде, один знатный житель Ликии, будучи отцом трех сыновей, решил послать их продолжить обучение в хорошей школе. Предположительно, он направил их в город Афины. Для этого необходимо было воспользоваться судном, поэтому юноши отправились в Миры Ликийские, в порт Андриака.

Заодно отец наказал им получить благословение у епископа города — святителя Николая. Прибыв в город, юноши решили переночевать на постоялом дворе. Его владелец тут же заметил, что братья из обеспеченной семьи. Он решил завладеть их имуществом и деньгами. Ночью он пробрался к ним в комнату и убил их спящими. Дабы скрыть следы преступления, он расчленил тела несчастных, а затем перемешал их с заготовленной солониной, чтобы и с этого получить прибыль. С утра хозяин постоялого двора предполагал подавать блюдо на столы для гостей.

Однако святителю Николаю было откровение о случившемся. И на следующий день он немедленно прибыл на постоялый двор. Сев за стол, он попросил мясную еду. Владелец заверил его, что мясо — самого лучшего качества и вкуса. Он говорил это епископу без тени покаяния или волнения.

Легенда гласит, что святитель Николай перекрестил блюдо и в тот же момент трое убиенных юношей воскресли, встали живыми и невредимыми. Хозяин-преступник тут же покаялся и дал обет всю последующую жизнь провести в праведности и милосердии.

Поразительно, но не встречается продолжение событий, в которых бы указывалось, что владелец постоялого двора попал в тюрьму. Порой рядом с ним выводится еще одна зловещая героиня — его жена, которая участвовала в преступлении и уговаривала хозяина совершить убийство (что-то напоминающее события из романа «Граф Монте-Кристо» Дюма).

Другой вариант легенды рассказывает так. Возвращаясь домой сразу после Никейского собора или, наоборот, отправляясь на Собор (и то и другое никакие документы не подтверждают), святитель Николай в Мирах Ликийских решил покушать в одном трактире. Странно, что обычно не

употребляется слово «таверна», так как оно ближе подходит под характеристику места, где в античном, греко-римском мире подают приготовленную рыбу. Хозяин заведения и предложил святителю блюдо из свежей рыбы.

Однако наделенный Божественным провидением епископ сразу же понял — что-то не так. Он осознал, что перед ним пища, приготовленная из человеческого мяса, но не рыбное блюдо. Тогда он позвал хозяина и попросил показать ему место, где хранится такая «свежая рыба». Тот отвел его в подвал и указал на бочки с засоленным мясом.

Святитель Николай сразу же понял, что перед ним останки убиенных людей. Он даже знал в тот момент, что они принадлежали трем исчезнувшим младенцам (или отрокам). Налицо был факт ужасного преступления. По молитве святителя тела их восстановились, они ожили прямо на глазах у присутствующих. Отроки воскресли!

Хозяин таверны, увидев такое чудо, упал к ногам святителя с раскаянием о совершенном преступлении — детоубийстве.

Как считают некоторые историки, по вине поздних переписчиков произошел некий казус — появилась на свет сама эта легенда, которая в итоге стала столь известной. Как мы уже говорили, разные народы перерабатывали ее сообразно собственному представлению о святости, чудесах и их происхождении. Новые детали, ошибки при переводе породили самую распространенную на Западе легенду, входящую в обширный, так называемый Никольский цикл. Поразительно, но одна из наиболее недостоверных историй является одной из самых популярных. А не является ли это, наоборот, особенным свидетельством ее достоверности? Почему бы и нет!

Итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари одним из первых высказал предположение о том, что рассказ о подобном чуде возник на основе другого деяния. Воскрешение юношей сильно повлияло на европейскую культурную традицию, включая появление доброго старика — новогоднего сказочного персонажа. Итак, исследователь из Бари замечает, что «самым важным и наиболее исторически документированным эпизодом (имеется в виду часть «Деяния о стратилатах». — К. К.-С.) является тот случай, когда наш Святой вмешался, чтобы спасти трех невинных мужей от обезглавливания, остановив меч палача». Но, по

утверждению Чоффари, «в течение времени в христианском мире слово “невинный” часто использовалось в качестве характеристики детей. Так, например, события, связанные с детьми, убитыми царем Иродом (из-за страха, что Царь Израильский восстанет среди них), положили начало “празднику невинных”, который отмечается после Рождества. С другой стороны, в рассказах святого Николая редко говорилось, что он спас трех жителей города Миры. Чтобы сократить текст и указать на невиновность осужденных на смерть, чаще говорилось просто — Николай спас трех невинных людей. Со временем некоторые переписчики немного запутались, они стали писать, что Николай спас трех детей, вместо того чтобы указать, что он спас трех невинных!».

По мнению о. Джерардо Чоффари, «первым, кто дал такой ошибочный перевод, предположительно, был Регинольд, немецкий писатель, который... был избран епископом именно потому, что он написал прекрасную “Жизнь святого Николая”... (Регинольд Айхштетт, или Эйхштадт, автор Жития святителя конца X века — «История Святого Николая». — К. К.-С.). Вместо “невинных” Регинольд использует как раз термин “пуэри” (дети. — К. К.-С.); указывая верующим читателям, будто это была другая история, отличная от эпизода освобождения трех невинных от обезглавливания. В течение полутора столетий “история” детей, спасенных святым Николаем, также вошла в священные гимны, и постепенно сюжеты разошлись, развиваясь по двум разным направлениям».

В одном из латинских текстов, связанных с «Деянием о страстилатах», мы видим такую вероятность замены понятий — мужей на юношей, а невинных — на юных. Это известное «Житие святого Николая» (*Vita Sancti Nicolai*) Диякона Иоанна (около 890 года). Читаем: «И вот, после долгих и многих жалоб, Непотиан, один из них, вспомнил, как чудесным образом святой Николай *трех юношей* освободил, и, снова и снова вздыхая, наконец, такую молитву вознес: “Господи величайший, Бог святого Николая, снизойди к несчастным погибающим и мою смиреннейшую мольбу не по нашим заслугам, но по заслугам раба Твоего Николая услышь! И поскольку, как мы видели, присутствие его вырвало *трех невинных* у смерти, так и нас да избавит его заступничество от этого приговора!”».

Еще один итальянский исследователь, Микеле Баччи, в своей статье «Иконография святителя Николая» отмеча-

ет известность этого сюжета и неопределенность его появления. «Если наиболее популярное в Европе Житие, — пишет он, — по всей видимости, является переложением Иоанном Диаконом текста, известного как “Methodius ad Theodorum”, то образы, распространенные в Северной Европе, вдохновлялись историями, неизвестными в восточных образцах, как, например... известная история о трех молодых клириках, разрезанных на куски и брошенных в рассол. Эта последняя история, близкая к сказке и напоминающая о манере повествования братьев Гримм, в поздних официальных агиографических текстах не встречается и обязана своей популярностью только школьным драматическим представлениям, начиная с XI в.».

Можно добавить, что сюжет о трех убиенных отроках уже давно жил в сердцах и памяти христиан Европы. Древний прототип не имел и не имеет прямого отношения к чуду святителя Николая. Но сам образ трех жестоко убитых детей мог повлиять на создание новой легенды.

Речь идет о библейском сюжете, посвященном трем отрокам, сожженным в печи. Как известно, царь Навуходоносор указал поставить гигантскую статую — свое собственное изваяние, для того чтобы народ воздавал ей божеские почести. Три отрока — Анания, Азария и Мисаил — отказались это делать, за что были ввергнуты в пылающую печь. Пламя поднималось над печью, опалия присутствующих, но святые отроки были живы среди огня, вознося молитву Господу. Тогда Ангел явился и охладил пламя. Отроки остались невредимы...

Не так ли и святитель Николай исполнил роль Ангела Господня по отношению к трем отрокам в Мирах Ликийских?

И не потому ли сюжет стал так быстро набирать популярность?

Различные старинные документы, которые повествуют нам о легенде, относятся к XII или XIII столетию. Это, во-первых, отрывок из «Жизни святого Николая», написанной в стихотворной форме нормандским поэтом по имени Вас (Wace). Автор излагает чудо спасения трех отроков кратко, в четырнадцати строфах и, главное, без особых подробностей. Вас скончался около 1175—1183 года, поэтому мы можем отнести документ ко второй половине XII столетия.

Во-вторых, имеется краткий латинский текст Жана Бо-

деля «Игра о святом Николае» (*Secundum Miraculum Sancti Nicholai*), часть коллекции мираклей XIII века из аббатства Сен-Бенуа-сюр-Луар. Здесь в легенде в качестве гостей постоянного двора участвуют три юных клирика, то есть церковнослужителя, отправляющиеся на учебу, а еще появляется в качестве участника убийства жена хозяина.

Также можно присовокупить к развитию легенды о трех отроках проповедь, приписываемую средневековому теологу, францисканцу, святому Бонавентуре. Она входит частью в его «Труды» (*Sancti Bonaventurae Opera*). Согласно повествованию проповедника, в ликийском городе Миры остановились на ночлег два (именно «два», а не три) благородных и богатых школяра, отправлявшихся в Афины. Хозяин гостиницы селит юношей, а ночью, когда те заснули, «разрезает их на куски, как свинину, и кладет мясо в соль». Бонавентура скончался в 1274 году. А это уже XIII век.

И, наконец, к тому же XIII столетию относится уникальный витраж собора в Бурже (Франция). Интересующее нас чудо изображено в медальоне, состоящем из двух частей. Левая часть показывает само убийство. Мы видим трех лежащих, спящих детей, рядом с ними мужчину, который готовится ударить несчастных топором, и женщину с корзиной в руках — для раскладывания мяса. В правой части изображены трое уже вновь оживших детей, стоящих в некоем сосуде для «засола», и святитель Николай, их благословляющий.

Итак, все эти различные документы будто бы имеют общий источник, но они, и это заметно, одновременно не зависят друг от друга. В самом старом из них — «Жизни святого Николая» — повествование очень краткое, ни о чем дополнительном не говорится. В латинской легенде отсутствует главная подробность — засоленные тела. Проповедь святого Бонавентуры перекладывает вину на женщину. А витраж в Бурже вообще словно бы ничего не знает о предыдущих рассказах, кроме только фабулы и факта существования самих персонажей. Общей для всех вариантов остается только канва: отроки в гостинице, убийство топором, избавление от тел, вмешательство святителя Николая и воскрешение детей.

Историческое и временное происхождение этого благочестивого сказания определить пока весьма сложно. Тем более не просто ответить на вопрос — почему это чудо стало связано с именем епископа Мирликийского. Может быть, из-за частого изображения трех моряков, которых святы-

тель спасает от шторма, а они находятся в корабельных бочках, так напоминающих бочки для засолки солонины?

Кто знает...

Во всяком случае, ужасные рассказы и легенды об убиениях людей, особенно — детей, вдали от дома, для того чтобы приготовить из них еду, — очень частое явление в культурной традиции многих стран и народов. В разных частях света слагались местные легенды на подобные сюжеты. И вполне естественно, что должен был когда-то появиться в массовом сознании образ некоего спасителя, угодника, защитника, покровителя, способного закрыть покровом благодати Божией несчастных страдальцев. Им и стал Николай Чудотворец, который, как мы видим, вместе с даром предвидения и прозорливости имел еще и дар воскрешения. Самый что ни на есть Божественный дар.

Известна европейская традиция исполнения песнопений с разными названиями, но в большинстве своем озаглавленных как «Песнь святого Николая». Традиция была известна со Средневековья. Но особую популярность приобрела в XIX столетии, когда в 1842 году французский поэт-романтик, прозаик и переводчик Жерар де Нерваль опубликовал в газете *La Sylphide* текст «Плача святого Николая» (*Complainte de saint Nicolas*), найденный им в провинции Валуа. Он будет снова опубликован в 1856 году в книге «Les Filles du feu» под названием «Песни и легенды о Валуа» (*Chansons et légendes du Valois*).

Данные публикации способствовали модной традиции парижских салонов, песнь стали исполнять как старую популярную легенду, она явилась объектом интереса и любобопытства. Композитор Арманд Гузьен предложил новую версию мелодии, преобразовав изначальную, от Нерваля. Поэт Габриэль Викар сделал постановку на сцене, назвав ее «Чудо святого Николая» (1888), в жанре религиозной феерии с изысканной наивностью, украшенной очаровательными ритмами. Известны переложение текста с названием «Святой Николай и засоленные дети», сделанное Джорджем Донсье в 1904 году, и текст из собрания Чарлза Садула начала XX века.

Литературные тексты оказали влияние на широко распространенные в сельской местности более традиционные версии, которые по сути своей — проникновенны своей на-

ивностью. Во всяком случае, «Плач», рассказывающий об убиении, расчленении «на мясо» и засоле юных отроков, весьма далек от веселой новогодней детской песенки о святителе Николае — помощнике беззаботным школьникам. Вот его первые строфы:

Complainte des enfants au saloir

Il était trois petits enfans,
Qui s'en allaient glaner aux champs.
Ils sont tant allés et venus
Que le soleil on n'a plus vu.

S'en sont allés chez un boucher:
«Boucher, voudrais-tu nous loger?»
— «Allez, allez, mes beaux enfans,
Nous avons trop d'empêchement»...

Известно, что русский писатель А. М. Ремизов создал цикл произведений о святом Николае Угоднике («Николины притчи», «Три серпа»), куда поместил свое переложение данного стихотворения. В собственных примечаниях к тексту он назвал его так: «Легенда о воскрешении зарезанных мальчиков», а далее отметил источник — «*Jacobus de Varagine* (скончался в 1298 г.)». Автор напоминает нам о том, что он заимствует сюжет из «Варанжевильской легенды», принадлежавшей средневековому автору, который писал на эту тему. Иаков Ворагинский был монахом-доминиканцем. Именно он в конце XIII столетия создал знаменитый агиографический сборник «Золотая легенда» (*Legenda aurea*), куда в качестве третьей главы поместил повествование «О святом Николае».

Приведем здесь вольный перевод одного из французских текстов легенды о трех отроках, сделанный А. М. Ремизовым.

Легенда о зарезанных мальчиках

Жили-были три маленьких мальчика,
Они ушли в поля собирать колосья.
Однажды вечером пришли они к мяснику:
— Мясник, можно у тебя переночевать?
— Входите, входите, маленькие дети,
Место, конечно, найдется.
Едва они вошли,

Как мясник их убил,
Разрезал их на мелкие куски,
Положил в бочку с солью, как поросят.
Через семь лет Святой Николай
Проходил вдоль полей;
Он пошел к мяснику:
— Мясник, можно у тебя переночевать?
— Входите, входите, Святой Николай,
Место есть, места хватит.
Как только он вошел,
Спросил поужинать.
— Хотите кусок телятины?
— Не хочу: кусок скверный.
— Хотите кусок ветчины?
— Не хочу: ветчина плохая!
— Хотел бы я солонины,
Которая семь лет лежит в бочке!
Как только услышал это мясник,
Бросился бежать.
— Мясник, мясник, не беги,
Раскайся, Бог тебя простит.
Святой Николай пошел и сел
На край бочки.
— Маленькие дети, спящие здесь,
Я — великий Святой Николай.
И святой протянул три пальца,
Детишки все трое встали.
Первый сказал:
— Я хорошо выспался!
— Я тоже, — сказал второй.
А третий ответил:
— Я думал, я в раю!

Жили были три маленьких мальчика,
Они ушли в поля собирать колосья.

Впечатляющее изложение ужасного деяния грешников... И счастливый исход, осуществленный руками праведника!

Так, постепенно, святитель Николай, будучи покровителем бедняков, моряков и беспомощных, стал также защитником детей. Считается, что в результате помощи трем отрокам (сюда надо присовокупить и помощь трем юным девам-дочерям из Миры) святителя Николая и стали почитать как покровителя подрастающего поколения. Небесный патрон, по мнению европейцев, опекал и опекает каждого ребенка, особенно школяра, спасает его от

невзгод и приносит подарки. Вот откуда появились первые наброски на создание образа Святого Николая — Санта Клауса.

Но об этом — в отдельной главе книги.

Освобождение от подати

*Старайся узнавать дело в ясности не для того,
чтобы дать суд, но чтобы не осудить.*

Ефрем Сирий, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Душа императора была потрясена... Ведь он страшился кары Господней, и чтил свою багряницу, и, полагая законы другим, боялся, что не сумеет держать ответ за свой суд».

Мы уже знаем, сколь много сделал для жителей своего города Миры да и для всей Ликии святитель Николай. Но к этому можно прибавить и еще одно деяние, оставшееся в истории.

В основе данного рассказа лежат различные источники, один из которых условно именуют «Деяние о подати» (*Praxis de tributo*). Мы будем придерживаться этой формулировки, хотя лучше было бы применить словосочетание «Деяние о снижении налогов». Суть произошедшего проста. Жителям города Миры были вдруг назначены слишком большие налоги, поэтому они обратились за поддержкой к своему епископу, который и помог решить проблему снижения платы.

Некоторые историки считают, что это было в реальности, на самом деле. Другие уверены в том, что в основе повествования лежат более поздние свидетельства, и события могли происходить не при жизни святителя Николая. Однако на сегодняшний день можно утверждать, что это совершалось уже после Никейского собора и даже во время иных деяний святителя Николая, например, связанных со страстилатами или с преодолением голода в Ликии, то есть между 325 и 335 годами.

Расскажем саму историю, основанную на нескольких источниках, главным из которых считается Житие, создан-

ное Михаилом Архимандритом (начало IX века), хотя наиболее старый из вариантов датируется исследователями VII столетием.

Подати-налоги в Римской империи платили всегда. Но по-разному. Как известно, такие платы — важнейший источник дохода для государства. Поэтому редкие правители отказывались их увеличивать. Как правило, такое увеличение доходило до некоторого предела, когда население становилось не способным выполнить предъявленные условия. В таких случаях могли начаться бунты или иные крупные волнения, не очень нужные власть имущим.

Что же случилось во времена святителя Николая такого, что заставило население Ликии воспротивиться налогам?

Как известно, император Константин Великий имел грандиозные планы по переустройству государства. Он создавал христианскую империю. А она требовала особенной внешней выразительности. Нужно было срочно строить новые христианские храмы, повсеместно, включая Святую Землю. А главное — удивить весь мир новой столицей — Константинополем. Город должен был затмить собой даже сам Рим.

Для строительства нужны были деньги. Победоносные войны пополняли казну. Но налоги — были первоочередным средством для этого. Увеличение податей стало неизбежным. Император Константин поставил это во главу угла своей внутренней политики.

Русский историк-эмигрант А. А. Васильев в книге «История Византийской империи» (1950) напомнил о том, что существовал «ненавистный, тяжелый налог — хрисаргир, т. е. налог, уплачиваемый золотом и серебром (по-латыни он назывался *lustralis collatio*). Это подать, введенная еще при Константине Великом, падала на все существовавшие в империи ремесла и промыслы, не исключая прислуги, нищих, публичных женщин и т. д., и даже, вероятно, на самые орудия для добывания средств к жизни, как, например, на лошадь, мула, осла, собаку и т. д. Особенно страдали от хрисаргира бедные классы. Хотя эта подать должна была быть взимаема раз в пять лет (по другой версии, налог собирали раз в четыре года. — К. К.-С.), на самом деле во времени ее взимания господствовали произвол и полная неожиданность, что приводило в отчаяние население».

Эта цитата очень хорошо иллюстрирует ситуацию, сложившуюся в Ликии в то время. Но мы добавим к этому рассказу еще и древний текст, который принадлежит историку, не очень любившему императора Константина, а потому с удовольствием замечающему все недостатки или ошибки в его политике. Это цитата из труда Зосима «Новая история» рубежа IV—V столетий.

«Константин продолжил расточительство доходов путем ненужных раздач недостойным людям и притеснял тех, кто платил налоги, обогащавшие тех, кто был совершенно бесполезен для государства. Император считал расточительность щедростью. Он также наложил налог хрисаргир (*collatio lustralis*; буквальный перевод слова «хрисаргир» — «златосребр»; означал налог на имущество и на товарооборот, его обязаны были платить все, кто имел денежный доход. — К. К.-С.) на всех торговцев по всей империи, не исключая и беднейших городских лавочников... Результатом этого было то, что на каждый четвертый год, когда взималась эта подать, плач и причитания разносились по городам, потому что били и пытали тех, кто не мог заплатить из-за крайней нищеты. Поэтому матери продавали своих детей, а отцы заставляли дочерей заниматься проституцией, вынужденные пойти на это, чтобы заплатить вымогателям. Желая выдумать что-нибудь еще для большего обогащения, Константин мог возвести любого человека в ранг претора и затем использовал этот титул в качестве предлога для требования больших сумм денег. И когда его люди входили в разные города, все жители убегали из-за страха получить такого чиновника и потерять всё свое имущество взамен преторского звания. Также Константин вел список собственноручно самых богатых людей, на которых он возложил налог, называвшийся «фоллис» (*collatio glebalis*; в переводе буквально «фоллис» означает «кошелек»; специфический прогрессивный налог для сенаторов, вызывавший недовольство среди богатых. — К. К.-С.). Города были разорены таким вымогательством. Оно еще долго продолжало существовать и после Константина. Вскоре города стали более походять на пустыню, лишившись большей части своих жителей».

Ужасная нарисована картина. Естественно, украшенная врагом Константина. Более того, уже в VI веке Евагрий Схоластик в своем труде «Церковная история» выдвинул предположение, что «константиновский налог»

Зосим просто выдумал из ненависти к императору-христианину. Но все равно — картина эта характеризует сложившуюся тогда ситуацию в Мирах Ликийских.

По преданию, один из таких строгих и непримиримых сборщиков налогов прибыл в Ликию для организации системы получения новых податей. Он оказался весьма неуступчивым человеком, требовал, а не просил. Говорили даже, что он или его окружение намеренно повысили налоги для ликийцев и налоги эти стали реально непосильными для выплаты. Возможно, что эти события частично совпали с голодом и нехваткой зерна в Ликии, о которых мы уже говорили. Ибо в тексте проскальзывает фраза, что «люди умирали и продолжают умирать от голода до сегодняшнего дня».

Вот тут жители и обратились к святителю Николаю за помощью. Почему не сразу и не непосредственно в соответствующее «налоговое ведомство»? Почему именно к епископу? Мы уже отвечали на этот вопрос, когда рассказывали о спасении трех узников, незаслуженно приговоренных к смертной казни.

У епископов при императоре Константине были особые полномочия, включая судебные. Это во-первых. Во-вторых, епископам было легче разговаривать с представителями закона, так как они были «обелены» с точки зрения налогового законодательства. Епископ Мир Ликийских Николай был чист перед законом, так как был освобожден от податей. Это придавало ему дополнительный авторитет при переговорах с властью.

Святитель мог бы и на месте решить сложные вопросы. Но по какой-то причине это стало невозможно. Представитель власти, видимо, противился смягчению уровня податей. Тогда епископ решил отправиться прямо в Константинополь, взяв с собой послания от паствы, чтобы обсудить проблему непосредственно с самим императором.

О. Джерардо Чоффари приводит прямую речь из старинного текста, приписываемую святителю Николаю: «Мои возлюбленные дети, я не только помогу вам с письмами, но и лично отправлюсь к августейшему императору по этой причине. И я смогу убедить его мягкими словами отменить свой указ о налогах, приводящий к катастрофе, который они навязали нам, движимые ненавистью и завистью».

Кто эти люди, которые из-за «ненависти и зависти» поступили так с ликийцами — мы не знаем. Но знаем о последующих событиях. Хотя в связи с этим возникает вопрос. А был ли святитель Николай в Константинополе и встречался ли он с самим Константином Великим?

По «Деянию о стратилатах», как мы помним, он в столице империи не был. Более того, сам император его никогда не видел и не знал. А ведь они, вопреки автору «Деяния о стратилатах», могли видаться до этого еще на Никейском соборе! В этой путанице не просто разобраться...

Во всяком случае, возникает двойственность в отображении происходящего, которую трудно преодолеть. Легенда, заложенная в «Деянии о подати», гласит, что святитель Николай приехал в Константинополь, попал во дворец к императору и разговаривал с ним.

Время и дата — неизвестны.

Должны ли мы этому верить?

Давайте посмотрим еще раз — что же тогда произошло.

Итак, сборщик налогов приезжает в Миры Ликийские, дабы взять нужное количество податей. Народ сопротивляется. Епископа призывают оказать помощь и поддержку. Чуть ли не восстание с привлечением духовного арбитра!

Более того, сам епископ и церковный клир не пострадали от налогового бремени. И если они были от него освобождены, то зачем им было «связываться» с властями в таком случае? Разве что портить отношения? Приведем цитату из «Церковной истории» Ермия Созомена, объясняющую ситуацию с податями, которые увеличил император Константин: «Одерживая победы во всех случавшихся тогда войнах, он, как бы состязаясь в щедрости с Христом, платил за них усердием к вере и внушал подданным одну ее чтить и признавать спасительною. Отделив от податной земли каждого города определенную часть, он повелел сбор с нее отдавать местным церквам и клирам и узаконил, чтобы этот дар имел силу во все времена». И еще: «Особым законом Константин повсюду освободил от подати и клириков».

Мы видим, что епископство было не только освобождено от налогов, но и получало десятую часть (десятину) всех местных (городских) налогов на нужды Церкви! Зачем создавать себе проблемы? Лучше уж успокоить народ и уговорить его согласиться платить большую дань.

Но епископ Николай поступил по-другому.

Он осмелился на поступки, явно не соответствующие его рангу и положению в обществе. Даже статус епископа

не давал ему полномочий являться ко двору императора по собственной инициативе. Более того, опасность подвергнуться в итоге гонениям была весьма велика.

Но он отправился в далекий Константинополь, прямо к императору.

История выглядит немного фантастично. Об этом пишет в своих трудах итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари из Бари: «Анонимный составитель этого агиографического сюжета увлекся и придумал, вне сомнения, фантастический сюжет: якобы по прибытии провинциального епископа в столицу тамошние епископы стали воздавать ему всяческие почести и, собравшись во Влахернском соборе, приняли благословение от Николы — отметим, что Святой жил во время императора Константина, а Влахернский собор возник столетием позже». В другом месте он добавляет: «Прием Николая в Константинополе в церкви Влахерны... является анахронизмом и совершенно несопоставим с почестями других епископов».

Однако не будем повторять в очередной раз о признаках фантастичности сюжета. Попробуем просто повторить последовательность событий, как их преподносят источники.

В столице империи святитель действительно остановился при церкви Богородицы Влахернской. Вот что по этому поводу пишет историк А. В. Бугаевский: «Святитель Николай остановился во Влахерне при храме Пресвятой Богородицы. Но в нач. IV в. во Влахерне не было ни храма (знаменитая церковь была построена там лишь в 451 г.), ни императорского дворца. Историк А. Ю. Виноградов предполагает, что святитель Николай остановился при одном из храмов Богородицы, построенном Константином рядом с императорским дворцом, например, при церкви Богоматери Халкопратийской... В XI в. императоры покинули Большой дворец и переселились на север города, во Влахернский дворец. Вероятно, писец в XI в. решил уточнить текст древнего манускрипта и назвал храм Богоматери Влахернским, ибо в его время новый императорский дворец находился рядом с Влахернским храмом Пресвятой Богородицы».

Во всяком случае, святитель Николай, остановившись при храме, долго молился перед встречей с императором. Кто и как «устроил» такую встречу — можно лишь догадываться. Но мы же знаем, что епископ из Мир был в дружеских отношениях с высшими военачальниками империи —

стратилатами. Так что организовать доступ к государю было кому...

Первоначально святитель все же встретился со столичными епископами, которые приняли его сердечно. На другой день он направился напрямик в царский дворец. Его уже там ждали.

Можно с трудом представить себе, как выглядел тронный императорский зал при Константине Великом. Сказано, что встреча состоялась именно в нем, а не в каком-нибудь саду, кабинете или иной комнате. Тронный зал был не для всех. Но для почетных гостей — уж точно. Хотя можно предположить, что, описывая такие почести, поздний автор «Деяния о подати» просто уже знал о широком признании святости епископа Мирликийского и, таким образом, пытался показать уровень встречи, который должен был соответствовать величию и значимости ее участников. Уж для такого признанного духовного подвижника — тронный зал, не меньше.

А в доказательство святости анонимный (пока) автор привел некоторые детали происходящего. Во-первых, он обрисовал картину, как еще во время Литургии в Богородичном храме из уст святителя Николая вырвались языки пламени, которые заметили окружающие. Во-вторых, епископ из Мир, войдя в тронный зал, встал у окна, из которого солнечный луч направлялся прямо на лицо императора и слепил его. Святитель Николай, заметив это, снял с себя мантию, а затем повесил ее... прямо на солнечный луч, дабы загородить мешающий свет. Мантия, к изумлению, не упала. Она осталась висеть, создавая комфортную обстановку для разговора.

Это чудесное деяние поразило императора Константина. И он уже был готов не просто слушать, а помогать смелому и необычному епископу.

О. Джерардо Чоффари приводит такой, весьма смелый разговор между императором и святителем Николаем.

«Наш Святой отец сказал: “Император! Весь христианский мир управляется и, так сказать, вынашивается вашим величеством. Он считает вас своим господином и наставником, который как в птичьем гнезде укрывает его, чтобы сохранить вместе с птенцами... Другими словами, защищает от варваров, от иноверцев и всех опасных обстоятельств. Поэтому я думал, что ваша задача достойна и выполняется

и для моей страны. Но, видимо, это не так”. Испуганный император ответил ему: “А что случилось с твоей страной, отче?” Святой сказал: “Император, некоторые ваши люди, несмотря на протесты и сопротивление, как мои, так и других граждан, хотят увеличить налоги для города Миры до десяти тысяч динариев. Но люди достигли крайней нищеты, люди погибли и продолжают умирать от голода до сегодняшнего дня, притесняемые слугой императора. Но никто не может заплатить. По этой причине я стараюсь получить помилование от его величества”... Император спросил Николая: “Какой должна быть подать, отче?” Николай ответил: “Пиши: сто динариев”. Константин приказал написать, как сказал Святой».

По этому тексту мы видим уменьшение налогов... в 100 раз! Возможно ли было такое? И возможно ли было так разговаривать с императором, особенно, когда сам святитель до этого обещал своим согражданам вести речь «мягкими словами»?

Однако на этом чудеса, связанные с деянием о податях, не закончились. Выслушав просителя и отменив повышение налогов в Ликии, Константин удостоверил это своей грамотой, которую тут же и подписал.

А теперь представим себе — что по этому поводу думали императорские сановники, особенно занимающиеся сбором податей. Или те, что управляли другими провинциальными территориальными объединениями империи. Почему в Ликии кому-то можно снижать налоги, а другим — нельзя? Кто таков этот епископ? Следует уговорить императора не принимать поспешных решений, а еще раз подумать.

Святитель, умудренный жизненным опытом, понимал, что отмена указа возможна в любой момент. И он поступил так, как никто не мог и подумать. По его мнению, отменить или переменить указ было невозможно, если бы он был немедленно доставлен в Миры Ликийские, оглашен всенародно, а значит — вступил бы в силу. Пока же он был лишь бумагой в руках святителя.

Послать гонца? По сути, даже верхом на лошади, да еще и по гористой местности — это многие дни переезда. По морю — до недели, да и то при попутном ветре...

А тут стало известно, что недоброжелатели все-таки стали уговаривать императора отменить указ и изъять грамоту у святителя Николая.

Тогда Чудотворец сделал следующее. Подойдя к мор-

скому берегу, он прикрепил свиток к трости (или спрятал его в трость), бросил его в воду и с молитвой пошел прочь. Кто-то комментирует так: он как-то запечатал документ, дабы он не намок. Но стоит ли рассуждать о запечатывании указа или о вреде морской воды, если произошло чудо, гораздо более важное, нежели спасение бумаги от воздействия соленой воды! Сам документ приплыл к берегам Миры Ликийской — максимум — за один день! А скорее, как утверждается — «в тот же час» или даже «мгновенно»!

Сам Николай Чудотворец явился (видимо, во сне) одному из пресвитеров града Миры с указанием — немедленно пойти в порт Андриака, на берег моря и забрать документ из воды! А затем — представить его народу и сборщику податей. Тот так и сделал.

По другой версии, документ нашли у ликийского берега местные рыбаки. Немедля передали его властям, а те увидели на нем императорские знаки.

В любом случае данный указ зачитали публично в Мирах на следующий день после его подписания. Представитель налоговой власти с ним также ознакомился и признал подлинными подпись и печать императора. А затем отказался взимать налоги сверх меры, что делал до этого, и выпустил задержанных неплательщиков из темницы.

Но и на этом поразительные события не закончились.

Недоброжелатели все-таки уговорили императора Константина отменить указ. Тот спустя три дня вызвал к себе епископа Мирликийского еще раз и заявил о «тихой отмене», ведь мало кто пока еще знал о его предыдущем решении. Однако смелый и решительный подвижник и поборник справедливости заметил, что указ уже обнаружен в Мирах, а значит, уже действует.

Это вызвало улыбку императора — как такое могло случиться за три дня? И святитель Николай рассказал — как! Добавив при этом, что император может убедиться сам в реальности произошедшего, послал гонцов в Миры, которые бы разобрались в ситуации на месте и потом доложили об этом верховному правителю.

Император Константин так и сделал. Каково же было его изумление, когда гонцы, спустя довольно долгое время, вернулись и рассказали о том, как все произошло. Государь был поражен столь необычным и чудесным деянием святителя и не стал отменять указ. Жители Ликии могли теперь по праву платить налоги в гораздо меньшем масштабе, нежели предполагалось. Отмечено также, что государь вручил

епископу Николаю в знак благодарности различные дары, включая священные сосуды для храма.

Ясно, что святитель Николай очень рисковал, когда совершал такое деяние у императора. Но ясно и другое — все это время (по простым подсчетам — не менее месяца) он находился при императорском дворе. И как минимум два-три раза виделся с государем лично!

Могло ли такое быть на самом деле? Ответ вновь будет напоминать некоторые другие ответы, уже данные нами прежде: и да, и нет!

Покровитель мореплавателей

Напряженно проси Бога — пронести это волнение и водворить после бури тишину.

Иоанн Златоуст, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Однажды какие-то моряки попали в сильную бурю. Отчаявшись спастись собственными силами, они стали молиться святому Николаю, ибо и до них дошел слух, что он нечаянно подает помощь в опасности, и призывали к своей беде, и протягивали к нему руки, уповая единственно на его заступничество».

Невозможно уже учесть — каких моряков или мореплавателей и когда спасал святитель Николай. Настолько велика палитра этих событий. В какое описание какого-либо чуда ни заглянешь — везде плавание, шторм, буря, безысходность и спасение. В русской иконописи самыми любимыми житийными сценами, изображавшими деяния святителя Николая, были чудеса с сюжетным названием «Спасение корабля во время бури» или «Чудо о трех корабельщиках».

Может быть, потому, что жил святитель в прибрежном портовом городе, коим являлись Миры Ликийские, включая предместье Андриака. Здесь все было связано с морем, с морской торговлей, перевозками. Ибо положение порта было уникальным — на самой развязке водных путей между Востоком и Западом. Не случайно известный ученый С. С. Аверинцев писал о святителе так: «Греческий моряк

видел в Николае помощника и защитника в повседневном труде (он считался патроном — покровителем моряков)».

Мы не будем в этой главе придерживаться некоей хронологической последовательности в изложении. Ведь в чудесах обычно не указывался год их свершения. Что-то было до чего-то, а что-то и после. Поэтому мы лучше погрузимся в размышления о духовной составляющей этих чудес. А она может оказаться более интересной, нежели разгадка датировки того или иного события.

В XIII столетии монах-доминиканец Иаков Ворагинский создал знаменитый сборник житий святых «Золотая легенда» (*Legenda aurea*), куда третьей главой поместил повествование «О святом Николае». Переписано это потом было сотни раз, а издано впервые только в году 1483-м.

Не забыл автор вспомнить и о моряках. Он прочитал эту историю в древнем тексте, по Житию, составленному Архимандритом Михаилом на рубеже VIII—IX столетий. В тексте говорится, что благословенный Николай был на берегу в тот день, когда корабль с моряками стал тонуть в открытом море. Они, не зная святителя лично, усердно молились и даже требовали от Николая, слуги Божьего, спасения со словами: «Если то, что мы слышали о тебе, правда, то докажи это сейчас». «Тогда некто явился им и сказал: “Вот! Разве не видите вы меня? Вы же меня звали!” Затем он помог морякам, и вскоре буря прекратилась. После этого они пришли в его церковь и узнали епископа, хотя никогда до этого с ним не встречались. Моряки поспешили поблагодарить Бога и святителя Николая за их спасение. Но он велел им приписать чудо — милости Божией и вере их самих, а не его заслугам».

По сути — это основа всех рассказов о Николае Угоднике, спасающем тонущих на судах в море людей. А вариантов вокруг этого — десятки, если не сотни.

Густав Анрих, автор знаменитой книги о святителе Николае, вышедшей в 1913 году, приводит некоторые источники — латинские рукописи, изначальные тексты которых восходят к XI столетию. Они содержат рассказ монахов о спасении во время кораблекрушения некоего черноризца Николая, предположительно ученика Симеона Декаполита, известного почитателя икон и архимандрита (видимо, той обители, откуда и были эти иноки).

Монах рассказывал, как он вместе с другими людьми

плыл морем. Погода была отличная, и все находились в хорошем настроении. Но все изменилось мгновенно. Откуда ни возьмись — наступила тьма, небо покрылось тучами, поднялся шквальный ветер, и разразилась настоящая буря. Пассажиры судна были очень напуганы. Капитан приказал опустить паруса. Это не помогло. Судно не слушалось руля.

Тогда люди на борту стали громко молиться: «Святой Николай, помоги нам!» В этот момент монах увидел, что по волнистому морю, словно по земле, идет человек. Он подошел к судну и приказал капитану: «Возьми штурвал, исполни свой долг без страха! Я, Николай, которого вы просили о помощи, с вами!»

Шторм мгновенно затих. Море успокоилось. А святой Угодник словно бы исчез. Монах сказал, что, возрадовавшись спасению, пассажиры еще долго стояли на коленях на палубе, благодаря в молитвах своего избавителя, святого Николая.

Святитель Дмитрий Ростовский в XVIII столетии пересказал эту историю более подробно. «Однажды путники, плывя на корабле из Египта в Ликийскую страну, — пишет он, — подверглись сильному морскому волнению и буре. Паруса были уже изорваны вихрем, корабль содрогался от ударов волн, и все отчаялись в своем спасении. В это время они вспомнили о великом архиерее Николае, которого они никогда не видали и только слышали о нем, что он — скорый помощник всем, призывающим его в бедах. Они обратились к нему с молитвою и стали призывать его на помощь. Святитель тотчас явился пред ними, вошел в корабль и сказал:

— Вы призывали меня, и я пришел на помощь к вам; не бойтесь!

Все видели, что он взял кормило и стал управлять кораблем. Подобно тому, как некогда Господь наш Иисус Христос запретил ветру и морю (Мф. 8:26), святитель тотчас повелел буре прекратиться, памятуя слова Господни: Иоан. 14— “верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит”.

Так, верный слуга Господа повелевал и морем, и ветром, и они были ему послушны. После сего путники при благоприятном ветре пристали к городу Мирам. Выйдя на берег, они пошли в город, желая видеть того, кто избавил их от беды. Они встретили святителя на пути в церковь и, узнав в нем своего благодетеля, припали к его ногам, принося ему благодарение... Поучив тех мужей душеполезными речами, святитель отпустил их с миром».

В Икосах святителю Николаю мы читаем такие строки: «Радуйся, плавающих посреде пучин добрый кормчий. Радуйся, треволнения морская уставляющий. Радуйся, и мертвещев оживление».

Добрый кормчий...

Такое словосочетание появляется рядом с именем Николая Чудотворца. Именно его заслуженно получил старец, не только спасающий людей во время шторма, морской бури или ужасного потопления, но и умеющий управлять их кораблем жизни, направить его курс в сторону Божественного замысла.

Спасение в море Николай Чудотворец совершал и совершает многократно. Даже в ранние времена, когда он был еще пресвитером. Об этом пишут историки XIX столетия А. Вознесенский и Ф. Гусев, основываясь, видимо, на Житии святителя Николая, составленном Дмитрием Ростовским:

«Во время путешествия в Палестину на корабле святой Николай проявил дар глубокого пророческого прозрения и чудотворения. Когда корабль приближался к Египту, Угодник Божий, провидя беду, возвестил корабельщикам, что в самом непродолжительном времени начнется громадное волнение и сильная буря: он даже видел, как нечистый дух взошел на корабль и пытался потопить его вместе с людьми. И действительно, небо внезапно покрылось тучами, подул страшный ветер, которым корабль стало бросать, как щепку. Мореплаватели пришли в ужас и единственное средство к своему спасению видели в помощи святого Угодника, к которому и обратились с мольбой о своем спасении. “Если ты, святой отец, не поможешь нам своей молитвой ко Господу, — говорили они ему, — то мы погибнем в пучине морской”. Святой Николай успокоил их и советовал им возложить надежду на милосердие Божие. Между тем сам, став на колени, обратился с горячей молитвой к Господу. Молитва праведника была немедленно услышана. Морское волнение прекратилось, наступила тишина; вместе с этим печаль и отчаяние моряков уступили место неожиданной радости за свое чудесное спасение и благодарности Господу и Его святому Угоднику, столь чудно прозревшему морское волнение, а потом не менее чудно укротившему его своими молитвами к Господу.

Вскоре после этого святой Николай совершил и другое чудо. Один из матросов взобрался на верх мачты; спускаясь вниз, он поскользнулся и, упав на палубу, ушибся до смерти. Радость мореплавателей сменилась печалью. Они

склонились над бездыханным телом своего товарища. Но прежде, чем мореплаватели обратились к святому Николаю с просьбой о помощи, он сам помолился ко Господу, Который, как и ранее, внял молитве Своего Угодника. Мертвый юноша воскрес и на глазах у всех встал, как будто пробужденный от глубокого сна. Присутствовавшие при чудесном воскрешении мореплаватели прониклись еще большим уважением к чудному своему спутнику. Корабль, охраняемый молитвами святого Угодника, продолжал плавание и благополучно пристал к берегам большого торгового города Александрии, что в Египте.

Пока мореплаватели запасались съестными и другими необходимыми для морского плавания припасами, святой Николай приложил заботы к уврачеванию недугов местных жителей: одних он исцелил от неизлечимых болезней, из других изгнал мучившего их нечистого духа, некоторым, наконец, подал утешение в их душевных скорбях. Отплыв от берегов Александрии, судно благополучно достигло Святой земли».

Мы не знаем в точности — совершал ли это путешествие святитель Николай Чудотворец или, быть может, этот маршрут прошел другой Николай в более позднее время, согласно Житию другого Николая — Сионского. Но память о епископе Мир Ликийских как о покровителе мореплавателей разнеслась по всему римскому миру.

Спасения в море происходили неоднократно. Но бывали случаи, когда всё происходило как бы «наоборот». Вместо спасения судна святителю приходилось управлять стихией так, что он приводил в ужас опасных соседей, угрожавших ему. Так, как это было во время возвращения святителя Николая из Палестины. У Дмитрия Ростовского читаем:

«Придя на корабль, угодник Божий уговорился с корабельщиками, чтобы они доставили его в родную страну. Но они замыслили обмануть его и направили свой корабль не в Ликийскую, а в иную страну. Когда они отплыли от пристани, святой Николай, заметив, что корабль плывет по другому пути, пал корабельщикам в ноги, умоляя их направить корабль в Ликию. Но они не обратили на его мольбы никакого внимания и продолжали плыть по намеченному пути: не знали они, что Бог не оставит Своего угодника. И вдруг налетела буря, повернула корабль в другую сторону и быстро понесла его по направлению к Ликии, угрожая злым корабельщикам совершенною погибелью. Так носи-

мый Божественною силою по морю, святой Николай прибыл, наконец, в свое отечество. По своему незлобию он не сотворил никакого зла своим злокозненным врагам. Он не только не разгневался и ни одним словом не упрекнул их, но с благословением отпустил их в свою страну».

Не менее интересной и даже загадочной выглядит история с плаванием судна, на борту которого находилась бомба. С ее помощью — по легенде — греческая богиня Артемида пыталась отомстить Николаю Угоднику за разрушение ее храма и взорвать его церковь в Мирах Ликийских. Мы уже рассказывали, как некие благочестивые люди решили отправиться в Миры с северных берегов Понта — будущего Черного моря, дабы поклониться мощам Чудотворца. В латинском тексте выдающегося поэта и агиографа рубежа XIV—XV столетий Леонардо Джустиниани, создавшего весьма популярную в свое время версию (редакцию) Жития святителя Николая, неожиданно указано, что отправились они в плавание из греческого поселения в районе Танаиса. Брат Лоренцо Джустиниани, первого патриарха Венеции, возможно, имел в виду территории рядом с устьем реки Дон.

А. Вознесенский и Ф. Гусев в XIX веке рассказывали так: «Нагрузив корабли пшеницей, они поплыли в далекую Ликию. Но врагу рода человеческого, которого так часто посрамлял при жизни своей святой угодник Божий, нестерпимо было такое почтение к памяти святителя, и он задумал расстроить благочестивое желание танаитян. Он принял вид женщины, которая пред отплытием благочестивых мужей в Миры подошла к ним с сосудом, наполненным елеем, и обратилась с такими словами: “Я и сама бы хотела отнести к гробу святого Николая этот елей, но боюсь пуститься в далекое морское плавание, так как я женщина слабая и больная. Прошу вас, возьмите этот сосуд с елеем и отвезите его в Миры, а там вылейте в светильник при гробу святителя”. Не ведая о дьявольских кознях, напротив, усматривая в просьбе женщины благочестивое намерение, путешественники взяли у нее сосуд и отправились в путь».

Далее плавание превратилось в настоящий триллер. Моряки, желавшие сделать доброе дело, чуть не стали свершителями ужасного деяния. Как повествуют истории, «некоторое время они плыли благополучно. Но потом подул сильный ветер, поднялось волнение на море, дальнейшее плавание стало невозможным. Танаитяне решили возвра-

титься домой, не исполнив своего благочестивого желания, и уже поворотили было назад. Но в эту минуту показался им навстречу в небольшой лодке сам святитель Николай. “Куда плывете, добрые люди? — обратился он к ним. — Зачем оставляете начатый путь и поворачиваете домой — в ваших руках находится Средство унять бурю и беспрепятственно продолжать начатый путь. Знайте, что ходу вашего корабля противится злокозненность дьявола, который в образе женщины дал вам сосуд с елеем; бросьте его в море, и вы благополучно совершите свой путь”».

И вот тут произошло самое интересное. Мы видим действие настоящего взрывного устройства, которое сконструировала «благочестивая женщина».

«Мореплаватели послушались чудного мужа и бросили сосуд с елеем в море. Внезапно оттуда поднялся черный дым, пламя и отвратительный смрад; со дна морского поднялось клокотанье; самая капля морская обратилась в огненные искры. Смертный ужас объял мореплавателей, невольно они закричали. Угодник Божий не оставил их и теперь. Снова явившись, он велел им забыть страх и своим властным словом уничтожил дьявольское наваждение. Тотчас повеяла легкая прохлада, и воздух наполнился чудным благоуханием».

К особенным историям о спасении утопающих можно отнести и некоторые «частные» случаи, не связанные с особыми коллективными плаваниями и даже со штормами или бурями. Вот пример такого чуда святителя Николая, который условно назовем «Избавление от потопления благочестивого жителя Константинополя».

Одному столичному горожанину необходимо было плыть в другую страну. Перед путешествием он зашел в храм Николая Чудотворца и помолился ему. Уже в пути наступил вечер, на море усилился ветер, что способствовало постановке парусов. Команда занялась работой, моряки громко кричали, дело спорилось. В этом шуме наш герой прошелся по палубе и вдруг споткнулся и упал за борт, прямо в море. Никто впопыхах этого не заметил и не услышал. Понимая, что его ждет неминуемая гибель, уже погружаясь в морскую пучину, мужчина воззвал к Николаю Угоднику: «Святой Николай, помоги!» И в этот момент он увидел себя сидящим в помещении. Будто бы всё ему приснилось, а он просто проснулся. Но мокрые одежды показали, что это не

так. Вдобавок соседи развеяли его сомнения о том, где он находится. Тут он понял, что это святой Николай услышал его молитвы, и возблагодарил его еще больше.

К такому же типу «частных морских» историй можно отнести ту, почти повторяющую предыдущую, что условно названа «Избавление от потопления мужа по имени Дмитрий». Историки XIX века А. Вознесенский и Ф. Гусев рассказывали ее так: «Один благочестивый человек по имени Димитрий, живший в Константинополе, имел обыкновение отправляться на богомолье в церковь святого Николая, находившуюся в городе Анфирите на расстоянии 10 стадий от Константинополя. Однажды, когда он ехал туда ночью с несколькими товарищами, имея при себе свечи, масло, фимиам и прочее нужное для праздничного богослужения, поднялась сильная буря, которая опрокинула их судно. Выбившись из сил и увлеченный пучиной до самого дна морского, Димитрий беспрестанно зывал: “Святой Николай, помоги мне!” Скорый помощник немедленно предстал ему, взял его за руку, исторгнул из глубины и перенес домой в одну запертую комнату. Димитрий, не сознавая чуда и считая себя все еще на дне морском, громко кричал: “Святой Николай, помоги мне!” Домашние и соседи его были пробуждены этим необыкновенным криком и, думая, что в комнату забрался вор, вошли в нее с огнем. Они чрезвычайно удивились, найдя в запертой комнате Димитрия, всего мокрого: с головы, бороды и одежды его стекала морская вода. Лишь придя в полное сознание, Димитрий рассказал им, что случилось с ним на море и кого призывал он, погружаясь в море. Все поняли, что его спас св. Николай, и возблагодарили скорого в бедах помощника».

Еще одну историю называют «Спасение отрока от потопления». Она разбивается на две части. В первой указано, что благочестивый муж усердно молился святителю Николаю, дабы тот помог жене преодолеть ее неплодие и даровал бы их семье сына. За это он обещал явиться с этим сыном в храм к святителю и сделать вклад — сосуд из золота. Иногда пишут «золотую чашу», возможно, предполагая сосуд для церковного богослужения.

Вскоре у него появился сын. На радостях он приказал изготовить обещанный золотой сосуд. Мастер сделал свое дело отлично. И сосуд так понравился заказчику, что он решил оставить его у себя, а для святителя Николая заказать другой. Получив их от мастера, он вместе с сыном отпра-

вился в плавание по морю к Мирам. При этом захватил с собой оба сосуда.

Вторая часть связана с чудом. Во время плавания произошел непредсказуемый случай. Отец попросил сына зачерпнуть морской воды сосудом, который был сделан первоначально. Ребенок перегнулся через борт, незаметно упал в воду и утонул.

Горе отца нельзя было передать. Однако он решил доплыть до города Миры и передать епископу другой, оставшийся сосуд. И он это сделал. Придя в храм, он поставил подарок около иконы. Но вдруг сосуд, словно живой, отскочил от иконы и покатился к центру храма. Народ, собравшийся вокруг, недоумевал. И тут все увидели в храме отрока, который держал в руках другой, первоначальный сосуд. Живой сын рассказал, что его спас от утопления Николай Чудотворец.

Возрадовавшись случившемуся, отец ребенка хвалил Господа и святого Николая, а затем отдал в храм оба сосуда, возвратившись после этого испытания благополучно домой со своим сыном.

Подобную историю мы находим и в русской традиции почитания святителя Николая. Большую известность на Руси имел рассказ под названием «Киевское чудо о детище, спасенном от потопления святым Николаем». Датируется происхождение текста XI веком. Он относится к тем историям, которые были также связаны с «утоплением» и спасением в воде, но события в них могли происходить не только в море, но и в реке. Как это и случилось с младенцем в Киеве.

История проста. Киевская семья жила с единственным сыном, о котором очень заботилась. Возвращаясь однажды домой, они плыли на лодке по Днепру. Матушка держала ребенка на руках, но задремала и уронила его в воду. Родители с трудом переживали горе. Они стали укорять святого Николая, который должен был спасти их дитя. Но, придя в себя, стали просить прощения у святителя за неверие. На следующий день утром в соседнем храме люди услышали плач ребенка. Около иконы Николая Угодника они увидели дитя в мокрой одежде. Люди позвали горевавших родителей, и те признали своего сына. На коленях они благодарили святителя Николая.

Говорили, что именно с этого момента народ на Руси стал называть храмовый образ святителя Николая Мокрым. Так и теперь говорят — Никола Мокрый.

Чудо с ребенком из благочестивой, но все же простой семьи — это одно. А вот спасение в водах высокопоставленных особ, церковных иерархов высшей степени — это другое. К таким историям относится та, что называется «Извлечение святым Николаем патриарха из глубины морской».

Имена упомянутых героев дают нам возможность условно датировать эти события. Ибо в одной версии сказано: «в царствование императора Леонтия». А это — либо V, либо VII век. Хотя, скорее всего, — VIII столетие, когда правил император-иконоборец Лев III. При этом в другой версии находим упоминание Патриарха Афанасия, что указывает на другие времена — XIII—XIV, XV или XVII столетия. Как рассудить?

Здесь мы готовы согласиться с мнением исследователя из Бари о. Джерардо Чоффари, который считает, что имя Патриарха со временем просто исказили. Скорее всего, здесь речь идет о Патриархе Константинопольском Анастасии (а не Афанасии), бывшем главой церковной иерархии как раз при правлении Льва III, то есть в VIII веке. Сначала Патриарх Анастасий стоял на иконоборческих позициях (что подспудно отражено в тексте чудесного деяния), а затем, после смены императора, вновь стал защищать почитание икон. Эта двойственность, возможно, и стала основой для обличительного сюжета чуда и описанного в нем последующего раскаяния церковного первоиерарха под воздействием духовного влияния Николая Чудотворца.

Разобьем эту историю условно на две части. Так будет удобнее совершить наше хождение в Житие святителя Николая. Первую часть нам расскажут историки XIX века А. Воскресенский и Ф. Гусев.

«Жил в Константинополе весьма благочестивый муж по имени Феофан... Однажды он во сне увидел святителя Николая, который сказал ему, чтобы он велел написать три иконы: Спасителя, Богоматери и чудотворца Николая — и, когда они будут готовы, показал бы патриарху... Феофан немедленно заказал написать эти образа и, когда от него получил их, пригласил к себе патриарха с его собором почтить их молебными похвалами. Войдя в комнату, где стояли иконы, и прежде всего обратившись к образу Спасителя, патриарх сказал: “Слава Тебе Боже наш, Спаситель, создавший всю тварь!” Потом, посмотрев на икону Божией Матери, прибавил: “Хорошо написал живописец и сей образ Пречистая Богоматери, родившей нам Чело-

веколюбца Бога!» Наконец, увидя образ святого Николая, он сказал с неудовольствием: «Зачем здесь это изображение Николая, епископа Мирликийского? Он был смердович (низкого рода), и изображению его неприлично стоять с этими двумя иконами». Патриарх приказал, к неудовольствию хозяина, вынести из комнаты образ святителя Николая, запретил живописцу писать такие его иконы и, совершив молебное пение Спасителю и Божией Матери, сел за обеденный стол вместе с клиром.

Во время угощения Феофан заметил, что вино почти все вышло, и, так как было уже поздно и негде было достать его, пошел в отдаленную комнату, где стоял образ святителя Николая, вынесенный из приемной по воле патриарха, и стал усердно молиться пред ним, чтобы Угодник Божий умножил теперь запас вина в его доме. Окончив молитву, Феофан вышел из этой комнаты и нашел сосуды, в которых пред тем уже не было вина, чудодейственно наполненными новым, лучшим вином, которое и патриарху показалось чрезвычайно вкусным».

Здесь начинается вторая часть рассказа, где происходит главное чудо (помимо увеличения вина в доме). О ней нам расскажет святитель Дмитрий Ростовский (текст XVIII века).

«В веселии патриарх и собор удалились в дом при Святой Софии. Утром пришел к патриарху некий вельможа, именем Феодор, из села называвшегося Сиердальским, от Мирского острова, и молил патриарха, чтобы тот поехал к нему, ибо единственная дочь его одержима бесовским недугом, и прочел над главою ее святое Евангелие. Патриарх согласился, взял четвероевангелие, вошел со всем собором в корабль и отплыл. Когда они были в открытом море, буря подняла сильное волнение, корабль опрокинулся, и все упали в воду и плавали, вопия и моля Бога, Пречистую Богородицу и святого Николая. И умолила Пречистая Богородица Сына Своего, Спасителя нашего Иисуса Христа о соборе, чтобы священнический чин не погиб. Тогда корабль выпрямился, и, милостью Божиею, весь собор снова вошел в него. Утопая, патриарх Афанасий (Анастасий. — К. К.-С.) вспомнил свой грех пред святым Николаем и, вопия, молился и говорил:

“О святитель великий Христов, архиепископ Мирский, чудотворец Николай, согрешил я пред тобою, прости и помилуй меня, грешного и окаянного, спаси меня от пучины морской, от горького сего часа и от напрасной смерти”.

О преславное чудо — высокоумный смирился, а смиренный чудно возвеличился и честно прославился.

Внезапно явился святой Николай, шествуя по морю, как по суше, приблизился к патриарху и взял его за руку со словами:

— Афанасий, или тебе понадобилась в бездне морской помощь от меня, происходящего из простых людей?

Он же, едва в состоянии открыть уста свои, истомленный, сказал, горько плача:

— О святой Николай, святитель великий, скорый на помощь, не вспоминай моего злого высокоумия, избавь меня от напрасной сей смерти в пучине морской, и я буду славить тебя все дни жизни моей.

И сказал ему святитель:

— Не бойся, брат, вот избавляет тебя рукою моею Христос. Ты же не грешь больше, чтобы не случилось с тобою худшее. Войди в корабль свой.

Сказав сие, святой Николай взял патриарха из воды и поставил его на корабль, со словами:

— Ты спасен, иди опять на свое служение в Константинополь.

И стал святой невидим...

Корабль быстро приплыл назад к Константинополю. Выйдя из корабля со всем собором, патриарх со слезами пошел в церковь Святой Софии и послал за Феофаном, веля ему тотчас принести ту чудную икону святителя Николая. Когда Феофан принес икону, патриарх пал пред нею со слезами и сказал:

— Согрешил я, о святой Николай, прости меня грешного.

Сказав сие, он взял икону на руки, с честью облобызал ее вместе с соборянами и отнес в церковь Святой Софии. На другой день он заложил в Константинополе каменную церковь во имя святого Николая. Когда церковь была построена, сам патриарх освятил ее в день памяти святого Николая. А святитель исцелил в тот день 40 недужных мужей и жен. Затем патриарх дал на украшение церкви 30 литр злата и много сёл и садов. И устроил он при ней монастырь честен. И многие приходили туда: слепые, хромые и прокаженные. Прикоснувшись к той иконе святого Николая, все они уходили здоровыми, славя Бога и чудотворца Его».

По замыслу автора глава о чудесах должна была содержать рассказы и о других деяниях святителя Николая, быть посвящена многочисленным чудесам, связанным с его именем. Но чудес этих такое количество, что получится не-

сколько таких книг, дабы их все перечислить или о них рассказать в подробностях.

Все они тщательно записываются, запоминаются и пересказываются столетиями. Были авторы, такие, как, например, Дмитрий Ростовский, которые удачно переложили эти рассказы на русский язык, понятный и современному читателю. Поэтому автор специально помещает некоторые из чудес в разделе «Приложения» нашей книги. И это лишь малый процент того, о чем бы можно было свидетельствовать. Ибо, как писал Симеон Метафраст, «Николай неустанно творил благодеяния, и рука его не уставала подавать просящим, и даяния текли обильным и мерным потоком».

Не случайно святой Андрей Критский, пытаясь показать великую духовную чудотворную силу святителя Николая еще при жизни, так характеризовал его: «Живя еще во плоти, прежде отшествия своего ко Христу, святитель Николай являлся к обремененным различными бедствиями, подавал им скорейшую помощь в нуждах, исторгал жертвы смерти из самых ее челюстей».

Глава 5

ЗА ЧИСТОТУ ВЕРЫ. КОНЧИНА

Настало время, когда новый римский император — Константин I Великий стал строить христианское государство. Так, как это тогда можно было предположить. Это требовало усилий, напряжения и даже силы. Серьезная борьба с язычеством, как мы уже знаем, продолжалась и расширялась. Но оказалось, что не древнее греко-римское язычество, не олимпийские боги или даже представители другой веры встали на пути устройства нового общества. Гораздо опаснее оказались разногласия внутри самой христианской Церкви. Появились как новые учения, так и варианты уже давно забытых старых. Развились различные толкования и мнения.

Стало ясно, что самой Церкви нужно определиться. Сформулировать основные постулаты. Поставить некоторые точки в постоянных спорах. Церкви, а значит, и христианскому государству, необходимы были канонизированные опоры. То, что христиане всего мира нынче называют Символом Веры.

Спор на Вселенском соборе

*Еретики отогрелись и с весною осмеливаются
выползать из нор.*

Григорий Богослов, IV в.

Удаляйся общения с раскольниками и еретиками.

Ефрем Сирин, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Прославился не только среди верных, но

в скором времени и среди многих неверных, и все выказывали неизреченное почтение к нему... Если инаковерующим случалось встретиться с ним где-нибудь по дороге и лишь услышать сладчайший его глас, они уходили, отвергшись ереси, в которой с детства возросли, и утвердившись в истинном учении».

На Собор в Никее духовные иерархи «поспешали медленно». Немалый путь надо было проделать в этот малоазиатский город. Хорошо хоть погода была ладная. Но многие епископы из Западной Европы не поехали, предполагая трудности при передвижении. При этом епископат Востока Римской империи и соседних государств принял участие почти в полном составе.

Первый Вселенский Никейский собор — собрание всех главных епископов христианской Церкви — был созван самим императором Константином I Великим и начал свою работу в июне 325 года. Теперь на месте древней Никее расположен маленький турецкий городок Изник. Именно здесь были сформулированы и утверждены главные постулаты Церкви, которые определили направления развития христианской цивилизации на тысячи лет вперед. Два месяца ежедневно епископы трудились над принятием своих решений. И не зря!

Главные итоги были таковы: утвердили Никейский Символ Веры (действующий в основном до сих пор), осудили арианскую ересь (и некоторые другие), воскресенье признали выходным днем вместо субботы, определили временные рамки празднования христианской Пасхи, разработали и приняли так называемые «двадцать канонов».

На первый взгляд — не так уж и много. Но чего это стоило! Два жарких летних месяца споров, несовпадения мнений и продуманных компромиссов.

Один из тех, кто писал о Соборе, — Евсевий Кесарийский, — напоминал о причинах созыва столь представительного собрания. Императору Константину казалось, что следовало остановить спор с Арием, которого он уважал. Да и с исчислением пасхалий была неувязка. Надо было принимать решения. Но не императору же это делать!

Тогда и решили — созвать Собор. Первый.

Место определили не сразу. Сначала выбрали город Анкира в Галатии. Но затем поменяли на Никею, так как там находился хорошо защищенный императорский дворец. А где еще собирать такую представительскую аудиторию? Не в театре же, не на стадионе!

Почти все приглашенные были «нейтральными» к главным вопросам, которые должны были обсуждаться. Но небольшая часть прибывших уже заранее была разделена на две группы (партии): с одной стороны, обычные православные, «бесхитростно верующие», «простецы», «невежды», а с другой — «умные» последователи Ария, который аргументированно формулировал свое понимание Божественной Троицы и самого Христа.

Авторы книги о Николае Чудотворце XIX века А. Вознесенский и Ф. Гусев писали об этом так: «Желая водворить в стаде Христовом мир, потрясенный ересью Ариева учения, равноапостольный император, по совету Александра, епископа Александрийского, разослал окружные послания ко всем епископам своей всемирной епархии, приглашая их на Первый Вселенский собор. Этот собор состоялся в 325 году по Рождеству Христову в Никее, главном городе Вифинии. Здесь, под председательством самого императора, собрались 318 епископов, между которыми первые места занимали Осия Кордубский, Евстафий Антиохийский и Макарий Иерусалимский. На этом соборе, продолжавшемся около двух месяцев, введен во всеобщее церковное употребление Символ веры, впоследствии дополненный и законченный на Втором Вселенском соборе, бывшем в Константинополе в 381 году по Р. Х. Подвергнут был осуждению Мелетий, который присвоил себе права епископа, будучи сам нарушителем церковных правил. Наконец, на этом же соборе отвергнуто и торжественно предано анафеме учение Ария и его последователей».

Известно, что на Первый Никейский Вселенский собор по существующим спискам был отправлен от Ликий всего один епископ — Евдем Патарский. Очень странно. Ведь должен же был быть в списках от такой епархии представитель важнейшей христианской общины города Миры. Неувязка. Ведь соседствующие с Ликией провинции направили на Собор многих епископов. Например, пятерых от Карики, семерых от Фригии, столько же — от Памфилии, одиннадцать от Писидии. Как же такое могло произойти с Ликией? Видимо, всё было немного по-другому.

Считается, что на Собор приехало всего 318 епископов (так сообщали Иларий Пиктавийский, Василий Великий и Афанасий Великий). В других источниках читаем, что их было около 250. Если учесть, что в те годы в восточной части Церкви существовало около тысячи епископских кафедр, а в западной — до восьмисот (учитывая аф-

риканские), то можно видеть — в Соборе приняли участие представители лишь шестой части всего церковного руководства, в подавляющем большинстве приехавшие с Востока империи.

Итальянский историк-марксист Амброджо Дони-ни (Ambrogio Donini), которого не заподозришь в особенной любви к святителю Николаю, в своей книге «У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана)» пишет: «В действительности на соборных сессиях в Никее приняло участие ограниченное число епископов: 250 согласно Евсевию, 270 согласно Евстафию из Севастии, около 300 согласно Афанасию. Дошедшие до нас их списки неполны: в них значится от 218 до 220 имен. Официально принятая, признанная традицией цифра приводится Иларием из Пуатье: 318 человек. Но это символическое число, оно напоминает 318 рабов, посланных Авраамом преследовать Кедорлаомера и “царей, бывших с ним”, которые взяли в плен “сродника его” Лота, как повествует Библия (Быт., 14: 14, 17). Из западной части империи прибыли всего семь делегатов — два пресвитера, Витус и Винцент, представлявшие римского епископа, и пять епископов, по одному из Калабрии, Галлии, Паннонии, Цецилиан из Карфагена и из Испании кордовский епископ Оросий. Этот последний был своего рода церковным советником Константина. Его первая поездка в Александрию для примирения враждующих сторон окончилась неудачей. На соборе, который работал под руководством императора, присутствовало все же свыше двух тысяч человек».

Сегодня бы сказали: а как же кворум, если была представлена только одна шестая часть церковной иерархии? Но и это было феноменальным событием. Подобного собора в христианской Церкви, да еще и в присутствии императора, прежде никогда не происходило.

Руководил Собором сам император. Точнее — был почетным председателем. Поразительно, но стремясь собрать церковных иерархов, покровительствуя христианству, ведя вполне христианский образ жизни, Константин к тому времени сам не был крещен. Его роль была примирительная, он должен был слушать и делать выводы.

Среди прибывших епископов было много исповедников, пострадавших во время гонений. Участниками Собора были, и мы не можем этого отрицать, — святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских (скорее всего — от Ликии), а также святитель Спиридон, епископ Тримифунт-

ский. По словам высокопреосвященнейшего Иннокентия, «святитель Николай, несмотря на все злоухищрения еретиков, пребыл тверд, как та вера, которую он исповедовал. Прочие святители защищали Православие с помощью богословских доводов; Николай же защищал веру самой верой — тем, что все христиане, начиная от апостолов, постоянно веровали в Божество Иисуса Христа. Всем известная святость его жизни, чистота намерений, признаваемая самими врагами, дар чудес, свидетельствовавший о непосредственном общении с Духом Божиим, сделали то, что святитель Николай был украшением Никейского Собора и заслужил, чтобы Церковь нарекла его правилом веры».

Когда стали обсуждать учение Ария, началось невообразимое. Два десятка его противников не смогли убедить епископов Собора, уступив в споре двум десяткам ариан. Арий усомнился в Божественной природе Христа и учил, что Иисус был лишь высшим творением Бога, а не Богом-Сыном и Творцом. Но затем все-таки православным удалось дать формулировку-характеристику: Сын «единосущен Отцу», является Богом по сути, как и Отец — «Бог от Бога». Символ веры утвердили 19 июня как обязательный для всех христиан империи (текст Символа веры «Верую» был частично пересмотрен на Втором Вселенском соборе в 381 году). Не подписавших его епископов Феона Мармарикского и Секунда Птолемаидского удалили с Собора, а затем вместе с Арием отправили в ссылку. Некоторые ариане под угрозой испытаний все же поставили свои подписи. О пощечине Арию, данной святителем Николаем, мы рассказываем в отдельной главе данной книги. В общем, на том спор с последователями этого учения и закончили, хотя решали и проблему мелитианского раскола, который также был осужден.

На Соборе рассматривали еще один важный вопрос — о дне празднования Святой Пасхи. По Епифанию Кипрскому, участники решили, что при вычислениях необходимо руководствоваться тремя главными факторами: полнолунием, равноденствием и воскресением. Для чего утвердили дату самого весеннего равноденствия: «на 12-й день перед апрельскими календами» (в конечном итоге — 21 марта). Затем решили, что можно и нужно отделить иудейскую Пасху от христианской, то есть не привязывать одну к другой. Так появилось «первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия».

Наконец, были утверждены 20 канонів (правил), ка-

сающихся различных вопросов в сфере церковного управления и дисциплины. Они оказались важнее, чем предполагалось. Думали разрешить при помощи этих правил некоторые внутренние вопросы второстепенного характера. Но в итоге появилось церковное право, которое стали называть каноническим. Например, этими правилами была ограничена самостоятельность диаконов, запрещено перемещение священников и епископов из одной епархии в другую. Было решено собирать синоды в провинциях дважды в год. Одно из правил запрещало поручать отправление священных обрядов новообращенным, раскаявшимся отступникам и евнухам. И так далее.

Известно, что протоколы (Акты) Первого Вселенского Никейского собора не сохранились или даже не велись. Будто бы император так пожелал, чтобы не было потом лишних споров по текстам. Все принятые решения озвучены были в более поздних источниках.

По окончании работы Первого Вселенского собора государь Константин Великий устроил столь торжественный пир, что выдавшие виды иерархи были потрясены. Евсевий Кесарийский, написавший книгу «Жизнь Константина», привел текст Послания императора Константина церквям после Никейского собора: «Константин победоносный, великий, божественный — церквям! Убедившись по счастливому положению государства, сколь велико благоволение ко мне всемогущего Бога, я считаю подобающим содействовать тому, чтобы хранить одну-единственную веру, искреннее человеколюбие и благочестие по отношению ко всемогущему Богу во всех верующих католической церкви. Но поскольку это не могло быть достигнуто, если бы сначала не подвергались обсуждению различные касающиеся религии вопросы в присутствии всех епископов, или по меньшей мере большей их части, собранных в одном месте, я созвал их сколько было возможно и принял участие, как равный среди вас, в собрании, на котором все запросы были внимательно обсуждены, пока не было со всеобщего согласия принято угодное Богу решение, так чтобы не допускать более дискуссий и разногласий по вопросам веры».

Так завершилось вселенское событие не только для Церкви, но для европейской цивилизации.

В православии Церковь вспоминает о Соборе ежегодно. Происходит это в седьмую неделю (воскресенье) после Пасхи, когда в молитвах упоминается память 318 отцов «иже в Никеи».

В главных известных списках участников Собора отсутствует имя святителя Николая Мирликийского. Это объясняется тем, что подлинные греческие списки до нас не дошли. А в их восточных переводах имени святителя Николая нет. Поэтому часть исследователей и авторов разных столетий отвергает факт его участия в этом совещании. Все ждут новых находок.

Однако такая аргументация не совсем убедительна. Ведь в древних списках отмечено, что присутствовали в Никее около двухсот епископов. А по другим источникам (не спискам) много раз указывается на то, что их было более трехсот. Это свидетельствует и святой Афанасий, а ему мы можем верить.

Но есть и другие исследователи, которые признают участие, ссылаясь на другие источники, где его имя — есть! Мы заранее предупреждаем, что поддерживаем мнение о том, что Николай Чудотворец был делегатом на Соборе. Остальное вытекает из данного утверждения, также основанного на источниках.

Например, в XIX столетии присутствие святителя Николая на Первом Вселенском соборе отрицал профессор церковной истории В. В. Болотов: «Ни одно из сказаний о Никейском соборе, хотя бы со слабой претензией на древность, не упоминает в числе его участников имени Николая, епископа Мирликийского». Но это не совсем верно.

Однако среди защитников пребывания Чудотворца на Соборе выступали даже не историки, а... судебные медики. Например, такой авторитетный человек, как профессор Луиджи Мартино, проводивший научные исследования мощей святителя. В своем выступлении на конференции 1994 года он безапелляционно заявил: «В 325 году Николай отправился в Византию, чтобы воздать должное Константину, который тем временем созвал собор в Никее, чтобы судить еретика Ария. Николай участвовал в нем и даже приблизился к Арию с большой энергией, способствуя этим защите нашей религии от угроз». Заменив слово «пощечина» на «энергичное сближение», профессор Мартино затем излагает скорее не факты, а легенды: «Сразу же после этого он хотел поехать в Рим, чтобы отдать дань уважения Папе Сильвестру I. Он отправился в Бари, где он произнес одно из своих пророчеств: “Мои кости найдут здесь упокоение”»...

Упоминание о присутствии на Соборе святителя Николая есть у чтеца собора Святой Софии в Константино-

поле, церковного писателя Феодора Анагноста (Theodorus Lector) в его «Трехчастной истории», датируемой VI столетием (иногда уточняют — 515 годом). Современная «Католическая энциклопедия» этот факт поддерживает, невзирая на критику, связанную с тем, что труд Феодора известен в копии XIII века, а потому переписчик мог что-то якобы напутать или «придумать».

Подтверждено пребывание Николая Чудотворца на Соборе и в знаменитом труде швейцарского историка, византолога Генриха Гельцера (в соавторстве), посвященном изучению списков участников Собора в Никее (*Heinrich Gelzer. Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice. 1898*). Эта важная книга содержит списки тех епископов, которые присутствовали на Никейском соборе в соответствии с рукописями-источниками на латинском, греческом, коптском, сирийском, арабском и армянском языках.

«Несмотря на присутствие Ария и особенно Евсевия из Никомедии, — пишет автор, — большинство были против их идей. Фактически поведение этих двух, вовсе не примирительное, раздражало умеренную фракцию, которая проголосовала против них. Дебаты на Соборе были настолько бурными, споры по тезисам Ария дошли до такой степени, что святитель Николай Барийский ударил ересиарха».

Предполагается, что во второй половине IX столетия появилось первоначально так называемое «Синаксарное житие» святителя Николая. В числе первых источников здесь сообщается об участии епископа из Мир Ликийских в работе Первого Вселенского собора в Никее. «Когда же великий и благочестивый Константин, волею Божиею, воспринял Римское царство, заключенные в темницах были отпущены на свободу; в их числе был и свт. Николай, возвратившийся тогда в Миры. Вскоре после того великим Константином созывается в Никее первый Собор; его участником становится и чудный Николай». В латинской версии святитель Николай «отправляется на Никейский Собор, где вместе со славными 318 отцами добивается осуждения ереси Ария».

В Ватикане в XVIII столетии начали выпускать знаменитый многотомный труд «Священная библиотека или универсальный словарь по церковным наукам...» (*Biblioteca sacra ovvero Dizionario universale delle scienze ecclesiastiche... per la prima volta ... tradotta ed ampliata da una societa di ecclesiastici*). В его 14-м томе, опубликованном в 1836 году, помещена

статья о святителе Николае — «NICOLA (S.)». В ней мы, после приведенных аргументов «за» и «против», находим подтверждение участия святителя: «Общее мнение сводится к тому, что он присутствовал на Соборе в Никее, который проходил в 325 г. при императоре великом Константине».

Свою «ложку дегтя» внес в начале XX века знаменитый Густав Анрих, публикатор древних подлинных текстов Житий святителя Николая. Он тоже усомнился в участии епископа в Никейском соборе. На него стали ссылаться как на авторитет. Но будучи хорошим знатоком древних языков, Анрих не был историком в том смысле, чтобы анализировать все события и источники одновременно, сопоставляя все известные факты для более точных выводов. К тому же он не заметил итогов работы Эдуарда Шварца (Eduard Schwartz), который поставил еще более утвердительную точку в защите присутствия святителя Николая на Соборе в Никее.

Немецкий профессор, лингвист Эдуард Шварц еще на заре XX века публиковал акты Вселенских соборов. Уж ему-то должны были поверить настоящие знатоки-ученые. А тем более когда вышел его знаменитый труд о списках первых Вселенских соборов (*Über die Bischofslisten der Synoden von Chalkedon, Nicaea und Konstantinopel* — München, 1937). Профессор Шварц прослыл главным специалистом в данном вопросе. Он признал как важный источник труд Феодора Анагноста. Ведь тот был вхож в хранилища Константинопольского Софийского собора, где мог пользоваться различными подлинными, а затем утерянными документами.

Неупоминание святителя Николая в списках участников Собора могло быть связано не просто с местью за его резкое поведение, но и принадлежностью его к другой «партии» при императорском дворе, о чем мы уже рассказали в главе о «Деянии о стратилатах» и придворном сановнике Аблабии. Те, кто составлял списки и сделал их историческим достоянием, были за префекта претория Аблабия, а другие, как Николай Мирликийский, — против.

Вот и ответ (или один из ответов).

Итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари приводит поздние легенды, связанные с работой Собора и участием в нем святителя Николая. Он рассказывает:

«Как известно, на Соборе была осуждена ересь Ария, опровергавшая равенство природы Бога-Творца и Иисуса Христа и утверждавшая также, что вера в Единого Бога не оставляет места для Христа как Бога. Св. Николай в образной форме посрамил Ария, показав, что нечто единое может состоять из трех совершенно разных вещей. Для этого перед всеми отцами Вселенского Собора он взял кирпич, сказав, что хотя кирпич один, природа его является тройственной, ибо образована из земли, воды и огня. Так же и божественность ипостасей Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа не противоречит вере в Единого Бога. Когда он, держа в руках кирпич, пояснял сущность Божественной Триады, из кирпича излились некоторые капли воды и вспыхнуло пламя, после чего в руках у Святителя осталась лишь сухая глина».

Можно привести и реальный исторический пример, как святителю Николаю удавалось переубедить еретиков и вернуть их в лоно Церкви. Об этом нам поведал преподобный Андрей Критский: «Как рассказывают, Св. Николай, работая в своем винограднике, повстречал святой памяти Феогида, в то время епископа Церкви маркионитов. Диспут между ними продолжался потом и в переписке до тех пор, пока святитель не переубедил его и тот не вернулся в Православие. Но пока между ними двумя существовала хоть капля недоверия, он смиренно повторял апостольскую заповедь: приди и примиришься с братом своим, прежде чем солнце зайдет над вашей ссорой».

Отсюда мы видим, что, вероятнее всего, пресловутая пощечина Арию для святителя Николая была совершенно неординарным, исключительным поступком, из ряда вон выходящим событием. Именно поэтому, видимо, она и запомнилась современникам. Ибо нанес ее тот, от которого подобного не ждали. Значит — было за что...

В православной традиции, когда молятся святителю Николаю Чудотворцу, то невольно вспоминают тот самый, первый из христианских Соборов. «Правило веры и образ кротости, воздержания учителя, яви тя стаду твоему, яже вещей истина. Сего ради стяжал еси смирением высокая, нишетою богатая, отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога, спаситися душам нашим».

«Правило веры и образ кротости». Так просто...

Пощечина противнику Арию

*Речи еретиков — вестники смерти;
кто принимает их, сгубит душу свою.*
Евагрий Понтийский, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Когда Константин, первый благочестивый император, правил державой ромеев и великий его архиерей наставлял народ православным догматам, с корнем вырывая все враждебное и несогласное с ними, в Никее собирается все православное духовенство, чтобы утвердить основы благочестивой веры, предать осуждению богохульную ересь Ария и упрочить во всей церкви мир».

Бил ли святитель Николай по щеке еретика и своего оппонента Ария на Первом Вселенском Никейском соборе? Ответу на этот вопрос посвящена данная глава.

На первый взгляд кажется — что за событие? Епископ дал пощечину другому епископу. Факт неприятный, но не мирового же масштаба! Пусть даже и произошло это публично, и пострадавший был весьма серьезным человеком.

Однако почему-то историки, богословы и люди, кому не безразлично прошлое христианской Церкви, продолжают спорить на эту тему, находя в ней важный ключ не только к пониманию происходивших на Соборе событий, но и к разгадке характера самого Чудотворца.

Да, бывало всякое. Святитель Николай гневно выхватывал меч у палача, освобождая невинно обвиненных на казнь, делал строгие замечания императору в связи с арестом военачальников или увеличением налогового бремени для жителей Ликии, пенял самому патриарху, когда тот не оценил иконописное изображение «простака», наконец, он собственноручно рубил дерево язычников и разрушал храм Артемиды, прилагая для этого недюжинную энергию.

Всякое бывало.

Но пощечина в присутствии сотен епископов и самого государя Римской империи — это нечто другое! Само деяние иногда называют по-старому, не «пощечина», а — «заушение». Звучит еще более загадочно и угрожающе.

Кто-то говорит — правильно сделал. А кто-то наоборот — он нарушил церковные и имперские законы, за что

должен был поплатиться и ответить, как подобает гражданину римского мира.

И, как говорят, — он ответил. Был, предположительно, «разжалован» из епископов, осужден и провел некоторое время в тюрьме. Ибо считалось, что нельзя бить никого в присутствии самого императора, это является оскорблением его величества. За это грозила буквально — смертная казнь.

Такая вот странная история.

А была ли она на самом деле? И, повторим, была ли она столь серьезна?

Вот на эти вопросы мы и будем здесь искать вразумительные ответы.

Начнем с простого. Откуда все пошло. Когда зародилась история.

На этот счет есть разные мнения. Обычно приводят ссылку на труды греческого богослова Дамаскина Студита, митрополита Навпактского и Артского (XVI век), который включил рассказ о пощечине в свою книгу «Сокровище». Еще раз повторим — речь идет о XVI столетии, то есть спустя более тысячи лет после Первого Вселенского собора!

Были ли более ранние упоминания об этом событии? Мы можем ответить — да, были! Приведем некоторые из них. Для этого вернемся по времени немного назад.

Сведений о пощечине Арию и о последовавшем за этим суде над святителем Николаем мы вообще не находим ни в Житии Николая, созданном Симеоном Метафрастом, ни в Житии из греческого Синаксария. Хотя в последнем сборнике читаем фразу, весьма значительную для нашей темы, касающуюся святителя Николая: «Ниспровергнув хульника Ария, снова руководит своей паствой». Появление в Житиях Чудотворца слов типа «ниспровергать» или «сокрушать» могло вызывать упрощенное их понимание. То есть — ниспровергать буквально — ударить, повергать на землю... Хотя нет упоминаний о пощечине и в Четьях-Минях митрополита Макария (XVI век), где они могли бы быть по причине необычности помещенного в данном собрании так называемого «инога жития».

Но есть и другие документы. Попробуем расставить их все, включая и уже упомянутые — по порядку.

1. «Похвальное слово святителю и Чудотворцу Николаю» Андрея Критского, рубеж VII—VIII столетий (*Encomio*

di Andrea di Creta, иногда датируется 715 годом) — очень интересный для нас документ. «Ты поражал противников своими ударами, — пишет святитель Андрей, — и разрушая все их коварства, мужественно ограждал от них паству свою. Мечем глагола Божия ты посек до корня ересь разделения Ариева и соединения Савеллиева. Равно и всех тех, которые дерзали разделять Единого от Единой и Святой Троицы Христа, истинного Бога, приявшего плоть для нашего спасения, неправильно понимая таинство воплощения, — или осмеливались не признавать в лице единого Христа и Бога соединения двух естеств без смешения оных, или допускали в них разделение, — всех сих неправых умствователей, уклонявшихся либо на ту, либо на другую сторону, ты, как Финеес, поразил одним ударом меча, умиловивляя всемерно Бога всячески».

Здесь нет указания на удар по лицу, но употребляются словосочетания «поражал ударами», «разрушал коварства» или «посек до корня ересь». Звучит также довольно серьезно. И, вероятно, святителя Андрей Критский знал о пощечине, но просто не стал о ней говорить. Причина? Ну, например, чтобы другим неповадно было так поступать... Разве не причина для церковного архипастыря?

2. Возможно первым, кто прямо сказал о заушении в связи с Арием, был итальянский епископ, агиограф Петр де Наталибус (*Petrus de Natalibus*) в его *Catalogus sanctorum et gestorum eorum ex diversis voluminibus collectus* («Сборнике житий святых»). Впервые собрание текстов именитого венецианца было издано в 1493 году в Виченце. То есть мы попадаем уже в XV век. Но написан сам текст был, скорее всего, между 1369 и 1372 годами (так, собственно, указывал сам автор). А это еще XIV столетие. Значит, мы подвинулись на 200 лет ближе к самому событию на Никейском соборе.

«Католическая энциклопедия» 1913 года комментирует биографию Наталибуса: «Он в основном известен как автор “Житий святых” в двенадцати книгах, очень ценная работа, которая широко распространялась. Автор расположил разные жития, следуя церковному календарю».

Добавим к этому следующее. В этих томах помещено 1589 коротких житий, написанных по модели «Легендарiums святых» Петра Кало (*Legendarium de sanctis*). Благодаря своей универсальности и лаконичности сборник был очень успешным. Однако позднее он был раскритикован. Например, в трудах историка-иезуита конца XVII века, собирателя

и комментатора древних рукописей Даниэля Папebroка, который считал его лишенным историографической ценности. Таким образом, можно не всегда доверять некоторым сведениям в книгах Петра де Наталибуca.

Листаем одно из изданий его труда за 1514 год на латинском языке, осуществленное в Лионе (место указано по старинному — *Lugdunum*). И вот находим статью о святителе Николае (*Nicolaus episcopus*). А в ней короткий рассказ о том, как «блаженный Николай на Совете в Никее ударил по щеке Ария». Там даже употреблено более «серьезное» слово, нежели «щека», — «челюсть» (*et quemdam arrianum zelo fidei in maxilliam percussisse*). Имя еретика написано с малой буквы, поэтому его можно прочесть просто как «арианин», то есть не сам Арий, а его соратник или последователь. Что дает повод некоторым исследователям отрицать удар по щеке самого Ария. Кстати, ссылок на источники у автора *Nicolaus episcopus* — увы — нет.

3. Дамаскин Студит, о котором мы уже говорили, с его сборником душеполезных и учительных наставлений, написанных на народном греческом языке, несколько раз издававшимся в Венеции под названием «Сокровища» (первое издание 1561 года). Автор прямо рассказывает, что святитель Николай, увидев Ария среди других епископов, подошел к нему и дал пощечину.

4. Труды Антонио Беатилло (Antonio Beaillo, начиная с 1620-х годов), к которым относятся «История жизни святого Николая» (*Historia della vita di S. Nicolo*; впервые издана — Неаполь, 1620) и частично «История города Бари» (*Historia di Bari*; Неаполь, 1637). В первой книге (издание 1645 года, Неаполь. С. 130—132) мы узнаем, что святой Николай защищал веру с таким рвением, что уже не мог слушать и терпеть недостойные изречения Ария. Он внезапно встал со стула, подошел к нему, замахнулся правой рукой и ударил богохульника так, что тот упал на землю. И если по другим поводам автор дает ссылки на источники, то в данном конкретном случае мы вновь их не видим...

5. В книге историка, монаха-иконописца Дионисия Фурнского «Ерминия» (первая треть XVIII столетия, около 1720 года), жившего на Святой Горе Афон, есть много изводов изображений, которые стали руководством для тех, кто писал святых. У него есть кодифицированное изображение, где мы видим Никейский собор и многих подвижников — его участников. Среди них и Арий, а напротив него — святитель Николай, протягивающий руку,

чтобы ударить его. Так история продолжала приобретать зримые формы...

6. Уже на рубеже XVII—XVIII столетий у святителя Дмитрия Ростовского мы находим этот рассказ во всей полноте. И звучит он так (именно звучит, как шлепок в тишине по щеке, замененной автором на «мягкое» слово «ланита»): «Святые отцы собора изложили правое учение, предали проклятию Арианскую ересь и вместе с нею самого Ария и, исповедуя Сына Божия равночестным и соприисносущным Богу Отцу, восстановили мир в святой Божественной Апостольской Церкви... Николай... мужественно стоял против нечестивого учения Ария и вместе со святыми отцами собора утвердил и предал всем догматы православной веры. Инок Студийского монастыря Иоанн повествует о святителе Николае, что одушевленный, подобно пророку Илие, ревностью по Боге, он посрамил сего еретика Ария на соборе не только словом, но и делом, ударив в ланиту. Отцы собора вознегодовали на святителя и за его дерзкое деяние постановили лишить его архиерейского сана».

То есть за деянием последовали суд и освобождение святителя от епископского сана. А потом даже заключение в тюрьму!

Было ли такое? В упомянутом нами одном из самых «авторитетных» в данном вопросе и наиболее древних источников — рассказе XVI века грека Дамаскина Студита (который основывался и на латинских источниках) — прямо сказано о пощечине (удар по щеке). Правдивость своих сведений автор пытается защитить в предисловии, где он называет себя пересказчиком (почти повторяя этот самоэпитет от Симеона Метафраста): «Я нашел разумным писать о церкви не так, как это могло быть, но так, как многие об этом рассказывали, излагая свое мнение».

Но писали потом об этом многие. Разделившись на два лагеря: «за» пощечину и «против» нее.

Примечателен, с одной стороны, взгляд на это митрополита Илариона (Алфеева), который мы даем в переводе (из публикации-проповеди «Пощечина Арию» в Италии в 2015 году), так как оригинал текста опубликован именно по-итальянски: «Образ Николая, как защитника веры, в сочетании с его темпераментом, продемонстрированным в Praxis de Stratelatis (Деянии о стратилатах), то есть энергичным и бесстрашным против несправедливости, сделал пощечину в защиту православной веры очень понятной».

Те, кто считает невозможным сам факт удара по щеке, иногда приводят в защиту святителя Николая цитату из архиепископа Херсонского Иннокентия, который так характеризовал епископа: «Если бы свт. Николай был уверен в возможности — ценой собственного спасения — избавить от вечной гибели всех ариан, то, без сомнения, подобно Моисею и Павлу, он согласился бы сам быть изглаженным из книги живота вечного, только бы вписаны в нее были имена сих заблудших людей».

То есть, вероятнее всего, святитель Николай по характеру своему не мог такого совершить.

Но все же это лишь субъективное и немного эмоциональное мнение. Более интересные и обоснованные доводы приводил в своем труде «Святитель Николай — ревнитель и защитник православия» замечательный богослов, историк Церкви, протоиерей Ливерий Воронов; труд этот опубликован в Журнале Московской Патриархии в 1961 году: «Утверждение о заушении Ария вносит в сказание вопиющее внутреннее противоречие. В самом деле, если бы свт. Николай действительно позволил себе нанести Арию удар по щеке, то не могло бы быть и речи о его реабилитации, ибо 27 Апостольское правило, которое, несомненно, действовало еще ранее Никейского Собора, гласит: “Повелеваем, епископа, или пресвитера, или диакона, бьющего верных согрешающих или неверных обидевших, и чрез сие устрашати хотящаго, извергати от священнаго чина. Ибо Господь отнюдь нас сему не учил; напротив того, Сам быв ударяем, не наносил ударов...” Следует обратить внимание на категоричность выраженного здесь требования о наказании. Если, например, 55 Апостольское правило, определяющее извержение из сана в качестве наказания за словесное досаждение епископу, выражается с известной осторожностью: “да будет извержен”, как бы допуская возможность снисхождения и предоставляя вынесение приговора на усмотрение церковного суда, то 27 правило требует извержения из сана безоговорочно: “повелеваем извергати”, указывая в качестве причины такой строгости ясно выраженную (через личный пример Иисуса Христа) божественную волю о безусловной незлобivosti пастырей и недопустимости с их стороны каких-либо насильственных действий».

Это суждение вновь заставляет нас задуматься над двумя вариантами разворачивавшихся событий на Никейском соборе 325 года. Первый — не было никакой пощечины.

Тогда и нечего «ломать копья», спорить о правомочности такого поступка. Второй — святитель Николай все-таки нанес удар по щеке Арию. В этом случае все последующие события требуют разбирательств. И в связи с лишением сана (которого, возможно, и не произошло), и в связи с попаданием епископа Мир Ликийских в тюрьму.

Если пощечина имела место быть, то возникает еще два варианта развития событий. Первый — святителя Николая лишили епископского сана. Второй — его отправили в тюрьму. И то и другое требует обоснований и комментариев. Сделаем это.

Почему его должны были бы лишить сана? Мы уже частично ответили на этот вопрос — по существовавшим Апостольским правилам. Лишили ли его сана? Как правило, считается, что не стали этого делать. Слишком уважаемым человеком он был к тому времени. Дмитрий Ростовский вслед за уже приведенной нами фразой: «Отцы собора вознегодовали на святителя и за его дерзкое деяние постановили лишить его архиерейского сана» — пишет так: «Сам Господь наш Иисус Христос и Преподобная Его Матерь, взирая свыше на подвиг святителя Николая, одобрили его смелый поступок и похвалили его божественную ревность. Ибо некоторым из святых отцов собора было такое же видение, коего удостоился и сам святитель еще прежде своего поставления на архиерейство. Они видели, что с одной стороны святителя стоит сам Христос Господь с Евангелием, а с другой — Пречистая Дева Богородица с омофором, и подают святителю знаки его сана, которых он был лишен. Уразумев из сего, что дерзновение святителя было угодно Богу, отцы собора перестали упрекать святителя и воздали ему честь, как великому угоднику Божию».

Тогда почему святитель мог или даже попал в темницу? Или его первоначально все-таки лишили сана, а затем заключили в застенки?

Много путаницы. Но сам факт вторичного попадания туда, где святитель провел многие годы во времена гонений при императоре Диоклетиане, да еще и при христианском государе Константине Великом, — весьма странен.

Однако по воспоминаниям известного паломника А. Н. Муравьева, совершившего путешествие в середине XIX века и выпустившего книгу «Письма с Востока», в тогдашней Никее еще сохранялось среди турок предание о святом Николае — узнике тюрьмы. В одной из башен го-

рода, около «Цареградских ворот», ему указали на место, названное именем Николая. «Священное предание сохранилось о сих вратах, — пишет Муравьев, — сами турки его повторяют. Сторож, присланный мне для почести от градоначальника, показал нам в одной из громадных бойниц, с правой стороны торжественных ворот, так называемую темницу святого Николая Чудотворца; здесь, по местному преданию, он был заключен за то, что поразил на соборе Ария, защищая догматы веры, и содержался в узах, доколе не был оправдан свыше по небесному суду, который ознаменовался явлением Евангелия и омофора, как это пишется на его иконах... В нишах еще можно различить следы некогда бывших изображений. Так, в одной видны слабые очертания св. Николая с малыми изображениями Спасителя и Богоматери по сторонам головы Угодника, как это пишется у нас, и как редко встречается в греческой иконописи... К востоку указывают место заключения св. Николая. Нижние части засыпаны землей. В верхних нет ничего, что напоминало бы темницу. Предание однако же живо. Подтверждением ему служит и упомянутое выше изображение Святителя, находящееся со стороны этой башни».

Его отпустили, как пишет Муравьев, только благодаря «высшему небесному суду». Здесь мы опять видим слово «поразил Ария». Но не ясно — ударил или же нет...

Напомним, что в присутствии римского императора нельзя было совершать действий, подобных тому, о котором мы здесь говорим. Нанесение удара по щеке кому бы то ни было считалось оскорблением самого императора и каралось довольно жестко, вплоть до лишения жизни. По этой причине епископ мог быть подвержен не только церковному, но и светскому суду. И попасть в застенок также мог по приказу императора, а не по решению церковного Собора или собрания первоиерархов.

Во всяком случае, в истории сохраняется это предание о «заушении» Ария. В первую очередь — рассказ о суде и оправдании. Протоиерей Ливерий Воронов писал: «На протяжении веков Церковь проявляла как бы двойное отношение к сказанию о суде над свт. Николаем. С одной стороны, она не только не выступала со словами осуждения этого весьма распространенного сказания, но даже дозволила своим достойнейшим представителям (Дамаскину в Греческой Церкви, св. Димитрию Ростовскому — в Русской) предлагать его вниманию верующих; с другой же

стороны, она не реципировала его в качестве собственно-го предания, что со всей очевидностью явствует из отсутствия какого-либо намека на него в церковных песнопениях, посвященных памяти свт. Николая. Такая знаменательная двойственность объясняется, по-видимому, тем, что Церковь хотя и не сомневается в действительности факта соборного суда над свт. Николаем и последующей его чудесной реабилитации, но в то же время ни одну из версий сказания об этих событиях не признает за вполне достоверную и сообразную с характером личности великого угодника Божия. Подлинный же рассказ очевидца, записавшего некогда эти события (если таковой вообще существовал), или протокольная запись до нас не дошли и, возможно, были утрачены еще в давние времена».

В Церкви все же сохранилась традиция, связанная с судом над святителем Николаем и его оправданием, которая существует в иконописи (включая фрески). Мы встречаем изображения самого святителя и еще двух фигур: Спасителя, вручающего ему Евангелие, и Богоматери, простирающей омофор. Дмитрий Ростовский как раз и описывает это событие в своем варианте Жития святого Николая.

Да, но такое же событие произошло и изображалось с фигурами Спасителя и Богоматери, когда случилось видение у еще молодого пресвитера, будущего архипастыря, перед избранием его епископом Мир Ликийских. Хотя в некнижном русском варианте Жития святителя, приводимом историком В. О. Ключевским, именно уже в связи с Собором в Никее говорится: «того ради пишут на иконах образ св. Николы и Спасов образ во облаце и Пречистой Его Матери над ним во облаце». Так оба события стали восприниматься как особенно важные. И разве после этого исключишь из реальности и сам суд над Чудотворцем, и последующее заточение его в темницу?

«По окончании Собора, преправше окаянного Ария и от Церкви отлучив и прокляв, затем начали всем Собором снимать святительский сан со Св. Николы», — читаем в Житии у Ключевского. Участники ожидали завершения соборной работы. У Дамаскина читаем про обращение епископов к императору по поводу святителя Николая: «Мы просим тебя, пусть он будет теперь же лишен достоинства и заключен, а вынести окончательный приговор мы хотим после окончания Собора».

Однако решение не было принято. Некоторым отцам Собора, по свидетельствам, как раз и явились Спаситель

и Богоматерь, вручающие узнику Евангелие и омофор. Заключенный в темницу был немедленно освобожден и не лишен ни достоинств, ни сана.

Во всяком случае, большой интерес представляют слова, сказанные в одной из проповедей, в день перенесения мощей святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в итальянский город Бари митрополитом Иларионом (Алфеевым): «Когда речь идет о защите истины, Господь ожидает от нас твердости».

И далее архипастырь так развил эту мысль: «За Божественной литургией в день памяти святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских, мы слышим евангельские блаженства сразу в двух версиях. Мы обращаем внимание, что Церковь обращается к святителю словами “правило веры и образ кротости”... Как известно из его жития, он не остановился перед тем, чтобы ударить в щеку еретика, когда услышал богохульную ересь. За это, как говорит предание, он был даже на некоторое время отстранен от епископского служения.

Как же сочетается кротость, что мы прославляем в святителе Николае, и этот поступок, о котором известно из церковного предания? Когда речь идет о защите веры, истины, Господь ожидает от нас твердости, несокрушимости и способности противостоять ереси и лжеучению. Он ожидает от нас способности противостоять злу. Это случай, когда мы должны не подставлять левую щеку, но по примеру святителя Николая сами ударить еретика в щеку — правую, левую или обе, — чтобы воспрепятствовать тому лжеучению, которое он распространяет. Господь призывает нас не к агрессии, а к кротости. Но когда дело идет о защите истины, о защите правды Божией, мы должны быть непримиримыми. Мы должны называть вещи своими именами: правду — правдой, ложь — ложью, грех — грехом, добродетель — добродетелью. Здесь не может быть никаких компромиссов.

А вот если кто-то лично против нас что-то замышляет, что-либо недоброе делает или говорит нечто несоответствующее действительности, то мы должны проявлять очень большое терпение и смирение. Мы должны учиться подставлять в таких случаях левую щеку, если ударяют нам по правой. Мы должны учиться всему списку добродетелей, который записан для нас в Нагорной проповеди евангелистом Матфеем, а евангелистом Лукой записан в равнинной речи».

Итак, мы немного повторимся, подводя итоги наших рассуждений. Что же так привлекает внимание в этом событии — пощечине Арию? Давайте разберемся и ответим на поставленные вопросы. Естественно, если мы принимаем сам факт того, что святитель Николай участвовал в работе Первого Вселенского собора и что пощечина все-таки была.

1. Зачем Николай Чудотворец это сделал?

Ответ: не сдержался, понял, что по-другому уже нельзя, для пушей убедительности, чтобы привлечь особенное внимание к теме и показать всем опасность еретического вероучения.

2. Каковы могли быть последствия?

Ответ: самые строгие, ведь такой поступок в присутствии императора считался его оскорблением, что влекло за собой смертную казнь.

3. Знал ли о таких последствиях святитель Николай?

Ответ: наверняка знал, но действие для него, видимо, было важнее опасности наказания.

4. Почему же император не дал приказ казнить святителя?

Ответ: возможно, он знал о его авторитете, потому было принято решение только лишь арестовать святителя Николая, снять с него епископский омофор и поместить его в тюрьму, чтобы принять затем окончательное решение; возможно, сама пощечина была дана Арию не в присутствии императора, поэтому смертную казнь заменили тюремным заключением.

5. Долго ли святитель находился в застенках?

Ответ: разные источники говорят об этом по-разному, но по текстам мы можем определить, что, возможно, его отпустили сразу, еще во время работы Собора, и император Константин в дальнейшем очень по-доброму и с почтением относился к Николаю из Мир Ликийских и даже произнес проповедь своим военачальникам (стратилатам) о том, как они должны его почитать.

6. Правильно ли поступил святитель, дав пощечину Арию?

Ответ: не нам судить архипастыря, ведь тогда была очень опасная и непредсказуемая ситуация; возможно, только такой поступок мог решить исход дела.

7. Характеризует ли эта ситуация его с отрицательной стороны, как епископа?

Ответ: не нам судить архипастыря; однако история показала, что большинство потомков не осуждали его действия на Соборе по отношению к Арию, напротив, пощечина считалась чем-то вроде необходимого геройства; но для нас оно характеризует святителя Николая как энергичного, немного эмоционального, решительного человека, не лишённого человеческих чувств и праведного гнева, который он мог направлять в сторону увещевания врагов.

8. Почему же его все-таки не включили в списки (или исключили из списков) участников Первого собора?

Ответ: в некоторых списках он все-таки значится; по нашему мнению, его могли вывести из некоторых списков участников (или не упомянуть) как раз за то, что он дал пощечину Арию и затем попал в тюрьму; он как бы всех опорочил, а потому был спрятан — «с глаз долой». Не участник Собора — вроде бы не может отвечать за то, что там происходило; составители списков «без Николая» могли ему и мстить, конечно, но могли и откровенно прикрывать, ведь император Константин благоволил Арию, а потому наказание епископу Николаю могло быть назначено более серьезное.

Древняя служба святителю Николаю имеет такой текст: «От Пастыря Доброго жезл верою приняв и одежду священную, от добродетели труды пожав, питаешь стадо на пастбищах и воде упокоения и, согласно имени прекрасному, свирелью Духа волков отгоняешь еретических».

В каноне святого Иосифа Песнописца (IX век) есть такие слова: «Губяшаго древле Господни люди безумнаго Ария удавил еси жилами словес твоих...» Они связаны с сюжетом, в котором Арий выведен как опасный волк, бросающийся на пастуха, защищающего стадо. Однако пастырь не сдаётся, а наматывает вокруг шеи злодея тетиву-жилу от лука, пытаясь его удушить (хотя речь идет об «удавлении жилами словес»!)

Так и в других канонах Октоиха мы слышим по поводу «арианской истории с пощечиной»: «Изошрен меч духовный явился еси, мудре, лукавыя плевелы еретичествующих посекаяя и добродетелей стези спасительныя верным углаждая, отче Николае».

«Углажение стезей» — разве это не главная цель настоящего пастыря, умеющего направить свою паству в сторону Дома?!

Завершение земного пути

Жизнь говорящего имеет больше значения, чем любая речь.
Августин Блаженный, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: *«Время это святой проводил, благодаря Бога и распевая отходные и прощальные песнопения, и с радостной надеждой ждал отшествия. Ибо как для других желанна жизнь во плоти, так для него желанно было отрешение от плоти. И вот он разрешается от бременной и кратковременной жизни, сопresentствует сиянию ангелов и ликует вместе с ними».*

В этой печальной главе мы напомним о том, что земное время бrenно, оно течет безостановочно и имеет свой конец, наступающий даже святых, которые завершают свои праведные земные дела, оставаясь с нами после кончины.

У нас не осталось точных описаний — как провел свои последние годы и дни святитель Николай. Но мы вполне можем рассуждать о том, как он прошел свой земной путь до края жизни и смерти.

Кончина святителя Николая, как событие, могла бы остаться не особо замеченной для потомков. Ушел из жизни, конечно, весьма уважаемый церковный пастырь. Но таковых было немало в европейском христианском мире. Однако если посмотреть на всеобщую историю этого времени свысока, словно «приподнявшись» над простыми бытовыми фактами, то в событии этом можно заметить гораздо более серьезные обстоятельства и происшествия, которые могли бы привлечь достойное внимание почитателей святого.

Сведений о том, что в 330-е годы он был близок к кончине — нет. Был ли он частично недужен или ощущал некоторые возрастные проблемы? Это можно только лишь предполагать. Предчувствовал ли он близкий исход? Мы ничего не знаем об этом.

Однако первый агиограф, который озаботился этим вопросом в конце IX столетия, Диакон Иоанн заложил традицию говорить, что святитель ушел из жизни «в старости». Симеон Метафраст написал чуть позднее, что епископ Мирликийский «впал в недуг», то есть — заболел. Исследователь о. Джерардо Чоффари считает, что Метафраст ис-

пользовал другое Житие другого святителя — «Жизнь Николая Сионского» (*Vita Nicolai Sionitae*) и находился под его влиянием. То есть никакой болезни не было или мы не знаем о ней. Но исследователи мощей святителя в XX веке намекают на некоторые недуги.

Так когда же закончился земной путь святителя Николая?

Здесь следует упомянуть о том, как он явился во сне самому императору Константину Великому и его «правой руке» — префекту претория Аблабию. Этот факт упомянут в «Деянии о стратилатах», и он заставляет задуматься. Ведь святитель не вступился за военачальников вживую, «телесно» (так, как он предотвратил до этого казнь в Ликии), он не прибыл для их спасения в Константинополь. Можно сказать, что не мог, ибо был далеко. Но стратилаты находились в тюрьме не один день, можно было бы епископу успеть приехать в столицу из Мир. Однако произошло нечто другое. То, о чем автор документа не говорит прямо. Но мы имеем право предположить. Возможно, святителя Николая уже не было в живых, и являлся он известным людям во сне по причине... своего отсутствия на грешной Земле. А готовящееся первое его Житие, частью которого и стало «Деяние о стратилатах», как раз косвенно сей духовный факт и зафиксировало.

Митрополит Макарий в XVI столетии в Проложном Житии святителя подводит итоги его деяний так, что чудо со стратилатами является одним из его последних (если не последним) духовных свершений, за которыми следует кончина. «Являет же ся убо во сне царю и епарху, претя занеже ко царю оболганя мужа, царя же уча: неповинни суть и по зависти в темници затворени. Того ради онех свободив от належашая беды, и ина многа чюдеса совершив, и сущно и православно упас люди, и во глубоко старость достиг ко Господу отиде».

А вот как описывает кончину святителя Николая автор XVIII столетия Дмитрий Ростовский. «Год кончины святителя Николая, — пишет он, — в точности неизвестен: по одним, Угодник Божий умер в 341 году, а по другим, год его кончины полагается между 346—352 годами... Великий угодник Божий прожил много лет в городе Мирах, сияя Божественною добротою, по слову Писания: “Как утренняя звезда среди облаков, как луна полная во днях, как солнце, сияющее над храмом Всевышнего, и как радуга, сияющая в величественных облаках, как цвет роз в весенние дни, как

лилии при источниках вод, как ветвь ливана в летние дни” (Сир. 50: 6-8).

Достигнув глубокой старости, — продолжает Дмитрий Ростовский, — святитель отдал долг человеческой природе и, после непродолжительной телесной болезни, добре скончал временное житие. С радостью и псалмопением он перешел в вечную блаженную жизнь, в сопровождении святых Ангелов и встреченный ликами святых. На его погребение собрались епископы Ликийской страны со всем клиром и иноками и бесчисленное множество народа из всех городов. Честное тело святителя с честью было положено в соборной церкви Мирской митрополии в шестой день декабря месяца. От святых мощей угодника Божия совершалось множество чудес. Ибо его мощи источали благовонное и целебное миро, которым помазывались больные и получали исцеление. По этой причине к его гробу притекали люди со всех концов земли, ища исцеления своим болезням и получая его. Ибо тем святым миром исцелялись не только телесные недуги, но и душевные, и были прогоняемы духи лукавые. Ибо святитель не только при своей жизни, но и по своем преставлении вооружался на бесов и побеждал их, как побеждает и ныне».

Где же скончался святитель Николай? Скорее всего, в своей епархиальной столице, в граде Миры, что раскинулся недалеко от моря, в Ликийи, у порта Андриака. Не раз в его Житиях указывается, что дожил он до глубокой старости. Мы уже говорили на эту тему. Возраст его мог достигать восьмидесяти лет. Для тех времен — возраст весьма редкий.

На похоронах был весь окрестный христианский мир. Паства любила своего предстоятеля. Отпели, как полагается. Поместили гроб с мощами святителя в храм, который к тому времени, возможно, был возведен, пусть даже и частично. Без сомнения, после освобождения из тюрьмы в 313 году епископ Мир Ликийских, учитывая благие времена для последователей Христа, принялся за устройство христианского кафедрального храма в городе. За десятилетия его жизни и деятельности в епархии такая церковь там, конечно же, была уже возведена.

Здесь, при храме, его и положили.

Архимандрит Михаил в своем варианте Жития святителя Николая (VIII—IX века) упоминает, что «умашенное благовониями добродетелей тело в построенной им самим

церкви сразу стало источать сладостно пахнущее миро, ограждение от всякой враждебной и вредоносной силы».

Как видим, в первые же часы прихожане храма ощутили присутствие благовонного запаха чудесного миро. Другие чудеса исцеления и прочие необыкновенные события у мощей праведника также происходили, причем постоянно.

Народ быстро признал епископа святым Угодником и Чудотворцем. Говорили, что даже еще при жизни...

Дата кончины святителя Николая, к сожалению, пока неизвестна. Источники впервые заговорили об этом только в конце X столетия. Можно лишь на основании отдельных дошедших до нас документов и анализа исторических событий, запечатленных историками того времени и хронографами, попробовать определить год, когда епископ Мир Ликийских завершил свой земной жизненный путь.

Такие попытки уже не раз предпринимались. И мы постараемся учесть наиболее интересные и важные из них.

Почему мы решили определить год кончины, а не дату полностью? Потому что по традиции считается, что святитель Николай скончался 6 декабря по старому стилю (19 декабря по новому). В этот день христиане всего мира отмечают память о великом Чудотворце. Это повелось с VI столетия. А немецкий исследователь Густав Анрих, на основании древних источников, не подверг данный день сомнению.

Можно ли доказать эту дату научным путем? И да, и нет. Любые аргументы могут быть признаны как основательными, так и слабыми. Но мы возьмем ее за основу, примем априори ее правильность. Другой даты мы не имеем. Она в некоторых случаях поможет нам определить год этого печального события.

Итак, когда же скончался святитель Николай? Попробуем и мы ответить, причем максимально кратко. Приглашаем читателя к участию в историческом расследовании.

Многие столетия в Европе была принята дата — 343 год. Почти никто тогда не занимался опровержением ее или специальными разысканиями. Исследователь-доминиканец о. Джерардо Чоффари считает, что эта дата была указана знаменитым писателем и агиографом Иаковом Ворагинским (1229—1298), монахом-доминиканцем (ставшим

позднее генералом ордена и архиепископом Генуэзским), автором уникального агиографического сборника «Золотая легенда» (*Legenda aurea*).

Эта книга была очень популярна почти 300 лет после написания. Она успешно переписывалась и перепечатывалась на латыни, а также переводилась на основные европейские языки. Считается, что она занимала первое место по популярности после Библии и выдержала во время появления и развития книгопечатания до сотни изданий.

Если мы откроем первый том книги, то в первой же части, почти в самом начале, перед двумя сотнями других житий, заметим, что третья глава носит название «О святом Николае». Именно здесь и указывалась дата кончины святителя — 343 год. Будучи растиражированной, цифра вошла в массовое сознание европейцев как единственно правильная.

Однако тот же самый год привел в своей «Хронике» Сигиберт Гемблаценский еще на рубеже XI—XII столетий. То есть намного раньше Иакова Ворагинского. Причем привел своеобразным способом, предлагая нам ее вычислить.

Цитату Сигиберта о дате кончины святителя привел в XIX столетии архимандрит Антонин (Капустин), ссылаясь на публикацию митрополита Николая Карминия Фалькония начала XVIII века — *Acta Primigenia*. Сигиберт описывал перенесение мощей святителя Николая Мирликийского в Бари. Заканчивал он словами: «и перенесли их со славою в Бар, в 1087 г.». А затем прибавлял важное замечание: «совершено это перенесение в 745-й год от погребения святого Николая».

Простая арифметика: 1087 минус 745, получается — 342. Но Сигиберт написал расплывчато — «в 745 год». Здесь, если учитывать день кончины как 6 декабря, можно предположить и год 343-й. Во всяком случае — это весьма существенное совпадение, имевшее, возможно, один источник.

Еще одну загадку задал Иоанн Архидиакон — современник события перенесения мощей из Мир Ликийских в Бари и автор, это описавший. Во второй главе своего повествования он вдруг отметил, что барийцы отправились в Антиохию и в Миры «спустя двести олимпиад с кончины св. Николая, происшедшей вскоре после Никейского собора»... Возможно, это было лишь риторическое заявление. Но все же... Олимпиады перестали проводить около 393 года. Но как мера времени «олимпиада» осталась в обиходе. Двести олимпиад — это, если без перерывов (одна олимпи-

ада — раз в 4 года), — 800 лет. Считаем: 1087 минус 800, получается 287 лет. Возможно, куда-то у Иоанна потерялись еще 50 лет, и если их добавить, то получится 337 год. И как год кончины святителя Николая он подходит больше: как раз после Никейского собора. Но тогда к 1087 году прошло уже не 200, а 212 олимпиад.

Для уточнения датировок мы начнем с разбора событий, отображенных в более древнем и точном источнике — в «Деянии о стратилатах». Как оказалось — и мы уже об этом говорили — это не просто самый ранний документ в нашей теме, но и самый приближенный к исторической правде. Пройдем по порядку. В первую очередь выясним — когда происходили события, связанные с прибытием военачальников Непотиана, Урса и Герпилиона в Миры и возвратом их в Константинополь.

Для нас важным обстоятельством будет являться факт, что при вторичном возвращении в Миры Ликийские стратилаты не застали святителя Николая в живых (возвращение можно назвать «очередным», так как есть предположения, что в общей сложности стратилаты были в Мирах четыре раза!). Как пишет исследователь А. Ю. Виноградов, переводя с греческого языка текст, опубликованный Густавом Анрихом, в третьей редакции «Деяния о стратилатах» (ВНГ. 1350а), в главе 20 отмечено: «А на следующий год стратилаты, прибыв по обычаю в Ликию, стали искать святого Божьего Николая. И узнав, что он почил и пребывает с Господом, разыскали место, где лежало его честное тело. Прибыв туда, они достаточно со слезами умилиствовали его — они рассказывали, что сподобились и его видения. А также они почтили его, сделав портик до города, отстоящий на одну милю, а слева и справа построив жилища для церковных нищих».

Попробуем «пройтись» по годам — когда это могло произойти.

Это было не ранее 330/331 года. С этого времени существовал сам город Константинополь, который в документе упоминается как столица, а из нее и отплыл флот с римским войском. Святитель Николай встречался со стратилатами лично. Значит, в 331 году он был еще жив.

В 333 году произошел известный голод (аргументы по дате голода см. в посвященной этой теме главке). Святитель помогал жителям Мир Ликийских, снабжал их зерном,

вплоть до посевной кампании начала 334 года. Выходит — он тогда тоже был еще в здравии. Если факт появления войска в Мирах и голод среди местного населения совпадают, то тогда вдвойне понятно — почему ликийцы так воспротивились разграблению их скудных запасов солдатами римской армии. Понятен, возможно, и мятеж во Фригии (не обязательно тайфалов). Голод есть голод...

334—335 годы — на первый взгляд никак для нас не отмечены. Но нет, и тут есть за что зацепиться. В это время Аблабий стал наставником Констанция, сына императора Константина. Отправленный на Восток, он зачастую отсутствовал при дворе. А это значит, что вряд ли события со стратилатами происходили в данный период. Или до него, или после. Однако это означает, что в это время все же могла состояться печальная кончина архипастыря в Ликии. Заметим, что в 335 году произошло серьезное восстание на Кипре, и оно очень напоминает события в «Деянии о стратилатах». Тем более что для подавления бунта порт Андриака был крайне удобным римскому военному флоту (а именно флот как раз и был нужен, чтобы войску попасть на Кипр). Гипотетически можно предположить, что автор «Деяния» поменял кое-что в названиях и датах, использовал информацию о кипрском восстании, но назвал его фригийским, ибо точно не знал или не помнил о произошедшем. И еще один примечательный факт. В 334 году император Константин возвратил Ария из изгнания. Возможно, среди прочего, он решил это сделать и потому, что в это время уже не стало святителя Николая, давшего пощечину еретику на Никейском соборе. Предположение шаткое... Но все же...

Год 336-й отмечен нужными для нас историческими данными. Тогда стратилат Непотиан получил титул консула Римской империи. Но в «Деянии о стратилатах» он не значится как консул. Следовательно, можно делать вывод, что встреча стратилатов с епископом Николаем из этого рассказа происходила до 336 года. Хотя вторая (очередная) поездка военачальников в Миры в этот год вполне могла произойти. А тогда, значит, Николай Чудотворец уже мог почить с миром... Получается, и этот год мы не можем исключить из наших предположений о кончине.

337 год... Он также для нас вроде бы исчезает из вычислений. Тогда в мае скончался император Константин I Великий, а чуть позднее был убит префект претория Аблабий. Однако это не служило препятствием для того, чтобы

святитель Николай явился во сне императору и префекту Аблабию еще при их жизни. Такое явление вполне могло произойти в первой половине этого года, когда император и префект еще здравствовали. И даже не имеет значения — жив ли был тогда святитель Николай, или уже нет. Он явился к ним во сне, а не наяву! Да и военачальники могли посетить с дарами епископа Мирликийского уже после кончины императора. То есть император попросил их это сделать, и они это сделали именно тогда, когда смогли. Вспомним важную фразу из «Деяния о стратилатах»: «А на следующий год стратилаты, прибыв по обычаю в Ликию, стали искать святого Божьего Николая. И узнав, что он почил и пребывает с Господом, разыскали место, где лежало его честное тело». Спросим сами себя: «а на следующий год» после чего? Если после передачи им даров самим императором, то теоретически военачальники могли приехать в Миры вторично и через год после кончины Константина Великого, то есть в начале — середине 338 года.

Такие получаются размышления. Но для их подтверждения надо преодолеть некоторые сомнения.

Первое из них. Можно держаться версии, что стратилат Непотиан никак не мог быть уже консулом, когда приехал с соратниками в Миры навестить святителя. В ответ скажем: это «слабая» версия и не аргумент. На самом деле, нигде не отмечено, что он в момент посещения епископа не мог обладать консульским титулом!

Второе сомнение. Есть вероятность, что Вирий Непотиан был убит в 337 году, как и Аблабий.

Но оба сомнения не мешают нам сделать следующие выводы. Положа руку на сердце, мы скажем, что и в первой половине 337 года генералы могли совершить такой поступок — прибыть в Миры с приношениями, включая редкие дары от императора. При этом самого святителя Николая уже до этого отпели и похоронили.

И если даже в 337—338 годах некоторые главные действующие лица «Деяния о стратилатах» ушли из жизни, то возможно, что святитель все-таки уже действительно скончался до мая 337 года.

Итак, у нас выходит некий диапазон дат, когда мог закончиться мирской путь святителя. И он таков: начало 333-го — май 337 года.

Остается вспомнить день кончины святителя — 6 дека-

бря (по старому стилю). Одним из первых эту дату привел Архимандрит Михаил — в одной из ранних редакций Жития Николая Чудотворца. Учитывать его справедливо предлагает историк А. В. Бугаевский. В этом случае у нас 337 год исключается из объективного перечня предполагаемых дат. Самым поздним из них становится 6 декабря 336 года.

В итоге у нас появились три варианта датирования кончины епископа Николая Мирликийского.

Это 6 декабря 334, 335 или 336 года.

Попробуем сузить или расширить временные рамки? Давайте рассуждать масштабнее.

В некоторых редакциях «Деяния о стратилатах» (например, первой, самой лаконичной, опубликованной на греческом языке Густавом Анрихом в 1913 году) рассказывается, что Непотиан, Урс и Герпилион, отправившись вновь в Миры, застали святителя Николая живым. Вот что мы находим в рукописи (перевод с греческого А. Виноградова), где автор повествует и о ценных подарках от императора Константина для удивившего его епископа: «И дал он им подарки: золотое Евангелие, два золотых подсвечника и еще один золотой сосуд, украшенный драгоценными камнями, чтобы они отнесли их этому святому мужу вместе с его письмом... И вот, взяв их, эти мужи прибыли в Ликийю и, поклонившись ему святителю Николаю, рассказали о случившемся с ними, передали ему императорское письмо и драгоценности, остригли волосы и одарили нищих из своих средств. Порадовался же за них и святой Николай, благословил их и отпустил их с письмами и благословениями. Так вот помолившись и попрощавшись с ним, эти три мужа возвратились с ликованием обратно».

Если это так, то меняет ли данная информация что-либо для нас?

Меняет.

Святитель Николай мог оставаться живым в том же временном диапазоне, который мы указали. Хотя в редакциях «Деяния о стратилатах» есть текст, где трудно определить — был ли жив святитель, когда к нему вернулись благодарные военачальники, или уже скончался: «Они добрались до Мир, мегаполиса Ликии, где они почтили Святого Николая. Они подстригли волосы на голове и сменили одежду. Вместе со слезами они щедро распространяли свои подарки среди бедноты, включая даже одежду, золото и серебро».

«Почтили Святого Николая» — это не значит, что встретились с ним живьем...

Когда в таком случае мог скончаться епископ Мирликийский?

Кое-что может разъяснить нам еще один важный исторический факт: император Константин принял крещение лишь перед самой своей кончиной. Таинство произошло в середине мая 337 года. Почти одновременно он запретил казнь на кресте. А 22 мая Константин Великий уже скончался в Анкироне, пригороде Никомедии. Об этом рассказывали подробно Сократ Схоластик в «Церковной истории» и Евсевий Кесарийский в своем труде «Жизнь Константина».

А что если связать факт крещения императора (чего ждали тысячи христиан — настолько это было важно) и желание автора «Деяния о стратилатах» обосновать полную приверженность Константина учению Христа с привлечением для этого образа святителя Николая? Ведь император не только поверил явившемуся к нему во сне святому, но, расспросив о нем у своих подданных, проникся его святостью. Константин I в «Деянии» совершил очень важные поступки настоящего христианина. Он простил, по настоянию епископа Мирликийского, невинных людей, произнес пред спасенными стратилатами собственную уникальную проповедь о том, что они обязаны ценить и лелеять своего духовного защитника и наставника, и, наконец, выдал им драгоценные подарки, чтобы они их доставили Николаю Чудотворцу в знак почитания и уважения.

А почему он не мог этого сделать в 337 году? Какие обстоятельства этому мешали? Консульство Непотиана, которое он получил в 336 году? Но он мог во время событий, описываемых в «Деянии о стратилатах», быть уже и консулом. Вполне можно сопоставить и даже объединить по времени событие крещения самого императора и чудо с отменной казни стратилатов!

В этом случае святитель Николай оставался в здравии и мог еще прожить какое-то время. Например — до 338 года. Или даже вплоть до 340—350 годов, невзирая на то, что император скончался, а Аблабий и (возможно) Непотиан-сын были уже убиты.

То, что мы не находим в это время упоминаний о нем, также не аргумент против гипотезы о его возможной более продолжительной жизни. А много мы таких упоминаний находим в предыдущие годы? Ничтожно мало! И с большими временными провалами...

Для такого человека, каким был епископ Мир Ликийских, подобная большая протяженность жизни вполне очевидна. Мы считаем, что годом его рождения, скорее всего, является 270-й (см. первую главу книги), а значит, в 340—350 годах, перед кончиной, ему могло исполниться 70—80 лет. Как раз тот самый возраст, который приписывают ему в результате исследований мошей уже в XX столетии... Длинный жизненный путь отмечался в первых житийных повествованиях о святителе. Например, у Симеона Метафраста. Митрополит же Макарий писал: «и во глубоко старость достиг ко Господу отиде».

Тогда и период создания «Деяния о стратилатах» движется в эту временную сторону. Документ был написан современником святителя около 340—350 годов автором, который уже кое-что забыл, немного напутал, но в большинстве своем помнил реальные исторические события. Однако занимая позиции, близкие первоначально к группировке Непотиана и к императору Констанцию II, этот автор вырисовывает портрет своего противника Аблабия весьма негативным. Автор, вероятно, имел отношение к захвату-узурпации императорской власти Непотианом-внуком в 350 году или жил в это время. И мог даже погибнуть в тот же год, после чистки в верхах и восстановления власти. Возможно, он заявлял о том, что пишет или почти закончил текст полного Жития святителя Николая. Но просто не успел этого сделать. Так и появился на свет документ «Praxis de stratelatis», сам по себе существующий, но по сути — лишь фрагмент чего-то большего...

Итак, теперь мы имеем два варианта дат кончины святителя Николая, исходя из того — какие основания для этого избрать.

Первый: 6 декабря 334 года — 6 декабря 336 года.

Второй: до 340—350 годов.

Точнее сказать пока невозможно.

У кого-то есть другие варианты? Положительный и аргументированный ответ не возбраняется!

У исследователей жизни святителя Николая есть немало различных точек зрения, связанных с датой ухода его из жизни. Они интересны, хотя порой требуют комментариев.

Историк А. В. Бугаевский, принимая во внимание день 6 декабря как день кончины епископа Мир Ликийских, производит такой расчет: «Непотриан вступил на должность

консула 1 января 336 г. Выше мы уже упоминали, что если бы Непотиан прибыл в Миры в 336 г. во время своего консульства, то визит столь высокого должностного лица был бы, конечно, особо отмечен в “Деянии о стратилатах”. Указанное обстоятельство позволило нам выше сделать вывод о том, что само “Деяние о стратилатах”, в заключительной главе которого сообщается о посещении стратилатами могилы святителя Николая, было написано до 336 г. Могли ли смерть святителя Николая и визит стратилатов последовать в 335 г.? Мирликийский архиепископ умер 6 декабря. Между 6 декабря 335 г. и 1 января 336 г., днем вступления Непотиана в должность консула, срок меньше месяца, а из “Деяния о стратилатах” известно, что святитель Николай был уже погребен, когда стратилаты прибыли в Ликию. Описанное же в “Деянии о стратилатах” возведение по желанию Непотиана, Урса и Герпилиона портика длиной в полторы мили и домиков для нищих около могилы святителя потребовало бы значительно большего времени, чем месяц. Поскольку ликийский автор писал “Деяние о стратилатах” уже после того, как строительство этих сооружений было завершено, срок в один месяц после смерти святого, отведенный на строительство и создание текста “Деяния о стратилатах”, представляется нереальным. Поэтому можно с достаточной степенью уверенности предположить, что кончина святителя Николая последовала до 335 г.».

Интересные размышления с не менее интересным и важным итогом. Можно было бы с ними согласиться. Но необходимо и возразить по некоторым параметрам.

То, что титул консула должен был быть «особо отмечен» в «Деянии о стратилатах», есть лишь предположение историка А. В. Бугаевского. Хорошее предположение, но... На основании этого вполне ценного, но все-таки ничем не обоснованного тезиса и строится вся лестница вычисления дат, вплоть до 335 года. Убираем нижнюю ступеньку рассуждений — о неупоминании титула консула — и все построение рассыпается. То есть из одного не очень обоснованного предположения выросла целая схема построения дат, «притертых» друг к другу. Значит, она слишком субъективна, и принять ее мы не можем.

Замечания историка о длительном построении в Мирах портиков и иных сооружений, заказанных стратилатами, также не являются существенными для определения дат. Их могли строить и значительно позже, например в 340-е годы.

Тем более что другое предположение историка — о том, что автор писал «Деяние о стратилатах» до 336 года, также требует существенных доказательств. По нашему мнению, он мог вообще написать текст полвека спустя. И ему были важны не титулы или должности героев, а суть происходящего. И, как мы уже говорили, автор мог «подогнать» под свой замысел странный рассказ о походе во Фригию с неизвестно чьим восстанием (мы говорили об аналогичном подавлении восстания готов-тайфалов во Фригии в 399 году, причем подтвержденном документально!), о плавании туда-сюда римского войска по морю, о дважды повторяющейся истории со спасением от казни трех незаслуженно обвиненных людей и даже о первой встрече стратилатов со святителем Николаем.

С датой кончины, предлагаемой А. В. Бугаевским — 6 декабря 334 года, — мы готовы были бы согласиться. Но после более тщательного исследования вопроса приходится признать, что она не является «устойчивой», а скорее всего — лишь одной из нескольких предполагаемых. Как мы уже говорили. Не более...

Итальянский исследователь и один из главных руководителей Николаевского Центра при Базилике Святого Николая в Бари — о. Джерардо Чоффари — составил список предположений по датам кончины Чудотворца, которые он расположил по именам их авторов в исторической последовательности. Мы приведем его в сокращенном виде, без отсылки к датам написания сочинений. Слева — имя автора Жития или исследователя. Справа — предполагаемый им год ухода из жизни Николая Чудотворца.

Вот этот список:

Никифор Барийский — 312.

Архидиакон Иоанн — 325.

Анналы Конунга (исландские королевские летописи) — 333.

Житие Николая Сионского (древнерусское) — 334.

Лекьен — 341.

Сигиберт Гемблаценский — 342.

«Золотая легенда» Иакова Ворегинского — 343.

Анналы Вандома — 345.

Джакомо Филиппо Форести Бергамский — 351.

Годфрид Буссерский — 365.

Итог подвел сам о. Джерардо: «Такая разница во мнениях может побудить нас к потере веры в возможность определения даты смерти святого».

Время покажет.

Однако о. Джерардо делит все даты на две группы. «Первая группа, — классифицирует он, — предположительно с 325 по 334 год, вторая — с 341 по 365 год. Таким образом, проблема может быть сформулирована так: в какой из этих двух периодов времени (325—334 и 341—365) смерть святого Николая более вероятна?»

Сам о. Джерардо Чоффари считал датой кончины Николая Мирликийского 334 год (добавляя фразу о «самой большой вероятности»). Но в одной из более поздних книг — 2018 года — отметил событие 335 годом (возможно, это неточность перевода). Основанием для этих датировок ученый считает тот факт, что Афанасий Великий тогда упоминал многих епископов, боровшихся с лжеучением Ария. Начал он как раз в 335 году. Но святитель Николай им ни разу не упомянут. Вывод исследователя — значит, он уже скончался.

Даже исходя из того, что многие аргументы, связанные с датами из жизни епископа Николая Мирликийского, имеют предположительные основания, это не отменяет возможности спорить, даже приводя такие же, предположительные доводы.

А именно.

Неупоминание Афанасием Великим святителя Николая могло быть связано с приближающейся старческой немощью епископа Мирского, когда он уже перестал активно выступать против Ария. Сам же Арий скончался в 336 году. Предание связывает его и святителя Николая в первую очередь как людей, имевших неприязненные личные контакты. Вспомним пощечину, которую получил Арий на Первом Вселенском соборе. Вероятнее всего, Николай Мирликийский не был особым теоретиком или философом, он не создавал и глобальных трудов против лжеучителя. Их разногласия были связаны с практической жизнью Церкви. А время для личных контактов, вроде тех, что произошли на Никейском соборе, тем более после кончины Ария, — уже прошло.

И еще один, довольно неприметный аргумент. Как известно, Афанасий Великий защищал префекта претория Аблабия, считая его богобоязненным христианином. А святитель Николай уличал его в осуждении невинных страстилатов за деньги. Налицо конфликт интересов. Не по этой ли причине Афанасий мог «исключить» из своих упоминаний имя епископа, который все-таки еще жил в тот момент

отдаленно от императорского двора (где, однако, самого Афанасия принимали с почетом) и не мог влиять на происходящее реальными действиями или поступками?

Вот такие у нас предположительные аргументы против предположительных утверждений... Святитель Николай мог жить даже до 350-х годов. Впрочем, работа исследователей не стоит на месте. Подождем появления новых дополнительных сведений.

В связи же с расчетами даты кончины святителя Николая, которые приводит о. Джерардо Чоффари, можно было бы сказать, что они вроде бы совпадают с нашими. Но это все-таки не совсем так.

Немного путано звучат рассказы о сложных взаимоотношениях между стратилатами и святителем Николаем. О них пишут отдельные авторы, ссылаясь на «некоторые редакции» старых Житий. По их мнению, как мы уже говорили, военачальники виделись с епископом четыре раза. А именно. До подавления восстания во Фригии, приплыв с войском в Миры. Сразу после военных действий, дабы «поблагодарить его за молитвы» (то есть стратилаты вернулись в Миры Ликийские из Фригии, а не отправились сразу в Константинополь). Затем произошла их встреча после того, как император послал воинов с дарами к святителю и «они месяц жили» у него. И, наконец, через год они увиделись еще раз, но уже по собственной инициативе (или же застали святителя уже почившим). Запутанность и явная необъяснимость таких встреч побуждают нас не принимать их во внимание как версии по датировкам. А главное — не включать их в изрядно путанные расчеты даты кончины Чудотворца. Эти странные четыре визита находятся словно вне времени. Расставить их по годам можно лишь силовым методом — просто поставить, да и всё. Без аргументов. Но и это не поможет, и не принесет новые коррективы в расчеты. Можно даже считать, что мы эту версию уже учли.

С кончиной и погребением Николая Чудотворца на Руси был связан цикл уникальных памятников. Среди них «Слово на преставление иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мирликийского чудотворца», с поэтичным началом повествования: «Еще скажу, вам, братия, о том о смерти святаго великаго чудотворца Николы...» Некоторые списки «Слова на преставление» были созданы в XVI столетии.

С текста «Изжив на свете Николае лета богоугодно, честно...» начинается другой памятник-документ — «Слово о смерти святого Николы». Его списки относятся к XV—XVI векам.

Наконец, ученым ныне известно писание «О погребении святого отца Николы», призывающее читателя с первых же строк: «Соберитесь, отцы, просветите церковь, прищецйте священницы!»

Мы видим в этих произведениях множество эмоционально окрашенных переживаний, связанных с кончиной великого духовного подвижника. Даже спустя столетия почитатели святителя Николая вспоминали его блаженную кончину как невосполнимую утрату.

Вспоминают и по сей день...

Глава 6

ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Как известно, в христианской традиции жития создаются тогда, когда духовного подвижника канонизируют как святого. После этого важного для всей Церкви события кроме жития появляется его зримый образ — иконографическое изображение, а также, как правило, специально создается служба ему.

Но так было не всегда. Вернее, так было, когда традиции канонизации святых уже сформировались и определились. Но это не так просто «связать» с именем Николая Чудотворца.

Когда официально был канонизирован святитель Николай? Ответ и здесь будет не простой. Исследователи до сих пор иногда по-разному отвечают на него. Предположительно это произошло в VI столетии, то есть спустя почти два века после его кончины. Было ли в это время сразу же создано его Житие? Несомненно — да! Известно ли оно нам? В настоящее время мы можем сказать, что нам оно почти известно.

Откуда и почему появляется это «почти»? Потому что мы имеем тексты этого Жития в виде более поздних списков. И эти списки или даже пересказы датируются уже X столетием от Рождества Христова.

Что ж, совершим в этой главе более углубленное хождение в различные Жития святителя Николая, задуманное еще в самом начале данной книги. Нам интересно найти наиболее важные из сохранившихся и дошедших до наших дней текстов.

На самом деле их не так уж много. Особенно ранних, близких ко времени, когда жил святитель. Мы погрузимся в чтение данных документов с особым вниманием. И пусть наше хождение-путешествие — будет кратким, но емким.

Главные жизнеописания «добрého кормчего»

*Когда пересказываем жития прославившихся благочестием,
прежде всего, Владыку прославляем в рабах Его.
Святитель Василий Великий, IV в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Боголюбезная жизнь, отображаемая словом, многих может наставить к добродетели и внушить им ревность о том же. Житие божественного отца Николая, как едва ли какое другое, услаждает слух, радует душу и путеводит к добродетели. Нам должно по мере своих сил пересказать его и представить словом (хотя оно известно большинству и знакомо) лишь одного ради, чтобы привести на память и тем усладить души, стремящиеся к добродетели».

Какое из Житий святителя Николая было самым ранним? И здесь ученые не приходят пока к единому мнению.

К первым письменным свидетельствам относят «Деяние о стратилатах» (пока известно пять редакций текста), которое, по предположениям некоторых исследователей, является частью какого-то, видимо, не сохранившегося до наших дней почти полного или в некотором виде оформленного Жития святителя Николая. Создание его иногда даже датируют первыми годами после кончины епископа Мирликийского. Но вот беда — мы не знаем точно — когда он скончался. А следовательно, даже в этом случае датировать «Деяние о стратилатах» мы можем в диапазоне или от 334 до 360 года, или, если учесть, что некоторые события в нем могли произойти и позже (например, восстание во Фригии), то в таком случае датировка двигается в сторону конца IV столетия, а некоторые исследователи относят ее к VI веку.

К первой половине V века относят «Похвальное слово» Патриарха Константинопольского Прокла, хотя не все ученые признают его сочинения подлинными, включая и это обращение к святителю Николаю (часто ссылаясь на позицию Густава Анриха, до сих пор господствующую). Но мы приведем эти примечательные строки:

«Приветствую тебя, Николай, покровительствующий Мире.

Радуйся, Николай, в тебе есть Бог Отец вместе с Сыном и Святым Духом.

Приветствую тебя, Николай, остававшийся в Мире, но бывший в Константинополе.

Приветствую тебя, Николай, не оставляющий близких, освобождающий узников.

Приветствую тебя, Николай, который во сне явился императору и угрожал войною.

Приветствую тебя, Николай, появившийся в видении Аблабию и рассказавший ему о его жизни, смерти и разорении.

Приветствую тебя, Николай, тот, кто побеждает тиранов и злых правителей.

Приветствую тебя, Николай, призываемый всеми и которого все слушаются.

Приветствую тебя, Николай, даже издалека слышащий слезные голоса тех, кто столкнулся с несправедливостью.

Приветствую тебя, Николай, драгоценная реликвия Миры.

Приветствую тебя, Николай, спасающий из тюрьмы, возвращающий благодать к жизни из смертельной ночи.

Приветствую тебя, Николай, пребывающий в невероятной радости».

Надо также вспомнить про тексты о деяниях святителя Николая, найденные в «Трактате о состоянии душ после смерти» константинопольского пресвитера Евстратия. Текст этот относят к VI веку (иногда указывается 583 год), Евстратий описал чудеса, о которых будто бы узнал из Жития епископа. Если он написал про Житие, значит, оно было. Но некоторые исследователи говорят наоборот — Жития не было, а Евстратий назвал так «Деяние о стратилатах», которое он пересказывал. Точного ответа все еще нет. И не будет до тех пор, пока вдруг не обнаружится более полное Житие, на которое ссылался автор трактата.

В начале VIII столетия появилось «Похвальное слово святителю и чудотворцу Николаю», созданное (предположительно) святым Андреем Критским (иногда это сочинение называют «Энкомий», с греческого — «восхваление»).

Подарком исследователям явилось уже более полное Житие святителя Николая, составленное Архимандритом Михаилом в конце VIII или начале IX века. Оно фактически развернуло перед читателем почти полную картину жизни епископа Мирликийского, сходную с той, которой мы сегодня располагаем.

В середине IX столетия Патриарх Мефодий, перво-

святитель Константинопольской Церкви, создал свое «Похвальное слово» Николаю Чудотворцу, а также еще и «Житие к Феодору», сокращенное переложение Похвалы, в 880 или в 890 году переведенное Иоанном Неапольским на латинский язык и положившее (по мнению Густава Анриха) начало почитанию епископа Мирликийского на Западе. То есть при переводе на латынь получилось известное «Слово» Иоанна, Диакона Неаполитанского.

Чуть позднее, к концу IX столетия отметился собственной «Похвалой Святому Николаю» византийский император Лев Мудрый.

А тут наступил X век, когда Симеон Метафраст, что значит — Пересказчик по приказанию византийского императора Константина Порфирородного составил, дописав из старых источников, как ему казалось на тот момент, самое полное Житие святителя Николая. Он исправно выполнил свою работу — собрал все, что можно найти. Так, почти впервые появились смешение Житий двух разных Николаев — Мирликийского и Сионского (см. об этом отдельную главу в данной книге).

Симеон Метафраст совершил некую революцию в мире Житий святителя Николая. Он предопределил популярность «смешанного Жития», которое словно бы приоткрыло панораму новых чудес Николая Мирликийского. Теперь их стало больше, и они стали еще более неожиданными. Повествование обогатилось рассказом о крещении, о родителях будущего святителя, о его паломничествах. Все это могло перекочевать из Жития Николая Сионского (Пинарского). Однако Метафраст был талантливым агиографом, особенным писателем. Его литературный текст быстро стал популярным (сохранилось 24 списка), его почитали авторитетным.

Так «смешанное Житие» вошло в христианский обиход. Но лишь до той поры, пока в 1721 году кардинал Фалькони не обнаружил в библиотеке Ватикана документы, рассказывающие как раз о том самом, другом Николае — епископе Пинарском, архимандрите Сионского монастыря, жившем в VI столетии. «Иное Житие» внесло споры в ряды исследователей. В их числе был русский архимандрит Антонин (Капустин), который занялся этой темой в 1860-е годы и показал российской публике существование двух разных Николаев (здесь автор вновь отправляет читателя в специальную главу данной книги, рассказывающую о двух святителях). Важно знать, что Житие, написанное Метафрастом, даже попало в славянский перевод и в православную службу, где поминают имя Чудотворца.

Тогда же, в X веке, почти параллельно, в процессе собирания житий многих святых в столице Византийской империи, Житие епископа Мир Ликийских также вошло в Синаксарий Константинопольской Церкви.

Германскую преданность святителю Николаю обозначил при своем правлении Оттон II, не без влияния своей супруги Феофанны, которая была гречанкой. При нем епископ Регинольд Айхштеттский (или Эйхштадтский) создал особенное литературное Житие святителя под названием «История святого Николая», датируемое концом X века. Появились в том же столетии и другие, анонимные источники, такие как «Житие вкратце».

В XII столетии возникло Житие-Энкомий от пресвитера Неофита. В Византии, на основе Житий святителя, параллельно появлялись еще и апокрифы, такие как, например, «Хождения Николая». Апокрифом мы называем его потому, что его содержание почти совсем не соответствует другим Житиям Николая Чудотворца. Либо это был сборник народного фольклора, либо, вероятно, житие какого-либо другого человека, переделанное «под Чудотворца». Однако оно имеет свое историческое значение.

Первоначальные греческие источники дополнили в течение столетий различные месяцесловы. Некоторые переводились на латинский язык, или наоборот. Были тексты, изначально написанные по-латыни. Известен даже «сирийский сборник», куда вошли чудеса, которые совершал Николай Чудотворец.

В середине XIII века архиепископ Генуэзский Иаков Ворагинский создал удивительную книгу — «Золотую легенду» (или «Жизнь Святых»). В этом очень популярном труде есть глава, посвященная святителю Николаю. Она разбита на части, каждая из которых является отрывком из Жития Чудотворца. Среди них: дар золота трем девушкам, святой Николай — епископ Мир Ликийских, моряки, спасенные от бури, чудо прибавления пшеницы, дьявол и горящее масло, святой Николай ходатайствует за трех воинов, смерть и погребение Николая, перенесение его мощей в Бари, чудеса святителя Николая — обманутый еврей, еврей и воры, младенец возродился в День святого Николая, чудо с кубками, похищенный мальчик...

Уже позднее, в XVI веке, Житие святителя Николая составил монах Дамаскин Студит. А вслед за ним, в течение столетий, составляли и многие другие, ибо новое время в истории породило новый интерес к личности святителя.

Спасибо Густаву Анриху, о котором мы уже не раз говорили, ведь именно он собрал основные из этих важнейших текстов-источников, прокомментировал их и опубликовал на заре XX столетия на языках оригиналов. С этого момента «николаеведение» приняло совсем другой оборот. Оно окончательно стало предметом последовательного научного спора и собирания аргументированных доказательств.

Хотя и сегодня можно удивляться тому, как перемешана информация о Николае Чудотворце в разных справочных изданиях. Яркий пример — краткая «Британская энциклопедия» (*Encyclopaedia Britannica*), где в краткой же статье о епископе «St. Nicholas» некоторое время назад можно было прочитать следующее: «Родился в 270 году в тогдашнем греческом городе Патара, отправился в Палестину и Египет, прежде чем стал епископом Миры. Заключен в тюрьму во время правления римского императора Диоклетиана, но позже освобожден его преемником Константином. После его смерти в 343 году место его захоронения с церковью в Мире стали святыней. Моряки украли его останки в 1087 году и отвезли их обратно в Бари, где они хранятся».

Если прокомментировать эту справку с точки зрения перемешанной в ней информации, то мы получаем: 1. Патара был не греческим, а ликийским городом, где, правда, проживали и греки. 2. В паломничество мог отправиться другой Николай — Сионский, и это требует здесь пояснения. 3. Освобожден из тюрьмы он был не императором Константином, а после Миланского эдикта. 4. Год кончины — 343-й — непонятен, источник не предоставлен. 5. Моряки из Бари никак не могли забрать с собой мощи святителя назад в Бари, ибо до этого мощей в Бари не было (здесь мог сыграть злую шутку тот факт, что на Западе Николая, епископа Мир Ликийских, называют Николай Барийский, английский вариант — Nicholas of Bari)!

Вот видите, всего лишь один абзац в справочнике — а сколько неувязок и проблем! Правда, в настоящее время в большой «Британской энциклопедии» многое поправлено и расширено (как комментируется — пересмотрено и обновлено), благодаря статье о святом Николае, написанной помощником редактора Мелиссой Петрузелло (Melissa Petruzzello).

Попыткой создать новое Житие святителя Николая стал совместный труд историка А. В. Бугаевского и архимандрита Владимира (Зорина) «Житие святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в новом изложении», свершенный ими уже в начале III тысячелетия. Они пошли по пути удаления «иных житий» из основного потока текста,

дабы оставить только «чистый», относящийся к святому подвижнику материал.

Отметим здесь одну интересную тенденцию. Удивительно, что, даже невзирая на всю сложность переплетения разных сюжетов, путаность между деяниями разных епископов, на добавления или исключения фактов в Житиях святителя Николая, — все равно почитание его в истории христианства только лишь возрастало. По-видимому, не подробности и историческая канва, не утверждение правильности изложения и привязки его к конкретному человеку, а ключевые поступки и деяния самого святителя стали основой для такого массового почитания и поклонения. Представим себе фантастическую ситуацию: вдруг окажется, что найдено новое, оригинальное Житие святителя и что оно вообще на самом деле — другое. Даже не «Иное», не «Сионское», не собранное невесть откуда, вроде вышеупомянутого «апокрифа», а вообще — заново открытое. И такое Житие было бы обнаружено. Изменило ли бы это что-либо в отношении людей к личности епископа Мир Ликийских? Скорее всего — нет. Только укрепило бы.

Вот эта универсальность, всевеличие, любовь «не за что-то», а «потому что», просто так, от сердца, от души — всегда отличали отношение людей к святителю. Жития здесь сыграли важную роль. Но не ключевую. Их разнообразии и различии, их сосуществование в виде частей или фрагментов некоей целой картины — только подтверждают эту мысль. Эта картина все равно существует, несмотря на нехватку или на нескладывание фрагментов...

Надо ли в таком случае докапываться до житийной правды? Конечно, надо. Каким бы ни предстал перед нами святитель Николай в итоге — его готовы будут принять миллионы людей. Ибо он уже априори — Чудотворец, Угодник, Русский Бог, Санта Клаус и Заступник для всех страждущих.

Каким бы ни было его настоящее, земное житие.

Факты и мифы: сколько было святителей?

Святитель — это епископ, удививший Богу и прославленный.
Феофан Затворник, XIX в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Берет его за руку и тотчас спра-

шивает: “Как тебя, дитя, звать?” Святой уважительно и просто отвечает: “Я грешный Николай, владыка, раб твоей святости”. Божественный тот муж, услышав от великого эти смиренные слова, по тому, что его зовут Николаем (ведь имя это предрек божественный глас), и по выказанному им великому смиренномудрию... понял, что он тот самый, на кого указал Бог, тотчас исполнился радости, словно нашел утаенное сокровище».

Все, кто занимался изучением Житий святителя Николая Мирликийского, замечали некоторые несоответствия в их содержании. Одно Житие словно противоречит другому. То ли дополняет его, то ли, наоборот, предлагает другую канву повествования. Самые первые Жития рассказывали одно, а чуть более поздние — другое. Вроде бы и место событий указывается одно и то же — Миры и Ликия. И сан духовных подвижников одинаков — епископ (архиепископ). И имя такое же — Николай. Но что-то не склеивается. А точнее — в некоторых текстах упоминаются события, которые не могли произойти, указываются места, которых не было, и люди, которые не могли бы существовать в первой половине IV века, когда жил Николай Чудотворец.

Часто делают скидку на то, что жития, как жанр, не подразумевают исторической точности. В них могут быть и разночтения, и несуразности с точки зрения здравого смысла. Но в случае со святителем Николаем ситуация несколько иная. В Житиях явно было заметно некоторое наложение разных по времени событий. Деяния одного приписывались другому.

В этом многослойном текстовом пироге пытались разобраться еще столетия назад. И в настоящее время мы можем сказать, что фактически эта проблема решена. Мы можем выделить из многовековых наслоений образ настоящего Жития святителя Николая Мирликийского, не забывая при этом и других его тезок, о которых христиане мира также терпеливо хранят память.

Данная книга как раз и являет собой один из вариантов расстановки всех фактов на нужные места. Мы пытаемся воссоздать здесь облик того святителя Николая, который стал одним из главных почитаемых святых в мире.

Забегая вперед, для большей прозрачности нашего повествования, мы сразу скажем, что в вышеупомянутых сплетениях текстов присутствуют даже не два, не три, а че-

тыре подвижника с именем Николай. И важно понять — кто есть кто.

Кто они, эти выдающиеся христиане и почти современники?

1. Святитель Николай Мирликийский Чудотворец — главный почитаемый святой, епископ (архиепископ), живший на рубеже III—IV веков, частично при императоре Константине I Великом. О нем наша книга. Мощи его хранятся ныне в Бари и в Венеции.

2. Епископ (вероятно, епископ) Николай Патарский — предполагаемый епископ города Патара, дядя и современник святителя Николая Мирликийского Чудотворца, вероятно, проживавший также на рубеже III—IV столетий, но по возрасту много старше племянника. Возможно, его на самом деле не было. Мощи его (если они существовали) под спудом — нахождение утеряно.

3. Епископ (или архиепископ, или архимандрит) Николай Сионский (Пинарский) — обитавший в монастыре Сион поблизости от Мир Ликийских, потому и получивший имя Сионский. Жил в VI веке при императоре Юстиниане. Мощи его под спудом, возможно, частично находятся в Венеции.

4. Епископ (вероятно, епископ) Николай — живший в Ликийи также в VI столетии, дядя и современник епископа Николая Сионского. Мощи его частично хранятся в Венеции (о. Лидо).

Из указанных четырех имен мы выделим два наиболее для нас важных: Николай Мирликийский Чудотворец и Николай Сионский.

Надо сказать, что появлялись в истории Мир Ликийских еще и другие Николаи. Но их имена не сыграли существенной роли в той дальнейшей путанице текстов, о которой мы говорим.

Когда первые Жития святителя Николая стали быстро появляться, было создано «Деяние о стратилатах», которое могло быть частью одного из них. Но созданные на скорую руку житийные тексты в полноте до нас не дошли. А вот когда появились первые по-настоящему полные Жития епископа Мир Ликийских, то прошло уже несколько столетий. Подробности забылись. В памяти авторов остался важный святой — Николай. Его уже почитали, складывали ему службы, писали иконы. Уже давно из всех Николаев «сло-

жился» один, который объединил собой всех. Хотя на Западе замечали, что у этого «одного» святителя Николая существуют явно не похожие друг на друга жития.

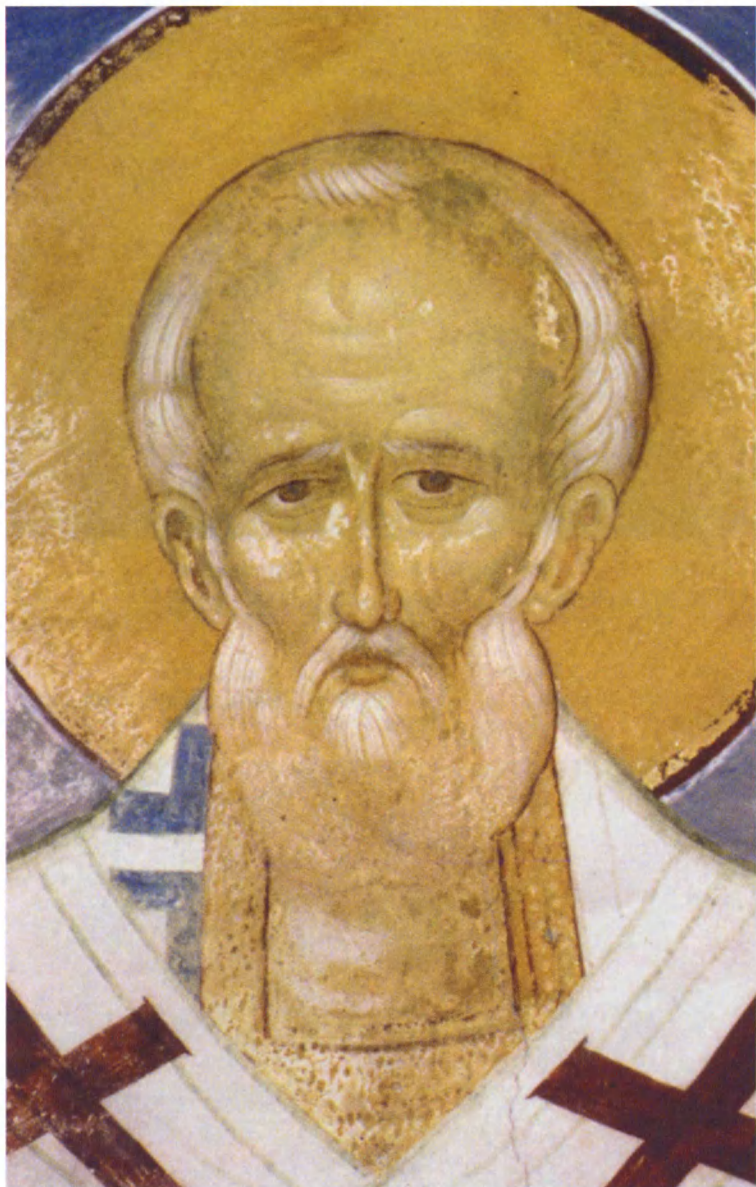
Такую несуразность можно было бы и не заметить. Но кропотливые и педантичные ученые зацепились за острый край проблемы. Возникла необходимость выявить настоящую правду из всех текстов. То есть — написать реальные жития хотя бы двух самых главных почитаемых святителей — нашего Николая Мирликийского Чудотворца (IV век) и Николая Сионского (VI век).

В России первым заметил проблему работавший над житиями святых, в частности над трудами святителя Дмитрия Ростовского, — архимандрит Антонин (Капустин), выдающийся церковный историк, византолог, начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Произошло это в XIX столетии. Проложные жития митрополита Макария XVI века и жития Дмитрия Ростовского, связанные с именем Николая Чудотворца, — не совпадали по фактам, что вызывало недоумение.

Архимандрит стал скрупулезно отмечать несоответствия. Некоторые из них теперь можно было бы опровергнуть. Но все-таки мы их приведем. «Кто читал со вниманием житие святителя Николая, — пишет архимандрит Антонин, — положенное в нашей Четьи-Минее, от того не может укрыться одна встречающаяся в нем историческая несообразность. Говорится там, что великий угодник Божий, бывши еще пресвитером, отправлялся в Палестину на поклонение св. местам, восходил на Голгофу и вошел раз в святую церковь (конечно, Воскресения) вратами, которые отверзлись ему самому... Но святые места Иерусалима приведены во всеобщую известность уже при самом христолюбивейшем императоре, и славная церковь Воскресения освящена только 13 сентября 335 года, т. е. 30 лет спустя после Диоклетианова и Максимианова правления».

Только один этот факт уже показывал какое-то несоответствие. И многие активно приводят невозможность такого паломничества как аргумент. Но какой же это аргумент? Ведь по времени жизни святитель Николай все же мог совершить такое паломничество, особенно в 330-е годы, когда храм Воскресения мог быть уже почти закончен или даже построен и освящен! И отрицать это так же странно, как и утверждать обратное.

Нам интересно то, что архимандрит Антонин воспользовался заключениями, как он писал, «Николая Карминия

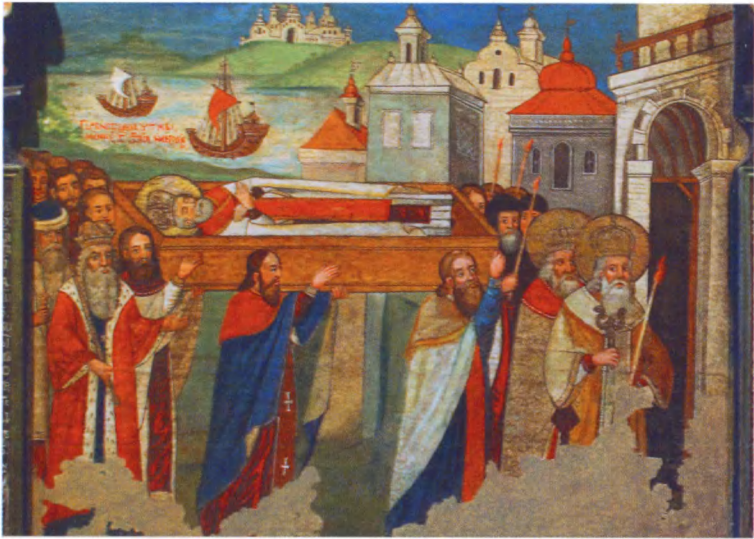
Святитель Николай. Фреска собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. 1502 г. Дионисий и его школа

Мадонна с Младенцем и святыми Иоанном Богословом и Николаем Барийским. С картины Чима да Конельяно. 1513—1518 гг. Лондон, Национальная галерея

Рисунок-план города Бари в 1087 году, когда он находился под властью норманнов во главе с Рожером I Боссо, в период переноса мощей святителя Николая

**Перенесение мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари.
Фрагмент иконы XVII в. Исторический музей, г. Санок, Польша**

**Гробница с мощами святителя Николая
в Базилике Святого Николая в Бари (Италия)**

Базилика Святого
Николая в Бари,
где хранятся
святые останки
Чудотворца

Деревянный
саркофаг,
где первоначально
хранились мощи
святителя;
ныне выставлен
под стеклом
в приделе
Базилики в Бари
со скульптурой
Николая Угодника

Уникальная
коллекция
стеклянных
флаконов,
созданных
итальянскими
мастерами,
в которых
паломники хранили
миро (манну)
из гробницы
святителя Николая.
*Музей Базилики
Святого Николая
в Бари*

Фрагмент картины, изображающей отплытие венецианского дожа на флагманской галере («Бучинторо») от церкви Святого Николая на острове Лидо в Венеции после церемонии «венчания с морем» и богослужения в храме. Художник Франческо Гварди.

Из цикла «Празднества дождей». 1766—1775 гг. Лувр, Париж

Гробница с мощами святителя Николая в Базилике его имени на острове Лидо в Венеции

Камень, найденный в гробнице святителя Николая, вывезенной из Мир Ликийских венецианцами в 1099—1100 годах, с греческой надписью, подтверждающей, что это его мощи

Базилика Святого Николая в Римини, *Италия*

Гробница, где хранятся мощи (плечевая кость) святителя Николая
в храме его имени в Римини. *Италия*

«Положиша и кость
руки его от мошей
его». *Фрагмент
миниатюры
из русской книги
XVII в. «Житие
святителя Николая,
чудотворца
Мирикийского»,
где нарисована
«кость руки»
Чудотворца из Бази-
лики в городе Бари.
Государственный
исторический музей,
Москва*

Епископ Гульто перевозит часть мошей (реликварий с рукой)
святителя Николая из Бари в Римини. *Фреска XX в. работы о. Джоаккино
Мария Ваккарини. Из часовни Преображения Господня прихода Святой
Невинности (Santa Innocenza). Монтеауро (Римини), Италия*

Святой Николай
с Житием.
Фрагмент иконы
конца XII в.
из монастыря Святой
Екатерины на Синае

Петр де Наталибус
(Petrus de Natalibus).
Сборник житий
святых. Фрагмент
страницы с началом
главы о святителе
Николае и рассказом
о пощечине Арию.
Издание 1514 г.

Буквица
с изображением
святителя Николая
и его Житием.
Одна из книг,
которую создал
о нем средневековый
поэт Вас. XII в.

Святитель Николай
Чудотворец.
Икона.
Северный Афон,
монастырь Хиландар

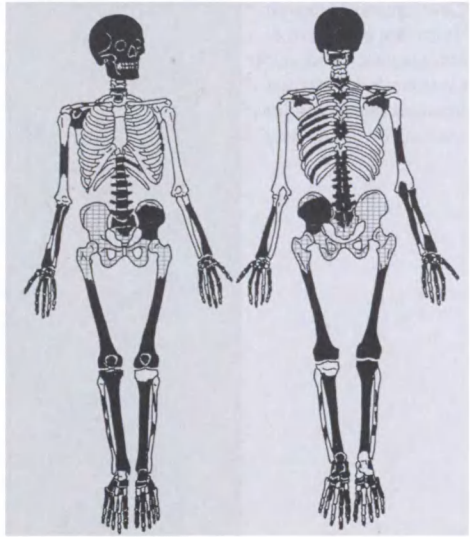

Явление иконы
святителя
Николая Чудотворца
великому князю
Дмитрию Донскому
на месте, называемом
Угреша, во время
похода на Мамаю.
Фрагмент иконы
XVIII в.

Мощи святителя Николая Мирликийского, которые обнаружили исследователи, когда в 1950-х годах вскрыли саркофаг в Базилике города Бари

Мощи Святителя Николая в Бари и Венеции. По результатам вскрытия и изучения останков проф. Л. Мартино. Черным отмечены кости, находящиеся в Бари; белым в клетку — в Венеции. Отсутствует левая плечевая кость, которая, вероятно, находится в городе Римини

Профессор Луиджи Мартино (с права) изучает мощи святителя Николая. *Фрагмент фото 1953 г. Центр Святого Николая, Бари (Италия)*

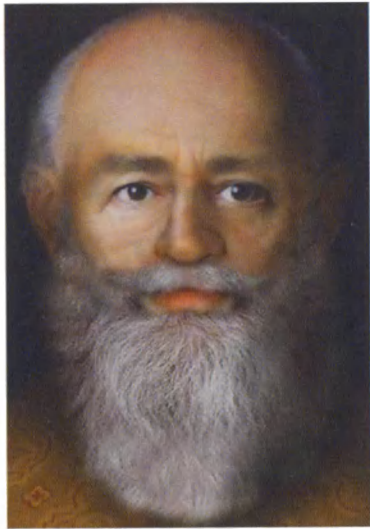
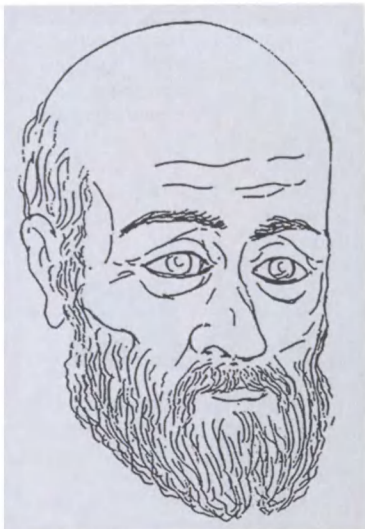

Рисунок лица святителя Николая, созданный проф. Л. Мартино по итогам его исследования мощей. Так мог выглядеть Чудотворец из Мир Ликийских

Реконструкция облика святителя Николая, сделанная проф. Кэролайн Вилкинсон, Ливерпульский университет, Великобритания

Никола Липный с избранными святыми. Новгородская икона 1294 г. из церкви Николая на Липне, работа мастера Алексы Петрова. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

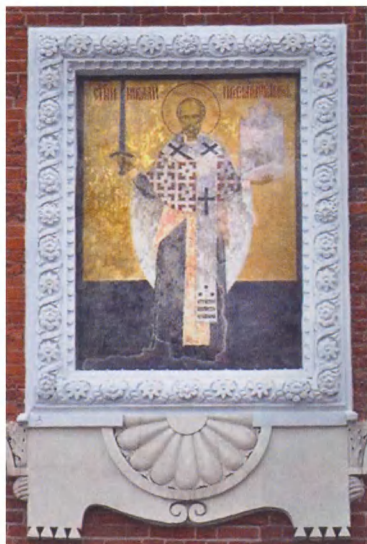

И. Я. Билибин.
Илья Пророк
и Николай
Чудотворец.
Иллюстрация
к сказке. 1932 г.

Проект Русского
подворья в Бари
работы
А. В. Щусева.
Из книги
А. А. Дмитриевского
«Святая Русь
и Италия
у мироточивой
гробницы
святителя Николая
Мирликйского
в Бар-граде». 1915 г.

Святитель Никола Можайский.
Изображение на Никольской
башне Московского Кремля

Святой Николай и Святая царица
Александра. Настольная икона
мастерской Д. Л. Смирнова. 1912 г.
Была преподнесена императору
Николаю Александровичу 29 мая
1912 г. и хранилась в его личных
покоях. Александровский дворец
в Царском Селе

Икона Феодоровской
Богоматери
над Московским Кремлем
со святыми Николаем
Чудотворцем,
царицей Александрой,
митрополитом Алексием
и Михаилом Маленином.
Иконописец
В. П. Гурьянов. 1913 г.
Государственный музей
истории религии

Так изображали
раздающего
праздничные подарки
святителя Николая
(Санта Клауса)
в России до 1917 года.
*С Рождественской
открытки конца XIX в.*

Деревянная
скульптура святого
Николая Можайского
из села Покча.
*XVII в. Пермская
художественная
галерея*

Святитель Николай.
По преданию,
в Троице-Сергиевой
лавре эта икона была
келейным образом
преподобного
Сергия Радонежского.
XIV в.

Святитель Николай
Чудотворец. Деревянная
скульптура из Никольского
храма города Можайска.
Конец XIV в. Резьба,
темпера. Государственная
Третьяковская галерея

Святитель Николай Чудотворец. Предположительно, древнейшее из известных ныне изображений епископа Мир Ликийских. *Фрагмент створки складной иконы-триптиха VI в. из монастыря Святой Екатерины на Синае. Египет*

Фалькония, митрополита церкви св. Северины в королевстве (бывшем) неаполитанском и монаха базилианского», того самого архиепископа, который в XVIII столетии сделал важные выводы после опубликования Ватиканом Жития Николая Сионского, найденного в тамошней библиотеке. Фалькони увидел в тексте, что события VI века проецировались на IV век.

Более того, Фалькони стал утверждать, что все написанное до этого о Николае Мирликийском было лишь легендой. Он был убежден, что факты жизни Николая Сионского (Пинарского) были использованы или даже подделаны под жизнь Николая Чудотворца, потому что о том было ничего не известно. Ему резко возразил его современник, каноник из Бари Никола Путиньяни — издатель и редактор житий Николая, заявивший, что все как раз наоборот — выдуман Николай Пинарский, а все деяния совершал Николай Мирликийский. Спор и недоумения стали еще более сложными.

Российский архимандрит Антонин, опираясь на труд церковного иерарха Фалькони, любезно предоставленный ему друзьями из Ватикана, сделал главный вывод, повлиявший затем на все отечественное николаеведение. Он понял, что почитаемых святителей в Ликийи было как минимум — двое. «Можно дивиться, — пишет он, — каким образом, два лица, оба знаменитые, слились в представлении народном, а затем и в памяти церковной, в один досточтимый и святоублажаемый образ, но отрицать факта нельзя». И архимандрит утверждает: «Итак, два было святителя Николая ликийских, один Мирский, другой — Пинарский, или, по его великому значению в управляемой им обители, Сионский. Согласиться на это сколько с одной стороны необходимо, столько же, с другой, не противно нашему чувству глубокой приверженности и прибежности к великому чудотворцу мирликийскому. Мы ничего не теряем чрез это, а напротив приобретаем нового заступника себе и великого молитвенника...»

Архимандрит Антонин делал публикации на эту тему несколько раз. В одной из них он привел найденный к тому времени «Синайский список» XI—XII столетий, по которому стало окончательно ясно — святых из Ликийи с именем Николай было двое!

Даже совпадение некоторых празднований их кончины было тогда же, в XIX столетии отмечено в труде архиепископа Сергия (Спасского) «Полный месяцеслов Востока»,

где он замечает, что «в месящеслове греческого Апостола XI—XII века, в Нанианской библиотеке, есть 6 декабря память другого святителя Николая при Юстиниане Великом. Смешение двух святителей более чем вероятно». Тут следует уточнить, что даты кончины на самом деле не совпадают (хотя почти совпали, «подсказав» агиографам возможность отождествить двух подвижников). Николай Мирликийский ушел из жизни 6 декабря, а Николай Сионский — 9 декабря (или 10 декабря).

Спорили вокруг нового утверждения архимандрита Антонина много. Выдающийся знаток памятников древнерусской письменности, наместник Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Леонид (Кавелин) начал полемику с ним, объясняя разночтения в житиях тем, что у авторов и переписчиков были различные источники: у одних — греческие, а у других — латинские.

Однако выдающийся немецкий ученый, публикатор древних Житий святителя Николая — Густав Анрих, уже с оригиналами текстов на греческом и латинском языках, в своей книге (вышла в 1913—1917 годах) убедительно показал наличие двух Николаев и смешения житийных текстов о них.

Если мы называем сегодня четырех Николаев, связанных с теми временами, то на заре XX столетия выдвигался тезис, что был еще один — по нашему ни к чему не обязывающему расчету — пятый! В 1922 году, в уже советской Одессе, исследователь П. О. Потапов выпустил книгу «К литературной истории рукописных сказаний о святом Николае Чудотворце», где утверждал, что очередной вариант жития «другого» святого был создан на славянской почве. По его мнению — это «третий» (у нас уже «пятый») Николай.

По этому поводу можно сказать, что «неудобные» источники, «иные жития», показывающие «другого Николая», в сокровищнице древнерусской литературы, конечно же, были. Но они восходили все-таки к двум уже известным житиям святых. Ни «третьего», ни «пятого» Николая создать так и не получилось...

Однако спор не утихал. Потапова поддержал известный исследователь Б. А. Успенский. Против него выступила автор многих важных публикаций о святителе Николае и традициях его почитания М. С. Крутова. Исследователь А. Ю. Виноградов обнаружил в Государственном историческом музее рукопись Жития святителя Николая Мирликийского, похожую на текст Архимандрита Михаила, но со вставками из Жития Николая Сионского.

И вдруг все-таки стал проявляться некий образ «пятого» Николая, представляющего собой паломника, странника по Земле, о котором рассказывали древнерусские тексты. И Запад задумался об этом Николе Паломнике (Nicolai Peregrini), спешащем на помощь людям. Не стал ли этот «пятый», абстрактный Николай прообразом Санта Клауса и одним из виновников его появления?

Выдающийся ученый С. С. Аверинцев писал: «Время жизни Николая предание относит к 1-й половине 4 в., самое раннее житие о нем на полтысячелетия моложе; таким образом, Николай с самого начала вступает в литературу как персонаж далеких времён, в котором типические черты христианской святости (и специально — идеального священника как “ревнителя” о вере и “печальника” о людях) полностью заслонили всё индивидуальное».

Со временем появилась еще одна проблема. Как отделить одни тексты житий от других и как доказать правильность отделения? И вообще, надо ли это делать?

Вот яркий пример совмещения двух житий, рассказывающих о двух разных подвижниках. Из Дмитрия Ростовского: «Сам же он (Николай. — К. К.-С.) пришел в обитель, основанную его дядею, Патарским епископом, и названную святым Сионом, и здесь для всей братии оказался желанным гостем. Приняв его с великою любовью, как Ангела Божия, они наслаждались его богодухновенною речью, и, подражая добрым нравам, коими украсил Бог Своего верного раба, назидались равноангельным его житием. Найдя в этом монастыре безмолвное житие и тихое пристанище для богомыслия, святой Николай надеялся и остальное время своей жизни провести здесь несходно. Но Бог указывал ему иной путь...» Здесь упомянут епископ Патарский, как дядя святителя Николая. Но он жил (если жил) в III—IV веке. А Сионский монастырь существовал в VI столетии. Значит, не только дядя, но и сам Николай, епископ Мирликийский, быть и жить в нем никак не мог.

Труд по «изъятию» посторонних текстов из главного попытались осуществить историки А. В. Бугаевский и архимандрит Владимир (Зорин), выпустив «Новое житие» в 2001 году. Сведения о разных святителях они разделили, опираясь не только на источники, но и на гипотезы. Однако если следовать научной логике, то каждый раз, когда ученые будут делать новые открытия в сфере житий (жизни) святителя Николая Чудотворца (а их уже немало сле-

лано за последние годы, особенно в сфере новых гипотез), придется вновь менять и его «главное» Житие.

Вот почему автор данной книги избрал иной подход к повествованию и жизнеописанию святителя Николая Мирликийского: не спешить делать окончательные выводы, дать все возможные варианты реконструкции происшедшего, а также определить — какие события и деяния могли бы иметь отношение к тому или иному святителю.

В результате автору пришлось составить своеобразную таблицу-шпаргалку, с помощью которой, без лишних словес, читателю можно будет легко понять — насколько правдива, аргументирована или верна приводимая информация по отношению к Николаю Чудотворцу, или она пока еще не понятна даже ученым.

В таблицу помещены сведения о двух святителях: Николае Мирликийском Чудотворце и Николае Сионском (Пинарском). Некоторые события могли иметь отношение только к одному из них. Иные события могли произойти с ними обоими (что мы не можем отрицать или попросту отбросить). И мы не отвергаем эти факты, а особо отмечаем их, чтобы не сужать пространство исторической справедливости и правды.

Еще раз напомним, что жили они с разницей в два столетия. Первый — в IV, а второй — в VI веке.

Вот эта таблица.

Событие из жизни святителя Николая Мирликийского (деяние, чудо)	Имеет историческое обоснование	Нужно подтвердить исторически	Связано с Николаем Мирликийским Чудотворцем (III—IV вв.)	Связано с Николаем Сионским (VI в.)	Могло быть с обоими
Родился в городе Патара (Ликия) в III в.	+		+		+
Родителей звали Феофан и Нонна		+		+	+
Младенцем при крещении стоял два часа в купели		+		+	+
У него был дядя — епископ Николай		+		+	+

Был рукоположен в пресвитеры дядей в Патарах		+			+
Отдал деньги отцу девушек для приданого	+		+		
Был избран епископом в городе Миры (Ликия)	+		+		
Был архиепископом Пинарским		+		+	
Совершил путешествие на Святую Землю		+		+	+
Жил в монастыре Святого Сиона	+			+	
Сидел в тюрьме при гонениях Диоклетиана		+	+		
Участвовал в Никейском соборе 325 г.	+		+		
Спас от голода город Миры, доставив зерно	+		+		
Разрушил (упразднил) храм Артемиды Элевтеры в Мирах		+	+	+	
Спас от казни трех граждан Миры	+		+		
Спас трех стратилатов от смертной казни	+		+		
Спасал моряков во время шторма	+		+	+	
Спас трех отроков, убитых хозяином гостиницы		+	+		
Спас ликийцев от высоких налогов	+		+		

Спас паломников, плывущих в его святилище (чудо посмертное)		+	+		
Был похоронен в Мирах или рядом	+		+	+	
Мощи хранились на территории современной Турции или, вероятно, еще хранятся (частично)	+		+	+	
Мощи хранятся в Бари (Италия)	+		+		
Мощи хранятся в Венеции и др.	+		+		+

На основании разночтений иногда даже высказывались мнения, будто святитель Николай Мирликийский, живший в IV веке, вообще не существовал. В одной из западных книг, выпущенной в 1959 году (Dom Prosper Guéranger, *L'anno liturgico. — I. Avvento — Natale — Quaresima — Passione*, trad. it. P. Graziani), в разделе от 6 декабря «Святой Николай, Исповедник и епископ Мирский», утверждается: «Слава святителя Николая, который считался великим среди греков уже в шестом веке, возрастала на Востоке и на Западе. Самое древнее его Житие названо *Praxis de Stratelatis*, но мы не узнаем из него о жизненных подробностях, с ним связанных, а самые последние годы его жизни вообще не заслуживают доверия. Кроме этого, большая часть жизни другого Николая, называемого Сионским, который в 6 веке основал обитель Сиона недалеко от Миры и стал епископом Пинары в Ликии, была приписана святителю Николаю Мирликийскому. И поэтому мы ничего не знаем о Тауматурге (с греческого — Чудотворце. — К. К.-С.). Его культ появился на Западе с 11-го века и вырос, особенно после перенесения его мощей в Бари, в 1087 году».

Что же касается Николая Сионского (или Пинарского), то это был действительно очень уважаемый и замечательный, святой человек. Как мы уже говорили, он жил в VI веке в Ликии. Год рождения не известен. У нас до сих пор о нем знают очень мало, скорее всего, даже ничего. Он совершил ряд добрых деяний и чудес, о которых рассказывается в его Житии. Главное, что он почитал своего предшествен-

ника — святителя Николая Мирликийского и преклонялся перед ним. Он участвовал в появившемся тогда празднике Росалии (розалии, русалии), связанном с именем святителя Николая.

Скорее всего, он не был епископом города Миры, а занимал другую архиепископскую кафедру в Ликии, возможно — Пинарскую. Но он был настоятелем (архимандритом) Сионского монастыря, который существовал в нескольких километрах от Мир Ликийских.

У него был дядя (как упоминается в Житии) по отцовской линии, а также родители — Феофан и Нонна. Этот факт, возможно, был перенесен и в Житие святителя Николая Чудотворца. Но не могло ли быть наоборот? Некоторые исследователи (например, L. G. Paludet в книге «*Ricognizione delle Reliquie di S. Nicolo*», вышедшей в Vicenza в 1994 году) считают, что Николай-дядя существовал только по отношению к племяннику Николаю Пинарскому. Во время захвата венецианцами в Мирах мошей они как раз и украли тело этого «дяди», которое было похоронено в храме Венеции на острове Лидо, рядом с мощами святителя Николая Мирликийского. Более того, в Венецию могли попасть частично и мощи самого Николая Пинарского. Не случайно о Джерардо Чоффари пишет об авторах истории о перенесении мошей — Никифоре и Архидиаконе Иоанне, которые подтвердили, что «моряки из Бари похитили тело S. Nicola Magno (Святого Николая Великого. — К. К.-С.) из церкви монастыря за городом Мира», напоминая, что, скорее всего, то была Сионская обитель.

По Житию известно, что однажды, еще будучи молодым, возвращаясь в Пинару из Миры, Николай Сионский заехал к дяде — епископу Николаю, и тот предсказал ему, что в будущем он будет управлять монастырем Святого Сиона. Именно так и произошло. Дядя оказался не простым человеком. Племянник стал настоятелем обители, а потом еще — епископом Пинарской епархии.

Уже будучи стариком, Николай Сионский отправился в Миры на праздник, где заболел. По возвращении в обитель он скончался 9 или 10 декабря 564 года. Похоронен был в церкви Сионского монастыря, где уже был погребен его дядя. Жития его стали появляться на свет почти сразу же после кончины.

Такова была жизнь «другого» или, как писали древнерусские авторы, — «инога» святителя Николая, так или

иначе связанная с ликийским городом Миры. Прояснения в житиях делаются каждый год. Новые данные разыскиваются профессионалами.

И хотя мы знаем, что существовало два или даже пять одноименных подвижников, которые как-то связаны между собой, всё же был и есть один из них — святитель Николай Чудотворец, слава которого — что ни говори — бесспорна.

Наука стремится к упорядочению и полному пониманию — кто, что, где и когда. Однако всё еще остаются актуальными (в отношении разных святителей с именем Николай) слова немецкого ученого, публикатора древних Житий Николая Угодника — Густава Анриха, который, видимо, не без печали заявлял еще в начале XX века: «В источниках пока мы видим беспросветную тьму...»

Конечно же, это нынче не совсем так. Но, надеемся, что будущее покажет нам долгожданный и заметный просвет.

Жития и жизнеописания в России

Николай Чудотворец, по русскому сказанию о нем, перед кончиной молится за тех, кто «напишет слово жития» его.

В. О. Ключевский

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Насколько мы знаем о твоих деяниях, я без колебаний могу назвать тебя славным мучеником, венчаным бескровным венцом, ибо единственно с помощью молитвы оборол силу нечестия, и, благовоззванный из изгнания, вернулся к христианам блистательным победителем, и вторично восприял прежнюю честь во Господе нашем Иисусе Христе...»

Особое отношение к святителю Николаю на Руси породило много текстов, связанных с его житием. Некоторые были заимствованы, переводились с греческих оригиналов. Другие явились необычными по содержанию, третьи — компилятивными. В послепетровскую эпоху появились не только Жития, но и авторские жизнеописания епископа Мир Ликийских. Авторы спешили поделиться своими находками и результатами изучения не только Житий, но

и иных документальных источников, а также памятников иконографии и архитектуры.

В XIX—XXI столетиях появилась целая библиотека книг, брошюр и статей о святителе. Они заполнили прилавки книжных магазинов. Создавалось впечатление, что все уже написано, исследовано. Но это не так. Многие вопросы еще следует снять или найти ответы на них.

Среди сонма литературы о святителе Николае можно выявить ряд полезных и вдумчивых книг, которые мы и выделим среди общей массы изданий.

Начнем по порядку и постараемся быть краткими.

Киевская Русь уже ко второй половине XI века знала тексты Житий святителя Николая. Быстро вошло в обиход «Слово на перенесение честных мощей святого Николая из Мир Ликийских в город Бар» (внутри самого текста есть дата — 1095 год). Сразу стало популярным Житие, только что написанное Симеоном Метафрастом, а значит — смешанное Житие двух святителей — епископа Мирликийского и епископа Пинарского (Николая Сионского). Более того, Русь приняла как естественное — «Житие Николая Сионского», даже не разбираясь — к кому оно имеет отношение. Этот текст передавался из поколения в поколение и тем самым — сохранился в России, будучи почти совсем забыт на Западе. Позднее ученые назовут его так: «Иное Житие».

Бытовали также на заре принятия христианства на Руси два «Похвальных слова святому Николаю», а также «Служба», связанная с перенесением мощей святителя в Бари. Распространялись тексты «Посмертных чудес», такие истории были даже популярнее, нежели Жития. В русский вариант было включено 8—15 главных чудес. При переводе греческого Жития Николая Мирликийского (XI век) сам греческий свод сказаний о посмертных чудесах святителя дополнили тексты сказаний о чудесах, созданные, возможно, на Руси (например, «Сказание о чуде Николая Мирликийского об утопшем детище»). На сегодняшний день этот вопрос (о чудесах, имеющих русское происхождение) все еще не до конца изучен.

Таким образом, Русь «держала руку на пульсе», обладая главными источниками по изложению жизни и деяний святителя Николая. И даже больше, если иметь в виду «Иное Житие».

Напомним, что часть памятников о святителе пришла

из Византии. Это «Иное Житие», текст Метафраста, Повесть о погребении, Похвальное слово Андрея Критского, некоторые Проложные Жития, описания чудес. Другая часть текстов появилась на Руси от южных славян, например, так называемые «сербские чудеса» или «Похвальное слово» Климента Охридского. Но существовали еще и те, которые в разные времена создавались самостоятельно — русскими книжниками и агиографами. Пример: «Похвальное слово» Андрея Пресвитера, так называемые «русские чудеса» или «компилятивное житие». Списков-копий таких произведений бытовало много.

Для систематизации исследователи определили основные Жития святителя Николая, существовавшие в обиходе на Руси, под следующими названиями (по О. В. Творогову).

1. От Симеона Метафраста: «Житие и жизнь и от части чудес сказание преподобного отца нашего чудотворца Николы, архиепископа Мир Ликийских».

2. «Иное Житие». Перевод с греческого «Жития Николая Пинарского (Сионского)»: «Житие и деяние иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского чудотворца и заступника роду христианского».

3. Вариант «Иного Жития»: «Житие и чудеса святого отца Николы, архиепископа Мирского града».

4. «Некнижное Житие (редакция)» от В. О. Ключевского: «Житие и жизнь и от части чудес и о преставлении и о погребении иже во святых отца нашего Николы, великаго архиерея Мирликийского чудотворца изложено вкратце».

5. Проложные Жития (краткие): «Память преподобного отца нашего Николы, архиепископа Мюрьския Лукия».

6. Тексты о кончине и погребении: «Слово на преставление иже во святых отца нашего Николы, архиепископа Мирликийского чудотворца», или «Слово о смерти святого Николы».

7. К этому следует добавить множество служб святителю Николаю, похвальные слова, духовные стихи, предания, сказания и легенды.

Когда пришло время науке взяться за изучение вопроса, а это уже был XIX век, то в журнале «Москвитянин» за 1845 год появилась не очень объемная статья историка, богослова и археографа, ректора Московской духовной академии А. В. Горского. Он первым попытался создать классификацию древнерусских Житий Николая Чудотворца. Именно

он тогда заговорил о «русских чудесах» и о том, что некоторые тексты на Руси были созданы еще до 1087 года, когда произошло перенесение мощей святителя Николая из Мир в Бари.

Тогда же, в XIX столетии стали отделять одно направление Житий от другого. Первое было основано на труде Симеона Метафраста (смешанное Житие, включающее в себя Жития двух святителей, о чем мы уже рассказали ранее). В основе второго направления лежало так называемое «Иное Житие» — вообще странное и не имеющее прямого отношения к святителю, жившему в IV веке. Современный исследователь М. С. Крутова пишет: «Житие первого типа имеет в русской рукописной традиции название: “Месяца декабря в 6 день. Житие и жизнь и отчасти чудесем сказание иже во святых отца нашего Николы, архиепископа Мирскаго Чудотворца”. По мнению многих исследователей, оно было написано в X веке известным византийским агиографом Симеоном Метафрастом на основе многих древних латинских и греческих источников... Второй тип жития святителя Николая... озаглавлен: “Месяца декабря в 6 день. Житие и чудеса Святителя и Чудотворца Николы иже в Мирех”... По мнению архимандрита Антонина (Капустина), в списках этого типа жития рассказывается о другом святителе Николае, который также подвизался в Мирах Ликийских, но в VI в.».

Действительно, самое известное на Руси Житие святителя Николая было... «иным»! Оно получило на русской почве собственное название: «Житие и деяния святого отца нашего Николы, архиепископа Мирского, заступника рода христианского». Это «Иное Житие», как считалось, было написано в конце XI или в начале XII века. Однако позднее установили, что это перевод греческого сочинения, того самого, которое однажды опубликовал Фальконий.

Не случайно Большая Российская энциклопедия в статье «Николай Мирликийский» (авторы А. Ю. Виноградов и И. Л. Бусева-Давыдова) пишет: «В слав. традиции в качестве осн. жития Николая Мирликийского бытовало Житие Николая Сионского, а также “Сказание о стратилатах”, Метафрастово житие и “Хождения Николая”. Описания посмертных чудес святителя были распространены как в виде отд. текстов, так и в составе сборников, особенно на греч. и слав. языках».

На основе «Иного Жития» в России сложилась большая культурная традиция. Иконописцы столь часто использо-

вали его, что мы чаще видим вместо «тех, которые надо», немного «не те» сюжеты. Среди них попадаются клеймы почти правильного или совсем не связанного с Чудотворцем Рождества Николая, его Чуда в купели, когда он сразу же встал на ноги, Приведения во учение, Постановления в чтеца, Постановления в диакона или пресвитера, Чуда о древе, показывающего языческое святилище (и его разгром святителем), и др. Хотя художники обращались еще и к Житию Симеона Метафраста или к тексту так называемого «Хождения», а также и к сказаниям о чудесах (византийским и русским).

Ярким примером внедрения «Иного Жития», «компилятивного Жития» или даже Жития, созданного Метафрастом, являет собой икона «Никола Зарайский», которую можно было увидеть в 2004 году в Вологде на выставке «Образ святителя Николая Чудотворца». Тогда был представлен лик с житием конца XVI — начала XVII века из Никольской церкви города Тотьма (собрание Тотемского музея). Один из авторов каталога, А. А. Рыбаков, отмечает сюжеты, которые стали зримой иллюстрацией жизни святителя. Среди них (кроме указанных выше): «Крещение; Исцеление жены сухорукой; Приведение во учение; Служба св. Николая; Встреча с бесом на пути в Рим и Ввержение его под землю; Исцеление княжеского сына в земле Сирийской; Чудо о трех девицах; Плавание Николы в Палестину; Заточение Николы в темницу царем Диоклетианом; Разрушение храма Артемиды в Мирах Ликийских; Первый Вселенский Собор в Никее, Заушение Ария; Чудо о гладе, бывшем в Мирах Ликийских, и о явлении Николы итальянскому купцу на корабле с зерном; Чудо о трех стратилатах; Чудо об Агрикове сыне Василии; Чудо о спасении трех мужей от казни; Чудо о срацынине, плененном греками, и чудо о его спасении; Чудо об иконе Николы и о Патриархе Афанасии; Чудо о Петре Афонском; Спасение Димитрия со дна моря; Чудо о трех мужах, брошенных в море и спасшихся на пловшем камне; Чудо об изгнании беса из кладезя; Изгнание беса, вошедшего в девицу под яблоней; Чудо о киевском отрочати; Чудо о половчине в Киеве; Спасение корабельников от бури; Избавление от казни попа Христофора; Чудо о сербском царе Стефане; Спасение мужа от потопления; Чудо о юноше, в татьбе неповинном; Чудо о спасении корабельников и слуги Симеона от бури; Исцеление расслабленного юноши; Чудо о ковре; Чудо о бедном монастыре; Преставление Николы;

Перенесение мошей из Мир Ликийских в Бар-град; Служба у раки св. Николая в Бар-граде».

Всего 44 сюжета! Но это вовсе не предел. На той же выставке в экспозицию поместили икону из Вологды, на которой было представлено «свыше 110 сцен жития и чудес святителя Николая»! Только перечисление сюжетов занимает несколько страниц книги... И некоторые из них относятся к «иному Николаю».

«Иное Житие» и «Иная иконописная житийная тематика»... Неплохо Русь-Россия устроилась и сроднилась со всеми Николаями, вводя в привычный оборот даже те материалы, о которых мир (исключая редких посвященных) до поры и не знал!

В XVI столетии появились Великие Минеи Чети митрополита Макария. Здесь под 6 декабря были помещены разные тексты, касающиеся святителя Николая, включая вариант краткого Проложного Жития, возможно, взятого из византийского Синаксаря, самые ранние похожие тексты которого относятся к XII столетию (кстати, в Проложных Житиях замечается, что будущий святитель Николай до епископства был «мнихом», «в иноческом житии пребывал», то есть — монашествовал). Вот начальный текст этого документа:

«Пролог.

Месяца того же в 6 [декабря] память иже во святых отца нашего великого Николы чудотворца архиепископа Мирлика...

Сии великий бяше в лета Диоклитиана и Максимиана мучителии, первые иноческим житием пребывая, и многих его ради добродетелии архиереество приим. Занеже христианский хранитель бяше и благочтение провозгласи великим гласом, взят бысть старейшинами градскими, и язвами и узами обложен бы ими, и в темницу ввержен быв со иными крестианы. Великому же и благочестивому Константину царство Греческое волею Божиею приимшу, отпущени быша затвореныя в темницах, с нимже и великий Николае отпущен быв и достиг Миры. Иже и непомнозе собран бысть Никейский собор великим Константином, вонже и дивный Николае един сын в них бывый. И многа же и другая сотворив чудеса, якоже о нем писание поведает, спас же и оболганныя три мужи, без правды умрети хотящих. И инии бо во время, внегда хотяху в темници посе-

чении быти, и святого на помощь призваша, вспомянувшю бо его благое соделование, иже створи трем мужем великии, убиенным онем хотящим быти, и спасени быша. Являет же ся убо во сне царю и епарху, претя занеже ко царю оболганья мужа, царя же уча: неповинни суть и по зависти в темници затворени. Того ради оных свободив от належащая беды, и ина многа чудеса совершив, и сущнно и православно упас люди, и во глубоку старость достиг, ко Господу отиде».

Здесь же сохранились сведения о том, что епископ совершил чудо избавления от змия. По мнению некоторых исследователей, деяние кажется поздним и выпадает из общего сюжетного ряда чудес святителя. Предполагается, что в народной культуре Николая Чудотворца иногда отождествляли со святым Георгием Победоносцем, который, собственно, и считался змеборцем. Однако мы вынуждены возразить. Сюжет «змея в Мирах Ликийских» известен намного ранее, чем жил и святой Георгий, и святой Николай. На римских монетах III века изображено священное языческое дерево, на котором восседает богиня Артемида Элевтера, охраняемая двумя змеями, которые борются с дровосеками, а те стараются дерево срубить большими топорами. Дерево и храм Артемиды находились в Мирах. Считается, что именно святитель Николай совершил это деяние — срубил дерево, а значит — перед этим победил змеев. И деяние это никак не связано со змеборчеством святого Георгия Победоносца.

Век XVIII был отмечен трудами святителя Дмитрия Ростовского. Его подробное и эмоциональное, литературное Житие святителя почти полностью основано на тексте Симеона Метафраста. То есть «смешанные тексты» (из Житий двух святителей) все еще продолжали владеть умами большинства россиян.

А вот в XIX столетии писать о Николае Чудотворце стали многие. Тем более что к имени его стали проявлять большее внимание. Ведь впервые в истории именно в это время российских правителей стали называть Николаями, в честь Мирликийского святителя.

В 1840 году вышла книга церковного писателя, историка и археолога, графа М. В. Толстого «Жизнь и чудеса святого Николая Мирликийского чудотворца». Он написал много других агиографических произведений, но это выдержало шесть изданий! Таков был интерес к теме.

Тогда же небольшие публикации Н. К. Никольского,

в частности, «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)», а также статья о древних сказаниях о Николае Чудотворце в славяно-русской письменности сделали важное дело — пробудили интерес к изучению житий епископа Мирликийского. Ведь он опубликовал то, что было скрыто от посторонних глаз: он представил общественности известные ему тогда списки из книгохранилищ русских столиц — Москвы, Санкт-Петербурга, Киева. Вдобавок он их классифицировал и расставил так, что исследователям оставалось только прибыть в хранилище и прочитать оригинал.

Это был настоящий подарок для отечественного «николаеведения».

Как известно, и мы уже об этом говорили, особые работы посвятил изучению Житий святителя архимандрит Антонин (Капустин), начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Он их обычно публиковал в Трудах Киевской Духовной Академии, скрываясь под псевдонимом «А. А.». Так он издал переведенный им с греческого языка Синайский список «Иного Жития» святителя. Он одним из первых ввел в российскую дискуссию тему двух Николаев (Мирликийского и Сионского). Спор тогда вышел довольно громкий.

Архимандриту Антонину вторил, отвечал и оппонировал другой архимандрит — Леонид (Кавелин). Он никак не хотел принимать «второго» Николая, продолжая упорно отстаивать точку зрения, что был только один святитель Николай — «наш», Мирликийский, и жил он в IV веке. Но ведь против этого никто не возражал. Речь в споре шла о том, как в Житии отделить одни факты от других. То есть диспут не касался того — был или не был один епископ, или два, или более. Спор имел отношение к Житию и к точности информации в нем. А в этом случае количество Николаев просто не имеет значения. Важно то, какие деяния совершил каждый из них, а какие принадлежат тезкам. Архимандрит Леонид, между прочим, издал, хоть и с некоторыми недостатками, «Иное Житие» с чудесами по рукописи конца XIV века из собрания Троице-Сергиевой Лавры (№ 9).

В 1899 году в Санкт-Петербурге, словно завершая и подводя итоги XIX столетия и изучения Житий святителя Николая, вышла известная книга А. Вознесенского и Ф. Гусева «Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России». В первой ее, иссле-

довательской части, автором которой являлся Ф. Гусев, мы находим важные для того времени рассуждения. Особенно для России. В поле зрения автора попали: литературная история Жития святителя Николая, древнейшие греческие источники, Метафрастово житие Чудотворца, греческие списки «Иного Жития» святителя: Фалькония (Ватиканская библиотека) и архимандрита Антонина (библиотеки лавры Святого Саввы и Синайского монастыря), вопрос о личности Чудотворца в его Житии, два лица с именем святителя Мирликийского (святого Николая отца, IV века, и святого Николая Пинарского, VI века), решение этого вопроса архимандритами Антонином и Леонидом, русская редакция «Иного Жития», позднейшая народная редакция Жития Чудотворца, Житие святителя в рукописных Четвхх Минеях митрополита Макария, первопечатные жития, Житие в Четвхх Минеях святителя Димитрия Ростовского и др., источники сведений о событии перенесения мощей святителя из Мир Ликийских в Бар-град — сказания западных писателей: клирика Никифора, Иоанна, Архидиакона барского, и Иордана, монаха францисканского, время и причины учреждения в России празднества в честь перенесения мощей Святителя.

Как видим, были представлены разнообразные Жития Чудотворца и показана глобальность требующей изучения проблемы.

Во второй части книги, озаглавленной «Слава святителя Николая в России», А. Вознесенский публикует множество историй о деяниях и чудесах святителя, а также о его иконографии. «Мы остановимся теперь, — пишет автор, — на описании священных памятников славы и благоговейного почитания святителя и на повествовании о чудесах небесного величия и милосердия угодника, явленных через них. Предметом нашего внимания будут — храмы, обители, часовни имени святителя, части его святых останков, чудеса его, образа его, особенно чудотворные иконы его и чудеса и история их». Автор позволил себе записать и опубликовать тексты чудес, которые не были подтверждены документально, не имели письменных источников или доказательств. И это было принято читателем.

Для своего времени труд А. Вознесенского и Ф. Гусева стал важным справочником и настольной книгой среди почитателей Николая Чудотворца и исследователей его жизни.

Роль профессора В. О. Ключевского в исследовании Житий святителя Николая также была велика. Он писал:

«В нашей письменности очень рано составила значительная литература о чудотворце Николае Мирликийском. В рукописях XV—XVI вв. встречается житие его с длинным рядом чудес, из коих некоторые совершились и описаны на Руси. Наша церковная историография признает и все это жизнеописание произведением русским, написанным в конце XI или в начале XII в. По изложению этого жития можно заметить, что одним из источников служила ему переводная биография, сильно распространенная в русской письменности XV—XVI вв. В то же время, к которому относят русское житие св. Николая, явилась русская повесть о перенесении ею мощей в город Бар, написанная современником события, на что указывают выражения автора. Наконец, раньше обоих этих русских сочинений, вероятно, появилось на Руси похвальное слово чудотворцу Николаю». Он же обнаружил то самое, «странное» Житие, называемое «Слово иже во святых отца нашего Николы, о житии его и о хождении его и о погребении», в котором нам очень привлекательным кажется слово «хождение», и понятно — почему.

Именно Ключевскому попало в руки это, так называемое «Некнижное Житие» Чудотворца. Оно было необычным. Ключевский его опубликовал. И вскоре появилось мнение, что святителей было даже не два, а три. Его, о чем мы уже рассказывали, высказал в 1922 году исследователь П. О. Потапов.

В XIX и начале XX века появились важные издания, где публиковались Жития и чудеса святителя Николая. Археологическая комиссия в 1904 году отметилась публикацией Великих Миней Четиих митрополита Макария. Там было и Житие Николая Чудотворца, представляющее собой перевод из Симеона Метафраста. В 1882 году порадовал читателей Московский Румянцевский музей, выпустив фототипическое издание Жития епископа Мир Ликийских (по рукописи XVI века из собрания Большакова).

После публикации В. О. Ключевским «Иного Жития» исследователь И. Шляпкин, пусть даже и с опечатками, обнаружил «Слово на перенесение мощей святителя Николая Мирликийского из Мир в Бар-град».

В советское время российское «николаеведение» приостановилось, ушло в письменный стол к авторам. Зато стали выходить книги за рубежом. Например, краткое, но вдумчивое историко-научное повествование М. Н. Гаврилова «Святитель Николай Мир Ликийских Чудотворец. Жизнь, труды, подвиги и чудеса, в связи со значением и смыслом

его церковного почитания», которое выпустило известное издательство «Жизнь с Богом» в Брюсселе (2-е издание 1987 года). Или прекрасно изданный сборник писателя-эмигранта Б. Н. Ширяева «Никола Русский. Италия без Колизея», изданный частично за рубежом, а полностью — в 2016 году в Санкт-Петербурге. Здесь нет специальных исследований, связанных со святителем Николаем, но описано присутствие Чудотворца в тяжелой судьбе человека.

А вот в постсоветский период и в наши дни изучение Житий святого Николая процветает в том смысле, что вышло в свет множество работ, серьезнейших, продуманных, основанных на знаниях языков, тщательно проанализированных. В мире изучения и публикаций вариантов Житий святителя Николая происходит период углубления, накопления материалов, систематизации. Пишутся даже «Новые Жития». Автор просит понимания у современных исследователей, ибо названия их трудов и имена помещены в разделе «Краткая библиография» данной книги, но не отдельным списком в данной главе. Мы осознаем сегодня, что уникальное внимание к данной теме каждого ученого, несомненно, повлечет за собой очередные открытия и даже разгадки некоторых тайн.

Впереди еще много непознанного. Работы хватит на всех. Почти вековая фраза академика, филолога и византиста М. Н. Сперанского никак не устареет: «Мы до сих пор еще не в состоянии разобраться в литературной истории целого ряда памятников, несомненно, разновременного и различного происхождения, связанных с именем святителя Николая».

Глава 7

МОЩИ СВЯТИТЕЛЯ НА КАРТЕ МИРА

Судьба мощей святителя Николая весьма непроста. После многочисленных исторических перипетий останки святого разделились, сейчас они находятся в разных местах. В большинстве своем паломники стремятся в итальянский город Бари, предполагая, что мощи святителя находятся там и только там. В итальянской традиции, постепенно распространяющейся на весь западный католический мир, обычно называют святителя не Николай Мирликийский (как это принято в православии), а Николай Барийский (*San Nicola di Bari*). Однако не совсем верно утверждать, что мощи Чудотворца находятся только в Бари. Там действительно хранится большая часть его останков. Но они есть еще в нескольких городах, о чем мы и расскажем в данной главе книги.

Тут важно заметить: количество мощей не является «мерилом» их святости или величия происходящих чудес. На современном языке можно сказать так: у мощей не может быть «количества», но есть «качество». Этими простыми мирскими словами мы пытаемся объяснить суть парадокса, по которому даже микрочастица мощей святого человека, хранящаяся где-нибудь в доме у какого-либо христианина, столь же сокровенна и «качественна», как и все остальные его мощи, оставшиеся на планете Земля. Все происходит по благодати, «ибо, — как говорил другой святой IV века, Ефрем Сирий, — святым мощам всегда присуща чудодействующая благодать Святаго Духа».

Мы не будем рассуждать о том, что такое мощи. Это лучше сделают богословы и практики Церкви. Однако несколько слов на данную тему необходимо сказать, чтобы прояснить, почему мощи святителя Николая теперь находятся в различных городах мира, каким образом они раз-

ехались по свету и отчего мы относимся к ним одинаково — где бы они ни хранились.

Греческое слово «оставлять», или «останки», в русском языке превратилось в слово «мощи». В буквальном понимании это то, что осталось после человека. И не только его тело, но и вещи, его окружавшие. То есть предметы, которые соприкасались с ним во время его земной жизни. Обратите внимание, мы говорим о любых человеческих останках. И мы намеренно словно бы «пропустили» и не стали сразу говорить отдельно о святых, потому что в церковной практике мощами называют останки любого скончавшегося человека.

Другое дело — святые мощи, или, по-другому, — мощи святого человека. В этом случае они становятся предметом поклонения и почитания, рядом с ними происходят многочисленные чудеса, их духовная «ценность» возрастает до бесконечности.

Святость некоторых мошей многократно запечатлена еще в Ветхом Завете. Позднее и Новый Завет дает нам примеры почитания, вроде того, когда рассказывается о теле апостола Павла: «на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян. 19:12).

Кто-то может не верить в это, отрицать, пройти мимо или даже критиковать. Но Церковь не спорит на данные темы, ибо они являются предметом веры. А тут уж все просто — верю или не верю.

Однако святости мошей посвящены многие труды богословов. Главное в них — попытки сформулировать то, как тело святого человека вмещает в себя Дух Божий, становится жилищем или даже храмом Божиим, обиталищем благодати, причем и при жизни, и после кончины. Почему и как эта благодать затем столь обильно изливается верующим.

«Кто касается костей мученика, — писал святитель Василий Великий, — тот приемлет некоторое сообщение освящения по благодати, обитающей в теле мученика». За столетия истории христианской Церкви мы имеем десятки тысяч примеров почитания святых мошей и гораздо большее количество совершенных рядом с ними чудес. Все это тщательно записывается, фиксируется. Христиане относятся к хранению такой памяти с особым вниманием и пietetом.

Уважительное отношение к останкам святых угодни-

ков часто выражается в церковной жизни различными деяниями по отношению к ним. Например, мощи благоговейно собирают и хранят, в первую очередь при храмах, но также и в домах. Останки святых иногда теряются или разоряются, но затем обретаются и торжественно открываются вновь, переносятся в другие места. Церковь устанавливает особые праздники в честь обретения или перенесения мощей, устраивает над ними храмы, часовни, монастыри, а внутри них — уголок, где бранные останки святого обычно устраиваются (в виде мощевиков или ковчегов, часто создается место, называемое «рака», оно напоминает гробницу) и существует возможность доступа к ним. Есть также обычай возлагать частицы мощей святых в основание церковных престолов и в антиминсы.

Тот же святой Ефрем Сирийский отмечал, что святые и по смерти действуют как живые: исцеляют больных, изгоняют бесов и силой Господней отражают всякое их злое нападение. Ведь в святых мощах всегда присутствует чудотворная благодать Святого Духа. Как писал почти современник святителя Николая — святой Иоанн Златоуст: «Бог разделил с нами святых: Сам взял души, а нам даровал тела, чтобы святые их кости мы имели постоянным побуждением к добродетели».

«Побуждением к добродетели» стали для христианской цивилизации и мощи святителя Николая Чудотворца. С ними связано много удивительных историй. Попробуем хотя бы вкратце рассказать о некоторых из них.

Саркофаг в Демре

Бог и оставил нам мощи святых, желая дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях.

Иоанн Златоуст, IV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Его честное тело святые епископы и весь клир, одетые в светлое облачение, перенесли в храм Мир, и с того дня оно начало источать мирро, целящее душевные и телесные недуги. Со всей земли туда стали устремляться люди, чтобы получить от неиссякаемой этой благодати».

Когда едешь по турецкому побережью Мраморного моря с востока на запад от Анталии до Демре, то дорога представляет собой сложный серпантин. Вдоль нее можно встретить множество удивительных мест. Например уголок на горе, где обитали мифические химеры. Из-под земли до сих пор изрыгаются языки пламени, и туристы с интересом разглядывают это рукотворное чудо.

На подъезде к Демре поражает воображение место с сохранившимися гробницами именитых людей древней Ликии. Высеченные в скале, издали напоминающие античные храмы, эти каменные изваяния-саркофаги занимают огромное пространство. Такое впечатление, что время здесь останавливается. Ибо сотворенное руками человека является настолько близким по времени, что кажется, будто бы сию же минуту какой-то грек в античной тоге выйдет из-за угла и поздоровается с вами на своем, не очень понятном языке. Огромный амфитеатр, в который упирается автомобиль, ставит жирную точку в перечне здешних удивительных и старинных археологических объектов.

Но вот длинная дорога-серпантин приводит к древнему городу Миры. Проезжая по улочкам, мы, наконец, достигаем цели поездки — не столь уж приметного по сравнению с гробницами ликийцев полуразрушенного храма, которым когда-то гордился христианский город. Именно здесь служил святитель Николай Чудотворец. Здесь, как предполагается, он и был похоронен. Одну из чудом сохранившихся гробниц упорно показывают всем приезжим как именно ту, в которой лежали и хранились мощи святителя, пока их не перевезли в итальянский город Бари и, частично, в Венецию.

Итак, мы в Мирах Ликийских, на земле, по которой ступал сам великий святой. Уже этого достаточно, чтобы ощутить величие Вечности...

После кончины святителя Николая местные жители и почитатели его духовных подвигов из других городов принялись оборудовать место его погребения. Как мы уже знаем, его похоронили при храме, который он же сам здесь, скорее всего, и построил. Некоторые исследователи считают, что хоронили тогда не при храмах, а в мартириумах — специальных храмовых постройках для святых. Однако обычно такой мартириум строился для мучеников, коим святитель Николай не являлся (мартириум — значит сви-

детель, мученик). Кроме того, мартіриум — это тоже был храм. В данном случае в Мирах Ликийских кто-то должен был построить такое здание. Но у нас нет информации, что такое имело место быть. И как раз в то время — по нашим предположениям, еще при жизни святителя Николая, в 351 году — начали приносить мощи святых в церковь, а не возлагать церковь на могилу (тогда останки святого Вавила Антиохийского с саркофагом перенесли в новый храм). Возможно, что и погребение святителя Николая стало одним из первых — непосредственно в храме или в пристройке к храму. Прецеденты уже были — в 337 году император Константин Великий был похоронен прямо в храме Двенадцати Апостолов, в Константинополе, куда еще ранее (!) по его приказу из храма Святых Маркеллина и Петра были перенесены мощи его матушки — царицы Елены.

Известна история, изложенная в третьей редакции «Деяния о стратилатах», опубликованного Густавом Анрихом в начале XX века (*Anrich G. Hagios Nikolaus. Bd. 1. 1913*), о том, что на следующий год после кончины святителя стратилаты прибыли по обычаю в Ликию. Они стали искать святого Божьего Николая. И узнав, что он скончался и пребывает с Господом, направились к месту, где лежало его честное тело. Прибыв туда, они прослезились, и даже с ними случилось видение — они лицезрели самого святителя. Затем они почтили память его, построив портик до города протяженностью чуть ли не в одну милю (или стадию, что в десять раз меньше), а слева и справа построили жилища для церковных нищих.

История эта была записана в X столетии, повторяя, видимо, более ранние рукописи. То есть спустя почти шесть столетий после событий. Довольно большое время, чтобы сопоставить реалии и порой меняющиеся со временем предания.

Иногда считается, что стратилаты заложили строительство нового храма в Мирах. Но мы не видим в тексте такого деяния. Скорее всего, храм (базилика) уже здесь был возведен, ведь кафедральное сооружение в центре епископства должно было существовать в любой форме. У святителя Николая было несколько десятилетий (как минимум — два), чтобы свершить это в период его служения епископом. Поэтому стратилаты не стали жертвовать на строительство храма. Не строили они и мартириума. А вот портик до города и жилище для бедных («слева и справа» скорее всего именно от храма) — это то, что высокопоставленные военна-

чальники могли себе позволить, чтобы почтить память своего духовного покровителя.

Безусловно, такие строения украсили город и еще более укрепили в нем христианскую жизнь. Портик на милю или стадию — то есть довольно большой протяженности — выполнял утилитарную функцию — защищал от солнца и дождя. Скорее всего, он был построен между храмом и центром города. А богоугодное заведение для нищих при храме поддерживало христианскую общину, создавало перспективу для прихожан в старости.

Археологи считают, что остатки древнего портика, жилища для бедных и первоначального храма в Мирах Ликийских (Андриаке) частично сохранились, хотя они, будучи перестроенными, могут датироваться VIII веком, когда город восстанавливали после землетрясения. Но остатки фундаментов вполне могли быть отнесены к IV столетию.

Нельзя не сказать, что не все исследователи согласны с тем, что храм, который показывается в турецком городке Демре, есть тот самый, что связан с деятельностью святителя Николая и его гробницей. Один из примеров — мнение Эрнста Кирстена, автора современного труда «Артемиды Эфесская и Элевтера Мирская», где он утверждает, что существовала другая базилика, и эта «базилика Николая всегда находилась за пределами города-крепости Миры, хотя стена еще не была построена». Исследователь считает, что площадь и план города, а также его «дорожная сеть не определены». И эта базилика «не была идентична церкви Сиона или епископальной церкви города Миры, расположенной в центре города». Вывод ученого — нужно изучить «пространственные отношения между городом Миры и портом Андриака».

Ну а как же гробница самого епископа Мир Ликийских? Что стало с ней? Увы, мы почти ничего не знаем о том, что происходило до IX века. Житие святителя Николая, написанное архимандритом Михаилом на рубеже VIII—IX столетий, дает нам скудную информацию о погребении епископа города Миры при местном храме. Автор Жития особенно останавливается на рассказе, как честное тело святого в построенной им самим церкви сразу же стало источать благовонное миро, которое охраняло паству от любых проявлений злых намерений и вредоносной силы.

Паломники сразу же стали посещать святое место, направлялись в Миры Ликийские, чтобы поклониться свя-

тителю. Об этом прямо говорится в рассказе о том, как греко-римская языческая богиня Артемида решила после кончины епископа отомстить ему за снесенный им храм ее имени. Мы помним эту историю — как некая женщина отправила с судном «подарок» для храма в Миры, который оказался бомбой. Но для нас главное в этой истории — то, что упоминаются паломники, которые специально (!) плывут в Миры для почитания великого святого, поклонения его мироточивым мощам, а также говорится о храме, где он был погребен. Добавим: некоторые ученые считают, что событие с «бомбой» можно отнести к IV столетию.

Вот как его начало описывал святитель Дмитрий Ростовский в XVIII столетии: «От святых мощей угодника Божия совершалось множество чудес. Ибо его мощи источали благовонное и целебное миро, которым помазывались больные и получали исцеление. По этой причине к его гробу притекали люди со всех концов земли, ища исцеления своим болезням и получая его. Ибо тем святым миром исцелялись не только телесные недуги, но и душевные, и были прогоняемы духи лукавые. Ибо святитель не только при своей жизни, но и по своем преставлении вооружался на бесов и побеждал их, как побеждает и ныне.

Некоторые богобоязненные мужи, жившие при устье реки Танаиса, слыша о мироточивых и целебных мощах святителя Христова Николая, почивающих в Мирах Ликийских, задумали плыть туда морем на поклонение мощам». Дальнейшее нам уже известно...

Но завершает эту историю святитель Дмитрий такими словами: «Много великих и преславных чудес сотворил на земле и на море великий сей угодник. Он помогал сущим в бедах, спасал от потопления и выносил на сушу из глубины морской, освобождал из плена и приносил освобожденных домой, избавлял от уз и темницы, защищал от посещения мечом, освобождал от смерти и подавал многим многие исцеления, слепым — прозрение, хромым — хождение, глухим — слух, немым — дар слова. Он обогатил многих, бедствующих в убожестве и крайней нищете, подавал голодным пищу и всем являлся во всякой нужде готовым помощником, теплым заступником и скорым предстателем и защитником. И ныне он также помогает призывающим его и избавляет их от бед. Чудес его исчислить невозможно точно так же, как невозможно и описать все их подробно. Сего великого чудотворца знает восток и запад, и во всех концах земли известны его чудотворения».

Известно, что церковь в Мирах не раз разрушалась во время набегов, особенно арабских. Очень сильно — в 1034 году. Даже византийский император Константин IX Мономах вместе с супругой Зоей приказал построить вокруг храма стену, подобие крепостной. Так церковь уже превращалась в монастырский комплекс.

Но прошло лишь полвека, как в мае 1087 года сюда прибыли итальянские купцы, которые завладели мощами святого и перевезли их в Бари (о чем мы расскажем позднее). Купцы видели и описали храм в Мирах. Особенно саркофаг, который после открытия источал запах миро. Храм тогда был особой достопримечательностью города. К нему со всех сторон примыкали различные здания. Комплекс напоминал город в городе.

В XIII столетии здесь произошла катастрофа местного масштаба. В горном районе бывшей Ликии сошел гигантский сель (так предполагают ученые), который река принесла своими водами к морю. По другой версии, частые землетрясения повернули русло реки вспять, и она быстро залила окрестности. Город был буквально затоплен грязью и погребен под землей почти на семь метров! В наши дни даже трудно представить себе масштабы бедствия. Но главное — были засыпаны главные святыни, включая храм с гробницей святителя Николая.

В 1850 году к мощам святого совершил паломническую поездку А. Н. Муравьев, оставив свои записки под названием «Мирликийская церковь и гробница святителя Николая Чудотворца». Он описал увиденную обстановку, которая была не менее плачевной, чем состояние нынешнее. «Спустился я несколькими ступенями в темное преддверие святилища, — рассказывает паломник, — отделенное стеной от внутренней его части; глубокий мрак царствовал внутри храма, и когда несколько привыкли к нему глаза наши и зажжены были три убогие лампы перед иконостасом и над самой гробницей, могли мы рассмотреть все горькое убожество и вместе сокровище неоцененное сей церкви. Низкая четырехугольная гробница святителя, обложенная по краям мрамором, хорошо изваянным, но отчасти отбитым, с обширным отверстием посередине, отколе похищена была некогда рака, уцелела еще от буйства времени и людей. Длина ее до восьми четвертей и не более трех ширина, а высота — одна четверть; внутри глубокая яма, наполненная землей, которую, однако, я мог, хотя и с трудом, достать рукой... Став на колена перед са-

мым гробом, я прочел тропарь святителя: “Правило веры и образ кротости”»...

Собранные Муравьевым по возвращении в Россию 25 тысяч рублей стимулировали раскопки. О размахе работ отзывались на Западе. Ныне у нас это предприятие почти забыто, хотя оно спасало положение дел и имело важные научные итоги.

Так бы всё и оставалось до наших дней. Но в 1863 году, узнав о поездке Муравьева, российский император Александр II купил территорию храма в Мирах. Так начались работы по восстановлению всего комплекса, связанного с именем святителя Николая. Были обновлены внешний нартекс, эмпории и главный неф. Предполагалось, что паломники из России будут иметь все условия и удобства для посещения здешних святынь. Но проблемные российско-турецкие отношения помешали делу. Работы были остановлены. Реставрацию смогли завершить в 1910-х годах.

И все-таки что же с гробницей? Всякому посетителю храма в Мирах покажут ее и скажут: здесь лежали мощи святителя. Но среди исследователей известно, что до сих пор не нашли ни одного точного места, которое можно было бы обозначить как саркофаг или место упокоения Николая Мирликийского. Но мы же находимся ныне в храме, построенном в конце VIII — начале IX века (после землетрясения), который, в свою очередь, поставлен на фундаменте храма VI столетия. Тогда, в 529 году (по «Хронографии» Иоанна Малалы конца VI столетия), тоже случилось землетрясение, после которого город помог восстановить император Юстиниан. В том году пострадало много городов. По свидетельствам Иоанна Эфесского, только в Эфесе погибло около пяти тысяч жителей, а в Лаодикее — семь с половиной тысяч. Ритор Малала пишет: «В то же время пострадал от Божьего гнева главный город Ликийи Мира. Многие милости оказал император спасшимся и много дал на восстановление города». Не выдержали городские храмы, рассыпались...

Но церковь VI века в Мирах стояла на еще более древнем основании, скорее всего — IV столетия. Археологи предполагают, что от VI века остались некоторые части — два придела в юго-восточной части храма, они расположены справа от алтаря. А зачем восстановители церкви их оставили? Ведь это самое что ни на есть удобное место для помещения в нем гробницы святого! Справа от алтаря! Конечно, эти пристройки могли оставить потому, что они со-

хранились после землетрясения. Не более того. Но все-таки...

После землетрясения VI века и началось возведение храма, в котором почти полтысячелетия хранились мощи святителя Николая. Даже в трудные времена храм выживал. Например, в 792 году, когда багдадский халиф Харун ар-Рашид захватил Миры, и, невзирая на предупредительный шторм на море, ограбил город, церковь и вскрыл гробницу. Однако помня о морской буре, он не разрушил само здание храма. Да, строение было не раз захвачено или во многом разрушено. Но потом его восстанавливали, и в сложном виде храм сохранился до нашего времени.

В храме несколько саркофагов. С крышками и без них. Можно их отнести к саркофагам ликийского типа: основания и крышки, украшенной гребнем. Один, сделанный из мрамора и украшенный барельефами, расположен в нише южного нефа. Его турецкие представители и преподносят как тот, в котором почивали мощи святителя. Боковая стена саркофага разрушена. Говорят, что именно итальянскими купцами (моряками) еще в XI столетии, когда они срочно похищали мощи. Иногда внутрь саркофага сердобольные хранители музея подкладывают куски яркой материи для привлечения большего внимания паломников.

Многие исследователи сходятся во мнении, что саркофаг имеет языческую внешность. И в такой гробнице вряд ли мог быть похоронен христианский святой. Но как тогда этот саркофаг попал в христианский храм? Принесен был уже в наше время или значительно ранее?

При раскопках в XIX столетии в храме на глубине 4 саженьей была обнаружена древняя мраморная гробница. Возможно, она и была хранилищем святыни. Рельефы на ней были «не религиозного содержания». Но это, по мнению исследователей, «совершенно согласно с обыкновением погребать умерших в старых гробницах, взятых с языческого кладбища» (традиция существовала в Римской империи до VI столетия). Эта версия о языческом саркофаге была весьма распространена. В наши дни саркофаг иногда датируют 160—170 годами, и считается, что он не был местом почивания мощей святителя Николая. И действительно, вряд ли столь почитаемого христианского подвижника похоронили в языческой гробнице и даже не заменили ее в более поздние времена!

Исследователь Евгений Соколовский, занимавшийся раскопками в 1858—1861 годах и оставивший свои записки

«Открытие и возобновление древней базилики св. Николая в Мире Ликийской», описал подробно увиденное. Тогда даже султан Османской империи издал фирман о разрешении проведения работ: «Как греческая церковь, известная под именем церкви св. Николая, находящаяся в соседстве деревни Темре... с течением времени пала в развалины, жители выше означенной деревни просили позволения поправить ее... Эта церковь действительно имеет надобность в исправлении, это было предложено нам и дарован наш верховный указ, заключающий позволение исправить и возобновить». Соколовский также отметил: «Работы... с октября 1858 по май 1860 года, состояли: 1) в выемке и отвозке 6500 кубических метров (около 800 кубических сажен) земли; 2) в возобновлении стен и покрытии сводами: главного нефа, верхней части боковых галерей и двух притворов».

Саркофаг стоял тогда в нише внешней южной галереи (VIII—XII века). На рисунке автора он изображен с колоннадой и скульптурами покойных на крышке. Боковая сторона его была разрушена. «Это объясняется самым сказанием о похищении св. мощей итальянцами, — писал Соколовский, — массивная мраморная крыша, украшенная двумя фигурами (мужескою и женскою), в настоящее время с отбитыми головами и изувеченными ногами, представляла больше затруднений к разлому, чем тонкие стенки и, разумеется, барийцы... сломали тонкую стенку, не заботясь о том, что портили оставляемую ими древность». Данное описание привело некоторых исследователей к выводу, что саркофаг установили в нише именно после 1087 года в виде замены какого-то другого, утраченного вместе с реликвиями. Однако сам Соколовский, находясь в Мирах, сделал свой, противоположный такому мнению вывод: «Расположение гробницы, как раз под алтарем нынешней церкви, и местные предания доказывают, что она хранила в себе мощи угодника... При возобновлении базилики нужно сломать часовню, которая держится на поверхности земли, покрывающей придел церкви, в котором расположена подлинная гробница св. Николая».

Другие саркофаги в наши дни находятся в южном приделе храма. Они мало привлекательны для тех, кто ищет настоящие артефакты, связанные со святителем Николаем. Данная церковь является уникальным зданием из древней Ликии и столичного города Миры, которое сохранилось до наших дней.

Как известно, в 1963 году здесь проводили раскопки.

Тогда нашли цветные мраморные мозаики и остатки настенной росписи, относящиеся к XI—XII векам. Фрески изображают сцены из жизни епископа Мир Ликийских. Но когда попадаешь в храм, создается впечатление, что рука современного художника прошла по этим росписям не только с реставрационной целью, но и с целью туристической — «поновить картинки для их лучшего восприятия приезжими». Археологи нашли и перекрытия, сделанные во время участия в работах Российской империи в XIX столетии. В 1963—1964 годах исследование храма и прилегающей местности провела турецкая экспедиция, в ней приняли участие археологи из Германии.

И в наши дни раскопки продолжают. Очень активно действуют археологи Турции. Впервые в 2009 году была обнаружена древняя часть города. Для исследований использовали специальный радар, с помощью которого определили форму, размеры и расположение некоторых зданий. До 2011 года нашли и раскопали небольшую часовню, относящуюся к XIII веку. Она оказалась в хорошей сохранности. Перед исследователями предстало удивительное зрелище — сквозь вырезанный в стене крест на алтарную часть попадает его световой образ, создавая необычную обстановку в помещении.

Главный же храм в Мирах в настоящее время реставрируется. А в 2007 году министерство культуры Турции впервые разрешило совершение Божественной Литургии в храме.

Правда, время от времени в турецкой прессе появляются заявления вроде того, что мощи святителя Николая на самом деле остались в Мирах, их никто не увозил отсюда (увезли другие останки, которые теперь в Бари). И так далее...

Будем ждать результатов исследований и итогов работы серьезных ученых. Для всех христиан — это важнейшая информация.

Перенесение в Бари

*Святым мощам всегда присуща
чудодействующая благодать Святаго Духа.
Ефрем Сирин, IV в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «А они, когда подняли якорь, вспомнили о

своем доме. И вот, выйдя из гавани под парусами, при попутном ветре они направились к своей земле...»

Сегодня все знают, что если кто-то решил поклониться мощам святителя Николая, то ему прямая дорога в итальянский город Бари. Так сложилось исторически, и так признает большинство.

Как же получилось, что святые останки епископа Мир Ликийских, сохранявшиеся в его родном городе на протяжении почти семи столетий, вдруг оказались перемещенными на довольно большое расстояние, тем более уже после разделения Церквей, то есть из греческого православного византийского храма в храм католический.

Русская Православная Церковь в конце XI столетия сразу же признала факт изменения места пребывания мощей святителя. Более того, спустя всего лишь год с небольшим после перенесения останков ею был утвержден (подтвержден) праздник в честь «Перенесения святых мощей святого Николая Чудотворца из Мир Ликийских в город Бари».

Почему так произошло? Да потому что в то время все прекрасно понимали опасность полного уничтожения святых останков наступающими с Востока османскими народами, исповедовавшими ислам. И сегодня мы хорошо понимаем, что перенос мощей произошел хоть и с помощью «варварских» методов — обыкновенного захвата и кражи, но все же промыслительно, ибо они оказались в безопасности, оставаясь при этом в полной доступности. Потому и «грабители-разбойники» из Бари иногда превращаются у некоторых авторов в героев и даже рыцарей.

Не признала акт переноса мощей Греческая Православная Церковь. Не признает и до сих пор. Но факт есть факт. Остается лишь спорить о том, действительно ли это мощи святителя Николая. Но этот спор почти бесконечен. Хотя в последнее время он стал менее резким благодаря подключению научных методов исследования, о которых мы расскажем ниже.

О перенесении мощей святителя Николая в Бари свидетельствуют многие источники. Мы обязательно обратимся к ним. Но за основу повествования примем тот, который отличается от самых первых, хотя входит в число древних.

Это «Слово о перенесении мощей святого и преподобного отца Николы Чудотворца архиепископа Мирской Ликии в Бар град». Текст его датируется XI веком, то есть перед нами документ, почти современный событиям, произошедшим в 1087 году. Его создание как раз связано с установлением на Руси в 1089 году праздника в честь перенесения мощей из Мир в Бари. Так мы совершим новое «хождение» в посмертное Житие святителя Николая, но уже по тексту документа, созданного на древнерусском языке. Один из списков помещен в Приложении ко 2-й книге «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (XIX век).

Итак.

«Тогда же и Ликия стала опустевшей, где лежало тело святого Николы, тело дорогое, тело всечестное, тело, чудеса сотворявшее дивные и преславные. Не мог ли сделать преподобный сей муж, дабы град его и церковь не опустели! Но по велению Божию не противился, но говорил: “Господи, пред очами Твоими угодное сотворю”. Так и сбылось. Не мог видеть угодника Своего Господь наш Иисус Христос в пустом месте лежащим, мощи его никем не славиные, но как было писано: “Прославляющих Меня, — сказано, — прославлю и вознесу славу Меня восхваляющих” (в Библии: «Я прославлю прославляющих Меня», 1 Цар. 2:30. — К. К.-С.).

Был в те дни священнослужитель благоверный, христоролюбив же и праведен, в Баре граде немецкой области. Ему явился святой Никола Господень: “Иди, скажи людям всем, всему собору церковному, что придут, возьмут меня из Мирского града и здесь положат меня, ибо не могу пребывать там на пустом месте, Богу так угодно”. И сказав это, ушел. Утро же наступило, и, встав, пресвитер поведал всем людям бывшее явление святого Николая. Они же, услышав, возрадовались радостью великой и сказали: “Нынче возвеличил Христос милость свою людям своим в городе нашем, ибо сподобил нас принять угодника святого Николу”. И тут же собрали мужей благоговейных и боявшихся Бога на 3-х кораблях идти за [мощами] святого. Они же, взяв пшеницы и притворившись купцами, отплыли».

Такова «завязка» всей истории. Но это в древнем кратком тексте. А что за этим стояло? Попытаемся прояснить.

Во-первых, выясним — почему автор называет регион, в котором расположен был город Бари, «немецкой областью». Разве это не Византия? Разве не «италийские земли»? Тому есть две причины. В те времена многие чужие

страны на Руси называли «немецкими», а людей, там проживающих, — «немцами», то есть «немыми». Это означало, что они говорят на другом языке и не понимают русский или церковнославянский. Но, во-вторых, по отношению к Бари действовал и другой фактор — норманнский. Хотя и не буквально «немецкий», а скорее варяжский, но все же...

Известно, что в XI столетии город Бари становился все более важным морским портом. Усилив свои позиции, местные власти все время старались выйти из-под контроля византийских властей. К этому времени свои силы показывали норманны, представители североευропейских народов, которые также хотели контролировать территории Апулии. Год 1041-й ознаменован был тем, что норманны нанесли первое поражение византийцам и стали влиять на эти территории. А в 1053 году они разбили армию Папы Льва IX и пленили его самого. Правда, при этом поступили весьма хитро: они признали себя вассалами Папы (в духовной юрисдикции) в обмен на то, что он признал за ними все захваченные территории (в фактической юрисдикции).

Именно при норманнах город Бари переходит под прямую юрисдикцию Папы Римского, перестав подчиняться Патриарху Константинопольскому. А в 1069 году Папа Александр II признает наличие в Бари архиепископской кафедры. Если же говорить о захватнической политике норманнов, то как раз дольше всех против них держался Бари, который одним из последних городов Апулии после трехлетней осады оказался под ними, хотя пришельцы подтверждали старинные привилегии портового города и его административную самостоятельность.

Было это в 1071 году. За полтора десятилетия до переноса сюда мощей святителя Николая. События почти совпали явно не случайно. «Норманнскому» Бари, имевшему чужеродное покровительство, потребовались еще большие привилегии и возможности, еще большее независимое и статусное положение, которые давали бы им святые останки небесного покровителя моряков. Они спланировали все заранее.

Вот почему неизвестный автор «Слова о перенесении мощей» применил «странный» термин «немецкая область».

Что же Миры Ликийские? Какая жизнь протекала в месте, где покоились мощи святителя Николая? А была она не простая...

К тому времени под постоянным давлением и набегами сельджуков византийцы уже не могли контролировать

обширные территории Малой Азии. Ликия оказалась незащищенной от тех, кто мог в любой момент не только захватить ее города, но и стереть с лица земли наследие христианской цивилизации.

Жителям Мир Ликийских, чтобы избежать смерти или пленения во время очередного набега, приходилось уходить подальше от города, в котором уже жило довольно много исламского населения. Лучше и укромнее всего были горы, они хотя бы как-то защищали. В такие дни и месяцы город пустел. Ничто не охранялось должным образом, тем более — храмы. Как говорят источники, в церкви, где почивали мощи святителя Николая, оставалось лишь несколько слугителей-сторожей.

Понятно было, что все жители ходили буквально «под Богом». В любой момент их ждала смерть, а святые — поругание или разорение.

Понимали это и на Западе. Итальянцы-латиняне стремились решить тогда сразу двойную задачу: помочь спасти византийские реликвии и, одновременно, без усилий завладеть ими. Особенно теми, которые почитались повсеместно и безоговорочно. И в большей степени мощами того святого, который был покровителем мореплавателей.

Бари оказался в первых рядах таких «спасителей». Город-порт расположен был в центре торговых морских путей, он «имел право» получить то, что «плохо лежало».

Решение об экспедиции в Миры Ликийские было принято без затруднений. Оставалось только воплотить его в жизнь.

И «они отплыли». Весной 1087 года. Как считается — на трех судах-кораблях.

Наш древний документ продолжает: «И придя в Антиохию, распродали пшеницу, и весь товар купили, который им угодно было. Вест же получив баряне, будто венецианцы, здесь пребывающие, хотят идти прежде них и забрать мощи святого Николы, ускорили [сборы] и отплыли немедля. И пришли в Ликию, в город Мирский, пристали в городском заливе. Собрали совет и, взяв оружие, вошли в церковь святого Николы, и увидели в ней четырех черноризцев, и спросили их, где лежит святой Никола».

Рассказ этот пока еще имеет вполне легитимные и добропорядочные основания. Приехали в Миры Ликийские гости, решили поклониться мощам святителя Николая. Что тут особенного? В храме их встретили радушно. Служителей осталось только лишь четыре человека. Их было

достаточно, чтобы, по местным меркам, защитить святые останки от грабителей.

Но так считали наивные мирликийцы. Они и не подозревали, что прибыл специальный отряд, подготовленный для свершения задуманного деяния — забрать мощи с собой.

«И показали им гроб, — продолжает автор «Слова о перенесении мощей», — где лежал святой Никола. Они же, раскопав церковный пол, нашли раку, полную миро, слили миро в сосуды, а мощи его взяли с собой, и с ними раку, в которой были мощи святого Николы, и отнесли на корабль свой, и отплыли в море. Два черноризца остались в Мирах, а два отправились с мощами святого Николы. И пошли в Бар град на другую сторону моря. Отошли же от града Миры месяца апреля в 11 день, и пришли в Бар град месяца мая в 9 день, в неделю (воскресенье. — К. К.-С.), к вечеру».

Следует напомнить, что в том 1087 году была очень ранняя Пасха, она попала на 28 марта. Если принимать эту дату во внимание, то можно предположить, что барийцы (мы будем называть жителей города Бари именно так, хотя некоторые авторы пишут «баряне») намеренно не пришли в Миры до этого праздника, и даже во время праздничной Светлой недели. И вовсе не потому, что праздновали сами или не хотели мешать другим. Скорее всего, они боялись стечения большого числа паломников и прихожан. Вот и отправились пока в Антиохию, хотя и остановились в первый раз в Мирах, и убедились в том, что время для них неудобное.

Отплыли же из Мир Ликийских, после вторичного посещения — с мощами, по русской версии, 11 апреля (в воскресенье). То есть попали они в Миры на второй неделе после Пасхи, когда наплыва людей там уже не было. И ушли поутру быстро на судах именно 11 апреля, так как не хотели встречи с прихожанами, которые могли прийти в храм в этот воскресный день (о чем как раз документы-источники и повествуют).

Кажется все же, что рассказ о пришествии барийцев, который мы привели, уж слишком спокойный. Но уверим читателя — главное еще впереди. События развивались значительно драматичнее. О них поведали миру два важных источника: записки монаха Никифора и рассказ Архидиакона Иоанна. Оба автора — из города Бари. Они жили как

раз в эти годы. Писали «по горячим следам». И у них не так много разногласий. К числу разночтений можно отнести вышеприведенную нами дату отплытия барийцев из Мир. Уже в XIII веке анонимный греческий автор текста о переносе мощей напишет: «...известно, что святитель Николай был переведен из Миры в Ликию за одиннадцать дней до майского календаря». То же подтверждает Архидиакон Иоанн (у него читается «за двенадцать дней»). Получается, 20 апреля. Однако более точное указание дает монах Никифор: «одиннадцатый день апреля». И тогда всё встает на свои места.

Иоанну и Никифору необходимо было смягчить в целом повествование о добыче мощей. Сделать его более человеколюбивым. Что они, видимо, и сделали. Но даже в таком варианте изложения мы можем увидеть более жесткие реалии произошедшего.

Как писал в XIX столетии архимандрит Антонин (Капустин), «их тексты занесены и в римский Мартиролог под 9 мая». Текст Никифора был создан через два года после переноса мощей. То есть автор знал всех участников события лично. Известно, что сохранились три версии этого документа, одна из них — «ватиканская», а другая — «греческая».

Что поведал нам Никифор? Среди приведенных отрывков перевода его текста нам доведется цитировать труд архимандрита Антонина (Капустина) «Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликии в Италию», выпущенный в Киеве в 1870 году. Он сделал свой пересказ-перевод из Никифора, о чем мы будем дополнительно сообщать.

Для начала Никифор рассказал о себе. По о. Антонину: «Я Никифор, последний из всех барян, неискусный и ненастоянный в светоточной речи настолько, чтобы изобразить сокровенные нравы и святую жизнь исповедника Господня, и совсем неспособный, приступаю однако же, поддерживаемый его помощью, к краткому рассказу о его перенесении». И далее: «...некоторые из барян, люди умные и знаменитые, отправились торговли ради на трех судах, нагруженных пшеницей и другими товарами, в Антиохию. Бывши уже в пути, они по Божию внушению согласились между собою или на переднем или на обратном пути взять, если Бог захочет, из города Мир тело блаженнейшаго Николая, исповедника Христова. Жертвуя собою и всем своим, они решили во что бы то ни стало исполнить свое намерение».

Никифор пытается объяснить, что мощи барийцы забрали случайно, а не преднамеренно. И это понятно. В процессе повествования Никифор дает нам имена двух специальных участников экспедиции, «паломников», «грека и француза», а еще и двух священников — Лупуса и Гримоальда (*Lupo e Grimoaldo*, иногда их называют Лупп и Дрого). О Гримоальдо упоминает в 6-й главе своего пересказа также и Архидиакон Иоанн. Священнослужителям было поручено сопровождать операцию. Известно, что чуть позднее, в 1121 году, человек по имени Гримоальд станет князем-принцем Бари, а византийский документ, подтверждающий его власть, назовет его так: «Гримоальд Альферанит, благодатью Божией и благословением Николая, князь Барийский». Он же спас из тюрьмы святого Иоанна Матерского, который в те годы проповедовал в Бари. Князь Гримоальд считался покровителем церкви Святого Николая в Бари и хранивших там мощей святителя Николая. Об этом писал также Антонио Беатилло в начале XVII столетия в своей знаменитой книге о жизни и чудесах святителя Николая — покровителя Бари (*Historia della vita, miracoli, traslatione e gloria dell'illustrissimo confessore di Christo S. Nicolo arcivescouo di Mira, e patrono della città di Bari...* с. 971). Не одно ли это и то же лицо? Разве что священнический сан Гримоальдо, упомянутый в источнике, может помешать развитию данной версии.

Итак, Никифор продолжает.

Прибыв в Миры, барийцы, после разведки по поводу безопасности, осторожно, но энергично пошли в церковь. По о. Антонину, только «47 из них, запасшись каждый своим оружием, благоговейнейшим образом устремились к святому телу. Остальные, подобным же образом вооруженные, остались стеречь корабли из страха тех же турок, наводнивших область ту и жестоко истреблявших народ. Так благоразумно поступили они, разделившись на две партии, чтобы удобнее исполнить задуманное дело. Итак, те 47, достигши св. храма благодетельного исповедника, и, нашед там только четырех сторожей, смиренно вошли в церковь, поклонившись св. престолу».

Сначала с лестью, а затем с угрозами заставили «гости» хранителей раскрыть место гробницы святого. Те первоначально сопротивлялись, уже испытав вторжение и жестокость сарацин. Тогда моряки-барийцы перешли к решительным действиям. Сначала — по Никифору — объявили, что их послал сюда сам Папа Римский и что это их церков-

ная миссия. Но сторожа все равно отказали пришельцам. Барийцы предложили им деньги. Много денег. По Архидиакону Иоанну — по 100 солидов с каждого корабля. Целое состояние! Но сторожа не поддавались. Они вдруг поняли, что барийцы готовы были взломать церковный пол и взять мощи в любом случае, а потому, как пишет автор, потеряли дар речи («сделались совсем без языка»).

Со своей стороны, барийцы пришли к выводу, что «золото отвергается как помет, ласкательства речей избегают, как змеиного яда, и всячески стараются убежать, чтобы дать знать обо всем гражданам». Стало ясно, что погрома не избежать. Гости начали угрожать сторожам оружием, приставили меч к горлу одного из них. Он указал место. А затем...

«Взяв железный молоток, — пишет Никифор, — они ударили по мраморной плите на полу... расчленив ее на мелкие кусочки... Нашли необычайно белый мраморный саркофаг... Моряк Маттео (в русском варианте его называют Матфей. — К. К.-С.) разбил саркофаг до половины тела и прямо в ботинках дерзновенно спустился в священную гробницу. Там он погрузил руки в жидкость и обнаружил, что в ней плавают святые мощи... Он искал череп. Найдя его, он вылез из могилы, а мутноватая жидкость пропитала всю его одежду и все тело». При этом благовоение распространилось вокруг и мгновенно достигло даже берега моря, его почувствовали оставшиеся там моряки. Иногда приводят сведения, что напарником барийца Матфея по разбитию гробницы был некий «француз Александр».

Затем, не имея с собой даже специального сосуда или ящика, мощи завернул в свое облачение один из священников — Дрого, которого итальянцы называют Гримоальдо (та же «душевная, сказочная» легенда об одежде сохранится и в рассказах о нашествии в Миры позднее венецианцев за остатками мощей, когда приезжий епископ будто бы завернет святые кости в свой головной убор).

У о. Антонина читаем: «...юноша, старательно отыскивая останки святейшего тела, нашел их все целыми. Другой из пресвитеров именем Дрого завернул их в новую бумажную одежду своего тела довольно искусно».

После такого действия, опасаясь бурной реакции местных христиан, они быстро вернулись на корабли, радуясь драгоценной добыче. Жители Мир, сбжавшиеся на зов, плача и протестуя, кричали им: «Согласно нашему греческому хронографу, прошло 775 лет, в течение которых ни один император, ни какой-либо человек не совершал такого

деяния» (была такая попытка, задуманная императором Василием I в IX столетии, но она не осуществилась). Они пытались разжалобить барийцев и просили: «Верните нам нашего отца и господина... и, если не все, отдайте нам хотя бы часть его, чтобы мы не были полностью лишены такого великого покровителя». Барийцы же ответили им так: «Вы можете удовлетвориться святой жидкостью и иконой» святителя, имея в виду то, что они не смогли забрать с собой.

По переводу архимандрита Антонина из Никифора, барийцы отвечали так: «Вы же сами сказали, что со времени кончины святого исповедника Божия прошло 775 лет. Довольно от него получили благодеяний как вы, так и предки ваши. Теперь воля его уйти отсюда, чтобы и другие части мира просвещать. Вы довольно можете утешиться тем, что имеете его гроб, полный святой влаги, и его икону, от которой много получили благодеяний. Справедливо же, чтобы такой большой и знаменитый город, как Бари, имел у себя такого покровителя».

Что ж, звучит логично. Тем более из уст победителей, которых, как известно, — судить бесполезно.

И действительно, барийцы вернули местным жителям прихваченную ими святую икону (вариант рассказа об иконе у Никифора — они не смогли ее взять), да еще, как позднее любили прибавлять итальянцы, — выдали им некую сумму денег. То есть поступили, по их мнению, «справедливо»...

Затем, повествует Никифор, чтобы воспрепятствовать любой краже части реликвий, моряки возобновили плавание в сторону Бари. Автор называет десятки портов и прибрежных городов, которые они проплывали, включая Патару — родину святителя Николая. Трудностей хватало. Погода и море не благоприятствовали. И прибавлялась еще одна проблема. Моряки стали тайком красть частицы мощей, осознавая их важность. «Не имея же сил идти далее, бранились между собою, предполагая, что кто-нибудь из них украл что-нибудь из мощей святого. Немедленно приказано было корабельщиками приготовить святую книгу Евангелие, на которой все пловцы должны были поклясться, что никто из них не взял ничего от них (мощей). Тогда пятеро из них показали, что они имеют нечто от святых мощей. Возвратив все и приложив к прочим частям, как они сами, так и все другие, поклялись, что никто из них не будет больше ничего иметь при себе от святых мощей».

Так и доплыли до апулийских берегов, где были торжественно встречены гражданами города.

Могли ли «специалисты» из Бари оставить в Мирах часть мощей? В спешке и при сопротивлении — могли. Так считают многие исследователи. И это, по мнению известного итальянского историка, книговеда, специалиста в сфере истории Церкви, не так давно ушедшего из жизни Никколо Дель Ре, вполне допустимо. «Можно предположить, — писал он, — кое-что могло остаться в древней гробнице в Мирах после поспешной и решительной кражи моряков из Бари».

Это сохраняет право венецианцам аргументировать подлинность своей части мощей святителя Николая. Но об этом позднее.

Во всяком случае, Никифор легко оправдывает поступок своих земляков — барийцев, которые, по его мнению, «отнимают самую святую добычу не так, как они отнимают ее у врага, а как если бы они взяли ее из сокровищницы Господа».

Вывод прост и элегантен, но и по-своему циничен...

Однако время показало, что барийцы не только «грабили», но и реально спасали останки святителя от возможного поругания. Что, правда, не отнимает у жителей Мир Ликийских права на свой аргумент: они могли бы сами спрятать мощи святителя Николая так, что их бы не нашли сельджуки или завоеватели Османской империи. Просто не успели этого сделать.

Но нашли бы их позднее потомки? Ответ лишь один — на все воля Божья.

А барийская экспедиция эти останки сохранила.

Теперь претензии предъявляют и турецкие заинтересованные лица. Не только ученые, но и политики и деятели туристического бизнеса. Их аргументы не мудреные. Во-первых, барийцы забирали мощи святителя Николая в тот момент, когда на ликийской земле уже хозяйничали представители османской цивилизации. То есть забирали они их не у греков-христиан, не у византийцев, а у турок-мусульман. Потому — отдайте назад. Во-вторых, барийцы, скорее всего, забрали не те мощи. Настоящие же — частично находятся в Турции (например, в Археологическом музее Анталии), либо еще лежат в земле, под спудом. И турецкие археологи всего в двух шагах от их нахождения и раскрытия тысячелетней тайны.

Обе хроники 1088—1089 годов (Никифора и Иоанна), а также еще две другие (русская и французская), созданные в последующие несколько лет, повествуют, что в Мирах

было некое турецкое правление (которого барийцы очень опасались). В той или иной форме Миры Ликийские уже тогда находились под турецким владычеством. Получается, что не греки-византийцы правили городом и, следовательно, не у них отбирали мощи. По этому поводу итальянский исследователь о. Джерардо Чоффари в одном из своих трудов пишет: «В 1087 году Св. Николай не был украден у византийцев, так как Ликия во второй половине XI века уже не находилась под военным контролем византийцев. Он не был украден и у турок, потому что они в этой зоне передвигались свободно, но еще не присоединили эту территорию к своей империи». Какой вывод из этого можно сделать? Бариец о. Джерардо, естественно, резюмирует: «То, что барийцы не имели намерения красть, показывает тот факт, что, несмотря на свою вооруженность, они начали переговоры с монахами и выразили готовность заплатить. То есть существовал какой-то серьезный религиозный и политический мотив, который подталкивал их к этому».

Но вернемся к повествованию о перенесении мощей.

Архидиакон Иоанн, описавший события в 1088 году в документе под названием *Translatio S. Nicolai*, то есть год или даже менее спустя после прибытия мощей святителя Николая в Бари, радостно сообщал: «Многие государи и многие влиятельные люди пытались со всей решимостью извлечь его тело из гробницы, в которой он был похоронен, перевезти его в другое место, но тщетно».

Ему же принадлежит авторство эпизода, как будто бы случившегося с барийцами еще до изъятия мощей (потом этот эпизод повторит Иерусалимская легенда, написанная на французском языке). По его словам, они, подплыв к Мирам, отправили на берег разведчика-«паломника», который сообщил, что возле базилики святителя Николая находится много иноверцев. Как пишет о. Джерардо Чоффари в своей статье «У кого был похищен святой Николай?», «в действительности умер правитель города, именно по этой причине все собрались — на похороны. Узнав об этом, барийцы подняли паруса и сразу направили свои корабли к Антиохии». Таким образом, мы узнаем, что отряд из Бари был в Мирах Ликийских дважды! До продажи зерна в Антиохии — не похитив святые останки, и уже после этого — сумев это сделать.

Именно Архидиакон Иоанн приводит слова, как будто

бы сказанные святителем Николаем, — формулу неделимости мощей. Формулу, которая должна была утверждать, что они находятся только и только в Бари: «Я не позволяю даже самой маленькой частице отделяться от других моих останков». И когда выяснилось, что даже уже на борту барийского судна пять моряков-барийцев пытались похитить мелкие частицы мощей святителя, то тут же появилась еще более крепкая фраза: «Исповедник Бога лично не хочет, чтобы его мощи каким-либо образом были разделены».

Вот так...

А мы продолжим рассказ из русского «Слова о перенесении мощей», датируемого тем же XI столетием. Итак, святые останки приплыли в Бари.

«Баряне же увидели, что пришли с мощами святого Николы от Мир, вышли все горожане для встречи его, мужи и жены, от мала и до велика, со свечами и с тимьяном (благовониями. — К. К.-С.) и приняли и с радостью и великой честью, и положили их в церкви святого Иоанна Предтечи у моря. Да послушайте, братья мои, молю вас, сколько сотворил чудес святой Никола, дойдя от Мирска града в Бара град. В неделю [в воскресенье] вечером пришел, и утром в понедельник исцелил 40 и 7 больных мужей и жен, одержимых различными недугами и болезнями: один главою, и другой глазами, и иной руками и ногами, и другой сердцем, или внутренней болезнью, и всем телом, и страждущих от духов нечистых (число исцеленных в первый же день в Бари — 47 — повторяет во всех источниках число моряков — 47 — направившихся в Мирах к храму для вывоза мощей; точность такого указания является редкостью, а потому можно считать это не случайным. — К. К.-С.). А во вторник исцелил 20 и 2 больных, а в среду исцелил 29 болящих, в четверг с утра рано исцелил глухонемого, страдающего уже 5 лет этим недугом. И затем явился святой Никола некоему черноризцу, духовному лицу, сказав, что “волею Божией пришел в страну сию”. В день недельный [воскресение], в час 9 приняли исцеление 10 и еще один человек. Еще же во всякие дни творит чудеса святой Никола, как источник кипящий, не имеющий истощения.

Много же даров приносили к святому, злато и серебро, и ризы многоценные. Увидели же горожане преславные его чудеса, и возрадовались радостью великою очень. И возвели ему церковь преславную, и великую, и красивую во имя

святого и преподобного отца Николы, выковав же и раку ему серебряную, позолоченную. И в 3-е лето принесения его из Мир послали к римскому папе Герману, чтобы пришел с епископами своими и со всем клиросом церковным его, чтобы перенесли мощи святого Николы. Пришли и взяли мощи святого Николы, и вложили в раку серебряную, и взялись епископы с их вельможами и перенесли в великую новую церковь его, и положили их в алтаре в сокровенном месте месяца мая в 9 день. Принесли же и старый гроб его, в нем же был принесен из Мир, и поставили в церкви, положили и кость руки его от мощей его. Много народу, людей, приходили, целуя мощи и раку его. Римский же папа Герман, и епископы, и все горожане, люди праздник великий сотворив в тот день в похвалу святому, его же творят и до сего дня, и ели, и пили, веселившись в те дни, и много подаяний принесли убогим. И так разошлись по домам своим с миром, славя и хваля Бога и святого и преподобного угодника и архиерея Христова Николу.

Нам же, о преподобный угодник Христов, милостив будь сейчас и в будущем веке! На тебя ибо уповаем и молимся, ты всех видимых и невидимых честнее явился. Блаженный поистине град Барский, и церковь его освященная, в ней же тебя возвеличил Господь Бог! Освятил тебя, угодника своего, Вышний, ты есть всем христианам помощник и заступник, избавляя нас от всех напастей, от бед наших. И еще молим тебя, святой преблаженный угодник, святитель Христов Николай, имей дерзновение к Владыке, молись о нас, празднующих всегда память и творящих праздник принесения твоих мощей, так спасены будем твоими молитвами, благодатью и человеколюбием Единородного Сына, с ним же благословен есть, с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Архимандрит Антонин (Капустин), ссылаясь на публикацию митрополита Николая Кармина Фалькония начала XVIII века — *Acta Primigenia*, — приводит цитаты из еще одного автора, современника событий, описавшего перевоз мощей святителя Николая Мирликийского в Бари. Это сделал монах из бенедиктинского аббатства Жамблу — Сигиберт Гемблаценский (1030—1112) в своей «Хронике». «В то время, как венециане рассуждали о том, чтобы взять тело блаженного Николая из Миры Ликийской, разоренной турками, — пишет Сигиберт, — баряне в числе 47 человек, идя из Антиохии к Мире, предупредили их. Они принудили

находившихся там только четверых монахов указать им гроб. Разломав его, они вынули оттуда кости св. Николая, плававшие в масляной влаге, все числом, и перенесли их со славою в Бар, в 1087 г.».

Монах Никифор и Архидиакон Иоанн — оба — отмечают важную деталь. Они повествуют, что сначала корабли с мощами пришвартовались не в Бари, а в соседнем рыбацком городке Сан-Джорджо (назван в память святого Георгия), ныне — в четырех с лишним километрах южнее центра Бари (в настоящее время — район города Бари). В русском тексте упоминается, что святые останки первоначально внесли в храм «Иоанна Предтечи у моря» (это повторяет в своем описании событий и святитель Дмитрий Ростовский в XVIII столетии), что дало повод некоторым исследователям предположить, что авторы ошиблись, так как в Бари такой церкви не было. Действительно, в публикациях, например, исследователя Дарио Морфини, связанных с историей церковей в Апулии (*Morfini D. Bari — Bitonto. Dalle origini al sec. XI. Dalla conquista normanna al concilio di Trento // Storia delle Chiese di Puglia. Bari, 2008*), мы не находим такого храма в Бари в это время. Хотя это странно, если учесть слова о Джерардо Чоффари, который пишет: «В Бари, после имени Иоанн, самым распространенным являлось имя Николай (в городе существовало уже три или четыре церкви в его честь)». Если это так, то разве не было ни единого храма в Бари, посвященного Иоанну Крестителю? Сомнительно.

Возможно, конечно, что произошла какая-то путаница с храмом Иоанна Крестителя в Мирах, в котором хранились некоторые мощи. Было предположение также, что храм Иоанна Предтечи мог быть и в Сан-Джорджо.

Моряки пристали в порту этого городка, дабы оформить внешний вид мощей, поместить их в мало-мальски обработанный реликварий перед показом публике. Говорили также, что остановка была необходима в связи с обычным карантинном. Но Архидиакон Иоанн в 13-й главе своего повествования рассказывает, что здесь моряки «переложили мощи в ящик, обернутый тканью». Известно, что они действительно на скорую руку изготовили новую раку и декорировали ее ценными тканями, привезенными ими из Антиохии. Забежим здесь вперед и вспомним, что спустя время мощи переместили в другой реликварий, а про первоначальную раку забыли. Вспомнили лишь в XVI веке,

тогда из нее сделали ценный футляр. В 1887 году деревянные фрагменты старой раки поместили в специальный хрустальный (прозрачный) ларь, теперь ее могут видеть люди. Примечателен факт, что уже на заре III тысячелетия российские космонавты доставляли частичку раки в космос. После чего ее половину вернули в базилику, а другую поместили в церковь в Звездном городке (Россия).

Итак, видимо, тогда в Сан-Джорджо временно занесли святые останки в храм. До сих пор в городке-районе Бари располагается небольшая часовня со статуей святителя Николая, и в дни традиционного барийского праздника отсюда начинается величественная процессия с выносом изображения святого.

Наконец моряки пришли, снова по морю, в Бари. Если это, как официально признано, произошло 9 мая 1087 года, то, вероятно, в Сан-Джорджо они пристали как минимум за день до этого — 8 мая или еще ранее. Воспользуемся современными методами исчисления Пасхалии и подтвердим, что 9 мая 1087 года был день воскресный. Барийцы только отметили Вознесение Господне (6 мая), ждали праздника Троицы, который в западном христианском мире стал к тому времени уже почти регулярным (в 1087 году приходился на следующее воскресенье — 16 мая). Однако моряки прибыли к Бари только вечером следующего за 8 мая воскресного дня.

И они не спешили сойти на берег. Тому были веские, вновь возникшие причины. По поводу того, кто будет обладать мощами святителя Николая, произошел большой спор. Возможно, это была даже главная причина, по которой корабли не пристали сначала в Бари. Да и подплыв к берегу славного города, никто не спешил выходить. О Джерардо Чоффари разъясняет: «капитаны судов и главные организаторы похищения ожесточенно спорили о месте сохранения мощей». Он же, в другой публикации, делает такие выводы: «Когда в 1087 году святые мощи прибыли в Бари, там произошли вооруженные столкновения, принесшие жертвы, с целью воспрепятствовать приказу архиепископа о перенесении святых мощей в Собор (имеется в виду кафедральный епископский собор в Бари. — К. К.-С.). Действительно, под базилику Святого был приспособлен старый дворец византийского правителя, который, в качестве церкви барийского народа, противопоставлялся Собору, епископской церкви».

Но все равно, как утверждают источники, радости местных жителей не было конца. То, как встречали жители города мощи святителя Николая, уже было описано выше. Важным участником событий (а может быть, и их вдохновителем), разрешившим многие споры, стал аббат бенедиктинского монастыря Илия (abate Elia), позже возведенный в ранг епископа Барийского. О Джерардо Чоффари называют его «абсолютным героем ранних времен существования Базилики Святого Николая и всего “золотого века” города Бари... волшебного периода апулийского искусства, эпохи соборов, которые были вдохновлены необычным примером Базилики». По хронологии жизни аббата Илии, составленной о Джерардо, мы видим, что он был аббатом (настоятелем храма) Санта-Марии, затем, во время капитуляции Бари в 1071 году, числился аббатом монастыря Святого Бенедикта в городе, позже, в 1087 году, он получит мощи святителя Николая, начнет строительство базилики и, уже будучи архиепископом Бари, в 1089 году закончит эту кропотливую работу. Он же, предположительно, основал «Николаевское общество», иногда называемое «братством» (*Societas o Fraternitas Nicolaina*). Скончался в 1105 году.

Аббат Илия сразу же предложил построить храм в честь святого Чудотворца. Сделал это мудро, связав идею с поклонением правящим династиям в Бари. Храм заложили на подаренной герцогом Роджером I земле, на основании прежнего дворца катапана — византийского наместника в Апулии; храм этот позднее считался придворной капеллой императора Фридриха II и даже получил статус дворцового при Анжуйской династии.

Уже в 1089 году крипту освятили, а в 1095 году Петр Амьенский произнес здесь проповедь перед началом Первого Крестового похода. В 1089 году Папа Урбан II даровал епископам Бари титул примаса Апулии. В 1098 году он же созвал здесь Собор для объединения Западной и Восточной церквей. После взятия Иерусалима в 1099 году увеличился поток паломников в Святую Землю. Бари и Базилика Святителя Николая стали местом поклонения.

Сам факт перенесения мощей святителя Николая вызвал столь высокое и особенное почитание Чудотворца, что почти сразу же было решено установить праздник. Его отнесли на 9 мая. Первоначально он считался местным торжеством. Но почти сразу стал выходить за пределы города

Бари. Другие страны, особенно восточнохристианские и некоторые западные, его не приняли. Не принимает Греческая Православная Церковь, ибо потеря мощей святителя Николая стала не радостным, а печальным для нее событием.

Однако иначе отреагировала Древняя Русь. Почти сразу же после 1087 года православные здесь стали праздновать память перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари (Бар-град). Еще и ста лет не минуло после принятия Русью христианства, а уж русские отличились высокой степенью реагирования на важные и передовые события в Европе.

Есть версия о том, почему был так быстро принят на Руси такой, казалось бы, далекий праздник, да еще и после разделения Церквей. Всему «виной» могла стать дочь киевского князя Всеволода Ярославича, сестра Владимира Мономаха и вдова нижнесаксонского графа Генриха Длинного Штаденского — Евпраксия Всеволодовна. Она как раз к тому времени уже жила в Европе, приняла католичество (с именем Адельгейда). Считается, что она перед кончиной первого мужа (в июне 1087 года, буквально сразу же после барийских событий) принимала участие в торжестве перенесения мощей святителя Николая в Бари. А после упокоения святых останков в новой барградской базилике, 14 августа 1089 года, вышла замуж за Генриха IV, став императрицей Священной Римской империи. Евпраксия, будучи весьма влиятельной особой, могла стать инициатором и главным движителем для принятия праздника на Руси.

Профессор А. Красовский в 1874 году в Киеве опубликовал свой труд «Установление в Русской Церкви праздника 9 мая, в память перенесения мощей св. Николая из Мир Ликийских в г. Бар», где отмечал: «Сказание Барского архидиакона Иоанна посвящено Урсону, Барскому епископу, под заглавием: *Translatio Sancti Nicolai*. Оно написано спустя несколько лет после события и обстоятельно излагает как самое открытие мощей святителя барянами в Мирах, так и перенесение их в город Бар, наконец, чудеса, совершившиеся при этом от св. мощей. Здесь отметим пока лишь то, что по этому сказанию перенесение мощей святителя в г. Бар совершилось 9 мая 1087 г.».

Дата была признана в России сразу же.

9 мая (22-го — по новому стилю) почти все Церкви мира празднуют «вешнего Николу» — перенесение мощей святителя Николая в Бари. Праздник этот, по словам А. А. Дмит-

риевского, «собирает в город массу богомольцев со всей Италии и из других стран, как православных, так и католиков, и обставлен торжественными службами и литаниями».

Немного о гробнице, в которой находятся мощи святителя Николая. Она расположена в подземной церкви — крипте. Это древнее место освятил Папа Урбан II еще 1 октября 1089 года. Он же собственноручно положил останки святителя Николая в приготовленный в крипте глубокий, мраморный саркофаг. Как известно, храм был перестроен из остатков дворца катапана — византийского губернатора Апулии. Возводили его почти два года. Здесь много колонн, одна из которых является предметом поклонения верующих; случаются здесь и чудеса. Легенда гласит, что привезли ее из храма в Мирах. Но как она была перевезена в реальность — неизвестно. Говорили, что по велению святителя сама чудесным образом приплыла из Ликии.

Ныне гробница Николая Чудотворца предстает перед паломниками строго и аскетично. Саркофаг выглядит как каменный оссуарий («костница», место для хранения мощей), с тремя уступами по краям крышки и тремя лунками в центре, средняя из них — сквозная.

Временами гробницу украшали золотом и серебром. Но после недавнего изучения мощей решили вернуть тот ее вид, который был изначально. Для доступа внутрь гробницы, когда священники собирают миро (манну), спереди сделано отверстие. Со стороны зала в сторону крипты можно видеть огороженный решеткой алтарь. Решетчатые ворота открывают для паломников, которые на коленях могут приложиться и поцеловать надгробную плиту святителя Николая.

Хранителями мощей Чудотворца ныне являются монахи доминиканского ордена, находящегося в юрисдикции Папы Римского. В 1986 году в Бари был открыт Институт «Святого Николая», в котором работает Центр изучения наследия святителя (*Centro Studi Nicoliani*).

При Базилике Святого Николая в Бари был создан музей имени святителя. Он был открыт 6 февраля 2010 года. Здесь хранятся и сюда стекаются все исторические и художественные сокровища, которые связаны с прошлым Базилики Сан-Никола, являющейся духовным сердцем города.

Николаевский музей включает в экспозицию самые ценные произведения разных эпох. К таким историческим периодам относятся Византийский (876—1071), Норманн-

ский (1071—1194), Швабский (1194—1266), а также, среди прочих, Арагонский (1442—1501) и период эпохи Бурбонов (1734—1861). В музее выставляются старинные пергаменты и рукописи, реликварии, эмали, чаши из серебра, картины и священные облачения. Это позволяет гостям увидеть подлинную историю и найти с ней прямой контакт.

По мнению о. Джерардо Чоффари, руководителя Центра изучения наследия святителя Николая, основателя (в 1990 году) журнала *Nicolaus Studi Storici*, после перенесения мощей епископа из Мир «для Бари открылась новая историческая страница. Раньше этот город был византийской столицей Южной Италии, теперь он становится городом Святителя Николая».

Однако не все в мире отнеслись к событию с особым пиететом или стали его воспринимать как некоторую революцию в почитании святителя Николая и в возвышении Бари. Были и другие мнения. Например, исследователь Д. Морфини (Dario Morfini), изучавший историю храмов в Барийском регионе Апулии, пишет: «Средневековая слава Бари не связана исключительно с прибытием в город мощей св. Николая; фактически под норманнским господством это место было известно в Европе как один из основных пунктов пересадки на суда и корабли. В 1096 году войны со всей Европы стекались в Бари, чтобы отправиться в Первый Крестовый поход».

В службе на празднование перенесения мощей святителя Николая есть такие строки: «Морем святителю быша шествия твоя, из Мир Ликийских в Барград: взяты бо от гроба ковчег твой, и к западом дойде от востока, благочестно последовавшим монахом, иже при гробе твоём, честь ти творившим, мановением Владыки всех, Николае преславне».

Венеция, остров Лидо

*Тогда вывели меня оттуда на землю
и привели к гробу, где лежало мое тело.*

Игнатий Брянчанинов, XIX в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Он даже самого благодетельствуемого

не желал делать свидетелем своего доброго дела. Столь далек он был от того, чтобы искать мирской славы, что старался утаить свои добрые дела тщательнее, чем другие свои злодеяния».

Как мы уже знаем, в Венецию часть мощей святителя Николая попала так же прямо из Мир Ликийских, как и в Бари. Возможно ли такое? Как можно два раза, с разницей в несколько лет привезти одну и ту же святыню и оставаться уверенным в том, что она подлинная?

Не мы одни задаемся этими вопросами. Ибо если бы не было второго перенесения мощей Николая Чудотворца, не было бы ни вопросов, ни поисков ответов к ним.

Как же произошло вторичное появление мощей в другом городе Италии?

Сначала об источниках.

Первым историю попадания мощей святителя Николая в Венецию описал некий автор-монах, имя которого остается неизвестным. Потому его и называют «Аноним». Его рукопись датируется чуть ли не 1101 годом. То есть события разворачивались практически на его глазах, он описывал то, что видел сам. Вот почему мы знаем о случившемся много и подробно.

Однако другие авторы, такие как пресвитер Никифор в своей латинской Хронике или Архидиакон Иоанн Барийский, рассказывая о плавании моряков из Бари в Мира Ликийские за мощами, невольно затрагивали также и историю с возможной экспедицией венецианцев. Они это делали невольно, ибо и те и другие события происходили с разницей в несколько лет. Однако еще до плавания венецианцев этим авторам нужно было как-то доказывать, что их мощи правильные, а возможные другие — нет. Архидиакон Иоанн, написав свою хронику в 1088 году по наказу Папы Урбана II, еще не мог знать о походе венецианцев, который начался позже. Но уже тогда он утверждал, что мощи святителя Николая не могли быть делимыми и что сам святитель наказал: «Я не позволяю даже самой маленькой частице отделиться от других моих останков». Хронист Никифор также и в то же время утверждал: «Исповедник Бога лично не хотел, чтобы его мощи каким-либо образом были разделены». Оба автора хотели одного — утвердить мысль, что попав в Бари, святые останки оставались там и только там. Причем все.

Но венецианцам удалось доказать обратное.

В 1758 году вышла важная книга «Исторические известия о церквях и монастырях Венеции и Торчелло» (*Corner F. Notizie storiche delle chiese e monasteri di Venezia e di Torcello*), автором которой стал Фламиний Корнер. В своем глобальном труде выдающийся венецианский историк также основывался на рукописи «Анонима». Именно Корнер поведал широкой общественности о событиях рубежа X—XI столетий. С тех пор острота волнений спала. Венецианцам не надо было усердно продолжать спор, потому что их «позиция» до этого была слабее барийской. А представителям Бари приходилось лишь только смиряться с ситуацией.

Некоторую черту под недоразумениями и спорами подвели научные исследования, учиненные уже в наше время, сначала в 1950-е, а затем в 1990-е и 2000-е годы. Привлеченные специалисты пока утверждают так: мощи в Бари и Венеции — из одного источника и взаимно дополняют друг друга.

Подробнее об этом рассказывается в отдельной главе данной книги.

А мы вернемся к рассказу о том, как мощи святителя Николая попали в Венецию.

Как мы уже знаем, в Бари купцы (или организованные профессиональные наемники) привезли мощи из Мир Ликийских в 1089 году. И об этом узнала почти вся Италия. Кому бы пришло в голову устраивать новую или специальную экспедицию в древний анатолийский городок, к тому времени находящийся у порога уничтожения со стороны турок? А вот пришло, и не случайно.

Наступил 1096 год. Папа Урбан II, тот самый, который чуть ранее участвовал в обновлении раки с мощами святителя Николая в Бари, объявил о начале Первого Крестового похода против сарацин. Решение принять в нем участие высказали многие западные правители. Тех, кто отправлялся в рискованное предприятие, стали называть крестоносцами.

Богатая и процветающая Венеция не могла остаться в стороне. Хотя можно добавить к эпитетам города — «мудрая Венеция», потому что городские верхи все сделали по-своему. В то время в «плавучем городе» уже был храм, посвященный святителю Николаю. Уважаемые люди перед походом отслужили молебен в этой церкви. Как писал «Аноним», епископ Энрико Контарини обратился к святому

с молитвой, дабы «поход и торговля процветали, и чтобы можно было приобрести» его священные останки. Молились святому Николаю Чудотворцу, чтобы уберечь от нападений, и вспомнили о его мощах, вывезенных соотечественниками. Похоже, что венецианцы знали, что в Бари попала лишь часть святых реликвий. Кто-то должен был успеть забрать оставшуюся.

И, конечно же, это должны были быть только жители Венеции. Никак не иначе, думали они.

Спустя короткое время отряды венецианцев отправились в сторону Иерусалима через Далмацию и остров Родос. После победоносной стычки с соотечественниками — пизанцами они около 1100 года оказались у берегов Ликии. Епископ Контарини напомнил соратникам и коллегам о том, что где-то тут неподалеку лежит часть мощей святителя Николая. Находясь в нескольких милях от Мир Ликийских, они послали разведку, которая доложила, что город оскудел людьми и провиантом. А в храме вообще службы нет, только раз в месяц, в воскресенье.

Немедленно на берег был высажен десант. Вооруженные крестоносцы, явно не похожие на мирных и добропорядочных христиан, ввалились в храм и увидели, что он пуст. Какие-то странные четыре субъекта продолжали охранять церковь от шальных гостей, не подозревая, что к ним как раз и пришли вооруженные люди с той самой определенной целью.

Сторожа радушно показали разбитый саркофаг и поведали венецианцам уже известную им историю о том, как несколько лет назад барийский отряд забрал часть святых останков.

Естественно, пришлые вояки решили проверить слова охранников. Они перевернули все в храме, обыскали все потаенные углы, но ничего не нашли. Тогда применили испытанный метод — пытки. Для этого выбрали одного из сторожей.

Фламиний Корнер в упомянутой выше книге, вышедшей в XVIII столетии, пишет, как некто, «повернувшись к зрителю, посоветовал раскрыть то, что тот знал... Он объяснил бедному хранителю, что тот может освободиться от несправедливых мучений, заставляющих его страдать», если расскажет — где святыня.

Сторож не мог сказать все это время ничего. Похоже, он не знал, где находятся мощи святителя Николая. «Вопли несчастного, непомерная жестокость солдат, — пишет

Корнер, — вдруг прекратились. Благодарный страж праведного, благочестивого и доброго епископа, не зная, как раскрыть тайну — где находится тело разыскиваемого Святого Никколо, решил показать солдатам мощи двух других Святых, которые хранились в той же Церкви».

Так его моление к истязателям оставить его в покое возымело действие. И, как мы видим, за это он обещал выдать упорным гостям другие мощи святых людей. Так и сделали. У Корнера есть важные подробности: «Вот, — сказал хранитель, показывая ковчег, где находились останки двух святых епископов, предшественников великого Святого Николо... они покоятся в главном алтаре, посвященном святому Иоанну Крестителю... так были найдены два священных тела с надписями: одно — Святого Теодоро Мартире, другое — Святого Никколо Дяди».

Мы видим здесь некоторый временной казус. Похоже, что автор этих строк был убежден, что речь шла о святителе Николае, жившем не в IV, а в VI столетии. Ибо слово «предшественники» вызывает удивление и настораживает. Можно, например, предположить, что речь идет о священомученике Феодоре Мученике (Тироне) и святом Николае Пинарском — дяде, но другого святителя Николая. Путаница, правда, предполагает возможность сделать и другой вывод. Феодор Тирон был замучен в 306 году, был современником святителя Николая, но все-таки был и его предшественником, если принять во внимание год его кончины. А «дядей» святителя можно считать другого епископа Николая — Патарского. Но все равно такие размышления требуют особенного внимания, оставляем возможность делать выводы другим исследователям (например, итальянский ученый Л. Г. Палуде считает относительно святого Феодора, что, возможно, назван священомученик Феодор, участник Второго Никейского собора 787 года).

Венецианские крестоносцы удовлетворились предложением сторожа выдать им мощи этих двух святых. То было историческое событие, не менее важное для их родного города. Потому что каждый из них знал, что до перенесения мощей апостола Марка покровителем Венеции считался Феодор Тирон.

Откуда мощи Феодора появились в Мирах Ликийских? Мы не знаем. И верим только на слово самому Фламинию Корнеру, указавшему на имя «S. Teodoro Martire» (так в оригинале). Однако все же, скорее, это имя архипастыря, имевшего отношение к епископству Мир Ликийских. По

крайней мере, в самой Венеции, в храме Святого Николая в Лидо указано просто и без комментариев — мощи святого Феодора. Точка.

«Аноним» рассказал о том, как были «на алтаре найдены три отдельных и очень хорошо защищенных ящика — останки двух епископов с эпитафиями в отдельных кипарисовых коробах, источающие сладкий аромат: мученик святой Феодор и другой, дядя великого Никколо, великие служители и иерархи этой церкви».

Корнер пересказывает и добавляет: «Оба великие епископы города Миры, о них упоминается в деяниях Святого Никколо. Таким образом, венецианцы, получившие такое приобретение, настолько возрадовались, что священные останки были перенесены в древних кипарисовых гробницах в расположение войск. Начали готовиться к отъезду, но тут некоторые, задержавшись в церкви, вдруг почувствовали необычный и чудесный аромат от алтаря Святого Николо».

Вот это благоухание как раз и «выдало» реликварий святого Николая Чудотворца. И может быть — не зря.

«Рассудили практично, — продолжает Корнер, — ведь архиепископ во время главных праздников обычно не проводил торжественную мессу у алтаря Святого Никколо, он ставил временный престол в другом месте, совершал там Жертвоприношение и молился. Прямо вверху над этим как раз находился образ Святого Никколо. Понявшие это быстро поспешили к военному лагерю, чтобы рассказать о благовонии и своих предположениях, которые подарили им новую надежду».

Отряд крестоносцев вновь отправился в храм. И тут произошло главное. По Корнеру: «Отъезд был приостановлен, они поспешно вернулись в Церковь и, воодушевленные, стали разбивать покрытие пола, пока не достигли другого подземного этажа. Удалив некоторые большие камни, которые поддерживали верхний пол, они обнаружили большую массу очень твердого стекла, которое почти невозможно было разбить на куски. А затем, внутри, они нашли еще одну, небольшую твердую оболочку».

Последовательность действий неугомонных венецианцев была такова: для начала они разбили пол алтаря в том сокровенном месте, где когда-то, как они догадались, святой Николай служил Литургию. И сразу же обнаружили другой слой (как бы сказали современные археологи — новый слой). А в нем — залитую крепкой «бетонной» и в то же

время «стеклянной» смесью хранильницу в виде ларца, в которой как раз и лежали мощи святителя. На реликварии была греческая надпись: «здесь почивает великий епископ Николай, славный своими чудесами на земле и на море». Позднее среди останков внутри был обнаружен камень с нацарапанным также греческим текстом: «мироточивые мощи святого смиренного Николая».

Вызывает удивление «стеклянный» саркофаг в Мирах, сделанный так, что его невозможно было разрушить сразу. Похоже на передовые технологии того времени, так и оставшиеся в секрете. Но есть предположения, что это была окаменевшая манна или даже миро, которое продолжало выделяться в малых количествах после нашествия барийцев, и жидкость просто застыла в такой удивительной форме-субстанции.

Венецианцы, открыв этот высокопрочный реликварий, увидели внутри не крупные части скелета, а горку раздробленных костей и мелких частиц. По другой версии, они стали выламывать оставшиеся кости святителя из твердой массы, поэтому мощи дробились на небольшие фрагменты. Собрав эти мощи, они отправили их на корабль.

Надо сказать, что отнесли новые хозяева к останкам весьма благоговейно. Даже соорудили временную походную церковь во имя святителя Николая. Как говорили, служба в храме сем не прекращалась все время, пока они не вернулись домой.

А до Венеции было еще далеко. Надо было сначала добраться до Святой Земли, Палестины и Иерусалима. Но даже Крестовый поход уже не так интересовал его участников. Им надо было как можно скорее вернуться с мощами в свой родной город.

Наконец это произошло. Случилось сие событие 6 декабря 1100 года (иногда пишут 1101 года), весьма промыслительно, ибо дата связана с предполагаемым днем рождения Чудотворца.

Новость облетела город заранее. Вся Венеция вышла встречать у берега корабли, в одном из которых приплыла к ним святыня. Говорили первоначально, что мощи хотели поместить в собор Святого Марка, который еще до этого предлагали переименовать, включив в название имя Святого Николая. Во всяком случае, прошло время, пока их решили поместить в храм Святителя Николая (*Chiesa di San Nicolo del Lido*), который принадлежал бенедиктинскому монастырю на острове Лидо. Ведь именно здесь служили молебны перед

отправкой крестоносцев в поход. Сюда венецианские воины и вернулись, но уже вместе со святой «добычей».

Напомним, что вместе с мощами святителя Николая прибыли в Венецию святые останки и двух других епископов. Мощи трех святых и ныне покоятся в одной раке, но в разных деревянных отделениях. «Аноним», рассказавший нам о событиях переноса части мощей из Мир Ликийских в Венецию, свидетельствовал о многочисленных чудесах, которые происходили рядом с этими мощами. Автор пел в это время в церковном хоре бенедиктинской обители и видел всё собственными глазами. С другой стороны, понятно, что для него было важным доказать, что чудеса могли происходить потому, что это были настоящие мощи святителя Николая.

Автор книги «Признание мощей святителя Николая», исследователь Л. Г. Палуде (*Ricognizione delle Reliquie di S. Nicolo. Vicenza, 1992*), пишет: «В Венеции, как и в Бари, велась оживленная дискуссия о наиболее достойном месте для хранения реликвий: в Марцианской базилике, затем склонялись к тому, чтобы построить церковь возле площади Святого Марка или предпочесть место патриарха-епископа, то есть — Святого Пьетро ди Каstellо. Наконец, мнение аббата Святого Николая дель Лидо стало преобладающим, указывая на церковь, уже построенную венецианцами в честь того же святого. Чтобы избежать неожиданностей от набегов или грабежей, временно мощи были размещены в центре хора и была построена “очень сильная и очень хорошо сконструированная” башня с вооруженной охраной. Пока не возвели новый, более достойный храм!»

Какая же часть мощей попала в Венецию? По логике — та, которая осталась после конфискации большей их партии «купцами» из Бари. Либо, может быть, те святые останки, которые, как известно, хотел вывезти из Мир Ликийских в Константинополь византийский император Василий I Македонянин (была такая идея в IX столетии, но не осуществилась; оставленные мощи, чтобы другим не достались, были замурованы «в стекло» и опущены глубоко в подпол в потайном месте храма в Мирах, пока их не обнаружили византийцы).

Оба итальянских города — Бари и Венеция — в течение долгого времени упорно спорили по поводу «правильности» мощей. Но со временем всё как-то само успокоилось и логически завершилось. Постепенно все приходило к мне-

нию, что мощи одни и те же, только взяты в разное время. Но самое главное — это все мощи, какие были или могли быть. Другие — не из Бари или Венеции — вряд ли являются таковыми. И если кто-то показывает в своих храмах и коллекциях частицы мощей святителя Николая или рассказывает, что они у него есть, то он либо взял их каким-то способом (может быть, и вполне официальным) в Бари или в Венеции, либо он просто шарлатан...

Долгое время не был согласен с тем, что мощи в Венеции являются настоящими, известный исследователь из Бари о. Джерардо Чоффари. Более того, он высказывал мнение, что венецианцы отыскали останки не в том месте, не в Мирах, а неподалеку — в Сионской обители, где был похоронен Николай Пинарский (Сионский). То есть это прямой намек на то, что в Венеции нет мощей самого святителя Николая Чудотворца! Да, есть, конечно, святые мощи. Но другие! Однако как быть, если автор «Аноним» пишет именно о Мирах Ликийских?

В конце концов и о. Джерардо Чоффари вынужден был признать в одной из своих публикаций о Бари и местной базилике Святого Николая, что здесь хранится лишь «около 75 процентов скелета», комментируя далее так: «Недостающая часть Святых Мощей находится в различных церквях мира, прежде всего в Венеции. Венецианцы предприняли несколько путешествий в Миры в 1099—1100 гг. и похитили кости из нескольких древних захоронений древней базилики Святого Николая. В связи с этим выявление Святых Мощей Святого Николая среди венецианских реликвий затруднительно».

Есть еще одно удивительное совпадение в истории, которое, быть может, еще ждет своего исследователя. Речь о том, что знаменитые карнавалы в Венеции начались с 1094 года, то есть после того, как мощи святителя Николая уже были перевезены в Бари, а сами венецианцы намеревались сделать нечто подобное. Казалось бы — какая связь?

Нам все в это время кажется не случайным. Особенно в связи с появлением позднее так называемых Русалий — языческих карнавалов, связанных с именем Николая Чудотворца.

Немного истории.

Первый карнавал произошел при доже Витале Фальере. Он был отмечен в документах как праздник в дни перед Постом. Слово «Carnevale» как официальное наименование торжеств тогда появилось впервые. Витале Фальере

выдал большие льготы посещавшим празднества купцам, благодаря чему, по мнению авторов словаря Брокгауза и Ефрона, возникла знаменитая ярмарка святого Марка. Он же начал преобразование церкви Святого Марка. Венеция словно была нужна новая святыня.

Преемником Фальере стал Витале I Микьель. Его правление в Венеции совпало с эпохой Первого Крестового похода. При нем же мощи святителя Николая попали в Венецию. Но после кончины в 1102 году дожа похоронили в соборе Святого Марка.

Развитие карнавальской традиции совпало с привозом в Венецию мощей святителя Николая.

В конечном итоге святитель Николай был провозглашен защитником венецианского флота. А судьба храма Святого Николая на острове Лидо была весьма знаменитой. Правда, количество паломников здесь всегда было значительно меньше, нежели в Бари.

В 1623 году мощи святителя временно перенесли из этой церкви в монастырь, чтобы отстроить новое здание. Затем их снова вернули назад и поместили под главным алтарем.

После периода упадка деятельности ордена бенедиктинцев, в 1770 году, здесь вновь открылась обитель, но уже монахов-францисканцев, которые и ухаживают за мощами по сей день.

Неподалеку существует русский Приход Святых Жен-Мироносиц в Венеции, относящийся к Русской Православной Церкви. Здесь находится небольшая часть мощей святителя. С мая 2005 года настоятель и верующие прихода два раза в год, 22 мая и 19 декабря, в дни памяти епископа Николая Чудотворца святителя (по новому стилю) совершают Божественную Литургию на «венецианской части» его мощей. Базилику в частном порядке можно посетить и в другие дни года.

Римини: предположения и реальность

*Бог обитает в костях сих;
Им совершают они все чудеса.
Ефрем Сирин, IV в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу им-

ператора Византии: «Он... не дал увидеть благодетельствующую руку, а таково ведь обычно милосердие малодушных... Словно стремясь превзойти евангельскую заповедь о том, чтобы левой руке не доверять то, что свершаешь».

У истории с мощами святителя Николая есть весьма загадочная страница. Между двумя итальянскими городами — Бари и Венеция — находится еще один, где также хранится довольно большая часть останков святого епископа Мир Ликийских. Это город Римини, расположенный на восточном побережье Италии, столь хорошо знакомый россиянам, в последние десятилетия облюбовавшим его в качестве центра летнего отдыха.

Многие здесь бывали уже не раз. Вокруг много интересных мест, куда можно съездить и посмотреть немало удивительного. В двух часах — Флоренция и Болонья. Еще ближе — Урбино. Совсем рядом — город-государство на скале — Сан-Марино. И до Равенны, и даже до Венеции — рукой подать, если сесть на поезд, то как раз на север. А если на таком же удобном поезде, да на юг, то часа четыре — и вы в Бари.

Большинство русских, попадая в Римини, частенько заходят в местный русский храм. От центра, где железнодорожный вокзал, — несколько остановок на автобусе. Но многие уже распознали, что у самого вокзала есть на вид старинный католический храм, который носит название *La Chiesa Di San Nicolo A Rimini Al Porto* (Храм Святого Николая в Порту Римини). На самом деле церковь была построена в 1955 году на месте древней, разрушенной при бомбежке во время Второй мировой войны.

Именован храм не случайно. Ибо в церкви этой хранятся мощи святителя Николая. Плечевая кость левой руки. И попала она сюда — из Мир Ликийских, через Бари, откуда была буквально выкрадена, так как человек, совершивший данный «некрасивый» поступок, сам в этом признался.

Не стоит волноваться. Это произошло не в наши дни, а много столетий назад. Однако ученые богословы и светские историки спорят на эту тему. Во-первых — являются ли эти мощи частью того, что хранится в Бари. Во-вторых — являются ли они вообще мощами Николая Угодника. И в-третьих — не выдумана ли вся эта легенда еще в XII веке.

По-видимому, нам придется разобраться в данной истории. И для начала рассказать — что и как происходило во времени. Особенно еще и потому, что русские паломники без тени сомнения прикладываются к этим мощам в католическом храме, будучи абсолютно и без всяческих доказательств уверенными в том, что они настоящие. И таких паломников все больше и больше.

Мы сразу отвергнем аргументы, которые слышатся там и тут и которые звучат примерно так: «В Римини нет никаких мощей святого Николая!» Или: «Мы точно знаем — где находятся все мощи святителя, но в Римини их нет!»

Почему отвергнем? Потому что они являются лишь эмоциями, самоуверенным упрямством, претензией на всезнайство и нежеланием участвовать в аргументированном разговоре. Во всяком случае, когда проводили опыты по исследованию мощей святителя в Италии, то в разное время для этого осматривали мощи из Бари, а также из Венеции, доказывая их правильность. Часть же мощей из Римини одновременно с Бари и Венецией полному исследованию не подвергалась. Хотя все знают, что они тут лежат семь столетий.

Что ж, разберемся последовательно.

В кратком пересказе сама история мощей святителя Николая в Римини звучит примерно так. Напомним, что мощи Николая Угодника перевезли в Бари из Мир Ликийских в 1087 году. Они хранились в городской Базилике Святого Николая. Часть мощей — руку святителя — выставляли отдельно в особом мощевике. Этим воспользовался спустя столетие один церковный деятель, который тайно вывез ее.

В 1177 году германский епископ Гульто посетил Бари, дабы поклониться мощам святителя Николая (возможно, по дороге с Востока в родные края). Он видел, сколь много народу приходит сюда. И ему очень захотелось, чтобы и в его епископстве, в его монастыре в Эмерии, была бы такая святыня. Совершить то, что сделали барийцы в 1087 году, то есть — вывезти все мощи святителя (а они это сделали в Мирах Ликийских), он, конечно же, не мог. Их охраняли как зеницу ока. Но выставлявшуюся отдельно руку (часть руки) Чудотворца нельзя было не заметить для такого деяния. Что епископ Гульто и сделал. Он просто выкрал реликвию из Базилики Святого Николая в Бари и немедленно отправился с ней на север.

Погони не было. Кто бы мог подумать на церковного иерарха, что он может сделать такое...

Епископ успел достигнуть мест, где ныне располагается город Римини. Далее дорога считалась более опасной, действовали грабители. Гульто решил теперь плыть по морю. То ли на родину, то ли в Венецию, куда в те дни съезжалось духовенство из разных краев, в частности, собирались немецкие епископы (а может, и он туда ехал?), которые были вовлечены в раскол между Римом и Фридрихом Барбароссой. В Венеции могла решаться их судьба. И Гульто решил прихватить с собой мощи святителя Николая? Интересный аргумент.

Во всяком случае, епископ договорился с торговым судном, которое отчалило от берега. И вдруг началась ужасная буря. Волны били в борта, словно стремились выбросить судно обратно на берег. Епископ решил вернуться в городок. Затем они отплыли вновь. Всё повторилось сначала. И так — несколько раз.

Епископ принял столь целенаправленный морской шторм как указание на несправедность совершенного им поступка. Он решил не везти далее мощи святого Николая. И направился к портовой церкви.

Тогда в центре городка был очень хороший порт, соединявшийся с руслом большой реки. Город располагался за крепостными стенами, все было построено удобно и разумно, как писали тогда — «во благо моряков». В порту находилась церковь Сан-Лоренцо За Стенами (Святого Лаврентия). Храм стоял прямо на берегу (ныне вода отошла дальше в море).

Приход епископа в данный храм был символичным, если вспомнить, что святой Лаврентий перед мученической кончиной раздал все нищим и бедным, указав на них со словами: «Вот подлинные сокровища Церкви». То есть — отдал все прихожанам обратно.

Сожалая и рыдая, епископ публично положил реликвию на алтарь храма, а затем рассказал собравшимся прихожанам и местному епископу обо всем, что произошло. Затем он отправился в путь, к себе домой.

Но прихожане Сан-Лоренцо и не предполагали возвращать мощи святителя Николая. Их оставили в храме (возможно, история с символическими морскими штормами возымела действие и повлияла на решение). Они стали объектом поклонения. Сюда стало стекаться множество народу.

О случившемся стало известно Папе Александру III. Летом того же 1177 года он, возвращаясь из Венеции в Рим, по дороге инкогнито остановился в городе рядом с церковью Сан-Лоренцо За Стенами. Папа решил проверить святыню. Но как это сделать?

Решили поступить следующим образом. Развели огонь, в который и положили мощи, привезенные епископом Гульто. К удивлению присутствующих, мощи не горели и не тлели. Напротив, они вместо гари испускали благовонный аромат. В наше время было даже отмечено знатоками, что на плечевой кости в Римини остались следы горения. В те далекие времена Папа и его свита определили, что это действительно мощи святителя Николая. И вскоре саму церковь на берегу моря освятили в честь Чудотворца и переименовали в храм Святого Николая в Порту.

Позднее год 1338-й ознаменовался тем, что храм и земли вокруг него передали ордену целестинцев. Здесь создали монастырь, в котором, в центре храма, бережно хранили символическую мраморную колонну Папы Александра III с железным крестом, где он с помощью огня проверял подлинность мощей святителя Николая.

Особенно почитали мощи святого местные моряки. Они объявили Николая Чудотворца своим покровителем. Храм Святого Николая в Порту был под их защитой. Следуя примеру Рима, он был объявлен «одной из Семи Церквей» города.

Вослед за моряками и власти города в 1632 году провозгласили Николая Угодника покровителем города. Тогда был создан и подарен храму красивый серебряный ларец, в котором хранились и сейчас хранятся мощи святителя. В 2003 году епархия Римини передала частицу мощей Православной Греческой Церкви в Димитриаде. Как было объявлено — в знак братства и вселенского согласия. Да и сегодня храм открыт для посещений каждый день (с 8.00 до 11.00, кроме воскресенья), а каждый четверг в храме Святого Николая в Порту Римини (La Chiesa Di San Nicolo A Rimini Al Porto) происходит православная Божественная Литургия (начало в 9.00).

В интерьере церкви можно увидеть картины и статуи мастеров XII—XIX веков, фрески школы живописи Римини XIV века (в городе существовала известная Академия, где придавали особое значение технике фрески): «Создание мира», «Сотворение Адама и Евы», «Изгнание из рая», старинную чашу для святой воды.

Наполеон Бонапарт в 1799 году забрал у Ордена целестинцев их земли в Римини. Но портовый храм продолжал действовать. В период Второй мировой войны американские бомбардировщики фактически полностью разрушили его. Чудом сохранились колокольня, верхний свод капеллы и серебряная рака с мощами святителя Николая. Храм затем восстановили. Мощи вернули на свое место. Православная энциклопедия определяет, что частица мощей святителя Николая ныне находится в парекклисионе — в храме Святого Николая в Порту Римини.

После такого рассказа остается задать вопрос: что же мешает некоторым людям признать или признавать мощи святителя Николая в Римини как настоящие? Попробуем ответить за тех, кто так считает, одновременно полемизируя с ними же и комментируя.

Нельзя признать мощи, потому что...

1. Епископ Гульто ничего не крал. Все на месте.

Комментарий: нет, не на месте. В Бари как раз отсутствует левая плечевая кость. Это видно на схеме — выкладке скелета, которую составили во время проверки мощей в 1953-м и в последующие годы.

2. Епископ украл, но не то, что хотел, какую-то другую кость.

Комментарий: подтвердите! Тогда и барийцев, укравших мощи в Мирах Ликийских, можно обличить в том же самом.

3. Такая же плечевая кость находится в Венеции.

Комментарий: это не так. Там находятся многочисленные раздробленные кости, из которых почти невозможно, как установила научная комиссия, определить — какими частями скелета они являются.

4. Вся эта история придумана.

Комментарий: требуются доказательства, ибо все «истории» вокруг мощей можно назвать «придуманными».

5. Научные исследования подтвердили, что все мощи святителя Николая, в сумме, находятся только в Бари и в Венеции.

Комментарий: и это не так. Исследования еще не закончены. Нет полных экспертиз ДНК всех останков. Мощи в Венеции состоят из многочисленных мелких фрагментов. Из них сложно составить левую плечевую кость.

Исследованием же кости в Римини комиссия Л. Мартино и другие не занимались.

В число полемизирующих серьезных персон постоянно подключаются различные деятели Церкви, историки, культурологи. Выпускаются научные сборники, приводятся аргументы.

Наиболее интересным в данном случае нам показались современные статьи о Джоаккино Мария Ваккарини (Gioacchino Maria Vaccarini) из Римини. Он не раз выступал в защиту подлинности мощей святителя Николая в храме Святого Николая в Порту Римини. При этом, по его словам, некоторые его публикации в сборниках редактировались, и весомые аргументы в защиту мощей просто незаметно сокращались непосредственно при выходе издания в свет.

Почему же так отрицательно настроены некоторые деятели западной Церкви по отношению к этой святыне? Что мешает им признать подлинность мощей?

Падре Джоаккино Ваккарини в своей важной для нашей темы статье «Рука Святого Николая Мирликийского в Римини» (*Il braccio di S. Nicola di Myra a Rimini*), опубликованной в журнале «Романья: искусство и история» (*Romagna: arte e storia*) за 2006 год, пишет следующее:

«Существует не так много реликвий, происхождение которых можно узнать; тем более их расположение в точном историческом периоде и в контексте чрезвычайно богатым важными и ключевыми событиями для истории человечества, как в случае с реликвией — плечевой костью св. Николая из Миры, сохранившейся в Церкви Св. Николо в Римини. Несмотря на те немногие данные, которые были записаны или их донесла традиция до историков Римини в семнадцатом веке, можно приблизительно проследить, как, когда и почему драгоценная реликвия — рука святого Николая попала в Римини».

Далее о. Джоаккино цитирует один из источников, рассказывавших о перевозе мощей из Бари. Это книга Чезаре Клементини об истории Римини, опубликованная в 1617 году (*C. Clementini, Raccolto storico della fondazione di Rimino e dell'origine e vita de' Malatesti, I. Rimini, 1617*). «В тысяча сто семьдесят седьмом году, — пишет Клементини, — произошел случай, достойный памяти и освящения, когда Его Божественному Величию было угодно сделать еще один богатый подарок этому городу. Епископ Эмерии Гульто, немец, уже попытался в городе Бари забрать и вы-

везти тайно тело епископа Мирликийского святого Николая и отвезти его в свой собор. Но, не сумев сделать это, взял от священного тела руку, которая ударяла коварного Ария, главу нечестивых еретиков».

Здесь нам становится понятным мотив епископа из Германии. Во всяком случае, можно сопоставить «руку в Римини» с рукой, «которая ударяла коварного Ария», а она по законам того времени должна была быть отсечена (казнь за оскорбление императора, в присутствии которого ударили кого-то по лицу). Что же касается правой или левой руки, то легендарная пощечина хоть и изображается, как совершенная десницей, но не имеет для этого точных доказательств или оснований, кроме очень поздних историй, явно эмоционального свойства. В православной иконописи, как известно, десница Божия — символ покровительства праведникам. Поэтому ударить ею несправедливого — не совсем верный поступок. Для злодея есть шуица, а не десница. Да и крестятся тоже — правой рукой. Она — для этого! Так почему епископ Гульто не украл десницу? Возможно, он думал, что это она. Ибо кость выставлялась в Бари отдельно! Десница всегда была особо почитаема в католическом мире, есть традиция реликвариев-мощевиков для десниц святых! Хотя кто-то мог перепутать кости рук и до германского епископа, еще когда разбирали мощи, привезенные в Бари, выставить отдельно часть левой, а не правой руки. Или все-таки мы имеем дело с левой рукой, которой святитель Николай ударил Ария?

Далее Клементини кратко повествует о том, что мы уже знаем. О попытке епископа уплыть из Римини, о шторме и о том, как судно было отброшено (удивительная подробность, которая подтверждает знание предмета) к мосту Сан-Джулиано, о его публичной исповеди и покаянии в церкви Сан-Лоренцо, об участии в этом местного епископа Опизона (еще одна важная подробность), об испытании мощей огнем и появившемся сладком запахе, о мудром и прозорливом решении Понтифика, подарившего городу такую честь. Хотя Папа Александр III должен был быть в это время в другом месте, но он попал в Римини инкогнито. Ибо важные исторические события совпали. В 1177 году длительные распри между Папой Александром III и императором Фридрихом Барбароссой привели к трудному перемирию, которое было заключено в Венеции.

«Милосердие Александра III, — пишет о Джоаккино Ваккарини, — проявилось в благоприятном отношении к

немецким епископам, поэтому в Германии остались действительными рукоположения, осуществленные во время раскола прежними католическими епископами или теми, кто от них был рукоположен».

Исторические события важны для нас, так как они подтверждают некоторые факты. По мнению о. Джоаккино Ваккарини, мощи святителя Николая попали в Римини до перемирия Папы и императора. Он пишет: «Исторический контекст, по которому реликвия дошла до нас, вполне ясен. От Нарди (*Nardi L. Cronotassi dei pastori della Santa Chiesa riminese. Rimini, 1813. — К. К.-С.*) мы знаем, что: “В 1177 году в Римини были три епископа: Альберико, Опизон III и Джоселлино”... В августе 1177 года Джоселлино уже был епископом и присутствовал на Венецианском конгрессе. Появление здесь мощей произошло немного раньше того времени, когда Опизон управлял церквями в Римини после смерти Альберико, а Папа Александр III проезжал через Римини “инкогнито” до того, как он встретился и примирился в Венеции с императором Фридрихом Барбароссой».

Почему же все-таки епископ Гульто так жаждал получить святыню? «Эпоха крестовых походов, — продолжает свои рассуждения о. Джоаккино Ваккарини, — вызвала заметную интенсификацию отношений между Востоком и Западом с последующим развитием морских связей. Некоторые портовые города, такие как Бари, имели большое преимущество, они становились главными центрами для прохода войск и паломников, которые отправлялись на Святую Землю. Получение мощей святителя Николая из Миры еще больше повысило репутацию этого порта в жесткой конкуренции с другими морскими городами, и особенно с Венецией».

Почитание святого Николая стало более привлекательным, чем сонм проезжающих мимо воинов и пилигримов. Многие епископы не прочь были бы получить небольшой фрагмент святых останков. «Но жители Бари, — объясняет падре Джоаккино, — бдительные хранители реликвий Чудотворца, прекрасно осознавая опасность похищения такого сокровища, запечатали кости святого в саркофаге, который невозможно было взломать, он был закрыт тремя каменными плитами, из которых первая, то есть верхняя, состояла из огромного монолитного камня весом до 32 центнеров».

Конечно, епископ Гульто, побывав в Бари, не мог не «заразиться» этой идеей — каким-то образом завладеть релик-

вией всеми любимого святого. Однако указанная могильная плита препятствовала этому. Единственной надеждой было взять что-то другое, не сохранявшееся в гробнице. Таковым мог быть реликварий в виде руки.

«Был ли действительно такой реликварий и что он содержал?» — задается вопросом о Джоаккино. И продолжает рассуждения: «О существовании руки-реликвария у нас есть свидетельство в очень древнем документе, датированном вторым десятилетием двенадцатого века. Документ этот... из Киева, страны, где особенно любили святителя Николая и где его житие, включая перенесение его мощей в Бари, было написано и переписано терпеливо много раз. В Румянцевском кодексе времен Ивана Грозного (ок. 1570), изданном по-итальянски о. Чоффари в 1980 году (*Cioffari G. La leggenda di Kiev. La traslazione delle reliquie di S. Nicola nel racconto di un annalista russo contemporaneo. Bari, 1980.* По-русски: «Киевская легенда. Перенесение мощей Николая Чудотворца в изложении русского летописца-современника». — К. К.-С.), вся акция жителей Бари, от идеи изъятия до торжественного завершения с возведением собора, была проиллюстрирована яркими содержательными миниатюрами высокой художественной ценности. Среди последних миниатюр есть изображение, где рука св. Николая лежит на алтаре (то есть нарисован реликварий в форме руки), который окружают поклоняющиеся верующие, исполненные глубоким трепетом. Перевод текста гласит (мы приводим здесь текст по-русски без двойного перевода на итальянский и обратно, сделанного о. Джоаккино. — К. К.-С.): “положили и кость руки его от мощей его” (стр. 123), и в примечании точно указано, что эта кость не была связана с другими костями, но была выставлена Папой для почитания верующими. Что имеется в виду под “костью его руки”? Может быть, только палец, фаланга, кость запястья или пястная кость? Чтобы написать “палец”, автору следовало бы использовать более конкретный термин, а кости запястья и пястных костей невелики, чтобы их можно было достойно почитать и прикладывать к ним отдельно. В самой миниатюре изображен реликварий в форме руки с предплечьем, безусловно, большой и неудобный для содержания в нем маленькой кости. Однако мы должны помнить, что термин “рука”, переведенный на итальянский язык как “mano”, имеет двойное значение и может обозначать как кисть, так и всю руку. На самом деле, в древнерусском языке главное значение имеет именно “рука”, что

означает полную конечность, от плеч до кончиков пальцев. Поэтому мы предлагаем перевести предложение следующим образом: «положили кость руки его (взятую) из его мощей» («*misero esposto un osso del suo braccio (preso) dalle sue reliquie*» — так у о. Джоаккино. — К. К.-С.)».

Тут есть проблема в переводе на итальянский язык. Можно перевести слово «рука» как «*mano*», а можно как «*braccio*». В первом случае — это просто рука, а во втором — это рука как кость. В русском (древнерусском) тексте обозначено слово «кость», поэтому «*braccio*» точнее, что и считает о. Джоаккино Мария Ваккарини из Римини. Но о. Джерардо Чоффари из Бари принимает перевод только как «*mano*», что, по его мнению, к костям или мощам отношения не имеет. Но ведь не случайно же «русские» упомянули слово «кость»!

Важна мысль, высказанная о. Джоаккино Мария Ваккарини, связанная с тем, что приведенный выше текст документа относится ко второму десятилетию XII века, то есть предшествует самой краже реликвии, попавшей в Римини, на несколько десятилетий! Трудно заподозрить автора древнерусского текста в сговоре с германским епископом, ведь он писал на полвека раньше события!

Самое интересное связано с тем, что необходимо просто вчитаться в древнерусский текст со вниманием. Это повествование взаимосвязано со «Словом о перенесении мощей святого и преподобного отца Николы Чудотворца архиепископа Мирской Ликий в Бар град» — русским памятником XI века (!), создание которого связано с установлением на Руси в 1089 году праздника в честь этого события.

В русском тексте написано: «Приидоша бо, и взяша мощи святаго Николы, и вложиша в раку сребреную, и вземше епископи с велможами их и пренесоша в великую новую церковь его, и положиша и в олтари в скровне месте месяца маиа в 9 день. Принесоша же и ветхый гроб его, в нем же бе принесен от Мир, *и поставиша и в церкви, положиша и кость руки его от мощей его*. Много народа, людии, приходяше, *целующе мощи и раку его*».

Добавим к этому вариант написания важной фразы в одном из списков рассматриваемого документа, который был опубликован митрополитом Макарием в его «Истории Русской Церкви» в XIX столетии: «*и положиша же кости руки его от мощей его*». Выделенные выше тексты говорят о том, что мощи были разделены. Не написано, что руку положили в гроб. Основные мощи находились в гробу,

а «кость руки его от мошей его» была положена сама по себе. Иначе зачем было разделять в тексте мощи и руку? Ведь ни о каких иных отделенных частях тела (или их отделении) речь не идет! Рука выступает здесь как самостоятельная реликвия, и такая традиция была принята в западных церквях, об этом мы уже говорили. Ее положили не «к мощам», а «от мошей». Поэтому читать данный текст правильнее так: «поставили гроб с мощами и положили кость руки его от мошей [отдельно]».

Скорее всего, так и было.

И здесь мы подходим к самым главным выводам о Джоаккино Мария Ваккарини о мощах святителя Николая в Римини. «Принимая то, что выставлена была для почитания верующими “кость его руки”, мы думаем, что это значит плечевая кость или локтевая кость».

Исходя из этих рассуждений, можно с высокой степенью вероятности определить, что плечевая кость в Римини — как раз и есть та самая кость, которой теперь не хватает в полном скелете святителя Николая в Бари. Чтобы окончательно разобраться в этом, надо увидеть все своими глазами. Этого на протяжении веков хотели многие. Падре Джоаккино Ваккарини заключает: «Около девяти веков никто не мог увидеть и потрогать останки святителя Николая, то есть с тех пор, как в октябре 1089 года Папа Римский Урбан II лично положил его кости в гробницу Бари. Ночью 5 мая 1953 года в присутствии архиепископа Бари и других членов специальной Папской комиссии была поднята огромная надгробная плита: волна эмоций прошла сквозь плоть всех присутствующих, потому что, наконец, было раскрыто содержимое сокровищницы. Сохранившийся почти полностью скелет был изучен проф. Луиджи Мартино. Результаты исследования позволяют увидеть, что недостает левой плечевой кости, что по меркам и характеристикам соответствует реликвии Римини. На самом деле, благодаря другому осмотру, проведенному проф. Фиоренцо Факкини (профессор антропологии в Болонском университете) с комиссией 5 ноября 2002 года, мы узнаем, что: “это хорошо сохранившаяся левая плечевая кость; экземпляр средней хрупкости; не представляет каких-либо значительных патологий; плечевая кость относится к взрослому, зрелому мужчине; длина: от верха до низа (физиологическая длина) 29,5 см; ширина головки: 4,0 см; длина измеренной плечевой кости соответствует физиологической длине, по которой можно оценить максимальную ростовую длину всего

тела; полученные значения следующие: высота от 157,3 до 163 см; это характерно для среднего и низкого роста человека»».

Действительно, такая научная комиссия была создана и провела свою работу не менее скрупулезно, чем команда Луиджи Мартино в Бари или в Венеции. Отчет ее работы гласит:

«Антропологическое признание реликвий, относящихся к святому Николаю, сохраняемых в Церкви Святого Николая в Римини.

Отдел экспериментальной эволюционной биологии.

5 ноября 2002 года в 17.30 в часовне Селестинцев в приходе Св. Николая в Римини, в присутствии приходского священника монс. Дино Паесани, профессора антропологии в Болонском университете Фиоренсо Факкини, профессора истории Института изучения Православной Церкви в университете Болоньи Энрико Морини, доктора Андреа Геммани, брата Джоаккино Ваккарини из общины Монте-Тауро, был открыт реликварий, содержащий святые останки руки святителя Николая, а именно плечевую кость».

Опускаем все подробности, которых немало в виде цифр, фактов и терминов, и переходим к результатам исследования.

«Это хорошо сохранившаяся левая плечевая кость... Находка средней силы... Плечевая кость относится к мужчине зрелого возраста... Среднего и низкого роста... Подобный рост не является редкостью в средиземноморском типе. Постскрипtum. Следует отметить, что левая плечевая кость отсутствует среди костей в гробнице святителя Николая в Бари, на основании исследования, проведенного профессором Мартино в 1953 году».

По мнению о. Джоаккино Мария Ваккарини, становится более понятным действие немецкого епископа, который, чтобы забрать мощи, не осмелился осквернить гробницу святителя Николая, а взял отдельный реликварий с рукой, выставленный для поклонения верующим. Его просто легче было украсть.

Итак, мы на пороге решения проблем, связанных с подлинностью мощей святителя Николая. Первые шаги уже сделаны, научные исследования останков уже происходят. Возможно, произойдет реабилитация и для Римини, мощи,

которые здесь хранятся, будут иметь другой статус и среды «ученого мира». Что особенно важно для паломников из России. Всему свое время...

Миро из Миры

Бог воздал гробницам святых... дивное благоухание, источники мира, дарования исцелений, действие сил.
Григорий Палама, XIV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: *«Столь славно свершив свою согласную с добродетелью жизнь и умастившись в Мирах цветами от Бога полученных даров, как бы благовонным и поистине сладостным миром, достигнув глубокой старости и свершив множество дней Божиих и разрешающих, он, будучи человеком, должен был подчиниться общему закону естества...»*

Когда сегодня говорят о святителе Николае Чудотворце или о его мощах, то почти сразу же заходит разговор о священной благоухающей жидкости, той самой, о которой сохранилось множество сведений и свидетельств и которая в изобилии столетиями находилась и находится внутри его гробницы. Кто-то называет ее «миро», другие — «мирро» или «мирра», а третьи иногда даже определяют как «манна».

Попробуем разобраться и здесь.

Миро и мирра — два различных понятия, хотя они близко связаны по происхождению и даже по смыслу. Мирра — ароматная растительная смола, получаемая из одноименного дерева, растущего в Аравии и Эфиопии. Иногда ее называют «смирна». На ее основе издревле составляли благовония, которые по обонянию весьма приятны для человека. Считается, что «мирра» — из греческого языка, хотя в старые времена слово это писалось как «мирро».

Слово же «миро» восходит к тому же корню и смыслу, и так же — от языка греческого. Но в дальнейшем оно стало принимать другой смысл. Поэтому мы сегодня под «миро» подразумеваем не природную смолу или «изначальное»

благовоние, а уже приготовленный продукт, в основе которого как раз и лежит «мирра».

Таким образом, сделаем вывод. Мирра — это смола или даже благовоние, произведенное на ее основе, например, елей. Миро — это ароматное масло, особым образом приготовленное из мирры (или елея) и обязательно — освященное в Церкви.

Смирна (мирра), как известно, упоминается неоднократно в Ветхом и Новом Завете. Наиболее известным из рассказов можно считать притчу о том, как волхвы принесли это благовоние в качестве дара к Рождеству Христову (Мф. 2: 11). Фармаколог Давид Каменский в конце XIX века так писал в статье «Мирра» в словаре Брокгауза и Ефрона: «камедистая смола, получаемая от многих африканских и аравийских деревьев... различной величины и формы: то круглые, то гроздевидные куски, составленные как бы из слившихся слезинок или зернышек, большей частью с шероховатой, жирно блестящей поверхностью; обладает приятным запахом и остропряным горьким вкусом».

Миро — также широко известно и применяется в церковной практике постоянно. Например, в качестве мирропомазания. Миро готовится (варится) специально, раз в год. Описывать эту процедуру мы не будем. Но заготавливается оно основательно для таинств и обрядов на весь год последующий. Профессор гомилетики Петербургской духовной академии, церковный писатель Н. И. Барсов в том же словаре Брокгауза и Ефрона, и в то же время рубежа XIX—XX столетий, писал: «Миро (древнегреческое... сам собой вытекающий сок из растений, благовонная мазь, всякое благовоние) — название вещества, употребляемого христианской церковью в таинстве мирропомазания. Сначала таким веществом было одно чистое растительное масло. Не ранее как с VI в. на Востоке к маслу стали примешивать бальзамы и ароматические вещества. Такой же состав миро существует и на Западе, неизвестно с какого времени. В XVI в. испанцы привезли в Европу из Индии новый, особенно ароматичный бальзам, который Папы Павел III и Пий IV разрешили примешивать к елею (деревянному и вообще растительному маслу) вместо ароматического бальзама палестинского, для составления миро. В 1726 г. в России в состав миро входили 27 веществ... Ныне входят, кроме оливкового масла и белого виноградного вина, как частей основных, ладаны: росный, простой — белый и черный, стиракса, мастика, сандарак, цветы розы, трава базилика,

корни ирный, имбирный, фиалковый белый, калганый, кардамонный, масла: мускатное — густое и жидкое, лигнирадийное, богородской травы, бергамотовое, гвоздичное, розовое, коричное, фиалковое, лимонное, лавендуловое, померанцевое, майорановое, бальзам перувианский и терпентин венецианский, всего 31 составная часть. У католиков миро составляет из двух частей — елей и перувианского бальзама».

Не случайно, по одной из версий, ликийский город, в котором архиепископом был Николая Чудотворец, назывался Мир или Миры. Это название произошло от слова «мирра». Невозможно было пройти мимо такого предположения. Ибо почитание святителя связано в первую очередь с рассказами об особых благовониях. Но все же многие исследователи склоняются к тому, что город назван был в древности, еще со времен этрусков, от имени «Маура» (по месту обитания Матери-богини, о чем мы уже говорили).

В древние времена миро носило имя «oleum» (масло). А древние греки любые благовонные вещества называли «тугон» (то же, что и миро). Латиняне использовали также слово «unguentum» (благовоние, мазь). В Византии писали «агиасма» (святое миро, святая вода). Но жидкость в гробнице святителя Николая — нечто совершенно другое, особенное. Что же это была и есть за субстанция, чудо появления которой и по сей день происходит там, где хранятся основные мощи святителя?

Есть некоторая разница в словах и названиях, которая иногда связана с огрехами перевода с языка на язык. То, что у нас называется «миро», на Западе обычно называют «Crisma» (миро, елей, помазание). Но по отношению к жидкости в гробнице святителя Николая итальянцы почему-то употребляют слово «манна» (*manna* или *santa manna*). Листая итальянские книги, переведенные на русский язык, мы вдруг понимаем, что эта манна не совсем сравнима с нашим миро. Как разобраться?

В России манной называют то, что падает с небес, что накормило народ израильский во время исхода через пустыню. Потому и говорим: «манна небесная». Но это слово именно у итальянцев означает многое, включая и то, что у нас называют миро. В Базилике Святого Николая в Бари продают в лавке отдельно масло (миро) от храма, а отдель-

но — жидкость (манну) из его гробницы. Масло (миро) — желтого цвета, вязкое, а манна — прозрачная, как вода.

И действительно, у итальянцев есть намеренно употребляемые термины в языке. К ним относится и манна (святая манна, манна святых). Важно понять, что в русском языке аналог манны — другой. Манна (по-итальянски) означает жидкость, которая химически подобна чистой воде. Эта жидкость может проступать от мощей святых людей или от священных изображений, причем — без причин или обоснований. Наука пытается объяснить это явление влажностью атмосферы, капиллярностью мрамора и других камней (из которых сделаны стены храма или гробницы), но не может определить его суть до конца. Появление или возобновление манны, как правило, эпизодично или циклично, то есть имеет свойство повторяться, причем регулярно.

В Италии, например, есть с десятков известных мест, где, как считается, выделяется манна (а не миро). Среди них — город Бари, где хранятся мощи святителя Николая, ее источающие.

Руководитель Николаевского центра в городе Бари о. Джерардо Чоффари пишет: «В действительности жидкость представляет собой воду особенной чистоты, как установило исследование, проведенное в 1925 г. в химической лаборатории Университета города Бари».

На самом деле исследования проводились в разных местах одновременно. Мы приведем здесь некоторые документы, которые показывают результаты этой работы (из книги о. Пио Скогнамильо «Манна Святого Николая», вышедшей в Бари в 1925 году).

Для начала отчет профессора Риккардо Сиуза.

«Лаборатория общей химии Университета Бари, 4 июля 1925 г.

Я исследовал два образца манны Св. Николая. Один был подписан: “Манна 1925 года”, другой — “Манна 1910 года”. Мне также доставляли внешнюю воду, которую собирали во время приливов или при попадании дождя в церковь. Последняя представляла собой мутную желто-коричневую воду, которая после фильтрации содержала фиксированный остаток гр. 1,038 на литр.

Получены следующие результаты: Манна 1925.

— плотность при 12 ° гр. 1,0013 на литр

— фиксированный остаток гр. 0,048 на литр.

Как мы видим, это почти чистая вода, которая, так сказать, не имеет отношения к внешней воде.

Манна 1910 года дала очень близкие цифры:

— плотность при 12 ° гр. 1,000 на литр

— фиксированный остаток гр. 0,048 на литр.

Из приведенных данных можно утверждать:

Манна Святого Николая — это почти чистая вода, которая не связана с водами, проникающими из внешней среды в гробницу Святого».

Вот еще один документ. От профессора Филиппа Нери, директора Института гигиены в Королевском Университете Бари.

«Бари, 18 июля 1925 г.

Имею честь сообщить... результаты бактериологического, количественного и качественного исследования, проведенного на образцах Священной Манны Св. Николая... Во время отбора проб я увидел небольшое количество манны, собранной на дне урны, которая не смачивала кости выше уровня жидкости...

Обнаружено низкое содержание бактерий, очень ограниченное количество видов шизомикетов и отсутствие бактериальных палочек, для подземных вод они являются показателями биологической чистоты.

На основании этих результатов следует предположить, что Священная Манна Святого Николая формируется и собирается в таких условиях, где исключается какое-либо загрязнение со стороны других поверхностных вод».

И еще одно свидетельство, от профессора Филиппо Нери из того же Института гигиены.

«Бари, 20 июля 1925 г.

На днях мы сообщили о бактериологическом исследовании Священной Манны Святого Николая. Я могу добавить, что фиксированный остаток (40 мг на литр), столь же низкий, как у профессора Сиузы в той же манне, является исключительным для подземных вод. Фиксированный остаток этих вод варьируется в очень широких пределах в зависимости от характера почвы; но редко бывает меньше 100 мг на литр. В доступных мне трудах и монографиях я никогда не замечал описания остатков менее 50 мг на литр для такой воды. Такой низкий уровень остатков типичен для вод, которые... протекают в кремнистых, а также в альпийских почвах, питаемых таящими ледниками».

Происхождение этой воды ученые объясняют по-разному. Некоторые считают его чудесным, говоря, что жидкость образуется из мощей святителя, другие считают, что жидкость сочится из мрамора гробницы... Некоторые объ-

ясняют образование жидкости естественной конденсацией пара...

А о Джераржо Чоффари резюмирует: «Почитание святой манны не прекращено, поскольку вода, собирающаяся в гробнице, находясь в контакте со святыми мощами и оставаясь чистой, является реликвией. Кроме того, по утверждениям многих верующих, благодаря святой манне они получили исцеление. С другой стороны, отношение к святой манне является личным делом каждого верующего, и почитание святой манны не может считаться обязательным».

Как же нам быть в русском языке? Мы вынуждены сделать здесь важное замечание. Нам придется писать «миро», как это принято в Русской Православной Церкви (где «мироточение» не подразумевает «манноточения»). Но если в цитатах из работ итальянских исследователей встретится слово «манна» по отношению к святителю Николаю, то мы не будем его менять на «миро», ведь читателю теперь уже понятно — о чем пойдет речь.

В литературе о святителе Николае, как уже было отмечено, рассказывается о «миро» — «мирро» — «манне». Это о той самой жидкости, которую обнаружили моряки-барийцы, когда разбили гробницу святого, чтобы достать его мощи. Святые останки Чудотворца буквально плавали в маслянистой жидкости. Хотя не всегда упоминался эпитет «маслянистая». Говорилось просто — гробница исполнена была «жидкости».

Явление миро в Мирах (а затем в Бари) произошло сразу же после кончины святителя Николая. Об этом говорят все источники. Например одно из первых Житий святого, написанное Михаилом Архимандритом. Он упоминает в рассказе, что с момента похорон епископа Николая начало изливаться «миро», которое стало «здоровым и живым лекарством», свободным от «всякой вредной и зловредной силы».

Иосиф Песнописец в IX столетии пережил особенное событие. О нем рассказано в его Житии. Проведя в тюрьме почти шесть лет за свои христианские убеждения, Иосиф в ночь на Рождество 820 года удостоился видения святителя Николая Мирликийского. Он возвестил узнику о прекращении гонений на святые иконы. Далее Николай Чудотворец призвал озвучить переданный ему свиток и освободил

его из застенков. Иосиф, видимо, побывав в Мирах, дабы поклониться святителю, написал затем в одном из своих канонов: «Ваши священные мощи, которые святым образом покоятся в Мирах, излучают душистое миро (у Иосифа — по-гречески — «мирон». — К. К.-С.), пронизывая тех, кто к ним приближается, и неприятный запах страстей вытесняют, и множество демонов обращают в бегство».

Любопытен факт, связанный с чудом, о котором рассказывает Феофан Исповедник в своей «Хронографии» за 807 год. Оно было связано с арабами, которые совершили набег на Родос и Миры в Ликии. Феофан расценивает события как поражение военачальника Хумейда, которое «он явно потерпел от святого и чудотворца Николая». Арабский полководец пришел в Миры и попытался сокрушить раку святителя, но ошибся и разрушил другую гробницу. И тут «великая буря, с ветрами и морскими волнами, громами и молниями охватила его флот, сокрушила достаточное число кораблей». Флот Хумейда спасся, но появилась традиция — выливать масло за борт, дабы усмирить бурю или шторм. Это символизировало излияние миро из гробницы святого Николая.

Поразительная скорость, с которой распространилась информация об источении миро, сделала место хранения мощей святого — Миры — объектом многочисленного паломничества.

Хранители гробницы сразу же заметили, что в ней набирается некая жидкость с особенным благовонным запахом. По всей видимости, она переливалась через край и в щели саркофага, ибо мы не имеем свидетельств о специальных вскрытиях гробницы в ликийском храме.

Современные итальянские ученые, называя эту жидкость манной, заявляют, что это, по сути, обыкновенная вода — чистая и прозрачная. Но совершенно точно она не связана с обычным явлением просачивания сюда воды, которое, кажется, отвечает на все вопросы. Вода не попадала и попадает в саркофаг естественным путем — извне, через щели, в виде конденсата и пр. Можно считать это и «сверхъестественным», и вполне «материалистичным». Но эта «манна» есть подлинная реликвия, контактировавшая с останками святого. И она существует. Ее можно «попробовать».

С наличием данной жидкости в гробнице столкнулись по документам моряки из Бари, пришедшие в Миры за святыми останками. Это сильно удивило их, но не остановило

действий по изъятию мощей. В итальянском Бари все началось снова — мощи стали мироточить, вернее, в гробнице появилась «манна», которую стали раздавать всем паломникам. Вскоре уже даже не сами мощи, а это миро стало предметом поклонения многочисленных приезжих.

Это, говоря научным языком, — феномен, а церковным — чудо, происходит и по настоящее время. В 1980 году была введена традиция: каждый год, 9 мая (на завершение праздника перенесения мощей святителя Николая из Мир в Бари), миро официально извлекается из гробницы настоятелем Базилики, в присутствии архиепископа Бари, а также властей, духовенства, прихожан и паломников. Для извлечения миро используется специальный черпак. После чего епископ благословляет собравшихся, показывая сосуд с только что взятой священной и драгоценной жидкостью.

Количество чистого миро (*manna pura*) — небольшое, его затем разливают по флаконам (*caraffina*), а их распределяют среди храмов и общин, особо почитающих святителя Николая. Миро (как пишут итальянцы — *Olio o acqua, i Baresi* — Барийскую воду-масло) можно найти в лавке, справа от входа в Базилику. По традиции в течение всего года верующим раздаются (за жертвования) при храме пузырьки (или иные капсулы), в которых находится смесь святой воды и небольшого количества чистого миро (манны). Жидкость можно пить, а также мазать пораженные болезнью участки тела.

Традиция разливания миро в стеклянные флакончики связана с происшествием во время изымания мощей святителя Николая в Мирах Ликийских. Тогда один из барян поставил на колонну свой флакон, который неожиданно с грохотом упал с высоты на каменный пол, но не разбился. Это было воспринято как добрый знак. То же самое произошло и спустя два десятилетия после перенесения мощей со святым Готфридом Амьенским, что описано в его Житии. Он уронил такой флакон из Базилики Святого Николая на камни в бухте, но стеклянный сосуд остался целым. Епископ Амьена решил, что это хорошее предзнаменование.

Сложилась и еще одна традиция. Коллекционеры и почитатели хранят миро в больших бутылках-флаконах, которые изготавливают местные художники. Эти сосуды богато украшены, часто эпизодами из жизни или чудесами святителя Николая, они представляют особую ценность как произведения декоративно-прикладного искусства.

В 1953—1957 годах, когда гробница святителя Николая в Бари была впервые за долгие столетия вскрыта для научных исследований (о чем мы расскажем далее отдельно), обнаружили, что мощи погружены в прозрачную жидкость, которая разливалась на дне глубиной около 2 см. До этого гробницу не открывали, а просто доставали миро через отверстие.

В 1954 году из-за реставрации склепа святые кости переложили в другой специальный сосуд и выставляли его в течение трех лет для почитания верующими в сокровищнице Базилики. При возвращении мощей в гробницу заметили, что они, положенные сухими, — также стали мокрыми, а льняная ткань, на которой они были размещены, — влажной (ткань сохранилась до сих пор).

В стихирах православного Всенощного бдения о святителе Николае, архиепископе Мир Ликийских, Чудотворце, мы находим такой текст: «В мирех пожив чувственно, миро воистинну явился еси, миром помазався умным, святые Николае, святителю Христов: и благоухаеши лица, верою и любовью твою всеславную память совершающих присно, разрешая бед и напастей и скорбей сих, отче...»

Паломники и Барградский комитет

Чти и гробницы святых, и какие-либо останки от костей их: ибо не отступила от них благодать Божия.
Григорий Палама, XIV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Неких мужей, живущих на расстоянии многих дней пути от Ликии, охватывает великое желание посетить могилу святого, чтобы взять от мирра и причаститься благодати».

Люди всегда перемещаются в поисках лучшей жизни, путешествуют ради открытия мира и познания бытия. Но всегда выделялись те, что имели особенную цель, не всегда понятную обычному светскому человеку. Таких людей называют «паломники», а их перемещение по миру — «паломничеством».

Как это связано с именем святителя Николая Мирликийского?

Напрямую.

Слова-термины «паломник» и «паломничество» появились не случайно. В корне этих слов — «пальма», дерево, произрастающее в южных краях. Пальмовая ветвь — важнейший христианский символ. Он связан с Евангельской историей и событиями начала нашей эры, когда произошел Вход Господень в Иерусалим и когда люди встречали Иисуса Христа при въезде в град с пальмовыми ветвями в руках. В России день воспоминания об этом — воскресенье, предшествующее Пасхе, — называют «вербным». Ветки вербы заменили отсутствующую здесь пальму. Паломник — в идеале — это человек, который был на Святой Земле, поклонялся Гробу Господню, святыням Иерусалима, держал пальму в руках или даже принес ее с собой обратно домой. С пальмовой ветвью в руках изображаются некоторые христианские святые, пальма стала символом мученичества, чистоты и победы над смертью.

У западных, европейских христиан слово «паломник» не прижилось. Тех, кто путешествовал на Святую Землю, называют пилигримами, от латинского слова *peregrinus*, то есть «чужеземец» или «странник».

Если ранее паломничество было связано с поклонением известным местам земных страданий и Божественной славы Иисуса Христа, то уже давно к такому поклонению относят также и путешествие к мощам наиболее почитаемых святых. Конечно же, и к мощам святителя Николая, епископа Мир Ликийских, которого теперь называют еще и Барийским.

Паломничества на Руси называли также «хожениями» (или «хождениями»). Тексты воспоминаний паломников постепенно образовали жанр древнерусской литературы. До наших дней из древности дошло более семидесяти таких уникальных книг-«хожений», которые размножались среди читателей, о чем свидетельствуют их многочисленные списки. Сжатый, дневниковый тип пересказа происходивших событий, достаточно точное описание святых мест, поучительность — отличали эти произведения.

Из наиболее известных и важных древнерусских «хожений» XII—XVI столетий популярными стали те, которые были связаны с посещением Царьграда — Константинополя — столицы православного мира того времени. Уже оттуда паломники стремились на Святую Землю. И невольно по-

падали даже в Миры Ликийские, которые, условно говоря, располагались по дороге (как сухопутной, так и морской).

Вот только некоторые «хождения», оказавшие огромное влияние на паломническую традицию в средневековой Руси: «Хожение игумена Даниила», «Хожение Антония Новгородского в Царьград», «Хожение Игнатия Смольнянина в Царьград», «Пименово хождение в Царьград», «Хожение Стефана Новгородца», «Хожение неизвестного Суздальца», «Хожение Варсонофия», «Хожение гостя Василия», «Хожение Зосимы» и «Хожение Авраамия Суздальского».

Как мы видим, паломниками или авторами «Хожений» становились в средневековой Руси весьма уважаемые люди — монашествующие, священнослужители или архиереи, выходцы из боярских или, позднее, купеческих («гостевых») слоев населения. Такое путешествие было слишком дорогим и опасным, осуществить его в одиночку было трудно.

А после 1453 года, когда пал Константинополь и османы захватили весь Ближний Восток, паломничество на Святую Землю и к мощам святых в Анатолии из Северо-Восточной Руси стало почти невозможным. Многочисленные сообщения о гибели смельчаков, отправившихся в Иерусалим, остановили на время традицию, к тому времени уже во многом развитую.

Но паломничество к мощам святителя Николая, которые к тому времени были перевезены в город Бари, — было вполне осуществимо.

Нельзя не вспомнить один из первых рассказов о пребывании в Мирах, который поведал русским читателям игумен Даниил в XII столетии. Его «Хожение» — уникальный документ, количество его списков (копий) достигает более сотни. Первоначально игумен добрался до Константинополя. Его путь пролегал затем по Мраморному и Эгейскому морям, мимо многочисленных островов. Так, остановившись в Эфесе, паломник доплыл до побережья Ликии. «Грады вси минухом по морю, — пишет Даниил, — не приставающе, и приидохом близъ к граду тем». И вот он указывает: «И оттуда идохом в Мира, таже к Патера граду».

Так игумен попал в Патару. «И ту есть рождество святаго Николы, то его есть и отчина и род — Патера», — рассказывает он читателям, упоминая родной город святителя Николая. Зашел он и в Миры Ликийские. «А от Патеры до Мир, иде же гроб святаго Николы, есть верст 40». Интере-

сно, что игумен Даниил не пишет о мощах Чудотворца, а употребляет слово «гроб», то есть «гробница», «саркофаг», хорошо зная уже, видимо, что останки святителя перевезены в итальянский город Бари. Даниил паломничал за столетие до полного погружения города Миры в грязевые селевые потоки, утопившие в земле многие здания. Поэтому видел он то, что нам сегодня пока, без раскопок, видеть невозможно.

В «Хожении» неизвестного Суздальца XV века находим рассказ о паломничестве в Венецию, к мощам святителя Николая. Автор очень реалистично и абсолютно точно пишет: «И приста корабль к острову (остров Лидо в Венеции. — К. К.-С.). И ту монастырь святого Николы, и ту сам святой Никола лежит. И видехом гроб его в церкви на четырех столпах, учинено по лестнице 6 степени, и знаменомся у гроба святого, самого не видехом, замурован бе лежит... И вопрошахом игумена монастыря того, откуда мощи святого Николы взяты; они же поведаша: от Бара града слали венецияне 100 катарг, да 3 корабли с житом, и взяли мощи». Последняя фраза заставляет современных исследователей вновь возвращаться к теме о том, как, когда и что перевозили венецианцы из Мир Ликийских в свой славный островной город.

На рубеже XVII—XVIII столетий у мощей святителя Николая в Бари или в Венеции побывали посланные в Европу Петром Великим известные деятели Российского государства П. А. Толстой и Б. П. Шереметев. Получив в разное время титул рыцарей Мальтийского ордена, они не преминули по пути поклониться Николу Угоднику. Б. П. Шереметев, например, посетив храм в Бари 30 мая 1698 года, убедился, что там «лежат мощи Великого Чудотворца Николая». Далее он разворачивает панораму увиденного: «оныя Святыя Мироточивые мощи лежат в исподней церкви под престолом, которая церковь сделана под большою церковью в земле». Он отметил особо иконописный «образ большой Чудотворца Николая, весь серебряной сидячей, в одной руке держа Евангелие, а другою благословляет людей». Поразительно точно он описывает то, как паломники прикладываются к мощам, потому что за прошедшие три с лишним столетия (кто бывал, тот знает) практически ничего не изменилось. «В сем престоле приделаны дверцы серебряные, которые всегда бывают заперты, а отпирают временно, когда случаются приезжие, чтоб им видеть Святыя мощи... В оныя дверцы лзят люди по пояс, и смотрят

Святых мошей в окошечко, а в то окошечко опускают маленький шандальчик на цепочке, поставя в него свечку. Тех Святых мошей видна только одна нога и то не явственно, для того, что мощи опущены глубоко, а окошечко не велико; в сие окошечко опускным оным шандальцем мало износят мира и дают пить».

П. А. Толстой, побывавший в Бари месяц спустя, добавляет: «И в то вышеписанное малое круглое окно видеть святого чудотворца Николы кость от ноги, которая суть лежит вся потопленна в мире, исходящем от пресвятых ево мошей; и поверх той кости святой стоит святое миро, видом подобно чистому маслу... а миро святое достают той церкви канонники... и сколко потребно, столко возмет, а миро святое никогда не оскудевает... Когда то святое миро раздаваемо бывает требующим и влито в скляницы, тогда является видом подобно чистой воде; и дают приходящим то святое миро пить неоскудно».

Любопытно замечание паломника из Чернигова — иеромонаха Ипполита Вишенского, побывавшего в Мирах Ликийских в 1708 году. В своих записках он отметил, что «есть и до днесь чудо от святого гроба, не только нашим христианам исцеление есть, но и туркам неверным бывает помощь. Если кто потеряет верблюда, или осла, или коня, если принесет до гроба свечку и кланяется, тотчас найдет».

Известны рассказы о странствиях В. Г. Григоровича-Барского по святым местам Востока (с 1723 по 1747 год), где он подробно описал свое паломничество в Бари, включая собственное исцеление у мошей в храме от тяжелой «болезни ножной», случившейся с ним накануне, когда нога его превратилась в недвижимое бревно.

Традиция развивалась и позднее, особенно в XIX столетии. Тогда появились новые возможности, варианты и способы доставки паломников к их долгожданной цели. Однако витали в головах и весьма популистские идеи о перенесении мошей святителя Николая из Бари — в Россию. Некий возврат святыни от западного — православному миру.

Эту идею в 1832 году выразил известный художник О. А. Кипренский, который, находясь в Неаполе, отправил бывшему обер-прокурору Святейшего Синода, министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну письмо, где напомнил о поступке барийцев, в XI столетии забравших мощи святителя из Мир Ликийских. Ссылаясь на любовь русского народа к Чудотворцу, он делал вывод, что «есть возможность и ныне, да и весьма кстати,

повторить подобное благочестие, ознаменуя оное перенесением мощей сего Святителя Николая Чудотворца из Бари в Петров град в век царствования благочестивейшего Императора Нашего Николая Павловича».

Идея витала в воздухе, особенно после побед России над Наполеоном и турками. Но не возымела действия.

Немалый труд в XIX веке приложила к развитию паломничества к мощам святителя Николая великокняжеская чета — Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна. Напомним, что в семьях российских царей и императоров культивировались традиции паломничества. Государя, их жены и дети неоднократно посещали святые места в России и за пределами страны.

Так, в 1852 году в Бари побывал великий князь Константин Николаевич, который подарил местному епископу перстень с бриллиантами. Архипастырь часто показывал его затем прибывающим в город паломникам из России.

Но путешествия в Италию требовали новой организации. В чем состояла суть перемен? В XIX веке и для простых людей появилась возможность посещения Иерусалима, Святой Земли и места жизни святителя Николая. Количество паломников из России стало исчисляться тысячами!

По дороге в Палестину из России паломники часто попадали на турецкую территорию, посещая Миры Ликийские, где в древности служил Николай Чудотворец, особо почитаемый русскими. Мы знаем, что этот край в 1850 году посетил А. Н. Муравьев, который оставил подробные записки. Позже, после сбора денег, решено было купить здесь участок земли. Произошло это в 1853 году, предполагались строительство объектов для облегчения жизни паломников и реконструкция самого храма в Мирах, где когда-то хранились мощи святителя. Работы 1858—1860 годов описал Евгений Соколовский. Дела шли неплохо, реконструкция продвигалась энергично.

Можно сегодня критиковать методы, использованные тогда русскими архитекторами и археологами для возобновления храма в Мирах. Но они совершали главное — возрождение внимания к заброшенному месту, привлечение сюда паломников, открытие святыни для христианского мира. По политическим проблемам храм так и не успели восстановить. Хотя деньги остались.

Русские паломники всё больше стремились посетить

итальянский город Бари, в котором, и это им было теперь хорошо известно, сохранялись мощи Николая Чудотворца. Поэтому маршруты паломничества усложнялись. После Гроба Господня люди предполагали важным поклониться и гробнице святителя Николая, претерпевая многие невзгоды и лишения. Трудное плавание мешало этому. Но и попав в Бари по суше или по морю, трудно было устроиться на ночлег. Поэтому обустройство места в Бари в XIX столетии стало важной задачей. Взялись за ее решение великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна.

Все началось, казалось бы, с отдаленного события. В 1870 году петербургские торговцы решили создать в Санкт-Петербурге часовню в память спасения императора Александра II во время покушения на него, произошедшего 25 мая 1867 года во Франции, в Париже. Часовню построили у Старо-Алексеевского рынка. Затем торжественно освятили. Было это 6 декабря 1879 года в присутствии митрополита Санкт-Петербургского Исидора, в день памяти святителя Николая.

Незадолго до этого уже обсуждался вопрос о восстановлении храма его имени в Мирах Ликийских — на турецкой территории. Храм у Старо-Алексеевского рынка неожиданно было решено приписать к этой далекой обители и церкви Святого Николая в Мирах. Здесь же объявили сбор денег на трудное, но благое дело.

Такой сбор средств потом стал постоянным. А почетным ктиторм часовни стал великий князь Сергей Александрович. Он контролировал сбор пожертвований, которые позднее передавались в распоряжение созданного Императорского православного палестинского общества. А на самом деле поступали на хранение в контору великого князя, как его председателя.

В XIX столетии как раз начался период постоянного русского присутствия в Палестине. В основе лежало событие — приезд на Святую Землю в мае 1881 года великих князей Сергея и Павла Александровичей с Константином Константиновичем. Августейшие паломники посетили Елеонскую гору (там строилась русская церковь Вознесения Господня), провели ночь у Гроба Господня.

Начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) подал тогда идею постройки храма Святой равноапостольной Марии Магdalиной. Место выбрали в верхней части Гефсиманского сада на

склоне Елеонской горы. Средства были выделены императорской семьей. Осветили храм позднее, в 1888 году, в присутствии вновь посетивших Святую Землю великих князей Сергея и Павла Александровичей, а также великой княгини, будущей преподобномученицы Елизаветы Федоровны (в этом храме она ныне и погребена).

Великий князь Сергей Александрович сразу же заметил трудности, возникающие у православных в Палестине, а также беспомощное положение там русских паломников. Так появилась идея создания Общества для помощи русским на Святой Земле и по дороге к ней. В 1882 году было учреждено в Санкт-Петербурге Императорское православное палестинское общество (ИППО) — для помощи в организации поездок русских паломников по святым местам (Миры, Палестина, Афон, Бари), а также для развития науки о прошлом и настоящем Святой Земли, святых мест и их популяризации. Председателем ИППО избрали великого князя Сергея Александровича. Почетными его членами становились затем выдающиеся представители русского общества, члены императорской семьи, правительства, обер-прокуроры Святейшего Синода, губернаторы и вице-губернаторы, епархиальные архиереи и представители творческой элиты. Деньги собирали по всей России. Ежегодно в Вербное воскресенье (день паломников) в храмах и монастырях Российской империи проходил сбор.

Дабы поклониться мощам своего тезоименитого небесного покровителя, 10 ноября 1892 года в Бари прибыл наследник престола Николай Александрович, будущий император Николай II. Благодаря его пожертвованиям в крипте Базилики Святого Николая выложили новый мраморный пол.

Постепенно путь к святым местам и на Святую Землю был значительно удешевлен, разрабатывались удобные маршруты с возможностью ночевки и остановок. Древний город Миры попадал в этот перечень. Приобретали новые земельные участки, строили храмы, подворья, больницы и школы. В домах ИППО в Иерусалиме и других городах содержали столовые, читальни, магазины, прачечные и бани. Общество к началу XX века помогло сотням тысяч русских паломников посетить Святую Землю. Появился круг помощников-проводников, знавших турецкий и русский языки, что было важно при пересечении турецких территорий. Обществом были открыты более ста русских школ для населения Палестины, Сирии и Ливана, в которых изучали

русский язык и Закон Божий тысячи детей, многие из которых позднее стали известными деятелями культуры своих стран.

Участок храма в Мирах Ликийских, как мы уже говорили, был куплен в 1853 году. Восстановить храм полностью из-за политических осложнений не удалось. По этой причине собранные средства, которые аккумулировались у великого князя, было решено в 1910 году использовать для паломничества ко святителю Николаю, но не в турецкие Миры, а в итальянский город Бари, на постройку там русского подворья.

Сохранился важный документ, который дает нам понять — почему было принято такое решение. Это «Журнал заседания Совета Императорского православного палестинского общества 9 Декабря 1910 года № 212» (вверху, в левом углу, подпись рукой великой княгини Елизаветы Федоровны: «Утверждаю. Елисавета»). Далее идет выдержка из доклада вице-председателя Общества князя А. А. Ширинского-Шихматова: «В 1850 году известный русский писатель, паломник А. Н. Муравьев возбудил вопрос о восстановлении развалин храма Св. Николая в Мирах-Ликийских, где священнодействовал Св. Николай Чудотворец Мирликийский и где первоначально почивали его св. мощи до перенесения их, в 1087 году, в Бар-град, для чего собрал, путем пожертвований, необходимые средства и приобрел в Мирах-Ликийских земельный участок вместе с развалинами храма. Благочестивая мысль А. Н. Муравьева встретила в С. Петербурге живейший отклик... Осуществление мысли А. Н. Муравьева встретило непреодолимые препятствия со стороны Османского Правительства, признавшего приобретенный А. Муравьевым земельный участок имеющим стратегическое значение и подлежащим секвестру. Таким образом, собранный на постройку храма капитал, составляющий в настоящее время сумму в 244 тысячи рублей, остается донныне неиспользованным. В сих видах Императорское православное палестинское общество, идя навстречу нуждам русских паломников за границею, возбудило вопрос о сооружении храма Св. Николаю в Бари, где почивают его св. мощи и куда во множестве стекается набожный русский народ на поклонение святыне».

Решение было принято правильно, потому что, как пишет А. А. Дмитриевский, уже в следующем, 1891 году «ту-

рецкий государственный совет постановил считать приобретенные Россией в Мирах земли потерявшими своих владельцев ввиду того, что со времени приобретения они не обрабатывались русскими и посему подлежащими, согласно существующим в Турции законам о земельной собственности, отчуждению в пользу государства».

Так началось русское «Барийское дело» как продолжение ранее возникшего, но не осуществленного «Мирлийского дела».

В 1915 году был освящен в Санкт-Петербурге уникальный Барградский Николо-Александровский храм (его иногда называли Мирлийским), опять же в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны. Святынями храма почитались икона Божией Матери «Скоропослушница», икона «Вознесение» с частью камня Живоносного Гроба, а также крест из масличного дерева с частицей Животворящего Древа Господня. Если говорить о дальнейшей судьбе храма, то в советское время его закрыли, а в мае 1932 года — взорвали. На его месте сейчас пустота — проезжая часть дороги. Сохранилась чудотворная икона Божией Матери «Скоропослушница», которая ныне находится в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Императорское православное палестинское общество поставило целью облегчить паломничество в Италию к мощам святителя Николая. Общество сконцентрировало собранные по всей России пожертвования общей суммой в 246 тысяч рублей. В 1910 году по инициативе Председателя ИППО великой княгини Елизаветы Федоровны был куплен участок земли в Бари, неподалеку от портового центра и храма, где хранились мощи Николая Чудотворца. А вслед за этим началось строительство там русского подворья.

В одном из писем императору Николаю II великая княгиня так характеризовала выбранное для покупки и строительства место в Бари: «Участок очень удобный, рядом с вокзалом, в оливковой роще, и оттуда трамвай идет прямо до базилики (*Basilica di San Nicola*, где хранятся мощи святителя. — К. К.-С.) — наилучшее местоположение и замечательно дешево. Этот участок даже сориентирован правильно на восток... Да почиет на этом предприятии благословение св. Николая и да станет это умилительное дело благословением и божественной связью между ним и твоим народом и ярким эпизодом твоего царствования —

как утешение во многих скорбях, которые тебе приходится нести».

Из Москвы в Италию 7 января 1911 года выехал известный духовный писатель и проповедник, активный деятель Московского отдела ИППО, будущий священномученик, протоиерей Иоанн Восторгов. Спустя две недели отец Иоанн послал в совет Общества телеграмму об успешной покупке земли. А еще через неделю великая княгиня Елизавета Федоровна обратилась к императору Николаю II с документом, в котором сообщалось о намерении Палестинского общества построить в Бари храм во имя святителя Николая. Там же предлагалась идея произвести в 1911 году во всех храмах и монастырях России тарелочный сбор на сооружение церкви, приуроченный к празднику перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари. Доклад император одобрил, приписав собственноручно: «и в 1912 г.».

Николай II немедленно учредил Барградский комитет и стал первым жертвователем, пожаловав (как писал историк Н. Н. Лисовой, автор трудов о Святой Земле и русском присутствии там) от себя лично и от императрицы 10 тысяч рублей. Главой Барградского комитета назначили вице-председателя ИППО, князя А. А. Ширинского-Шихматова.

Знаменитый Барградский комитет просуществовал всего несколько лет... Для непосредственного руководства ходом работ комитетом была учреждена «Строительная комиссия по сооружению в г. Бари храма Святителя Николая и странноприимницы (гостиничного дома. — К. К.-С.) для русских паломников». Прямо перед началом Первой мировой войны, в 1913 году, великая княгиня Елизавета Федоровна поручила комиссии в срочном порядке соорудить хотя бы временный приют и церковь в Бари. Количество паломников возрастало слишком быстро. Надо было что-то делать. В декабре того же года временную церковь ввели в строй и освятили во имя святого Николая Чудотворца. С того момента в ней осуществлялось ежедневное богослужение, вплоть до 1921 года, когда уже освятили нижний храм подворья во имя святого Спиридона Тримифунтского. Тогда временный храм был разобран.

Академику архитектуры А. В. Щусеву, ранее построившему Покровский собор в Марфо-Мариинской обители

милосердия в Москве, Барградским комитетом было предложено создать проект храма и странноприимного подворья в образцах новгородско-псковских сооружений начала XV века. Здания решено было соединить крытым переходом в единое целое.

Паломников было много, особенно в дни памяти святителя Николая, но храм с двухъярусной звонницей рассчитали на 200 человек, в обычные дни этого было достаточно. В храме располагались помещения для ризницы и книгохранилище. В структуру здания входили: приемная на нижнем этаже, три общие палаты для паломников, помещения для священника и смотрителя. На верхнем этаже были предусмотрены три комнаты для паломников 1-го разряда и 14 комнат для 2-го разряда. Это вполне решало проблему с расселением приезжих. Отдельно были сооружены парадные покои для почетных гостей, а также общая столовая. Часть третьего этажа занимало помещение для псаломщика. А в полуподвальном помещении, имевшем большие окна, предполагалось сделать обширную народную трапезную со сводчатыми потолками, соединенную с находящимися в верхнем этаже кухней и хозяйственными помещениями посредством электрического подъемника.

В новом и уникальном здании гостиницы-странноприимницы предполагалось сделать кладовые для вещей паломников. Предусматривалась и лечебная часть — умывальные палаты для больных посетителей с небольшой приемной врача. Внутренний двор включал в себя прачечную, бани, иные хозяйственные службы, а также водоемы для хранения дождевой воды и колодец (что было важно при жарком климате и непростой подаче пресной воды в Бари). Вокруг должен был раскинуться большой сад.

План, разработанный А. В. Шусевым по просьбе Барградского комитета, был одобрен, хотя сумма сметы на строительство храма оказалась огромна — 414 680 рублей. В день памяти перенесения мощей святого Николая Чудотворца в город Бари — 9 мая 1913 года — была произведена торжественная закладка первого камня для подворья. По окончании богослужения, как рассказал автор книги «Закладка русского храма во имя Святителя Николая Чудотворца в городе Бари» В. Д. Юшманов (вышла в 1913 году), зачитали телеграмму от великой княгини Елизаветы Федоровны: «Соединяюсь в молитвах с вами в этот торжественный день основания нашего храма и дома для паломни-

ков. Помогите вам Бог. Нахожусь на богомолье. Теперь еду на торжество канонизации Святого Еромогена. Елисавета».

Год 1914-й ознаменован был многими событиями, связанными с русским подворьем в Бари. В марте здание обрело крышу. Уже могли ночевать некоторые паломники. Жарким июлем Бари посетил для ознакомления на месте с ходом строительства и нуждами паломников сын великого князя Константина Константиновича («К. Р.») князь Олег Константинович. Он осмотрел постройки, участвовал в заседаниях строительной комиссии, предложил ряд усовершенствований для подворья. В том же 1914 году он погибнет на фронте Первой мировой войны...

Война началась 28 июля. Город Бари неожиданно стал наполняться группами русских паломников и путешественников, которые не имели теперь возможности вернуться домой с помощью обычного железнодорожного транспорта. Через Европу из-за войны проехать было невозможно. И они ждали отправки в Россию морем.

При этом строительные работы все еще продолжались. Завершены в целом они были уже в январе 1915 года. Но война внесла свои коррективы. В мае 1915 года Италия стала союзницей Антанты. Барградский комитет вынужден был временно передать русское подворье итальянскому национальному обществу Красного Креста. Тогда считалось, что для «укрепления уз дружбы с благородной Италией».

Контакты с Бари стали усложняться. Передвигаться из России в Италию было весьма непросто. Так, даже художнику К. С. Петрову-Водкину не удалось попасть в Бари. А он предполагал начать работу по росписи нового храма в стиле иконописца Дионисия, украсившего своими фресками знаменитый Ферапонтовский монастырь. Не доехали до Барийского подворья и приготовленные к отправке для украшения храма старинные иконы и церковная утварь. Они так и остались в России, а в советское время просто пропали.

Год 1917-й еще больше все изменил. Барградское подворье уже не интересовало большевиков. Однако 25 июля 1921 года епископ Георгий (Ярошевский) от Русской Православной Церкви за границей успел освятить нижнюю церковь во имя святителя Спиридона Тримифунтского.

В 1930-е годы подворье было продано муниципалитету города Бари. Церковь и православный священник содержались на городские средства до конца 1990-х годов. Тогда же территорию русского подворья власти разделили высо-

кой стеной на две части, предоставив одну в пользование православной общине, а другую, включающую сад и странноприимницу, передав городским организациям.

Удивителен факт, что после организации подворья, его строительства, финансирования и управления его хозяйством еще со времен Российской империи долгое время «руководила» им простая русская крестьянка из-под Тулы. В течение многих десятилетий единственной ответственной перед городским муниципалитетом за храм оставалась Матрена Зайцева. Она в 1912 году приехала в Бари как просвирница и осталась тут до конца своих дней, приняв позднее монашеский постриг с именем Николая. Матрена-Николая следила за порядком в церкви и помогала паломникам. Скончалась монахиня в 1978 году после упразднения церковного прихода, отдав служению при подворье 66 лет своей жизни. Погребена на городском кладбище в Бари.

Главную же, верхнюю церковь во имя святителя Николая Чудотворца освятили только 21 мая 1955 года. Затем жизнь подворья медленно угасала. Расписать сам храм так и не смогли. Лишь только в 1967 году на стене храма, обращенной в сторону улицы, выложили мозаичную икону святого Николая. В 1977 году упразднили церковный приход. Храм к тому времени числился при Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Однако уже в наше время все стало возвращаться на свои места. Так, 14 марта 2007 года во время визита Президента Российской Федерации В. В. Путина в Бари прошли переговоры о передаче храма Русской Православной Церкви. Официальная церемония передачи церкви состоялась 1 марта 2009 года. На ней присутствовали Президент Италии Джорджо Наполитано и тогдашний Президент России Д. А. Медведев. Паломники сегодня могут беспрепятственно посещать «свой» русский храм, где покоятся мощи святого Николая.

В настоящее время паломничество из России по местам, связанным с именем святителя Николая, весьма развито. Русский храм в Бари принимает гостей. Базилика Сан-Никола ди Бари бывает полна народу, особенно по четвергам, когда здесь, у мощей святого, разрешено служить православную Литургию на церковнославянском языке. Люди приезжают семьями, чтобы поклониться святителю. Мольются, причащаются, получают святое миро.

Так же не составляет труда посетить турецкий город Демре — бывший древний ликийский град Миры. Довольно

просто попасть и в Венецию, и в город Римини, куда регулярно каждое лето почти ежедневно летают самолеты из российских городов.

Но не стоит забывать, что небольшие частицы мощей святителя Николая Чудотворца хранятся и в других местах, включая храмы, находящиеся в России. Об этом мы расскажем в следующих главах книги.

Наука и святость

Доброе неведение лучше худого знания.
Иоанн Златоуст, IV в.

*Не желай знать все, ибо не приобретешь точного сведения
о предмете.*
Исидор Пелусиот, IV—V вв.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: *«Когда Бог так возвысил Своего раба, крылатая молва, восстав, прошла повсюду и все собой исполнила; прошла через море и пронеслась по волнам, и ни единого места подлунной не оставила в неведении о великих добродетелях святого мужа».*

Мир современности нынче не тот, что прежде. Кроме самих чудес люди все больше хотят еще и их доказательств. Кто-то скажет — так было и раньше. Было, но все же не так прагматично. Ибо наука достигла неких, так сказать, высот. Теперь появилась возможность, например, идентифицировать останки предков с помощью самых разных методов — от радиоуглеродного до определения ДНК. А раз так, то люди с материалистическим уклоном в мировоззрении требуют новых доказательств и выявления своей «истины», предполагая, что таким образом они «разоблачат» составителей чудес и покажут публике тех, кто скрывает «настоящее положение вещей».

По отношению к святителю Николаю такая постановка вопроса имеет особую важность. Два города — Бари и Венеция — на протяжении столетий спорили о том, где находятся настоящие мощи епископа Мир Ликийских. В последнее время хранители святых останков перестали осто-

рожничать и, наконец, предприняли ряд шагов в сторону научного изучения великого духовно-материального достояния, которым является признанное христианами мира сокровище.

Мощи святителя Николая более девяти столетий пролежали в сохранности в крипте Базилики в городе Бари, после того как в 1089 году при участии Папы Урбана II были перенесены сюда из храма Святого Стефана (куда были положены временно в году 1087-м). Считается, что их никто после этого не вскрывал.

Однако уже в XX столетии пришли к выводу, что необходимо провести как профилактические работы по состоянию гробницы, так и научные изыскания, в той мере, в которой может быть позволительно с точки зрения Церкви. Была создана специальная комиссия, приглашены ученые, в частности медики.

Но была самая главная причина вскрытия. О ней рассказал профессор Луиджи Мартино (в речи на конференции 1994 года в Бари): «В 1952 году архитектор Франко Шеттини, наш суперинтендант изящных искусств, сообщил гражданам, что проникновение подземных вод угрожает фундаментам Базилики, срочно необходимо провести масштабные работы с камнями. Было похоже, что склеп Святого Николая можно быстро очистить. Ответственные представители власти решили немедленно вмешаться и открыть гробницу Святого Николая, накрытую огромными каменными плитами, а также временно передать мощи на охраняемый объект».

Так началось вскрытие.

Многие присутствующие потом писали в своих трудах о том, какое благоговейное состояние они испытали, когда ночью, накануне празднования перенесения мощей из Мир Ликийских в Бари, в Базилике, с помощью лебедок, стали сдвигать надгробные многотонные в сумме плиты. Мощи, как сообщили общественности, по всей вероятности, выглядели в том виде, какими их положили сюда почти тысячелетие назад.

Четыре года — с 1953-го по 1957-й — продолжалось изучение святых останков. Довольно долго, с точки зрения обывателя. Но что есть четыре года по сравнению с Вечностью!

Специальная комиссия, составленная в Ватикане, определила главные направления исследований. Решено было изучить следующее: принадлежат ли эти мощи одному человеку; каков был возраст данного человека на мо-

мент кончины; мужчина это или женщина; каковы антропологические характеристики, раса и каков возраст самих святых останков.

Открытая рака с мощами немного удивила собравшихся членов комиссии. Они увидели там лишь честную главу святителя Николая и много разложенных вокруг различных костей. Они лежали хаотично, определить их принадлежность к тем или иным частям тела (скелета) навскидку было невозможно. Тогда отделили крупные кости от мелких (среди которых было около 1200 костных частиц), которые поместили в два серебряных сосуда. Было отмечено, что цвет костей был желтовато-золотым или коричневым. Тут следует привести слова проживающего в Италии историка и писателя Михаила Талалая: «Нельзя не вспомнить, что афонские монахи, вынимающие останки своих братьев на третий год после кончины, считают подобные цвета косяственным признаком святой жизни».

Важно, что члены комиссии отметили наличие в гробнице жидкости, которую называют миро (а итальянцы пишут — манна). Ее уровень был примерно на 2—3 см выше дна саркофага.

Так мощи святителя поступили к ученым для изучения. Труды эти возглавил профессор анатомии Луиджи Мартино (prof. Luigi Martino) из Бари. Будучи настоящим ученым, он, как христианин, сформулировал свое отношение к святости (из его речи 1994 года на конференции, посвященной анатомическому исследованию скелета-мощей святителя Николая Мирликийского): «Святые — это горящие маяки, которые дают пример — как можно с радостью всю нашу жизнь посвятить Богу, стать любящей рукой Господа, которая утешает больных, бедных и нуждающихся на Земле. Это пример того, как — преодолевая упрямый материализм Разума — мы начинаем слышать из глубины нашей Души голос, раскрывающий невидимые и таинственные реалии сотворенного мира».

Луиджи Мартино сначала взялся за то, что было самым ценным и в некоторой степени удобным для исследования. Речь о святой главе Чудотворца. Ее не надо было составлять из фрагментов, как иные части тела. Сохранилась она достаточно хорошо, почти полностью (исключение — нижняя челюсть и отсутствие нескольких незначительных фрагментов). Как пишут ученые — уцелело 19 зубов. Сама глава — довольно большого объема — около 1,510 куб. см. Добавим к этому высокий лоб.

Каковы же были результаты исследований? Прежде того, как мы приведем подробности, попробуем перечислить их в некотором условном порядке, с учетом определенных направлений, сформулированных комиссией для изучения.

Во-первых, как судебный эксперт-медик, Луиджи Мартино составил предположительный портрет святителя Николая. Именно профессору Мартино принадлежат слова, столь обширно теперь цитируемые в интернете, о том, что голова принадлежала человеку «белой европеоидной средиземноморской расы». Заглядываем в один из словарей-справочников и читаем: «Средиземноморская раса (*Mediterranean race*) — подраса (антропологический тип) в составе европеоидной расы. Характеризуется: средним ростом, астеническим телосложением, как правило, высоким лицом, черными или преимущественно темными волосами и глазами миндалевидного разреза, более или менее смуглой кожей, обильным ростом бороды, длинным и узким носом с прямой спинкой, более толстыми, чем у северных европеоидов губами. Среди этой расы выделяется много разновидностей...» На основании таких формулировок, собственно, и возникли позднее варианты реконструкции лица святителя Николая.

Во-вторых, были получены также и некоторые ответы на главные запросы комиссии. Оказалось, что принадлежат мощи действительно одному человеку. Это — мужчина. Его возраст — за 70 лет. Рост 166—168 см. Из костей можно составить почти целый скелет. Что и было сделано (реконструкцию скелета более подробно и тщательно сделал также профессор Луиджи Мартино уже в 1987—1988 годах, а затем в 1992 году, когда изучал частицы мощей святителя в Венеции). В результате определилось — каких костей не хватает (что было важно, в связи с другими претендентами на подлинность мощей святителя в мире, в первую очередь — в Венеции, а также в Римини).

В 1978 году профессор тогда Ленинградской духовной академии, доктор церковной истории Н. Д. Успенский, чудом побывавший в эпоху СССР в Бари, в своей статье, опубликованной в «Журнале Московской Патриархии», записал по горячим следам проведенных итальянцами исследований: «Изучение костей грудной клетки и позвоночника свидетельствует, что он (святитель Николай. — К. К.-С.) страдал артрозом позвоночника [хроническое заболевание суставов обменного характера, в основе кото-

рого лежит нарушение питания суставных концов костей] и, возможно, анкилозом [неподвижность сустава вследствие сращения суставных поверхностей]. Радиологическое исследование черепа выявило внутреннее костное уплотнение черепной коробки, весьма обширное и ярко выраженное. Полагают, что это могло быть следствием многолетнего томления в сырых тюрьмах, куда святитель Николай был заключен в возрасте около 50 лет (по нашему мнению — значительно моложе, в возрасте около 35 лет. — К. К.-С.). Таким образом, исследование останков святителя подтвердило, что он, как исповедник Христов, перенес те испытания, о которых упоминается в его Житии. Путем изучения строения черепа и рисунка лицевой маски удалось восстановить черты лица святителя Николая. Интересно, что они оказываются довольно близкими лику его, изображаемому на русских иконах. Очевидно, одухотворенный творческий гений древних русских иконописцев интуитивно открывал им то, что мы видим в результате современного изучения».

В-третьих, подробный исследовательский отчет был частично опубликован. Прежде, чем выпустить свою известную книгу об этой работе («Мощи Святого Николая: анатомо-антропологическое исследование останков скелета, найденных в его гробнице в Бари»), Луиджи Мартино сделал публикацию в специальном выпуске «Вестника святого Николая», издаваемого при Базилике в Бари (*Martino L. Ricognizione anatomico a studio antropometrico delle reliquie ossee di San Nicola di Bari // Bollettino di San Nicola, numero speciale, Aprile-Dicembre. Bari, 1957*).

И хотя открылось много интересного, точного возраста костей мы так пока и не узнали. Однако по этому важному «Докладу Луиджи Мартино, профессора классической анатомии человека Университета города Бари» мы можем узнать следующие факты.

«Передо мной была поставлена задача, — пишет Мартино, — распознать и перечислить существующие костные фрагменты, содержащиеся в открытой гробнице. В этом анатомическом исследовании мне помогал мой коллега доктор Альфредо Руджиери, врач из Бари. В гробнице (открытой около 23.00, 5 мая) оказались разбросанные кости на прямоугольном дне без какого-либо особого систематического порядка... с черепом, расположенным в центре...»

Мартино тщательно записывает то, что видит: все фрагменты костей были погружены в прозрачную жидкость, похожую на горную воду, разлитую на дне гробницы на высоту

около 2 см. «Я должен сказать, — продолжает исследователь, — что после извлечения всех кусочков костей и жидкости ниша была хорошо высушена и ее стенки тщательно исследованы при сильном освещении. Гробница представляется монолитной, из компактного и твердого камня, с очень толстыми стенами и лишена каких-либо трещин».

Далее как раз профессор делает важный для всех вывод: «Скелет принадлежит одному и тому же человеку и состоит из очень хрупких и фрагментированных костей. Череп является его наиболее хорошо сохранившейся частью, это заставляет нас верить, что он был объектом повышенного внимания и, следовательно, сохранялся особо во время операции по изъятию мощей (моряками-барийцами. — *К. К.-С.*)». Далее ученый проводит подробное и длительное описание всех фрагментов скелета, которое мы здесь не будем приводить. Но упомянем о веере мелких частей, о которых позднее, в 1994 году, на конференции в Бари Луиджи Мартино скажет следующее: «Кости, которые со временем стали хрупкими, и это происходило в течение 1628 лет с момента смерти святого (еще одна версия кончины святителя Николая. — *К. К.-С.*), были извлечены, высушены с деликатностью и аккуратно разложены на столах. Среди них появились хорошо узнаваемые сегменты скелета, частично отдельные кусочки — фрагменты целого, или мелкие объекты (которые нужно было отделить от находящихся там же простых камешков). Был составлен каталог сохранившихся костей и тех, которых недоставало».

Интересно то, что скелет был позднее представлен на еще один, окончательный анатомический (антропологический) осмотр, который произошел в ночное время также в начале мая, но уже 1957 года, непосредственно перед возвратом мощей на свое прежнее историческое место в Базилике. Этот осмотр производился, по словам Мартино, «с целью фиксации и сохранения внешнего вида и характеристик отдельных кусочков костей, а также, что еще более важно, для восстановления физической фигуры и, возможно, изображения фигуры того, кому принадлежал скелет». «Методы, — пишет далее профессор, — которые я применил для этой антропологической работы, были разнообразны, и некоторые из них, которые я разработал, даже впервые были применены на практике во время вышеупомянутого реконструктивного исследования. Я подробно описываю их в большом научном отчете, который я представил церковным властям, к которому также были

приложены многочисленные фотографические и рентгенографические репродукции исследованных частей скелета... Длительное и терпеливое исследование, проведенное систематическим методом, позволило мне на втором этапе восстановить фрагменты, присутствующие в каждом сегменте костей, а затем восстановить весь сочлененный скелет, чтобы узнать, наконец, все метрические значения, предполагаемые в соответствии с коэффициентами пропорциональности. Изучение комплекса антропометрических данных, собранных и обработанных таким образом, позволило нам сделать много важных выводов. Остатки костей принадлежат многосоставному скелету, они чрезвычайно хрупкие, истончены по толщине, глубоко пропитаны коричневатым пигментом и раздроблены».

Профессор Мартино позднее (в 1994 году) расскажет о своих научных приборах: «Я подготовил различное оперативное оборудование, в том числе радиологическое устройство, проектор-эпидиаскоп с настенным экраном и соответствующие метрические измерительные приборы. На стене, рядом с экраном, был закреплен большой белый чертежный лист величиной 2 метра с каждой стороны. Мощи измерялись в трех пространственных плоскостях, все кости — одна за другой, и фотографировались рядом с линейкой».

Далее Луиджи Мартино выдает важные сведения о возрасте. «Остатки скелета принадлежали лицу преклонного возраста, а именно — человеку старше 70 лет. Это подтверждается тем фактом, что кости — по отношению к телу — имеют довольно хорошо развитые рельефы и формы пальцев, которые легче обнаружить у мужчин. Наконец, череп демонстрирует выраженный синостоз (вид непрерывного соединения костей посредством костной ткани. — *К. К.-С.*) швов свода, а также боковых стенок (облитерация височно-теменных швов), который присущ именно лицам старше седьмого десятилетия. Таким образом, анатомические данные, которые мы привели, вовсе не противоречат исторической традиции, согласно которой рассматриваемый скелет принадлежал святому епископу Миры, Николаю из Патары, покровителю Бари. Известно, что святитель Николай скончался около 75 лет (по некоторым данным, однако, в 72 года, а по другим — в 80 лет) 6 декабря 350 года от Рождества Христова, 1607 лет назад (правильность даты кончины, приведенной Луиджи Мартино, рассматривалась в главе, посвященной последним годам жизни святителя. — *К. К.-С.*)».

А вот и другие важные подробности от Луиджи Мартино. «Остатки костей принадлежали человеку среднего роста, телосложения среднего и с длинными конечностями. Фактически с помощью реконструкции удалось установить, что полный рост тела должен был составлять около 1,67 м, ширина плеч должна быть около 40 см, а окружность груди должна была быть около 86 см или чуть больше».

Профессор удачно использует пример перевода размеров частей тела с древнего на современное понимание. «Если мы хотим, — пишет он, — использовать перчатки для рук того же размера, что и у святого, или даже соответствующую обувь, то мы должны воспользоваться размерами 8 и 41 (на самом деле длина руки составляет 19 см, ширина — 8,7 см; длина стопы — 26 см, ширина — 10 см)».

Для тех, кому интересны более подробные и тщательные научные данные, приведем еще один отрывок из доклада профессора Луиджи Мартино. «Емкость черепа была средней (около 1510 см), как и окружность черепа (52,4 см). Голова имеет нормальную конформацию, слегка склонная к вытянутой форме (субдоликоцефалия, как пишет Мартино, что означает — «вид горизонтального контура черепа или головы». — К. К.-С.). Лицо было в основном коротким и широким, а подбородок выдвинут чуть вперед, чем обычно. Лоб широкий, орбиты довольно широкие, нос среднего размера, слегка выпуклый, с хорошо выдолбленным корнем, скулы слегка выпячены с боков, небо широкое, челюсть слегка выступающая, зубы сильные».

О зубах следует сказать особо, ибо они выявили интересные сведения об образе жизни и питании святителя. «Изучение зубных рядов также показало, что святой был носителем анодонтии последних моляров (отсутствие некоторых крайних коренных зубов. — К. К.-С.), процессы кариеса у него были не очень обширными, и его обычная пища должна была быть преимущественно вегетарианской, учитывая сильный поперечный рост верхних коренных зубов и премоляров». Епископ-вегетарианец, вернее — постоянно постящийся пастырь. Замечательный факт!

А теперь данные профессора Мартино о расовой принадлежности мощей. «Обнаруженные соматические особенности скелета, в частности, черепные, позволили нам установить, что раса, к которой принадлежит исследуемый объект, — белая евро-средиземноморская раса, и можно добавить — восточного типа. Можно исключить, что рассматриваемый череп принадлежал человеку армян-

ской альпийской расы, учитывая, что у черепов этой расы в основном округлый, брахицефальный и сильно уплотненный, уплощенный затылок, эти признаки отсутствуют в наших реликвиях».

Далее профессор Мартино приводит удивительное сопоставление. «Если мы, — пишет он, — хотим сравнить между собой три образца представителей средиземноморской расы: св. Доменико (Доминика), уроженца Испании, Данте Алигьери, уроженца Италии, и св. Николая, уроженца Малой Азии, то мы можем сказать, что по размеру черепа св. Николай “расположен” посередине. Объемы их черепов составляют: 1473 куб. см у св. Доменико, соответственно, 1510 куб. см у св. Николая и 1554 куб. см у Данте. Жители восточной стороны Средиземноморья обладали тенденционально более коричневатой кожей, чем у расовых типов центрального и западного Средиземноморья... Априори исключено, — заключает ученый, — что нынешний турецкий народ мог иметь какую-либо расовую близость с нашим Святым, учитывая, что турки вторглись в Малую Азию из Туркестана примерно через 500 лет после смерти нашего Тауматурга (греческий эквивалент слова «Чудотворец». — К. К.-С.)».

Не менее важными для нас являются выводы, сделанные профессором Мартино о том, что скелет принадлежал человеку, испытывавшему большие страдания и физические боли. Вот как он это аргументирует: «Могу сказать, что святитель Николай всегда носил с собой до самой смерти груз страданий, причиненных любовью к Господу, которому он пожертвовал свою жизнь. История говорит нам, что святой Николай томился несколько лет в сырых и опасных для здоровья тюрьмах. С 51 года, как показало обследование грудных позвонков, исследуемый нами субъект страдал от тяжелого апофизарного позвоночного артрита, который мог привести к анкилозу — анкилозирующему спондилоартриту (хроническое системное заболевание суставов с преимущественной локализацией процесса в крестцово-подвздошных сочленениях, суставах позвоночника и паравертебральных мягких тканях. — К. К.-С.). Рентгенологическое исследование, проведенное на черепе, также выявило наличие головных болей, о чем свидетельствует сильное внутреннее утолщение костей черепа, очень обширное и усиленное — диффузный гиперостоз (множественное окостенение мест прикрепления сухожилий и связок в области позвоночника и периферического скелета. — К. К.-С.).

Боль в позвоночнике и головная боль, вероятно, были итогом длительного тюремного заключения, которое может оставлять признаки страдания в организме в течение длительного времени».

И, наконец, профессор Луджи Мартино заключает: «Я полагаю, что анатомическое исследование, проведенное через 1600 лет после кончины субъекта, уже раскрыло многие секреты, хранящиеся в гробнице. Но я пытался продвинуться дальше и хотел увидеть лицо нашего Святого поверх костных останков, которые остались от него. Имея многочисленные фотографические репродукции лицевой части черепа, в различных проекциях, фронтальной, боковой и наклонной, я подумал прорисовать на глянцеваы бумаге, которая была совершенно прозрачной, образ различных мягких частей (кожный контур головы, рисунок бровей, век и глаз, носа, губ, подбородка, щек, бороды), расположенных рядом с соответствующими костными образованиями скелета. Разные рисунки, которые я получил, имели очень важную общую характеристику — сходство лиц. При их рассмотрении можно было бы сказать, что это разные зарисовки одного и того же человека. Этот факт, на мой взгляд, имеет особенно замечательное значение и может убедить нас в том, что на самом деле лицо, изображенное на этих разных рисунках, безусловно, пропорционально основному скелету и не должно сильно отличаться от реального. Если лицо святого Николая на самом деле должно соответствовать тому, что я смог получить после обрисовки, выполненной на основе черепа, то можно было бы сказать, что изображение нашего Тауматурга было действительно освещено светом добра и аскетического идеализма. Довольно изможденное лицо, большие глаза и широкий лоб, кажется, соответствуют этому. Среди разнообразных живописных изображений нашего святого епископа Мирликийского, о которых я до сих пор знал, наиболее сходными с антропометрическими данными я нахожу мозаику, изображающую Богородицу со святыми Николаем и Иоанном Крестителем из часовни святого Исидора в базилике святого Марка в Венеции».

На этом мы завершим обильное цитирование доклада барийского профессора Луиджи Мартино. Первоначальный труд его был предварительно завершен. В 1957 году, 7 мая, по традиции — накануне праздника перемещения

мошей из Мир Ликийских в Бари, святые останки вернули на место. Плита на гробнице закрылась вновь. Теперь неизвестно, до какого времени. Говорят, что в 1995 году святые останки фотографировали с помощью специального зонда упорные сотрудники-телеоператоры BBC из Лондона, убедившись, что там в центре находится череп, окруженный остальными костями.

Все четыре года (1953—1957) мощи святителя Николая находились в прямом доступе для верующих. Их тогда поместили в прозрачную раку и поставили в верхней части Базилики. Тогда же перенесли от гробницы и большой серебряный барочный алтарь помпезного вида, после чего место погребения стало выглядеть как в древности — строго и просто.

Но на этом научные исследования не остановились. Тот же непростой путь к доказательствам проделали венецианцы. Тем более им надо было обязательно убедить мир, что настоящие мощи хранятся у них, и только у них. А если это не так, то, по крайней мере, венецианские святые останки — точно такие же по составу, как в Бари, или являются их дополнением.

В отличие от Бари рака с мощами трех святых, которые попали в Венецию из Мир Ликийских (и в их числе — святые останки святителя Николая), открывалась в течение столетий. Как минимум — трижды, пока их не положили в новом здании храма Святого Николая, что случилось уже в XVII веке. Но в целом считается, что с момента перенесения части мошей на остров Лидо в Венеции их освидетельствования проводились не менее семи раз.

По сведениям Л. Г. Палуде, автора книги «Признание мощей святителя Николая», вскрывали гробницу в церкви на острове Лидо в 1134 году. Тогда мощи перемещали в крипту Базилики. Случилось это при венецианском доже Микеле Витале II.

Затем это сделали 5 мая 1282 года, уже когда правил 48-й дож Джованни Дандоло, имевший весьма сложные отношения с Ватиканом. Очередное свидетельство о том, что останки в наличии и что они подлинные, относится к 3 мая 1347 года. Есть сведения об открытии гробницы 11 августа 1399 года (дата удивительным образом, но, возможно, не случайно совпадает с предполагаемым днем рождения святителя Николая).

С одним из последующих важных проникновений в раку церкви на острове Лидо было связано явление, которое поразило окружающих. В 1449 году на внешней стороне гробницы стало появляться много чистой жидкости. Она как будто бы изливалась изнутри. Тогда аббат Бортоломео III, будучи одним из свидетелей чудесного события, дал указание с помощью льняной ткани собрать эту жидкость. Что и сделали. Затем прозрачную и в то же время вязкую жидкость поместили в стеклянный сосуд, где она хранилась некоторое время, причем не замерзая в зимние месяцы, даже находясь в холодном помещении.

Тогда решили открыть саму раку с мощами. Благословение на это действие дал епископ Венецианский Лоренцо Джустиниани. Именно в то самое время и был обнаружен там сосуд с густым, как мазь, миром (манной), который находился рядом со святыми костями святителя Николая. Кстати, тогда же вновь обрели тот самый камень с греческой надписью, подтверждающей, что это мощи самого святителя. Епископ Лоренцо отслужил торжественную мессу, на которой был венецианский дож Франческо Фоскари, а также собралось множества народа. По завершении торжества раку с мощами вновь закрыли и поместили на место.

Следующее открытие мощей произошло в 1634 году, когда закончили строительство нового храма и мощи трех святых перенесли в новую мраморную раку. В ней они и хранятся до настоящего времени. Однако тогда решили совершить освидетельствование мощей святителя Николая. Мы получили тогда сведения о том, что святые кости белее, нежели мощи двух других святых. Они сильно размельчены, что, видимо, объясняется сильными повреждениями при их отделении в Мирах от «стеклянной брони», в которую они были предусмотрительно запечатаны.

Как пишет об этих семи вскрытиях профессор Мартинно, «все всегда происходило тайно; это даже стало мистическим, когда случилось так, что второе, третье и четвертое вскрытия и расследования сопровождались внезапной смертью аббатов монастыря Святого Николая. Таинственность все больше возрастала, особенно когда при пятом вскрытии — согласно описанию, оставленному летописцем того времени, — в большой коробке был даже найден череп! Невероятно!» — заключил Луиджи Мартинно.

Самое важное, углубленное и последнее по времени вскрытие произошло 17 сентября 1992 года (данные от

профессора Луиджи Мартино). Сами исследования длились почти два месяца. В них принял участие клирик храма Святого Николая, францисканец Л. Г. Палуде. Именно он спустя два года опубликовал иллюстрированный отчет об этой работе в своей книге «Признание мощей святителя Николая» (*Paludet L. G. Ricognizione delle reliquie di S. Nicolà. Vicenza, 1994*). Научную экспертизу как раз возглавил все тот же профессор анатомии университета Бари Луиджи Мартино. Венецианцам особенно было важно его присутствие, ибо именно он еще 35 лет назад высказал утверждение, что в Базилике города Бари хранятся не все мощи святителя.

Открыв в 1992 году мраморный саркофаг, ученая комиссия обнаружила три деревянные гробницы. В самой крупной из них как раз и хранились мощи святителя Николая. Гробницу распечатали и обнаружили другое, свинцовое, покрытие. Только внутри него можно было лицезреть множество костей разного цвета и размера.

Здесь же был вновь обнаружен камень черного цвета, который был известен еще при вскрытии гробницы в 1449 году. Надпись на нем гласила: «Мощи святого смиренного Николая». Нашли и тот самый сосуд с миром (манной), который в XV веке попал в руки исследователей. А выявленная часть черепной крышки оказалась частью мощей святого Николая «Дяди». Среди других находок — старинные монеты разных лет выпуска и некоторые не очень важные мелочи.

Публикаторы результатов исследований указали следующее. По заключению профессора Луиджи Мартино, «белые кости, находящиеся в Венеции, дополняют останки, сохраняющиеся в Бари». Почему они бело-серого цвета? Ответ понятен — они, вероятно, долгое время хранились на открытом воздухе или даже под лучами солнца, а также контактировали с известью, «отчего сделались весьма хрупкими».

Профессор Мартино привел в пример один интересный факт. Оказывается, часть мощей святителя Николая, хранящаяся в Бари, после четырех лет, прошедших с момента их поднятия из закрытого пространства раки для освидетельствования в 1953—1957 годах, изменила свою природу, то есть, находясь на открытом воздухе, «кости стали более хрупкими... по виду похожими на сухую глину, весьма ломкими».

Обнаружено также было то, что на левой плечевой ко-

сти и на левой большой берцовой кости имеются следы, показывающие изъятие части останков. Предположили, что это могло произойти в результате забора фрагмента святых мощей для помещения в отдельный реликварий или мощевик. Это можно расценить, по мнению Палуде, как косвенное доказательство того, что останки принадлежат «великой личности».

Читаем выписки из заключения комиссии (Луиджи Мартино): «...найлены переломы на тех местах, где они должны быть во время грубой эксгумации, в связи с тем, что моряки спешили», или — «на костях возникли обширные повреждения, вызванные взаимным трением по всей вероятности из-за того, что кости были вместе завернуты в защитный материал». И наконец, «кости святого Николая, состоящие из большого числа обломков белого цвета, соответствуют частям скелета святого, недостающим в Бари. К сожалению, кости раздроблены на мелкие части барийским моряком во время бегства» (имеется в виду моряк по имени Маттео-Матфей, который прямо в обуви забрался в саму гробницу святителя во время вывоза мощей из Мир Ликийских). По мнению профессора Мартино, это та часть мощей, которую не взяли с собой барийцы. Матрос, чтобы похитить святыню, буквально растоптал хрупкие кости святителя, находившиеся на дне раки.

Получается, что эксперты комиссии 1992 года подтвердили подлинность мощей святителя Николая Чудотворца, которые хранятся в Базилике Святого Николая на острове Лидо. Луиджи Мартино констатировал: «Венецианские останки, хотя имеют скромный вид, не менее важны и не должны считаться менее важными, нежели барийские».

Из недавних научных исследований, связанных с мощами святителя Николая, можно упомянуть то, что происходит в последнее время в североамериканском городке Мортон-Гроув, штат Иллинойс (Morton Grove, Illinois, USA). Здесь, в католической церкви Святой Марфы из Вифании (St. Martha of Bethany Church), хранится предположительно частица мощей святителя Николая (часть тазовой кости, отсутствующая в Бари), которая была приобретена настоятелем храма о. Деннисом О'Нилом на серьезном аукционе в начале 2010-х годов у вполне серьезного продавца, имя которого не сообщается.

Частица, как утверждают, хранилась до этого во фран-

цузском городе Лионе. Настоятель обратился к ученым за помощью. В 2017 году сотрудники Оксфордского университета осуществили радиоуглеродное исследование, которое показало, что кость относится к IV веку (публикация журнала *Live Science*). Предполагается теперь особое исследование ДНК параллельно с мощами в Бари и в Венеции.

Время от времени и турецкие ученые также проявляют активность в сфере историко-археологических или иных наук, близких для исследования останков. Даже привлекают российских коллег для решения трудных задач или подтверждения своих гипотез. Иногда в Турции паломникам и туристам объясняют наличие здесь останков святителя Николая следующим образом: «Легенда гласит, что итальянские купцы в спешке потеряли некоторые кости, которые теперь выставляются в реликварии музея Анталии». По крайней мере, так рассказывали журналисты, исследовавшие данную тему. Яркий пример — цитируемая выше публикация Клаудии Капо «В поисках святого Николая», помещенная в 99-м выпуске «Новостей выпускников Мичиганского университета» в 1992 году (*Capos C. The Search For Saint Nicholas // The Michigan alumnus News. V. 99, November—December. Michigan, 1992*). Как известно, позднее мощи в музее Анталии были признаны неподлинными. Поэтому результаты исследований турецких ученых пока еще требуют пристального внимания и изучения.

Два слова о реконструкции внешнего облика (лица) святителя Николая — очень модной и популярной теме сегодня. Пробовали это сделать уже несколько раз. Делали реконструкции антропологические — по реальному черепу и компьютерные — по известным параметрам от профессора Мартино. Результаты активно публикуются в интернете, обсуждаются, вызывают интерес у массового читателя. А и в самом деле — думают любители сенсаций — как выглядел грек или ликиец того времени? Да еще и необычный человек! Чудотворец!

Автор данной книги не является поклонником таких деяний. Но не рассказать о них в этой главе книги будет неправильным. Какая-никакая — а все же наука.

Одним из первых вариантов реконструкции лица святителя стал тот, что был сделан самим профессором Луиджи Мартино, детально изучившим череп и его лицевую

часть. Он был представлен публике в виде нескольких рисунков и набросков. Ничего особенного в этом облике зритель не увидел. Перед нами предстал обычный пожилой человек, с бородой и слегка искривленным носом. Похожих изображений в иконописной и светской живописной традициях можно было бы найти немало.

Более интересными оказались труды британского антрополога, профессора Ливерпульского университета Кэролайн Вилкинсон (Caroline Wilkinson). Еще будучи сотрудником Манчестерского университета, она с коллегами приступила к восстановлению образа Николая Чудотворца, основываясь все так же на трудах профессора Луиджи Мартино. Затем она продолжила их в Ливерпуле в 2014 году. Как утверждала сама К. Вилкинсон, «работы доктора Мартино сыграли большую роль в реконструкции, потому что он сделал очень качественные черно-белые фотографии черепа, рентген черепа в анфас и в профиль. Это был прекрасный материал для построения 3D-модели».

До этого К. Вилкинсон была уже известна своими работами по реконструкции облика известных исторических личностей, например короля Англии Ричарда III, Роберта I Брюса — короля Шотландии и ряда других. Она использует высокоточную и сложную систему метрических измерений, фотографии рентгеновских снимков и компьютерной графики. «Когда модель черепа была сделана, — пишет К. Вилкинсон, — мы восстановили лицо св. Николая, используя специальную программу. Особенно важным было восстановление мускулов лица. Мы положили на них кожу, используя современные формулы антропологов. Учитывая особенности костей, мы воссоздали черты лица... Потом мы обратились к специалистам по графике, которые помогли положить структуру кожи на трехмерное изображение. Они наложили морщины, цвет кожи и глаз, волосы и бороду... Интересно отметить, что у него был сильный, заметный перелом носа. Очевидно, что переносица была сломана и потом ее лечили. Из этого можно сделать вывод, что нос был сломан задолго до его кончины».

По ее мнению, носовая перегородка святого Николая «зажила асимметрично, нос принял характерный вид, отчего черты лица стали строгими». И такой портрет святителя Николая работы К. Вилкинсон считают «самым реалистичным». Его сравнивают с различными иконописными изображениями святителя.

Но мы ждем новых исследований со стороны профес-

сионального исследовательского сообщества. По крайней мере, в деле «николаеведения» успешно участвуют все заинтересованные стороны — как ученые, так и духовные деятели, которые хотели бы добиться максимального результата в своих изысканиях. Можно только приветствовать все те усилия, которые прилагаются для этого.

Где еще поклониться реликвиям

*Чти и гробницы святых и какие-либо останки от костей их:
ибо не отступила от них благодать Божия.*
Григорий Палама, XIV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Сказанного достаточно, чтобы увидеть, сколь великой силой Бог наделил Николая...»

Мы уже говорили о том, что небольшие частицы мощей святителя Николая Чудотворца хранятся в разных странах мира, включая и Россию. Список их трудно составить, так как порой он оказывается гораздо обширнее того, что могло бы или должно было бы соответствовать реальности. И если попробовать подготовить такой список, то невольно можно оказаться в центре критики со стороны не только и не столько тех, кто вообще не поклоняется мощам или считает это неразумным, сколько со стороны исследователей, которые всерьез занимаются этой темой. Не менее сложно удовлетворить внимательность к точности со стороны церковных деятелей самых разных конфессий, которые на поверку «критичнее любых критиков».

Непросто доказать, например, кому-то, что в таком-то месте есть частица настоящих мощей святителя Николая. Даже если вы приведете в доказательство документальные подтверждения, они все равно могут быть не приняты во внимание. Яркий пример этому — мощи святителя в итальянском городе Римини, о которых мы уже рассказали.

Что же делать? Оставить без «проверки» любые свидетельства о том, что там-то и там-то, в таком-то городе или храме хранятся мощи такого-то святого человека? А если им массово поклоняются люди? И как осуществить такую проверку?

Нам могут возразить: «все проверяется временем!» или: «время все расставит (или уже расставило) на свои места!». Но — увы — это не так. Время — субстанция непостоянная. И с его течением зачастую можно не только доказать правдивость некоего факта, но и выявить доказательства его недостоверности.

Можно проверять научно, как это было сделано по отношению к главным мощам святителя Николая. Это многое подтверждает. Но тогда нужно проделать такую же работу по отношению ко всем хранящимся в мире частицам его мощей. Кто возьмется за такой труд?

Нам в данной книге придется воспользоваться необычным способом изложения такой информации, касающейся Николая Чудотворца. И способ этот очень прост. Мы составим список мест, где, по разным свидетельствам или утверждениям, хранятся (или хранились) частицы его мощей. Причем в той полноте, которая нам доступна, то есть — список, не вполне законченный и «утвержденный», но существующий в обиходе. При этом мы не будем стремиться доказывать что-либо. Но если будем что-то отрицать, то аргументированно.

Мы не можем и не сможем рассказать все истории — как в те или иные места попали мощи, кто их привез и прочее. И остается только положиться на совесть и довериться тем, кто утверждал и утверждает, что они там действительно есть и они действительно принадлежат святителю Николаю. Постараемся использовать самые разные источники. Если они окажутся не вполне надежными или кто-то знает заранее, что какая-то легенда не есть правда, то автор заранее просит прощения за то, что проявил неосведомленность и пошел на поводу у публикаторов, положившись на их усердие при предоставлении неточной информации.

Мы заранее назовем этот перечень лишь ознакомительным, популяризаторским, неполным и не вполне доказанным.

А теперь, написав такое «спасительное» предисловие, мы и составим обещанный список.

Напомним для начала то, что мы уже рассказали — это важно.

Главными местами пребывания нынче мощей святителя Николая Чудотворца, Мирликийского и Барийского являются в первую очередь итальянские города Бари, частич-

но — Венеция, а также частично — Римини (что обычно признается не всеми, так как еще не исследовано до конца учеными-антропологами).

Перечислим остальные места пребывания мощей святого, распределив их на карте мира «по странам и континентам».

Начнем с России. С Москвы. Но предварительно сошлемся на слова руководителя пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси священника Александра Волкова, который отметил, что в московских храмах духовные дары собирались на протяжении многих веков, среди них есть и частицы мощей Николая Чудотворца. «У каждой частицы мощей своя история», — объяснял отец Александр. По его словам, все небольшие частицы мощей Николая Чудотворца, которые хранятся сегодня в разных храмах столицы, скорее всего, ведут свою историю из Мир Ликийских в нынешней Турции, где они находились до их перенесения в Бари (возможно, благодаря Афону).

Итак.

Россия

Москва и Подмосковье (все храмы православные)

Московский Кремль

Благовещенский собор Московского Кремля. Известно, что еще в XIX столетии здесь находились частицы мощей святителя. Во-первых, там в то время был создан придел Святого Николая Чудотворца (по наказу императора Николая I). Во-вторых, сохранился ковчег-мошевик из собора с изображением, в частности, Николая Угодника, «заступника роду крестьянъску», первой трети XIV века, ныне хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля.

Николо-Гостунский храм Московского Кремля. Здесь также хранились до 1917 года частицы мощей святителя. Читаем выписку «из протокола Священного Собора Православной Российской Церкви от 9 Декабря 1917 г. за № 65», где указано, что «Священный Собор слушал заявление Комиссии по фотографированию и описанию повреждений Кремля» после обстрела большевиками и решил издать брошюру «Расстрел Московского Кремля». В тексте отмечено: «В храме Николы Гостунского предлежит великая святыня, часть Святых Мощей Святителя Николая —

того святого, которого чтут все христиане и даже язычники. Увы, русский человек проявил к этой святине такое поругание, о котором страшно и говорить!» Мощи хранились в храме с 1714 года, куда привез их из Бари, по преданию, император Петр I. Ныне мощевик находится в Оружейной палате Московского Кремля.

*Вне стен Московского Кремля (все храмы православные)
По различным источникам*

Данилов ставропигиальный мужской монастырь — ковчег с частицей мощей святителя Николая Чудотворца, переданный монастырю в 1991 году. Находится в приделе князя Даниила храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов.

Храм Всех Святых на Кулишках. Подворье Александрийского патриархата в Москве. Мощевик с частицей мощей святителя Николая привез настоятель храма, представитель Патриарха Александрийского при Патриархе Московском и всея Руси митрополит Киринский Афанасий (Киккотис). К частицам мощей святителя Николая можно приложиться по воскресеньям и каждый четверг после окончания Божественной Литургии. Мощи почивают в ковчеге округлой формы, увенчанном высокой крышкой с крестом.

Храм Святителя Николая в Котельниках. Представительство Православной Церкви Чешских земель и Словакии. Частицу мощей святителя Николая сюда привез и подарил храму архиепископ Михаловский и Кошицкий Георгий. Хранится в подвеске из серебра у иконы Чудотворца. Поклониться мощам можно в любое время.

Храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке. Здесь хранят образ Николы Можайского (конец XVI века), расположенный в левом приделе святителя Николая Чудотворца, в киоте слева от амвона. Он содержит частицу святых мощей милостивого угодника Божия Николая.

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь. Частица мощей святителя Николая Чудотворца была передана обители 21 мая 2014 года.

Иоанно-Предтеченский женский монастырь. Здесь хранится икона с частицей мощей святителя Николая.

Новодевичий женский монастырь. Икона святителя Николая с частицей мощей находится в Успенском соборе обители.

Николо-Перервинский монастырь. Частицу мощей

святителя Николая, привезенную из Иерусалима, передали в дар обители 17 февраля 2014 года благотворители монастыря.

Богоявленский кафедральный собор в Елохове. Под Распятием XIX века, рядом с северной стеной храма, хранится металлическая рака с частицей Древа Животворящего Креста Господня, десницей Апостола Андрея Первозванного, главой святителя Иоанна Златоуста, частицами мощей святителя Николая Чудотворца и святителя Петра, митрополита Московского.

Храм Спаса Нерукотворного Образа на Сетуни при Кунцевском кладбище. Хранится икона с частицами мощей святителя Николая Чудотворца.

Храм Архангела Михаила в Тропареве, с крестильным храмом Всемилоостивого Спаса.

Церковь Петра и Павла в Ясеневе.

Храм-музей святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее. По решению руководства Третьяковской галереи сюда для поклонения и молитвенного почитания перенесли ковчег XVIII века с мощами более тридцати святых, в том числе — святителя Николая.

Храм Воскресения Христова в Сокольниках. В храме хранится икона святителя Николая с частицами мощей.

Храм святителя Николая в Старом Ваганькове. В храме хранятся чтимый образ святителя Николая и частица его мощей.

Храм великомученика Георгия Победоносца в Старых Лучниках. Частицу мощей святителя Николая принесли в храм 30 марта 2011 года, где она хранится в мощевике, вставленном в ростовую икону святого.

Храм святителя Николая Мирликийского в Голутвине. Здесь хранят икону святого Николая с частицей его мощей.

Храм святителя Николая в Покровском. В храме хранится ковчег с частицами мощей Николая Чудотворца.

Храм святителя Николая в Хамовниках. Частицу мощей святителя Николая сюда передал на хранение в декабре 2010 года Святейший Патриарх Кирилл. Ее, как сообщалось, привезли из Бари.

Храм Святых Апостолов Петра и Павла в Лефортове. Ковчег с частицей мощей святителя Николая и других святых находится в главном приделе, справа у амвона.

Храм Вознесения Господня на Гороховом Поле. Здесь хранится крест-мощевик с частицей мощей святителя Николая.

Храм святителя Николая на Трех Горах. Здесь хранят реликварий с частицей мощей святого, который выносят из алтаря по воскресным и праздничным дням, а также икону Николая Чудотворца с частицей его мощей (находится в Никольском приделе).

Храм Успения Пресвятой Богородицы в Косине. В храме хранится чтимая икона святителя Николая с частицей его мощей.

Храм преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев в Гольянове. Частица мощей святителя находится в мощевике, где собраны мощи около ста святых (по левую сторону солеи).

Домовый храм в честь Рождества святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца Русского культурно-просветительского фонда святого Василия Великого и компании «Вашь Финансовый Попечитель». В 2010 году крупная частица была отделена от мощей святителя Николая и находилась в Базилике Святителя Николая в Бари. В 2012 году она была передана благотворительному фонду и помещена в московском храме.

Храм Святителя Николая Мирликийского в Щукине. Частица мощей в иконе святителя Николая, выносятся для поклонения еженедельно по четвергам во время пения Акафиста в 19.00.

Храм-часовня Владимирской иконы Божией Матери (Новая Москва, Ватуткин-2). Хранится икона с частичкой мощей святителя Николая Чудотворца.

Николо-Угрешский монастырь (Московская область). В храме при образе Николы Можайского (конец XVI века) содержится частица святых мощей святителя Николая. Их передал в дар монастырю Государственный объединенный музей-заповедник Коломенское-Люблино-Лефортово.

Мужской монастырь Давидова Пустынь (Московская область).

Фонд Святителя Николая Чудотворца (Москва). В благотворительном фонде хранится частица мощей святителя Николая, которая была вручена фонду 24 мая 2002 года настоятелем Базилики Святителя Николая Чудотворца в Бари, о. Джованни Матера. До 2010 года святыня хранилась в одном из московских храмов. После чего, по благословению православных архиереев, она перемещается по всей России в миссионерских целях. Частица мощей находится в особом резном ковчеге, выполненном российскими мастерами православного искусства.

Храм Преображения Господня в Звездном городке (Королев, Московская область). Здесь хранятся: часть деревянной, первоначальной раки святителя Николая, в которую его мощи поместили в Сан-Джорджо по прибытии кораблей из Мир Ликийских и до попадания их в Бари; также хранится частица мощей святителя Николая, которую пожертвовал настоятель храма Прихода Святых Жен-Мироносиц в Венеции.

Санкт-Петербург (все храмы православные)

Николо-Богоявленский Морской собор (Морской собор Святителя Николая Чудотворца и Богоявления). Хранится частица мощей святителя Николая. Святыня попала сюда от императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. Она же, как писали историки XIX столетия А. Вознесенский и Ф. Гусев, привезла мощи из Южной Италии и передала 5 декабря 1847 года в этот храм. Одновременно на официальном сайте собора мы читаем: «Образ святителя Николая, находящийся в соборе, по времени написания относится к середине XVII века. Икона была подарена греческими моряками. В медальоне в центре образа находится частица мощей святителя Николая, которая была подарена митрополитом Гор Ливанских Илией. Он посетил Никольский собор в ноябре 1947 года. Митрополит Илия всю войну просил Господа укрепить народ России, который нес очень тяжелые потери и страдания. И когда ему представилась возможность приехать в непокоренный город, то он привез частицу святых мощей для их духовного укрепления».

Святителя Николая Чудотворца (Николаевский) Морской собор в городе Кронштадте. Здесь хранят частицу мощей святителя Николая. Мощи переданы собору 28 мая 2013 года Патриархом Иерусалимским Феофилом III и Патриархом Московским и всея Руси Кириллом вместе с миром из Бари и копией лампы, которая находится в крипте Базилики Святого Николая в Бари.

Храм святителя Николая Чудотворца (на улице Академика Лебедева). Хранится частица мощей святителя Николая.

Храм Святой великомученицы Екатерины. Хранится икона с частицей мощей святителя Николая (с августа 2012 года).

Иоанновский женский монастырь. Хранится икона святителя Николая Чудотворца с частицей его мошей, принадлежавшая одной из насельниц монастыря — монахине Иоанне (Лежоевой; 1869—1939).

Ленинградская область (все храмы православные)

Никольский храм Константино-Еленинского женского монастыря (в поселке Ленинское).

Храм Святителя Иоанна Златоуста Староладожского Никольского мужского монастыря в селе Старая Ладога.

Екатеринбург

Ново-Тихвинский женский монастырь (православный).

Челябинск

Храм Василия Великого (православный). Здесь хранятся частицы мощей святителя Николая. Переданы итальянской маркизой Иммаколатой Соларо дель Борго в 1997 году.

Бужаниново

Церковь Святителя Николая Чудотворца (православная). Мощи переданы 19 декабря 2000 года.

Казань

Храм Святого Креста (православный). Дар маркизы Иммаколаты Соларо дель Борго, июнь 2007 года.

Кемерово

Кафедральный собор Святого Николая (православный). Частица мощей подарена Папой Римским Бенедиктом XVI 19 декабря 2008 года.

Страны и города мира

В этом разделе частично цитируется информация, подданная сайтом Центра Св. Николая (St. Nicholas Center. Holland, MI. USA).

Австрия

Вильферсдорф

Приходская церковь Святого Николая (католическая).

Беларусь

Минск

Кафедральный собор Сошествия Святого Духа (православный). Дар от Кафедрального собора Святого Николая во Фрибурге (католический), февраль 2006 года.

Бельгия

Синт-Никлас

Храм Святого Николая (католический). Серебряный реликварий с мощами святителя Николая.

Болгария

София

Церковь Святого Николая (православная).

Бургас

Церковь Николая Чудотворца (католическая). Частица мощей хранится с 6 декабря 2010 года.

Германия

Браувайлер

Храм Святого Николая в аббатстве Браувайлер (католический). Частица мощей была передана дочери императора Оттона II Матильде Папой Бенедиктом VIII в XI столетии, вместе с благословением на основание бенедиктинского монастыря Святого Николая Чудотворца и Святого Медарда. Первоначально реликвии были зарыты в основании монастыря. После закрытия аббатства и его возвращения Церкви реликварий с частицей мощей святителя Николая хранится в алтаре.

Хальберштадт

Кафедральный собор Святого Стефана и Святого Сикста упраздненного в 1648 году Хальберштадтского епископства (лютеранский).

Геттинген (Николаусберг)

Монастырский храм Святого Николая (лютеранский). Место активного паломничества к мощам святителя Николая до начала периода Реформации. Место культурных мероприятий. В 2019 году признана «Церковью культуры» (*Kultur Kirche*).

Паншвиц-Кукау

Монастырь Мариенштерн в Саксонии, обитель «Звезда Марии» (католический). Хранится частица мощей святителя Николая.

Вормс

Вормсский собор Святого Петра, часовня Святого Николая (католическая). Здесь с 972 года, после бракосочетания Феофанны из Византии с императором Отто II, хранились частицы мощей святителя Николая, которые были утрачены в ходе Девятилетней войны в 1689 году. Хранится миро, полученное в 1986 году. Создан новый реликварий, 1990 года.

Греция

Афины

Храм Святого Николая в Афинах (православный). В церкви хранится частичка мощей Николая Чудотворца (в раке при входе в храм).

Амаринтос, остров Эвия

Монастырь Святого Николая (православный). Здесь хранятся частицы многих святых мощей.

Апикья, остров Андрос

Свято-Николаевский мужской монастырь (православный). Хранятся частицы мощей святителя Николая.

Портареа, Фессалия

Церковь Святого Николая (православная).

Дания

Сленгеруп

Церковь Святого Николая, бывший городской собор (католический). В 1103 году Эрик Добрый подарил храму частицы мощей святителя Николая, которые он получил в Константинополе. В эпоху Реформации собор закрыли. На его месте из церковного кирпича возвели церковь Святого Михаила. От прежнего храма сохранилась часть алтаря и стен.

Испания

Мурсия

Церковь Святого Николая Барийского и Святой Екатерины (католическая). Здесь хранится священная реликвия — частицы мощей святителя Николая: «обломок кости его святого тела». Реликвия подтверждена официальной печатью, которая удостоверяет ее подлинность. Мощи выставлены на виду в задней части реликвария.

Италия

Бари

Базилика Святого Николая (католическая). Главное хранилище мощей святителя Николая находится в склепе, в нижнем этаже, с 1087 года. Принесены из Мир Ликийских. По четвергам у мощей проводится православная Литургия.

Венеция

Храм Святого Николая на острове Лидо (католический). Хранятся мощи святителя Николая, привезенные крестоносцами в 1100—1101 году из Мир Ликийских.

Храм Прихода Святых Жен-Мироносиц (Московского Патриархата) в Венеции. Здесь хранится небольшая часть мощей святителя Николая. Два раза в год, 22 мая и 19 декабря, в дни памяти святителя совершается Божественная Литургия на «венецианской части» его мощей.

Римини

Храм Святого Николая в Порту Римини (католический). Хранится левая плечевая кость, с 1177 года. Привезена из Бари. Проводятся службы на церковнославянском языке.

Канада

Оттава

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы / Свято-Никольский собор (православный).

Торонто

Свято-Троицкая церковь (православная).

Нейпервиль, Квебек

Храм Гроба Господня и двух Дев (католический). Старый реликварий в виде руки.

Нидерланды

Утрехт

Храм Святого Николая (католический), приходской.

Маастрихт

Базилика Святого Серватия (католическая).

Мейель, Лимбург

Храм Святого Николая (католический), приходской. Здесь хранится частица мощей святителя Николая в оправе в виде звезды.

Палестина

Бейт Джала

Церковь Святителя Николая Чудотворца (греческая православная). Согласно местному преданию, здесь есть крипта — место подвигов святителя Николая Чудотворца во время его паломничества в Святую Землю. Из Бари сюда была передана частица мощей святителя Николая. Хранится для обозрения в металлическом реликварии, украшенном камнями, в белом коробе.

Румыния

Тыргу-Муреш

Храм Святого Николая (грекокатолический). Частица

мощей предоставлена из собора Святого Николая во Фрайбурге, 5 декабря 2008 года.

Бухарест

Новая Церковь Святого Георгия (православная). Здесь хранится частица мощей (правой руки) святителя Николая, которая была передана князем Михаилом Храбрым от архиепископа Барийского в 1599 году.

США

Нью-Йорк

Никольский храм (православный). Здесь хранилась частица мощей святителя Николая (данные журнала *National Geographic*). Храм был разрушен во время атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года. Мощи были утрачены.

Мортон-Гроув, штат Иллинойс

Церковь Святой Марфы из Вифании (католическая). Здесь хранится предположительно частица мощей святителя Николая (часть тазовой кости, отсутствующая в Бари), приобретенная настоятелем церкви о. Деннисом О'Нилом на аукционе в начале 2010-х годов. Частица, как утверждают, хранилась до этого во французском Лионе. В 2017 году ученые Оксфордского университета осуществили радиоуглеродное исследование, которое показало, что кость относится к IV веку (публикация журнала *Live Science*). Предполагается исследование ДНК параллельно с мощами в Бари и в Венеции.

Аннандэйл, Вирджиния

Храм Крещения Господня (католический).

Флашинг, штат Нью-Йорк

Никольский храм (православный). Частица мощей святителя Николая подарена Ватиканом в 1972 году.

Индианаполис, штат Индиана

Никольский храм (православный). Частица мощей святителя Николая подарена от Бари 25 сентября 2013 года.

Нортридж, штат Калифорния
Церковь Святого Николая (православная). Частицы мощей привезены священником из Бари в 1998 году.

Олифант, штат Пенсильвания
Церковь Святого Николая (православная). Мощи принесены в новый алтарь храма в 1947 году.

Питтсбург, штат Пенсильвания
Часовня Святого Антония (католическая церковь Троя Хилл). Говорят, здесь располагается самая большая коллекция реликвий (около 5000) за пределами Ватикана, которая включает три частицы мощей святителя Николая.

Троя, штат Мичиган
Церковь Святого Николая (православная). Частица мощей святителя Николая — дар римско-католического священника в 1992 году.

Западный Вавилон, штат Нью-Йорк
Храм Святого Николая (православный).

Турция *Анталия*

Археологический музей города Анталия. По мнению турецких ученых, здесь хранились частицы мощей святителя Николая, которые не сумели вывезти из Мир Ликийских моряки из Бари и Венеции. В 2011 году экспертами министерства туризма Турции кости из музея в Анталии как останки святителя были признаны поддельными. В связи с этим они удалены из экспозиции музея.

Демре

В октябре 2017 года турецкие власти предположили, что мощи святого Николая все еще могут быть в Демре (Мирах Ликийских). Они утверждают, что возможны находки при раскопках под мозаичными полами древней церкви святителя Николая.

Украина

Ирпень

Храм Святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца (православный). Частица мощей святителя Николая была вручена настоятелю храма после первой Литургии в 1999 году.

Киев

Церковь Николая Чудотворца в Национальном университете государственной налоговой службы Украины (православная).

Церковь Николая Чудотворца (католическая). Частица мощей привезена из Бари как дар от доминиканцев в 2002 году.

Львов

Храм Святого Николая (православный). Мощи хранятся с 1500 года.

Франция

Сен-Никола-де-Пор

Базилика Сен-Никола-де-Пор (католическая). В 1090-е годы, согласно традиции, как один моряк рассказал, рыцарь Обер де Варанжевиль украл частицу мощей святого Николая в Базилике Сан-Никола в Бари и привез ее в Лотарингию. Считается, что это кость фаланги правой руки епископа. Она хранится в реликварии (в виде руки), созданном в XIX столетии, украшенном серебром, золотом, эмалью и бриллиантами, в отдельной комнате, дверь в которую закрыта. Но есть маленькое окошечко, куда надо кинуть монетку и шторы на полминуты раздвигаются для обозрения.

Корби

Королевское аббатство Святого Петра в Корби (католическое). Хранилась частица мощей святителя Николая (часть пальца), но пропала с 1333 года.

Лилль, Лотарингия

Дворец изящных искусств. Хранится серебряный с позолотой реликварий XIII века с мощами.

Тулуза

Храм Святого Николая (католический). Хранится частица мощей (кость от пальца) святителя Николая.

Швейцария

Фрибург

Кафедральный собор Святого Николая во Фрибурге (католический). Мощи принесены из Рима, первоначально (около 1420 года) в аббатство Уотерив, а затем (9 мая 1506 года) во Фрибург.

Шотландия

Абердин

Церковь Святого Николая, историческая (протестантская), открыта вновь в 2002 году. До эпохи Реформации обладала частицей мощей святителя Николая.

В мае—июне 2017 года часть мощей святителя Николая была привезена из Бари в Москву. Затем святые останки совершили путешествие по всей России. А уже 19 декабря 2018 года, в день памяти святителя Николая Чудотворца архиепископа Миры в Ликий, состоялась презентация итальянского издания книги «Перенос мощей святителя Николая Чудотворца из Бари в Россию (21 мая — 28 июля 2017 года)». Это произошло в Базилике Святого Николая в Бари. Книга иллюстрирована фотографиями, в ней можно найти материалы, рассказывающие об основных этапах доставки реликвария в Москву и Санкт-Петербург.

Издание подготовлено совместными усилиями Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, Римско-католической епархии Бари-Битонто и издательства «Познание». В основе книги — послания и проповеди, произнесенные Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом во время богослужений, совершаемых у мощей святителя Николая. Предисловие написали митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, а также монсеньор Франческо Какуччи, архиепископ Бари-Битонто.

Согласно официальной информации, в 2017 году в России 2 миллиона 392 тысячи человек пришли почтить свя-

тые мощи в Москве и Санкт-Петербурге. Примечательно, что прибытие мощей самого почитаемого святого в Русскую Церковь совпало со столетием революционных потрясений, когда и Церковь, и русский народ начали свой путь на Голгофу.

Препятствий для паломничества по местам, связанным со святителем Николаем, сегодня никаких нет. Подобные времена не часто «баловали» стремящихся к святым местам подвижников. Поэтому следует, наверное, немного поспешить — для того, чтобы увидеть своими глазами и ощутить душой великое наследие человеческой цивилизации. Почетное «звание» паломника — это приобщение к высокой культуре, духовности и богатству мировоззрения, которые возможно постигнуть, если отнестись к этому делу как к важной части жизни, не потраченной на пустые приключения или деяния однодневного свойства. Паломник — это человек, который приобщается к Вечности. Он стремится к святым мощам для поклонения, с молитвой, постом и покаянием. А святые места, связанные с именем Николая Чудотворца, вряд ли оставят равнодушным тех, кто пройдет свой маршрут в сторону встречи с ними.

Предполагаем, что в ближайшее время будет составлена наиболее полная карта храмов или мест в мире, где хранятся святые мощи Николая Чудотворца. К чему автор и призывает читателей. В эпоху всеобщей компьютеризации это уже не составит слишком большого труда, который мы пока не стремились осуществить.

Глава 8

ПОЧИТАНИЕ НИКОЛАЯ УГОДНИКА

Сказать о том, что почитание святителя Николая в мире слишком масштабно, — это не сказать почти ничего. С самой кончины оно было глубоким и стало важной традицией. Массовым и даже общемировым. И пусть не во всех, конечно, странах. Но во многих. Разрасталось оно в пространстве с течением времени. В наши дни торжество почитания породило источник ежегодного маленького земного счастья (особенно для детей), которое наступает перед очередным празднованием Рождества Христова. Весь мир ночью ждет подарков от Санта Клауса. В рекламе говорится, что он «все-таки настоящий». И это правда! Святитель Николай Чудотворец действительно был, он жил на планете Земля, он реальный человек, исторический деятель, в какую бы сказочную фигуру его ни пытались превратить.

Да, скончавшийся где-то в «древности», на полузабытой ликийской стороне, у моря, среди скалистой местности, в портовом городе на семи ветрах, окруженный любовью со стороны своей паствы, он все же явил собой уникальный пример того, как простой человек может стать ярким и уважаемым духовным подвижником, а затем, посмертно, будет влиять на политику, культуру и даже экономику стран мира, которые, казалось бы, уже не верят в чудеса, давно поклоняются трезвому прагматизму в повседневной жизни. Но нет. В трудные минуты люди всего мира обращаются с молитвами к Святому Угоднику, и, как свидетельствуют современные нам летописцы, — он и сегодня отвечает, помогает, выручает и спасает. Записывать такие летописные истории нынче стало намного легче. Любой смартфон в кармане — это диктофон, фотоаппарат и видеокамера одновременно. Только успевай фиксировать чудеса и необычные явления...

Впрочем, не будем торопиться. Места и времени для этих рассказов у нас в данной книге предостаточно.

Европейские последователи

Бог воздал гробницам святых... дивное благоухание, источники мира, дарования исцелений, действие сил.
Григорий Палама, XIV в.

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «Но ты, Господи, благой источник всяческого блага, человеколюбиво призывающий на наши нужды, устрояешь так, что это доходит до ушей святого Николая, и посылаешь его как доброго ангела-заступника к тому мужу, вот-вот готовому взять грех на душу, дабы облегчить его бедность и спасти от зла еще горшей бедности».

После кончины святителя Николая его культ распространяется сначала в Малой Азии. Особенно — в Константинополе, где, как известно, к VI столетию существовало около 25 церквей, посвященных ему! Многие люди совершали паломничества к его могиле у Мир Ликийских. Стали появляться сочинения на греческом и латинском языках, которые сделали его очень известным в византийско-славянском мире, но в первую очередь — на Западе, в Риме и на юге Италии.

В Константинополе его почитание могло возникнуть сразу же после кончины, в IV столетии, благодаря высокопоставленным военачальникам, известным стратилатам Непотиану, Урсу и Герпилиону. Он чудесным образом спас их от казни. Это происходило с участием самого императора. Дело приняло публичный оборот. Так началась еще прижизненная, а затем и посмертная слава святителя в столице империи.

Император Феодосий II в первой половине V века построил церковь Святого Николая в Мире. По сведениям византийского историка Прокопия Кесарийского, другой император — Юстиниан I — привел в порядок храм в Константинополе, посвященный Святому Николаю и Святому Приску (Priscus), который, вероятно, был построен еще ранее. А это еще до появления «Жития Николая Сионского»!

Популярность святителя Николая в Византии была велика, даже превышала почитание других святых. Возводились храмы его имени, монастырские обители, открывались церковные приделы. Естественно, создавались его иконописные образы, подавляющее большинство которых не сохранилось.

Из Константинополя почитание в VII веке перенеслось в Рим. Достигло оно Иерусалима и Грузии. В VIII столетии свершилось чудо святителя Николая, который спас из арабского плена некоего Петра-воина. Тот молился Чудотворцу, обещая, что если он его освободит, то узник примет монашеский постриг. По преданию, он стал тем самым Петром Афонским, который был среди основателей монастыря на Святой Горе Афон. После этого чуда, к IX столетию, почитание святителя Николая развилось еще более.

На рубеже VII—VIII столетий преподобный Андрей Критский писал в своей «Энкомии» о святителе Николае как об уже очень известном святом в христианском мире. Он был уже «знаменит повсюду под солнцем».

Ему вторил Михаил Архимандрит, который в начале IX века утверждал то же самое. Мефодий в своем Житии писал о святителе Николае, «молва о котором, как о божественных апостолах, разошлась по всей земле, а сила речей и чудес дошла до краев Вселенной, настолько благодатная и настолько укоренившаяся в умах всех, что, кажется, даже варвары не остались непричастны величию его чудес».

В IX столетии отметился своими службами, посвященными святителю Николаю, диакон храма Святой Софии Георгий Никомидийский. Современник и друг Патриарха Фотия (сохранилась их переписка) создавал удивительные произведения — церковные песнопения, службы, каноны. В знаменитой 12-томной антологии византийских гимнографических сочинений *Analecta Hymnica Graeca* мы находим его каноны на дни памяти святых и праздники церковного года, известные по рукописным Минеям южноитальянского происхождения, которые не вошли в печатные служебные Минеи. Среди них — каноны святителю Николаю (на 6 декабря). Поражает необычный акростих в тексте. Все тропари каждой песни, включая Богородичны, начинаются с соответствующей буквы из имени автора. И если мы их выпишем в строчку, то получится:

ГГГГЕЕЕЕΩΩΩΩΡΡΡРГГГГІІІІООООУУУУ.

То есть — ГЕОРГИΟΥ, Георгий (каждая буква повторяется четыре раза).

Известен также в рукописи его «ин канон» за 6 декабря — Николаю Чудотворцу.

Постепенно в Европе строились храмы, которые украшались изображениями святителя. Об одном из них пишет Эгидий Орвальский в «Деяниях епископов Льежских» (XIII век): «В 1030 году Господнем, 22 июля, он (Регинхард или Райнхард — епископ Льежский. — К. К.-С.) освятил в честь святого Николая, архиепископа Миррского, небольшую церковь в Публемоне, возле святого креста, которая, как говорят, была первой основана в Лотарингии во имя святого Николая, главным образом потому, что после воззвания к святому Николаю прекратилась некая зараза от мух, которая донимала людей в Льежской земле, и ради него народ построил по обету церковь».

Не менее значимое влияние оказала на почитание святителя Николая в Западной Европе уже упомянутая нами молодая гречанка Феофано, жена императора Оттона II. Она признала Николая Мирликийского своим домашним или даже семейным святым, причем для всей династии Оттонов. Вот как пишет об этом исследователь из Дюссельдорфа Михаэль Хеземанн в статье об истоках поклонения епископу: «Еще при жизни императрицы в Германии появились пять храмов под покровительством св. Николая: часовня в Кемптене, посвященная ему в 973 г., церкви в Хальберштадте (974), Майсене (984), в Венде под Геттингеном (987) и Липбахе (990). Освящение храма в Венде проводил Майнцский архиепископ Виллигиз, личный советник императрицы. Также в это время появляется первая составленная в Германии церемониальная служба в честь св. Николая; ее создал епископ Рейнольд Айхштеттский (966—991). Широкое почитание св. Николая в Нидерландах также восходит к Феофано. Так, в благодарность за счастливое рождение сына Оттона III она повелела воздвигнуть в 980 г. около своего любимого дворца в Нимегене восьмиугольную часовню по византийскому образцу, которую посвятила святому епископу из Миры. Неудивительно, что и в церковь св. Пантелеимона в Кельне попали мощи св. Николая, вероятно, благодаря пожертвованию императрицы». После этого Оттоны строили многие храмы и аббатства, посвященные имени святителя Николая, «введя» его в обиход Европы еще до перенесения мошей из Ликии в Бари.

То есть мы видим большую панораму почитания, широко распространенного еще до вывоза реликвий Чудотворца барийскими моряками из Мир Ликийских. Еще до того,

как слава его достигла Руси на востоке и Англии на западе. Относительно Европы можно утверждать, что в короткое время не существовало страны, где не было бы храма, освященного в его честь. Автор Жития святителя — Иоанн Диякон — в конце IX столетия писал: «Мало-помалу его слава распространилась среди варваров, чтобы постоянно почитаться даже теми, кто не крещен. Мы верим, что во всем мире нет места столь отдаленного, столь скрытого и недоступного, которому не известны чудеса и слава нашего отца Николая, глубокого исповедника. Об этом свидетельствуют не только все регионы, населенные греками, из которых он вышел, но и вся империя...» И далее Иоанн продолжает: «Многие варварские народы, говорящие на разных языках, которые живут почти во всей Африке, преданно и благочестиво поклоняются ему. Жители Италии, зная о его чудесах, быстро привыкли... торжественно и набожно отмечать его праздник. С Божьей помощью они смогли построить в его честь и посвятить ему много церквей, чтобы он был в этой жизни покровителем и утешителем, а в жизни другой — заступником перед Творцом».

Интересные факты, рассказывающие об исцелениях людей сразу после переноса мощей в Бари, приводит о. Джерардо Чоффари в своей статье об истории текстов, связанных с переносом святых останков святителя Николая в средневековой Европе. Именно эти чудеса стали основой для мгновенного распространения культа почти по всей Италии. Мы приводим здесь цитату так, как она дана у автора (нумерация связана с событиями в Бари, мы берем ее с № 16):

«16. Много было чудес после перенесения, часто во время большого наплыва паломников в Бари.

17. Слава о случившемся довольно быстро разнеслась по всему Западу.

18. Выздоровел паралитик из Анконы, а также священник из Камерино, который страдал от подагры.

19. Ребенок из Амальфи избавился от беса.

20. Выздоровела девочка, принесенная из некоего Кастелло.

21. Выздоровела больная, разбитая параличом, из Дураццо.

22. Выздоровела женщина из Далмации, больная проказой.

23. Выздоровела служанка из Сипонто, страдавшая хронической расслабленностью.

24. Выздоровела молодая женщина, у которой не было больше молока.

25. Мальчик-калека выздоровел во время паломничества из Матеры.

26. Выздоровел нищий калека из Таранто.

27. Выздоровел слуга, покрытый ранами от ударов, нанесенных его хозяином-солдатом, считавшим своего слугу виновным в краже.

28. Выздоровела бесноватая из Цизальпийской Галлии».

Чудеса стали происходить повсеместно. Внимание к ним стало таким, что трудно было его сравнить с поклонением другим святым. Масштабность происходящего позволила о. Джерардо сделать важный вывод: «Признание св. Николая в числе покровителей Европы нелегко по причине господства светского духа, который препятствовал даже утверждению о христианских корнях Европы. Но если чувство истории возьмет верх, более чем вероятно, что крупные ученые признают в Николае... святого, который сопровождал рождение Европы».

«Сопровождал рождение Европы»! Вот, оказывается, что происходило после того, как мощи святителя перенесли в Бари.

И действительно, пусть мы повторим это еще раз, трудно найти рациональное объяснение — почему именно Николай Чудотворец был (и есть!) настолько любим и почитаем.

Но для разных европейцев святитель Николай был разным. Святой Фома Аквинский особенно почитал чудо о приданом для бедных девушек. Ему вторил в «Божественной комедии» великий Данте. Вильям Шекспир считал Чудотворца покровителем воров, даже называл воров «слугами святителя Николая» (в основании этого лежит чудо, когда святой нашел тех, кто своровал имущество благочестивого человека, которое они вернули и в итоге покались). А французские театралы создали традицию спектаклей-мираклей о святом епископе Николае, которые во множестве распространялись и ставились на средневековых сценах. Можно добавить к этому сонм европейских художников, которые были вдохновлены деяниями святителя Николая и создали за столетия десятки и сотни выдающихся произведений искусства.

Если попробовать подсчитать количество храмов, построенных в честь Николая Чудотворца, то статистика

окажется поразительной. На одном из западных форумов в интернете автор нашел подсчеты, сделанные одним из участников. Не внедряясь в обсуждение правильности этих подсчетов, мы приведем их здесь как некий пример — возможно, для дальнейших поправок.

Считается, что наибольшее количество церквей, посвященных имени святителя Николая, возведено в России. Например, только в Москве их насчитывается почти 50 (оставляем читателю право самому пересчитать их). Автор статистики подсчитал, что всего Россия собрала по всей своей территории более 1500 таких храмов.

Италия занимает второе место: храмов в честь святителя Николая здесь предположительно от 800 до 1200, с учетом, что ситуация с открытиями-закрытиями или передачей их между конфессиями быстро меняется. Во Франции и Германии приходов более 600, включая (для Германии) храмы, ставшие музеями. Англия владеет около 400 церквями Святого Николая. То же самое относится и к Греции. Несколько сотен приходов открыты в США. И чуть более 100 — в Бельгии.

Испаноязычные страны, по мнению автора статистики, требуют особенного подсчета. Там нет столь широкого почитания святителя Николая. Но даже если представить себе, что их там несколько сотен, то во всем мире «церквей Святого Николая должно быть около 6000 или около того», резюмирует участник форума...

Прав он или нет — судить читателю данной книги.

Византинист, историк Церкви, автор труда «Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы святителя Николая Мирликийского в Бар-граде» (1915) А. А. Дмитриевский написал удивительные строки о почитании чудотворца Западом и Востоком. «Нисколько не удивительно, — пишет он, — что чествование сего святителя у того и другого народа выражается далеко не одинаково. Итальянцы празднуют день свт. Николы шумными народными крестными ходами с парадами войск, с хорами музыкантов и с роскошным освещением городских улиц и площадей электрическими фонарями и разноцветными лампочками, ибо этого требует живой, веселый характер итальянского народа. Величаво, но спокойно и благоговейно в своих благолепных храмах, посвященных его имени и во множестве рассеянных по необъятному лицу Рус-

ской земли, празднует тот же день русский богоносный народ длительными всенощными богомолениями, торжественными архиерейскими богослужениями, величественными крестными ходами и распеванием детьми коляд (в Малороссии) в честь св. Николая с припевом: “Святой Николай, всему миру помогай”. Нередко во имя той же любви и глубокого почтения к свт. Николаю русский набожный человек с котомкой за плечами и с посохом в руке на праздник в честь свт. Николая идет за сотни верст к обители, где чествуют чудотворные древние иконы сего милостивца святителя, или даже, презирая все трудности пути и полное незнание нравов и обычаев итальянского народа и неумение с ним вступить в живой обмен мыслями, шествует спокойно к мироточивому гробу святителя Христова и перед ним под непонятный для него язык латинских молитв и песнопений изливает там свои наболевшие скорби и сердечные туги. Этот страдный крестоносный подвиг паломничества к мощам святителя Николая, как знак высокого молитвенного почитания сего угодника Божия, присущ православному русскому человеку настолько, что в этом подвиге объединяются и Великий Государь богохранимой Российской державы, и юный князь императорской крови... и русский ученый, и богобоязненный купец, и трудолюбивый земледелец. Но и русский, и итальянец, объединенные любовью к святителю Христову Николаю, несмотря на далекое пространство, их разделяющее, на разность их верований, несходство их природного характера, невозможность за незнанием языка войти в живое непосредственное общение, были проникнуты издавна чувствами сердечности и взаимного тяготения друг к другу».

На протяжении нескольких столетий, вплоть до Нового времени, в мире на десятках языков было создано множество книг — житийных, научных и художественных, — посвященных святителю. Если расставить их все вместе на полках, то получится библиотека, по масштабам напоминающая Британскую. Продолжают выходить такие издания и сегодня — для детей и взрослых, для широкого читателя и для специалистов. Мы не ставим своей целью здесь составлять полную библиографию или рассказывать о них. Мы частично это уже сделали в данной книге, пока совершали наше хождение в Житие Николая Чудотворца, когда упоминали наиболее важные и цитировали наиболее ценные из них. Но остановить феномен публичных

высказываний разных людей в печати или в интернете, связанных со святителем Мир Ликийских, — просто невозможно. Кроме научного сообщества, именуемого «николаеведением», существует незримое братство писателей и читателей, которое никак не контролируемо и существует само по себе. Достаточно посмотреть — что и как продается в интернете. Мы увидим разнообразие изданий и целый мир повторяющихся тем. Как будто бы никто ничего до этого и не писал. Каждый год — вновь появляются сочинения, рассказывающие о епископе ликийского города, о святителе Николае и о Санта Клаусе, описывающие новые чудеса и деяния.

И пусть. Сим победиши.

В 1948 году британский композитор, дирижер и пианист, один из крупнейших английских музыкантов XX века — Бенджамин Бриттен — выступил с замечательной инициативой — организовать Ежегодный международный музыкальный фестиваль на его родине, в графстве Сассекс, в небольшом приморском городке Олдборо, который он избрал местом постоянного жительства. На первом фестивале, состоявшемся в том же году, была исполнена написанная к этому празднику кантата «Святой Николай» (Saint Nicolas, Op. 42, 1948). Полностью подзаголовок произведения звучит так: «Духовная кантата для тенора, смешанного хора, двух фортепиано, органа, струнных и ударных». В либретто, написанном Эриком Крозье (Eric Crozier), напоминающем современное Житие святителя, мы, после простого подстрочного перевода с английского языка, находим такие начальные строки:

Глаза наши ослеплены святостью, которой ты наделен,
Епископским одеянием, митрой и золотым крестом,
Что отличает простого человека от Святого.
Приостанови свою славу, Николай, и скажи!
По длинному мосту в шестнадцать сотен лет
Пришел я, чтобы совершить Богослужение с тобою,
Ибо состою в верном твоём братстве уже давно.
Все, кто преклонял колени со мной тогда, ушли.
Они превратились в прах, их могила — трава и глина,
Однако семя светлой веры еще живет в тебе.
Оно неподвластно времени и бьет ключом!

С тобой Вера крепка, как лесной дуб,
Что не вянет, как трава под ногами.
Храни живую Веру!

Как видим, творчество, связанное с именем святителя Николая, не устает продолжаться и развивается со временем. А слава святителя — разрастаться среди языков и народов.

Санта Клаус и Дед Мороз

*Чтобы дары пребывали, благодарением к Благодетелю.
Петр Дамаскин, XII в.*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу императора Византии: «От него исходило некое пресветлое сияние, и лик его сверкал более Моисеева».

Нынче в христианском и так называемом постхристианском мире — на Западе и на Востоке — во время Рождественских и новогодних торжеств главным героем является святитель Николай, получивший имя Санта Клаус (Santa Claus). Преддверие Нового года теперь без Санта Клауса, можно сказать, и не праздник. Так уж повелось в последние столетия. Теперь уже и в России, которая, правда, все еще прочно находится под влиянием и гипнозом созданного при советской власти языческого Деда Мороза с его неизвестно откуда взявшейся «внучкой» — Снегурочкой. Ведь у Снегурочки, ежели она внучка, должны были быть родители, то есть — дети Деда Мороза! А у того, естественно, должна была быть жена! Где все эти родственники, кто они? «Не важно», — отвечают прагматики. Детям хорошо, забавно — ну и ладно!

Однако еще в дореволюционной России, хотя и не повсеместно, но вошел в обиход добрый Рождественский дедушка святой Николай. Но теперь о нем забыли.

Автор данной книги нарочито пишет Санта Клаус без дефиса. Слияние воедино, по нашему мнению, искажает смысл, принижая значение понятия «санта» — «святой». Это важное само по себе слово. Оно существует независимо. И не может быть просто приставкой к имени.

Как мы уже говорили, в Европе и Америке нынче вместо полного имени Санта Клаус употребляют упрощенное — Санта. О самом святителе Николае как будто забыли. Все ждут подарки от Санты. А это, возможно, уже даже и

не святой Николай, а так — просто хороший человек, добрый дедушка, но не конкретный, уж слишком почитаемый и вполне реальный исторический герой.

Откуда появилась новогодняя традиция, связанная с Санта Клаусом, и кто был создателем легенды о нем? Об этом мы и поговорим.

Начнем с голландцев. Однажды в XVII столетии (поговаривают, что это случилось в 1626 году) один отважный капитан отправился в плавание по Атлантическому океану из Амстердама в сторону Америки. Лучше всего это описал выдающийся американский писатель Вашингтон Ирвинг в своем произведении «Ироничная история Нью-Йорка от Дитриха Никербокера» (*Humorous History of New York, by Diedrich Knickerbocker*). Некий Дитрих Никербокер — псевдоним Ирвинга Вашингтона (тоже с голландскими корнями) — посвятил свое произведение истории возникновения первых голландских поселений на территории современного государства Соединенные Штаты Америки, рассказав об этом с легким юмором.

Автор преднамеренно опубликовал свою «Историю» в День святого Николая — 6 декабря 1809 года. В качестве прелюдии он почти месяц проводил рекламную кампанию, чтобы разжечь аппетит общественности. Сыграл здесь свою роль и псевдоним Никербокер, так как это имя буквально означает «Детский пекарь». Иронизировал он над Нью-Йоркским историческим обществом, с которым у него были непростые взаимоотношения.

По мнению автора известных трудов, посвященных Санта Клаусу, американского исследователя Чарлза У. Джонса (C. W. Jones. Knickerbocker Santa Claus), «Ирвинг присоединился к Обществу при составлении “Истории”, по-видимому, для сбора материала... Но тот, кто пришел посмеяться, остался молиться. Как пишет биограф Ирвинга, профессор Стэнли Уильямс, процесс написания этой милой сатиры заинтересовал автора в изучении истории, так что из-под его пера, в конце концов, вышли его Колумб, Астория и Вашингтон (перечисляются главные труды Вашингтона Ирвинга. — К. К.-С.). Он также научился молиться за своего святителя Николая; так что он был главным ответственным за основание в 1835 году Свято-Никольского общества. Без Ирвинга не было бы Санта Клауса».

Мы видим, по рассказу Ирвинга, что именно голландцы первыми заселили знаменитый Манхэттен, не подозревая, что он станет центром красавца Нью-Йорка. Именно они продали этот остров позднее за бесценок. Но при этом колдуны сыра и тюльпанов успели создать еще кое-что — традицию, о которой мы здесь повествуем.

Вашингтон Ирвинг пишет:

«Корабль, на котором отплыли эти выдающиеся искатели приключений, назывался “Goede Vrouw”, то есть “Добрая домохозяйка”... Корабел, человек благочестивый, не захотел украшать судно изображениями идолов — Юпитера, Нептуна или Геракла (дурной языческий обычай, ставший причиной многих кораблекрушений), а поместил с крепкой молитвой на нос корабля красивую статую Св. Николая, с низкой широкой шляпой, короткими фламандскими штанами и длинной курительной трубкой, достигавшей бушприта... Плавание было необыкновенно успешным, ибо “Добрая домохозяйка”, шедшая под особым покровительством почитаемого Св. Николая, казалась, обладала особыми навигационными достоинствами. Вплыв в устье реки Гудзон, они насмерть напугали местных индейцев, тут же сбежавших. Вдохновленные подобной непредвиденной победой, наши герои сошли триумфально на сушу, подобно испанским конкистадорам... Завороженно оглядевшись, они решили, что сам блаженный Никола привел их в такое чудное место ради основания новой колонии... Благоустроившись в новом прекрасном месте и обеспечив себя всем необходимым для удобной жизни, они вспомнили, что следует возблагодарить доброго Николу за его ценное покровительство. С этой целью внутри форта они срубили часовню, посвятив ее Св. Николаю. Угодник в ответ взял под свой патронаж весь город Нью-Амстердам (будущий Нью-Йорк. — К. К.-С.) и с той минуты (смею верить, навсегда) стал святым покровителем сего чудесного города».

А теперь главная часть рассказа Ирвинга: «В те далекие дни возникла и одна добрая церемония, до сих пор благоговейно соблюдаемая в наших старых семействах с хорошими манерами: в канун праздника Св. Николая у камина подвешивался большой чулок, чудесным образом заполняемый подарками на утро. Это происходило благодаря щедрости Св. Николая, всегда особо расположенного к детям».

Заметим, что если рассказ Ирвинга был издан в 1809 году, то написан и того ранее. Традиция была распространена повсеместно.

Голландцы называли святителя Николая «Синтерклас». Отсюда и пошел Санта Клаус. Как можно заметить, голландцы-моряки видели святого в особенных одеждах, из их традиционного обихода (вспомним, как они «одели» фигуру святителя, помещенную на носу корабля). Таким его и представляли детям. То есть о епископских одеждах или античной моде забыли напрочь.

Но даже тогда по внешнему виду это был еще не тот Санта Клаус, которого мы знаем сегодня. Красно-белый дедушка появился при совсем других обстоятельствах.

Как известно, в христианской Европе зимой отмечали День святого Николая (день его кончины). По старой памяти, зная о чудесах, им совершенных — помощь деньгами девушкам, спасение трех детей и многих других, было принято в этот день привечать детей, делать им подарки — от его имени. Протестанты в Германии решили, что никакие святые не могут ничего совершать. А потому стали раздавать подарки от имени самого Христа, в образе младенца, утвердив празднование на Рождество Христово — 24 декабря.

Период Реформации закончился, а традиция дарения подарков детям на Рождество осталась, как осталась также и память о том, что подарки приносит святитель Николай Чудотворец. Так совместились Рождество Христово с именем святого Николая — Санта Клауса. И совместились весьма крепко.

Вашингтон Ирвинг только начал рассказ о появлении Санта Клауса на Американском континенте. Дальнейшую историю писали уже другие.

Спустя 13 лет после выхода «Истории Нью-Йорка» Клемент Кларк Мур, который преподавал литературу в Колумбийском университете, написал своим детям на праздник небольшое стихотворение — Рождественскую сказку. Сделав героем сказки святителя Николая в образе старичка Санта Клауса — более сказочного персонажа, вручающего детям подарки, он даже и не предполагал, что совершает некую революцию в традициях праздника. Говорят, что существует всего четыре оригинала этого стихотворения, написанного рукой Мура, и каждый из них теперь — большая ценность.

Что же произошло?

Стихотворение было опубликовано анонимно в городе Трой, штат Нью-Йорк, в газете *Sentinel*, накануне Рожде-

ства — 23 декабря 1823 года (хотя написано оно, по мнению ученого Чарлза У. Джонса, было к Рождеству 1822 года). Его доставил в редакцию друг Клемент Мура. Назвали и называют творение до сих пор незамысловато: «Ночь перед Рождеством», или «Визит Святого Николая» (*The Night Before Christmas or Visit from St. Nicholas*).

'Twas the night before Christmas, when all thro' the house
Not a creature was stirring, not even a mouse;
The stockings were hung by the chimney with care,
In hopes that St. Nicholas soon would be there;
The children were nestled all snug in their beds,
While visions of sugar plums danced in their heads.

Попробуем поэтично перевести эту первую строфу с английского языка на русский:

Предрождественской ночью в доме затишье,
Замерло все живое, даже шустрые мыши.
И чулочки развешаны у дымохода,
Ждут подарков, святого Николы прихода.
Дети спят, размечтавшись о завтрашнем утре,
Видят сны с мармеладками в сахарной пудре...

Сюжет стихотворения прост. Рождественской ночью, когда вся семья спит, отец вдруг проснулся от шума возле дома. Через окно он замечает не кого-то, а самого святого Николая, который летит по воздуху в санях, запряженных оленями. Сани делают остановку на крыше дома. Сам Санта Клаус попадает в дом через дымоход, держа в руках мешок с подарками. Мужчина видит, как он, смеясь и радуясь, раскладывает подарки в чулки детей, которые те развесили у камина для просушки. Затем Санта Клаус исчезает через дымоход, успев пожелать счастливого Рождества!

Стихотворение произвело на читателей, особенно на детей, такое впечатление, что их родители также немедленно обратили на него внимание. В 1844 году стихотворение было издано большим тиражом. Празднование Рождества с Санта Клаусом быстро вошло в обиход.

Именно Клемент Мур придумал новые атрибуты для Санта Клауса и даже изобрел способы его передвижения. Так появились сани, летящие по небу, запряженные оленями. И даже были перечислены олени имена, теперь ставшие легендарными. Сначала они были голландскими, а затем трансформировались в английские. Дети обычно знают

их с малых лет. Это: Dasher (Дэшер) — «стремительный», Dancer (Дэнсер) — «танцор», Prancer (Прэнсер) — «скакун», Vixen (Виксен) — «резвый», Comet (Комет) — «комета», Cupid (Кьюпид) — «Купидон», Donner (Доннер) — с немецкого «гром», Blitzen (Блитцен) — с немецкого «молния» и, наконец, самый популярный — Рудольф. Просто Рудольф!

Почему самым популярным стал Рудольф? Другие олени смеялись над ним, у него был странный светящийся красный нос. Однажды в тумане Санта Клаус заблудился, но увидел свет от носа Рудольфа. Тогда он поместил его в упряжке впереди всех, чтобы он своим носом освещал дорогу его саням.

Сказки про Рудольфа у Мура нет, она появилась позднее. Но примечательно, что другие люди стали сочинять разные новые истории вокруг Санта Клауса, подтверждая этим общенародное признание и любовь.

В Америке «Визит святого Николая» является одной из любимейших Рождественских сказок. В одном из исторических повествований о Нью-Йорке в конце XIX века отмечали, что это, «возможно, наиболее известное стихотворение, когда-либо написанное американцем». Нынче стихи переложены в разных жанрах массовой культуры, известны комиксы, театральные спектакли, анимационные фильмы, игрушки и пр.

Быстро сформировался и внешний облик Рождественского старичка. Известный американский художник Томас Наст, сотрудничавший с журналом «*Harper's Weekly*», в 1863 году создал своего Санта Клауса (исходя из сочинения Клементя Мура) в виде рисунков на политическую тематику. Успех обнадежил его, и он стал рисовать для детей — забавные и веселые сценки из жизни этого дедушки. Так стал формироваться близкий к нашей современности образ.

Невольно художник обрисовывал быт Санта Клауса. Это заставило его придумать место, где он живет, и то, как он живет. Томас Наст сочинил, будто герой обитает на Северном полюсе. Зима есть зима, а он — в полушубке, почему бы и нет? И еще — оказывается, Санта Клаус имеет особенную книгу, в которую он записывает хорошие или плохие детские поступки.

Однажды историк Джереми Сил (Jeremy Seal), автор книги «Николай: эпическое превращение из Святого в Санта Клауса» (*Nicholas: The Epic Journey From Saint to Santa*

Claus), решил разобраться — почему добрый дедушка «живет» именно на Северном полюсе. Он для начала привел сведения, что еще в 1844 году многие думали, будто Санта Клаус поселился в Манхэттене, то есть — в Нью-Йорке. Жаждали же его «переселения» на Север скандинавы, которые уделили ему место в Лапландии. Джереми Сил так и пишет: «На финском правительственном радио в 1927 году отметили, что финская Лапландия может обеспечить, среди прочего, пастбище для голодающих северных оленей Санта Клауса, которые на Северном полюсе явно отсутствуют».

Такие перемены не могли пройти просто так. Оказалось, что Санта Клаусу пришлось бороться за право «жить» на Северном полюсе с самой Снежной королевой, злой колдуньей, властительницей Арктики по воле датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена (его сказка вышла в свет в 1845 году). Но уже в 1866 году известный массовый американский журнал *Harper's Weekly* впервые опубликовал новые координаты — адрес Санта Клауса. Он звучал так: «город Клаусвилл, Северный полюс». Клаусвилл буквально означал «деревня Николая».

Постепенно Рождественский герой превращался в реалистичного и веселого персонажа, одетого во все тот же полушубок. Он выглядел, как сам Наст, — небольшого роста пожилой мужчина с развесистой бородой и усами. Полушубок со временем стал красным. Почему? А просто так...

Современный итальянский исследователь иконографии святителя Николая — Микеле Баччи — пишет: «Иконография полного, бородатого и связанного с миром природы Санта Клауса, созданная в середине XIX в. баварским чертежником, эмигрировавшим в Соединенные Штаты (Томасом Настом), не случайно повторяет образ современного ему немецкого “Рождественского деда” (*Weihnachtsmann*), в свою очередь восходящего к древнему персонажу... Несмотря на такую многогранность ролей, образ архиепископа Мирликийского никогда не утрачивал своих основных качеств персонажа из солнечного и морского Средиземноморья и не превращался как Санта Клаус в представителя морозного далекого Севера».

Доработал образ «северного» Санта Клауса художник Хэддон Сандблом. Для известной фирмы «Кока-Кола». К красному полушубку он добавил окантовку из белого меха. Таким мы знаем Санта Клауса сегодня. Существует много споров — кто и что изобрел первым. Но для нас это не важно.

Важно то, что святитель Николай был преображен в со-

знании людей. Он как будто бы стал не просто епископом Церкви, не только лишь глубоко погруженным в духовный мир архипастырем, но и просто добрым человеком с волшебными талантами и способностью радовать детей, причем радовать ежегодно.

Хорошо это или плохо? Пусть рассудят богословы и культурологи. Мы же отметим, что данная ипостась святителя Николая, по крайней мере, не умаляет достоинства этого великого подвижника Духа, и он являет собой уникальный пример того, как обычный человек может написать своей жизнью, продолжающейся и после кончины, неповторимую страницу в книге сокровищ человеческой цивилизации.

Санта Клаус не только детский герой, но и пример для взрослых. Он приносит подарки, подобно тому как святитель Николай сделал в своей жизни, когда через окно подкидывал мешочки с золотыми монетами на венчание бедных девушек. А ведь деньги были его наследством от родителей. Согласно преданию, мешочки эти, брошенные в окно, попадали в чулки, оставленные для просушки перед огнем. Отсюда и пошел обычай вывешивать носки для подарков от Санта Клауса.

«Вывешивание носков» и «вера в подарки» — как считается — это для наивных людей. Автор призывает читателя к подобной наивности... Это намного приближает человека к исполнению заповедей блаженства, которые при серьезном и не наивном рассмотрении — на первый взгляд — кажутся почти недостижимыми...

«Русский Бог», иконография и народная любовь

*Русский народ сказкой сказал о Николе:
свою веру, свои чаяния, свою правду.*

А. М. Ремизов

*И явился ему на этом месте пречудный образ Николая
Чудотворца,
красками разукрашенный и ярким светом осиянный.
Из рапорта 1871 г. об основании Дмитрием Донским
Николо-Угрешского монастыря*

От Симеона Метафраста — Пересказчика X века, послание из собрания житий святых, составленного по наказу

императора Византии: «Когда Бог так возвысил Своего раба, крылатая молва, восстав, прошла повсюду и все собой исполнила; прошла через море и пронеслась по волнам, и ни единого места подлунной не оставила в неведении о великих добродетелях святого мужа... Дошедшее до нас древнее предание представляет Николая старцем с ангельским ликом, исполненным святости и благодати Божией, добавляя еще и следующее: если кто его встречал, едва взглянув на святого, усовершенся и становился лучше, и всякий, чья душа была отягощена каким-нибудь страданием или печалью, при одном взгляде на него обретал утешение».

На данную тему можно говорить много и долго. Как говорится — кто не слышал о Николае Чудотворце в России? Кто будет оспаривать его значимость для русского человека? Кто затруднится при ответе на вопрос — что или кто есть Никола Угодник для Руси? Он словно бы Бог — свой, быстро спешащий на помощь, выручающий в беде всегда и везде.

Традиция почитания пришла из Византии. Приведем только один пример из Жития святителя Николая, написанного Дмитрием Ростовским. Случилась данная история в половине VIII века от Рождества Христова, «при греческом царе Льве и при патриархе Афанасии», — пишет он. «Совершилось следующее преславное чудо святого Николая». Архиепископ Мирский в полночь явился в видении некоему благочестивому старцу, которого звали Феофан, и посоветовал ему следующее: “Пробудись, Феофан, встань и иди к иконописцу Аггею и вели ему написать три иконы: Спаса нашего Иисуса Христа Господа, сотворившего небо и землю и создавшего человека, Пречистой Госпожи Богородицы и молитвенника за род христианский, Николая, архиепископа Мирского, ибо мне подобает явиться в Константинополе. Написав сии три иконы, представь их патриарху и всему собору”».

Старец повиновался и заказал три иконы. А затем пригласил Патриарха Константинопольского в гости. Патриарх, посмотрев иконы, отметил важность первых двух. А по поводу третьей сказал: «Это образ Николая, архиепископа Мирского. Не следовало бы изображать его на такой великой иконе. Ведь он был сын простых людей, Феофана и Нонны, происходивших из поселян». После чего Патриарх указал вынести образ святителя Николая из комнаты, со

словами: «Неудобно ему стоять в ряду со Христом и Пречистою».

Спустя короткое время Патриарх попал в беду. Он тонул, упав в шторм с корабля в буйное море. Взмолвившись сначала Христу и Пречистой, он, уже смирившись со смертью, призвал также и Николая Угодника, который немедленно явился и спас его, усмирив волны, со словами: «Афанасий, или тебе понадобилась в бездне морской помощь от меня, происходящего из простых людей?» Вернувшись в Константинополь, Патриарх указал поставить икону святителя Николая на почетное место рядом, на одном уровне с Христом Спасителем и Пречистой Девой.

Комментарии здесь не нужны. Короткий рассказ показывает особое отношение христиан к образу Николая Чудотворца. И таких историй за столетия (тысячелетия!) накопилось сотни! Приводить их здесь не имеет смысла, так как они все подтверждают ту же самую мысль: святитель Николай должен быть и находится (в России уж точно) на указанном уровне иерархии тварного мира, всей Вселенной.

В старину писали так (Макариевские Минеи Четьи, XVI век, с цитатой из трудов Ефрема, епископа Переяславского, автора XI столетия): «Не токмо во единой земли, или во единой области, но вся поднебесная исполнися чудес святаго Николы. Идеже аще идеши, тамо непокровну слышиши чудодействие святаго Николы: иди во Греки, тамо удивляются, иди в Латину, тамо чюдятся, иди в Сирианы, тамо хвалят, ходи по всей земли, Николу удивляются... Приди в Русь и виждь, яко несть града и села, идеже не бысть чюдеса святаго Николы, ни являса многа умножения, их же не можно за умножение писанию предати».

А в наше время — вторили (С. С. Аверинцев): «Греческий моряк видел в Николае помощника и защитника в повседневном труде (он считался патроном — покровителем моряков, а также школяров), русский крестьянин — близкого, участливого, не боящегося замарать своих риз соучастника забот».

Русские иконы изображали Николая Чудотворца рядом со Христом и Богородицей. Видевшие такое простые люди понимали это буквально: наверное, это и есть Пресвятая Троица. Святителя Николая считали не только церковным владыкой, но и чуть не властителем мира. Бытовала леген-

да, что ему на голову с самого неба упала золотая корона — знак высшей власти. Кстати, не по этой ли причине считалось, что изображение святителя Николая с непокрытой головой — это «Никола Вешний» или «Летний», а с покрытой — «Никола Зимний». Забота о «утепленной голове» — разве это не есть уникальное проявление простой и естественной народной любви?

Это иностранцы, побывавшие на Руси, заявили всему миру первыми о том, что православные в этой стране величают Николая Чудотворца «Русским Богом». Словосочетание утвердилось. И даже А. С. Пушкин продекларировал в «Евгении Онегине» общеизвестные строки:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

И хотя есть предположения, что «русский бог» — это лишь идиоматическое выражение, приписываемое Мамаю после его поражения на Куликовом поле, и что Пушкин имел в виду словосочетание, употребленное в одноименном стихотворении Петра Вяземского, мы можем привести гораздо более древние источники. Один из них — «Чудо святого Николы о половчине» (XI—XII века). Здесь читаем: «Дан есм богови рускому! Он же рече им: ей, не самому Богу, но святцю его Николе! Оне же реша ему: аще не богу их, но служи его; не веси ли яко велик есть бог русский и дивна чюдеса творит; то великии слуги его». Пушкин общался с императором Николаем I, тезоименитым покровителем которого был святитель Николай Мирликийский. А сам государь, в отличие от своего брата, относился к поэту весьма по-доброму. Отчего же ему в поэме не намекнуть на Ангела Хранителя?

Еще в «Летописи Московской» Мартина Бера (1612) рассказывается о каком-то австрийце, который вдруг «в правление Бориса Годунова приехал в Москву... перекрестился, отрекся от своего Бога, которого из детства исповедовал... и поклонился Русскому Богу Николаю (der Gott Nikolaus)». А в немецком памфлете на Ивана Грозного (1571) намекали, что царь подзабыл «своего бога Николая» (Seins gottes Niclos gar vorgessen). «Повесть о Ерше Ершовиче» конца XVIII века утверждала посерьезнее: «Руской бог похвалнова слова не любит!»

Б. А. Успенский в своих трудах о почитании Николая Чудотворца (и их языческих истоках) писал: «Христианские истоки этого культа вполне очевидны; однако на славянской почве произошла характерная контаминация христианских и языческих верований, обусловившая существенную трансформацию исходного образа: христианские святые — и в их числе св. Николай — оказались заместителями языческих богов и, соответственно, впитали в себя ряд черт языческого происхождения». Рассуждая об особом почитании святителя, автор пишет: «Никола (св. Николай) занимает совершенно исключительное место в русском религиозном сознании. Никола, несомненно, наиболее чтимый русский святой, почитание которого приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа. Это особое положение Николы на Руси неоднократно отмечали иностранные наблюдатели, которые констатировали, что русские воздают Николу поклонение, приличествующее самому Богу». «*Nicolaum sanctum... praecipue venerantur, eumque Divino fere cultu prosequuntur*», — сообщает, например, о русских Гваньини (1578). «Святого Николая... особенно почитают и поклоняются ему почти как Богу». Мы добавим здесь — Александр (Алессандро) Гваньини составил большой труд на латинском языке «Описание Европейской Сарматии» (*Sarmatiae Europaeae descriptio*). Он рассказал в нем о Русском государстве («Описание Московии»), Польше, Великом княжестве Литовском, Ливонии и других местах.

Во всяком случае, не случайно писатель Алексей Ремизов в своей книге «Николины притчи» приводит знаменитую поговорку:

— А що буде, як Бог помре?

— А Микола Святый на що?

Ни много ни мало...

Одновременно с почитанием святителя Николая появились первые его изображения. Началась традиция его иконографии. Мы не ставим себе целью сделать здесь ее полный обзор. Исследователи тщательно работают над этой темой. В разных странах мира.

Взгляды ученых различны, как и сами созданные мастерами произведения — в иконописи, живописи, миниатюре, скульптуре, гравюре или рисунке. Как писал С. С. Аверин-

цев, «в отличие от католической иконографии, в которой Николай — безличный персонаж, выражающий холодноватое достоинство епископского сана и опознаваемый лишь по атрибутам и житийным эпизодам, православная традиция знает очень характерный “портретный” облик Николая (высокий лоб, мягко круглящиеся линии лица, заботливый взгляд “пастыря”, в котором преобладает то мягкость, то строгая пронизательность)».

Иконография — это зримое Житие святого. Настоящее желание художников или иконописцев представить зрителю или молящемуся человеку духовный образ подвижника, а не его реалистичный портрет или сходство с оригиналом. Житийная икона — это подробный художественный рассказ, иногда более доходчивый, чем текстовой вариант.

Одним из наиболее важных образов святителя Николая является вотивная икона (икона-обет), подаренная царем Сербии Урошем III (1322—1331), которая нынче хранится в Бари. Она висит прямо над гробницей с мощами епископа Мир Ликийских. Некоторые исследователи приписывают этот дар другому правителю Сербии — Урошу II, который действительно также, еще ранее, в 1319 году, сделал свой вклад в Базилику города Бари: большой серебряный накладной алтарь. Его — увы — потом переплавили, дабы изготовить другой алтарь, барочного стиля (а этот уже сняли и перенесли в 1950-е годы при вскрытии гробницы, когда производили научные исследования).

На самой иконе есть косвенное указание на настоящего вкладчика — Уроша III. Ведь именно с ним связано чудо исцеления от слепоты, после того как он был лишен зрения по приказу его врагов. Молитва святому Николаю вернула ему дар видения мира. В знак благодарности король подарил икону, ставшую теперь образцом лица святителя. Считается, что иконописец пользовался прижизненными изображениями лица Николая Чудотворца (или видел его). И это самый приближенный к реальности образ.

Сербская икона — самая известная в Европе из образов святителя Николая. Паломники срисовывали его, и по этой причине можно узнать в барийском лике черты, где-то уже как будто виденные. Иконе подражали, считая ее одной из истинных. Она покрыта серебряной позолоченной ризой. В композиции с гробницей святителя она производит особенное и очень сильное впечатление. Хотя приложиться к ней не так то и просто.

К слову, в Базилике Святого Николая и в ее музее хра-

нятся и другие иконописные реликвии. Например свинцовая печать на затворе раки святителя Николая. На этой печати есть изображение Николая Чудотворца. Ее ставили на затворы, которыми запирали раку с мощами святителя. Рака была закрыта, но паломники спешили поклониться святым останкам и прикладывались к печати, как к иконе. Одна из самых первых печатей была изготовлена в конце XI столетия, на ней сохранилась надпись: «Моли Бога о нас, о блаженный Николае, да удостоимся обетования Христова».

Однако одним из самых ранних из сохранившихся изображений святителя Николая является часть (створка) триптиха из монастыря Святой Екатерины на Синае. Его датируют VII—VIII веками.

К тому же времени или чуть позже относится и сирийская (византийская) ставроотека-реликварий (*The Fieschi Morgan Staurotheke*), где есть его изображение; хранится ставроотека в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (*The Metropolitan Museum of Art*). В самом музее ее датируют началом IX столетия, хотя в некоторых научных трудах ставроотеку относят к 700 году от Рождества Христова.

Долгое время считалось, что самое древнее изображение святителя находится в церкви Святой Марии Антикава (*Santa Maria Antiqua*), которая располагается на южной стороне Римского форума и известна своим ансамблем раннесредневековой стенописи, не имеющим равных в Риме по степени полноты и сохранности, соответственно времени ее создания. Датируется VIII веком (ставят даже 720 год).

Считается, что к X столетию в иконописной традиции восточных христиан облик Чудотворца сложился и стал узнаваемым. А именно, короткая борода, высокий лоб, внимательный взгляд. Однако подобные же черты были присущи и изображениям других «пожилых» святых, в том числе носящих епископский сан. В византийской и древнерусской традиции, как считается, чуть ли не до XIV века святитель изображался со спадающими на лоб прядями волос.

Еще в X веке Николая Мирликийского изображали рядом с Христом и Богородицею, вручающими святителю Евангелие и омофор. Это явление связывали с историей о том, как святитель на Первом Вселенском Никейском соборе дал пощечину еретику Арию, за что был лишен сана и отправлен в тюрьму. Однако Сам Христос и Богородица вернули тогда ему облачение и символы веры. Так изображали и на иконах. Хотя есть и другая точка зрения. Ее высказал академик С. С. Аверинцев: «Избрание Николая

епископом города Мира в Ликии... сопровождается знамениями и видениями; в одном из них Иисус Христос и Дева Мария подносят Николаю знаки его сана — соответственно Евангелие и епископское облачение — омофор (именно с такими знаками отличия Николай чаще всего изображается на русских иконах)». То есть он не связывал этот образ с Никейским собором.

Святитель Николай с XI века в Византии и в Древней Руси почитался как один из самых главных православных святых. В X—XI столетиях появляется его мозаичное изображение в храме Софии Константинопольской. Почти одновременно, в середине XI столетия, его образ был уже в соборе Святой Софии в Киеве. Изображения Николая Чудотворца в виде алтарной мозаики и на двух фресках Софийского собора можно считать одними из первых на Руси. К столь же ранним относятся фрески собора Архангела Михаила Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (начало XII столетия) и икона из Новгорода Великого (конца XII века).

Однако есть и более ранние сведения. Легендарный князь Аскольд имел второе имя — Николай. В «Повести временных лет» читаем запись, относящуюся к 882 году: «В год 6390... И сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, а когда вынесли Игоря, добавил: “Вот он сын Рюрика”. И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет матерью городам русским”...» Так мы знаем, что еще в X веке неизвестный нам Ольма уже почитал и построил храм святителя Николая. И это до Крещения Руси!

В Житии святого Феодосия Печерского мы узнаем, что в Киеве существовал в X веке «монастырь женский, именуем святого Николы».

Николаю Чудотворцу поклонялись русские купцы, паломники, путешественники, крестьяне, ремесленники, считая его своим небесным покровителем. Он являлся для людей спасителем утопающих, помощником в получении урожая, защитником от врагов, болезней и непогоды. В Киевской Руси в конце XI века появились Никольские Крест-

ные ходы, превратившиеся во «всенародные моления». «Скорого помощника» почитали Крестным ходом в дни его памяти, в празднование его чудотворных икон, а также при основании и освящении храмов и часовен его имени.

Чуть позднее, в 1190-х, Русь приняла праздник перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари. Тогда же, возможно, появились на Руси и первые частицы мощей Чудотворца. Как рассказала Никоновская летопись, «прииде Феодор Грек митрополич от папы из Рима и принесе много мощей святых». Степенная книга уточняет — именно святые останки святителя Николая. Это Папа Урбан II пытался установить прямые отношения с Киевом.

Появлялось много свидетельств, что Никола Угодник спасал и побеждал, он исцелял и даже воскрешал. Его чудодейственная сила была всесильна.

В те же самые времена, при великом князе Киевском Всеволоде Ярославиче произошло событие, которое перевернуло сознание жителей города. Источники называют его «чудом о детище». Оно стало притчей во языцех. Рассказ о нем распространялся широко. Имя святителя Николая стало известно всем.

А произошло следующее. Семья киевлян отправилась на поклонение мощам Бориса и Глеба в Вышгород. А обратно поплыла по Днепру на лодке. Жена с ребенком на руках заснула и выронила его в воду. Когда она очнулась — было уже поздно. Не зная, что делать, супруги стали молитвенно призывать о помощи святителя Николая. Когда они вернулись в Киев, то на следующий день пошли в храм — в Софию. Там при стечении народа они увидели лежащего на полу ребенка и признали его своим. «Дитя лежаще мокро перед образом святого Николы», — сообщает источник. Так, от мокрого спасенного дитя образ святителя Николая в Софии Киевской стали называть Никола Мокрый.

Икона пропала в 1943 году во время оккупации Киева немецкими войсками. Как считалось, пропала совсем. Но недавно появились новые сведения. Оказывается, директор Софийского музея О. Повстенко ушел при отступлении немцев в Германию, а потом сумел эмигрировать в США. И даже издал книгу, где написал о подлинной иконе Николы Мокрого, но не о ее местонахождении. Боялись, что она могла попасть в частную коллекцию на территории Соединенных Штатов. Однако в 1973 году в одном из журналов Торонто были опубликованы сведения, что образ святителя перевезли после войны сначала в Варшаву, а затем

уже — в Америку. А с 1963 года икона Николы Мокрого находится в Нью-Йорке, в храме Троицы Живоначальной, в Бруклине...

В 1113 году на Руси случилось чудо, которое связывают с Николой Мокрым, так как оно произошло на воде, на озере. Тогда исцелился новгородский князь Мстислав Владимирович, который тяжело заболел. Ночью, во сне ему явился святитель Николай. Он сказал, что сможет вылечить князя, но нужно молиться его той самой киевской иконе. Князь решил отправить из Новгорода в Киев специальную команду за образом. Но икону неожиданно обнаружили плавающей на поверхности Ильмень-озера. Произошло это рядом с островом Липно. Так появился еще один образ Николая Чудотворца — Никола Липный, а заодно и его разновидность — Никола Дворищский (от Никольского — Дворищского собора в Новгороде).

«Повесть о разорении Рязани Батыем» рассказывает об иконах «великому чудотворцу Николу Корсунскому» и соседствует с циклом рязанских повестей о «великом чудотворце Николае Зараском». Одна из них — «Повесть о перенесении образа Николы из Корсуна (из Херсонеса, что в Крыму. — К. К.-С.) на Рязань в 1224 году», то есть почти за 12 лет до нашествия Батыя на Рязань!

Действительно, одной из старых икон на Руси является образ Николы Зарайского (или Зараского). Его датируют самым началом XI века. Образ был принесен в Рязань в 1225 году византийской царевной Евпраксией, ставшей супругой рязанского князя Феодора и погибшей в 1237 году с мужем и сыном во время нашествия хана Батыя. В Москву икона попала в 1304 году. На Руси образ чтили. Святитель изображался в полный рост. В левой руке у него Евангелие, правая свободна и совершает благословение.

А в Можайске столетиями чтут икону Николая Спасителя с мечом в руках, выручившего жителей в XIII—XIV столетиях от полного уничтожения во время набегов монголов.

Иконе Николы Угрешского молился великий князь Московский Дмитрий Донской перед Куликовской битвой. По преданию, «благочестивый великий князь Дмитрий Иоаннович изыде из града Москвы противу нечестиваго Мамаея царя Татарскаго, и отшед от Москвы пятнадцать поприщ ста в шатрах на месте зласнем для преуспокоения с воинством своим, и явися ему на оном месте пречуден образ Николая Чудотворца, вапою украшенный, зве-

здами светло окружаемый и великим светом осияваемый, стоящ о себе на воздухе над древом, зовомым сосною, ту стоящую, ни кем же не держимый, и молящуся ему великому князю Димитрию Иоанновичу Донскому — сниде сама с высоты святая оная икона и владесе в честные руже его». В тот момент князь вскричал: «Сия вся угреша сердце мое!» Важный образ Николы Угрешского (XV века) находится в Третьяковской галерее.

Прославленными и очень известными считаются изображения Николая Чудотворца на фресках работы Дионисия с артелью в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря, в росписи его Никольского придела (1502 год), а также в Успенском соборе Кирилло-Белозерской обители (1497 год).

С начала XV века стали появляться образы Николая Чудотворца, восседающего на престоле; они возникли на Востоке под влиянием западноевропейской иконографии. После X столетия стали писать житийные иконы. Не мудрено, что после Симеона Метафраста, собравшего в X столетии воедино все сведения, Житие святителя стало более понятным и обширным. В клеймах икон изображались как прижизненные деяния, так и посмертные чудеса. Но Симеон Метафраст и здесь заложил «мину замедленного действия». В житийных иконах, по его милости, переплелись и даже перепутались фрагменты Житий двух разных Николаев — Мирликийского (IV век) и Сионского (VI век).

Западноевропейское искусство, представители которого не очень следовали традициям иконописных изображений, до XIV столетия показывало святителя Николая в епископском облачении и с омофором. Так просто он был изображен на фреске римской школы XII века (галерея Корсини в Риме).

Флорентийский художник Бернардо Дадди в 1328 году в триптихе для церкви Онъисанти изобразил святителя с Богородицею и Младенцем, а также святым Матфеем (галерея Уффици, Флоренция). Стали появляться на полотнах знакомые атрибуты, отличающие Николая Чудотворца: три шара или цилиндра, напоминающие золотые слитки (напоминание о трех девушках, которым он пожертвовал свое состояние), трое спасенных от смерти юношей рядом (XV—XVI столетия). Наиболее популярные сюжеты — святитель Николай подбрасывает три золотых слитка в комнату трех

девушек, спасает трех мужей, незаконно приговоренных к смертной казни, или трех отроков, «засоленных в бочках», выручает моряков, является императору Константину оправдать осужденных стратилатов, а также — паломники у гробницы епископа Мирликийского — часто встречаются в западных миниатюрах, скульптурных украшениях соборов, на витражах и фресках. Отдельно можно говорить о живописи. Итальянское Возрождение, например, одарило нас многими изображениями святителя и сюжетами с ним связанными. Например, алтарный образ XV века работы Фра Анджелико (Национальная галерея Умбрии, Перуджа), или створки триптиха XIV столетия работы А. Лоренцетти (галерея Уффици), или алтарный образ XVI века, созданный П. Веронезе (галерея Академии, Венеция). Перечень можно продолжать долго.

Византолог А. М. Лидов в одной из своих работ о почитании святителя Николая в Древней Руси пишет: «Важная особенность ранней русской иконографии св. Николая — изображение в центре верхнего поля пустого трона, покрытого тканью, так называемой “Этимасии (Hetimasia)” или “Уготованного престола”, на который воссядет Спаситель в день Страшного суда. Эта деталь вводит в образ эсхатологические смыслы, напоминает о роли Николы как заступника и защитника всех грешных христиан перед высшим Судией. Эсхатологический, погребальный аспект культа Николы получил исключительное развитие на Руси, где утвердилась традиция загробных “Посланий св. Николаю”. В правую руку умершего, лежащего в гробу, вкладывалось особое письмо св. Николаю, в котором священник удостоверял святого, что умерший является православным христианином и ему отпускаются все грехи, в которых он не успел покаяться при жизни. Интересно, что в русской религиозной культуре св. Николай воспринимается как “привратник”, пропускающий в Царство Небесное, то есть получает роль, которая в западноевропейской традиции принадлежит апостолу Петру».

Не случайно малый образок Николы в большей степени, нежели иных святых, носили на груди в крытом мешочке, как некий амулет от внезапной кончины.

Когда Москва стала центром Руси-России, то ее правители не преминули «забрать силу» Николая Чудотворца себе. С XVI столетия Московский Кремль пополняется

некоторыми почитаемыми и чудотворными иконами с изображением святителя. Образ епископа Мир Ликийских оказался в «штабе» по развитию централизованной власти, главного места Русской земли. Особым делом было перевезти такие иконы из Новгорода — старинного спорщика и бунтовщика против Москвы. Столица на семи холмах превращалась в Третий Рим (после самого Рима и Константинополя), и даже в Третий Иерусалим (после самого Иерусалима и Константинополя). А Четвертому — не бывать! Вот почему позднее, в начале XX века, в России стали высказываться предложения о том, чтобы вообще забрать из итальянского Бар-града мощи святителя Николая — в Россию...

Однако вернемся в Средневековье. Новгород тогда сдался. Оттуда переехали в Москву Никола Круглый, Никола «из Новодевичьей обители», Никола Вяжицкий с Житием. На западной стороже у Москвы встал Никола Можайский (в полный рост, с поднятыми и распростертыми руками, в которых — меч и защищаемый град). С Востока «прикрыл» столицу Никола Угрешский, защитник города еще со времен Мамаю.

Особой святыней проявил себя перенесенный в Москву образ Николы Великорецкого. Об этой иконе А. М. Лидов пишет так: «В далекой Вятке на р. Великой прославилась чудесами небольшая поясная икона Николы. В 1555 г. по приказу Ивана Грозного этот чтимый образ был принесен в Москву, где помещен в главный Успенский собор Кремля и установлен напротив митрополичьего места. В новопостроенном Покровском соборе (храме Василия Блаженного) на Красной площади “Николу Великорецкому” был посвящен один из алтарей. Как сообщают летописи, сам митрополит Макарий, владевший мастерством иконописца, поновил образ, с которого стали делать многочисленные копии, точно повторяющие размер и иконографию оригинала».

Быстро появились в русской традиции и деревянные скульптуры-иконы, изображающие Мирликийского Чудотворца. Их делали во многих городах России. Особенно — в Пермском крае.

Книжная миниатюра также давала ее творцам максимум возможностей для изображений всеми любимого святого. На иконе, например, можно было поместить десяток-другой житийных клейм. А в миниатюре — ограничений не было. Уникальным памятником стало рукописное Лицевое

Житие святителя Николая, изготовленное в 1570-е годы в Александровской слободе. Оно содержит 408 миниатюр (!). Его копия, выполненная в XVII веке мастерами Оружейной палаты, хранится вместе с оригиналом в Государственном историческом музее.

Примечательно изображение Николая Мирликийского более позднего времени, которое называли Никола Отвратный (Отвернувшийся). Его лик был словно немного повернут. Необычность названия основывалась на предании, повествующем о сражении с «литовцами». Икона присутствовала при баталии, была обращена ликом в сторону противника. Когда святитель на иконе неожиданно отворотил свой лик от врагов, то они, каким-то образом узнав об этом, были изумлены, а затем проиграли битву.

Среди прославившихся иконописных изображений в России можно еще выделить те, которые носят необычные названия, связанные с географической местностью или с чудесами от самой иконы. Это Никола Радовицкий (скульптура из Николо-Радовицкой обители), Никола Бабаевский (разновидность Николы Великорецкого), Никола Ратный (из села Устинка), житийный Никола Теробенский (из Теробенской пустыни под Вышним Волочком), Никола Мясницкий (из московского храма Николы в Мясниках), Никола Корельский (связан с Новгородом) и Никола Крупицкий (из Никольского монастыря близ Батурина).

С иконами святителя Николая покоряли Сибирь. В книге, именуемой «Сибирская святыня», повествовали так: «Того же 7092 (1584) года, мая в 9 день, моляся Ермак и казаки Богу и святителя Николу чудотворца на помощь призва, изыдоша из града тайно и дошедше ко станам карачиным, и нападоша на них нощию... Нощию же явися Ермаку молящуся и 5 человеком в нощи святой Николае Можайский, повелевая в чистоте жити и прилежный пост имети, и всякие с братолюбием добродетели проходить; и прорече: будет на Красной горе дом в жилище Богу и мне впредь. Вы же, аще не послушаете мене, престану помогати вам, и скоро скончаеетея за грехи свои, не внемлю ще в добродетели, в злобы впадаете. И сие видение Ермак всем возвестив».

Итак, из наиболее почитаемых икон святителя на Руси и в России можно перечислить такие:

Никола Мокрый,
Никола Липный,
Никола Дворищский (Дворищенский),

Никола Круглый,
Никола Зарайский,
Никола Можайский,
Никола Угрешский,
Никола Великорецкий,
Никола Раненый.

Список можно продолжать, а потому автор просит простить его, если для кого-то и другие названия должны были быть помещены здесь обязательно. Такой полный перечень в данном случае не есть самоцель.

В XVIII—XIX столетиях в России жизнь Николая Чудотворца стали изучать. Не только или просто писать жития, а именно внимательно относиться к фактам, в них излагаемым. Появились первые книги о святителе, увидели свет научные труды.

Особо нельзя не сказать об образе святителя Николая из села Диканька, связанном с именем Н. В. Гоголя. По исследованиям профессора МГУ В. В. Воропаева, речь идет о Диканьской чудотворной иконе, которая явилась, по церковному преданию, в лесу еще в XVII веке. Находку трижды переносили в храм, но она вновь оказывалась на месте обретения. В 1670-х годах на этом месте построили деревянную Никольскую церковь. В 1794 году ее заменили на каменную. Она сохранилась до наших дней.

Икона хранилась там. Для Гоголя это было важно, ведь он носил имя — Николай. Сестра писателя, Ольга Васильевна, рассказала, что у их матери, Марии Ивановны, скончались двое новорожденных детей. Она молилась Николаю Чудотворцу и просила священника села Диканька молиться о рождении мальчика, дав обет — назвать сына Николаем.

Так и вышло. Диканька вошла в историю своими вечерами на хуторе близ нее. А икона была из храма забрана в советское время, когда в 1963 году в нем был открыт музей атеизма. В 1989 году храм освятили вновь, убедившись, что древний пень, на котором была обретена икона, все еще находится под престолом. Однако чудотворный образ святителя Николая хранится вне церкви, в фондах Полтавского краеведческого музея.

Даже прагматик А. И. Герцен в очерке «Икона Николая Чудотворца», который был напечатан в «Прибавлениях» к «Вятским губернским ведомостям» от 19 ноября 1838 года, рассказывал: «В числе молельщиков можно встретить

и татар некрещеных, и вотяков, столь упорных в своем язычестве. Все верят в чудотворную силу иконы, все молятся святому Николе, и торжество сделалось торжеством национальным, национальной необходимостью. Между тем другие толпы покрывают оба берега реки, которых не видать под плотную массую народа. Масса эта провожает икону глазами и потом спешит сухим путем или водою на Великую реку, где иной год собирается до 100 000 человек». Писатель резюмирует, что редко можно встретить «духовное торжество, великолепнее этого Великорецкого хода».

Образ святителя Николая отображен во многих художественных произведениях русских писателей. Приведем только несколько примеров.

Сергей Есенин показал издателям эмоциональное стихотворение, которое не сразу было опубликовано. Это поэма «Микола». Написана в 1913—1914 годах еще молодым поэтом. Опубликована в 1915 году в «Биржевых ведомостях». Мы приводим здесь отрывок из начала произведения.

Микола

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».

Известно, что писатель А. М. Ремизов готовил большой труд, посвященный святителю Николаю. Он был издан в 1917 году под названием «Николины притчи». В 1924 году, в эмиграции, писатель поселился в Париже. Здесь увидела свет его книга «Звенигород окликанный», у которой появился уже знакомый подзаголовок «Николины притчи». Таким образом, в книгу вошел полный цикл легенд из сборника 1917 года. Старичок — дедушка — главный герой повествования. Но читатель сразу узнает в нем Николая Чудотворца. Он в тексте нередко заменяет Христа или других святых, поэтому имени ему не надо. Старичок Никола заступает за бедных, помогает крестьянам в их труде. Но он строг, а потому может наказать, например, за жадность или лицемерие, или даже за непослушание. Но он всегда награждает за щедрость.

В 1931 году вышла еще одна книга Ремизова — «Образ Николая Чудотворца». В ней автор неоднократно повторяет, что исторических данных о святителе фактически нет, хотя утверждает, что его почитание распространено на Востоке и на Западе. Отсюда, по мнению автора, множество легенд, чудес, апокрифов, сказок и живописных изображений, включая иконы. Почти половину тоненькой книги заняла библиография с примечаниями и авторскими комментариями, которую автор тщательно подбирал, видимо, предполагая продолжать работу и создать что-то более объемное о святителе.

Цитировать сочинения А. М. Ремизова подробно мы не будем. Приведем лишь цитату, характеризующую святителя так, как его понимал автор.

«Никола Угодник.

Спит Угодник, закрыты глаза.

Раз окликнул Илья, — не слышит Никола, и в другой окликнул, — не просыпается. Кричит Илья в третий раз — и поднял Никола голову.

Стали тут святые пытаться у Николы, стал Угодник святым рассказывать:

— Пустился по Студеному морю с хлебом купеческий корабль, плыли на том корабле триста старцев соловецких, везли старцы воск и мед, спешили на Никольщину в Миры Ликийские. И застигла буря корабль. Ударили волны — вспелешилось море. Шипело. Бурная, над ветром и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы, и, скача на белом хрустальноногом коне, резала море, разрывала когтями корабль. В твердой вере и крепко надеясь, в голос крикнули

старцы: Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы Ты ни был, явись к нам! Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святым Духом, я пошел к ним на море и избавил их из глуби морской. Велеша утомилась. И спокойно плывут корабли. Вот почему задремал я и выронил чашу.

— Помилуй нас, Боже и святой Никола, где бы Ты ни был, явись к нам! — воскликнули святые.

Пили святые питье новое райское, ели высокий пирог с кашей, с горохом, с капустою.

И пировал с ними Никола, сильный Богом, всем святым помощник — редкий их гость, нищелюбец, странноприимец, вечный странник, вечный труженик, чудотворец, заступник за Русскую землю.

Помилуй нас, Боже и святой Никола,
где бы Ты ни был, явись к нам!»

В среде русской эмиграции в Париже особо выделялся писатель Борис Зайцев. Его перу принадлежит рассказ «Улица святого Николая» (1921). Вспоминая о России, о Москве, об улице Арбат, на которой он жил, Б. К. Зайцев создает фантастическую картину времени — космического, человеческой жизни, исторического, скрытого сакрального и обыденного. Рассказ состоит из пяти частей, все они — воспоминания событий, происходивших с 1905 по 1921 год на Арбате, который в народе называли улицей святого Николая (по трем храмам, посвященным этому святому).

«Священники звонят в церквях Арбата, — пишет автор, — Никола Плотник, Никола на Песках и Николай Явленный... в ризах парчовых, вековечных... Священники же рады, что все кончилось: опять привычное, все то же, вековое, и непоколебимое... И Никола Милостивый покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных, распростерший над твоею улицей три креста своих, три алтаря своих, благословит путь твой и в метель жизненную проведет... Ходят в церковь и венчаются, и любятся, и умирают между трех обличий одного святителя — Николы Плотника, Николы на Песках и Николая Чудотворца»...

Священник Павел Флоренский за несколько новых дней и ночей (даты поставлены так: Сергиев Посад, 1918 28/ХІІ — 1919 1/І) написал статью-эссе «Молельные иконы преподобного Сергия», содержащую удивительные размышления об иконописном образе святителя Николая, который находился в келье игумена Троицы: «Образ вся-

кого святого выражает идею человеческого подвига, умную сосредоточенность, духовное усилие, но как и для греко-византийского, так и для русского сознания типом святого по преимуществу был всегда Николай Чудотворец: в нем именно, а не в ком-либо другом народ видел наиболее характерное осуществление церковного благодетеля страны, епископство в каком-то преимущественном смысле. Повторяю, образ Николая Чудотворца издавна установился не как образ одного из многих святых, но как тип святого, как представителя человеческой святости».

Нельзя не упомянуть и строчку из письма праведного Иоанна Кронштадтского 1900-х годов: «Пароход “Св. Николай Чудотворец” прибыл Волгою в Романов и ждет нас. Я полагаю дня через четыре отправиться...»

Так это было...

Надо сказать и о чудесном возвращении одной из святынь, связанных с именем епископа Мирликийского, которое произошло в XX столетии. В поле нашего зрения надвратная икона Николы Можайского, появившаяся, как считается, на одноименной башне Московского Кремля в 1403 году при великом князе Василии Дмитриевиче. Она была в 1918 году испещрена пулями и снарядами во время штурма Кремля последователями большевизма. Появилось даже название Никола Раненый, на иконе была «отстрелена» левая рука, державшая храм, но сохранилась правая с мечом, все еще грозящим супостату. Икону, как известно, при советской власти замуровали. Хотя все считали, что она погибла, утеряна безвозвратно. А спустя десятилетия ее обрели вновь. Затем, 4 ноября 2010 года, произошло торжественное открытие Никольской башни и образа после реставрации. Икону освятил Патриарх Кирилл.

Почитание святителя Николая в России не утихает и сегодня. Иконография его только ширится. Каждый художник-иконописец стремится выказать свое видение образа святителя.

С годами число паломников, отправляющихся в итальянский город Бари, дабы поклониться мощам Чудотворца, увеличивается. На радость итальянским властям, которым лестно осознавать, каким сокровищем они обладают. Но во всем мире, а особенно в России, также есть немало мест, связанных с именем святителя Николая, все они не менее значимы для неравнодушного почитателя. К тому же для жизни духовного человека расстояние или местоположение часто не имеет никакого значения...

Послесловие

Ну вот, многоуважаемый читатель, мы и совершили наше Хождение в Житие святителя Николая Чудотворца, а также виртуальное паломничество по местам, связанным с ним. Автор надеется, что не зря, что сам святитель был где-то рядом во все время, пока мы осуществляли свое путешествие.

Образ любого духовного подвижника, который встречается в житиях, часто значительно отличается от тех, которые присутствуют в исторических исследованиях биографического жанра. Мы же старались приблизиться к тем зонам, на которых зиждется житийная традиция.

Теперь мы понимаем, что все уникальные места, связанные с жизнью святителя — Миры Ликийские (Демре), итальянские города Бари и Венеция, бывшая столица Римской и Византийской империи Константинополь (Стамбул) или даже Никея (Изник), — все они, вместе с многочисленными реальными случаями чудесных деяний, спасительными вмешательствами в судьбы людей, — это уникальное достояние мировой цивилизации. В образе Николая Чудотворца мы получили настоящего Заступника, скорого Помощника, доброго Угодника.

Мы видим, что он являлся человеком энергичным и действенным, имел довольно сложный характер и порой упрямо добивался своей цели — помочь своим подопечным. Перед нами предстает образ отважного борца за справедливость. Он был терпелив и вынослив, умел преодолевать трудности, боль и невзгоды. Его решительность в осуществлении чудес стала легендарной. А еще он стал Добрым Пастырем, его образно величали Правилем Веры и Образом Кротости.

Среди изображений — как иконописных, так и свет-

ских — святитель легко узнаваем. Не только епископским одеянием, но и привычными символами-атрибутами, которые художники помещают рядом с ним. Как правило, это, во-первых, три мешочка или три шара, которые он держит в руках — как символы денежных мешков, которые святитель бросал в окошко, чтобы помочь отцу трех девиц. Во-вторых, это корабль — символ его покровительства над всеми мореплавателями. И в-третьих, — это три отрока или три бочки — как символ спасения трех убиенных детей, трех осужденных на казнь или трех военачальников, невинно осужденных.

В русском фольклоре нашла широкое отражение народная любовь к святителю. Особенно в пословицах и поговорках. «Нет на нас поборника супротив Николы», «Попроси Николу, а он скажет Спасу», «Хвали зиму после Николина дня», «Что криво и слепо, то Николе свету», «Подошел бы Николин день, будет зима на санках», «До Николы нет добра николи», «Иней на Николе — к урожаю», «Сколько Никола Зимний даст снега, столько Никола Вешний даст травы», «На Никольщину и друга зови, и недруга зови: все друзья будут».

Хочется привести здесь слова эксперта-медика, изучавшего мощи святителя Николая — профессора Луиджи Мартино, из его выступления на конференции 1994 года в Бари: «Надеюсь, что наш святой Николай по-прежнему будет поддерживать нас всегда, со своей священной печатью Любви... И я также надеюсь, что благодаря этому... объединяется Восток с Западом. Он будет продолжать поощрять людей в поисках взаимных встреч, искреннего понимания, взаимной терпимости и, наконец, братства, что рождает чувство, являющееся предвестником истинного мира между народами».

На Востоке и на Западе многие бы хотели покровительства Николая Чудотворца. И достаточно лишь обратиться к нему (о чем он сам неоднократно говорил), тогда результат не заставит себя долго ждать.

Так чьим же покровителем является святитель Николай? Можно ответить просто — всех людей.

Но, если следовать традиции, можно составить даже целый список. Что мы и попробуем здесь сделать, используя многочисленные источники, как православные, так и католические, существовавшие со времен, когда Церковь еще не была разделена.

Итак, считается, что под покровительством святителя Николая находятся:

дети, школьники (особенно под Рождество Христово);
сироты;
крестьяне;
паломники и путешественники;
власть имущие;
торговцы;
пожарные;
заключенные (особенно — воры и осужденные на смерть);
юристы;
судьи;
нотариусы;
фармацевты;
девственницы;
виноделы;
парфюмеры;
рыбаки, моряки и прочие мореплаватели;
пахари и пекари;
мясники;
пивовары;
ткачи и торговцы тканью;
каменщики;
рабочие в карьерах;
переплетчики.

Не много ли обязательств для одного святителя? Ответ: не много. Можно ли в такое поверить? Ответ: миллиарды людей верят.

В быту говорят так: вы можете помолиться святому Николаю о хорошем плавании, чтобы уберечься от опасности на воде и на суше, для защиты от воров и для помощи в возвращении утерянных или похищенных вещей. К этому прошению можно также добавить большой список.

Молитву святителю Николаю мы помещаем в разделе «Приложения» данной книги. Но порой достаточно лишь сказать просто и без затей:

«Святителю отче наш Николае, моли Бога о нас!»

**Святитель Дмитрий Ростовский.
Из Жития святителя и чудотворца Николая,
архиепископа Мирликийского**

Святитель Димитрий (1651—1709) — митрополит Ростовский, церковный писатель, собиратель и редактор жизнеописаний святых, автор драм и стихов. Около двадцати лет он собирал, переводил, редактировал и издавал свои Четы Минеи, куда включил жития святых, разделив их на 4 тома — по временам года, начиная с 1 сентября — церковного новолетия. Том первый издали в Киеве в 1689 году. Жития расположены по дням празднования памяти святых. «Четы Минеи» означает «ежемесячные чтения». В основу их Дмитрий Ростовский положил составленные в XVI веке Великие Четы Минеи святителя Макария, митрополита Московского.

Житие святителя Николая и его чудеса помещены у Дмитрия Ростовского в разделе за 6 декабря — день памяти Чудотворца. В настоящей публикации отобраны лишь чудеса святителя Николая, о которых не удалось рассказать в книге. Текст печатается по изданию: Свт. Димитрий, митр. Ростовский. Жития Святых. Декабрь. Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни, Можайск, 1992 (репринт издания 1906 года).

Чудеса святителя Николая, бывшие по кончине его

Много чудес сотворил святитель Николай, не только при жизни, но и по смерти. Кто не удивится, слыша о дивных чудесах его! Ибо не одна страна и не одна область, но вся поднебесная исполнилась чудес святого Николая. Иди к Грекам, и там дивятся им; иди к Латинам — и там им изумляются, и в Сирии восхваляют их. По всей земле дивятся святителю Николаю. Приди в Русь, и увидишь, что нет ни града, ни села, где бы во множестве не было чудес святого Николая.

При греческом царе Льве и при патриархе Афанасии совершилось следующее преславное чудо святого Николая. Великий Николай, архиепископ Мирский, в полночь явился в видении некоему благочестивому старцу, нищелюбивому и странноприимному, именем Феофану, и сказал:

— Пробудись, Феофан, встань и иди к иконописцу Аггею и вели ему написать три иконы: Спаса нашего Иисуса Христа Господа, сотворившего небо и землю и создавшего человека, Пречистой Госпожи Богородицы и молитвенника за род христианский, Николая, архиепископа Мирского, ибо мне подобает явиться в Константинополе. Написав сии три иконы, представь их патриарху и всему собору. Иди скорее и не слушайся.

Сказав сие, святой стал невидим. Пробудившись от сна, боголюбивый тот муж Феофан утрашился видения, тотчас пошел к иконописцу Аггею и молил его написать три великих иконы: Спаса Христа, Пречистой Богородицы и святителя Николая. Изволением милостивого Спаса, Пречистой Его Матери и святого Николая, Аггей написал три иконы и принес их Феофану. Тот взял иконы, поставил их в горнице и сказал жене:

— Сотворим трапезу в доме своем и помолимся Богу о своих грешениях.

Она согласилась с радостью. Феофан пошел на рынок, купил пищи и пития на тридцать златников и, принеся домой, устроил для патриарха трапезу благолепно. Затем он пошел к патриарху и просил его и весь собор, чтобы он благословил дом его и вкусил брашна и пития. Патриарх согласился, пришел с собором в дом Феофана и, войдя в горницу, увидел, что там стоят три иконы: на одной изображен Господь наш Иисус Христос, на другой Пречистая Богородица, а на третьей святой Николай. Подойдя к первой иконе, патриарх сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, создавшему всю тварь. Достойно было написать образ сей.

Затем, подойдя ко второй иконе, сказал:

— Хорошо, что написан и сей образ Пресвятой Богородицы и молитвенницы за весь мир.

Подойдя к третьей иконе, патриарх сказал:

— Это образ Николая, архиепископа Мирского. Не следовало бы изображать его на такой великой иконе. Ведь он был сын простых людей, Феофана и Нонны, происходивших из поселян.

Призвав господина дома, патриарх сказал ему:

— Феофан, не вели писать Аггею образ Николая в таком большом размере.

И велел он вынести образ святителя, говоря:

— Неудобно ему стоять в ряд со Христом и Пречистою.

Благочестивый муж Феофан, вынеся с великою пе-

чалью икону святого Николая из горницы, поставил ее в клетки на почетном месте и, избрав от собора клирошанина, мужа дивного и разумного, именем Каллиста, упросил его стать пред иконою и величать святого Николая. Сам же он весьма был опечален словами патриарха, велевшего вынести из горницы икону святого Николая. Но в Писании сказано: 1Цар. 2— «прославлю прославляющих Меня». Так сказал Господь Иисус Христос, Коим, как увидим, прославится сам святитель.

Прославив Бога и Пречистую, патриарх сел за стол со всем собором своим, и была трапеза. После нее патриарх встал, возвеличил Бога и Пречистую и, выпив вина, веселился вместе со всем собором. Каллист же в это время славил и величал великого святителя Николая. Но вот недостало вина, а патриарх и сопровождавшие его хотели еще пить и веселиться. И сказал один из собравшихся:

— Феофан, принеси еще вина патриарху и сделай пир приятным.

Тот отвечал:

— Нет больше вина, господин мой, а на рынке уже не торгуют, и купить его негде.

Запечалившись, он вспомнил о святом Николае, как тот явился ему в видении и велел написать три иконы: Спасителя, Пречистой Богоматери и свою. Тайно войдя в клеть, он пал пред образом святителя и говорил со слезами:

— О святой Николай! Рождение твое чудно и житие свято, ты исцелил много недужных. Молю тебя, яви ныне чудо у меня худого, прибавь мне вина.

Сказав сие и благословившись, он пошел туда, где стояли сосуды от вина; и молитвою святого чудотворца Николая те сосуды были полны вином. Взяв вино с радостью, Феофан принес его к патриарху. Тот выпил и похвалил, говоря:

— Не пивал я такого вина.

И говорили пившие, что Феофан сохранил лучшее вино к концу пира. А тот утаил предивное чудо святого Николая.

В веселии патриарх и собор удалились в дом при святой Софии. Утром пришел к патриарху некий вельможа, именем Феодор, из села, называвшегося Сиердальским, от Мирского острова, и молил патриарха, чтобы тот поехал к нему, ибо единственная дочь его одержима бесовским недугом, и прочел над главою ее святое Евангелие. Патриарх согласился, взял четвероевангелие, вошел со всем собором в корабль и отплыл. Когда они были в открытом море,

буря подняла сильное волнение, корабль опрокинулся, и все упали в воду и плавали, вопия и моля Бога, Пречистую Богородицу и святого Николая. И умолила Пречистая Богородица Сына Своего, Спасителя нашего Иисуса Христа о соборе, чтобы священнический чин не погиб. Тогда корабль выпрямился, и, милостью Божиею, весь собор снова вошел в него. Утопая, патриарх Афанасий вспомнил свой грех пред святым Николаем и, вопия, молился и говорил:

«О святитель великий Христов, архиепископ Мирский, чудотворец Николай, согрешил я пред тобою, прости и помилуй меня, грешного и окаянного, спаси меня от пучины морской, от горького сего часа и от напрасной смерти».

О преславное чудо — высокоумный смирился, а смиренный чудно возвеличился и честно прославился.

Внезапно явился святой Николай, шествуя по морю, как по суше, приблизился к патриарху и взял его за руку со словами:

— Афанасий, или тебе понадобилась в бездне морской помощь от меня, происходящего из простых людей?

Он же, едва в состоянии открыть уста свои, истомленный, сказал, горько плача:

— О святой Николай, святитель великий, скорый на помощь, не вспоминай моего злого высокоумия, избавь меня от напрасной сей смерти в пучине морской, и я буду славить тебя все дни жизни моей.

И сказал ему святитель:

— Не бойся, брат, вот избавляет тебя рукою моею Христос. Ты же не грехи больше, чтобы не случилось с тобою худшее. Войди в корабль свой.

Сказав сие, святой Николай взял патриарха из воды и поставил его на корабль со словами:

— Ты спасен, иди опять на свое служение в Константинополь.

И стал святой невидим. Увидев патриарха, все возопили:

«Слава Тебе, Христе Спасе, и Тебе, Пречистая Царица Госпожа Богородица, избавившие нашего господина от топления».

Как бы пробудившись от сна, патриарх спросил их:

— Где я, братия?

— На своем корабле, господин, — отвечали те, — и мы все невредимы.

Заплакав, патриарх сказал:

— Братия, согрешил я пред святым Николаем, воистину велик он: ходит по морю, как по суше, взял меня за руку

и поставил на корабль; поистине он скор на помощь всем, призывающим его с верою.

Корабль быстро приплыл назад к Константинополю. Выйдя из корабля со всем собором, патриарх со слезами пошел в церковь святой Софии и послал за Феофаном, велел ему тотчас принести ту чудную икону святителя Николая. Когда Феофан принес икону, патриарх пал пред нею со слезами и сказал:

— Согрешил я, о святой Николай, прости меня грешного.

Сказав сие, он взял икону на руки, с честью облобызал ее вместе с соборными и отнес в церковь святой Софии. На другой день он заложил в Константинополе каменную церковь во имя святого Николая. Когда церковь была построена, сам патриарх освятил ее в день памяти святого Николая. А святитель исцелил в тот день 40 недужных мужей и жен. Затем патриарх дал на украшение церкви 30 литр злата и много сёл и садов. И устроил он при ней монастырь честен. И многие приходили туда: слепые, хромые и прокаженные. Прикоснувшись к той иконе святого Николая, все они уходили здоровыми, славя Бога и чудотворца Его.

В Константинополе жил некий муж, именем Николай, кормившийся рукоделием. Будучи благочестивым, он положил завет никогда не проводить дни, посвященные памяти святителя Николая, без воспоминания об угоднике Божием. Сие неослабно соблюдал он, по слову Писания: Притч. 3— «Чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих», и всегда твердо сие помнил. Так он достиг глубокой старости и, не имея сил работать, впал в нищету. Приближался день памяти святого Николая, и вот, размышляя о том, как ему поступить, старец сказал жене своей:

— Настает день чтимого нами великого архиерея Христова Николая; как же нам бедным, при нашей скудости, отпраздновать день сей?

Благочестивая жена отвечала мужу своему:

— Ты знаешь, господин мой, что настал конец жизни нашей, ибо и тебя и меня постигла старость; если даже и ныне пришлось бы окончить нам жизнь, ты не изменяй твоего намерения и не забывай о твоей любви к святому.

Она показала мужу ковер свой и сказала:

— Возьми ковер, пойдя и продай его и купи все необходимое для достойного празднования памяти святого Нико-

лая. Другого ничего у нас нет, а сей ковер нам не нужен, ибо мы не имеем детей, которым его можно было бы оставить.

Услышав сие, благочестивый старец похвалил жену свою и, взяв ковер, пошел. Когда он шел по площади, где стоит столп святого царя Константина Великого, и миновал церковь святого Платона, его встретил всегда готовый на помощь святой Николай, во образе честного старца, и сказал несшему ковер:

— Друг милый, куда ты идешь?

— Нужно мне на рынок, — отвечал тот.

Подойдя ближе, святой Николай сказал:

— Доброе дело. Но скажи мне, за сколько ты хочешь продать ковер сей, ибо я хотел бы купить твой ковер.

Старец сказал святому:

— Ковер этот был в свое время куплен за 8 златников, теперь же я возьму за него, сколько ты мне дашь.

Святой сказал старцу:

— Согласен ли ты взять за него 6 златников?

— Если ты даешь мне столько, — сказал старец, — я возьму с радостью.

Святой Николай опустил руку в карман своей одежды, вынул оттуда золото и, дав 6 великих златников в руки старцу, сказал ему:

— Возьми это, друг, и дай мне ковер.

Старец с радостью взял золото, ибо ковер стоил дешевле сего. Взяв ковер из рук старца, святой Николай удалился. Когда они разошлись, присутствовавшие на площади сказали старцу:

— Не привидение ли ты видишь, старец, что ты один разговариваешь?

Ибо они видели только старца и слышали его голос, святой же был невидим и неслышим для них. В это время святой Николай пришел с ковром к жене старца и сказал ей:

— Муж твой — мой старинный друг; встретив меня, он обратился ко мне с такою просьбою: любя меня, отнеси сей ковер моей жене, ибо мне нужно отнести одну вещь, ты же сохрани его, как свой.

Сказав сие, святитель стал невидим. Видя честного мужа, сияющего светом, и взяв от него ковер, женщина от страха не смела спросить, кто он. Думая, что муж ее забыл слова, сказанные ею, и свою любовь к святому, женщина разгневалась на своего мужа и сказала:

— Горе мне бедной, муж у меня законопреступный и исполнен лжи!

Говоря сии слова и подобные им, она не хотела и глядеть на ковер, горя любовью к святому.

Не ведая о случившемся, муж ее купил все необходимое для празднования дня памяти святого Николая и шел к хижине своей, радуясь продаже ковра и тому, что ему не придется отступить от своего благочестивого обычая. Когда он пришел домой, разгневанная жена встретила его злыми словами:

— Отныне уйди от меня, ибо ты солгал святому Николаю. Истинно сказал Христос, Сын Божий: Лук. 9— «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».

Сказав сии слова и подобные им, она принесла ковер к мужу своему и сказала:

— Вот возьми, меня же ты больше не увидишь; ты солгал святому Николаю и поэтому потеряешь всё, чего достиг празднованием его памяти. Ибо написано: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак.2:10).

Услышав сие от жены своей и видя свой ковер, старец удивлялся и не находил слов ответить жене своей. Долго стоял он и понял наконец, что святой Николай сотворил чудо. Вздохнув из глубины сердца и исполнившись радости, он поднял руки свои к небу и сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, творящему чудеса через святого Николая!

И сказал старец жене своей:

— Ради страха Божия, скажи мне, кто тебе принес ковер сей, муж или женщина, старец или юноша?

Жена ему отвечала:

— Старец светлый, честный, одетый в светлые одежды, принес нам ковер сей и сказал мне: муж твой — друг мне, поэтому, встретив меня, он упросил донести ковер сей к тебе, возьми его. Взяв ковер, я не смела спросить пришедшего, кто он, видя его, сияющего светом.

Слыша это от жены, старец дивился и показал ей оставшуюся у него часть злата и все купленное им для празднования дня памяти святого Николая: яства, вино, просфоры и свечи.

— Жив Господь! — воскликнул он. — Муж, купивший у меня ковер и снова принесший в дом к нам убогим и смиренным рабам, воистину есть святой Николай, ибо говорили видевшие меня в беседе с ним: не привидение ли ты видишь? Они меня одного видели, а он был невидим.

Тогда оба, старец и жена его, воскликнули, вознося благодарение Всемогущему Богу и хвалу великому архиерею Христову Николаю, скорому помощнику всем, призывающим его с верою. Исполнившись радости, они тотчас пошли в церковь святителя Николая, неся злато и ковер, и поведали в церкви о случившемся всему клиру и всем, бывшим там. И все люди, услышав рассказ их, прославили Бога и святого Николая, творящего милосердие с рабами своими. Затем они послали к патриарху Михаилу и поведали ему всё. Патриарх повелел дать старцу пособие от имени церкви святой Софии. И сотворили они праздник честен, с вознесением хвалы и песнопениями.

Жил в Константинополе благочестивый муж, именем Епифаний. Был он очень богат и почтен великою честью от царя Константина и имел много рабов. Однажды он захотел купить отрока в слуги себе и в третий день декабря месяца, взяв литру злата в 72 златника, сел на коня и поехал на рынок, где купцы, приезжие с Руси, продают рабов. Купить раба не удалось, и он возвратился домой. Сойдя с коня, он вошел в палату, вынул из кармана злато, которое он брал на рынок, и, положив его где-то в палате, забыл о месте, куда его положил. Сие ему случилось от исконного злого врага, дьявола, который непрестанно воюет с родом христианским, чтобы умножить честь на земле. Не терпя благочестие мужа того, он задумал ввергнуть его в бездну греха. Утром вельможа призвал отрока, служившего ему, и сказал:

— Принеси мне злато, которое я тебе дал вчера, мне надо ехать на рынок.

Услышав сие, отрок испугался, ибо господин не давал ему злата, и сказал:

— Ты не давал мне злата, господин.

Господин сказал:

— О злая и лживая голова, скажи мне, куда ты положил злато, данное тебе мною?

Тот, не имея ничего, клялся, что не понимает, о чем говорит его господин. Вельможа разгневался и приказал слугам связать отрока, бить его без милосердия и заковать в оковы.

Сам же сказал:

— Решу его участь, когда пройдет праздник святого Николая, — ибо праздник сей должен был быть на другой день.

Заключенный один в храмине отрок со слезами возопил ко всемогущему Богу, избавляющему находящихся в беде:

— Господи Боже мой, Иисусе Христе, Вседержитель, Сын Бога Живого, живущий во свете неприступном! Вопию к Тебе, ибо Ты знаешь сердце человеческое, Ты — Помощник сиротам, Избавление находящихся в беде, Утешение скорбящим: избавь меня от неведомой мне сей напасти. Сотвори милостивое избавление, чтобы и господин мой, избавившись от греха и неправды, причиненной мне, прославил Тебя с веселием сердца, и чтобы я, худой раб Твой, избавившись от сей напасти, неправедно постигшей меня, вознес Тебе благодарение за человеколюбие Твое.

Говоря со слезами сие и подобное сему, прилагая молитву к молитве и к слезам слезы, отрок возопил к святому Николаю:

— О, честный отче, святой Николай, избавь меня от беды! Ты знаешь, что я невинен в том, что говорит господин на меня. Завтра настанет твой праздник, а я нахожусь в великой беде.

Настала ночь, и утомленный отрок уснул. И явился ему святой Николай, всегда скорый на помощь всем, призывающим его с верою, и сказал:

— Не тужи: Христос избавит тебя мною, рабом Своим.

Тотчас спали с ног его оковы, и он встал и вознес хвалу Богу и святому Николаю. В тот же час святитель явился и господину его, и упрекал его:

— Зачем неправду сотворил ты рабу своему, Епифаний? Ты виноват сам, ибо ты забыл, где положил злато, отрока же мучил без вины, а он верен тебе. Но так как ты не сам замыслил сие, а тебя научил исконный злой враг диавол, то я и явился, чтобы не иссякла любовь твоя к Богу. Встань и освободи отрока: если же ослушаешься меня, то тебя самого постигнет великое несчастье.

Затем, указывая перстом место, где лежало злато, святой Николай сказал:

— Встань, возьми свое злато и освободи отрока.

Сказав сие, он стал невидим.

Вельможа Епифаний пробудился в трепете, дошел до места, указанного ему в палате святым, и нашел злато, положенное им самим. Тогда, одержимый страхом и исполненный радости, он сказал:

— Слава Тебе, Христе Боже, Надежда всего рода христианского; слава Тебе, Надежда безнадежных, отчаявшихся скорое Утешение; слава Тебе, показавшему светило всему миру и скорое восстание падших во грехе, святого

Николая, который исцеляет не только телесные недуги, но и душевные соблазны.

Весь в слезах, пал он пред честным образом святителя Николая и сказал:

— Благодарю тебя, отче честный, ибо ты спас меня недостойного и грешного и пришел ко мне, худому, очищал меня от грехов. Что я тебе воздам за то, что ты призрел на меня, придя ко мне.

Сказав сие и подобное сему, вельможа пришел к отроку и видя, что оковы спали с него, впал еще в больший ужас и весьма упрекал себя. Тотчас он велел освободить отрока и всячески успокоил его; сам же всю ночь бодрствовал, благодаря Бога и святого Николая, избавившего от такого греха. Когда зазвонили к утрени, он встал, взял злато и пошел с отроком в церковь святого Николая. Здесь он с радостью поведал всем, какой милости удостоил его Бог и святой Николай. И все прославили Бога, творящего таковые чудеса угодниками Своими. Когда отпели утрению, господин сказал в церкви отроку:

— Чадо, не я грешный, но Бог твой, Творец небу и земли, и святой угодник Его, Николай, да освободят тебя от рабства, чтобы и мне когда-нибудь была прощена неправда, которую я, по неведению, сотворил тебе.

Сказав сие, он разделил золото на три части; первую часть он дал в церковь святого Николая, вторую раздал нищим, а третью дал отроку, говоря:

— Возьми это, чадо, и ты не будешь должен никому, кроме единого святителя Николая. Я же буду пешись о тебе, как чадолюбивый отец.

Возблагодарив Бога и святого Николая, Епифаний удалился в дом свой с радостью.

Однажды в Киеве, в день памяти святых мучеников Бориса и Глеба, множество людей стеклось из всех градов и сел на праздник святых мучеников. Некий Киевлянин, имевший великую веру к святому Николаю и к святым мученикам Борису и Глебу, сел в ладью и поплыл к Вышгороду, поклониться гробу святых мучеников Бориса и Глеба, взяв с собою свечи, фимиам и просфоры — всё необходимое для достойного празднования. Поклонившись мощам святых и возрадовавшись духом, он отправился восвояси. Когда он плыл по реке Днепру, жена его, державшая на руках ребенка, задремала и уронила ребенка в воду, и тот утонул. Отец стал рвать волосы на голове своей, восклицая:

— Горе мне, святой Николай, для того ли я имел ве-

ликую веру к тебе, чтобы ты не спас мое дитя от потопления! Кто будет наследником моего имения; кого научу я творить в память тебя, заступника моего, светлое торжество? Как поведаю твое великое милосердие, которое ты излил на весь мир и на меня бедного, когда утонуло дитя мое? Я хотел воспитать его, просвещая его чудесами твоими, чтобы по смерти хвалили меня за то, что плод мой творит память святому Николаю. Но ты, святитель, не мне только даровал печаль, но и себе, ибо вскоре должно прекратиться самое воспоминание о тебе в доме моем, ибо я стар и жду кончины. Если бы ты хотел спасти дитя, ты мог бы спасти его, но ты сам попустил утонуть ему, и не избавил едиnorodное чадо мое от морской пучины. Или ты думаешь, что я не ведаю чудес твоих? Им нет числа, и язык человеческий не может передать их, и я, отче святой, верую, что тебе всё возможно, что ты захочешь сотворить, но беззакония мои превозмогли. Теперь я понял, терзаемый печалью, что, если бы я сохранил заповеди Божии непорочно, мне бы вся тварь покорялась, как Адаму в раю, до грехопадения. Ныне же вся тварь восстает на меня: вода потопит, зверь растерзает, змий поглотит, молния сожжет, птицы исключают, скот рассвирепает и потопчет всё, люди умертвят, хлеб, данный нам в пищу, не насытит нас и, по воле Божией, будет нам в погибель. Мы же, одаренные душою и разумом и сотворенные по образу Божию, не исполняем, однако, как надлежит, волю Творца своего. Но не прогневайся на меня, святой отче Николае, что я столь дерзновенно говорю, ибо я не отчаиваюсь в своем спасении, имея тебя помощником.

Жена же его терзала свои волосы и била себя по ланитам. Наконец, доехали они до города и скорбные вошли в дом свой. Настала ночь, и вот скорый на помощь всем призывающим его, архиерей Христов Николай совершил дивное чудо, какого не было в прежнее время. Ночью он взял из реки утонувшее дитя и положил на хорах храма святой Софии живым и невредимым. Когда настало время утренней молитвы, вошел в церковь пономарь и услышал детский плач на хорах. И долго он стоял в раздумье:

— Кто это пустил на хоры женщину?

Он пошел к заведывавшему порядком на хорах и начал выговаривать ему; тот говорил, что ничего не знает, но пономарь упрекал его:

— Ты уличен на деле, ибо дети кричат на хорах.

Заведывавший хорами испугался и, подойдя к замку,

увидал его нетронутым и услышал детский голос. Войдя на хоры, он увидел перед образом святого Николая ребенка, всего вымокшего в воде. Не зная, что и думать, он поведал о сем митрополиту. Отслужив утреню, митрополит послал собрать людей на площадь и спросить их, чье дитя лежит на хорах в церкви святой Софии. Все граждане пошли в церковь, дивясь, откуда это взялось на хорах дитя, мокрое от воды. Пришел и отец ребенка, чтобы подивиться чуду, и, увидав, узнал его. Но, не веря себе, он пошел к жене своей и рассказал ей всё по ряду. Она же тотчас стала укорять мужа своего, говоря:

— Как это ты не понимаешь, что сие — чудо, сотворенное святым Николаем?

Поспешно пошла она в церковь, узнала дитя свое, и, не трогая его, пала пред образом святого Николая и молилась, с умилением и слезами. Муж ее, стоя вдали, проливал слезы. Услышав о сем, все люди стеклись посмотреть на чудо, и собрался весь город, славя Бога и святого Николая. Митрополит же сотворил честный праздник, какой творится в день памяти святого Николая, прославляя Святую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя стаду твоему, Яже вешей Истина: сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая, отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога, спаситися душам нашим.

Кондак, глас 3:

В Мирех святе священнодействитель показался еси: Христово бо преподобне Евангелие исполнив, положил еси душу твою о людей твоих, и спасл еси неповинныя от смерти. Сего ради освятился еси, яко великий таинник Божия благодати.

Чудеса святого архиерея Христова Николы

Чудеса Николая Мирликийского в русской письменности зачастую были известны как отдельное от Жития произведение. Они сохранились в списках более ранних, чем Житие, — с XII века. Иногда они включались в различные сборники, иногда представляли собой отдельную книгу.

Отрывки из текста публикуются по древнейшему списку

ХII века «Чудеса святого архиеерея Христова Николы» по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб.: Наука, 1999. Перевод Л. В. Соколовой.

Чудо второе святого и великого отца и архиеерея Божия чудотворца Николы, жившего в Мирах Ликийских

Господи, благослови!

Подобает нам Божие писание вам проповедовать, благоверные, вспомнив тот пророческий голос, изрекший: «Воистину чуден Бог, и милость его — в святых его, волю свою всем явил», — как и ныне людям были <явлены чудеса> чудотворца Николы, жившего в наше время.

Человек некий, именем Дмитрий, живший в Константинополе, имел веру в святого Николу и большую надежду на него. И взяв для пречистого и преславного праздника святого Николы свечи, масло и все, что необходимо для праздника, поплыл он вместе с другими на небольшом корабле от славного града Константина к иному граду, именуемому Анфурат, ибо была в том граде церковь святого. Каждый год ходил туда этот благоверный муж к святому Николу, праздновал память святому.

Когда плыли они в тот день от славного града Константина, было в тот день море тихим. Но около полуночи, когда они были уже в открытом море, внезапно поднялся сильный ветер, а сверху — дождь сильный и беда великая, которая разорвала надвое паруса и бросила их в море.

И хотели они плыть к берегу, но сильные волны, набежав, выбили у них весла из рук. И только один тот Дмитрий удержал весло; но, набежав, волна и у него тоже вырвала весло и бросила в море. И так тогда опрокинула корабль. И ничто не вышло из уст его, кроме сего: «Святой Никола, помоги мне!» И так пошел ко дну и сел на дне моря.

О великое чудо! Сильный страх охватывает меня, братья, от того, что я хочу рассказать вам об этом чуде.

И внезапно оказался там тогда святой Никола и, тотчас взяв его на свои руки, вышел из моря. И посадил его посреди дома его, который был заперт. А он представлял себя на дне моря и громким голосом вопил беспрестанно: «Святой Никола, помоги мне!»

И слышав тот голос, соседи дивились, говоря между собой: «Голос как будто нашего соседа Дмитрия, но он вчера отплыл. И как он так скоро вернулся? И как он в город

вошел ночью, ведь он заперт был? Пойдем и посмотрим в доме». И когда они зажгли свечи, увидели, что дом заперт; а голос по-прежнему слышался из него, говоря так: «Святой Никола, помоги мне!» И сказали они: «Разобьем замок и посмотрим, <кто там>: или вор, или кто <другой>». И зажгли много свечей, разбили замок и вошли в комнату со свечами. Многие не узнали его; а подошли к нему ближе и узнали его; и видели непокрытую голову и текущую с нее соленую морскую воду, и от одежды его словно река текла. И сказали ему: «Как ты вошел в запертый дом? Где? И почему так скоро возвратился: вчера отплыв, а этой ночью вернулся? И почему ты весь мокрый?» Он же, все это выслушав и словно пробудившись от сна, сказал им: «Где я нахожусь? И кто вы, что спрашиваете меня?» И они ответили ему: «Мы соседи твои, и это ты, сидя в своем доме, разговариваешь. Но что с тобой случилось?» И отвечая им, он сказал: «Вот что я только знаю: когда шли мы по морю, внезапно <начался> дождь, и поднялся сильный ветер и перевернул корабль, и пошел я ко дну. А где ныне я и как здесь оказался — не знаю». И <соседи>, поднеся к нему свечу, смотрели, как текла морская вода с головы его и с одежды, словно река. Тогда страх великий и ужас охватил там всех смотрящих.

И когда настал день, услышали здесь, в городе, дальние соседи <о случившемся>, и весь город стекался видеть это чудо. И видев, дивились и славили Бога, воспевая Спаса Бога нашего и избранника Его, творящего необычайные и дивные чудеса.

Чудо третье

Некто именем Симеон, Божий человек, чистый исповедник, монашествовал и постоянно молился Богу и даже чудеса творил, так что и в Десятиградии был известен.

Был у него в то время слуга по имени Никола, и тот выполнял для него всю работу. И послал он его на работу в страну Катовольскую на корабле. Так как море было совершенно спокойно и светло, то плыли спокойно и быстро, гребя с усердием и радостью; так что и он, стоя на корме, радовался и развлекался. Когда же они плыли на юг, внезапно в один час смерклося, и стало темно, и не знали они, куда плыть. А потом поднялся сильный южный ветер с дождем и грозой, и волны были выше корабля. И была боль-

шая беда, так что и весла вырвала из рук и ввергла в море, и паруса разорвала надвое. И от великого страха упали все ниц на корабле и уже не чаяли остаться в живых. Корабль высоко ходил по волнам, а они, лежа ничком, громко плакали и молились, говоря так: «Святой Никола, помоги нам и избавь нас!»

И когда они в корабле молились, стоя на коленях, монах Николай поднялся, чтобы взглянуть на море. И увидел человека, в белых одеждах ходящего. О чудо! Обрели они надежду и не ошиблись! Увидел монах Николай ясно своими глазами подходящего к кораблю святого Николу, великого чудотворца, по морю идущего, словно посуху, обращающегося к нему, поднимающегося с радостью на корабль и так говорящего: «Встань, брат; ничего не бойся, не ленись, не дремли, но иди на свою работу с радостью, ибо отныне с тобою я, кого призываешь ты всем сердцем, Никола из Мир; славь же ныне Бога». И сказав ему это, скрылся из виду. И с того часа море было тихим, в мгновение ока прекратился и дождь, и ветер, и установилась полная тишина. А туда, куда пролегал их путь, подгонял их тихий ветер. И то, что должны были пройти за две недели, прошли — не скажу за один день, — за один час. И прославили за это Бога, так певши: «Дивен Бог во святых своих».

Чудо четвертое

Некто по имени Агрик, живший в земле Антиохийской недалеко от сарацин, был очень богат и сильно любил святого Николу, имея единственного сына и творя каждый год память святому Николе: канон, утреню и Литургию; и ставил две трапезы: первую — братии Божией, убогим, а после Литургии — родственникам, друзьям, соседям и иным.

Церковь святого стояла в пяти поприщах от города, в чистом поле. И каждый год собирались там люди — мужчины, и женщины, и дети — на память святого Николы.

В один год, на преславную его память, когда шли все люди на святое то собрание, тот благоверный муж, приготовив свечи, масло, фимиам и <все другое>, необходимое для канона и утрени, послал затем с отроками своего единственного сына Василия и сказал ему: «Иди, чадо мое, к святому и великому господину нашему и теплому заступнику и сотвори службу, и канон, и утреню, и Литургию. После этого придешь на обед; я и мать твоя, оставшись здесь,

устроим все, что надобно братии Божией, гостям, и все, что во благо». И слыша это, Василий рад был и весел и, поклонившись отцу и матери, пошел к святому Николе.

И когда пришел он к святому, и спели уже вечерню и канон, и уже наполовину спели утреню, на рассвете внезапно появились сарацины, окружили церковь и пленили всех людей, и <с ними> того Василия, сына того благочестивого мужа по имени Агрик. И повели его в <землю> сарацин, и привели их на остров Критский. Сына же Агрикова, Василия, избрав, потому что был хорош собой и красив, отдали князю сарацинскому Амире. Князь Амира, видя его, очень красивого, обрадовался и сказал: «Этот юноша знатного рода был. Достоин он прислуживать мне». Других же продали, а иных в темницу заключили.

Родители же Василия, отец и мать, узнали о случившейся беде и великом горе, и был у них в доме сильный плач и великое рыдание. И в печали два года не праздновали они память святого Николы и не посылали ни свечей, ни масла; и больше того, когда наступал праздник святого, то они, вспоминая чадо свое, вместо свечей и масла испускали обильные слезы, и рыдание, и громкий плач.

Что же скажу, возлюбленные? Может ли кто рассказать обо всем этом, и может ли кто их утешить? И может ли кто передать стенания и воздыхания матери, которая стонала и воздыхала всем сердцем, или горячие слезы отца, или как мать рвала на себе волосы и так покрыла ими землю, что словно на большом руне сидела и причитала: «Сыночек мой дорогой, единственный, лучше бы я не родила и не узнала тебя! Неужели не увижу тебя с детьми, которые были твоими сверстниками? Неужели не ухватю тебя руками своими, идущего по дороге или по двору, и не поцелую губами своими? Лучше бы мне видеть тебя на постели, в болезни лежащего; я бы тебя и подняла, и положила, и ухаживала бы за тобой, и не оказался бы ты в скверных руках. Или придет пусть от Бога ангел и примет твою душу; то с радостью бы тело твое обрядила, и не надрывалось бы мое сердце и утроба; лишь бы не был ты уведен в чужую землю!»

Приходили к ним из других городов и сел родственники и друзья, и увещевали их, и удивлялись внезапному пленению. И вместо радости был плач, а вместо пения на день святого Николы — рыдание их и печаль. И так, утешая их, говорили: «Есть ли кто чудодейственнее святого Николы или сильнее? Вспомните о чудесах его, сколько он их сотворил: со дна моря человека спас, и от меча избавил, и

из темницы, и когда хотели казнить тех трех мужей невинных. Призвал тогда цесарь Константин поздно вечером судью и сказал: “Утром выведи тех трех мужей из темницы и убей”. Тогда судья, услышав это от цесаря, послал к мужам тем так сказать: “Покайтесь этой ночью, чтобы вы были готовы, потому что утром, как приказал мне цесарь, когда рассветет, тогда я должен вас убить”. Услышав это, мужи те начали плакать, причитая и моля Бога: “Святой Никола, помоги нам, избавь нас от горькой этой смерти!” И той же ночью, в полночь, явился святой Никола цесарю Константину в палате и сказал: “Если не отпустишь тех мужей, то сожгу твой дом и тебя”. И услышав это, цесарь сказал судье: “Приведи тех мужей”. И привели их, и спросил он: “Знаете ли Николу из Мир?” Они же ответили: “Знаем, ведь это господин наш и митрополит”. И сказал им цесарь: “Идите, Бог и святой Никола прощают вас”. И одарив их, отпустил домой. И встав, пошли они с огромной радостью домой, хваля и славя Бога и святого Николу, избавившего их от горькой смерти».

Услышав все это от соседей и друзей своих, Агрик утешился и, встав, пошел к жене своей и сказал: «О жена, что пользы нам в том, что плачем мы день и ночь третий год, и святого забыли, и не ходили к нему. Но ныне, жена, послушайся меня, и с великой верой пойдем к святому и помолимся; и знай, что получим великое утешение и возвратимся с большой и доброй надеждой; может так случиться, что святой прямо в наши руки передаст нам нашего сына, либо откроет нам: жив ли он там, в рабстве ли он, или умер». И она, услышав это все от мужа своего, обрадовавшись, сказала мужу своему: «Возьмем свечей и масла и пойдем». Настал же праздник святого Николы — и вновь обратилась она к мужу своему: «Господин мой, пойдем к святому. Ныне ведь душа моя радуется, ныне ведь ангелы с земными людьми радуются».

И встав, пошли они; и много других людей <шло>. И сотворили на вечерней канон святому, и, спев много песнопений, возвратились домой. И собрали соседей и родственников на ужин, и сели за трапезу. И начали есть и пить, славя Бога и святого Николу, вспоминая сына своего и чуда святого.

И начали псы лаять; их было много у него, и для охоты на зайцев, и для пастьбы овец. Начали усердно псы лаять, и хозяин сказал слугам: «Посмотрите, почему беспокоятся псы, может, волки пришли?» Ответили слуги: «Никого

нет». Псы же еще сильнее начали беспокоить его. И тогда хозяин сказал гостям: «Пойдем и посмотрим со свечами, не волк ли влез во двор?» И пошли они со многими свечами, и увидели человека, стоящего посреди двора в сарацинской одежде с покрывалом на голове, и ужаснулись. И еще ближе подошли к нему со свечами и увидели стоящего юного отрока, держащего в руке чашу, полную вина.

О страшное и дивное чудо! От безбожных сарацин в один час был он принесен и поставлен посреди отчего двора.

Отец его стоял и смотрел. А он стоял, как идол, держа чашу с вином, и ничего не говорил. Отец же долго смотрел и дивился, желая узнать его, охваченный страхом и радостью, и громко воскликнул: «Чадо <мое> Василий, на тебя ли я сейчас смотрю, на самом ли деле это ты, сладкий мой сын? Или призрак мне ныне представляется тобою?» И сын тотчас ответил: «Я это, единственный сын твой Василь, которого безбожные сарацины пленили и увели на Крит, оторвав от твоей и материнской груди». И отец, услышав все это, протянул к нему руки, начал целовать его в глаза, в голову, в уши, в руки и всюду и спрашивал: «Скажи мне, дорогое мое чадо, как убежал ты от рук безбожников, с кем, чадо мое? Со спутниками своими сговорившись, прибежал? Не утаи от меня, чадо мое, поведай родителю своему, как это было?» И стал сын отвечать отцу: «Обо всем том, о чем ты меня спрашиваешь, я ничего не знаю. Но ныне на Крите прислуживал я за ужином сарацинскому князю — ведь когда привели меня в плен на Крит, то отдали их князю, и с того дня приставил он меня к себе виночерпием — и вот ныне говорит мне князь и господин мой: “Черпай”; и я, зачерпнув, хотел дать ему в руки вот эту чашу. И не знаю я, кто, сильный, внезапно похитил меня с этой чашей полной, которую и сейчас еще держу, и поставил меня здесь. И не понимал я, на земле ли стою. Ведь мне казалось, что ветром меня носило. И тут я услышал глас, говорящий мне: “Видишь ли ты что-нибудь?” И я, охваченный ужасом великим, увидел ставившего меня <на землю> великого Божьего Николу».

Услышав это, отец преисполнился огромной радостью от великого этого чуда и, взяв сына за руку, с великой и благодарной радостью поднялся с ним наверх, и передал его матери, и сказал: «Жена, зри нашего заступника, как велика слава его и сила. Смотри, как быстро пришел он нам на помощь и утешил нас. Как только мы помолились — он тут же помог нам, теплый заступник. Смотри, жена, как скоро пришло нам спасение!»

И когда сказал Агрик это своей жене, мать обхватила сына руками своими и, облобызав все его тело, проговорила: «Наконец-то я держу тебя в руках своих, чадо мое дорогое! С Божьей помощью обрела я тебя, сын мой единственный, утеха души моей! Обрела тебя, и держу ныне в руках своих тебя, которого считала умершим в землях неверных».

<В то время как> это, так и многое другое говорила мать сыну, собрались соседи и родственники, и радость их была огромной, и второй раз отслужили праздничную службу святому в святой церкви его. И стекались все люди на чудо: видеть отрока. И видя его, удивлялись и славили Бога и святого Николу, избранника Божия и заступника теплого.

Чудо пятое

Поведаю еще одно чудо. Был некий юноша, по имени Никола, демонским мучением одержим; лежал он месяцев шесть, огнем сильным одержимый. И не одна эта была у него беда, еще и ноги у него были скрючены, так что совсем не мог он ни вытянуть их, ни ходить, а ползал на ягодицах. Или проще скажу: не сгибались у него все суставы. Огонь тот сильный, жгущий его члены, терзал ему сердце, и от жара огненного все тело у него было распалено. Мало того, и все члены его иссохли. И врачи, приходя, ничем не могли ему помочь. И так попал он в большую беду, потому что уже не имел ни врачам что дать, ни самому на что жить.

И увидел он людей многих, идущих со свечами на праздник святого Николы в церковь святого Николы на канон. И он тоже купил свечу, несмотря на свою бедность, а был он очень беден, и начал по земле ползти, идти к святому. И когда он шел, явился ему на пути пресвятой и великий помощник Никола и сказал: «Кто ты? И откуда идешь и к кому идешь? Или в чем нуждаешься, или какая беда у тебя? И чего ради ныне этот труд совершаешь?» Он же, охваченный страхом великим, и от долгого трудного пути сидя <неподвижно> на одном месте, поведал ему всю беду свою и болезнь. И тогда сказал ему явившийся: «Если хочешь здоровым быть, иди вслед за мной». И привел его святой к святой церкви своей и исчез. И он <ничего> другого не видел, только то, что пошли люди со свечами в церковь на Литургию. И он, видя это, зажег свечу свою и туда же начал ползти.

И опять с ними возвратился к святому и увидел там

икону. И подползши, сел около нее; и увидел там на святой иконе образ святого Николы, узнал его, что это он явился ему в пути, и громким голосом завопил, говоря: «Святой Никола, коли уж ты обещал мне в пути и сказал: “Если хочешь здоровым быть, иди в церковь мою”, и сам меня сюда привел, — то помилуй же меня ныне, ведь должен ты мне, исцели меня и отдай мне ныне свой долг».

И сказав все это, посмотрел он на икону святого и опять увидел явно святого Николу, как и в пути. И вскричал он громким голосом, и сказал: «Подвиньте меня!» И стоявшие там пододвинули его. И обнял он обеими своими руками икону святого Николы, и, целуя, сказал: «Усердный заступник, помилуй меня!» И начали расправляться у него жилы и кости, и он встал, выпрямившись, на земле, и трижды перекрестил руками своими тело свое, и помазал себя святым маслом от лампы святого Николы. И вышел из него демон; и исцелился он и стоял прямо. И потом опять, взяв святую икону, целовал святого. И был здоров благодатью Бога и святого Николы. И видели все дивное это чудо милосердца и человеколюбца Бога, дающего благо рабам своим молитвами святого Николы. Станем же воссылать ему славу и песнь.

Чудо шестое

Поведаю я вам еще одно чудо, вы же не ленитесь, а внимательно послушайте.

Поп некий, именем Христофор, из города Тухина также имел обычай каждый год ходить на праздник святого Николы в город Миры, где лежит святой Никола. И поклонившись ему там, возвращался домой. И от святого тела его взявши миро, приносил в дом свой на освящение всего дома.

В один год приготовился он идти со спутниками к святому. И когда они были уже недалеко от святого, встретили их тут арабы и, пленив, повели в свою землю. Всего же было их пленено тридцать мужей. И привели они их <к себе> домой, разделили их натрое: одну часть — под меч, другую — продать, а третью заключили в темницу. Попа же Христофора на посещение <мечом> отделили. И приведя их к месту <казни>, начали казнить по одному. И дошли до попа. И стоя там, поп Христофор призывал святого Николу, говоря: «Избавь меня от меча сего и помоги мне, усердный помощник!»

И тут вдруг предстал перед ним святой Никола в том же облачении, в котором на иконе писан, и сказал ему: «Не бойся, брат, ибо я с тобой».

И тут пришел палач и взял попа, чтобы его казнить. А святой шел за ним следом. И когда довели его до места, где казнили, палач сказал попу: «Склони голову». И он тотчас склонил. И сказал ему святой Никола: «Не бойся». И когда палач собрался отсечь ему голову, тогда святой выхватил у него меч из рук. И стал палач, недоумевая, и обратился к попу: «Где мой меч?» Поп ответил: «Никола то взял». Палач спросил: «А где он?» Поп ответил: «Далеко от тебя». И сказал палач: «Подожди здесь».

Поп стоял, связанный сзади. Святой же Никола <опять> сказал попу: «Не бойся». Придя, палач принес другой меч и сказал попу: «Склони голову». И собирался ударить. И тут святой Никола протянул руку и взял меч. И рассердился араб на попа и спросил: «Не волхв ли ты? Где меч?» Сказал поп: «Никола взял». И он снова третий <меч> взял. И встретил его святой, выхватил <меч> из рук. И пришел палач к попу с пустыми руками и сказал: «Поведай мне, кто этот Никола?» И сказал поп: «Который в Мирах Ликийских». Сказал араб: «Если так, то велик этот муж и добр. Ибо много я слышал о том, что творит он добро людям». И развязал попа и других трех мужей, которых должны были казнить вместе с попом.

И приведя их всех четверых и поставив пред собой, стал он расспрашивать попа о святом, — как он его видел. И поп рассказал ему все то по порядку: и как ему являлся, и как у него выхватывал из рук меч. И слыша это от попа, араб сильно удивился и сказал: «Велик Бог христианский». И обратился к мужам: «Вручаю я вас сегодня тому Николе». И взяв их с собой, вывел из своей земли. И указал им путь, сказав им: «Идите к святому Николе»; было же это недалеко оттуда. И араб возвратился в дом свой, а они, славя, восхваляли в песнопениях Бога и святого Николу, который избавил их от горького меча и лютой смерти.

Чудо святого Николы

Петр, доброй памяти монах, был некогда на воинской службе и там числился старейшиной пятого полка. Отправили его с воинами воевать против сарацин. И случилось <им>, как это часто бывает среди людей, потерпеть пора-

жение от неверных; и <одни> убиты были, а другие пленены. Также и того Петра взяли. И приведя их к сарацинскому князю, показали <ему>. И повелел князь отправить их в город Самарию, передать старейшине этого города. Того же Петра повелел посадить в крепкую темницу, и сковать ноги ему двойными оковами, и вериги на шею возложить, ибо был он старейшиной воинов. И было исполнено повеление.

И там, сидя в оковах, <Петр> размышлял о своих прегрешениях, которые он совершил в жизни. И сказал: «Это наказание заслужено мной и справедливо, и даже горшего я достоин, потому что в прошлом солгал Богу. В беде был я большой и молился святому Николе, и потом дал обет, так сказав: “Избавь меня, святой Никола, и я постригусь, <уйдя> от жены и детей, в <церкви> апостола Петра в Риме”. Но когда избавил меня святой Никола, тогда забыл я <свой обет> и не сделал того, что обещал святому. Поэтому достоин я и горшую беду претерпеть. Славлю, Владыка мой, тебя и святого Николу, хотя и в темнице я, и в оковах сижу. И <вот> просидел я целый год здесь и опять говорю про себя: “Я знаю, святой Божий Никола, что я совсем не достоин спасения. И поэтому уже не смею просить милости об избавлении. Ты же, поскольку имеешь обычай от горящих все <тяготы> брать и молитвы свои <за них> возносить, — к тебе ведь я обращаюсь и молюсь, и заступником перед Богом тебя называю, — избавь меня от этих уз, да отныне не вернусь я в мир, ни в дом свой, ни к жене своей, ни к детям своим, но да пойду в Рим к святому Петру и постригусь. И там годы свои и жизнь свою проведу в монашестве до самой смерти. И если имеешь дерзновение к Владыке, молись за меня». Это и многое другое говорил сей муж. И пребывал в посте и молитве; и так провел всю неделю, ничего не вкусив.

И через неделю явился ему усердный и великий заступник Никола и сказал ему: «Услышал я молитву твою, брат Петр, и понял скорь сердца твоего. И человеколюбца Бога умолил за тебя, о <твоем> избавлении. Ведь коли Он сам сказал: “Просите — и дастся вам; стучите — и откроются вам”, — так не отлучены будем и мы человеколюбия его и того, что на пользу нам подаст». Изрекши все это, святой Никола велел ему поесть и сказал: «Вознеси молитвы к Богу». И ушел.

И опять, во второй раз явился ему святой Никола, весело глядя и говоря ему: «Я брат, — верь мне, — не передох-

нул, молясь о тебе благому Богу. Но не знаю, что милосердный Бог думает совершить. Я тебе покажу молитвенника достойного и помощника. И знай, если помолится он Богу за тебя, тот исполнит наши желания». И сказал ему Петр: «Но кто есть, святой отец, усерднее тебя молящийся Владыке, если и весь мир тебя призывает на помощь, и ты спасаешь весь мир?» Отвечая ему, великий Никола сказал: «Ведаешь ли ты Симеона Праведного, который на руки свои принял Христа на сороковой день и внес его на руках в церковь?» — «Ведаю, святой Божий, только не человека знаю, а лишь то, что слышал о нем из святых Евангелий». Тогда человеколюбец Никола сказал: «Да будем оба молить его непрестанно, ибо силен он, и стоит у престола Владыки вместе с Иоанном Крестителем и святою Богородицею. И если тот помолится, то тогда тем самым наши желания исполнит». Сказав это, святой Никола отошел от него.

И придя в себя, человек этот начал, постясь, молиться святому Николе, а святой Никола молил святого Симеона.

И взял праведный Симеон с собой святого Николу, и пошли они к этому человеку утешить его и избавить от оков и от беды той. И сказал Симеон: «Мужайся, брат, и проснись!» Он же, открыв глаза, увидел великого Симеона, стоящего в белых одеждах рядом со святым Николою и держащего в руке золотую палицу. И спросил его святой Симеон: «Ты ли это, который призывал меня день и ночь?» Он же, едва раскрыв уста свои, ответил: «Да, святой Божий, я это, окаянный и грешный, много согрешивший». И спросил: «Исполнишь ли ты свое обещание постричься в монахи?» Ответил муж: «Да, господин». И сказал святой: «Не солги же мне, как Николе». Ответил муж: «Нет, господин». Сказал святой Симеон: «Если обещаешь, то выходи, не имея никакого препятствия. Иди отсюда, куда хочешь, никого не бойся». И сказал человек: «Господин, как я пойду? Ведь ноги мои в оковах, и вериги на шее». Тогда поднял святой Симеон свой золотой жезл и ударил им по оковам и веригам, и рассыпались они, словно прах. И вышел из темницы святой Симеон, передал его Николе и удалился.

И принял его святой Никола, взял с собой и повел его по дороге. И сказал святой Никола: «Есть ли у тебя еда, которой тебе в пути достаточно будет?» И муж тот, даже не понимая, что это наяву, ответил святому Николе: «Нет у меня ни еды, ни чего-либо другого». И сказал святой Никола мужу тому: «Вот брат, все <эти> сады полны плодов. Войди, возьми, сколько нужно, и иди в путь. Не бойся: как меня

никто не может видеть, так и тебя». Тогда, послушавшись, вошел муж <в сад>, набрал плодов, сколько хотел, и, выйдя, пошел по дороге со святым Николою.

И так довел святой мужа того до Рима. И сказал ему ночью святой Никола: «Брат, вот и пришел ты в Рим. Смотри, не солги, но рано утром войди в церковь святого и верховного <апостола> Петра. И там увидит тебя Папа и позовет тебя. Ты же, подойдя к нему, поклонись и преклони главу свою, пусть он пострижет тебя. Если же ты не сделаешь этого, то пойдешь обратно в Самарию и <там>, в темнице сидя, окажешься в той же беде. Не нарушь же мою заповедь, но большее угождение сделай святому Симеону и святому Николе. И не помышляй ни о доме, ни о жене, ни о детях, а только о Боге».

Сказав все это, святой Никола пришел туда, где спал Папа, и сказал ему: «Проснись и смотри!» Как наяву смотрел Папа на святого Николу, держащего за руку мужа и говорящего так: «Прими человека этого. Я освободил его из темницы в Самарии, от тяжких оков. Помолись о нем и постриги его; имя же ему дай верховного апостола Петра. Сделай же так». И сказав это, святой Никола исчез.

Придя в себя, Папа повелел звонить в колокола к заутрени, ибо был воскресный день. Придя же в церковь, Папа начал высматривать среди людей того мужа, которого ему явил святой Никола, чтобы узнать его. И так, оглядывая людей, увидел человека того, стоящего посреди людей в церкви. И призвал он его к себе и сказал: «Петр, не ты ли из земли греческой, <и не ты ли>, будучи у сарацин в темнице в Самарии, избавлен святым Николою?» Он же поклонился Папе до земли, и открылся, и сказал: «Да, владыка, это я». И Папа сказал: «Не удивляйся, брат, что позвал я тебя твоим именем, которого никогда не слышал; и не видел, брат, ни ты меня, ни я тебя. Но святой и великий Никола, явившись мне этой ночью и рассказав, как, выведя тебя из темницы и разбив оковы, привел тебя сюда, повелел мне постричь тебя во имя Божье». И сказав это, Папа дал ему Божью молитву во имя Господа и постриг его.

Вот так святой чудотворец Никола явил нам свою доброту, так, моля Владыку, совершает он чудеса. И являя всему миру знамения, как отец чад принимает: с плавающими плавает, путем ходящим — помощник, в бедах — утешитель, в темницах — посетитель, вдов милует, сирот кормит, пленников избавляет, больных исцеляет.

Дай Бог и нам милостью святого Николы спастись, его

молитвами, чтобы, прожив достойно эту жизнь, и в будущем веке спасение получить от Иисуса Христа, Господа нашего. И да славится Он и властвует с Отцом и Святым Духом и ныне, и присно, и в веках.

Молитва Николаю Угоднику

О, всесвятый Николае, угодниче преизрядный Господень, теплый наш заступниче, и везде в скорбех скорый помощниче!

Помози мне грешному и унылому в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моея, во всем житии моем, делом, словом, помышлением и всеми моими чувствами; и во исходе души моея помози ми окаянному, умоли Господа Бога, всея твари Содетеля, избавити мя воздушных мытарств и вечного мучения: да всегда прославляю Отца и Сына и Святаго Духа, и твое милостивное предстательство, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Дни памяти святителя Николая Чудотворца

22.05 (09.05). Память о перенесении мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари, в 1087 году (в России, в народе, праздник называют «Никола Вешний»).

11.08 (29.07). Рождество святителя Николая.

19.12 (06.12). Кончина святителя Николая (в России, в народе, праздник называют «Никола Зимний»).

Каждый будничный четверг. Традиция родилась в лоне Православной Церкви. Принято в Богослужбном круге (Седмичный круг Богослужения), по четвергам, наряду с апостолами, чествовать память святителя Николая особыми песнопениями.

В течение года. Также существуют многочисленные традиции местных почитаний святителя, среди них: греческая традиция отмечать преставление святого Николая, праздники в честь многих особо почитаемых чудотворных икон с изображением епископа Мирликийского, память Соборов местных святых, в число которых включается и Николай Чудотворец, и др.

**Основные даты жизни и деятельности
святителя Николая Мирликийского
(по ныне известным данным)**

- 255—280, 11 августа (29 июля)* — предположительный период времени и день, когда мог родиться будущий святитель. Наиболее вероятен и чаще всего упоминается 270 год. Дата — 11 августа — общепризнана как день его рождения в православии. В католических справочниках редко, но указывается 15 марта. Однако оба дня как даты рождения не подтверждены документально. Место рождения — Римская империя, провинция Ликия в Анатолии (юг Малой Азии, ныне — Турция), город Патара. Происхождение: грек или, вероятно, ликиец.
- 280-е* — предположительно, учился в Александрии. Вел монашеский образ жизни.
- 290-е* — стал пресвитером городской церкви в Патаре.
Мог в этот период совершить паломничество на Святую Землю.
Свершает знаменитое деяние — отдает свои, полученные в наследство деньги отцу трех дочерей для их замужества.
Возможно, уже тогда неоднократно спасает моряков во время штормов и бури.
- Около 300-го* — был рукоположен в епископы в городе Миры Ликийские, стал служить в местном храме.
- 302—303* — предположительно, в эти годы, в период самых жестких гонений на христиан со стороны императора Диоклетиана, был схвачен и заточен в темницу, где стойко переносил все невзгоды, включая пытки, и проповедовал христианство.
- 311—313* — освобожден из тюрьмы, возможно, благодаря обнародованию Миланского эдикта. Вернулся на свою епископскую кафедру в Мирах Ликийских.
- 324* — полновластным правителем Римской империи становится Константин I Великий. Начинается новая эпоха в истории христианства.
- 325, июнь—июль* — принимает участие в Первом Вселенском Никейском соборе (некоторые исследователи отрицают этот факт), где «ударяет по щеке» еретика Ария.
- 330, 11 мая* — император Константин I объявляет город Византий (Константинополь) новой столицей Римской империи. Здесь, вероятно, святитель Николай бывал неоднократно.
- 332 или позднее* — после эдикта императора Константина I о разрушении языческих храмов низвергает святилище Артемиды Элевтеры в Мирах Ликийских. Однако есть вероятность, что святитель мог совершить это еще в ранние годы своего епископства — до 332 года, после освобождения из тюрьмы или даже до тюремного заключения — в 302—303 годах.

- 333 — спасает ликийцев от засухи и голода, увеличив запасы зерна.
- 330—336 — осуществляет «деяние о стратилатах» — спасает трех высоких по положению военачальников Римской империи от казни по ложному обвинению.
Возможно, в очередной раз встречается с императором Константином I (следует принять во внимание Собор в Никее, где уже произошли их первые встречи).
Спасает трех граждан-ликийцев, невинно осужденных на казнь.
- 330—345 — предположительно, в этот период времени святитель Николай совершает известные деяния-чудеса — воскрешает трех отроков, убитых и засоленных в бочках жадным хозяином некоей гостиницы; освобождает жителей Ликии от непомерных налогов (и опять встречается с императором Константином I); снова спасает тонущих моряков и паломников, плывущих на судне с опасной «посылкой», а также многие другие.
Возможно, именно в эти годы святитель осуществляет паломничество на Святую Землю.
- 337, май — скончался император Константин I Великий, благоволивший святителю.
- 334—336 или до 350, 6 (19) декабря — предположительные периоды, когда мог скончаться святитель Николай, и день кончины. Это произошло, видимо, в Мирах Ликийских, городе Римской империи, в провинции Ликия (юг Малой Азии, ныне — Турция, город Демре). Мнения исследователей о дате кончины не совпадают. По нашему предположению, это мог быть все-таки 345 год. В основе этой датировки — наиболее вероятная дата рождения — 270 год, а также заключение научной экспертизы по мощам 1953—1957 годов, где сказано, что святитель прожил 70—80 лет. Более точную дату пока указать не представляется возможным. Доказательства, приводимые некоторыми историками, со ссылками на их же собственные труды или с косвенными интерпретациями различных текстов — неубедительны и все еще не подтверждаются источниками.
В год кончины и позднее — похороны святителя Николая при храме в Мирах Ликийских. Мощи Чудотворца пролежали там до апреля 1087 года, когда были насильственным образом вывезены участниками экспедиции из итальянского города Бари (провинция Апулия). В настоящее время большая часть святых останков находится в Базилике Святого Николая в порту города Бари. День привоза их в Бари — 9 мая — стал праздником перенесения мощей святителя. Другая часть мощей хранится в Венеции в храме Святого Николая на острове Лидо, после перевоза их сюда из Мир Ликийских крестоносцами в 1099—1101 годах. Еще одна

важная часть останков, возможно дополняющая полную реконструкцию скелета, находится в городе Римини, после кражи ее в Бари и перевоза сюда епископом Гульто в 1178 году (не все исследователи с этим согласны). В XIX столетии в мировой культурной традиции появился новый образ святителя Николая как новогоднего старца, приносящего подарки детям и взрослым. Его стали называть Санта Клаус, или просто Санта. В России также была такая традиция до 1918 года, после чего, в советское время, святой Николай был «заменен» на языческого Деда Мороза, сопровождаемого придуманной незадолго до этого «внучкой» Снегурочкой. Частицы мошей святителя Николая хранятся во многих храмах мира. Их не совсем полный список помещен в главе данной книги «Где еще поклониться реликвиям».

Краткая библиография

Здесь помещен список литературы, который трудно назвать «кратким». Но на самом деле он значительно больше и длиннее — столь много написано уже о святителе Николае Чудотворце, епископе Мир Ликийских, причем на различных языках мира. Что-то из этого глобального объема удалось просмотреть автору, ездившему по свету и имевшему возможность пользоваться библиотечными хранилищами разных стран. Кроме того, в списке помещены весьма редкие, порой единичные древние издания или рукописи, и у читателя может возникнуть вопрос: а как автор смог их получить или хотя бы просмотреть? Автор отвечает: в течение последних лет многие хранилища мира (архивы, библиотеки и частные собрания) выкладывают в интернете в оцифрованном виде свои текстовые сокровища, зачастую единичные, украшенные великолепными рисунками. Эта революция в доступе к источникам значительно помогла автору переработать все это наследие, сделать из него выводы, подать их читателю, а затем включить эти произведения в «краткую библиографию». Возможно, данный и далеко не завершённый список литературы поможет новому пытливому исследователю в его кропотливом, но столь нужном людям труде.

Аверинцев С. С. Николай Чудотворец // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.

Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.

Аничков Е. В. Микола Угодник и св. Николай // Записки Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Вып. II. № 2. СПб., 1892.

Аничков Е. Св. Николай и Артемида Эфесская // Записки Восточного отделения Археологического общества. Т. IX. СПб., 1895.

Антонин (Капустин), архимандрит. Святой Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 2. № 6, июнь. Киев, 1869.

Антонин (Капустин), архимандрит. Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликии в Италию // Труды Киевской Духовной Академии. № 5. Киев, 1870.

Антонин (Капустин), архимандрит. Еще раз о святителе Николае Мирликийском // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 4. № 12, декабрь. Киев, 1873.

Асмус В., протоиерей. Деяния Вселенских соборов. СПб., 2006.

Багрий А. В. Киевский список чуда св. Николая об утопшем детище // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 19. Кн. 2. СПб., 1914.

Баркли У. Толкование посланий к Тимофею, Титу и Филимону / Пер. с англ. Эдинбург: ВСБ, 1983.

Барсов Н. И. Метафраст, Симеон // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. СПб., 1896.

Барсов Н. И. Николай, архиепископ мирликийский // Эн-

циклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXI. СПб., 1897.

Баччи М. Иконография святителя Николая. Итоги и перспективы исследований // *Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире.* М., 2010.

Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004.

Белов С. П. Икона «Никола Великорецкий» 1558 г. из Сольвычегодска // ПКНО, 1987. М., 1988.

Белов С. П. Литературные источники житийных клейм иконы «Никола Зарайский, в житии» из Тотемского краеведческого музея // *Литература и искусство в системе культуры.* М., 1988.

Белова О. В. Николай // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь; Институт славяноведения РАН.* Т. 3. М.: Международные отношения, 2004.

Бенешевич В. Н. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // *Известия Императорской академии наук.* Сер. 6. Т. 2. СПб., 1908.

Бернацкий М. М. «Правило веры и образ кротости...»: Образ свт. Николая, архиеп. Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004.

Богданов А., Питковский А. Житие Николы в лицевом летописном своде // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей.* М., 1985.

Бодель Ж. Игра Святого Николая (*Bodel J. Jeu de Saint Nicolas*) // *Петров С. М.* Литература позднего феодализма и раннего Возрождения (хрестоматия). М., 1930.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 2. М., 1994.

Бронзов А. А. Гонения на христиан в Римской империи // *Православная богословская энциклопедия. Приложение к духовному журналу «Странник».* Т. 4. СПб., 1903.

Бугаевский А. В., Виноградов А. Ю. Николай, свт., Чудотворец // *Православная энциклопедия.* Т. 50. М., 2018.

Бугаевский А. В., Владимир (Зорин), архимандрит. Житие святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в новом изложении // «Правило веры и образ кротости...»: Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004.

Бугаевский А. В. «Обратись к византийским истокам...»: опыт агиографической реконструкции // *Евразия: духовные традиции народов.* № 4. М., 2012.

Бугаевский А. В. Правда о святителе Николае. Агиографическое расследование // *Нескучный сад.* №1(12). М., 2005.

Бугаевский А. В., Владимир (Зорин), архимандрит. Святитель Николай архиепископ Мирликийский Великий Чудотворец. Его жизнь, подвиги и чудотворения по древним греческим, латинским и славянским рукописям. М.: Скиния, 2001.

Буданова В. П. Варварский мир в эпоху Великого переселения народов. М., 2000.

Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995.

Буркхард Я. Век Константина Великого. М., 2003.

Бутова Р. Б. Почитание святителя Николая в России и Италии // Русская история. № 3. М., 2012.

Валенцова М. М., Узенева Е. С. Никола зимний // Славянские древности: Этнолингвистический словарь; Институт славяноведения РАН. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004.

Васильевский В. Г. О жизни и трудах Симеона Метафраста // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХII, декабрь. СПб., 1880.

Васильевский В. Г. Синодальный кодекс Метафраста // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССХI, июнь. СПб., 1897.

Великия Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием: Декабрь, дни 6—17 // Памятники славяно-русской письменности. Вып. 11. М., 1904.

Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Привет. СПб., 1898.

Виноградов А. Ю. Греческая житийная традиция святителя Николая. Проблемы и перспективы // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. М., 2010.

Виноградов А. Ю. Святой Николай между агиографией и археологией // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. М., 2010.

Виноградов А. Ю., Деоник Д. В. Чудо об Артемиде святителя Николая в свете археологии // «Правило веры и образ кротости...»: Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии / Сост. и общ. ред. А. В. Бугаевский. М., 2004.

Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. СПб., 1899.

Воронов Л., священник. Святитель Николай — ревнитель и защитник Православия // Журнал Московской Патриархии. № 6—7. М., 1961.

Гаврилов М. Н. Святитель Николай Мир Ликийских Чудотворец. Жизнь, труды, подвиги и чудеса, в связи со значением и смыслом его церковного почитания. Брюссель, 1955.

Гвоздецкая Н. Ю. Истоки почитания святителя Николая Мирликийского в средневековой Англии: исторический и литературный контекст // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. Вып. 6. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015.

Гвоздецкая Н. Ю. Древнеанглийское житие святителя Николая (перевод, комментарий, подготовка к публикации) // Сретен-

ский сборник. Научные труды преподавателей СДС. Вып. 7—8. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017.

Герцен А. И. Икона Николая Чудотворца // Прибавление к «Вятским губернским ведомостям» от 19 ноября 1838 г. Вятка, 1838.

Горский А. В. Некоторые памятники славянской письменности домонгольского периода // Москвитянин. Ч. 6. № 12, декабрь. М., 1845.

Григорович-Барский В. Г. Странствования по Святым местам Востока. Ч. I—II. М., 2005.

Григорюк Т. В. 337 год: кризис власти в Римской империи и «убийства принцев» // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 2012.

Губанов В. Новые чудеса святителя Николая. Великое собрание с житием, акафистом и молитвами (Великие Святые Православной Церкви). М., 2011.

Дворкин А. П. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород, 2005.

Дергачев Б. А. К вопросу о возникновении скульптурного образа Николы Можайского // Скульптура. Прикладное искусство: Реставрация и исследования: Сборник научных трудов ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря. М., 1993.

Державин А., прот. Четьи-Минеи свт. Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник // Богословские труды. Сб. 15. М., 1976.

Деяние иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мир Ликийских (пер. А. Виноградова) // Альфа и Омега. Вып. № 32. М., 2002.

Деяния Вселенских соборов. Т. 1. Казань, 1910.

Дивный чудотворец святитель Николай. Житие и всемирное почитание, помощь святителя в наши дни: акафист, канон, молитвы. М., 2011.

Дмитриевский А. А. Православное Русское Паломничество на запад. К мироточивому гробу мирликийского святителя Николая в Бари // Труды Киевской Духовной Академии. № 1. Киев, 1897.

Дмитриевский А. А. Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы святителя Николая Мирликийского в Барграде // Сост. проф. А. Дмитриевский, В. Юшманов. Пг.; М.: Барград, 1915.

Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире // Сборник статей / Сост. и общ. ред. А. В. Бугаевский. М.: Скинния, 2010.

Донини А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). М., 1989.

Евнапий. О жизни философов и софистов. Римские историки IV века. М.: РОССПЭН, 1997.

Евсевий Кесарийский. Похвала Константину. Жизнь Константина. М., 1996.

Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.

Житие великого угодника божия, святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского, взятое из Четии Миней 6 декабря и 9 мая, и из книги: Служба, житие и чудеса иже во святых отца нашего Николая. М.: А. Глазунов с братьями, 1842.

Житие Николая Чудотворца. СПб., 1878.

Жития и чудеса Святителя и чудотворца Николая. М.: Издание Археографической Комиссии, 1901.

Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 4. М., 1906.

Иаков Ворагинский. Золотая легенда (пер. с лат. И. И. Аникьева, И. В. Кувшинской). Т. 1. М.: Издательство францисканцев, 2017.

Иванов Вяч. Религия Диониса // Вопросы жизни. № 7. СПб., 1905.

Игнашина Е. В. Святитель Николай Чудотворец: Житие в иконе. М., 2009.

Иларион (Алфеев), митрополит. Апостол Павел. Биография. М.: Познание ИД; Общецерковная аспирантура и докторантура; Православная энциклопедия, 2017.

Иларион (Алфеев), митрополит. Православие. В 2 т. М., 2016.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica»). СПб.: Алетейя, 1997.

Ирвинг В. История Нью-Йорка // Литературные памятники. М.: Наука, 1968.

Калугин В. В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Карташев А. В. Вселенские соборы. Paris, 1963.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Ключевский В. О. Житие Николая Чудотворца: Литографированный текст по рукописи XVI в. в Московском публичном Румянцевском музее. Ф. 15. СПб., 1878.

Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984.

Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб.: Алетейя, 2010.

Комлева Ю. Святитель Николай Чудотворец, архиепископ Мир Ликийских в свете современных исследований // Православный вестник. № 9 (98), ноябрь—декабрь. Екатеринбург, 2010.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 3. М., 1991.

Красовский А. Установление в Русской Церкви праздника 9 мая в память перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в г. Бар // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 4. Киев, 1874.

Круглов А. В. Великий угодник Божий, Святитель Николай Чудотворец, архиепископ Мирликийский: Описание его жизни и чудес. М., 1901.

Крутова М. С. Именование памятников письменности в истории русской словесности XI—XIX веков // Автореф. дис. на соискание ученой степени докт. фил. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

Крутова М. С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.

Крутова М. С. Лицевое Житие святителя Николая Мирликийского Чудотворца. М.: Актеон, 2008.

Крутова М. С. Святитель Николай Мирликийский в русской исследовательской традиции // Богословский вестник. Вып. 3. М., 1999.

Крутова М. С. Третий тип житий святого Николая (Гипотезы и реальность) // Румянцевские чтения: тезисы докладов и сообщения научно-практической конференции (18—19 апреля 1996 г.). М.: РГБ, 1996.

Курпиченков Д., диакон. История мощей святителя Николая Мирликийского // Евразия. Духовные традиции народов. № 4. М., 2012.

Лактанций. О смертях преследователей. СПб.: Алетея, 1998.

Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006.

Лебедев Л. Почитание святителя Николая в России (К 900-летию перенесения его мощей в Бар-град) // Журнал Московской Патриархии. № 6. М., 1987.

Леских В. И. Службы на Преставление и Перенесение мощей святителя Николая Мирликийского в славянской рукописной традиции XII — начала XVII в.: текстология гимнографии. М.; СПб., 2011.

Леонид (Кавелин), архим. Житие и чудеса святителя Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древнерусской письменности // Издание Общества любителей древней письменности и искусства. СПб., 1881.

Леонид (Кавелин), архим. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца. Памятник древней русской письменности XI века // Издание Общества любителей древней письменности и искусства. СПб., 1888.

Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884.

Либаний. За Фалассия. Речи Либания (перевод С. Шестакова). Т. I. Казань, 1914.

Лидов А. М. «Русский бог». О почитании образа св. Николая в Древней Руси // Archaeologia Abrahamica. М., 2009.

Лихачев Д. С. Повести о Николе Зарайском (тексты) // ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1949.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV века. М., 2009.

Макарий (Веретенников), архимандрит. Всероссийский Митрополит Макарий — почитатель Святителя Николая Мирликийского // Московский Митрополит Макарий и его время: Сборник статей. М., 1996.

Макеева И. И. Югозападнорусские сказания о чудесах св. Николая Мирликийского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. III. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017.

Макеева И. И. «Сказание о трех воеводах» в русской письменности XII—XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48).

Макеева И. И. Рукописная и старопечатная традиции сказаний о чудесах Николая Мирликийского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011.

Макеева И. И. Цикл ранних чудес святого Николая Мирликийского в русской письменности XV—XVII веков // Святитель Николай Мирликийский в памятниках письменности и иконографии. М.: ПСТГУ, 2006.

Макеева И. И. Чудеса Николая Чудотворца о сарацине в русской письменности // ТОДРЛ. Т. LX. СПб.: Наука, 2009.

Мануковская Т. В. Образ Николая Чудотворца в духовных стихах и житии // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. XII. Воронеж: ВГУ, 2012.

Метафраст Симеон. Жизнь и деяния святого отца нашего Николы Чудотворца / Пер. С. Поляковой // Жития византийских святых. СПб.: Corvus, Terra Fantastica, 1995.

Метафраст Симеон. Жизнь и деяния святого отца нашего Николая // Византийские легенды. СПб.: Наука, 2004.

Методий, Патриарх Константинопольский. Похвала Святителю Николаю / Введение, пер. с греч. и коммент. Д. Е. Афиногенова // Scripta antique. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. VI. М., 2017.

Михайловский В. Я. Житие святого Николая Мирликийского чудотворца // Сочинения протоиерея Василия Михайловского. СПб., 1894.

Молчанов В. Воспоминания о Бар-граде. СПб., 1874.

Мороз Я. Житійні ікони св. Миколая доби пізнього середньовіччя як вияв популярного культу // Практична філософія. Київ, 2011. № 1.

Муравьев А. Н. Мирликийская церковь и гробница святителя Николая Чудотворца. М., 1850.

Муравьев А. Н. Письма с Востока. СПб., 1851.

Немировский А. И. Мифы и легенды народов мира. Т. 1. Древняя Греция. М., 2004.

Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1906.

Образ свт. Николая Чудотворца в культуре Древней Руси // Материалы научной конференции 22 мая 2000 г. СПб., 2001.

Образ святителя Николая Чудотворца в живописи, рукописной и старопечатной книге, графике, мелкой пластике, деревянной скульптуре и декоративно-прикладном искусстве XIII—XXI вв. // Каталог выставки. М., 2004.

Пак Н. В. Житийные памятники о Николае Мирликийском в русской книжности XI—XVII веков // Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб.: ИРЛИ РАН, 2000.

Пак Н. В. Проблема древнерусских редакций Метафрастова жития св. Николая Мирликийского // Образ св. Николая Чудотворца в культуре Древней Руси. Материалы научной конференции 22 мая 2000 г. СПб., 2001.

Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969.

Пантелеев А. Д. Раннее христианство и тюрьма. Библиотека Гумера: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Panteelev_prison.php (от 30.05.2019)

Перенесение мощей святого и преподобного отца Николы Чудотворца архиепископа Мирской Ликии в Бар град. Из Великих Миней Четых митрополита Макария // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб.: Наука, 2003.

Повесть о бражнике како вниде в Рай // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969.

Повесть о Николе Зараском // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Покровский С. И. Под молитвенным покровом святителя Николая. Ее имп. высочество благоверная государыня и великая княгиня Елизавета Феодоровна у черемис-язычников 8, 9, 10 и 11 июля в Николо-Березовке Уфим. епархии. М., 1912.

Попов И. В. Диоклетиан Римский император // Православная богословская энциклопедия. Приложение к духовному журналу «Странник». Т. 4. СПб., 1904.

Попова Т. В. Симеон Метафраст // Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М.: Наука, 1969.

Попанов П. О. К литературной истории рукописных сказаний о святом Николае Чудотворце // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отделение гуманитарно-общественных наук. Т. 2. Одесса, 1922.

Почитание Святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007.

«Правило веры и образ кротости...»: Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии / Сост. и общ. ред. А. В. Бугаевский. М., 2004.

Православная Богословская энциклопедия (Богословский энциклопедический словарь) // Приложение к духовному журналу «Странник». Т. 1—12. СПб., 1900—1911.

Преподобный Симеон Метафраст. Книга, называемая Раем. Переведена с эллинского на общедоступное наречие Агапием, иноком Критским / Пер. А. Чурякова. М., 2006.

Протасов Н. Д. Изображение св. Николая Мирликийского в пещерах храма Апулии // Светильник. № 2. СПб., 1915.

Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца: Алатырь — камень русской веры. Paris: YMCA-Press, 1931.

Ремизов А. М. Примечания // *Ремизов А. М.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 2000—2003. Т. 6.

Рогожникова Т. П. Жития «Макариевского цикла»: жанр — стиль — язык. СПб., 2003.

Рыбаков А. А. Отражение культа Святителя Николая Чудотворца в иконографии Востока и Запада // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001.

Рыжова Н. А. Цикл произведений А. М. Ремизова о святом Николае Угоднике («Николины притчи», «Три серпа»): вопросы истории текста. Петрозаводск, 2005.

Сарбаш Л. Н. Русские писатели XIX века о религиозно-христианских верованиях поволжских народов: Николай Чудотворец как «Русский Бог» // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. Чебоксары, 2012.

Свт. Димитрий, митр. Ростовский. Жития Святых. Декабрь. Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни. Можайск, 1992. (репринт 1906 г.).

Святая Олимпиада и другие диакониссы древней Церкви. М., 2010.

Святитель Афанасий Великий. Творения: В 4 т. Т. 3. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994.

Святитель Николай Мирликийский в памятниках письменности и иконографии. М.: ПСТГУ, 2006.

Святитель Николай Чудотворец / Сост. Е. А. Князев и др. Серия «Религии мира». М.: Олма Медиа Групп, 2013.

Святитель Николай Чудотворец. Житие, перенесение мощей, чудеса, слава в России // Библиотека Сретенской духовной семинарии. М., 2011.

Святого Андрея Критского Похвальное слово святителю и Чудотворцу Николаю // Христианское чтение. Ч. 4. СПб., 1834.

Святой Николай Мирликийский в произведениях XII—XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006.

Святой Николай Чудотворец. Современные чудеса. СПб.; М., 2003.

Сеньчукова М., Плюснин А. Святитель Николай чудотворец: Житие, перенесение мощей, чудеса, слава в России. М.: Благовест, 2011.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. М., 1875.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. М., 1876.

Серебрякова Е. И. Книжные миниатюры «Принесение Великорецкого образа св. Николая в Москву» // Доклад на Международной научной конференции «Святитель Николай Мирликийский в византийской, славянской и русской литературе и иконографии». М., 2003.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. Л.: Наука, 1988.

Смирнов Е. И. История христианской церкви. СПб., 1872.

Соколовский Ев. Открытие и возобновление древней базилики св. Николая в Мире Ликийской // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Т. 34. Кн. 4. Отд. III (история и археология архитектуры). СПб., 1861.

Сперанский М. Н. Славянская Метафрастовская минея-четь // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. IX. Кн. 4. СПб., 1904.

Старшов Е. В. Православные святые юга Турции. М., 2010.

Страхов А. Б. На святого Николу... // Palaeoslavica. Cambridge, 1994. № 2.

Талалай М. Мироточивые Мощи Св. Николая Чудотворца и другие Святые барийской Базилики. Bari, 2014.

Талалай М., Кучумов Вл. Православная Русская Церковь в Бари // Nicolaus Studi Storici. 2001. Bari, 2001. № 1.

Тахо-Годи А. А. Артемида // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

Тахо-Годи А. А. Артемида // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001.

Творения Тертуллиана, христианского писателя. 2-е изд. СПб., 1849.

Творогов О. В. Житие Николая Мирликийского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987.

Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI — XV веков: каталог. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008.

Толстой М. В. Жизнь и чудеса святого Николая Мирликийского Чудотворца. СПб., 1840.

Толстой М. В. Жизнь и чудеса Святого Николая Чудотворца. М., 2005.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Успенский Н. Д. Две недели в Риме // Журнал Московской Патриархии. № 8. М., 1978.

Устиа О. А. Древнейшие русские сказания о чудесах Николая Мирликийского (конец XI — начало XII века). СПб., 2006.

Фаддей (Шавернев), игумен. Авлавий епарх — кто он? (Источник: <http://tatarincevo.ortox.ru/2015/03/02/avlavij-eparx-kto-on/> на 30.05.2019)

- Хеземанн М. Истоки почитания Николая чудотворца на Западе // Евразия. Духовные традиции народов. М., 2012. № 4.
- Хожение игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. СПб., 2007.
- Храпов А. В. Гонения на христиан в Римской империи // Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2006.
- Цыпин В., протоиерей. История Европы: дохристианской и христианской. Т. 5—6. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.
- Черкасова С. Русская гимнография св. Николаю: проблемы ее изучения // «Правило веры и образ кротости...»: Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004.
- Черкасова С. Русские службы Рождеству святителя Николая // Альфа и Омега. № 1(51). М., 2008.
- Черкасова (Павлова) С. А. Отечественная гимнография святителю Николаю: новые материалы // Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных. № 2(17). М., 2016.
- Чернова С. О. Описание языка «Слова о перенесении мощей св. Николая Мирликийского в Барград» как варьирующейся динамической системы // Язык памятников церковнославянской письменности. Новосибирск, 1995.
- Чоффари Дж. О судьбе мощей св. Николая / Пер. с итал. И. Бердниковой // Реставратор. Институт искусства реставрации. № 2. М., 2000.
- Чоффари Дж. Иконография Свт. Николая в византийском наследии Апулии XI—XV веков // Реставратор. Институт искусства реставрации. № 1(8). М., 2004.
- Чоффари Дж. Перенесение мощей Свт. Николая в латинских источниках XI в. и в русских рукописях // «Правило веры и образ кротости...» М.: ПСТБИ, 2004.
- Чоффари Дж. Латинские источники до X века о Святом Николае // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скиния, 2010.
- Чоффари Дж., священник. Иоанн Архидиакон: «Historia Translationis Sancti Nicolai» в средневековой Европе // Евразия. Духовные традиции народов. № 4. М., 2012.
- Чоффари Дж. Собор во имя Свт. Николая в Бари. Краткий историко-художественный путеводитель / Ред. М. Талалай. Бари, 2013.
- Чоффари Дж. Свт. Николай Чудотворец. Житие, чудеса, легенды / Пер., доп. М. Талалай. Бари: Базилика Святого Николая, 2018.
- Чудеса Николы Мирликийского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб.: Наука, 1999.
- Шарихина М. Г. Синтаксические особенности славяно-русской переводной агиографии XIV—XV вв.: стилистический аспект (на материале русских списков Жития Николая Мирликийского) / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб., 2016.

Шереметев Б. П. Журнал путешествия на остров Мальту Боярина Бориса Петровича Шереметева в 1697—1699 годах // Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. СПб., 1871.

Шестак С. Символ веры. История догматов Христианской церкви. Ч. 1—3. М.: Издательские решения, 2016.

Шляпкин И. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам (с факсимиле рукописи XIII—XIV веков) // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 10 (19). СПб., 1881.

Юшманов В. Д. Закладка русского храма во имя Святителя Николая Чудотворца в городе Бари. СПб., 1913.

Ястребов А., священник. Святыни Венеции. Православный историко-художественный путеводитель по базилике святого Марка и церквям города. Падуя, 2013.

Anrich G. Hagios Nikolaos. Der Heilige Nikolaos in der Griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen. Bd. I—II. Leipzig-Berlin, 1913—1917.

Bagnall R. S., Cameron A., Swartz S. R., Worp K. A. Consuls of the Later Roman Empire // Philological Monographs of the American Philological Association. Т. 36. Atlanta: Scholars Press, 1987.

Bailey C. ΑΦΕΣΙΜΟΣ: A new reading in the Opramoas Dossier from Rhodiapolis // Phoenix. Vol. 67. № 1—2. Toronto, 2013.

Barclay W. The New Daily Study Bible. Edinburgh: Saint Andrew Press, 1952—1958.

Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.

Barnes T. D. Praetorian Prefects, 337—361 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 94. Bonn, 1992.

Bayburtluoğlu C. 2004: Lycia (Trans. by Y. E. Georgescu). Istanbul, 2004.

Bean G. E. Report on a Journey in Lycia 1960 // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. 99. № 2. 1962.

Bean G. E. Sura Turkey // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. Princeton, 1976.

Bean G. E. Lycian Turkey. An archaeological Guide. London — New York, 1978.

Beatillo A. Historia della vita, miracoli, traslatione e gloria dell'illustrissimo confessore di Christo S. Nicolo arcivescouo di Mira, e patrono della città di Bari. Composta dal M.R.P. Antonio Beatillo barese theologo della Compagnia di Gesu. Napoli, 1620.

Bennett J. Christianity in Lycia: From its beginnings to the «Triumph of Orthodoxy» // Adalya. Vol. 18. Antalya, 2015.

Bennett W. J. The True Saint Nicholas: Why He Matters to Christians. Howard Books, 2009.

- Bibliotheca Hagiographica Graeca. V. 2. Ioannes Calybita — Zoticus. Bruxelles: Société des bollandistes, 1957.
- Birch W. de Gray.* The legendary Life of St. Nicholas // British archaeological Association. London, 1886. Reprint: Bari, 2004.
- Book of Martyrs. New York: Catholic Book Publishing Corp., 1948.
- Borchhardt J.* Sura: Fischerakelstätte des Apollon // Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975.
- Borchhardt J.* Grabarchitektur der Nekropolen von Myra // Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975.
- Brandt H., Kolb F.* Lycia et Pamphylia. Eine römische Provinz im Südwesten Kleinasiens. Mainz am Rhein, 2005.
- Burgess R. W.* The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers*, 2008.
- Carus L.* The Real St. Nicholas: Tales of Generosity and Hope from around the World. Quest Books, 2002.
- Capos C.* The Search For Saint Nicholas // *The Michigan alumnus News*. V. 99, November—December. Michigan, 1992.
- Çevik N.* Myra ve Andriake İlk Yıl. First Season of Excavations at Myra and Andriake, 2009 // ANMED, 2010.
- Chaniotis A., Stavrianopoulou E.* Epigraphic Bulletin for Greek Religion 1993—1994 // *Kernos*. № 10. Liège, 1997.
- Cioffari G.* San Nicola nella critica storica. Bari, 1987.
- Cioffari G.* Saint Nicholas. His Life, Miracles and Legends (translated by Victoria Sportelli). Bari, 2008.
- Cioffari G.* Saint Nicholas. His Life, the Translation of his Relics and his Basilica in Bari (translated by Philip L. Barnes). Bari, Centro Studi Nicolaiani, 1994.
- Cioffari G.* The Basilica of Saint Nicholas. A short historical artistic Guide (translated by Rosalind Lee). Bari, 2009.
- Cioffari G.* The Truth about St Nicholas. The most ancient texts in the light of recent historical criticism // *Bollettino San Nicola in English*. November—December, 1997. Bari, 1997.
- Cioffari G.* La Leggenda di Kiev. Slovo o perenesenii moscej Sv. Nikolaia. Bari, 1980.
- Cioffari G.* S. Nicola. Leggende e cronache russe, riccamente illustrato. Bari, 1986.
- Cioffari G.* I sigilli dell'archivio di S. Nicola. Bari, 1987.
- Cioffari G.* La cripta di S. Nicola. Bari, 1989.
- Clare E. C.* St. Nicholas. His legends and iconography. Firenze, 1985.
- Corner F.* Niccolo del Lido Regolare (Chiesa di S. Niccolo del Lido) // *Notizie storiche delle chiese e monasteri di Venezia e di Torcello, tratte dalle Chiese Venete e Torcellane*. Padova, 1758.
- Corsi P.* La traslazione di San Nicola: le fonti. Bari, 1988.
- Coulton J. J.* Opramoas and the Anonymous Benefactor // *The Journal of Hellenic Studies*. Vol. 107. Oxford, 1987.

- Crawford M. S.* The Life of St. Nicholas by M. Wace // Diss. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1924.
- Crozier E.* The Life and Legends of St. Nicholas, the Patron Saint of Children. Paris, 1949.
- Curran J. R.* Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century. Oxford: Clarendon press, 2000.
- Davies P. S.* The Origin and Purpose of the Persecution of AD 303 // Journal of Theological Studies. Volume 40. Issue 1. Oxford, 1989.
- Die Vita Nicolai Sionitae (griechischer text, übersetzt und kommentiert; German tr., H. Blum). Bonn, 1997.
- Di Maio M., Arnold D.* Per Vim, Per Caedem, Per Bellum: A Study of Murders and Ecclesiastical Politics in the Year 337 A.D // Byzantion. T. 62. Bruxelles, 1992.
- Demirci K.* St. Nicholas of Patara, the Bishop of Myra (Demre) // From Lukka to Lycia. The Land of Sarpedon and St. Nicholas. Istanbul, 2016.
- Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. Vol. 1—16. Stuttgart, 1996—2003.
- Ebon M.* Saint Nicholas: Life and Legend, Harper and Row. New York, 1975.
- Edgren H., Juhani U. E.* Nikolaus. Kansallisbiografia-verkkokjulkaisu. Studia Biographica 4. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997.
- Efthymiadis S., Déroche V., Binggeli A., Ainalis Z.* Greek Hagiography in Late Antiquity (Fourth—Seventh Centuries) // The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. I. Periods and places. Ashgate, Farnham, 2011.
- Eunapius.* Lives of the Philosophers and Sophists (translated by Wilmer Cave Wright). Harvard University Press, 1921.
- Eyice S.* The Church of St. Nicholas at Demre // Türkiyemiz magazine. Vol. 21. № 64. Haziran, 1991.
- Falconius N. C.* Sancti Nicolai confessoris pontificis et celeberrimi thaumaturgi Nicolai Acta Primigenia. Neapoli, 1751.
- Feld O.* Die Kirchen von Myra und Umgebung // Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975.
- Ferguson G.* St. Nicholas of Myra or Bari // Signs and Symbols in Christian Art. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Findik E. F.* Excavations at the Church of St. Nicholas in Myra-Demre and the Conservation-Restoration and Documentation of the Wall Paintings in 2006 // Anmed. News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas. № 5. Antalya, 2007.
- Findik E. F.* «Late Roman—Early Byzantine Pottery From The Excavations of St. Nicholas Church in Myra» // Proceedings of the International Symposium «Trade and Production Through The Ages». Konya, 2010.
- Fleischer R.* Artemis von Ephesos und verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden, 1973.

Foss C. Cities and Villages of Lycia in the Life of Saint Nicholas of Holy Sion. GOTR, 1991.

France A. The Miracle of the Great St. Nicolas. Dodo Press, 2009.

Gelzer H., Hilgenfeld H., Cuntz O. Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1898.

From Lukka to Lycia. The Land of Sarpedon and St. Nicholas. The fifth book of Anatolian Civilizations Series. Istanbul, 2016.

Giraud J. J. Nicola (S.) // Biblioteca sacra ovvero Dizionario universale delle scienze ecclesiastiche... per la prima volta ... tradotta ed ampliata da una società di ecclesiastici. T. 14. Milano: Ranieri Fanfani, 1836.

Grant A. C. Byzantium's Ashes and the Bones of St Nicholas: Two Translations as Turning Points, 1087—1100 // Trends and Turning-Points: Constructing the Late Antique and Byzantine World. Leiden, 2019.

Gregory T. Myra. Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991.

Groot A. D. de. Saint Nicholas: A psychoanalytic study of his history and myth. Paris, 1965.

Grossmann P., Severin H.-G. Frühchristliche und byzantinische Bauten im südöstlichen Lykien. Ergebnisse zweier Surveys // Istanbulischer Forschungen. Bd. 46. Tübingen, 2003.

Harnack A. von. Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. II Band. Leipzig, 1911.

Harrison R. M. Churches and Chapels of Central Lycia // Anatolian Studies. Vol. 13. British Institute at Ankara, 1963.

Heberdey R. Opramoas. Inschriften von heroon zu Rhodiapolis // Im Auftrage der Kleinasiatischen Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften neu bearbeitet von Rudolf Heberdey. Wien: A. Heolder, 1897. Reprint — New Delhi: Pranava Books, 2018.

Heberdey R. Vorläufige Berichte über die Ausgrabungen in Ephesus. Wien, 1898.

Heberdey R., Kalinka E. Bericht über zwei Reisen im südwestlichen Kleinasien, ausgeführt im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. Bd. 45. Wien, 1897.

Hellenkemper H., Hild F. Lykien and Pamphilien // Tabula Imperii Byzantini. Bd. 8. Wien, 2004.

Hogel C. Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization. Copenhagen, 2002.

Honigmann E. La liste originale des Peres de Nicee: A propos de l'Evêche de «Sodoma» en Arabie // Byzantion. Vol. 14. № 1. Leuven: Peeters Publishers, 1939.

Hotz W. St. Nikolaus von Myra. Darmstadt, 1974.

Hue D. Le Jeu de saint Nicolas: questions d'argent // Le Moyen Age. № 2. T. CXVIII. Liege, 2012.

Иванова К. Агиографските произведения на Симеон Мета-

- фраст в състава на южнославянските календарни сборници // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004.
- Isik F.* Der hl. Nikolaos von Patara und sein Grab in Myra. 1993.
- Jacobus De Voragine.* The Golden Legend (translated by G. Ryan and TT Ripberger). London, 1941.
- Jennifer L.* Ancient Greek Cults: A Guide. New York, 2007.
- Jones A. H. M.* Fl. Ablabius 4 // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge University Press, 1971.
- Jones A. H. M.* Fl. Ablabius 3 // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge University Press, 1971.
- Jones A. H. M.* Olimpias 1 // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge University Press, 1971.
- Jones A. H. M.* Fl. Selevcus 1 // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge University Press, 1971.
- Jones A. H. M.* Fl. Ursus // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge University Press, 1971.
- Jones A. H. M.* Virius Nepotianus 7 // Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge University Press, 1971.
- Jones Ch. W.* Knickerbocker Santa Claus // The New-York Historical Society Quarterly. October, 1954. Vol. 38. № 4. New York, 1954.
- Jones Ch. W.* The Saint Nicholas Liturgy and its Literary Relationships // Journal of the British Institute at Ankara. Vol. 13. December. Ankara, 1963.
- Jones Ch. W.* St. Nicholas of Myra, Bari and Manhattan: Biography of a Legend. Chicago: Chicago University Press, 1988.
- Jones E. W.* The Santa Claus Book. New York, 1976.
- Kazhdan A.* Symeon Metaphrastes // Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Kazhdan A., Sevchenko N.* Nicholas of Myra, legendary saint // Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Кенанов Д.* Метафрастика. Симеон Метафрасти и православната славянска агиография. В. Търново, 1997.
- Кенанов Д.* Старобългарският превод на Метафрастовото житие за св. Николай Мирликийски // Д. Кенанов. Българистични протори. Пловдив; Велико Търново, 2007.
- Kirsten E.* Artemis von Ephesos und Eleuthera von Myra mit Seitblick auf St. Nicolaus und auf Commagene // Studien Zur Religion Und Kultur Kleinasiens. Volume: 66/2. Leiden: Brill Verlag, 1978.
- Kokkinia C.* Die Opramoas-Inschrift von Rhodiapolis // Euergetismus und Sociale Elite in Lykien. Bonn, 2000.
- Kokkinia C.* Opramoas // The Encyclopedia of Ancient History. Vol. 9. Chichester, 2013.
- Krause J.-U.* Gefaengnisse im Roemischen Reich. Stuttgart, 1996.
- Krausmüller D.* Showing One's True Colours: Patriarch Methodios on the Morally Improving Effect of Sacred Images // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 40. Cambridge University Press, 2016.

- Lanzi G.* Saints and their symbols: recognizing saints in art and in popular images. Liturgical Press, 2004.
- Lucien-Brun X.* Constance II et le massacre des princes // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. T. 32. № 4, Desembre. Paris, 1973.
- Marot P.* Le culte de Saint Nicolas en Lorraine. (Arts et traditions populaires). Nancy, 1957.
- Martino L.* Ricognizione anatomico a studio antropometrico delle reliquie ossee di San Nicola di Bari // Bollettino di San Nicola, numero speciale, Aprile-Dicembre. Bari, 1957.
- Martino L.* Le reliquie di S. Nicola: Studio anatomo-antropologico dei resti scheletrici rinvenuti nella sua tomba in Bari (alla ricognizione canonica del 5 maggio 1953). Bari, 1987.
- Meisen K.* Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande: eine kulturgeographisch-volkskundliche Untersuchung // Forschungen zur Volkskunde. Heft 9—12. Dusseldorf: Schwann, 1931.
- Melchert H. C.* A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York, 2004.
- Mensing R.* Nikolaus von Myra. Strasbourg, 1998.
- Morfini D.* Bari — Bitonto. Dalle origini al sec. XI. Dalla conquista normanna al concilio di Trento // Storia delle Chiese di Puglia. Bari, 2008.
- Mühlbauer L.* Lykische Grabarchitektur. Vom Holz zum Stein? Bd. 1—3. Die Doktor-Ingenieurs genehmigten Dissertation. München, 2001.
- Myra.* Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975.
- Neumann G.* Glossar des Lykischen (Überarbeitet und zum Druck gebracht von J. Tischler) // Dresdner Beiträge zur Hethitologie. 21. Wiesbaden, 2007.
- Niero A. Don.* «I santi patroni» in «Il culto dei Santi a Venezia». Venezia: Studium Cattolico Veneziano, 1968.
- Niewöhner Ph.* Neues zum Grab des hl. Nikolaus von Myra // Jahrbuch für Antike und Christentum. 46, 2003.
- Ott, Michael.* St. Nicholas of Myra // The Catholic Encyclopedia. Vol. 11. New York: Robert Appleton Company, 1911.
- Ötiken, S. Y.* Ergebnisse der Grabungen in der Kirche des hl. Nikolaos in Myra // Fremde Zeiten. Festschrift für Jürgen Borchardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996, 1. Wien, 1996.
- Ozdemir B.* Different Iconographies of Artemis in Lycia in the Light of a Group of Relief Altars from Fethiye Museum // Cedrus. Vol. VI. Antalya, 2018.
- Paludet. L. G.* Ricognizione delle Reliquie di S. Nicolo. Vicenza, 1994.
- Patara — Lykiens Tor zur römischen Welt.* München: Philipp von Zabern, 2016.
- Patrick R. Vincent.* The Jeu de Saint Nicolas of Jean Bodel of Arras. A Literary Analysis. Baltimore, 1954.
- Peschlow U.* Die Kirche von Tersane auf Kekova adası. Über-

legungen zum lykischen Kirchenbau // Essays in honour of Cevdet Bayburtluoğlu. Istanbul, 2001.

Peschlow U. Die Architektur der Nikolaoskirche in Myra // Myra. Eine lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975.

Peschlow U. Die Kirche des hl. Nikolaos in Myra. 1975.

Petersen Eu. Myra — Andriake — Sura // Reisen in Lykien, Milyas und Kibyris / Hrsg. Eu. Petersen, F. von Luschan // Reisen im südwestlichen Kleinasien. Bd. II. Wien, 1889.

Putignani N. Istoria della vita, dei miracoli e della traslazione del gran taumaturgo S. Niccola arcivescovo di Mira, padrone e protettore della città, e della provincia di Bari. Napoli, 1781.

Pyhä Nikolaos Ihmeidentekijä. Kolmas painos. Joensuu: Ortodoksisen kirjallisuuden julkaisuneuvosto, 1979.

Ritter C. Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie. Teil 19: Klein-Asien. Bd. II. Berlin, 1859.

Ronsjo E. La Vie de Saint Nicolas par Wace. Poème religieux du XIIe siècle. Copenhagen, 1942.

Rosenthal J. M. Icon of Gentleness: St Nicholas. Bloomington, Indiana: Author House, 2017.

Rothery G. C. The Amazons. London, 1910.

Rott H. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kapadokien und Lykien / Studien über Christliche Denkmäler / Hrgb. von J. Ficker. Heft 5—6. Leipzig, 1908.

Salaville S. Myra // The Catholic Encyclopedia. Vol. 10. New York, 1911.

San Nicola. Splendori d'arte d'Oriente e d'Occidente (a cura di Michele Bacci) // Catalogue d'une exposition présentée au Castello Svevo, Bari, Italie, du 7 décembre 2006 au 6 mai 2007. Milano, 2006.

Santa Reliquia di San Nicola di Myra. Donno della Diocesi di Rimini alla Chiesa Ortodossa Greca di Dimitriadi : Rimini, 26 gennaio 2003. Rimini, 2007.

Saux Le F. H. M. A Companion to Wace. Woodbridge, Suffolk, 2005.

Saux Le F. Wace as hagiographer // Maistre Wace — a celebration. Jersiasse, St. Helier, 2006.

Schettini F. La basilica di San Nicola di Bari. Bari, 1967.

Schwartz E. Über die Bischofslisten der Synoden von Chalkedon, Nicaea und Konstantinopel // Abhandlungen (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse). Heft 13. München, 1937.

Scognamiglio P. La Manna di S. Nicola. Bari, 1925.

Seal J. Nicholas: The Epic Journey from Saint to Santa Claus. Bloomsbury, New York & London, 2005.

Service, Akathist, Life and Miracles of Saint Nicholas the Wonderworker. Holy Trinity Monastery. Printshop of St. Job of Pochaev. Jordanville, New York, 1996.

- Sevcenko N. P.* The life of Saint Nicholas in Byzantine art. Torino, 1983.
- Sharpe D.* On certain Lycian Inscriptions copied by the Rev. E. T. Daniell, Edward Forbes, Esq. and Lieut. Spratt R. N. // Proceedings of Philological Society. Vol. I. № 18. London, 1844.
- Spyridon Rangos.* Cults of Artemis in Ancient Greece. Cambridge, 1995.
- Studien Zur Religion Und Kultur Kleinasiens (2 Vols.). Leiden: Brill Verlag, 1978.
- Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Bruxellie, 1902.
- The Church of St. Nicholas in Myra and Environs. Antalya Museum Publication, IV. Antalya, 2006.
- The Life of St. Nicholas of Sion (ed. and English tr., N. Patterson-Sevcenko, I. Sevcenko) // The Archbishop Iakovos library of ecclesiastical and historical sources. № 10. Brookline, Massachusetts: Hellenic College Press, 1984.
- The Old English Life of St. Nicholas with the Old English Life of St. Giles // Ed. by E. M. Treharne. Leeds: University of Leeds, 1997.
- The Santa Map: A Cultural Geography of the World's Most Beloved Man. Minneapolis, Minnesota, 2001.
- The Translation of Saint Nicholas: An anonymous Greek account of the transfer of the Body of Saint Nicholas from Myra to Lycia to Bari in Italy (translated by J. McGinley and H. Mursurillo) // Bollettino di San Nicola. № 10. October, 1980. Bari, 1980.
- Trombley F. R.* The Survival of Paganism In the Byzantine Empire during the Pre-Iconoclastic Period (540—727). Los Angeles: University of California, 1981.
- Trombley F. R.* Paganism in the Greek World at the End of Antiquity: The Case of Rural Anatolia and Greece // Harvard Theological Review. № 78. № 3/4 (Jul. — Oct., 1985). Cambridge University Press on behalf of the Harvard Divinity School, 1985.
- Vaccarini G. M.* Il braccio di S. Nicola di Myra a Rimini // «Romagna arte e storia». Rivista quadrimestrale. № 77. Rimini, 2006.
- Vaccarini G. M.* L'Omero di San Nicola a Rimini. Tradizione, mito e leggenda // San Nicola e la Reliquia di Rimini. Storia, arte e spiritualità. Istituto superiore di Scienze Religiose «Alberto Marvelli». Rimini, 2006.
- Van der Linder R.* Ikonographie van Sint Niklaas in Vlaanderen. Gent, 1972.
- Villegas S. A. de.* La Vida de Sant Nicolas // Flos sanctorum nueuo, y hystoria general de la vida, y hechos de Iesu Christo, Dios, y Senior nuestro. Vinecia, 1588.
- Wace.* The hagiographical works. The «Conception Nostre Dame» and the Lives of St Margaret and St Nicholas (Translated with an introduction and notes by Jean Blacker, Glyn S. Burgess and Amy V. Ogden) // Studies in Medieval and Reformation Traditions, 169. Texts and Sources, 3. Leiden—Boston: Brill, 2013.

Waltzing J. P. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident. T. II. Louvain, 1896.

Whitmore E. R. Saint Nicholas, Bishop of Myra (Saint Nicholas of Bari). The Genesis of Santa Claus. Washington, DC, 1944.

Widmann J. Das Brucker St. Nikolaus-Spiel: ein Beitrag zur Literatur des Volksschauspieles in Salzburg. Salzburg: Staats-Gymnasiums, 1891.

Wilkinson C., Rynn C. Craniofacial identification. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Wilkinson C. M., Roughley M. A. Facial Depiction of Saint Nicholas. Liverpool, 2014.

Worrle M. Artemis und Eleuthera in Limyra // Steine und Wege. Festschrift für Dieter Knibbe zum 65. Geburtstag. Wien, 1999.

Worrle M. Zum Wiederaufbau von Myra mit Hilfe des Lykiarchen Opramoas nach dem Erdbeben von 141 n. Chr. // Myra. Eine lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit. Berlin, 1975.

Wurster W. W. Dynast ohne Palast — Überlegungen zum Wohnbereich lykischer Feudalherren // Akten des II. Internationalen Lykien—Symposions. Wien, 6—12 Mai, 1990. Bd. II. Wien, 1993.

Yoshimatsu M. Text and Image in the Hagiographical Cycle of Saint Nicholas: Sea Stories // Otemae Journal of Humanities. Vol. 2. Tokyo, 2001.

Young K. The Miracle Plays of Saint Nicholas // The Drama of the Medieval Church. Vol. II. Chapter XXVI. Oxford, 1933.

Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen // Beiträge zur Namensforschung N. F. Beiheft 21. Heidelberg, 1984.

Zingerle I. V. St. Nicolaus // Zeitschrift für Volkskunde. Bd. II. Leipzig, 1890.

Zosimus. New History. Book 2. London: Green and Chaplin, 1814.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора. Хождение в Житие</i>	5
Два Николая — два разных святых	6
Сколько имен у святителя	8
Глава 1. Детство в Патаре.	16
Споры о датах рождения	17
Юноша в Римской империи	28
Великие современники подвижника	47
Глава 2. Христианин в III—IV веках	63
Путь к духовной зрелости	65
Пресвитер и паства	73
Времена императора Диоклетиана	85
Козни Максимиана и злоба Галерия	104
Глава 3. Епископ Мир Ликийских	118
Затишье в гонениях на христиан	118
Путешествие на Святую Землю	130
Наречение во епископа и рукоположение	138
Ответственность архиерейского сана	154
Годы испытаний в темнице	163
Борьба с культом Артемиды Элевтеры	177
Спасение града от голода	217
Глава 4. Чудесные деяния	242
Подаяние девам. Деньги и святость	243
Стратилаты и загадочный Аблабий	253
Спасение от казни	295
Воскрешение трех отроков	306
Освобождение от подати	315
Покровитель мореплавателей	324
Глава 5. За чистоту веры. Кончина.	337
Спор на Вселенском соборе	337
Пощечина противнику Арию	347
Завершение земного пути	359
Глава 6. Житийная традиция	375
Главные жизнеописания «доброго кормчего»	376
Факты и мифы: сколько было святителей?	381
Жития и жизнеописания в России	392
Глава 7. Мощи святителя на карте мира	403
Саркофаг в Демре	405
Перенесение в Бари	414
Венеция, остров Лидо	433
	597

Римини: предположения и реальность	442
Миро из Миры	455
Паломники и Барградский комитет	463
Наука и святость	477
Где еще поклониться реликвиям	493
Глава 8. Почитание Николая Угодника	510
Европейские последователи	511
Санта Клаус и Дед Мороз	519
«Русский Бог», иконография и народная любовь	526
<i>Послесловие</i>	<i>545</i>
<i>Приложения</i>	<i>548</i>
Святитель Дмитрий Ростовский. Из Жития святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского.	
Чудеса святителя Николая, бывшие по кончине его	548
Чудеса святого архиерея Христова Николы.	559
Молитва Николаю Угоднику	572
Дни памяти святителя Николая Чудотворца	573
Основные даты жизни и деятельности святителя Николая Мирликийского (по ныне известным данным)	574
Краткая библиография	577

Ковалев-Случевский К. П.
К 56 Николай Чудотворец. Санта Клаус и Русский Бог: Хожение в Житие / Константин Ковалев-Случевский. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 598[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1812).

ISBN 978-5-235-04342-8

Одним из самых известных в мире святых является Николай Чудотворец, епископ Мир Ликийских. Он считается покровителем моряков и бездомных, тюремных узников и детей. В чудеса его верят жители почти всей планеты. На Руси его называли «Русский Бог», знали, что молитва ему спасает от бед. Когда-то его мощи лежали в городе Миры (ныне Турция), а в XI веке были перевезены в итальянский город Бари, куда ныне устремляются миллионы паломников, чтобы поклониться святителю и взять с собой частицу благоухающего чудесного мира. Все дети мира зовут его Санта Клаус, он приносит подарки на Новый год. Книга известного писателя, историка Константина Ковалева-Случевского — собрание уникальных сведений о святителе Николае, его духовном подвижничестве. Полное жизнеописание привлекает живым литературным языком и научно-историческим содержанием. Издание предназначено для всех, кто интересуется подлинной историей мировой цивилизации, жизнью и подвигами великого святого.

УДК 27-36

ББК 86.372-574

знак информационной
продукции **16+**

Ковалев-Случевский Константин Петрович

**НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ.
САНТА КЛАУС И РУССКИЙ БОГ:
ХОЖЕНИЕ В ЖИТИЕ**

Редактор **А. А. Юрьев**

Художественный редактор **К. В. Забусик**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректоры **Т. И. Малюренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 08.07.2019. Подписано в печать 10.09.2019. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 31,92+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1912430.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsej@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04342-8

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

И. Я. Рабинер, В. И. Галедин
ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ

Федора Черенкова по праву называли «народным футболистом». Его любили все — и не только болельщики «Спартака» — клуба, которому он отдал всю жизнь и за который провел рекордное количество матчей, но и армейцы, динамовцы, болельщики из других городов и республик единого тогда Советского Союза. И когда в 2014 году его не стало — в возрасте всего-то пятидесяти пяти лет! — на прощание с ним в манеж «Спартака» в Сокольниках пришло более 15 тысяч человек. Столько людей за всю историю отечественного футбола хоронило только двоих: его и Эдуарда Стрельцова. Их двоих, самых любимых, народ и называл ласково, по именам: Эдик и Федя. И не нужно было объяснять, о ком идет речь. О счастливой и одновременно трагической судьбе этого чистого и светлого человека, уникального «художника игры», рассказывается в книге Игоря Рабинера и Владимира Галедина. Авторы (один из которых был знаком с Черенковым четверть века) провели многочасовые беседы с людьми, лучше других знавшими выдающегося футболиста, — его ближайшим другом и многолетним партнером по «Спартаку», его одноклубниками, обеими женами, дочерью, многими другими. Помножим все это на тщательнейшее исследование прессы за каждый год, проведенный Черенковым в футболе и после него, — и получим книгу, рисующую его многогранный портрет на основе огромного количества новых для читателей фактов и расставляющую точки над «i» в многочисленных мифах вокруг его легендарного имени.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. И. Новицкий ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

Эльдар Рязанов известен в нашей стране прежде всего как выдающийся комедиограф, создатель ряда немеркнущих советских киношедевров лирическо-юмористического жанра. Однако палитра его дарования куда более широка: он снял и несколько абсолютно серьезных драматических фильмов, и ряд занимательных телепередач, издал множество книг, писал сценарии, повести, стихи... Изначально документалист, потом режиссер игрового кино, экранный и театральный драматург, прозаик, поэт, телеведущий, просветитель, общественный деятель, Рязанов был личностью решительно ренессансного типа. Автор, писатель и историк кино (известный читателям по жизнеописанию Леонида Гайдая) в своем повествовании создает образ незаурядного, страстного, блистательного человека и режиссера, прожившего долгую плодотворную жизнь и оставившего огромное творческое наследие, осваивать которое — одно удовольствие.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. В. Глаголева
РОКФЕЛЛЕРЫ

Почти двухвековая история семьи Рокфеллер, давшей миру промышленников, банкиров, политиков, меценатов и филантропов, первого миллиардера и одного из американских вице-президентов, тесно переплетается с историей США от Гражданской войны до наших дней. Их называли кровососами, а созданную ими крупнейшую в мире нефтяную компанию — спрутом, душившим Америку; считали кукловодами, управляющими правительством, — и восхищались их умением поставить на промышленную основу все, даже благотворительность. Рокфеллеры коллекционировали предметы искусства, строили особняки — и вкладывали деньги в образование и здравоохранение. Благодаря им существуют Рокфеллеровский университет, Музей современного искусства и Линкольн-центр. На их деньги осуществлялись самые разные проекты в Китае, Греции, Мексике, Франции, Израиле; с ними имели дело лидеры СССР и России от Хрущева до Ельцина. Что из этого правда, а что домыслы? Ответ дает книга Екатерины Глаголевой о всемирно известном клане, в пяти поколениях сохранившем свои семейные ценности, принципы воспитания и кредо — делать то, чего еще не делал никто.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. В. Глаголева
РОТШИЛЬДЫ

Имя Ротшильдов давно превратилось в синоним власти и денег. Их называли банкирами королей и королями банкиров. Выходцы из франкфуртского гетто получили баронские титулы и заседали в парламентах Германии, Франции и Англии, вкладывали деньги в нефтедобычу, рудники и железные дороги, торговали хлопком, шерстью и табаком на пяти континентах. Их имя носят многочисленные виды насекомых, птиц, рыб и млекопитающих. Коллекционеры предметов старины и произведений искусства, конезаводчики и виноделы, художники, музыканты, писатели, ученые, жокеи, автогонщики, путешественники... Они участвовали в борьбе против фашизма, основали многочисленные благотворительные фонды и внесли огромный вклад в создание государства Израиль. В истории семьи были долгие жизни и таинственные смерти, крепкие браки и адюльтеры, дуэли и политические скандалы. Они — объект многочисленных теорий заговора. Несмотря на череду кризисов и потрясений, Ротшильды уже третий век являются неотъемлемой частью каждой исторической эпохи. Верные семейным традициям, они не сделали их догмой и еще не сказали своего последнего слова.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. Г. Петрова
НАХИМОВ

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова (1802—1855) вписано в историю воинской славы России. Выпускник Морского корпуса участвовал в трехгодичном кругосветном плавании, получил боевое крещение в Наваринском сражении против турецкого флота, строил и вооружал корабли в Архангельске, Кронштадте и Николаеве, защищал Черноморское побережье Кавказа от турок и горцев, руководил инженерными работами в Новороссийской бухте, одержал блестящую победу над турецкой эскадрой при Синопе. Нахимова называли душой обороны Севастополя — «русской Трои» — в Крымскую войну. Его жизнь и гибель являют собой яркий образец исполнения воинского долга. Каким образом уроженец сухопутной Смоленской губернии стал моряком? Как он был связан с русскими колониями в Северной Америке и почему привлечен к следствию по делу декабристов? За что его прозвали морским Суворовым? На эти вопросы отвечает книга историка и писателя Натальи Петровой, на основании опубликованных и архивных документов рассказывающая о жизненном пути флотоводца, ставшего национальным символом стойкости и мужества.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Ю. Карпов

ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Вниманию читателей предлагается биография одного из самых ярких правителей в истории Русского средневековья, великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо. Именно в годы его княжения (1176—1212) Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета, превратившись в сильнейшее русское государство, и от одного слова владимирского «самодержца» не раз зависели судьбы княжеских столов в Киеве, Новгороде, Галиче, Рязани и других городах. «Сей есть Всеволод всем русским нынешним князьям отец», — писал о нем книжник XVI века, и слова эти можно истолковать и так, что многие черты будущей российской государственности и политической жизни Московского царства были заложены в правление самого могущественного из владимирских князей. Вместе с вышедшими ранее биографиями отца Всеволода князя Юрия Долгорукого и старшего брата Андрея Боголюбского книга образует своего рода трилогию, в центре которой история Владимиро-Суздальского княжества — политического ядра будущей Восточной Европы.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Рабинер, В. Галедин
«ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ»

Е. Новицкий
«ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ»

Е. Лобанкова
«ГЛИНКА»

Г. Чернявский, Л. Дубова
«ПРЕЗИДЕНТЫ США»

Н. Петрова
«НАХИМОВ»

А. Карпов
«ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Устинов
«ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»

Д. Быков
«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ»

Е. Глаголева
«РОКФЕЛЛЕРЫ»

А. Якимович
«КАНДИНСКИЙ»

Г. Прашкевич, С. Соловьев
«СТИВЕН ДЖОБС»

М. Девлин
«НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

Константин Ковалев-Случевский

К. Ковалев-Случевский — известный писатель, историк, культуролог. Автор ряда книг, в том числе в серии «ЖЗЛ» (Бортнянский, Савва Сторожевский, Юрий Звенигородский, Евдокия Московская). Лауреат Патриаршей литературной премии, а также премии Александра Невского и дважды Национальной премии «Лучшие книги года». Некоторые книги переведены на иностранные языки.

Одним из самых известных и почитаемых в мире святых является Николай Чудотворец, бывший в IV веке епископом Мир Ликийских. Он считается покровителем моряков и бездомных, тюремных узников и детей. В чудеса его верят жители почти всей планеты. На Руси его называли «Русский Бог». В XI веке его мощи были перевезены в итальянский город Бари, куда ныне устремляются миллионы паломников, чтобы поклониться святителю и взять с собой частицу благоухающего чудесного мира. Дети зовут его Санта Клаус, он приносит подарки на Новый год. В книге собраны уникальные сведения о Николае Угоднике. Полное жизнеописание привлекает живым литературным языком и научно-историческим содержанием. Читателю предлагается ближе познакомиться с великим подвижником, рассказывается о событиях, связанных с его именем, начиная от эпохи становления христианской цивилизации в Европе до наших дней.

ISBN 978-5-235-04342-8

9 785235 043428 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ